

ISSN 2077-4885

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Исторические и психолого-педагогические науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 22

В четырех частях

Часть 1

Минск
РИВШ
2022

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по историческим и психолого-педагогическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Р е к о м е н д о в а н о
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 30 декабря 2021 г.)

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :
пред. редкол. д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсенюк*;
д-р филос. наук доц. *И. Н. Сидоренко*;
д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука*; д-р филос. наук проф. *В. В. Позняков*;
д-р ист. наук доц. *А. В. Мартынюк*; д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Чет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*;
д-р полит. наук проф. *С. В. Решетников*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьев*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. В. Алексашина

Белорусский государственный экономический университет, Минск

G. Alexashina

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 61(091)(476)"18/19"

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

MEDICAL ASSISTANCE TO THE CIVILIAN POPULATION IN THE CITIES OF BELARUS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

В статье исследованы такие виды медицинской помощи гражданскому населению в городах Беларуси, как стационарная, амбулаторная и скорая помощь, отмечено зарождение фабрично-заводских и ведомственных медицинских учреждений. Проанализировано количество больниц и приемных покоев в городах Беларуси в 1904 и 1910 гг., число медицинского персонала и мест в них; выявлена степень обеспеченности населения врачами и фельдшерами.

Ключевые слова: медицинская помощь; города Беларуси; гражданское население; амбулаторная помощь; скорая медицинская помощь; акушерская помощь.

The article examines such types of medical care to the civilian population in the cities of Belarus as inpatient, outpatient and ambulance care, the origin of factory and departmental medical institutions is noted. The number of hospitals and reception rooms in the cities of Belarus in 1904 and 1910, the number of medical staff and places in them were analyzed; the degree of provision of the population with doctors and paramedics was revealed.

Keywords: medical care; cities of Belarus; civilian population; outpatient care; emergency medical care; obstetric care.

Изучение уровня жизни населения, и одного из важнейших его аспектов – возможности получения медицинской помощи, на том или ином историческом этапе относится к актуальным проблемам современной отечественной историографии.

В конце XIX – начале XX в. процесс урбанизации белорусских губерний Российской империи значительно ускорился. Многие города превращались в промышленные, торговые, финансовые и транспортные центры. Одной из задач государственных и городских властей, прогрессивной общественности было обеспечение возрастающего числа горожан медицинской помощью.

Интерес к изучению медицинского обслуживания населения Беларуси на рубеже XIX–XX вв. проявляли как историки, так и медицинские ра-

ботники. Разнообразием данных о развитии медицинского обслуживания населения Беларуси в конце XIX – начале XX в. отличается монография Г. Р. Крючка [1]. Истории здравоохранения в Беларуси был посвящен ряд историко-медицинских конференций, защищены кандидатские диссертации по этой проблеме [2–4]. Вопросы санитарии городов рассматривает Т. В. Воронич [5]. Однако работы, посвященные изучению оказания медицинской помощи городскому населению Беларуси, в отечественной историографии практически отсутствуют.

Поэтом автором поставлена цель изучить оказание медицинской помощи – неотложной, стационарной и амбулаторной – гражданскому населению в городах Беларуси в конце XIX – начале XX в.

В конце XIX в. стационарную врачебную помощь горожане получали в губернских, уездных и городских больницах Приказа общественного призрения, еврейских больницах и частных лечебницах.

В начале 1890-х гг. в белорусских городах Виленской губернии (Лиде, Ошмянах, Вилейке, Дисне) работали 5 больниц (4 Приказа общественного призрения и 1 еврейская). В городах (вышеназванных и Друе) практиковали 12 врачей, 7 из них вели частную практику [Подсчет наш. – А. Г.: 6, с. 230–292; 6, с. 122–124].

В четырех городах Витебской губернии (Витебске, Дриссе, Лепеле, Полоцке) было 5 больниц (4 Приказа общественного призрения и 1 еврейская). Из них 2 (еврейская и губернская Приказа общественного призрения с психиатрическим отделением) находились в Витебске. В пяти городах (вышеназванных и Городке) насчитывалось 40 врачей (27 из них работали в Витебске), 31 фельдшер (17 – в Витебске), 27 повивальных бабок (16 – в Витебске), 7 врачей-стоматологов (все в Витебске) [8, с. 224–226].

В шести городах Гродненской губернии (Гродно, Бресте, Кобрине, Пружанах, Слониме, Волковыске) было 19 больниц Гражданского ведомства, 4 из которых функционировали в Гродно. В Гродно работали 18 врачей, 16 фельдшеров, 12 повивальных бабок, 3 врача-стоматолога. В 1895 г. в каждом городе имелось по одной больнице, находящейся в ведении Приказа общественного призрения [9, л. 17].

В Минской губернии больных принимали губернская больница с психиатрическим отделением в Минске и 8 городских Приказа общественного призрения в уездных городах (Бобруйске, Борисове, Игумене, Мозыре, Новогрудке, Пинске, Речице, Слуцке), 5 еврейских (по одной в Минске, Бобруйске, Новогрудке, 2 в Пинске) и больница Минского благотворительного общества. Всего работали 95 врачей, 180 фельдшеров, 64 повивальные бабки. Значительная часть медперсонала была в Минске – 43 врача и 82 фельдшера. Здесь в 1892 г. 1 врач приходился на 1173 жителя, 1 фельдшер – на 915 человек. В уездных и заштатных городах губернии – на 2493 и 1805 человек соответственно [10, с. 16–20].

В городах Могилевской губернии население могло обратиться за медицинской помощью в 12 больниц Приказа общественного призрения (по одной в каждом городе), 2 еврейские (Могилев, Гомель), железнодорожную (Гомель). Бесплатная лечебница при фельдшерской школе в Могилеве и больницы Приказа общественного призрения вели также амбулаторный прием. В городах работали 73 врача, 78 фельдшеров, 9 врачей-стоматологов, 52 повивальные бабки [11, с. 407–413].

Из-за нехватки денег сеть лечебных учреждений в городах развивалась медленно. На медико-санитарные нужды в 1892 г. в городах Беларуси выделялось около 1 % всех городских средств. И хотя к 1901 г. расходы по медицинской, санитарной и ветеринарной части увеличились почти в 5 раз, их удельный вес в общей сумме расходов городов оставался небольшим – 3,2 % [12, с. 44–46].

Больницы Приказа общественного призрения обслуживали преимущественно военнослужащих и работников государственных учреждений. Стоимость лечения в больницах Минской и Гродненской губерний составляла 7 руб. 20 коп., Могилевской – 6 руб. 45 коп. в месяц [1, с. 126], Витебской – 10 руб. в месяц [13, с. 60].

Еврейские больницы содержались за счет субсидий городского управления, еврейского общества, частных пожертвований, платы за лечение и др. Медицинская помощь оказывалась на платной и бесплатной основе.

Стоимость лечения в частных больницах колебалась в пределах 1,5–10 руб. в сутки. В некоторых из них практиковалась оплата по соглашению сторон [14, с. 29–31].

Позитивные изменения в медицинском обслуживании городского населения Беларуси обозначились в начале XX в. Согласно Положению об управлении земским хозяйством 1903 г., в ряде губерний Российской империи, в том числе Витебской, Минской и Могилевской, создавались управления по делам земского хозяйства. Приказы общественного призрения были ликвидированы, а лечебные учреждения переданы уездным и губернским земствам. Вводилось бесплатное медицинское обслуживание жителей этих губерний.

В 1904 г. в городах Беларуси насчитывалось 115 больниц и 20 приемных покоев, общее число мест в которых составляло 3166 и 108 соответственно. Работали 354 врача, 304 фельдшера [Подсчет наш. – А. Г.: 15, с. 84–87]. В 1910 г. медицинскую помощь оказывали в 109 больницах и 44 приемных покоях городов Беларуси с общим числом мест 4128 и 172 соответственно. В городах работали 422 врача и 456 фельдшеров [Подсчет наш. – А. Г.: 16, с. 96–99]. Как видим, за период 1904–1910 гг. число больниц сократилось на 5,2 %, а количество мест в них выросло на 30,4 %. Увеличилось число приемных покоев и мест в них на 120 и 59,3 % соответственно. Больше стало врачей (+19,2 %) и фельдшеров (+50,0 %).

Используя данные о численности населения в городах Беларуси, можно определить разнонаправленные тенденции в обеспечении врачами и фельдшерами. В 1910 г. по сравнению с 1904 г. число врачей на 10 тыс. горожан сократилось с 5,7 до 4,9, или на 14,4 %. За этот же промежуток времени число фельдшеров выросло с 4,9 до 5,3, или на 7,8 %.

Данные Центрального статистического комитета Российской империи о числе жителей, приходившихся на одного врача, в городах Беларуси в 1904 и 1910 г. дают возможность сравнить средние показатели с показателями обеспеченности врачами в конкретных городах. Используя эти сведения, можно получить расчетные данные числа врачей, приходившихся на 10 тыс. горожан. Так, в Минске в 1910 г. по сравнению с 1904 г. число врачей на 10 тыс. горожан выросло с 6,08 до 8,7, или на 30,3 %. Значит, в Минске в 1904 г. в сравнении со средними показателями обеспеченность врачами была выше в 1,1 раза, а в 1910 г. – в 1,8 раза. В Гродно за тот же период число врачей выросло с 4,1 до 8,9, т. е. в 2,2 раза, в Могилеве – с 4,6 до 8,5, т. е. в 1,8 раза. В сравнении со средними показателями в Гродно обеспеченность врачами в 1904 г. была меньше в 1,4 раза, а в 1910 г. была больше в 1,8 раза. В Могилеве по сравнению со средними показателями в 1904 г. число врачей было меньше в 1,2 раза, в 1910 г. – больше в 1,7 раза. Тенденция увеличения обеспеченности врачами наблюдалась в эти годы также в Бресте, Волковыске, Слониме, Бобруйске, Мозыре, Пинске, Лиде и др. [Подсчет наш. – А. Г.: 15, с. 84–87; 16, с. 96–99]. Следовательно, в ряде городов происходило постепенное увеличение числа врачей, приходившихся на 10 тыс. населения, что свидетельствовало о том, что все большее число граждан получало доступ к медицинской помощи.

В то же время в Витебске в 1910 г. по сравнению с 1904 г. число врачей, приходившихся на 10 тыс. горожан, сократилось с 5,0 до 3,4, или на 32 %. Подобная ситуация сложилась и в ряде других городов: Полоцке, Лепеле, Борисове, в городах Могилевской губернии (за исключением Могилева, Рогачева и Копыси), Кобрине, Пружанах, Вилейке, Дисне и др. [Подсчет наш. – А. Г.: 15, с. 84–87; 16, с. 96–99]. В сравнении со средними показателями обеспеченности врачами в Витебске была меньше в 1904 г. в 1,1 раза, а в 1910 г. – в 1,4 раза. Как видим, существовали разнонаправленные тенденции в изменении числа врачей, приходившихся на 10 тыс. горожан, что можно объяснить как разными темпами роста городского населения, так и разницей в размерах средств, выделяемых на медико-санитарное дело в губерниях. Так, с 1902 по 1913 г. в Минской губернии общие расходы на медико-санитарное дело выросли в 4,7 раз, а в Витебской и Могилевской – в 3,7, в неземских губерниях – Виленской и Гродненской – еще меньше – в 2,8 и 3,1 раза соответственно [1, с. 133].

В конце XIX – начале XX в. в городах получила развитие амбулаторная медицинская помощь. Инициатива в ее организации исходила от медицин-

ских обществ, предлагавших открывать бесплатные амбулатории, или, как они тогда назывались, лечебницы для приходящих больных. Первая такая лечебница была создана в 1870 г. Обществом витебских врачей. Члены Общества могилевских врачей способствовали открытию в 1895 г. лечебницы общества Красного Креста и вели в ней бесплатный прием. В 1879 г. Общество минских врачей открыло амбулаторную лечебницу, работавшую два года [4, с. 10]. В 1899 г. в Минске открылась первая городская амбулатория. Ее штат состоял из двух врачей, аптекаря и фельдшера [17, с. 4]. Вначале амбулатория проводила бесплатный прием, но спустя 2,5 года была установлена плата в размере 20 коп. [3, с. 22]. Малосостоятельные лица платили 10 коп. [17, с. 4]. В 1904 г. начала работать амбулатория при земской губернской больнице Минска. В 1908 г. Общество бобруйских врачей открыло свою амбулаторию [4, с. 11]. В Витебске в 1908 г. городская дума начала субсидировать амбулатории губернской земской и еврейской больниц. Здесь оказывали бесплатную врачебную помощь (включая лекарства) всем городским жителям 6 дней в неделю с 9 до 12 ч. [18, л. 41]. В 1912 г. в Витебске работали амбулатории при больнице Красного Креста, губернской земской и еврейской больницах, а также 2 частные и 2 железнодорожные амбулатории [1, с. 146]. Бесплатную медпомощь в Минске в 1913 г. можно было получить в амбулатории при губернской земской больнице, при еврейской больнице, в двух городских амбулаториях, 1-го Благотворительного общества, Лиги борьбы с туберкулезом, еврейского благотворительного общества «Мишмерес Хойлим», глазной амбулаторной лечебнице при обществе пособия бедным больным евреям. Платную помощь оказывали врачи С. Д. Каминский и Э. Б. Цукерман в своих амбулаториях. Работали 2 частные амбулаторные стоматологические лечебницы. В Бобруйске действовала амбулатория Бобруйского медицинского общества, в Речице – амбулатория еврейского благотворительного общества [19, с. 52–53]. Следовательно, в городах имелись разные формы организации амбулаторной помощи: при больницах, благотворительных и профессиональных обществах, а также частные и общественные городские амбулатории. Многие из них оказывали врачебную помощь бесплатно.

В начале XX в. для оказания скорой медицинской помощи в ряде городов Беларуси были организованы дежурства врачей. В 1908 г. такие дежурства появились в Витебске. Они проводились с 22.00 до 7.00 в помещении аптеки Общества пособия бедным больным евреям. Плата за визит была необязательной, но требовалось оплатить проезд врача [18, л. 41].

В августе 1908 г. были введены бесплатные суточные дежурства врачей при губернской земской больнице в Минске. В 1910 г. начали функционировать ночные дежурства с 20.00 до 8.00, учрежденные правлением общества помощи больным бедным евреям. Дежурили поочередно 7 врачей [20, с. 24]. Плата за вызов дежурного врача составляла от 20 до 50 коп. и 1 руб.

за проезд [3, с. 23]. В мае 1912 г. общиной сестер милосердия Красного Креста была приобретена карета скорой помощи. С этого времени начали осуществляться выезды к пациентам за плату 3 руб. [14, с. 35]. В Могилеве городское управление в 1912 г. также приобрело карету скорой помощи [1, с. 141].

В рассматриваемый период в городах развивалась и совершенствовалась акушерская помощь. В конце XIX в. в Могилеве уже действовал родильный институт повивальной школы на 25 мест. Функционировало родильное отделение на 6 мест при Гродненской повивальной школе, частный родильный приют в Бобруйске [1, с. 148]. В 1891 г. в Минске был открыт первый, а в 1895 г. – второй городской родильный приют на 19 мест. Штат приюта состоял из врача и трех акушерок [17, с. 4]. Помощь в стационаре получали только 12–14 % всех рожениц Минска [3, с. 26]. Однако к 1905 г. в Минске уже 75 % родов протекало при акушерской помощи [21, с. 272–276].

Прием женщин осуществлялся также при минской городской и фабрично-заводской амбулаториях. В 1903 г. был открыт родильный приют Российского товарищества защиты женщин, начали действовать гинекологические отделения в губернской и еврейской больницах. В 1913 г. минский городской родильный приют насчитывал 19 коек, помощь оказывалась бесплатно. Бесплатным было обслуживание и в родильном приюте на 9 мест при еврейской больнице [14, с. 29].

За медпомощью женщины могли обратиться и в частные больницы. Так, в Минске с 1904 г. действовал частный родильный приют акушерки Б. Л. Цукерберг на 2 места. В 1909 г. был учрежден частный родильный приют и лечебница по женским болезням докторов Б. Д. Иоэльсона и М. А. Поляка на 9 мест с платой от 2 до 5 руб. в сутки. К услугам женщин были и другие частные лечебницы с платой от 1,5 до 10 руб. в сутки [14, с. 29–30]. Частная акушерско-гинекологическая лечебница на 4 места работала в Пинске [1, с. 146].

В уездных городах специализированная медицинская помощь женщинам не получила широкого распространения. Женщины обращались за помощью в городские больницы, а также к частнопрактикующим акушеркам и повивальным бабкам. Выступая с докладом о санитарном состоянии Бобруйска на первом съезде врачей Минской губернии в 1908 г., врач П. А. Горский отметил, что в городе акушерская помощь населению отсутствовала, родильного дома не было [22, с. 265].

В городах Беларуси медицинскую помощь женщинам оказывали в 1904 г. 284 акушерки и повивальные бабки, в 1910 г. – 413 акушерок и повивальных бабок, т. е. их число выросло на 45,4 % [Подсчет наш. – А. Г.: 15, с. 84–87; 16, с. 96–99]. На 100 тыс. городского населения Беларуси в 1904 г. приходилось 45,6, в 1910 г. – 47,7 (+4,6 %) акушерок и повивальных бабок.

Таким образом, стационарной акушерской помощью лучше были обеспечены женщины в губернских городах. К положительным моментам относилось некоторое увеличение числа акушерок и повивальных бабок в городах в начале XX в.

Евреи, по свидетельству врачей того времени, были лучше обеспечены врачебной помощью, чем остальное население. Это было связано с большей распространенностью частной инициативы и благотворительности в еврейской среде. Один из докладчиков третьего съезда врачей Минской губернии доктор М. Л. Каценельсон отметил, что на окраинах Минска плата вольнопрактикующего врача составляла 50 коп., а в уездных городах – 30 коп., и высказал мнение, что «при таких гонорах население не стесняет себя в приглашении врача и не запускает болезни» [23, с. 292–300]. Его мнение разделял и врачебный инспектор Минской губернии С. Урванцов, отмечавший, что еврейское население лучше обеспечено медицинской помощью благодаря частной инициативе [17, с. 4].

В конце XIX – начале XX в. в городах Беларуси стала зарождаться бесплатная медицинская помощь для отдельных профессиональных групп горожан. Ряд промышленных предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, в рамках осуществления фабрично-заводского законодательства организовал бесплатную медицинскую помощь. В 1899 г. на окраине Минска была открыта первая бесплатная фабрично-заводская амбулатория, обслуживавшая рабочих преимущественно кожевенных заводов. В 1903 г. она была перенесена в центр города на ул. Юрьевскую. Рабочие получали бесплатно не только консультацию врача, но и все необходимые лекарства [24, с. 58–59].

У железнодорожников были собственные больницы с постоянным медицинским персоналом [25, с. 441]. Служащие железной дороги получали медицинскую помощь в трех амбулаториях Либаво-Роменской и амбулаторном приемном покое Александровской железных дорог в Минске, приемном покое Либаво-Роменской железной дороги в Бобруйске, Полесской дороги в Пинске [19, с. 52–53]. В Гомеле работала железнодорожная больница на 60 мест, в Витебске – 2 железнодорожные амбулатории [2, с. 85–87].

Вопрос об организации бесплатной медицинской помощи для работников отдельных ведомств мог решаться на городском уровне. Так, в 1905 г. в ответ на прошение служащих городской управы Пинска к ее председателю расходы на их лечение и членов их семей были возложены на городской бюджет [26, л. 47. – об. 49]. В 1913 г. в Минске при почтово-телеграфной конторе функционировала амбулатория, в которой лечились бесплатно чиновники конторы и их семьи [19, с. 52–53].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. произошли позитивные изменения в оказании медицинской помощи населению городов Беларуси. Увеличилось число лечебных учреждений (государственных, обществен-

ных и частных, в том числе благотворительных), медицинских работников в городах. Получили развитие такие виды медицинской помощи, как амбулаторная и стационарная, на платной и бесплатной основе, а также платная скорая медицинская помощь. Положительные сдвиги наблюдались в оказании акушерской помощи женщинам за счет развития стационарного и амбулаторного обслуживания, увеличения числа медперсонала. Было положено начало фабрично-заводскому и ведомственному медицинскому обслуживанию населения в городах Беларуси.

Список использованных источников

1. *Крючок, Г. П.* Очерки истории медицины Белоруссии / Г. П. Крючок. – Минск: Беларусь, 1976. – 264 с.
2. *Сысоев, В. А.* К истории развития сети лечебно-профилактических учреждений Витебска / В. А. Сысоев // Вопросы истории медицины и здравоохранения БССР: тезисы докладов IV научной конф., Минск, 28–29 фев. 1984 г.: в 2 ч. // Министерство здравоохранения БССР, Белорусское научное общество историков медицины, Минский медицинский институт; под ред. А. К. Косача. – Минск, 1984. – Ч. 1. – С. 85–87.
3. *Косач, А. К.* Развитие здравоохранения и медицины в городе Минске в период капитализма (1861–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. мед. наук: 784 / А. К. Косач; Мин. гос. мед. ин-т. – Минск, 1968. – 37 с.
4. *Молчанов, А. П.* Медицинские общества Белоруссии и их роль в развитии здравоохранения и науки: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 07.00.10 история науки и техники (медицина) / А. П. Молчанов; Всесоюзный научно-исследовательский ин-т медицинской и медико-технической информации МЗ СССР. – М., 1981. – 24 с.
5. *Ambrulevičiūtė, A.* Modernėjantys Vilnius, Kaunas, gardinas: miestų plėtra ir sanitarinės infrastruktūros pokyčiai 1870–1914 metais. Monografija / A. Ambrulevičiūtė, T. Voronič, /D. Žiemelis. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2019. – 344 p.
6. Памятная книжка Виленской губернии на 1890 г. / Вилен. губерн. стат. ком.; под ред. А. И. Шверубовича. – Вильна: Губерн. тип., 1889. – 687 с.
7. Памятная книжка Виленской губернии на 1891 г. / Вилен. губерн. стат. ком.; под ред. А. И. Шверубовича. – Вильна: Губерн. тип., 1890. – Ч. II. Справочно-статистические сведения по Виленской губернии. – 222 с.
8. Памятная книжка Витебской губернии на 1895 г. / Вит. губерн. стат. ком. – Витебск: Губерн. тип., 1895. – VII, 248, 59, XIV с.
9. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 1. Оп. 18. Д. 332.
10. Памятная книжка Минской губернии на 1892 г. / Мин. губерн. стат. ком. – Минск: тип. Губерн. правления, 1891. – XLIV, 196, 168 с.
11. Памятная книжка Могилевской губернии на 1893 г. / Могил. губерн. стат. комитет. – Могилев на Днепре: Тип. губерн. правления, 1893. – VII, [1], 441, LXXXIII с., [1] л. карт., [1] л. рис.

12. *Воронич, Т. В.* Доходные и расходные статьи бюджетов городов белорусско-литовских губерний в 1892 и 1901 гг. / Т. В. Воронич // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 3 ч. – Минск: РИВШ, 2019. – Вып. 19. – Ч. 1. – С. 39–47.
13. Обзор Витебской губернии за 1897 г. / Витебский губ. стат. комитет. – Витебск: Губ. тип., 1898. – 96 с., [50] л. табл.
14. Врачебный указатель гор. Минска / сост. Л. А. Бельник. – Минск: Типография Слепяна, 1913. – 38 с.
15. Города России в 1904 г. / Центральный статистический комитет М. В. Д. – СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1906. – 907 с.
16. Города России в 1910 г. / Центральный статистический комитет М. В. Д. – СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1914. – 1200 с.
17. *Урванцов, С. Н.* История развития врачебного дела в Минской губернии в дореволюционное время / С. Н. Урванцов. – Минск, 1928. – 6 с. Без обл. и тит. л.
18. Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НИАБ в Минске). – Фонд 2496. Оп. 1. Д. 4495.
19. Обзор Минской губернии за 1913 г. / Минский губ. стат. комитет. – Минск: Губ. тип., 1914. – 72 с., [21]с.
20. *Урванцов, С. Н.* К истории вопроса о ночных врачебных дежурствах в г. Минске / С. Н. Урванцов // Минские врачебные известия. – 1910. – № 10. – С. 24.
21. *Поляк, М. А.* Акушерская помощь в г. Минске / М. А. Поляк // Труды первого съезда врачей Минской губернии, 22–25 янв. 1908 г. / Общество минских врачей; под ред. М. А. Поляка. – Минск: Тип. Илья Каплан, 1908. – С. 272–276.
22. *Горский, П. А.* Санитарное состояние г. Бобруйска / П. А. Горский // Труды первого съезда врачей Минской губернии, 22–25 янв. 1908 г. / Общество минских врачей; под ред. М. А. Поляка. – Минск: Тип. Илья Каплан, 1908. – С. 259–268.
23. *Каценельсон, М. Л.* Организованная медицинская помощь среди еврейского населения Минской губернии / М. Л. Каценельсон // Труды третьего съезда врачей Минской губернии, 9–12 янв. 1914 г. / Общество минских врачей; под ред. М. А. Поляка. – Минск: Электротип. Илья Каплан, 1914. – С. 292–300.
24. *Алексашина, Г. В.* Врачебная помощь рабочим и служащим городов Центральной Беларуси (1890–1913 гг.) / Г. В. Алексашина // Вести института современных знаний. – 2009. – № 3. – С. 57–61.
25. *Бажанов, Д. Н.* О санитарной организации на железной дороге и взаимоотношениях между последней и организациями прочих правительственных и общественных учреждений / Д. Н. Бажанов // Труды третьего съезда врачей Минской губернии, 9–12 янв. 1914 г. / Общество минских врачей; под ред. М. А. Поляка. – Минск: Электротип. Илья Каплан, 1914. – С. 437–454.
26. НИАБ в Минске. – Фонд 712. Оп. 1. Д. 140.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

М. К. Альховік

Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт, Мінск

М. А́lchovik

Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 323.1(476) + 94(476) «1933/1937»

АСАБЛІВАСЦІ САВЕЦКАЙ НАЦЫЯНАЛЬнай ПАЛІТЫКІ Ў БССР У 1933–1937 ГГ.

FEATURES OF THE SOVIET NATIONAL POLICY IN 1933–1937, BSSR

У артыкуле на аснове архіўных дадзеных раскрыты асаблівасці нацыянальнай палітыкі 1933–1937 гг. у БССР. Выяўлена, што палітыка савецкай дзяржавы ў нацыянальнай сферы мела неадназначны, супярэчлівы характар. У выніку разгортвання палітычных кампаній супраць «гвалтоўнай беларусізацыі» склалася ўстойлівая тэндэнцыя выцяснення беларускай мовы з грамадска-палітычнага жыцця, а таксама са сфер адукацыі і друку. Захады ўлад у падтрымку «бальшавіцкай беларусізацыі» насілі хаатычны і бессістэмны характар. Тэндэнцыя да ліквідацыі нацыянальных школ, саветаў і іншых інстытутаў нацыянальных менаасцей не мела ўсёабдымнага маштабу і суправаджалася захадамі ў падтрымку іх нацыянальнай ідэнтычнасці.

Ключавыя словы: нацыянальная палітыка; нацыянальнае пытанне; беларусізацыя; нацыянальныя менаасці; нацыянальныя саветы; нацыянальныя школы.

Based on archival data, the article reveals the specifics of the national policy of 1933–1937 in the BSSR. It was found that the policy of the Soviet state in the national sphere had an ambiguous, contradictory character: As a result of political campaigns against «forced Belarusization» there has been a steady trend of the displacement of the Belarusian language from public and political life, as well as from the fields of education and the press. The measures taken by the authorities in support of the «Bolshevik Belarusization» were chaotic and unsystematic. The trend of eliminating national schools, national councils and other institutions of the national minorities did not have a comprehensive scale and was accompanied by measures to support their national identity.

Keywords: national policy; national question; Belarusization; national minorities; national councils; national schools.

Нацыянальная палітыка сярэдзіны 1930-х гг. займае асаблівае месца ў гісторыі БССР. У гэты перыяд саюзнае кіраўніцтва перагледзела канцэпцыю і практыку нацыянальнага будаўніцтва. Ніжняя мяжа артыкула вызначана пастановамі ЦК УКП(б) і СНК СССР «Аб сельска-гаспадарчых нарыхтоўках у Беларусі» ад 19 снежня 1932 г., ЦК УКП(б) «Аб скрыўленні нацыянальнай палітыкі УКП(б) у Беларусі» ад 2 сакавіка 1933 г., у адпаведнасці з якімі ў БССР пачалася палітычная кампанія супраць «гвалтоўнай беларусізацыі». У рашэнні ЦК УКП(б) «Аб рабоце

ЦК КП(б)Б і СНК БССР» ад 26 ліпеня 1934 г. была зафіксавана адмова савецкай улады ад далейшага разгортвання ў БССР сеткі нацыянальных школ, нацыянальных саветаў і іншых устаноў. Верхняя мяжа артыкула абумоўлена тым, што з прыняццем 27 ліпеня 1937 г. пастановы ЦК УКП(б) «Аб кіраўніцтве ЦК КП(б) Беларусі» ліквідацыя ўстаноў і арганізацый нацыянальных меншасцей набыла паслядоўны і сістэмны характар.

Прынцыповыя змены ў нацыянальнай палітыцы па-рознаму ацэньваюцца ў айчынай гістарыяграфіі. Адны даследчыкі інтэрпрэтуюць факты захавання ў сярэдзіне 1930-х гг. колькаснай перавагі беларускіх школ, тэатраў, друкаванай прадукцыі на беларускай мове, «падрыхтоўкі нацыянальных кадраў» як сведчанне таго, што ЦК КП(б)Б не адмовіўся ад усіх здабыткаў беларусізацыі [1; 2, с. 95]. Іншыя навучоўцы сцвяржаюць, што ў выніку рэалізацыі пастановы ЦК КП(б)Б «Аб зменах і спаршчэнні беларускага правапісу» ад 26 жніўня 1933 г., ЦК і ЦКК КП(б)Б па нацыянальным пытанні ад 6 і 22–23 снежня 1933 г. «вялікадзяржаўны шавінізм стаў асноўнай формай дзяржаўнай палітыкі», накіраванай на цэнтралізацыю і ўніфікацыю нацыянальнай сферы [3]. У калектыўнай манаграфіі «Гомельщина многонациональная» 1929–1933 гг. разглядаюцца як час спаду і зніжэння тэмпаў беларусізацыі, 1933–1935 гг. – згортвання беларусізацыі, а 1935–1937 гг. – поўнага кантролю Бюро ЦК КП(б)Б над выдавецкай дзейнасцю на беларускай мове [4, с. 95, 122, 132, 142–143]. У манаграфіі Л. М. Лыча адзначаецца, што ў першай палове 1930-х гг. назіралася «звужэнне маштабаў беларусізацыі», а ў другой палове 1930-х гг. савецкая ўлада праводзіла «дэбеларусізацыю» і «ліквідацыю нацыянальнай формы беларускай культуры» [5, с. 5–6].

Спыненне работы сярод нацыянальных меншасцей БССР звязваецца з разгортваннем у 1929–1930 гг. барацьбы супраць «нацыянальных ухілаў» [6, с. 84], прыняццем пастановы ЦК УКП(б) «Аб рабоце ЦК КП(б)Б і СНК БССР» ад 26 ліпеня 1934 г. альбо ігнараваннем рэспубліканскімі работнікамі прынятых у 1935 г. рашэнняў Прэзідыума Савета Нацыянальнасцей ЦВК СССР адносна польскага і нямецкага насельніцтва БССР. У калектыўнай манаграфіі «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.» вылучаюцца перыяды «значнага абмежавання правоў нацменшасцяў» (1929–1935 гг.) і «панавання цэнтралісцкіх тэндэнцый» (1936–1939 гг.) [7, с. 215]. Такім чынам, праблема асэнсавання сутнасці і асаблівасцей нацыянальнай палітыкі 1933–1937 гг. застаецца актуальнай і патрабуе спецыяльнага асвятлення.

Важным паваротным момантам у ажыццяўленні нацыянальнай палітыкі ў БССР з’яўлялася пастанова ЦК УКП(б) і СНК СССР «Аб сельскагаспадарчых нарыхтоўках у Беларусі» ад 19 снежня 1932 г., у якой адзначалася, што «гнілыя, перараджэнскія элементы ў партыі <...> скрозь прыкрываюць сваю антысавецкую работу фальшыва-нацыянальным сцягам» [8,

с. 148–149]. У пастанове ЦК УКП(б) «Аб скрыўленні нацыянальнай палітыкі УКП(б) у Беларусі» ад 2 сакавіка 1933 г. партыйныя і савецкія арганізацыі БССР абвінавачваліся ў тым, што яны «не вядуць бальшавіцкай барацьбы за асноўныя прынцыпы інтэрнацыяналізму і ў шэрагу выпадкаў патураюць буржуазна-кулацкім нацыяналістычным тэндэнцыям». Прызнаваліся недапушчальнымі любыя забароны на выкарыстанне рускай мовы ў побыце і ў зваротах да дзяржаўных або іншых органаў [9, с. 702–703].

14 сакавіка 1933 г. пленум ЦК і Мінскага ГК КП(б)Б асудзіў выпадкі «голага адміністравання без уліку канкрэтных асаблівасцей кожнага раёна» і «гвалтоўнай беларусізацыі» насельніцтва, якое лічыла сваёй роднай мовай рускую. У 1933 г. камісія па чыстцы партыйнай арганізацыі БССР на чале з М. К. Анціпавым канстатавала перавагу праяў «беларускага нацыяналізму», недастатковую ўвагу народнага камісарыята асветы БССР да рускіх школ і выкладання рускай мовы [10]. Пленум ЦК і ЦКК КП(б)Б ад 22–23 снежня 1933 г. абвінаваціў «беларускіх нацыяналістаў» у правядзенні «небальшавіцкай беларусізацыі», падрыхтоўцы і прасоўванні «нацдэмаўскіх кадраў на розныя ўчасткі сацыялістычнага будаўніцтва», імкненні аддаліць беларускую мову ад рускай у мэтах спрыяння замежнай інтэрвенцыі, выхаду БССР са складу СССР і рэстаўрацыі капіталізму [11, арк. 335].

Улады БССР разгарнулі масава-палітычныя кампаніі супраць «гвалтоўнай», «прымусовай», «нацдэмаўскай», «небальшавіцкай», «механічнай» беларусізацыі. Забаранялася публічна асуджаць і выносіць адміністрацыйныя пакаранні за няведанне ці неўжыванне беларускай мовы. Упаўнаважаны ЦК КП(б)Б дэкларавалі выязджалі на месцы з мэтай арганізацыі масавых сходаў па тлумачэнні змен у нацыянальнай палітыцы [12, арк. 93].

Радыкальная змена палітычных арыенціраў выклікала тэндэнцыю да пераходу партыйных, камсамольскіх, піянерскіх, прафесійных і кааперацыйных арганізацый, вайсковых часцей, работнікаў адміністрацыйных, гаспадарчых, судовых, палітыка-асветных і культурна-асветных устаноў на рускую мову. Так, 8 сакавіка 1933 г. Бюро ЦК КП(б)Б перавяло справаводства 2-й Беларускай ударнай дывізіі на рускую мову [13, арк. 44–48]. У 1933 г. на рускую мову перайшлі Мінскі гарадскі савет, работнікі мінскіх аддзяленняў Белкаапсаюза, Дзяржбанка, упаўнаважаны Народнага камісарыята цяжкай прамысловасці, да 1934 г. – Гомельскі гарадскі савет, цэнтральны працоўны кааператыў, гомельскія аддзяленні Белхлебгандлю, Белпрамгандлю, Дзяржбанка і г. д. [14, арк. 85; 4, с. 140]. Да мая 1934 г. спыніла сваё існаванне большасць гурткоў беларускай мовы [15].

Агульнаадукацыйныя школы з беларускай мовай навучання пераейшаму складалі большасць сярод школ БССР (у жніўні 1935 г. – больш за 91 %). Разам з тым маюцца звесткі аб тым, што ў 1936 г. на рускую мову

навучання перайшлі асобныя беларускія школы ў Віцебску, у 1937 г. – беларуская СШ № 3 у Гомелі [16, арк. 85]. Больш хуткімі тэмпамі адбываўся перавод на рускую мову навучальна-выхаваўчага працэсу ўстаноў вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійна-тэхнічнай адукацыі і рабфакаў. Так, у студзені 1933 г. выкладанне ў Барысаўскім запалкавым тэхнікуме было пераведзена на рускую мову [14, арк. 128]. У верасні 1933 г. Барысаўскі педтэхнікум быў афіцыйна рэарганізаваны ў рускі. У 1934 г. ад ужывання беларускай мовы адмовіліся прафесары, маладыя навуковыя работнікі і студэнты Беларускага Горацкага сельскагаспадарчага інстытута. Да канца 1934/1935 нав. г. на рускую мову перайшлі выкладчыкі Гомельскай беларускай саўпартшколы. Склалася тэндэнцыя змяншэння долі кніг, газет і часопісаў на беларускай мове. Так, калі ў 1933 г. кніжная прадукцыя на беларускай мове склала 1102 друк. адз., то ў 1937 г. – 375 друк. адз., на рускай мове – 31 друк. адз. і 243 друк. адз. адпаведна [17, с. 27–31].

Ва ўмовах барацьбы з «нацыяналізмам» спыніўся рост альбо заўважна скарацілася колькасць беларусаў на адказных і кіраўнічых пасадах. Так, у 1930 г. у складзе партыйна-савецкага, гаспадарчага і прафесійнага актыву Гомеля беларусаў налічвалася 45 %, у 1934 г. – 22 %. У 1932–1934 гг. працэнт беларусаў сярод сакратароў РК КП(б)Б зменшыўся з 72 % да 64 %, работнікаў гарсаветаў – з 53,2 % да 45,0 %, у кіраўніцтве райсаветаў – з 71,3 % да 65 %, у наркамаце лёгкай прамысловасці – з 28,6 % да 16,6 % і г. д. [18, арк. 118–119].

У мэтах пераадолення негатывіўных тэндэнцый у нацыянальнай сферы кіраўніцтва БССР ініцыявала правядзенне палітыка-ідэалагічных кампаній у падтрымку «бальшавіцкай беларусізацыі». У 1934 г. XV з’езд КП(б)Б заклікаў да ўзмацнення інтэрнацыянальнага выхавання, вывучэння беларускай мовы, гісторыі БССР, КП(б)Б і рэвалюцыйнага руху ў Беларусі. Пастановы ЦК КП(б)Б «Аб беларусізацыі марксісцка-ленінскага выхавання» ад 6–7 красавіка 1935 г. і «Аб выніках абмену партдакументаў у КП(б)Б» ад 26 верасня 1936 г. прадугледжвалі выхаванне і вылучэнне «беларускіх бальшавіцкіх кадраў» на адказныя і кіраўнічыя пасады, выкарыстанне беларускай мовы партыйнымі работнікамі, выкладчыкамі сеткі партыйнай асветы, укараненне пытанняў гісторыі, эканомікі і культуры Беларусі ў партыйнае навучанне [19, арк. 50–52]. У 1936 г. Барысаўскі РК КП(б)Б вынес пастанову аб выкарыстанні ў палітыка-асветнай рабоце толькі беларускай мовы. Калі ў верасні 1936 г. сярод сакратароў Гомельскага ГК КП(б)Б налічвалася 16 яўрэяў, 2 беларусы і 1 рускі, то ў канцы 1936 г. – 15 беларусаў, 6 яўрэяў і 1 паляк. У канцы 1936 г. у Гомелі доля беларусаў сярод сакратароў партыйных камітэтаў павялічылася з 19 % да 45 % [20, арк. 52].

Заўважнай акцыяй па ўмацаванні нацыянальнай самасвядомасці была кампанія, прымеркаваная да працэсу прыняцця Канстытуцыі БССР 1937 г.

і перапісу насельніцтва 1937 г. Падчас яе прапагандаваўся вобраз беларусаў, якія ганарыліся сваёй нацыянальнасцю, дзяржаўнасцю і «незалежнасцю» БССР, размаўлялі на «роднай беларускай мове», вучыліся ў беларускіх школах, чыталі беларускія кнігі і газеты, наведвалі пастаноўкі беларускіх тэатраў. Большасць работнікаў і грамадскіх актывістаў успрыняла палітыка-ідэалагічныя кампаніі ў падтрымку «бальшавіцкай беларусізацыі» ў якасці звычайнай фармальнасці. Шэраг удзельнікаў нарады сакратароў РК ЛКСМБ, загадчыкаў аддзелаў палітвучобы і прапагандыстаў вёскі, якая адбылася 13–15 снежня 1936 г., выказаў нязгоду з заявай дэлегата з Барысава Еўдасеева аб тым, што «ўсе нашы прапагандысты могуць выкладаць на беларускай мове» [21, арк. 38].

Змяніліся падыходы да работы сярод нацыянальных меншасцей. Ужо ў канцы 1933 г. накіраванне спраў у нацыянальныя суды «па адной нацыянальнай прыкмеце» было аб'яўлена грубым скажэннем нацыянальнай палітыкі. 1 красавіка 1934 г. Прэзідыум ЦВК БССР прыняў пастанову аб ліквідацыі ў чэрвені 1934 г. нацыянальных народных судаў. 3 лютага – 10 мая 1934 г. у Мінску быў закрыты польскі клуб імя Розы Люксембург [22, арк. 109–119]. Замест нацыянальных камісій 15 ліпеня 1934 г. быў створаны Адзел Нацыянальнасцей пры Прэзідыуме ЦВК БССР на чале з А. І. Гельнэрам, адказны за работу сярод нацыянальных меншасцей. Інструктары аддзела разам з работнікамі ЦСПСБ аналізавалі нацыянальны склад саветаў, школ і вызначалі стан абслугоўвання насельніцтва на роднай мове [23, арк. 24–25, 5].

Такім чынам, у БССР працэс ліквідацыі інстытутаў нацыянальных меншасцей пачаўся да прыняцця 26 ліпеня 1934 г. пастановы ЦК УКП(б) «Аб рабоце ЦК КП(б) і СНК БССР», у якой ЦК УКП(б) указаў на «няправільную палітыку і практыку насаджэння ў раёнах і сёлах з большасцю беларускага насельніцтва польскіх школ і прымусовага навучання дзяцей на польскай мове» і загадаў «перагледзець сетку і нацыянальны характар школ у духу найбольшага забеспячэння інтарэсаў беларускай мовы» [24, арк. 21, 19].

У лістападзе 1934 г. работа сярод польскага і нямецкага насельніцтва БССР абмяркоўвалася ў Палітбюро ЦК УКП(б), 16 мая 1935 г., 10 чэрвеня 1935 г., 29 кастрычніка 1935 г., 17 лютага 1936 г. – у Прэзідыуме Савета Нацыянальнасцей ЦВК СССР, у 1935–1937 гг. – ва Усесаюзным цэнтральным савеце прафесійных саюзаў і Камзеце [25, арк. 2–2зв.; 26, арк. 7, 91–93]. Адсутнасць выразнай стратэгіі ЦК УКП(б) і ЦК КП(б) у нацыянальным пытанні знайшла адлюстраванне ў рэспубліканскім заканадаўстве. У прынятай 19 лютага 1937 г. Канстытуцыі БССР падкрэслівалася нацыянальная роўнасць і права грамадзян на атрыманне адукацыі на роднай мове, але не згадвалася пра існаванне нацыянальных раёнаў і сельсаветаў. З тэксту практа Канстытуцыі БССР былі выкраслены палажэнні аб нацыянальных меншасцях, аб мовах нацыянальных меншасцей і раўнапраўі моў у БССР [27].

У чарнавым варыянце пастановы Бюро ЦК КП(б)Б «Па выніках праверкі партыйных дакументаў па Дзяржынскай партарганізацыі» ад 19 снежня 1935 г. адзначалася, што пад выглядам барацьбы з «гвалтоўнай паланізацыяй» РК КП(б)Б закінуў польскую работу і імкнецца ліквідаваць Дзяржынскі польскі раён, аднак у канчатковым тэксце ўказвалася на неабходнасць далейшай барацьбы з «гвалтоўнай паланізацыяй беларускіх дзяцей у польскіх школах» і ліквідацыі Дзяржынскага раёна. Адначасова былі пакінуты без адказу накіраваныя ў снежні 1934 г., 2 снежня 1935 г. і 19 кастрычніка 1936 г. лісты Бюро ЦК КП(б)Б у ЦК У КП(б) з просьбай санкцыянаваць рэарганізацыю Дзяржынскага польскага раёна ў беларускі [28, арк. 26; 29, арк. 194зв.]

Непаслядоўнасць саюзных і рэспубліканскіх улад у рабоце сярод нацыянальных меншасцей можна прасачыць і па тэндэнцыях развіцця друку. 25 снежня 1935 г. Бюро Дзяржынскага РК КП(б)Б спыніла выхад польскай раённай газеты «Szturmowiec Dzierżyńszczyzny», 4 студзеня 1936 г. выйшаў апошні нумар яўрэйскай газеты «Дэр Юнгер Арбайтэр». Разам з тым 9 ліпеня 1936 г. ЦК У КП(б) адмяніў рашэнне Бюро ЦК КП(б)Б ад 29 мая 1936 г. аб прыпыненні выхаду польскай газеты «Orka» і літоўскай газеты «Raundonasis Artojas». Зніжэнне накладаў кніг і перыядычных выданняў на ідыш, польскай і іншых мовах суправаджалася захадамі па забеспячэнні нацыянальных меншасцей друкаванай прадукцыяй на роднай мове. Так, у сакавіку 1936 г. Беларускае дзяржаўнае выдавецтва накіравала кітайскую літаратуру ў кітайскі інтэрнацыянальны калгас ім. Гікалы, асірыйскія кнігі – у Гомель, латышскія кнігі – у Віцебск і Лёзна, польскія, кітайскія, яўрэйскія, нямецкія і англійскія – у іншыя гарады БССР [30].

Адказныя і кіраўнічыя работнікі не адмаўлялі магчымасці існавання нацыянальных саветаў, калгасаў, школ, культурна-асветных устаноў і г. д. у месцах кампактнага пражывання нятытульнага насельніцтва, а ў выпадку іх рэарганізацыі ці ліквідацыі патрабавалі абслугоўвання латышоў, яўрэяў, палякаў на іх роднай мове «ў саветах, школах, дамах сацкультуры, калгасах і інш.», стварэння нацыянальных класаў пры беларускіх школах, падрыхтоўкі кадраў па рабоце з нацыянальнымі меншасцямі [31, арк. 172]. Захоўваўся курс на падбор кадраў паводле нацыянальнага складу насельніцтва, выдзяленне квот для «нацменаў» у савецкім апарате і ўстановах адукацыі. Пры кожным пераглядзе сеткі нацыянальных сельсаветаў, школ, клубаў, хатчытальняў і г. д. партыйна-савецкія работнікі знаходзілі прычыны, каб некаторыя ўстановы пакінуць нерэарганізаванымі [32, арк. 246; 33, арк. 106–140 зв.; 34, арк. 21].

З 1934 г. назіралася агульная тэндэнцыя змяншэння ліку устаноў нацыянальных меншасцей. Так, у Негарэльскім сельсавеце, дзе большасць насельніцтва з'яўлялася польскім па мове і самаідэнтыфікацыі, да 1935 г. не засталася ніводнай польскай школы [35, арк. 77]. Разам з тым у сярэдзіне

1930-х гг. у асобных мясцовасцях адкрываліся нацыянальныя школы і класы. Так, у 1933/1934 навучальным годзе ў пас. Чэхі Галоўчыцкага сельсавета Нараўлянскага раёна была адкрыта чэшская школа, у Гомелі – асірыйскія класы пры 9 чыгуначнай школе, у 1934/1935 навучальным годзе – цыганская няпоўная сярэдняя школа (НСШ) у Віцебску, нямецкая НСШ у Ельскім раёне [36, арк. 109].

Такім чынам, у сярэдзіне 1930-х гг. палітыка савецкай дзяржавы ў нацыянальнай сферы мела неадназначны, супярэчлівы характар. Імкнучыся рэалізаваць пастановы ЦК УКП(б) па нацыянальнай палітыцы ў БССР, рэспубліканскае кіраўніцтва разгарнула палітычныя кампаніі супраць «гвалтоўнай беларусізацыі», у выніку чаго склалася ўстойлівая тэндэнцыя выпяцнення беларускай мовы з грамадска-палітычнага жыцця, а таксама са сфер адукацыі і друку. Захады ў падтрымку «бальшавіцкай беларусізацыі» і вылучэння «беларускіх пралетарскіх кадраў» насілі хаатычны і бессістэмны характар. Адначасова ў сярэдзіне 1930-х гг. савецкая ўлада балансавала ў выбары генеральнай стратэгіі адносна нацыянальных меншасцей, таму тэндэнцыя да ліквідацыі нацыянальных школ, нацыянальных саветаў і іншых інстытутаў не мела ўсёабдымнага маштабу і суправаджалася захадамі ў падтрымку іх нацыянальнай ідэнтычнасці і асаблівасцей.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Хромченко, Д. Н. К вопросу о сроках и характере белорусизации в БССР в 1920–1930-е гг. / Д. Н. Хромченко // Сборник научных трудов сотрудников кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНТУ. – Минск, 2014. – С. 169–179.
2. Старовойтов, М. И. Научно-педагогическая и творческая интеллигенция белорусско-украинского пограничья в условиях белорусизации и украинизации: этнокультурный аспект / М. И. Старовойтов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2012. – № 4. – С. 95–103.
3. Лейзеров, А. Национальная политика в Беларуси в первые годы советской власти (1920–1939) / А. Лейзеров // Беларусь у XX стагоддзі / навук. рэд. В. П. Андрэеў. – Мінск, 2002. – Вып. 1. – С. 104–109.
4. Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века): в 2 вып. – Гомель: Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины, 1999–2000. / А. И. Зеленкова, М. И. Старовойтов. – 2000. – Вып. 2 – 155 с.
5. Лыч, Л. М. Міжваенная беларусізацыя і яе ўрокі / Л. М. Лыч. – Мінск: б. в., 2014. – 233 с.
6. Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века): в 2 вып. – Гомель: Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины, 1999–2000 / В. П. Пичуков, М. И. Старовойтов. – 1999. – Вып. 1. – 233 с.
7. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / Нац. Акад. навук Беларусі, Інст-т гісторыі; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.

8. На крутым павароце. Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929–1931 гг. Дакументы, матэрыялы, аналіз / НДІДАС; аўт.-склад. Р. П. Платонаў. – Мінск: НДІДАС, 1999. – 384 с.

9. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: сборник: в 2 кн. / МГУ им. М. В. Ломоносова, Фак-т гос. управл. и др.; сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. – М., 2005. – Кн. 1. : 1918–1933. – 784 с.

10. *Антипов, Н. К.* Чистка сделала КП(б)Б еще более сильным и сплоченным отрядом ВКП(б) / Н. К. Антипов // Рабочий. – 1933. – 28 дек.

11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 6352.

12. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 456.

13. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 6224.

14. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 5068.

15. *Вигдорович, Ф.* Неослабно продолжать борьбу с шовинизмом (от белорусского корреспондента «Правды») / Ф. Вигдорович // Правда. – 1934. – 29 мая. – С. 2.

16. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 7741.

17. Друк Беларускай ССР: 1918–1965 гг. – Мінск: Дзярж. К-тэт БССР па справах выдавецтваў, паліграфіі і кніжнага гандлю, 1967. – 91 с.

18. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 9119.

19. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 7704.

20. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 10122.

21. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 146.

22. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф. 1424. – Воп. 1. – Спр. 3.

23. НАРБ. – Ф. 265. Воп. 1. Спр. 4318.

24. Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці. – Ф. 153. – Воп. 1. – Спр. 14.

25. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 7781.

26. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 9169.

27. *Галадзед, М. М.* Аб праекце новай канстытуцыі Беларускай ССР / М. М. Галадзед // Большэвік Беларусі. – 1937. – № 2. – С. 6–28.

28. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 7798.

29. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 9149.

30. Литература на языках нацменьшінства // Рабочий. – 1936. – 21 мар. – С. 4.

31. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 9146.

32. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 7205.

33. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 9180.

34. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 9178.

35. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 7816.

36. НАРБ. – Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 7545.

(Дата подачы: 22.02.20022 г.)

З. В. Антановіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

Z. Antanovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 929:930:282/289(476)

**ОРГАНЫ ЕПАРХІЯЛЬНАГА КІРАЎНІЦТВА
ХРЫСЦІЯНСКІХ КАНФЕСІЙ НА БЕЛАРУСІ
Ў ГІСТАРЫЯГРАФІІ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТ.**

**BODIES OF THE DIOCESAN GUIDELINES OF CHRISTIAN
CONFESSIONS IN BELARUS IN THE HISTORIOGRAPHY
OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES.**

У артыкуле разглядаюцца працы расійскіх і замежных даследчыкаў ХІХ – пачатку ХХ ст., якія іх прысвяцілі канфесіяльнай гісторыі Беларусі. Аўтар прыходзіць да высновы, што даследчыкамі, сярод якіх было шмат прадстаўнікоў праваслаўнага духавенства, выкарыстоўваліся матэрыялы дзейнасці канфесіяльных устаноў розных узроўняў кіравання (Сінод, кансісторыі і інш.), а таксама нарматыўныя дакументы Расійскай імперыі. Прэваліравала тэматыка гісторыі праваслаўнай і уніяцкай царквы. Нягледзячы на тое, што ў даследаваннях органы епархіяльнага кіраўніцтва згадваюцца, аднак спецыфіка іх дзейнасці, нарматыўнае рэгуляванне і кадравае забеспячэнне фактычна застаюцца па-за ўвагай даследчыкаў.

Ключавыя словы: праваслаўная царква; уніяцкая царква; рымска-каталіцкая царква; пратэстанцкія царквы; гісторыяграфія ХІХ – пачатку ХХ ст.; органы епархіяльнага кіраўніцтва.

The article examines the works of Russian and foreign researchers of the XIX - early XX centuries, who dedicated them to the confessional history of Belarus. The author concludes that researchers, among whom were many representatives of the Orthodox clergy, widely used the activities of religious institutions of various levels of government (Synod, consistory, etc.), as well as regulations of the Russian Empire. The themes of the Orthodox and Uniate churches prevailed. Despite the fact that the research mentions the diocesan leadership, however, the specifics of their activities, regulations and staffing actually remain out of the attention of researchers.

Keywords: orthodox church; the Greek-catholic Church; the Roman Catholic Church; Protestant churches; historiography of the XIX – early XX centuries; diocesan leadership bodies.

Расійскія і замежныя даследчыкі ХІХ ст. шмат увагі прысвяцілі канфесіяльнай гісторыі. Гэта было абумоўлена шэрагам фактараў, сярод якіх можна вылучыць ролю канфесій на грамадска-палітычнай арэне дзяржавы, унутрыпалітычныя падзеі, якія патрабавалі асэнсавання і шырокага прадстаўлення, рэарганізацыі ў адміністрацыйнай структуры хрысціянскіх

канфесій. Апошняе адлюстравалася ва ўтварэнні органаў епархіяльнага кіраўніцтва (кансісторый), у архівах якіх былі сканцэнтраваны матэрыялы дзейнасці канфесіянальных устаноў Беларусі бягучага і папярэдняга перыядаў, што разам з ростам цікавасці да гісторыі і станаўленнем акадэмічнай адукацыі духавенства садзейнічала пашырэнню крыніцавай базы па азначанай праблематыцы.

Адным з першых да гісторыі праваслаўнай царквы на беларускіх землях увогуле і Магілёўскай епархіі ў прыватнасці звярнуўся яе епіскап канца XVIII ст. – Р. Каніскі, вядомы таксама як трымальнік і назапашвальнік калекцыі дакументаў, нарматыўных актаў Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай, частку з якіх ён апублікаваў [1; 2, с. 187–217]. Работу па жыццяпісанні іерархаў праваслаўнай царквы ажыццявіў яго сваяк І. І. Грыгаровіч [3]. Калі ў апошняй навуковай працы закранаецца роля епіскапаў у кіраўніцтве царквой на Магілёўшчыне, то непасрэдна ў даследаваннях Р. Каніскага перыяд існавання кансісторый, як органаў адміністрацыйна-тэрытарыяльнага кіраўніцтва ў межах епархій і духоўнага суда, не закранаецца. Да гісторыі фарміравання органаў епархіяльнага звярнуўся мітрапаліт Філарэт (В. М. Драздоў) на падставе шырокага кола крыніц нарматыўнага характару. Ён адзначыў, што структура кіраўніцтва і адпаведныя органы не былі ўведзены ў трох епархіях да падзелаў Рэчы Паспалітай, сярод якіх Беларуская [4, с. 7–12]. Яны ўводзіліся па агульнарасійскіх узорах, сфарміраваных на працягу XVIII ст. [5, с. 126–137]. Па звестках П. Гарючка расійскі ўзор кіравання быў распаўсюджаны на Магілёўскую епархію ў 1774 г. Аўтар на падставе матэрыялаў архіваў Сінода, канцэлярыі обер-пракурора, напасрэдна кансісторый і нарматыўных дакументаў падрабязна разгледзеў склад кансісторый. Ён падкрэсліваў значэнне епіскапаў у арганізацыі працы кансісторый, як Анастасія (А. С. Братаноўскі-Раманенка) [6, с. 36–40].

Шэраг даследаванняў прысвечана архівам органаў канфесіянальнага і епархіяльнага кіраўніцтва праваслаўнай царквы [7–9], што, улічваючы непаўнату захаванасці матэрыялаў іх дзейнасці ў сучасных сховішчах, актуалізуе запатрабаванасць гэтых прац даследчыкамі. Адначасова яны дазваляюць выявіць фактары, якія ўплывалі на стан архіваў падчас дзейнасці ўстаноў. Так, К. Я. Здравамыслаў акцэнтаваў, што ўпарадкаванне архіва нават такога органа кіраўніцтва, як Сінод, пачалося з утварэння спецыяльнай камісіі ў 1865 г. Д. А.Талстым, і прыводзяцца факты парушэнняў у працы архіварыусаў. Акрамя таго, К.Я. Здравамыславым прыводзіцца групіроўка спраў архіва Сінода, якая ўключае справы прамога і ўскоснага аднашэння да архіва, а таксама належачыя знішчэнню [7, с. 1–13]. Аўтар таксама прыпісвае дзейнасці камісіі распрацоўку палажэнняў для епархіяльных архіваў, агульных падыходаў да знішчэння спраў у правілах аб разборы архіўных дакументаў. Ён прыводзіць асобныя звесткі са складу архіваў

епархій, напрыклад па месцы захоўвання метрычных кніг Літоўскай (з 1642 г.) і Полацкай (з 1708 г.) уніяцкіх кансісторый. Па інфармацыі, якая мелася ў Сінодзе, у архіве Магілёўскай кансісторыі, напрыклад, былі справы з 1584 г., вопісы царкоўных маёмасцей з 1575 г. [7, с. 17–18]. На беларускіх землях матэрыялы архіваў праваслаўных кансісторый актыўна выкарыстоўваў А. П. Сапуноў [8; 9], аднак апублікаваныя ім матэрыялы пераважна тычацца перыяду да падзелаў Рэчы Паспалітай [10] і ўніяцкай царквы. У прыватнасці, гісторыю Полацкай епархіі ён разгледзеў на падставе археаграфічных публікацый і нарматыўных дакументаў, апублікаваных у Поўным зборы законаў Расійскай імперыі, выносячы ў асобную главу гісторыю ўніяцтва на Полаччыне [11, с. 115–139].

А. П. Сапуноў з’яўляўся не адзіным, каго зацікавіла гісторыя ўніяцтва на беларускіх землях, асабліва ўлічваючы абставіны ліквідацыі царквы. Так, П. Гарючка засяродзіў сваю ўвагу на Магілёўшчыне, адкуль ён паходзіў. Свае працы ён пачаў публікаваць на падставе выяўленых матэрыялаў у архівах і бібліятэках Магілёўшчыны і сталіц імперыі ў перыядычных выданнях праваслаўнай царквы, знаходзячыся ў Еўропе. У прыватнасці, ён выкарыстоўваў матэрыялы архіва Магілёўскай кансісторыі [12; 13, с. 3, 8, 10]. Шмат увагі ў сваёй даследчыцкай дзейнасці П. Гарючка надаў таксама іерархам праваслаўнай царквы [14–17].

М. В. Каяловічам была сфармулявана канфесіянальная канцэпцыя на падставе гістарыяграфіі, апублікаваных крыніц і матэрыялаў з архіваў обер-пракурора і Сінода, уніяцкіх мітрапалітаў, Грэка-ўніяцкай калегіі, а таксама з прыватных калекцый [18, с. 4–5]. Ён прасачыў рэарганізацыі ў кіраўніцтве ўніяцкай царквой [18, с. 114–385]. Ідэя М. В. Каяловіча развіліся ў працах С. Р. Рункевіча. Ён разгледзеў адміністрацыйна-тэрытарыяльныя рэарганізацыі Мінскай архіепархіі і фарміраванне яе кіраўніцтва на падставе шырокага кола архіўных матэрыялаў, у т. л. архіваў обер-пракурора і Сінода, Мінскай і Магілёўскай праваслаўных кансісторый, уніяцкіх мітрапалітаў, нарматыўных актаў і статыстычнай дакументацыі [19, с. XIII–XV]. Асаблівую ўвагу аўтар надаў ролі архіепіскапаў В. Садкоўскага і І. Пацёмкіна [19, с. 59–153, 357–516], у т. л. разгледзеў і стаўленне да ўніяцкай царквы [19, с. 154–295].

В. Лужынскі таксама быў прадстаўніком праваслаўнага духавенства, але ў адрозненне ад П. Гарючка займаў пасаду архіепіскапа. Ён акцэнтаваў перыяд Полацкага царкоўнага сабору і яго перадумовы, якія былі закладзены папярэднікамі, у прыватнасці І. Лісоўскім і І. Красоўскім, а таксама ўласную дзейнасць [20, с. 21–65]. У працы, якая носіць мемуарны характар, прыводзяцца асобныя дакументы, як у тэксце, напрыклад ліст мітрапаліта Р. Кахановіча архіепіскапу І. Красоўскаму [20, с. 43–46], так і ў дадатках [20, с. 281–312]. Як прадстаўнік архіепіскапа В. Лужынскі некалькі разоў быў камандзіраваны ў Беларускаю епархію і ў яго матэрыялах адлюстраваны

звесткі па месцы знаходжання і арганізацыі працы кансісторыі ў XIX ст. [20, с. 50–51, 66–67]. Падрабязна з пункту гледжання прадстаўнікоў праваслаўнай царквы працэс ліквідацыі ўніяцкай царквы разгледзеў Р. І. Шавельскі. Яе перадумовам, у т. л. стварэнню Беларускай епархіі, прысвечана толькі адна глава [21, с. 1–38], а асноўная частка ахоплівае 1833–1839 гг. Асноўнымі крыніцамі сталі матэрыялы архіва Полацкай праваслаўнай кансісторыі, з якіх увагу аўтара прыцягнулі справы В. Лужынскага і іншых епіскапаў, архіў канцылярыі Полацкага епіскапа, дзе ён сканцэнтраваўся на працы над пратаколамі В. Лужынскага. Акрамя таго, выяўленне матэрыялаў праводзілася ў архіве Віцебскага духоўнага праўлення і мясцовай семінарыі, Сінода і яго обер-пракурора, а таксама быў выкарыстан шэраг мемуарных крыніц [21, с. X–XVII].

У комплекснай працы Р. Я. Кіпрыяновіча, якая базіруецца на гістарыяграфіі і апублікаваных крыніцах пераважна нарматыўнага характару, разглядаецца распаўсюджанне ўніяцкай царквы як элемент акаталічвання насельніцтва беларускіх зямель. Ён разгледзеў падрабязна ўнёсак кожнага з уніяцкіх мітрапалітаў у распаўсюджанне царквы да падзелаў Рэчы Паспалітай [22, с. 60–136]. Шмат увагі аўтар надаў рымска-каталіцкай царкве. У адрозненне ад уніяцкай царквы, гісторыю апошняй Р. Я. Кіпрыяновіч разгледзеў і ў перыяд уваходжання беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі. Ён паспрабаваў таксама ацаніць каталіцкіх іерархаў, у прыватнасці С. Богуш-Сестранцэвіча [22, с. 136–187]. Р. Я. Кіпрыяновіч разгледзеў структуру адміністрацыяна-тэрытарыяльнага кіраўніцтва рымска-каталіцкай царквой і яе падпарадкаванне органам дзяржаўнай улады, а таксама прасачыў азначаныя рэарганізацыі да Мікалая II, аднак ім не разгледжана спецыфіка кожнай з дыяцэзіі [22, с. 137–186]. Ён пазітыўна ацэньваў вывадзенае рымска-каталіцкай царквы з-пад непасрэднага ўплыву Папы Рымскага, аднак канкардат 1847 г. лічыў значнай саступкай расійскага ўраду [22, с. 168]. Развіццё праваслаўя на беларускіх землях у XVIII–XIX ст. разгледжана Р. Я. Кіпрыяновічам разам з уніяцкай царквой. Пры гэтым органам епархіяльнага кіраўніцтва нададзена значна менш увагі ў параўнанні з апісаннем структуры рымска-каталіцкай царквы, акцэнтаваны тэрытарыяльныя рэарганізацыі кожнай з праваслаўных епархій і роля епіскапаў [22, с. 188–262].

Пазнаньскі біскуп-суфраган Э. Лікоўскі шмат увагі ў сваёй даследчыцкай дзейнасці прысвяціў уніяцкай царкве на беларускіх землях. Праца структуравана па панаванню расійскіх імператараў з акцэнтаваннем ролі ўніяцкіх іерархаў. У дадатку змешчана пяць дакументаў [23, с. 280–297], сярод якіх план ліквідацыі ўніяцкай царквы, які быў яшчэ раз апублікаваны на польскай мове з прадмовай і каментарамі ксяндза Т. Залескага ў 1882 г. [24]. У іншай працы Э. Лікоўскі прасачыў гісторыю ўніяцкай царквы са спроб рэалізацыі ідэй аб'яднання праваслаўнай і рымска-каталіцкай цэркваў да яе ліквідацыі,

аднак перыяд ўваходжання беларускіх зямель ахарактэрызаваны павярхова з акцэнтаваннем стаўлення да царквы імператараў ад Кацярыны II да Мікалая I [25, s. 143–189]. Ліквідацыі ўніцкай царквы таксама прысвечана праца А. Вярніцкага, які пераважна карыстаўся апублікаванымі крыніцамі [26, s. 3–4]. На пазіцыю аўтара значна паўплывалі падзеі паўстання 1863–1864 гг., у якіх ён убачыў нагоду пашырэння ціску на ўніяцкую царкву таксама ў Хелмскай губерні. Ён праводзіцца кампаратыўны аналіз развіцця ўніяцкай царквы ў беларуска-літоўскіх і польскіх землях пасродкам аналізу шэрагу публікацый [26].

Цікавасць даследчыкаў XIX ст. выклікала і развіццё пратэстанцкіх цэркваў і цячэнняў у праваслаўнай царкве. Так, В. В. Андрэеў на падставе абмежаванага кола гістарыяграфічных работ і апублікаваных крыніц лічыў, што раскол, характэрны для рускага насельніцтва, з перамяшчэннем яго носьбітаў на ўскраіны імперыі садзейнічаў русіфікацыі. Ён падзяліў раскол на тры перыяды: як рэлігійная секта да Пятра I, як палітычная пазіцыя да Кацярыны II, якая ўвяла адзінавер'е, і надалей яно развівалася як прамысловая і гандлёвая абшчына [27, с. VI–VII]. Аўтар надаў увагу трансфармацыі абшчын папоўцаў і беспапоўцаў, у т. л. з пункту гледжання геаграфічных умоў рассялення. В. В. Андрэеў сцвярджае, што з'яўленне стараабраднікаў у Ветцы са старадубскіх пасяленняў у часы Івана IV садзейнічала ўваходжанню гэтых тэрыторый у склад Расійскай імперыі пазней [27, с. 13, 15, 114–164, 294–326]. У. Андэрсан ахарактарызаваў найбольш распаўсюджаныя цячэнні [28], а доктар багаслоўя Лейпцыгскага ўніверсітэта І. Герынг акрамя гісторыі закрануў адносіны паміж праваслаўнай царквой і яе плынямі [29, с. 54–59]. Класічнай па гісторыі цячэнняў у праваслаўі з'яўляецца праца Ц. І. Буткевіча [30], а іх значэнне паспрабаваў ацаніць А. С. Пругавін [31], але яны не закраналі беларускіх стараабраднікаў у адрозненні ад працы П. С. Гарючка [32]. Значна меншай увагай даследчыкаў карысталіся лютэранскія і рэфарматарскія абшчыны [33–35].

Цікавае даследаванне таксама ажыццявіў польскі даследчык, магістр тэалогіі і канонік Люблінскай капітулы К. Дэмбінскі. Ён звярнуўся да гісторыі стараабраднікаў на падставе гістарыяграфіі і публікацый у перыядычным друку. К. Дэмбінскі разглядаў перыяд ад звестак пра існаванне невялікіх цячэнняў у праваслаўнай царкве XV ст. да пачатку XX ст. са спецыфікай іх вучэнняў і адзначыў, што іх паслядоўнікі былі жорстка падаўлены, але асобныя змаглі перамясціцца ў Літву і Польшчу, дзе заставаліся да 1840-х гг. [36, s. 7–8]. Аўтар таксама згадвае звесткі пра заснаванне папоўцамі разам з іерманахам Феадосіям манастыра ў Ветцы Магілёўскай губ. і яго развіццё [36, s. 29–35].

Гісторыяй рымска-каталіцкай царквы ў XIX ст. цікавіліся расійскія і замежныя навукоўцы, але яны карысталіся рознымі крыніцамі. Працай, якая базіравалася на шырокім коле матэрыялаў з архіва Магілёўскай кансісторыі,

стала двухтомная манаграфія расійскага дзяржаўнага дзеяча і даследчыка Д. А. Талстога [37], а на матэрыялах органаў дзяржаўнага і канфесіянальнага кіраўніцтва перыяд падпісання канкардату 1847 г. разгледзеў стацкі саветнік і будучы член-карэспандэнт імператарскай акадэміі навук А. М. Папоў [38]. Шырока выкастоўваў крыніцы з архіваў Апостальскай сталіцы і апублікаваныя ў Расіі матэрыялы і шырокую гістарыяграфічную базу даследчык А. Баду. Яго двухтомная манаграфія структуравана ў адпаведнасці з храналогіяй міждзяржаўных зносін, што абумовіла ўвагу аўтара да фарміравання і дзейнасці рымска-каталіцкіх кансісторый як аб'ектаў гэтых стасункаў, напрыклад пры вызначэнні адміністрацыйна-тэрытарыяльных межаў губерняў, прызначэнні вышэйшага кліру, падпісанні канкардату 1847 г., увядзенні рускай мовы ў дадатковае набажэнства. Аднак увага надаецца і асабовым якасцям арцыбіскупаў. Асобныя раздзелы працы прысвечаны ўніяцкай царкве [39, cz. 1, s. 156–187, 232–260; cz. 2, s. 7–92, 412–473]. Пры разглядзе структуры рымска-каталіцкай царквы А. Баду падкрэсліваў, што ўтварэнне Беларускай кансісторыі супярэчыла кананічнаму праву, што выклікала непрызнанне кансісторыі і яе кіраўніка Рымам [39, cz. 1, s. 22–23]. Польскі дыпламат М. Ларэт разгледзеў фарміраванне структуры кіраўніцтва рымска-каталіцкай царквой падчас панавання Кацярыны II і Паўла I [40; 41], а адміністрацыйна-тэрытарыяльную структуру – С. Ходзька [42].

Дзейнасць С. Богуш-Сестранцэвіча на пасадзе арцыбіскупа разгледзеў С. Шантыр [43]. Прафесар М. Гадлеўскі прысвяціў некалькі прац першаму мітрапаліту С. Богуш-Сестранцэвічу. Ён, базуючыся на працы Д. А. Талстога у ліку іншай гістарыяграфіі, Маскоўскага дзяржаўнага архіва, Санкт-Пецярбургскага галоўнага архіва і дзённіка С. Богуш-Сестранцэвіча падкрэсліў пазітыўныя стасункі паміж імператрыцай і мітрапалітам, што натхняла яе на перамовы з Рымам па прызнанні біскупа і магчымасці атрымання ім мітры кардынала. Гэтыя перамовы таксама інтэнсіўна працягнуў Павел I, але пры Аляксандры I увага да іх зменшылася [44, s. 1–24]. Ён жа разгледзеў зносіны С. Богуш-Сестранцэвіча з апошнім польскім каралём Станіславам Аўгустам, аднак гэтая праца носіць больш папулярны характар, нягледзячы на заяўленае выкарыстанне неапублікаваных крыніц [45]. Бібліяграфічнае выданне па магілёўскіх арцыбіскупах ажыццявіў Я. Васілеўскі на падставе архіва Рымска-каталіцкай духоўнай калегіі, Дэпартаменту замежных веравызнанняў міністэрства ўнутраных спраў Расійскай імперыі, а таксама публікацый. Апошнія дазволілі яму характарызаваць таксама асабістыя якасці кіраўнікоў архідыяцэзіі і іх уплыў на ажыццяўленне імі абавязкаў [46].

Такім чынам, гістарыяграфія канфесіянальнай гісторыі на беларускіх зямлях у XIX – пачатку XX ст. прадстаўлена ў значнай ступені даследаваннямі праваслаўнага акадэмічнага духавенства, а прадстаўнікі іншых канфесій прымалі абмежаваны ўдзел да пачатку XX ст. Апублікаваныя пра-

цы расійскіх даследчыкаў базіраваліся на шырокім коле крыніц, пераважна з архіваў праслаўных кансісторый і органаў канфесіянальнага кіраўніцтва (Сінод), нарматыўных дакументах і мемуарнай літаратуры. Замежныя гісторыкі канфесій карысталіся апублікаванымі крыніцамі і матэрыяламі з архіваў Рыму. За выключэннем прагэстанцкіх цэркваў, даследчыкі акцэнтавалі ўнёсак вышэйшага кліру ў развіццё канфесій. Пры гэтым маецца шэраг уласцівасцей даследаванняў хрысціянскіх канфесій. Так, найбольшую ўвагу прыцягнула праслаўная і ўніяцкая царквы, што адлюстроўвала канфесіяльную палітыку Расійскай імперыі. Архівы кансісторый разглядаюцца для асобных праслаўных і ўніяцкіх епархій, што абумоўлена ўключэннем апошніх па прыналежнасці тэрыторый праслаўным епархіям. Цэнтральнай тэматыкай пры даследаванні ўніяцкай царквы стала яе ліквідацыя. Гэтую тэматыку ўздымалі не толькі расійскія даследчыкі, якімі быў сфармуляваны ўласны падыход да ацэнкі згаданых падзей, але і польскія з выкарыстаннем крыніц з Рымскіх архіваў. Міжнародныя зносіны разглядаліся ў дачыненні рымска-каталіцкай царквы, што абумоўлена яе падпарадкаваннем. Развіццё прагэстанцкіх цэрваў разглядалася для тэрыторый ўсёй імперыі, а асаблівая ўвага даследчыкаў належала вучэнням. Пры чым фактычна не выкарыстоўваюцца матэрыялы дзейнасці абшчын. Аднак, нягледзячы на ўвагу гісторыкаў да канфесіянальнай гісторыі, у даследаваннях XIX – пачатку XX ст. органы епархіяльнага кіраўніцтва згадваюцца, аднак спецыфіка іх дзейнасці, нарматыўнае рэгуляванне і кадравое забеспячэнне фактычна застаюцца па-за ўвагай даследчыкаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Теплова, В. А.* Церковная история Беларуси в трудах отечественных историков XIX – начала XX века // XIII Междунар. Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры, Минск, 24–26 мая 2007 г.: материалы чтений «церковь перед вызовом глобальной цивилизации» / Ин-т теологии им. св. Мефодия и Кирилла, Бел. гос. ун-т культуры и искусств; отв. ред. и сост. А. Ю. Бендин. Минск, 2008. – С. 171–186.
2. *Конисский, Г.* Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа белорусского с портретом и жизнеописанием его / Г. Конисский // Изд. прот. Иоанном Григоровичем. – СПб.: Тип. Рос. акад., 1835. – Ч. 1–2.
3. *Грыгаровіч, І. І.* Беларуская іерархія / І. І. Грыгаровіч. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1992. – 102 с.
4. *Дроздов, В. М.* Филарет. История русской церкви. Период пятый: синодальное управление (1721–1826 гг.) / В. М. Дроздов, В. М. Филарет. – М.: Тип. Готье и Монгетти, 1848. – 199 с.
5. *Барсов, Т. В.* Синодальные учреждения прежнего времени / Т. В. Барсов. – СПб.: Литография Ив. О. Пухира, 1897. – 249 с.
6. *Горючко, П. С.* Из истории органов управления Могилевской епархией конца XVIII-го и начала XIX-го столетия / П. Горючко. – Могилев губ.: Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1903. – 32 с.

7. *Здравомыслов, К. Я.* Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы / К. Я. Здравомыслов. – СПб.: Синодальная типография, 1906. – 61 с.
8. *Сапунов, А. П.* Архив Полоцкой духовной консистории / А. П. Сапунов. – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1898. – 102 с.
9. *Сапунов, А. П.* Архивы в городах Могилеве губ. и Минске / А. П. Сапунов. – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1902. – 14 с.
10. *Сапунов, А. П.* Витебская старина / А. П. Сапунов. – Витебск: Тип. Витебс. губернского правления, 1888. – Т. 5: Материалы для истории Полоцкой епархии. – 447 с.
11. *Сапунов, А. П.* Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX века / А. П. Сапунов; сост. и изд. А. Сапунов. Витебск, 1889. – 172 с.
12. *Горючко, П. С.* Из истории воссоединения униатов в Белоруссии 1795–1805 годов / П. С. Горючко. – Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1902. – 76 с.
13. *Щеглов, Г. Э.* Платон Горючко: библиографический очерк / Г. Э. Щеглов. – Минск: Изд-во Минской духовной акад., 2017. – 32 с.
14. *Горючко, П. С.* Афанасий Вольховский, епископ Могилевский и Полоцкий (с 5 марта 1795 года по 27 августа 1797 года) / П. С. Горючко. – Могилев: Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1902. – 31 с.
15. *Горючко, П. С.* Иларион Кондратковский, пятнадцатый епископ Могилевский / П. С. Горючко // Могилевская епархия. Историко-статистическое описание. – Могилев на Днепре: Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1908. – Т. 1. – Вып. 2, ч. 1. – С. 395–410.
16. *Горючко, П. С.* Материалы для биографии архиепископа Георгия Конисского: завещание владыки, кончина и погребение его, оставшееся по нем наследство / П. С. Горючко. – Могилев: Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, [1902]. – 12 с.
17. *Горючко П. С.* Иларион Кондратковский, епископ Могилевский и Полоцкий (с 1 сентября по 24 октября 1797 года) / П. С. Горючко. – Могилев: Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1902. – 11 с.
18. *Коялович, М. О.* История воссоединения западнорусских униатов / М. О. Коялович. – Минск: Лучи Софии, 1999. – 400 с.
19. *Рункевич, С. Г.* История Минской архиепископии (1793–1832 гг.) с подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с православной церковью в 1794–1796 гг. / С. Г. Рункевич. – СПб.: Тип. А. Катанского, 1893. – 639 с.
20. *Лужинский, В.* Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого / В. Лужинский. – Казань: типография Императорского университета, 1885. – 312 с.
21. *Шавельский, Г.* Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / Г. Шавельский. – СПб.: Тип. «Сельского вестника», 1910. – 464 с.
22. *Киприанович, Г. Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до нашего времени / Г. Я. Киприанович. – 2-е изд. – Вильна: Тип. И. Бломовича, 1899. – 351 с.
23. *Likowski, E.* Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku / E. Likowski. – Poznań: Nakładem i drukiem J. Leitgebra, 1880. – 495 s. – Ч. 2. – 1906.

24. Plan zniesienia grecko-unickiego w Rosyi / Skład: T. Zaleski – Krakow: nakladem I czcionkami drukarni «Czasu», 1882. – 45 s.
25. *Likowski, E.* Historia unii kościoła ruskiego z kościołem rzymskim / E. Likowski. – Poznań: M. Leitgeber, 1875.
26. *Wernicki, A.* O przesładowaniu kościoła unickiego (według źródeł moskiewskich) / A. Wernicki. – Lwów: nakład wydawnictwa «Mrowki», 1869. – 127 s.
27. *Андреев, В. В.* Раскол и его значение в народной русской истории. Исторический очерк / В. В. Андреев. – СПб.: Тип. М. Хана, 1870. – 416 с.
28. *Андерсон, В.* Старообрядчество и сектанство: исторический очерк русского религиозного разномыслия / В. Андерсон. – СПб.: Тип. Первой труд. артели, [1908]. – 460 с.
29. *Геринг, И.* Раскол и секты русской церкви. (1003–1897): по их происхождению и внутр. связи, излож. проф. д-ром богословия Лейпциг. ун-та Иоганном Герингом / И. Геринг; пер. с нем. проф. прот. Т. Буткевича. – СПб.: Журн. «Миссионер. обозрение», 1903. – Ч. 1–2. – 116 с.
30. *Буткевич, Т. И.* Обзор русских сект и их толков / Т. И. Буткевич. – Харьков: Тип. губернского правления, 1915. – 287 с.
31. *Пругавин, А. С.* Раскол и сектанство в русской народной жизни. С критическими замечаниями духовного цензора / А. С. Пругавин. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1905. – 95 с.
32. *Горючко, П. С.* Материалы для истории раскола старообрядчества в Могилевской губернии конца XVIII и начала XIX столетий / П. С. Горючко. – Могилев: Тип. Губернского правления, 1902. – 25 с.
33. *Вашкевич, В.* Исторический обзор законодательства об устройстве евангелическо-лютеранской церкви в Прибалтийском крае / В. Вашкевич. – СПб.: Тип. МВД, 1890.
34. *Плисс, В. И.* Исторический очерк проникновения и распространения реформации в Литве и Западной Руси // Христианские чтения / В. И. Плисс. – 1914. – № 2. – С. 199–234.
35. *Gernet, A.* Die evangelisch-lutherischen Gemeinden in Rußland. Eine historisch-statistische Darstellung. Bd. 2. – St. Petersburg: J. Buchdruckerei / A. Gernet. – Watsar, 1909. – XXXI + 420, XV + 220 + IX s.
36. *Debinski, K.* Raskol i sekty prawoslawnej cerkwi rossyjskiej (skic historyczny) / K. Debinski. – Warszawa: Nakład biblioteki dzieł chrześcijańskich, 1910. – 168 s.
37. *Толстой, Д. А.* Римский католицизм в России / Д. А. Толстой. – СПб.: Тип. В. Ф. Демакова, 1876. – 2 т.
38. *Попов, А. Н.* Сношения России с Римом с 1845 г. по 1850 г. / А. Н. Попов. – СПб.: Печатня В. Головина, 1871. – 275 с.
39. *Boudou, A.* Stolica Święta a Rosja: dyplomatyczne stosunki między nimi w XIX stuleciu / A. Boudou; przekład z francuskiego Z. Skowrońskiej. – T. 1: 1814–1847. – Kraków: Wydawnictwo księży Jezuitów, 1928. – 608 s.; T. 2: 1848–1883. – Kraków: Wydawnictwo księży Jezuitów, 1930. – 680 s.
40. *Loret, M.* Kościół katolicki a Katarzyna II / M. Loret. – Kraków-Warszawa: Drukarnia W. K. Anczyca, 1910. – 321 s.

41. *Loret, M.* Kościół katolicki w zaborze rosyjskim za panowania Pawła I / M. Loret. – Kraków-Warszawa: Drukarnia W. K. Anczyca, 1928. – 345 s.

42. *Chodźko, I. B.* Diecezja Mińska około 1830 roku. T. 1: Struktury parafialne / I. B. Chodźko; Oprac. I wyd. M. Radwan. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1998. – 263 s.; T. 2: Struktury zakonne. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1998. – 213 s.

43. *Szantyr, S.* Zbiór wiadomości o kościele i religii katolickiej w Cesarstwie Rosyjskim, a szczególnie w prowincjach od Polski przyłączonych od czasu pierwszego rozbioru Polski aż do końca panowania Alexandra I i początków panowania Mikołaja I. Zebrany z piśm urzędowych, dokumentów i własnego widzenia jednego urzędnika rządowego – rosyjskiego / S. Szantyr. – Poznań: Wydawnictwo i druk. W. Stefańskiego, 1843. – Cz. 1–2. – 405 s.

44. *Godlewski, M.* O kardynalacie S. Siestrzencewicza-Bogusza / M. Godlewski. – Wilno: Księgarnia Stow. Naucz. Polskiego. – 24 s.

45. *Godlewski, M.* Arcybiskup Siestrzencewicz i Stanisław August w Petersburgu / M. Godlewski. – Kraków: Drukarnia «Przeglądu powszechnego», 1928. – 19 s.

46. *Wasilewski, J.* Arcybiskupi i administratorowi archidiecezji Mohilewskiej / J. Wasilewski. – Pińsk: Drukarnia diecezjalna, 1930. – 198 s.

(Дата падачы: 05.02.2022 г.)

Ю. Ю. Афанасенко

Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла
Белорусского государственного университета, Минск

Y. Afanasenka

Saints Methodius and Cyril Institute of Theology
of Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)+27

«ВАРЯЖСКАЯ МИССИЯ» НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ: МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

“VARANGIAN MISSION” IN BELARUSIAN LANDS: MYTHS AND REALITY

Эпоха распространения христианства на древнерусских и, в частности, белорусских землях вызывает как у светских, так и конфессионально ориентированных ученых неподдельный интерес. Выяснение первенства византийского, латинского или иных истоков христианства, остается одной из актуальных и нерешенных историографических задач на протяжении более трехсот лет. В данной статье дается анализ историографических подходов по одному из таких, ставших уже традиционным для отечественных исследователей, вопросов, а именно о миссии Торвальда Кодрансона (по прозвищу Путешественник).

Ключевые слова: Торвальд Путешественник; Древняя Русь; История Беларуси; Средневековье; христианизация; миссия; Полоцкое княжество.

The epoch spread of Christianity in Old Russian and, in particular, Belarusian lands arouses genuine interest among both secular and confessionally oriented scientists. Clarification of superiority of the Byzantine, Latin or other origins of Christianity has remained one of the urgent and unresolved historiographic tasks for more than three hundred years. This article provides an analysis of historiographical approaches to one of such questions, which have already become traditional for national researchers, specifically about the mission of Thorvald Kodransson (called the Traveler).

Keywords: Thorvald the Traveler; Ancient Rus; History of Belarus; Middle Ages; Christianization; Mission; Polotsk principality.

В историографии сложилась традиция выделения лидирующей роли Полоцкой земли в процессе христианизации и политогенеза на белорусских землях в период Средневековья. Данным вопросам уделено достаточно много внимания. Отсюда представляется необходимым рассмотреть одно из «благочестивых» преданий, традиционно связанных с христианизацией Полоцкой земли, и сложившихся на его базе историографических представлений. Довольно часто в рамках изучения процесса христианизации белорусских земель в белорусской историографии встречается упоминание о Торвальде Кодранссоне, прозванном Путешественником (ок. 950 – ок. 1002), которое иногда плавно перетекает из сугубо научного дискурса в религиозно-агиографический. Ввиду крайней дискуссионности проблемы и широкой популярности данного эпизода в последнее время хотелось бы представить некоторые историографические подходы в решении данного вопроса.

В данном контексте следует начать непосредственно с первоисточников данного предания, поскольку иногда это играет решающую роль при рассмотрении проблемы. Мы намеренно опускаем биографические сведения о Торвальде, так как они неоднократно публиковались в тех или иных исследованиях [см. Список источников].

Выдержки из текста «Пряди о Торвальде Путешественнике» по странной редакции древнейшей из дошедших рукописей втор. пол. XIV в.: «<...> Он (Торвальд) отправился странствовать по миру [и дошел] до самого Йорсалира (Иерусалима), чтобы посетить святые места. Он прошел по всему Греческому государству и пришел в Миклагард (Константинополь). Сам верховный конунг (византийский император) принял его с большим почетом и дал ему много прекрасных даров в знак своей дружбы, ибо такова была Божия милость, [дарованная] ему, и куда бы он не приходил, впереди него о нем среди людей летела слава, что он был почитаем и уважаем как малыми (=простыми) людьми, так и великими как оплот и хранитель истинной веры и как прославленный апостол нашего Господа (букв. господина)

Иисуса Христа, также уважаем самим кесарем Константинополя и всеми хёвдингами (вождями) и не в меньшей мере всеми епископами и аббатами повсюду в Грикланде (Византии) и Сюрланде (Сирии). Более всего он был в почете на Аустрвеге (Восточном пути), куда был послан кесарем в качестве предводителя или правителя, поставленного над всеми конунгами в Руцланде и во всем Гардарике (оба слова обозначают Русь). Торвальд Кодранссон с самого основания построил там прекрасный монастырь рядом с тем собором, который посвящен Иоанну Крестителю, и сделал в него большой вклад. С тех пор то место так и называется по его имени монастырем Торвальда. В том монастыре он и закончил свою жизнь, и там погребен. Тот монастырь стоит у подножия высокой горы, которая называется Дрёвн» [1, с. 16; 2, с. 4; 4, с. 246; 5, с. 188–189; 6, с. 191–192; 7, с. 428].

Текст «Пряди о Торвальде Путешественнике» краткой редакции по рукописи второй четверти XIV в.: «Отправился Торвальд тогда прочь в Миклагард и приобрел большое уважение верховного конунга. А затем велел он построить монастырь и сделал в него большой вклад, и в том самом монастыре закончил он свой век, ведя праведную жизнь» [5, с. 192; 6, с. 193].

Текст из «Саги о крещении» по рукописи нач. XIV в.: «Торвальд Кодранссон и Стефнир Торгильссон встретились после исчезновения конунга Олава. Они вместе странствовали по свету и дошли до самого Йорсалахейма, а оттуда до Миклагарда и также до Кэнугарда (Киева), что на восток вдоль Непра (Днепра). Торвальд умер в Руции (Руси), недалеко от Палл-тескьи (Полоцка). Там он погребен на одной горе у церкви Иоанна Крестителя, и они называют его святым. Так говорит Бранд Путешественник: “Пришел я туда, где Торвальду, сыну Кодрана, Христос дарует покой. Там он похоронен на высокой горе, вверх по Дравну подле церкви Иоанна”» [1, с. 16; 2, с. 3; 3, с. 102–103; 6, с. 194–196; 7, с. 428].

Белорусскому исследователю А. А. Мельникову данный эпизод представляется чрезвычайно интересным, и он относит сказание ко времени становления христианства в Полоцке [8, с. 18]. Исследователь акцентирует внимание на том, что Торвальд «умер неподалеку от Полоцка, где в это время уже был храм во имя Иоанна Предтечи» [8, с. 18]. А. А. Мельников делает предположение, что позже, в XIII столетии, при этой Предтечевой церкви возник монастырь, документально упомянутый в XIV в. [8, с. 18]. Иногда в некоторых изданиях данное событие подается описательно, например: «По мнению многих исследователей, храмы в Полоцке возводились и ранее, возможно, даже до поставления в городе первого епископа. В исландской “Саге о крещении”, где описываются события конца X века, упоминается церковь во имя св. Иоанна Крестителя, находившаяся неподалеку от древнего Полоцка. Позднее при этой церкви будет основан Св. Иоанно-Предтеченский монастырь» [9, с. 8]. Сказание о Торвальде и его миссионерской деятельности неоднократно транслировалось в разных публикациях бело-

русского историка и археолога С. В. Тарасова и было зафиксировано в академическом издании по истории Беларуси [10, с. 280] (см. критику: Э. М. Загорюльский [11, с. 338], Ю. А. Заяц [12, с. 20–21]). С. В. Тарасов считает, что есть основания полагать, что Торвальд некоторое время проповедовал веру Христову в Полоцкой земле, где существовала христианская община и была построена церковь, вероятно, сначала деревянная [10, с. 280].

Белорусский исследователь Д. В. Дук указывает, что первая христианская община появилась в Полоцке в конце X в. Он ссылается на предание о том, что исландский миссионер Торвальд Путешественник является основателем древнейшего полоцкого монастыря Св. Иоанна Предтечи на так называемом Острове (ок. 1000 г.), расположенном на Западной Двине и впоследствии ставшем частью полоцкого посада [13, с. 5; 14, с. 18]. Атрибутирование и верификация основателя как Торвальда Кодранссона, прозванного Путешественником, и локализация данного монастыря, который действительно существовал с таким названием в Полоцке и был основан в XII или XIII в., имеют давнюю историографию [6, с. 195]. Церковь Иоанна Предтечи упоминается в позднейших актовых грамотах XIV в. [15, с. 42; 16, с. 14]. Советский и российский историк-скандинавист Т. Н. Джаксон указывает, что вопрос о церкви Иоанна Крестителя остается открытым [17, с. 140].

Из общего контекста указанного свидетельства можно заключить, что имеется в виду практика основания так называемых ктиторских монастырей и храмов, что характерно для Византийской империи. Церковный историк И. К. Смолич подчеркивает, что «такие монастыри обыкновенно получали наименование по имени святого покровителя ктитора <...>; эти обители становились потом родовыми монастырями, они получали от ктиторов деньги и другие дары и служили им семейными усыпальницами. Почти все обители, основанные в домонгольскую эпоху, то есть до середины XIII в., были именно княжескими или ктиторскими монастырями» [18, с. 24–25; 19, с. 298]. В таком случае, согласно данной практике, Торвальд носил христианское имя Иоанн, из чего следует, что вопрос о его конфессиональной принадлежности по-прежнему остается открытым...

В 1996 г. белорусский археолог М. В. Климов провел раскопки на предполагаемом месте размещения монастыря Иоанна Предтечи, местонахождение которого локализовать не удалось [13, с. 20; 20, с. 46]. Выбор места раскопок исследователь аргументировал тем, что местонахождение этого монастыря традиционно связывают с так называемым Островом, Задвинской частью Полоцка, который расположен на левом берегу Западной Двины, напротив Софийского собора [20, с. 46]. Проведенные исследования не обнаружили остатков фундаментов древнего храма и монастыря Иоанна Предтечи, равно как не дало результатов решение вопроса об их местонахождении [20, с. 48]. В восточной части Острова зафиксированы остатки

культурного слоя, который можно датировать XI–XII веками. Он был почти полностью разрушен в результате перестройки и перекопок, поэтому в основных шурфах траншеи был найден материал с XI по XX в. Однако обнаружение фрагментов плинфы, как и ранее, так и в 1996 г., косвенно свидетельствует, по мнению М. В. Климова, о том, что кирпичный храм на Острове существовал, и для его обнаружения требуется приложить новые усилия [20, с. 48].

Опираясь на исследовательские данные Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельниковой и др., белорусский исследователь Б. В. Сердюк поддерживает предположение о том, что Торвальд Путешественник обратился с проповедью к своим соотечественникам – варягам, проживавшим в поселении близ Масковичей, – одного из форпостов Полоцкой земли на северо-западных рубежах [21, с. 19]. Однако автор не учел то обстоятельство, что помимо Масковичей о наличии варяжских поселений свидетельствуют археологические данные из Прудников, Гнездово и других мест [22, с. 15–36]. Впрочем, исследователь ставил перед собой задачу не столько выяснить место расположения храма или монастыря, основанных Торвальдом, сколько его «конфессиональную» принадлежность [21, с. 19]. В частности, автор придерживается мнения о том, что Торвальд был латинским миссионером, аргументируя свою позицию тем, что в Масковичах обнаружены латино-рунические памятники XI–XIII вв. [21, с. 19] Данная точка зрения имеет право на существование, так как учитывает исторические реалии того времени.

Шведский историк белорусского происхождения А. Котлярчук, анализируя археологические данные поселения Масковичи, в свою очередь отмечает, что среди найденных рунических надписей встречаются и буквы кириллического алфавита [22, с. 18]. Исследователь предполагает, что «кириллицей пользовались именно скандинавы – население Масковичей, – которые, согласно полоцкой традиции, были формально христианами восточного обряда. Формально, потому что на примере Масковичей мы видим феномен «двуверия». Среди большого количества языческих заговоров и рисунков встречаются рисунки креста, металлические нательные крестики. Кстати, простая равноконечная форма крестов из Масковичей напоминает кресты рунических камней Упланда» [22, с. 18]. Судя по контексту изложения материала, автор предполагает, что Торвальд был, как и другие викинги, носителем восточной версии христианства [22, с. 38–39]. Подобной точки зрения придерживается белорусский исследователь М. Н. Самонова [23, с. 88–89]. Ряд оригинальных версий, по локализации мест, связанных с пребыванием Торвальда Путешественника на Полоцких землях, приводят авторы статьи в «Энциклопедыі гісторыі Беларусі» [2, с. 3–4; 24, с. 516]. В любом случае процесс христианизации на данном примере сужается до уровня локальной этнической общины. Б. В. Сердюк полагает, что «локальность проповеди Торвальда и ее скандинаво-латиноязычный харак-

тер косвенно подтверждается отсутствием упоминаний об этом успешном и плодотворном миссионере в древнерусских источниках» [21, с. 19].

В целом не совсем понятна цель данной «варяжско-скандинавско-византийской миссии» для своих соотечественников, в силу того, что это вероятно была уже сложившаяся христианская община, которая нуждалась скорее в священнике, а не в миссионере. Кто были эти соотечественники, ввиду археологических данных, которые указывают на полиэтничность упоминаемой общины? Впрочем, как отмечает российский исследователь А. М. Кузнецова, подобного рода миссии можно отнести к категории «добровольных». Автор подчеркивает, что «добровольные» миссии предпринимались по инициативе отдельных энтузиастов, среди которых особенно прославились ирландские и англосаксонские странствующие монахи, воодушевленные монашескими идеалами «паломничества во имя Христа» [25, с. 36–37]. Стоит учесть замечание А. М. Кузнецовой относительно того, что «миссии к нехристианским народам со стороны христианских соседей, как “официальные”, так и “добровольные”, часто использовались для распространения в той или иной форме власти первых на общество последних» [25, с. 37]. В нашем случае подобный контекст миссии Торвальда Кодранссона прослеживается лишь отчасти.

Советский историк-медиевист Е. А. Рыдзевская в целом критически подходит к оценке значения скальда Бранда Путешественника и отмечает некоторые параллели биографий Торвальда Путешественника и Олафа Трюггвасона [1, с. 16–17]. По мнению белорусского историка и археолога Э. М. Загорюльского, «представляется малоубедительной попытка использования сомнительных источников для доказательства значительного участия западных латинских миссионеров в распространении христианства в Полоцкой и Туровской землях. Явно некритично излагаются, например, сведения скандинавской саги, повествующей о Торвальде Путешественнике, который, согласно саге, по пути из Иерусалима в Скандинавию прошел через Киевскую Русь и основал под Полоцком монастырь, возле которого и был похоронен. Эти события относят к X в. Как и все материалы подобного рода, сага не может претендовать на абсолютную точность в изложении описанных событий. Очень сомнительно, что по пути домой Торвальд успел заложить или даже построить в Полоцке или около него церковь Иоанна Крестителя и основать монастырь. Никаких следов этих построек никто не смог обнаружить. Нет упоминаний о полоцкой церкви Иоанна Крестителя и в письменных источниках древнерусского времени. <...> Подобный источник слишком специфичен, и если и содержит в себе какую-то историческую информацию, то она должна быть проверена и перепроверена традиционными источниками, которые всегда и во все времена были, есть и будут приоритетными в историческом исследовании» [11, с. 338]. Скептически оценивает данный источник белорусский ученый Ю. А. Заяц, который под-

черкивает: «Нет сомнения, что христианство также пришло на территорию Беларуси в восточно-православной форме. Все попытки некоторых авторов доказать, что христианство было распространено здесь выходцами из скандинавских стран, не вызывают доверия» [26, с. 13].

Рассмотрев аргументы и контраргументы, касающиеся миссии Торвальда Путешественника, следует коснуться весьма оригинальной точки зрения, изложенной А. Котлярчуком, который подчеркивает, что «точно известно, что с 986 г. Торвальд жил и проповедовал слово Христово в Полоцке, где и умер около 1000 г.» [22, с. 238]. Исследователь декларативно и однозначно указывает на то, что «Крещение Беларуси» произошло не в 988 г., а в 986 г. [22, с. 235]. В другом месте своего исследования А. Котлярчук приводит несколько расширенную версию интересующих нас событий: «В 986 году Торвальд прибывает в Полоцк вместе с помощником Стефниром Торгильссоном. Кто-то из полоцких варягов помогал миссионерам с переводом проповедей на белорусский язык. Миссия была настолько успешной, что Торвальд решил не двигаться дальше и остаться в Полоцке. Тут был построен храм и монастырь Св. Иоанна “недалеко от места под горой под названием Дрёфн”. В Полоцке состоялась встреча Торвальда с другим вигингом-христианином Олавом Трюгтвасоном (969–1000). <...> Торвальд остался руководителем созданного им монастыря Св. Иоанна. Он умер в Полоцке около 1000 года...» [22, с. 234]. Предположение о том, что Торвальд прибыл в Полоцк не ранее 986 г. поддерживает М. Н. Самонова [23, с. 89]. Однако А. Котлярчук делает хронологическую ошибку, описывая далее (ок. 1000 г.) события захвата Полоцка князем Владимиром и убийство Рогволода, допуская при этом, что в это время мученически пострадал и Торвальд Кондранссон [22, с. 235]. При этом автор ранее уже излагал данное событие в верной хронологической последовательности [22, с. 8–9]. К сожалению, автор данные мифологемы никак не аргументирует (см. критику [27]).

Возвращаясь к событиям распространения христианства в Полоцкой земле в интересующий нас период, советский и российский историк и археолог Л. В. Алексеев полагает, что «первая церковь» была срублена в самом Полоцке, т. е. на городище первоначального города [28, с. 46]. Судя по всему, речь идет об упоминании в Полоцке церкви Богородицы, которая, возможно, находилась на детинце (Рогволодовом городище) [14, с. 25]. Подчеркнем лишь то, что монастырь в средневековье, помимо своего непосредственного значения как культового центра, выполнял также культурно-просветительскую и хозяйственную роль. Поэтому наличие монастыря и церкви в городе (Полоцке) более вероятно и целесообразно с точки зрения выполнения городом центральной роли в распространении христианства среди окружающих родоплеменных центров. М. Н. Самонова предполагает, что в целом успех миссии Торвальда в Полоцке (основание монастыря,

признание его святости местным населением) была достигнута благодаря княжескому патронату Изяслава и Рогнеды [23, с. 90].

Таким образом, на основании анализа сведений о появлении первых свидетелей христианской веры на территории современной Беларуси (в частности, в Полоцкой земле) можно сделать вывод о развитии на белорусских землях в период Средневековья так называемой византийской модели христианизации. Данную точку зрения поддерживает большая часть исследователей. Во многом это связано с существенным дефицитом источников по рассматриваемой нами проблеме. Несмотря на крайнюю популярность и определенную «экзотическую» привлекательность версии о миссионерской и просветительской деятельности Торвальда Путешественника, стоит отметить, что многие данные начинают обрстать мифической составляющей. Безусловно, в решении вопроса о генезисе христианства на белорусских землях в период Средневековья стоит исходить из превалирующей и лидирующей роли в его распространении правящей династии.

Список использованных источников

1. *Рыдзевская, Е. А.* Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Триггвасоне / Е. А. Рыдзевская // АН СССР, ИРЛИ; ред. А. С. Орлов. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – Т. 2. – С. 5–20.

2. *Рыч, В.* Ранняя сьвятыня на Беларусі (Паводля Ісландзкай Сагі) / В. Рыч // Божым шляхам. – 1965. – Студзень-Люты. Год XIII. – № 1(88). – С. 3–4.

3. Древнерусские города в древнескандинавской письменности: тексты. Перевод. Комментарий / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. – М.: Наука, 1987. – 206 с.

4. *Августин (Никитин, Д. Е.), архим.* О почитании святых в Русской Православной Церкви (Из истории русско-скандинавских церковных связей) / архим. Августин Никитин // Богословские труды; редкол.: Питирим, митр. Волоколамский и Юрьевский (председ.) [и др.]. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 1987. – Сб. 28. – С. 246–261.

5. Пряди истории: Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии / пер. с древнеисландского И. Б. Губанов, В. О. Казанский, М. В. Панкратова, Ю. А. Полуэктов. – М.: Водoley Publishers, 2008. – 320 с.

6. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – Т. V: Древнескандинавские источники. – 384 с.

7. *Мельникова, Е. А.* Эпоха князя Владимира в древнеисландской литературе / Е. А. Мельникова // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Междунар. науч. конф. в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 окт. 2015 г. / Рос. Акад. наук, Ин-т рос. истории, Ин-т археологии, Науч. совет «Роль религий в истории»; отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Назаренко. – М.; Вологда: Древности Севера, 2017. – С. 410–441.

8. Мельников, А. А. Путь непечален: исторические свидетельства о святости Белой Руси: к 1000-летию Православной Церкви на Беларуси / А. А. Мельников. – Минск: Издание Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата, 1992. – 239 с.
9. Шейкин, Г. Н. Полоцкая епархия: ист.-стат. обозрение / Г. Н. Шейкин. – Минск: Свято-Петро-Павлов. собор, Белорус. Православ. братство трех вилен. мучеников, 1997. – 95 с.
10. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 1. Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – 351 с.
11. Загорульскі, Э. М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века / Э. М. Загорульский; вступ. ст. В. А. Тепловой. – 2-е изд., доп. – Минск: Изд-во «Четыре четверти», 2014. – 532 с.
12. Заяц, Ю. А. Распаўсюджванне хрысціянства на беларускіх землях / Ю. А. Заяц // Матэрыялы па гісторыі Беларусі: зб. / рэдкал. М. П. Касцюк (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Нацыянальны інстытут адукацыі, 1998. – С. 16–21.
13. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д. У. Дук. – Наваполацк: ПДУ, 2010. – 180 с.
14. Дук, Д. В. Полоцк в эпоху княжения Владимира Святославича: трансформация городской структуры и политические реалии / Д. В. Дук // Историки-слависты МГУ: Кн. 11: Многоликий и беспокойный славянский мир: науч. сб. в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисёнка. – М.: Издатель Степаненко, 2016. – С. 12–26.
15. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв.: тексты / АН СССР. Ин-т истории СССР; сост. д-р ист. наук А. Л. Хорошкевич. – М.: [б. и.], 1977. – Вып. 1. – 228 с.
16. Кривонос, Ф. П., прот. Лекции по истории Православной Церкви Беларуси / прот. Феодор Кривонос. – Минск: ВРАТА, 2012. – 240 с.
17. Джаксон, Т. Н. AUSTR Í GÖRÐUM: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках / Т. Н. Джаксон. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – 207 с.
18. Смолич, И. К. Русское монашество, 988–1917: Возникновение, развитие и сущность; Жизнь и учение старцев: Путь к совершенной жизни: Прил. к «Истории Рус. Церкви» / И. К. Смолич; пер. с нем. – М.: Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 1997. – 606 с.
19. Курбатов, Г. Л. Христианство. Античность. Византия. Древняя Русь / Г. Л. Курбатов, Э. Д. Фролов, И. Я. Фроянов. – Л.: Лениздат, 1988. – 333 с.
20. Клімаў, М. В. Археалагічныя працы 1996 года на Востраве ў Полацку / М. Клімаў // Acta archaeologica Albaruthenica / уклад. М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2009. – Vol. V (Вып. 5). – С. 46–49.
21. Сердюк, Б. В. Какое христианство проповедовал Торвальд Путешественник? / Б. В. Сердюк // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. – Минск: РИВШ, 2019. – Вып. 12. – С. 14–19.
22. Катлярчук, А. С. Шведы ў гісторыі і культуры беларусаў / А. С. Катлярчук. – 2-е выд., папр. і дап. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007. – 303 с.

23. *Самонова, М. Н.* «Пришел я туда, где Торвальду, сыну Кодрана, Христос дарует покой»: к вопросу об участии скандинавов в христианизации Полоцка / М. Н. Самонова // *Colloquia Russica. Ser. I. материалы VIII междунар. науч. конф. «Религии и верования Руси (X–XVI вв.)»*, Львов, 15–18 нояб. 2017 г. / *Univ. Jagielloński*; науч. ред. В. Нагирный. – Krakow, 2018. – Vol. 8. – С. 85–92.

24. *Белы, А.* Торвальд Кадрансан / А. Белы, В. Рыч // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]*. – Мінск: БелЭн, 2001. – Т. 6. Кніга 1: Пузыны – Усая. – С. 516.

25. *Кузнецова, А. М.* Миссии латинской церкви: опыт христианского Запада и Центральной и Юго-Восточная Европа на рубеже второго тысячелетия / А. М. Кузнецова // *Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Российская акад. наук. Ин-т славяноведения; отв. ред. Б. Н. Флора*. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 35–59.

26. *Заяц, Ю. А.* Да праблемы распаўсюджвання хрысціянства на Беларусі / Ю. А. Заяц // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. – 2013. – Вып. 24. Даследаванне сярэднявечных старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (памяці Ю. А. Заяца). – С. 12–17.

27. *Гацак, М.* Разрушители мифов: Торвальд Путешественник и крещение Полоцка [Электронный ресурс] / Максим Гацак // Сайт Крыніца.INFO. – Режим доступа: <https://krynica.info/ru/2016/07/19/razrushiteli-mifov-torvald-puteshestvennik-i-kreshhenie-polocka/>. – Дата доступа: 25.01.2022.

28. *Алексеев, Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. / Л. В. Алексеев; Ин-т археологии РАН. – М.: Наука, 2006. – Кн. 2. – 167 с.

(Дата подачи: 21.02.2022 г.)

А. І. Багдановіч

Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, Мінск

A. Bogdanovich

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 94(41/99)

«ВЫПАДКОВЫЯ ЛЮДЗІ» У ПАЎСТАННІ 1863–1864 ГГ.

«RANDOM PEOPLE» IN THE UPRISING OF 1863–1864

У артыкуле апісваецца працэс уцягвання ў паўстанне 1863–1864 гг. прадстаўнікоў розных пластоў грамадства, якія не жадалі асабіста прымаць удзел у баявых дзеяннях. Людзей, адданых ідэі аднаўлення Рэчы Паспалітай у межах 1772 г. і гатовых змагацца са зброяй у руках, у беларускіх губернях было няшмат. Паўстанцы імкнуліся напоўніць кадравы голад «выпадковымі людзьмі», гэта значыць тымі, каго ўцягнулі ў паўстанне падманам, шантажом або запалохваннем. З прычыны гэтага баявыя якасці шматлікіх атрадаў былі вельмі нізкімі, што стала адной з важных прычын паразы.

Ключавыя словы: Польшча; Літва; Беларусь; паўстанне; выпадковыя людзі; Канстанцін Каліноўскі; Літоўскі правінцыйны камітэт; Цэнтральны нацыянальны камітэт; царскае войска.

The article describes the process of involvement in the uprising of 1863–1864 representatives of various classes of society who did not want personally take part in hostilities. There were few people in the Belarusian provinces who were committed to the idea of restoring Rzeczpospolita in 1772 and were ready to fight with arms. Therefore, the “personnel shortage” was sought to be blocked by “random people”, that is, those who were involved in the uprising by deception, blackmail or intimidation. As a result, the fighting qualities of many detachments were extremely low, which was one of the important reasons for the defeat.

Keywords: Poland; Lithuania; Belarus; insurrection; random people; Konstantin Kalinovsky; Lithuanian Provincial Committee; Central National Committee; royal army.

У беларускай і расійскай гістарыяграфіі вялікая ўвага надаецца прычынам паражэння паўстання 1863–1864 г. у Польшчы, Літве і Беларусі. Сярод іх вылучаюцца наступныя:

1. Адсутнасць адзінства ў кіруючых колах паўстання, супярэчнасці паміж Цэнтральным нацыянальным камітэтам і Літоўскім правінцыйным камітэтам. Адхіленне «чырвоных» ад кіраўніцтва ЛПК і захоп улады ў кіраўніцтве паўстаннем «белымі», якія імкнуліся не дапусціць яго перарастання ў шырокамаштабную сялянскую рэвалюцыю [1, с. 237].

2. Абмежаваная праграма паўстання – патрабаванне адраджэння Рэчы Паспалітай, выключыла магчымасць шырокага ўдзелу ў паўстанні сялян Беларусі і Літвы, для якіх асноўны лозунг польскіх дваран-рэвалюцыянераў быў зусім чужым.

3. Адсутнасць падтрымкі сярод рускай ліберальна-дэмакратычнай грамадскасці, у якой асноўны лозунг паўстання выклікаў неразуменне і неўхваленне. Таму намаганні «Зямлі і волі» адначасова падняць усерасійскае сялянскае паўстанне не ўвянчаліся поспехам [1, с. 238].

4. Не апраўдаліся і спадзяванні кіраўнікоў паўстання на ваенную дапамогу заходніх дзяржаў. У супрацьстаянні з кадравым расійскім войскам паўстанцы былі асуджаныя на паражэнне: у Беларусі і Літве налічвалася каля 15 тысяч паўстанцаў, па сутнасці, грамадзянскіх асоб, многія з якіх упершыню ўзялі ў рукі зброю. Ім супрацьстаяла рэгулярнае войска, якое складалася з 318 рот салдат (каля 63 600 чалавек), 48 эскадронаў кавалерыі (каля 9600 чалавек), 18 казачых сотняў і 120 палывых гармат [1, с. 239].

5. Важнай перадумовай паразы стала тое, што аграрная рэформа 1861 г. не толькі не зняла, а нават пагоршыла класавыя супярэчнасці паміж сялянамі (па перавазе праваслаўнымі) і мясцовымі памешчыкам (пераважна каталікамі). Гэтым скарысталася праваслаўная царква, якая актыўна распаўсюджвала чуткі аб тым, што польскія памешчыкі паўсталі супраць цара, каб зноў аднавіць прыгон.

6. Велізарны ўплыў на няўдзел сялян у паўстанні аказалі змены ў рэформе 19 лютага 1861 г., прапанаваныя М. М. Мураўёвым і зацверджаныя царом, для беларускіх і літоўскіх губерняў. Яны істотна аблегчылі рабаўніцкія ўмовы выхаду з прыгоннай залежнасці [1, с. 240].

Аднак гэты пералік прычын паразы паўстання, на наш погляд, павінен быць папоўнены яшчэ адной важнай прычынай – гэта «выпадковыя людзі» у шэрагах паўстанцаў, якія аказалі істотны ўплыў на ход і вынікі паўстання.

«Выпадковыя людзі» – гэта тыя, хто апынуўся ў шэрагах паўстанцаў праз падман і пагрозы з боку камандзіраў атрадаў. Таму значная частка паўстанцкіх атрадаў пры сутыкненні з рэгулярным войскам і нават з сялянскім апалчэннем проста разбягалася. У дадзеным артыкуле на аснове аналізу архіўных матэрыялаў мы паспрабуем паказаць, што гэты чыннік з’яўляецца адным з найважных, з тых што аказалі значны ўплыў на ход і вынікі паўстання.

Архіўныя дакументы сведчаць, што ў паўстанне імкнуліся прыцягнуць маладых людзей без жыццёвага вопыту, але з моцным здароўем і нерастрачанымі сіламі, неабходнымі для барацьбы. Напрыклад, жыхару мястэчка Асвея мяшчаніну Івану Паліеўскаму ў 1863 г. было ўсяго 14 гадоў. 17 красавіка 1863 г. яго наведаў знаёмы фельчар Вінцэнт Кандратовіч, які раней займаў у яго 30 капеек срэбрам. Кандратовіч сказаў, што з’яжджае да бацькі ў вёску і не толькі хоча аддаць яму доўг, але і падарыць асабістыя рэчы па сяброўстве і прапанаваў зайсці да яго дадому. Паліеўскі пагадзіўся. Прыйшоўшы дамоў, да фельчара, юнак убачыў, там пяцёра ўзброеных і апраанутых па-паходнаму чалавек, у двары стаялі два нечым нагруджаныя вазы, запрэжаныя дзвюма парамі коней. Кандратовіч адразу прапанаваў хлопцу паехаць з імі, а калі той адмовіўся, яго прымусілі сесці за фурмана на адзін з вазоў, не даўшы яму нават развітацца з бацькам. У лесе яны размясціліся на адпачынак, падчас якога да іх сталі падыходзіць і пад’язджаць групы паўстанцаў. Неўзабаве іх сабралася чалавек 50. Затым было запалена вялікае вогнішча, з вазоў дасталі гарэлку і закуску, а Івана Паліеўскага адправілі збіраць дровы. Гэты момант ён выкарыстоўваў для ўцэкаў. Падлетак вярнуўся ў Лісну, дзе здаўся ўладам [2].

22 красавіка 1863 г. памочнік рэгістратара Палаты дзяржаўных маёмасцяў Баляслаў Вічульскі (25 гадоў) вырашыў прагуляцца па Магілёўскім тракце на дарозе на службу. Падчас прагулкі ён сустрэў двух невядомых узброеных людзей, якія з дапамогай пагроз прымусілі яго пайсці з імі ў лес, каб далучыцца да паўстанцаў. Разам з іх атрадам Баляслаў блукаў па лесе 6 дзён. Потым спаслаўшыся на дрэннае самаадчуванне і няўменне абыходзіцца са зброяй, сышоў з атрада і накіраваўся ў Віцебск. Аднак па дарозе быў схоплены сялянамі і перададзены ўладам.

Менскі мешчанін Міхась Міхайлавіч Дабрыкевіч (на момант паўстання яму было 20 гадоў), добраахвотна здаўся ўладам 28 красавіка 1863 г.

У прысутнасці Аршанскай следчай камісіі ён паказаў, што, знаходзячыся ў Віцебску ў гасцях у музыканта Кіцынскага 23 красавіка 1863 г., быў запрошаны невядомым яму спадаром на прозвішчы Валодзка паехаць да яго ў маёнтак для перапісвання нот. Па дарозе за станцыяй Дыманавы іх нагналі 5 узброеных чалавек, з якімі Валодзка прывітаўся і адразу сказаў Дабрыкевічу, што падманам вывез яго з Віцебску і той разам з імі павінен ісці ў паўстанне. Калі Дабрыкевіч пачаў прасіць яго адпусціць, Валодзка засмяўся і пачаставаў яго гарэлкай. Калі іхняя група на дарозе сустрэла салдат, Дабрыкевіч хацеў бегчы да іх, але паўстанцы спынілі яго, пагражаючы забіць. Пад вечар яны прыбылі ў атрад з 15 чалавек. Дабрыкевіч прабывў у атрадзе тыдзень, а затым уцёк

Дваранін Іван Вікенцьевіч Вайцэхоўскі (19 гадоў на момант паўстання) добраахвотна вярнуўся з «шайкі мяцежнікаў» і паказаў аршанскай следчай камісіі ўсё, што даведаўся пра паўстанне, 25 красавіка каля Бабінавічаў з'явіўся атрад паўстанцаў. 28 красавіка ў іх маёнтак на конях прыехалі два ўзброеныя інсургенты. Заўважыўшы іх набліжэнне, браты Івана Вайцэхоўскага ўцяклі ў лес, а калі ён з той жа мэтай выбег на двор, яго схпілі і пад пагрозай зброі прымусілі рушыць услед за імі. Інсургенты прывялі яго ў атрад, дзе малады чалавек прабывў паўтара дня, потым, улучыўшы зручны момант, збег і вярнуўся дадому [3].

Узяты пасля разгрому паўстанцага атрада каля маёнтка Пагосцішча паранены дваранін Мікалай Фёдаравіч Плавінскі (ва ўзросце 24 гадоў) на допыце ў прысутнасці Віцебскай следчай камісіі паказаў, што 22 красавіка 1863 г. ён адправіўся да суседзяў – братоў Антонія і Юльяна Гурко. У іх было шмат гасцей і Плавінскаму казалі, што ўсе яны збіраюцца на паляванне, яго таксама запрасілі ўзяць удзел. Той пагадзіўся. Мікалаю далі стрэльбу і папрасілі пачакаць.

Увечары адзін з гасцей затрубіў у рог, і да сядзібы выйшла каля 30 чалавек узброеных людзей з бліжэйшага лесу. Адрозу ж запрэглі коней і склалі ў вазы зброю, боепрыпасы, прадукты харчавання, гарэлку. Потым строем пайшлі ў мястэчка Бабінавічы. Камандаваў гэтым «паляваннем» нехта Каткоў. У рэшце рэшт, Мікалай здагадаўся, што гэта не паляванне, а паўстанцкі атрад, з якога ён адразу пачаў прасіць яго адпусціць. Аднак яго не адпусцілі.

Атрад накіраваўся ў Бабінавічы, дзе Каткоў і ягоныя саўдзельнікі жорстка збілі (а можа, і забілі – з паказанняў Плавінскага гэта не зразумела) гараднічага і забралі ў яго асабістую зброю. Пасля гэтага выпадку Плавінскі зноў пачаў прасіць звольніць яго з атрада, але беспаспяхова. Такім чынам, ён блукаў па лясах разам з паўстанцамі, пакуль атрад не заспелі зняначку салдаты і сяляне-апалчэнцы каля вёскі Пагосцішча. У разгар бою Плавінскі разам з большай паловай атрада кінуўся ў раку, каб пераплысці яе і ўцячы, але, ужо на другім беразе, яму ў сцягну трапіла куля і так ён апынуўся ў палоне [4].

Дваранін Мсціслаўскага павета Осіп Кузьміч Кавалеўскі (пад час паўстання яму было 18 гадоў) таксама падманам быў уцягнуты ў мяцеж. У сваіх паказаннях Чэрыкаўскай следчай камісіі, ён паведаміў, што падчас начлегаў іх паўстанцкага атрада студэнты Горы-Горацкага земляробчага інстытута ставілі вакол лагера варту, каб ніхто не збег [5]. Верагодна, яны былі самымі надзейнымі з паўстанцаў, адданымі ідэалам паўстання, але магчыма іх надзейнасць тлумачыцца тым фактам, што прыблізна ў гэты ж час 24 красавіка іх таварышы далучыліся да атрада Людвіка Звяждоўскага і разам з ім ажыццяўлялі захоп горада Горкі. Падчас захопу быў разгромлены гарнізон, абрабавана казначэйства і цэіхгаўз, спалена каля 30 дамоў і паштовая кантора, у выніку бітвы з абодвух бакоў загінула 25 чалавек. Таму тыя са студэнтаў, хто далучыўся да паўстання, ужо не маглі разлічваць на літасць і мелі намер ісці да канца [6].

У фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі захоўваецца скарга арандатара фальварку Сенчыцы Пінскага павета Антонія Кандратавіча Лявіцкага павятовому ваеннаму начальніку палкоўніку Вярхоўскаму, дзе гаворыцца аб тым, што 22 чэрвеня 1863 г. паўстанцы уварваліся ў яго маёнтак і пачалі яго рабаваць. Яны ўзялі коней і два вазы, куды нагрузілі некалькі чвэрцяў аўса, вынеслі з кухні рондаль і іншую маёмасць, больш за тое, схпілі ў двары сына Нікадзіма (16 гадоў) і пляменніка Уладзіслава Лявіцкага і пацягнулі іх з сабой разам з нарабаванай маёмасцю [7].

13 лютага 1863 г. атрад Рамана Рагінскага захапіў Пружаны, дзе разрабаваў мясцовае казначэйства, там аказалася 10 808 рублёў, разброіў мясцовую ваенную каманду і атрымаў такім чынам 200 карабінаў і 1720 патронаў, але істотна папоўніць асабісты склад жыхарамі Пружан не удалося. Нават дзесяць зняволеных, якія былі выпушчаны паўстанцамі з мясцовай турмы, не захацелі ўступіць у іх рады. Больш за тое ў Пружанах дзейнічала падпольная паўстанцкая арганізацыя, у склад якой уваходзілі павятовы маршалак дваранства, казначэй, спраўнік, гараднічы, суддзя і цэлы шэраг іншых чыноўнікаў. Тым не менш ніводны з іх да паўстання не далучыўся. Паўстанцамі пажадалі стаць толькі тыя з пружанцаў, на кім была кроў і якія ўжо не маглі разлічваць на літасць з боку ўладаў.

У атрад добраахвотна запісаліся двое жыхароў Пружан: бухгалтар казначэйства Стравінскі, які нанёс удар шашкай па галаве салдату мясцовай інваліднай каманды, і пісар павятовага суда Глябовіч, які стрэлам у горла забіў радавога Калеснікава. Рагінскі таксама сілай «увёў у мяцеж» мясцовых дваран братаў Франца і Аляксандра Пульхоўскіх і двараніна Брэсцкага павета Малёўскага, якія, праўда, збеглі з атрада той жа ноччу [8, с. 38].

Пасля сыходу атрада ў Пружанах быў пакінуты цяжкапаранены дваранін Ціт Самульскі, які пасля выздараўлення разгарнуў актыўную дзейнасць па вярбоўцы мясцовых чыноўнікаў. Прычым вярбоўка ажыццяўлялася непас-

рэдна ў саміх дзяржаўных установах па месцы іх службы. Такім чынам, яму ўдалося наwerbаваць 40 чалавек [8, с. 40].

З прыведзеных вышэй фактаў бачна, што ў шэрагі паўстанцаў была ўцягнута вялікая колькасць «выпадковых людзей». Кагосьці залучылі сілком, кагосьці падманам, хтосьці, знаходзячыся ў атрадзе, спачуваў ідэалам паўстання, але маральна не быў гатоў ваяваць за іх са зброяй у руках. Таму бітвы паміж паўстаўшымі і войскамі далёка не былі старонкамі баявой славы. І гэта пацьвярджаюць шматлікія дакументы архіўных фондаў.

Прыстаў першага стана Дрысенскага павета І. Ф. Папоў напісаў у сваім рапарце для Дрысенскага земскага суда, што 25 красавіка 1863 г. каля карчмы ў вёсцы Чарапеціца рота салдат пад камандаваннем капітана Пратапопава і дзевяць казакоў атакавалі паўстанцкі атрад. Адбыўся кароткі бой у выніку, якога загінула 12 паўстанцаў, астатнія разбегліся па лесе. Салдаты захапілі ўвесь абоз, дзе былі зброя, боепрыпасы, прадукты харчавання. З боку вайскоўцаў адзін салдат быў забіты, адзін паранены [9].

Аршанскі павятовы спраўнік Валяр'ян Філіповіч Савіцкі ў сваім рапарце магілёўскаму грамадзянскаму губернатару так апісвае сутычку войскаў з інсургентамі каля вёскі Пагосцішча. 6 красавіка 1863 г. на чале атрада ў 50 ніжніх чыноў ён наблізіўся да фальварка, які належаў міравому пасярэдніку Антонію Піюру. Па дадзеных разведкі, там знаходзіўся атрад колькасцю ў 60 інсургентаў. Салдаты патаемна наблізіліся да фальварку і акружылі яго. Калі паўстанцы гэта заўважылі, то стоўпіліся каля ганка сядзібы і далі адзін злітны залп, а пасля кінуліся бегчы праз сад да ракі з мэтай пераплысці яе і выратавацца. Пры гэтым яны працягвалі адстрэльвацца. Стреляніна доўжылася 15 хвілін, потым сціхла. Спраўнік сабраў салдат, якія рассыпаліся «ў стралкі», і загадаў ім пачаць штыкавую атаку. У выніку палова мяцежнікаў, пакідаўшы зброю ў раку, здаліся. Астатнія паспрабавалі выратавацца ўплаў (на супрацьлеглым беразе рос лес). Чалавек дзевяць змаглі гэта зрабіць, аднак шмат хто патануў. У выніку бітвы шасцёра паўстанцаў былі забітыя, тры параненыя, 21 чалавек здаліся ў палон. Страты другога боку былі такія: тры салдат лёгка паранены, забіта двое сялян-апалчэнцаў [10].

7 красавіка 1863 г. каля мястэчка Налібокі адбыўся сапраўдны бой паміж Стараінгерманландскім пяхотным палком і вялікім атрадам паўстанцаў пад камандаваннем Адама Пуслоўскага, які скончыўся з разгромным лікам для апошняга. Салдаты акружылі лагер інсургентаў, пачалася перастрэлка, якая доўжылася дзве гадзіны. Паўстанцы не вытрымалі напору і разбегліся, пакінуўшы на месцы 60 забітых. Падчас уцёкаў астаткаў атрада салдаты захапілі ў палон 40 чалавек. Пры гэтым сярод салдат страт амаль не было, усяго адзін лёгка паранены [11].

Такім чынам, баявыя якасці паўстанцкіх атрадаў былі надзвычай нізкімі. Вельмі рэдка ім атрымоўвалася аказаць сур'ёзны супраціў царскім войскам

і сялянам-апалчэнцам. Амаль заўсёды іх заставалі зняацку і практычна заўсёды яны разбягаліся, кідаючы зброю, абоз параненых і дзясяткамі трапляючы ў палон. Пры гэтым страты ў царскіх войсках былі нязначнымі. Прычына нізкіх баявых якасцей паўстанцкіх атрадаў была не толькі ў тым, што яны былі сфарміраваны пераважна з цывільных людзей, якія не мелі ніякай баявой вывучкі, але і ў тым, што многія з паўстанцаў трапілі ў атрады з дапамогай падману, шантажу або прымусу, былі «выпадковымі людзьмі», а значыць, мелі нізкую матывацыю.

Важным чыннікам паразы паўстання 1863 г. было тое, што ў складзе паўстанцкіх атрадаў было шмат ненадзейных людзей, якія па розных прычынах не жадалі ваяваць. Уцягванне выпадковых асоб у шэрагі паўстанцаў – тактычная і стратэгічная памылка кіраўнікоў атрадаў. У камандзіра, які спадзяецца на перамогу, павінны быць адважныя байцы, якія не здадуцца пры першых жа цяжкасцях і не ўцякуць пры першых жа стрэлах. Але ў кіраўнікоў паўстання такіх байцоў проста не хапала, і яны спрабавалі любым спосабам і найперш «выпадковымі людзьмі» папоўніць кадравы голад.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Гісторыя Беларусі: ў 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экоперспектыва, 2000 – 2005. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 3046. Воп. 2. Спр. 1. Л. 39–40.
3. НГАБ. – Ф. 3046. Воп. 1. Спр. 1. Л. 67–80.
4. НГАБ. – Ф. 3046. Воп. 1. Спр. 1. Л. 81–89.
5. НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 2. Спр. 126. Л. 40–44.
6. НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 2. Спр. 12. Л. 67.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1521. Воп. 1. Спр. 1. Л. 62.
8. Карпович, О. В. Рейд отряда Романа Рогинского по Беларуси зимой 1863 года / О. В. Карпович // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия А, Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 37–41.
9. НГАБ. – Ф. 3046. Воп. 2. Спр. 1. Л. 36–37.
10. НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 2. Спр. 12. Л. 91–97.
11. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1562. Л. 20–23.

(Дата падачы: 08.02.2022 г.)

В. М. Бароўская

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск

V. Borovskaya

The Institute of History of the National Academy of Sciences
of Belarus, Minsk

УДК 327 (476:4-470) "1918/1921"

БЕЛАРУСКАЕ ПЫТАННЕ НА МІЖНАРОДНАЙ АРЭНЕ 1918–1921 ГГ.

BELARUSIN ISSUE IN INTERNATIONAL RELATIONS 1918–1921

У артыкуле даказваецца, што беларускае пытанне не выступала адасоблена, было складаючай часткай праблем тэрыторый, якія складалі некалі адзіную Расійскую імперыю. Знаходзілася ва ўзаемасувязі з аналагічным літоўскім, украінскім, латышскім, эстонскім пытаннямі. Тэзісы прадстаўнікоў краін Антанты і ЗША аб самавызначэнні нацый, аб справядлівым вызначэнні іх межаў, тэрытарыяльнай цэласнасці, на жаль, не былі распаўсюджаны ў адносінах да беларускага пытання, на прычыне існуючых прэтэнзій на беларускія землі з боку польскага, расійскага, літоўскага бакоў.

Ключавыя словы: самавызначэння нацый; буферная дзяржава; нейтральная зона; плебісцыт; геапалітычны баланс; Антанта; Парыжская мірная канферэнцыя.

The article proves that the Belarusian issue the international relations of 1918–1921 did not act in isolation it was an integral part of the problems of the territories that were part of the Russian Empire. Was in interconnection with similar Lithuanian, Ukrainian, Latvian, Estonian issues. The theses of the representatives of the Entente countries and the United States on the self-determination of nations, on the fair determination of their borders, territorial integrity did not touch on the Belarusian issue because of the existing Polish and Russian, Lithuanian claims to Belarusian lands.

Keywords: self-determination of nations; buffer state; neutral zone; plebiscite; geopolitical balance; Entente; Paris peace conference.

Пасля заканчэння Першай сусветнай вайны краіны Цэнтральна-Усходняй Еўропы з гістарычна-геаграфічнай прасторы зруйнаваных манархій пераўтварыліся ў геапалітычную рэальнасць, але свой знешні выгляд рэгіён набыў не адразу. Прыналежнасць тых ці іншых спрэчных тэрыторый залежыла ад барацьбы, якая разгарнулася напярэдадні і падчас Парыжскай мірнай канферэнцыі паміж дзяржавамі, якія атрымалі перамогу ў вайне. Канфлікт за канфігурацыю межаў на ўсходзе Цэнтральнай Еўропы быў абумоўлены імкненнем Антанты знайсці аптымальны геапалітычны баланс сілаў для супрацьстаяння большавізму, а таксама супярэчнасцямі ў пытанні аб гегемоніі той ці іншай заходняй дзяржавы ў рэгіёне і ў кантынентальнай Еўропе цалкам.

Вядучымі версальскімі міратворцамі з'яўляліся В. Вільсан, Д. Лойд-Джордж і Ж. Клемансо. Немалаважную ролю ў прыняцці галоўных рашэнняў адыгралі рэкамендацыі міністра замежных спраў Вялікабрытаніі Д. Керзана і сугучныя ім ідэі Х. Д. Макіндэра. Пры аналізе пасляваеннай сітуацыі на ўсходзе Цэнтральнай Еўропы, роль і месца якой спрабавалі вызначыць краіны Антанты, міністр і вучоны выкарысталі геапалітычныя паняцці «буферная дзяржава», «сфера ўплыву» і «сфера інтарэсаў». Ідэі Х. Д. Макіндэра, у першую чаргу тэзіс аб тым, што для прадухілення наступнага ваеннага канфлікту з'яўляецца неабходным стварэнне блока незалежных краін, размешчаных паміж Германіяй і Расіяй, для захавання балансу сілаў на еўразійскім кантыненте, сталі асновай Версальскай сістэмы міжнародных адносін. Была прапанавана схема пераўтварэння дзяржаў на ўсходзе Цэнтральнай Еўропы, якія былі паўсталі ў выніку развалу былых імперыяў, у буферную зону. «Завяршальным тэрытарыяльным буферам» павінна была стаць Польшча, пры дапамозе якой можна кантраляваць усю Усходнюю Еўропу. Д. Керзан, у прыватнасці, імкнуўся выкарыстаць накоплены вопыт тэрытарыяльнага размежавання ў Азіі, калі ў выпадку ўзнікнення цяжкасцей з правядзеннем фіксаваных межаў, ствараліся буферныя і нейтральныя зоны. У аснову праграмы пасляваеннага тэрытарыяльна-палітычнага ўладкавання былі пакладзены прынцыпы, якія ўтрымліваліся ў тэкстах «Чатырнаццаці пунктаў» і «Чатырох пунктаў мірных умоў» прэзідэнта ЗША В. Вільсана, агучаных перад кангрэсам у Вашынгтоне ў студзені і лютым 1918 г.

Сулярэчнасці і разыходжанні пры разглядзе і рашэнні польскага і рускага пытанняў на Парыжскай мірнай канферэнцыі можна яскрава прасачыць на прыкладзе місіі У. Буліта, накіраванай у сакавіку 1919 г. у РСФСР. Кіраўнік місіі быў даверанай асобай В. Вільсана і Д. Лойд-Джорджа, якія без ведама Францыі хацелі знайсці з савецкім урадам кампраміс па спыненні Грамадзянскай вайны. У выніку працы місіі быў выпрацаваны праект канчатковай дамовы. Савецкі бок пагаджаўся на дамоўленасць толькі, калі яе заключэнне адбудзецца да 10 красавіка 1919 г. Прадугледжвалася скліканне спецыяльнай канферэнцыі на аснове раней вызначаных прынцыпаў, а менавіта: ваюючыя бакі ў Расіі не імкнуцца для звяржэння адзін аднаго сілавымі метадамі, захоўваюць у сваім распараджэнні тэрыторыі, якія яны займаюць, за выключэннем замацаваных зменаў, пры гэтым насельніцтва гэтых зямель будзе мець права змяніць палітычны лад; блакада здымаецца, і Савецкая Расія атрымоўвае свабоду гандлёвага абмену і зносін з іншымі краінамі; Антанта спыняе аказанне якой-небудзь дапамогі антысавецкім групам; усе бакі павінны правесці ў сябе палітычную амністыю; паміж савецкімі рэспублікамі і дзяржавамі Антанты ўзнаўляецца дыпламатычныя адносіны. Нягледзячы на прагрэсіўнасць намераў, пэўных вынікаў місія У. Буліта не мела. Кіраўніцтва Вялікабрытаніі адмовілася ў апошні момант

ад выканання дамовы. Аднак гэта азначала, што пры больш спрыяльных умовах англійскі і амерыканскі бакі былі не супраць прызнаць Савецкую Расію [1, с. 603].

У канцы студзеня 1920 г. Вялікабрытанія накіравала спецыяльную місію для вывучэння сітуацыі на тэрыторыі Беларусі, акупіраванай польскімі войскамі. Аднак аб яе выніках нічога не вядома. Беларускае пытанне абмяркоўвалася ў колах брытанскай дыпламатыі ў сувязі з дзейнасцю палякаў, літоўцаў і латышоў на Парыжскай мірнай канферэнцыі ў адносінах да БНР. Інфармацыя аб беларускіх землях і беларусах паступала не толькі ад БНР, але і з літоўскіх, польскіх, нямецкіх колаў і ад англійскай разведкі. Вялікабрытанія не ўспрымала БНР усур'ёз у 1919–1920 гг., у гэты адрэзак часу яе ўвага была засяроджана ў асноўным на балтыйскім рэгіёне, які прадстаўляў гандлёвы патэнцыял.

У тэлеграме міністра замежных спраў Вялікабрытаніі Д. Керзана англійскаму паслу ў Варшаве Х. Румбальду аб мірных перагаворах паміж урадамі Літвы і РСФСР ад 27 красавіка 1920 г. [2, с. 52–53], паводле пераказу зместу сустрэчы міністра замежных спраў Літвы А. Вальдэмараса з прадстаўніком Форын Офіс лордам Гардзінгам, становіцца зразумела, што Вялікабрытанія падтрымлівала літоўскі бок у іх перагаворах з Савецкай Расіяй, адбываліся шматлікія кансультацыі Літвы, асабліва па пытанні вызначэння савецка-літоўскай мяжы. Літоўскі бок настойваў на прыняцці пэўнай лініі размежавання паміж бакамі, аднак меў апасенні адносна аглашвання ўмоў, магчымасці заключэння сакрэтнага дагавора. А. Вальдэмарас добра разумее, што афіцыйнае замаванне савецка-літоўскай мяжы, па якой частка Віленскай і Гродзенскай губерняў адыходзілі б Літве, выклікала б у сваю чаргу абурэнне з боку Польшчы.

Французская пазіцыя адносна пасляваеннага палітычна-тэрытарыяльнага ўрэгулявання фарміравалася пад уплывам імкнення атрымаць трывалыя гарантыі бяспекі супраць паўтарэння германскай агрэсіі. Стаўленне французскага боку да «маладых народаў» карэнным чынам не разыходзілася з пазіцыямі ЗША і Вялікабрытаніі, асноўвалася на «прынцыпах справядлівасці і свабоды» [3, р. 71–80], але сярод краін, незалежнасць якіх мэтазгодна было б прызнаць, узгадваліся толькі Польшча і Багемія (Чэхія) [4, р. 80]. Пытанне самавызначэння беларускіх зямель не ўздымалася.

Непасрэдным чынам пазіцыі краін Антанты і ЗША па беларускім пытанні праявіліся падчас вырашэння справы ўсходняй мяжы Польшчы. З сакавіка 1919 г. Польскі нацыянальны камітэт (ПНК) прадставіў Савету дзесяці пазіцыю польскай дэлегацыі [5, с. 12–16]. Яе выпрацоўка адбывалася шляхам гарачых дыскусій членаў ПНК (2 сакавіка 1919 г.), што прывяло да прыняцця рашэння (дзесяць галасоў супраць трох) аб адхіленні федэралісцкай канцэпцыі [6, с. 139–172]. У дакладзе сеймавай камісіі па замежных спра-

вах аб межах Польшчы і аб адносінах польскага ўрада з савецкімі ўладамі С. Грабскі 3 красавіка 1919 г. сцвярджаў, што Камісія па замежных справах лічыць, што «ўрад павінен зрабіць усё, каб забяспечыць аб'яднанне ў адзінае дзяржаўнае цэлае ўсіх зямель, якім польскае насельніцтва як сваёй колькасцю, так і векавой цывілізатарскай дзейнасцю надало польскі характар» [2, с. 262]. Прадугледжвалася правядзенне плебісцыта на беларускіх і ўкраінскіх землях па пытанні заключэння саюза з Польшчай. Любыя перагаворы ўрада Польшчы і Расіі будуць азначаць ускоснае прызнанне савецкіх уладаў як легальнага ўрада, да гэтага дадавалася небяспека пагоршыць адносіны з краінамі Антанты з-за выдзялення сепаратных перагавораў з савецкімі бокам [2, с. 263]. У аснове прынцыпаў дзяржаўна-тэрытарыяльнага ўладкавання ПНК ляжалі ідэі аб стварэнні моцнай Польшчы, поўным зліцці нацыянальных тэрыторый з Польскай дзяржавай, далучэнні перш за ўсё няпольскіх раёнаў на ўсходзе, дзе палякі былі адносна шматлікімі, а насельніцтва спавадала каталіцызм. Адрозненні паміж канцэпцыяй інкарпарацыі і федэралісцкай праграмай не былі настолькі прынцыповымі – гаворка ішла хутчэй аб метадах стварэння вялікадзяржаўнай Польшчы. Абедзве групыкі абвясчалі культурную місію Польшчы на ўсходзе Цэнтральнай Еўропы. Польскі бок умела выкарыстоўваў лозунг права нацыі на самавызначэнне для прыкрыцця сваіх амбіцыйных знешнепалітычных планаў.

У рапарце саветніка ўсходняга аддзела Міністэрства замежных спраў Польшчы Р. Кноля прэм'ер-міністра І. Падарэўскаму аб адносінах Рускай палітычнай нарады (РПН) у Парыжы да новых дзяржаў, якія ўзніклі на тэрыторыі былой Расійскай імперыі, звачвалася ўвага на ідэалагічныя сутыкненні паміж ПНК і РПН. Па ініцыятыве расійскай палітычнай дэлегацыі ў снежні 1918 – студзені 1919 г. была распрацавана «Палажэнне па пытанні аб Польшчы» [6, с. 32]. Па ініцыятыве С. Д. Сазонава, Г. Я. Львова, М. В. Чайкоўскага, В. А. Маклакава была накіравана дэкларацыя на адрас Парыжскай мірнай канферэнцыі, у якой указвалася тэрыторыя Расійскай імперыі ў межах 1914 г., за выключэннем этнаграфічнай Польшчы, агаворваліся справы, звязаныя з лёсам народнасцей, якія знаходзяцца ў гэтых межах. Гэтыя пытанні, на іх думку, не могуць вырашацца без згоды і ведама расійскага народа. РПН выступала рашуча супраць адрыву ад Расіі Фінляндыі, Эстоніі, Латвіі, Літвы, Белай Русі, Украіны.

У студзені 1919 г. у Парыж на мірную канферэнцыю была накіравана беларуская дэлегацыя. Яе мэтай было інфарміраваць краіны Антанты аб стане беларускага пытання і прасіць абароны супраць суседзяў. Прадстаўнікі Рады Міністраў БНР пакінулі зварот Савета дзесяці аб скліканні канферэнцыі на Прынцавах астравах без адказу, магчыма сказвалася слабая інфармаванасць аб становішчы спраў на Парыжскай мірнай канферэнцыі. Адзіным накіраваным зваротам перыяду студзеня – сакавіка 1919 г. да Парыжскай мірнай канферэнцыі ад урада БНР з'яўляўся «Мемарыял Бела-

рускага Ураду старшыні мірнай канферэнцыі ў Парыжы» ад 22 студзеня 1919 г., у якім змяшчалася просьба аб допуску беларускай дэлегацыі для ўдзелу ў канферэнцыі [7, с. 321–327]. Справа з скліканнем канферэнцыі на Прынцавых астравах засталася не вырашанай, так як прадстаўнікі Расійскай палітычнай нарады не прынялі прапановы Савета дзесяці, «не жадаючы садзіцца за адзін стол перагавораў з бальшавікамі» [3, с. 245].

Падчас працы Парыжскай мірнай канферэнцыі дэлегацыя БНР накіравала брытанскаму прадстаўніку лорду Кермарноку ліст на імя прэм'ер-міністра Вялікабрытаніі Д. Лойд-Джорджа. Аналагічныя дакументы былі накіраваны прэзідэнту ЗША В. Вільсану і прэм'ер-міністра Францыі Ж. Клемансо. У іх утрымлівалася просьба аб аказанні дапамогі ў адстойванні незалежнасці, барацьбе з Чырвонай Арміяй. 13 мая 1919 г. кіраўнік брытанскай місіі ў Латвіі Г. Грант-Ватсан накіраваў справаздачу ў Міністэрства замежных спраў Вялікабрытаніі пад назвай «Аб прэтэнзіях на межы і адносіны паміж Літвой і іншымі нацыямі». У ёй беларускія Гродзеншчына і Віленшчына ўзгадваюцца як Малая ці Руская Літва. Аўтар пацвярджаў існаванне былой літоўска-беларускай дамовы аб стварэнні сумеснай дзяржавы на раўнапраўнай аснове. Аднак, па яго меркаванні, аднаўленне гэтага дзяржаўнага ўтварэння магло пагражаць этнічнай дыспропорцыяй, пераважаннем беларускага насельніцтва над літоўскім. Менавіта таму літоўскія тэрытарыяльныя патрабаванні распаўсюджваліся толькі на Віленшчыну і Гродзеншчыну, каб пазбегчыць празмернага славянскага ўплыву.

Летам 1919 г. у беларускіх лідараў з'явілася надзея заключыць дамову з польскай дэлегацыяй на Парыжскай мірнай канферэнцыі. 11 ліпеня А. І. Луцкевіч прапанаваў ПНК, маючы надзею на прыхільнасць да беларускіх патрабаванняў прэм'ер-міністра І. Падарэўскага. Быў прадстаўлены праект дагавора паміж БНР і Польскай дзяржавай аб стварэнні раўнапраўнага саюза. Пры гэтым абедзве краіны заставаліся суверэннымі і незалежнымі, якія кіруюцца ва ўсіх сферах свайго дзяржаўнага жыцця асабістымі заканадаўчымі і выканаўчымі органамі. Дамова прадугледжвала заключэнне ваеннай і мытнай канвенцыі, усталяванне роўнасці і гарантый нацыянальных правоў грамадзян польскай нацыянальнасці на тэрыторыі БНР і грамадзян беларускай нацыянальнасці на тэрыторыі Польшчы. Межы паміж дзяржавамі, згодна з праектам, павінны быць усталяваны сумесным рашэннем абедзвюх краін, прынцыпы якога патрэбна было вызначыць асобнай канвенцыяй. Размежаванне праводзілася згодна з этнічным прынцыпам з удакладненнямі эканамічнага характару і на аснове ўзаемнай кампенсацыі. У выпадку, калі б не ўдалося дамовіцца палюбоўна, то патрэбна было правесці плебісцыт пры пасрэдніцтве Памежнай камісіі пры мірнай канферэнцыі. А. І. Луцкевіч таксама прапанаваў праект дататковага дагавора аб дапамозе польскай арміі ў арганізацыі беларускіх узброеных сілаў: якія павінны былі знаходзіцца ў аператыўным падпарадка-

ванні польскага Генеральнага штаба. Артыкул IV дагавора прадугледжаў, што польскі ўрад і падпарадкаваная яму адміністрацыя супрацоўнічаюць з урадам БНР пры ўсталяванні ўлады на беларускіх землях і пры скліканні Устаноўчага сойма. Канчатковае рашэнне павінен быў прыняць Начальнік дзяржавы. Па дамоўленасці з І. Падарэўскім А. І. Луцкевіч 1 верасня 1919 г. выехаў у Варшаву. Аднак абяцанай сустрэчы з Ю. Пілсудскім яму прышлося чакаць яшчэ два месяцы [8, с. 13].

Глава беларуская дэлегацыі ў Парыжы палкоўнік Я. Ладноў веў актыўную дзейнасць з мэтай дабіцца прызнання БНР, у прыватнасці сустракаўся з прадстаўнікамі англійскай, французскай, латвійскай і літоўскай дэлегацый, каб атрымаць іх падтрымку. Яму ўдалося дасягнуць некаторых поспехаў. Пры латвійскім і эстонскім урадах у кастрычніку 1919 г. была акрэдытавана ваенна-дыпламатычная місія на чале з К. Б. Езавітавым. У Літве было створана надзвычайнае прадстаўніцтва БНР пад кіраўніцтвам П. А. Крчэўскага, сакратара Рады Міністраў БНР. Аднак, што датычыцца галоўнай задачы, а менавіта прызнання краінамі Антанты, то яе не ўдалося выканаць. Ніякіх афіцыйных заяў па беларускім пытанні прадстаўнікі вялікіх дзяржаў так і не зрабілі.

У гэты ж час, у рамках Камісіі па польскіх справах пад старшынствам Ж. Камбона, як пастаяннага органа пры Савеце дзесяці Парыжскай мірнай канферэнцыі, было прынята рашэнне аб перадачы Польшчы права адміністрацыйнага кіравання «тымі беларускімі землямі, якія не павінны ўвайсці ў склад Расіі» [6, с. 76]. Канчатковае рашэнне адносна ўсходняй мяжы Польшчы было пастаўлена ў залежнасць ад фарміравання ў Расіі дэмакратычнага ўрада, якое атрымае прызнанне Захада. У частцы, якая датычылася Беларусі, мяжа павінна была прайсці па пунктах Гродна – Ялаўка – Няміраў – Брэст-Літоўскі. Прапанаваныя межы ў асноўным супадалі з этнаграфічным рассяленнем польскага насельніцтва, былі замацаваны рашэннем ад 8 снежня 1919 г.

Беларускае пытанне не выступала адасоблена, была складаючай часткай праблем тэрыторый, якія складалі некалі адзіную Расійскую імперыю. Яно заўсёды выступала ва ўзаемасувязі з аналагічным літоўскім, украінскім, латышскім, эстонскім пытаннем. Заходнія дзяржавы не спяшаліся прызнаваць абвешчаную 25 сакавіка 1918 г. БНР і аказваць ёй палітычную падтрымку. У параўнанні з палітыкай адносна дзяржаў Балтыі і Украіны краіны Антанты мелі значна меншую зацікаўленасць беларускім пытаннем, таму Беларусь у заходніх дыпламатычных дакументах амаль не выступала як асобны прадмет дыпламатычных і геапалітычных камбінацый, а праходзіла ў кантэксце іх усходне-еўрапейскай палітыкі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол.: Г. К. Деев [и др.]. – М., 1958. – Т. 2: 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. – 803 с.

2. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дакум. і матэрыялаў: у 4 тамах. – Т. 1: 1 жніўня 1914–18 сакавіка 1921 гг.: у 2 ч. – Ч. 1: 1 жніўня 1914–31 снежня 1919 гг. – Мінск: Юніпак, 2008. – 538 с.

3. *Clemenceau, G. Discours de paix / G. Clemenceau: publ. la Société des amis de Clemenceau.* – Paris: Librairie Plon, 1938. – 286 p.

4. Documents diplomatiques français 1920 / red. J. Bariéty: in 3 t. – Paris, 1999. – Т. 2: 19 mai – 23 septembre. – 1999. – 709 p.

5. *Kozicki, S. Sprawa granic Polski na konferencji pokojowej w Paryżu / S. Kozicki.* – Warszawa: Perszyński, Niklewicz i Spółka, 1921. – 176 s.

6. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. W 41 t. – Т. 2: Listopad 1918–kwiecień 1920 / pod. red. W. Gostyńska. – 1961. – 889 s.

7. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: у 2 кн.: Кн. 1.: 1917–1925 гг. / склад. С. Шупа. – Вільня – Нью-Ёрк – Менск – Прага, 1998. – Ч. 1: 1917–1920. – 870 с.

8. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). – Zespół 322. Ministerstwo spraw zagranicznych. Sygn. 6672a.

(Дата падачы: 10.02.2022 г.)

V. Ю. Булатая

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

V. Bulataya

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(476) "1921-1939"

АНАЛІЗ ПУБЛІКАЦЫЙ НА КАНФЕСІЙНУЮ ТЭМАТЫКУ НА СТАРОНКАХ БЕЛАРУСКАМОЎНАЙ КАТАЛІЦКАЙ ПРЭСЫ (1921–1939)

ANALYSIS OF PUBLICATIONS OF CONFESSIONAL MATERIALS ON THE PAGES OF THE BELARUSSIAN- LANGUAGE CATHOLIC MEDIA (1921–1939)

Дадзены артыкул прысвечаны аналізу матэрыялаў на канфесійную тэматыку на старонках беларускамоўнай каталіцкай прэсы. Даследаванне скіравана на вызначэнне асаблівасцей стаўлення каталіцкіх беларускіх актывістаў і выдаўцоў да вернікаў іншых канфесій – праваслаўных, уніятаў і пратэстантаў – і да працэсаў, якія развіваліся ўнутры рэлігійных інстытутаў. Дзеля вырашэння даследчай задачы былі прааналізаваны прадстаўленыя ў бібліятэчных зборах нумары беларускамоўнай прэсы, якая выдавалася каталіцкімі актывістамі. Вынікі паказалі, што стаўленне да іншых канфесій у розных каталіцкіх актывістаў і выдаўцоў было неадназначным і сыходзілася, бадай, толькі ў адносінах да вернікаў пратэстанцкіх плыняў.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь; сродкі масавай інфармацыі; беларускамоўная прэса; міжканфесійныя адносіны.

This article is devoted to the analysis of materials on confessional issues in the Belarusian-language Catholic press. The study aims to identify the attitudes of Catholic Belarusian activists and publishers towards believers of other faiths – Orthodoxy, Greek-Catholic Church and Protestantism – and to the processes that have developed within religious institutions. To solve the research problem, issues of the Belarusian-language press published by Catholic activists and priests were considered. The results showed that the attitude of Catholic activists and publishers towards other denominations was ambiguous and differed, perhaps, only in relation to the believers of the Protestant movements.

Keywords: Western Belarus; the media; Belarusian-language press; interfaith relations.

У міжваенны час на тэрыторыі Заходняй Беларусі выходзіў шэраг беларускамоўных сродкаў масавай інфармацыі. Прадстаўнікі разнастайных палітычных і царкоўных рухаў выдавалі прэсу, якая адлюстроўвала іх погляды на палітычнае, канфесійнае і нацыянальнае жыццё. Варта разумець, што каталіцтва на землях Заходняй Беларусі функцыянавала ва ўмовах шматканфесійнага насельніцтва. Адпаведна, на старонках каталіцкай прэсы падымалася тэма стаўлення да вернікаў іншых канфесій і ацэнка актуальных падзей жыцця канфесійных інстытутаў.

Пад каталіцкімі часопісамі, вынесенымі ў аб'ект даследавання, мы разумеам сродкі масавай інфармацыі, якія выдаваліся беларускімі каталіцкімі рухамі і актывістамі. Згодна з прыведзенай класіфікацыяй, у поле нашай зацікаўленасці трапілі наступныя выданні:

- штотыднёвая газета «Крыніца», (з 1926 г. – «Віеіаruskaja Крыніца», друкаваны орган партыі БХД (1917–1940) [1, с. 107];
- часопіс «Chrysціjanskaja Dumka» (1928–1939), які выдаваў Адам Станкевіч, каталіцкі святар, адзін з лідараў БХД [2];
- часопіс «Шлях моладзі» (1929–1939), які пазіцыянаваў сябе як штомесячнае выданне і выдаваўся беларускай моладдзю, сярод якой былі каталіцкія вернікі. Часопіс актыўна прасоўваўся БХД [3].

У масе матэрыялаў, якія былі апублікаваны на працягу 1921–1939 гг. у вышэй названых выданнях, адлюстроўвалася пазіцыя беларускіх каталіцкіх актывістаў: некаторыя з іх былі звязаны з колам духавенства, некаторыя – непасрэдна з'яўляліся іх прадстаўнікамі, а некаторыя былі грамадскімі дзеячамі і адначасова каталіцкімі вернікамі. Але іх аднае чыннік: усе яны публікавалі матэрыялы на тэмы, звязаныя з іншымі канфесіямі, якія існавалі ў Заходняй Беларусі.

Актуальным з'яўляецца аналіз выяўленых матэрыялаў, якія друкаваліся ў каталіцкай прэсе і былі прысвечаны ацэнкі дзейнасці царкваў розных канфесій. Мэта прадстаўленага даследавання – вызначыць стаўленне беларускіх каталіцкіх актывістаў да вернікаў іншых канфесій на старонках сродкаў масавай інфармацыі, якія імі выдаваліся.

Выяўлення на старонках прэсы матэрыялы датычацца наступных канфесій: праваслаўнай, уніяцкай (неауні), пратэстанцкай.

Матэрыялы на тэму Праваслаўнай царквы. У газеце «Крыніца» матэрыялы на тэму Польскай аўтакефальнай Праваслаўнай царквы сустракаліся досыць часта, прытым можам вызначыць, што адносіны да праваслаўных вернікаў і царквы ў іх – пазітыўныя. Некаторыя аўтары нават выказвалі ідэі аб’яднання царквы і касцёла [4, с. 2–3; 5, с. 1]. Пасля 1926 г. было адзначана, што аўдыторыя выдання – гэта, у тым ліку, праваслаўнае сялянства [6, с. 1]. У іншым нумары ў артыкуле было акцэнтавана, што газета не выключае і праваслаўных беларусаў [7, с. 1–2].

У 1930 г. праваслаўнае жыццё ў Заходняй Беларусі ў газеце сталі рэгулярна асвятляць і ўласныя праваслаўныя аўтары. Матэрыялы пад псеўданімамі «Праваслаўны беларус», «Міранін-беларус» і «Праваслаўны дзеяч» станавіліся больш частымі. Тэмы гэтых матэрыялаў – беларусізацыя ПАПЦ, шкода ўніі і магчымасць аб’яднання праваслаўнай царквы і касцёла [8, с. 1; 9, с. 1]. Аднак ужо ў 1936 г. матэрыялаў на тэму Праваслаўнай царквы ў Заходняй Беларусі станавілася значна менш. Верагодна, гэта было звязана з цяжкасцямі, якія ўзніклі ў газеты з яе выданнем, канфіскацыяй нумароў і перыядычным яе закрыццём.

Публікацыя праваслаўных аўтараў на старонках газеты «Крыніца» не з’яўляецца выпадковасцю. Вядома, што ў БХД дзейнічала праваслаўная фракцыя [10, с. 544]. Сама «Крыніца» пісала аб тым, што пасля 1926 г. адбылася пэўная трансфармацыя ў газеце: высветлілася, што сярод супрацоўнікаў і прыхільнікаў газеты былі і праваслаўныя, таму з таго моманту газета паступова пераставала быць выключна каталіцкай, наадварот, яна ставіла сабе за мэту аб’ядноўваць беларусаў, а не падзяляць [7, с. 1].

Зусім іншая тэндэнцыя назіралася ў часопісе «Chrysosijanskaja Dumka». Артыкулы на тэму Праваслаўнай царквы і праваслаўнага жыцця былі далёка не такімі частымі, як у газеце «Крыніца». На нашу думку, адзін з аспектаў, які тлумачыць такі кантраст, – гэта той факт, што часопіс меў канфесійны напрамак. Ён дакладна акрэсліваў сваю аўдыторыю – беларускія каталіцкія вернікі і выходзіў з дазволу віленскага каталіцкага арцыбіскупа-мітрапаліта. Так, можна зрабіць выснову, што мэта часопіса была распавядаць пра касцельнае жыццё і догмы каталіцкім вернікам [11, с. 1; 12, с. 1]. Аднак з 1935 г. у некаторых нумарах часопіса усё ж сталі з’яўляцца нешматлікія матэрыялы на тэму праваслаўнага жыцця ў Заходняй Беларусі. Гэта былі як навіны, так і лісты праваслаўных вернікаў у рэдакцыю часопіса [13–17]. Таксама ў часопісе быў надрукаваны матэрыял з заклікам да далучэння праваслаўных вернікаў да Каталіцкага касцёла, дзе кожны чалавек можа знайсці «збаўленне вечнае» [18, с. 7–8]. Аўтар прапанаваў вярнуцца «братам-праваслаўным» да веры іх айцоў, «за якую яны кроў пралівалі». Так, згодна з яго інтэрпрэтацыяй, продкі цяперашніх праваслаўных беларусаў спрадвеку былі каталікамі, якія двойчы адарваліся ад свайго веравызнання: у 1054 г., калі Ёсход «адшчапіўся ад Рыму, ад гэтай Пятровай скалы»,

і ў 1839 г., калі была скасаваная Берасцейская царкоўная ўнія. Аўтар нагадаў, што ў беларусаў была ўнікальная магчымасць вярнуцца ў лона каталіцтва – перайсці ў неаунію. На яго думку, «адно з найважнейшых заданняў беларускага народа – гэта “гэта Унія”» [18, с. 8].

Часопіс «Шлях моладзі» на працягу свайго выхаду публікаваў няшмат матэрыялаў на тэму Праваслаўнай царквы. У асноўным, гэта былі навіны аб праваслаўным жыцці ў Заходняй Беларусі [19–21], развагі на тэму праваслаўнай моладзі і царквы, царкоўнага сабору [22; 23]. Так, аўтар Мірон Астапчык у артыкуле «Беларуская праваслаўная моладзь і царква» выказваў думку, што праваслаўная моладзь не была настроена варожа да самой ПАПЦ, хутчэй, яна мела варожы настрой да духавенства і яго «клерыкальна-буржуазнай палітыкі». Гэта было звязана з недапушчэннем беларускай мовы ў царкоўны асяродак і рэлігійную працу [22, с. 4].

Стаўленне да неауніі. У 1921 г. папулярнай рубрыкай газеты «Крыніца» стала рубрыка «Куток аб уніі», дзе аўтары разважалі аб тэарэтычным злучэнні Праваслаўнай царквы і Каталіцкага касцёла [24, с. 2; 25, с. 2; 26, с. 2]. Аднак пасля таго, як на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1924 г. стала рэальна адраджацца ўніяцкая царква (неаунія), стаўленне аўтараў «Крыніцы» да гэтага працэсу стала негатыўным.

Так, саму ідэю злучэння Праваслаўнай і Каталіцкай цэркваў ў газеце называлі святой. Аднак факт стварэння «новай уніі», які замкнуў «у клетку “старую” ўнію» не выклікаў адабрэння сярод дзеячаў БХД [27, с. 2]. Акрэслівалася, што погляд на ўнію БХД быў вядомы ў шырокіх колах [28, с. 1]. Асноўны тэзіс супраць яе распаўсюджання заключаўся ў тым, што яна спрыяла паланізацыі беларускага насельніцтва і насіла больш палітычны характар, чым рэлігійны. Унія «сярод палякаў была пажаданай настолькі, на колькі магла служыць паланізацыі беларускага насельніцтва» [28, с. 1]. З матэрыялаў «Крыніцы» вынікае, што польскі ўрад спачатку не імкнуўся да распаўсюджання ўніі, але пасля пайшоў на ўступкі. Пашыраць жа унію мусілі польскае духавенства і біскупства. Таму ўнію называлі і «польскай», і «казённай».

Негатыўным ўспрымаўся таксама і той факт, што да адраджэння ўніі прычыніліся польскія езуіты: па меркаванні аўтараў, яны пайшлі па лініі польскай традыцыйнай палітыкі, якая абмінала пры гэтым мову і характар беларусаў [28, с. 1]. Да ўніі далучаліся або тыя, «што павадзіліся з сваім свяшчэннікам, або тыя, што дзеля розных асабістых мэтаў хочуць мець добрую марку ў палякаў, а таксама тыя, хто пабачыў, што прадстаўнікі альбертынскай місіі за духоўныя паслугі бяруць менш грошай, чым праваслаўныя, або зусім не бяруць» [28, с. 1].

Аўтары «Крыніцы» былі занепакоены таксама і становішчам праваслаўных вернікаў на фоне пашырэння неаўніі [27, с. 2]. Па іх меркаванні, каб выкараніць у праваслаўнага насельніцтва нелюбоў да Поль-

пчы, яе ўлады пайшлі двума шляхамі [29, с. 1]. Адзін шлях заключаўся ў кароткатэрміновым пераходзе ў лацінскі абрад, а другі – праз усходні абрад. Наконт апошняга аўтар задаецца істотным пытаннем: чаму справу рэлігійнай уніі далучылі не ўніяцкім біскупам з Галічыны, замест гэтага – прызначылі новага біскупа? Далей сам жа на яго і адказаў. Па-першае, унія на Галічыне насіла украінскі характар, таму польскі ўрад баяўся, што ўнія магла б мець нацыянальны характар і ў Заходняй Беларусі. Другая прычына заключалася ў адрозненнях абрадаў. Аўтар зрабіў выснову, што рэлігійнае змаганне паміж каталіцтвам і праваслаўем насіла найперш палітычныя мэты: «Пакуль унія будзе звязвана з палітыкай і пакуль яна «не будзе выпушчана з польскіх рук, яна асуджана на смерць» [29, с. 1].

Шкоднасць уніі, па меркаванні аўтараў «Крыніцы», была яшчэ і ў тым, што на землях Заходняй Беларусі кіравала распаўсюджаннем уніі камісія Pro Russia [30, с. 1–2]. Свядомыя беларусы баяліся не толькі паланізацыі, але і русіфікацыі. Аўтар пад псеўданімам «Вясковец» у артыкуле пад назвай «Пункты ў справе рэлігійнай уніі» зрабіў выснову, што ў Рыме Беларусь не прызнавалі, калі дзейнасць адбывалася пад такой назвай [31, с. 1].

У часопісе «Хрысціянская думка» аб неауніі аўтары пісалі з зусім іншай канатацыяй. Найперш, пра гэта сведчыць артыкул у адным з першых нумароў [11, с. 1] «Аб чым пісаць у «Хрысціянскую думку», у якім аўтары, між іншым, раілі пісаць і на тэму неауніі.

Аб станоўчым стаўленні да ўніі рэдакцыі сведчылі рэгулярнае асятленне ўніяцкага жыцця ў Заходняй Беларусі, абвесткі для тых, хто жадаў паступаць ва ўніяцкую семінарыю [32], інфармацыйныя нататкі [33–35]. Сярод іншага варта разгледзець публікацыю «Адзін дзень у Альбертыне» – рэпартаж з месца, дзе размяшчаўся цэнтр місіі ўніяцаў [36, с. 4–7]. Галоўнай мэтай місіі аўтар назваў абуджэнне праваслаўных беларусаў «старую беларускую пабожнасць, знуючую з часоў уніі на Беларусі». Ён даў ацэнку дзейнасці уніятам у Альбертыне – «Бог благаславіць іхным пачынаннем». Аўтар захапіўся тым фактам, што казанне на літургіі святар прамаўляў па-беларуску. Аднак, па яго словах, вернікі звыкліся да таго, што «айцец Антоні Дуброўскі так заўжды і рабіў». Пасля аўтар апісаў дзіцячы вечар у беларускім дзіцячым прытулку. У канцы ён зрабіў выснову: у касцёле кожнаму можна знайсці месца і «сардэчная апека над душою людскай» [36, с. 7].

Аднак у часопісе друкаваліся і іншыя меркаванні наконт неауніі. Так, у артыкуле пад назвай «Назначэнне біскупа для ўніяцаў» [37, с. 1] уніяцкая праца была акрэслена як нязначная. Па меркаванні аўтара, на беларускіх і украінскіх землях паўсталі ўнііныя асяродкі «як першыя зярняткі да вялікай справы ў недалёкай быць можа будучыне». Аднак на ўнію Польшча глядзела як на спробу паланізацыі беларусаў і ўкраінцаў. Аўтар ускладаў надзею на Чарнецкага, які мог даць развівацца беларускай мове ва ўніяцкіх цэрквах.

Часопіс «Шлях моладзі» не надзяляў асаблівай увагі ўнійнаму пытанню.

Матэрыялы на тэму пратэстанцкай царквы. Увага аўтараў газеты «Крыніца» была звернута і да вернікаў-пратэстантаў, якія ў міжваенны час распаўсюджваліся на тэрыторыі Заходняй Беларусі. У друку іх называлі «сэктантамі». Так, у артыкуле «Касцёл, Царква, Метадызм (да ідэалогіі БХД)» аўтары паказалі, каго яны лічылі за «сваіх», а каго – за «чужых» [38, с. 1]. Так, Касцёл і Царква – «гэта не ворагі нашай народнасці, а сапраўдныя прыяцелі». У той жа час метадызм, па іх меркаванню, прыносіў загубу веры, аслабленне маральных сіл і поўную яго залежнасць ад свецкай улады [38, с. 1]. Аўтары лічылі, што метадызм не мог дапамагчы беларускай справе і рэлігійнаму выхаванню беларусаў.

У артыкуле «Сектанцтва ў беларускіх масах і яго прычыны» аўтар пад крыптанімам J.P. разважаў аб тым, што за некалькі стагоддзяў на беларускіх землях укаранілася разуменне, што каталікі – гэта палякі, а праваслаўныя – рускія [39, с. 1–2]. У сваю чаргу, «праваслаўна-расейскае і каталіцкай-польскае» духавенства не змагло даць беларусам таго, што яны прагнулі, таму і адбываўся пераход беларусаў у так названыя секты. Вернікаў пратэстанцкай канфесіі аўтар назваў сектантамі – «няпрошаныя павадыры духовага жыцця беларускіх мас». Аўтар назваў тры найбольш моцныя цэнтры баптыстаў – Брэст, Валожын, Ліда. Таксама ён згадаў, што «яны» (відавочна, сябры БХД – аўт.) атрымлівалі звесткі аб пераходах і каталікоў, і праваслаўных у пратэстантызм па ўсёй Заходняй Беларусі. Веравучэнне пратэстантаў ён назваў «сектанцкай прапагандай», а сектанцтва – духоўным заняпадам народу і заклікаў праваслаўнае і каталіцкае духавенства рабіць захады, каб спыніць яго распаўсюджанне на Заходняй Беларусі [39, с. 2].

Дакладна акрэсліў сваю пазіцыю ў адносінах да пратэстантаў і часопіс «Хрысціянская думка». Часопіс не абмінаў публікацыю матэрыялаў на тэму шкоднасці сектаў для беларускага народу. Так, у артыкуле «Сэкты і беларускі народ» было напісана: «Хто шчыра шукае Бога і праўдзівага жыцця духовага, той гэта знойдзе ў касцёле і шукаць розных сэктаў ён зусім не патрабуе» [36, с. 1]. У канцы артыкула аўтар, які сябе не пазначыў, зрабіў выснову: кожны, хто падтрымлівае «сэктанцкую працу», «дзяленне і яшчэ большае драбленне беларускага народу», робіць злачынства [36, с. 2].

У артыкуле «Рэлігійнае сэктанцтва» аўтар выказаў меркаванне, што сектанцтва сярод беларускага насельніцтва развілася там, дзе было слабае нацыянальнае ўсведамленне і нізкі ўзровень культуры [40, с. 5]. Найбольш развітай тэрыторыяй развіцця пратэстантызму аўтар вылучыў Палессе. Баптыстаў ён акрэсліваў як тых, хто прапаведаваў духоўны пацыфізм «несупраціў злу». Метадысты агітавалі супраць ўсіх догмаў хрысціянства. Адвентысты казалі, што хутка на свет прыйдзе Ісус Хрыстос. «Даследнікі сьвятога пісьма» – «развіваюць нейкі асаблівы сацыяльны радыкалізм». Узгадаў ён і пра секту «мурашкаўцаў», якую стварыў Іван Мурашка і

назваў «Сэктай святога Сіёну». Аўтар апраўдваў сялян, якія шукалі праўды і справядлівасці, але траплялі ў такія сектанцкія пасткі, і рабіў выснову, што сектанты «дураць галовы неасъвечаным беларускім сялянам сваім прымітывізмам і бязглуздым «прароцтвам». А на тое, што пратэстанты выдавалі па-беларуску часопісы і брашуры ён зрабіў заклік да беларускага духавенства звярнуць большую ўвагу на «запушчаную беларускую ніву».

У часопісе «Шлях моладзі» аўтары тэму жыцця пратэстанцкіх цэркваў не падымалі.

Такім чынам, можна зрабіць наступныя высновы:

1. У партыі БХД і, адпаведна, газеты «Крыніца» да Праваслаўнай царквы былі цалкам спрыяльныя адносіны. Гэта тлумачыцца найперш тым, што ў склад БХД ўваходзілі праваслаўныя актывісты, што не магло не адлюстравацца на публікацыях газеты. Варта яшчэ адзначыць той факт, што пасля 1930 г. газета стала таксама і пляцоўкай для выказвання праваслаўных вернікаў. Гэтыя факты кажуць аб тым, што на старонках газеты «Крыніца» паміж праваслаўнымі і каталіцкімі вернікамі адбываўся міжканфесійны дыялог. У часопісе «Хрысціянская думка» не было матэрыялаў, дзе б варожа ставіліся да вернікаў ПАПЦ, аднак, з той прычыны, што аўтары лічылі каталіцтва адзінай «правільнай» канфесіяй, часопіс заклікаў праваслаўных далучацца да Касцёла праз унію. Часопіс «Шлях моладзі» друкаваў матэрыялы і аналіз становішча ПАПЦ, аднак сваёй адзнакі дзейнасці праваслаўных вернікаў не даваў.

2. Хоць аўтары і газеты «Крыніца», і часопіса «Хрысціянская думка» выступалі за злучэнне каталіцкіх і праваслаўных вернікаў, але да распаўсюджання неауніі стаўленне ў іх было розным. Калі «Крыніца» і БХД не прымалі неаунію, то аўтары часопіса «Хрысціянская думка» ставіліся да яе спрыяльна, хоць збольшага матэрыялы на тэму неауніі былі інфармацыйныя. Погляд «Крыніцы» на распаўсюджанне неаўніі быў нязменны: неаўнія ў Заходняй Беларусі рэалізоўвалася як палітычны праект, які быў чужым для беларусаў.

3. Да пратэстантаў ў рэдакцыі і газеты «Крыніца», і часопіса «Хрысціянская думка» стаўленне было аднолькавым: розныя плыні пратэстантызму, якія атрымалі распаўсюджанне ў міжваенны час на тэрыторыі Заходняй Беларусі, называліся «сэктамі, якія дэструктыўна ўплывалі на рэлігійнасць беларусаў».

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Говін, С. В. Канфесійны друк у Беларусі / С. В. Говін. – Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2008. – 287 с.
2. Chryscijanskaja Dumka. – 1928. – № 1.
3. Białoruskaja Krynica. – 1929. – № 26.
4. Krynica. – 1924. – № 36.

5. Białoruskaja Krynica. – 1931. – № 32.
6. Białoruskaja Krynica. – 1926. – № 1.
7. Białoruskaja Krynica. – 1926. – № 38.
8. Białoruskaja Krynica. – 1928. – № 42.
9. Białoruskaja Krynica. – 1932. – № 36.
10. *Станкевіч, А. 3 Богам да Беларусі / А. Станкевіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. – 1097 с.*
11. Chryscijanskaja Dumka. – 1928. – № 6.
12. Chryscijanskaja Dumka. – 1928. – № 9.
13. Chryscijanskaja Dumka. – 1937. – № 9.
14. Chryscijanskaja Dumka. – 1938. – № 6.
15. Chryscijanskaja Dumka. – 1938. – № 22.
16. Chryscijanskaja Dumka. – 1938. – № 31.
17. Chryscijanskaja Dumka. – 1938. – № 34.
18. Chryscijanskaja Dumka. – 1935. – № 6.
19. Шлях моладзі. – 1935. – № 12.
20. Шлях моладзі. – 1938. – № 17.
21. Шлях моладзі. – 1939. – № 3.
22. Шлях моладзі. – 1937. – № 10.
23. Шлях моладзі. – 1938. – № 8.
24. Krynica. – 1921. – № 29.
25. Krynica. – 1921. – № 27.
26. Krynica. – 1921. – № 23.
27. Białoruskaja Krynica. – 1927. – № 35.
28. Białoruskaja Krynica. – 1927. – № 34.
29. Białoruskaja Krynica. – 1931. – № 17.
30. Białoruskaja Krynica. – 1933. – № 1.
31. Białoruskaja Krynica. – 1931. – № 34.
32. Chryscijanskaja Dumka. – 1929. – № 11.
33. Chryscijanskaja Dumka. – 1928. – № 20.
34. Chryscijanskaja Dumka. – 1931. – № 3.
35. Chryscijanskaja Dumka. – 1937. – № 17.
36. Chryscijanskaja Dumka. – 1931. – № 4.
37. Chryscijanskaja Dumka. – 1931. – № 3.
38. Białoruskaja Krynica. – 1928. – № 28.
39. Białoruskaja Krynica. – 1932. – № 31.
40. Chryscijanskaja Dumka. – 1939. – № 9.

(Дата падачы: 23.02.2022 г.)

П. Ю. Булаты

Інстытут менеджменту спорту і турызму,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт фізічнай культуры, Мінск

P. Bulaty

Institute of Sports and Tourism Management,
Belarusian State University of Physical Culture, Minsk

УДК 94(476)"15"

АКАЛІЧНАСЦІ АТРЫМАННЯ САСЛОЎНАГА ТЫТУЛА СВЯТОЙ РЫМСКАЙ ІМПЕРЫІ МІКАЛАЕМ МІКАЛАЕВІЧАМ РАДЗІВІЛАМ У XVI СТ.

CIRCUMSTANCES OF RECEIVING THE TITLE OF THE HOLY ROMAN EMPIRE BY MIKOLAI RADZIVIL IN THE XVI ST.

Артыкул прысвечаны праблематыцы, звязанай са з'яўленнем першага тытула Святой Рымскай імперыі ў Вялікім Княстве Літоўскім. Увага надаецца асноўным акалічнасцям працэсу: носбіт тытула, міжнародная абстаноўка, абставіны атрымання, легалізацыя тытула ў ВКЛ, лёс тытула.

Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае; тытулярная традыцыя; магнатэрыя; Святая Рымская імперыя; Радзівілы.

The article is devoted to the issues related to the appearance of the first title of the Holy Roman Empire in the Grand Duchy of Lithuania. Attention paid to the main circumstances of the process: the holder of the title, the international situation, the circumstances of obtaining, the legalization of the title in the GDL, the fate of the title.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; titular tradition; magnate; Holy Roman Empire; Radzivils'.

У XVI ст. у грамадстве Вялікага Княства Літоўскага з'явіліся еўрапейскія саслоўныя тытулы. Тытулы, на думку амерыканскага даследчыка К. Раффэнспэргера, – гэта важны маркер сацыяльнага статусу ў грамадска-палітычнай структуры: яны з'яўляюцца індыкатарам і спосабам ранжыравання і вызначэння найбольш магутных (ушльвовых) асоб [1, с. 179].

Да XVI ст. на землях Вялікага Княства Літоўскага ў асяроддзі мясцовай знаці панавала адзіная старажытная форма наблітацыі – «князь». Гэты тытул разумеўся як ганаровае спадчыннае званне, якое не надавала яго носбіту ніякіх адміністрацыйных і маёмасных пераваг, бо сацыяльнае становішча вызначалася пасадаю [2, с. 31]. Аднак у пачатку XVI ст. усталяваны грамадскі лад быў парушаны, з'явіўся прэцэдэнт атрымання замежнага саслоўнага тытула прадстаўніком дому Радзівілаў.

Галоўная мэта прадстаўленага даследавання – акрэсліць асноўныя акалічнасці з'яўлення першага замежнага персанальнага тытула ў сацыяльнай структуры Вялікага Княства Літоўскага. Вызначэнне акалічнасцей –

досыць шырокае поле для даследчай дзейнасці, бо ў любым гістарычным працэсе акалічнасцей можна вылучыць мноства. У кантэксце нашай працы выяўленне ўмоў, якія вызначылі з'яўленне замежных тытулаў, палягае ў пошуку адказаў на наступныя пытанні:

- кім быў носьбіт першага замежнага тытула?
- якой была тагачасная міжнародная абстаноўка?
- якімі былі абставіны атрымання тытула?
- як адбылася легалізацыя тытула ў Вялікім Княстве Літоўскім?
- як склаўся лёс тытула?

Першым, хто атрымаў у Вялікім Княстве Літоўскім замежны еўрапейскі тытул, які паходзіў са Святой Рымскай імперыі, быў Мікалай Мікалаевіч Радзівіл па мянушцы *Amor Poloniae* (~1470–1521). Мікалай Радзівіл, як адзначае даследчыца Н. Скеп'ян, «са сваімі братамі ў пачатку XVI ст. вызначаў палітычны фон у дзяржаве» [3, с. 10]. Адлюстроўвае гэта яго кар'ерны рост, палітычная і вайсковая актыўнасць. Так, з 1505 г. Радзівіл займаў пасаду вялікага маршалка, спадарожна з 1505 па 1510 гг. – троекага ваяводы. На вяршыню палітычнай кар'еры Радзівіл узышоў 20 ліпеня 1510 г., калі атрымаў урад віленскага ваяводы і канцлера, з чым стаў узначальваць найвышэйшы орган дзяржаўнай улады Вялікага Княства Літоўскага. Спадарожна Радзівіл удзельнічаў у значных вайсковых кампаніях: частых войнах з Маскоўскай дзяржавай пачатку XVI ст., бітве на Вядрошы (1500), Клецкай бітве (1506 г.). Як заканамерны вынік – высокі і ўплывовы ўраднік уваходзіць у дыпламатычную службу вялікага князя і прадстаўляе інтарэсы Вялікага Княства Літоўскага на міжнароднай арэне. Атрыманне ім замежнага тытула было магчымым толькі ў кантэксте пэўных міжнародных адносін.

Актуальныя для нас міжнародныя адносіны ў рэгіёне ў пачатку XVI ст. былі сканцэнтраваныя ў трыкутніку Святая Рымская імперыя – Вялікае Княства Літоўскае – Вялікае Княства Маскоўскае. На фоне супрацьстаяння Вялікага Княства Літоўскага з Вялікім Княствам Маскоўскім разгортвалася і барацьба дыпламатычная за падтрымку ад Святой Рымскай імперыі, у якой былі зацікаўленыя абодва бакі. Адным з ключавых момантаў, які вызначыў прыярытэты нямецкай дзяржавы, была пераможная для Вялікага Княства Літоўскага Аршанская бітва (8.IX.1514). ВКЛ скарысталася перамогай у дыпламатычнай барацьбе і схіленні на свой бок еўрапейскіх манархаў. Важным эпізодам змагання на дыпламатычным фронце стала правядзенне Венскага кангрэса – сустрэчы трох манархаў у Вене, якая адбылася 15–26 ліпеня 1515 г., у якой прымалі ўдзел Ягелоны (Жыгімонт I Стары, кароль Польшчы і вялікі князь літоўскі; Уладзіслаў II Ягелончык, кароль Багеміі і Венгрыі) і Габсбургі (Максіміліян I, імператар Свяшчэннай Рымскай імперыі). Сустрэча манархаў у Вене – гэта не толькі акт дыпламатычнай супрацы дзяржаў, але і важны іміджавы крок ВКЛ на еўрапейскай палітычнай арэне.

Літоўскага манарха Жыгімонта Старога на сустрэчу ў Вене суправаджалі вышэйшыя саноўнікі Вялікага Княства Літоўскага Мікалай Радзівіл і Альбрэхт Гаштольд (†1539; на той момант – ваявода троцкі). Адметнасць Венскага кангрэса – імпазантны знешні выгляд сустрэчы [4, с. 603], які быў дасягнуты, праўдападобна, дзякуючы дэлегацыі з ВКЛ. Вяльможы, па сведчаннях храніста Мацея Стрыйкоўскага (1547–1593; польскі гісторык, паэт і пісьменнік і дыпламат), арганізавалі вялікае музычнае прадстаўленне і касцюміраваныя забавы. Адна з іх – пампезная перадача палонных татараў і маскавітаў імператару, арганізаваная Радзівілам. Асабліва ж уразлілі еўрапейцаў прывезеныя музыкі, якія былі задзейнічаны на імператарскай месэ [4, с. 603–604; 5, с. 385–386]. Як вынік – арганізаваная ўрачыстасць палепшыла вобраз Вялікага Княства Літоўскага ў вачах прысутных.

Трэба меркаваць, што ў рамках дыпламатычнага пратаколу імператар Максіміліян I зрабіў сустрэчны крок і паднёс самым знатым сваім гасцям багатыя дары ў знак падзякі за іх паспяховыя намаганні [4, с. 604]. Акрамя таго, у асобе вяльможаў з атачэння Жыгімонта Старога нямецкі імператар бачыў патэнцыйных саюзнікаў у прасоўванні сваіх дыпламатычных інтарэсаў у Вялікім княстве. Відавочна, што аднымі каштоўнымі падарункамі першых асоб дзяржавы схіліць на свой бок і залагодзіць – цяжка, таму Максіміліян I пайшоў на іншы крок, які палягаў у плоскасці задавольвання асабістых амбіцый вяльможных гасцей і які адпавядаў узроўню і прэрагатыве манарха Святой Рымскай імперыі. Так, Максіміліян I вырашыў уганараваць самых выбітных і ўплывовых саноўнікаў з атачэння Жыгімонта Старога імперскім тытулам – «князь Святой Рымскай імперыі» (Reichsfürst). Такі гонар манарх аказаў канцлеру Польшчы Крыштафу Шыдлавецкаму і яго літоўскаму калегу Мікалаю Радзівілу.

Але далей справа разгарнулася зусім нечакана: магнаты з падзякай публічна адмовіліся ад прызначанай ім узнагароды [4, с. 605]. Цалкам верагодна, што такі крок мог быць здзейснены пад ціскам грамадскага меркавання ў атачэнні магнатаў. Пацвярджае гэта ўскосна пазіцыя адносна імперскіх тытулаў, акрэсленая Янам Фірлеем (†1614; вялікі каронны падскрабі), які ў лісце да сына красамоўна апісвае, як супольнасць польскіх і літоўскіх шляхціцаў на Венскім кангрэсе з гонарам адмовіліся ад нямецкіх тытулаў на карысць уласных прынцыпаў [6, с. 121].

На думку даследчыка О. Халецкага, такі крок быў здзейснены па дзвюх прычынах.

Па-першае, вяльможы адмаўляліся ад тытула, каб не рабіліся новаўвядзенні, якія б супярэчылі правам і роўнасці ўнутры кансерватыўнага шляхецкага саслоўя. Досьць лагічная прычына, калі ўлічыць, што юрыдычная роўнасць прадстаўнікоў шляхты лічылася догмай і раўніва абаранялася. Пры такім стане спраў нельга было дапусціць павышэння чыйго-небудзь статусу.

Па-другое, тытул замежнай дзяржавы быў сумнеўным не толькі ў сацыяльным, але і ў палітычным рэчышчы. Тытул «князь Святой Рымскай імперыі» меў канкрэтныя палітычныя правы і абавязкі, што фармальна павінна было паставіць яго носьбіта ў пэўную залежнасць ад імператара [4, с. 605–606].

Аднак у выпадку з Мікалаем Радзівілам справа з імперскім тытулам не спынілася ў 1515 г. Так, літоўскі канцлер publice адмовіўся ад тытула князя імперыі, але адразу пасля кангрэса Радзівіл у прыватным парадку пачаў рабіць захады, каб той самы тытул атрымаць. Яго матывацыю можна зразумець і растлумачыць тым, што на той момант яго род быў ужо досыць заможным, магутным і ўплывовым. Пры гэтым у Вялікім Княстве Літоўскім на той час яшчэ квітнелі шматлікія галіны мясцовых княжацкіх родаў – нашчадкаў Рурыка і Гедыміна. Па сваім сацыяльным статусе большая частка гэтых родаў не мела такога ўплыву, які быў у Радзівілаў (у XV–XVI ст. носьбіты тытула сярод ключавых урадавых пасад прадстаўлены досыць сціпла, пераважная большасць ураднікаў – прадстаўнікі нетытулаванага баярства [7]), але ў Радзівіла не было тытула, які б надаваў глянцу і велічы яго дому. Імкненне да тытулу, які не даваў сацыяльных пераваг, тлумачыцца сферай задавальнення асабістых амбіцый.

Трэба меркаваць, што адмова ад наблітацыі не самым добрым чынам паўплывала на стаўленне Максіміліяна да Радзівіла і працэс «паўторнага» атрымання тытула расцягнуўся на тры гады. Пры гэтым, пратэкцыю і дапамогу ў гэтай справе яму аказваў высокі царкоўны саноўнік Лаўрэнцій Мендзылеўскі.

Аб тым, што Радзівіл рабіў захады для атрымання прапанаванага яму тытула адразу пасля Венскага кангрэса вядома з перапіскі царкоўнікаў Пятра Таміцкага і Яна Хоенскага. З ліста вынікае, што першапачатковая адмова ад тытула ускладніла яго вяртанне і ў гэтай справе найперш трэба было заручыцца падтрымкай імперскага сакратара Якуба Шпігеля, якому за ўласныя высілкі былі паабяцаны 100 гульдэнаў [4, с. 608; 8, Нг. 250].

Трэба меркаваць, што захады гэтыя былі паспяховыя, але ўзамен на тытул імператар разлічваў на падтрымку і пасрэдніцтва літоўскага канцлера. У наступныя гады можна прасачыць, як актывізаваліся адносіны двара Габсбургаў і Радзівіла, а таксама, якую пазіцыю заняў Радзівіл па некаторых важных для Максіміліяна I пытаннях.

Па-першае, Радзівіл адмовіўся ад свайго плану выдаць сваю сястру Ганну Радзівіл замуж за Жыгімонта Старога, дзякуючы чаму, фактычна, стаў магчымы шлюб літоўскага манарха з Бонай Сфорца – нявестай, якую прапанаваў імператар Максіміліян I [4, с. 608].

Па-другое, Радзівіл спрыяў станоўчаму для імперыі рашэнню пытання аб удзеле Вялікага Княства Літоўскага ў кааліцыі супраць Турцыі [4, с. 609].

Урэшце, 25 лютага 1518 г. імперская канцэлярыя выдала дыплом аб наданні Мікалаю Радзівілу тытула «князь на Гонядзі і Мядзелі». Гэты каштоўны дакумент магнату перадаў знакаміты нямецкі дыпламат С. Герберштейн, за што атрымаў добрую падзяку ад Радзівіла – два добрых каня (інаходзец і конь пад вазок), а таксама вялікую колькасць рыбы [9, с. 635].

Сам дыплом – дакумент адметны. Гэта акт, філігранна напісаны на пергаменце досыць вялікага памеру. Арыгінал цэсарскай граматы Мікалаю Радзівілу захоўваецца ў галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве [10].

Першая частка справы была зроблена, Радзівіл атрымаў жаданы дыплом ад імператара, але атрыманы тытул трэба было легітымізаваць у Вялікім Княстве Літоўскім. У тым жа годзе такая нагода надарылася на Берасцейскім сойме (11 лістапада 1518 – 3 сакавіка 1519). Паўстае заканамернае пытанне: як у рэчышчы так званай догмы аб непарушнай роўнасці шляхецкага саслоўя імперскі тытул Радзівіла быў легітымізаваны?

Адказ на гэтае істотнае пытанне, на нашу думку, крыецца ў лаканічным удакладненні, якое сустракаецца ў працы гісторыка Альберта Віюк-Каяловіча (1609–1677). У сваёй знакамітай «Гісторыі Літвы» (*Historiae Lithuaniae pars altera [...] Віюк-Каяловіч надаў увагу з’яўленню першага замежнага ў Вялікім Княстве Літоўскім (дарэчы, на гэты ж сюжэт у рамках вывучэння Берасцейскага сойму 1518 г. звяртае ўвагу і даследчык М. Любаўскі [11, с. 212]). Віюк-Каяловіч адзначае, што на сойме станы дазволілі Мікалаю Радзівілу прыняць княжацкі тытул ад цэзара Максімیلیяна, і ўдакладняе: як дзядзьку князёў Мазавецкіх па мацеры [12, с. 374]. Канешне, да звестак з гістарыяграфічных прац XVII ст., якія не маюць звыклых для нас спасылак на аўтарытэтных дакументы, трэба ставіцца з істотнай доляй крытыкі, але ў гэтым выпадку, на нашу думку, варта прыглядзецца да тэзісу больш уважліва і разабрацца з ім, бо ён падаецца досыць лагічным і не выпадковым.*

Адзначым, што Мікалай Радзівіл сапраўды меў пэўныя сямейныя сувязі з домам Мазавецкіх князёў. Ганна Радзівіл (1476–1522) – сястра Мікалая (менавіта яе ён планаваў выдаць замуж за вялікага князя Жыгімонта Старога, але адступіўся ад сваіх намераў на карысць шлюбу манарха з Бонай Сфорца) была ў шлюбе з мазавецкім князем Конрадам III Рудым, з якім мела дзяцей. Пасля яго смерці Ганна была рэгентам Мазавецкага княства (да 1518 гг.), пакуль сыны памерлага Конрада III не дасягнулі адпаведнага ўзросту для самастойнага кіравання княствам. Адпаведна, Мікалай Радзівіл прыходзіўся родным дзядзькам князям Станіславу і Янушу Мазавецкім.

Фактам гэтага сваяцтва, на нашу думку, вырашыў скарыстацца Радзівіл. Схема дзеяння магла выглядаць наступным чынам. На сойме перад станамі і манархам Радзівіл апелываў да тытула князёў Мазавецкіх з якімі знаходзіўся ў сваяцтве і праз гэта сваяцтва абгрунтоўваў права атрымаць княжацкі ты-

тул ад імператара Святой Рымскай імперыі. Фактычна гэта не з’явілася ўнясеннем у сацыяльны лад новага элемента, які б стаўся чыннікам для парушэння роўнасці шляхецкага стану.

Справа з легалізацыяй тытула для князя Мікалая Радзівіла скончылася паспяхова: пацвярдзальны прывілей Жыгімонта Старога быў выдадзены [13]. Адзначым, што пэўная роля Мазавецкіх князёў у справе зацвярджэнне тытула Радзівіла ў гістарыяграфіі агучвалася. Як адзначае Н. Скеп’ян, «магчыма, на такое [станоўчае – аўт.] рашэнне вялікага князя паўплывалі добрыя стасункі Жыгімонта Старога з Ганнай з Радзівілаў, княжной мазавецкай» [3, с. 20].

Аднак тытулам Радзівіл змог пакарыстацца зусім не шмат часу, яго жыццё абарвалася ў 1521 г. Даследчыца Н. Скеп’ян адзначае, што тытул не прыжыўся (пацвярджаюць гэта дакументы, у якіх Радзівіл ідэнтыфікуе сябе гаспадаром на Ганязі і Райгродзе). Атрыманым тытулам не карысталіся і нашчадкі М. Радзівіла [3, с. 20], да таго ж у 1542 г. са смерцю Яна Мікалая Радзівіла галіна роду на Гонядзі і Мядзелі згасла.

Аднак тытул працягваў «жыццё» у візуальнай прасторы і сямейнай памяці роду Радзівілаў. Так, сам Мікалай Мікалаевіч і яго прамыя нашчадкі тытул не выкарыстоўвалі, але прадстаўнікі дому Радзівілаў іншых ліній тытул «князь на Гонядзі і Мядзелі» трывала атаясамлівалі з Мікалаем Радзівілам. Адлюстравана гэта на партрэтах позняга часу, якія з’яўляюцца формай захавання і трансляцыі родавай памяці.

Так, на выяве (Л. 1.1) Мікалая Радзівіла з нявіжскай партрэтнай галерэі (Muzeum Narodowe w Warszawie, XVIII (?) ст.) бачны лаканічны подпіс, які ідзе першым у шэрагу яго сацыяльных статусаў: «S.R.I. Princes» (князь Святой Рымскай імперыі). На гравюры (Л. 1.2; 1758 г.) аўтарства Г. Ляйбовіча інфармацыя з жыццяпісу Радзівіла пададзена больш шырокая. Адзначаецца, што выяўлены – князь Святой Рымскай імперыі, атрымаў тытул ад імператара Максіміліяна ў 1518 г. (далей адзначаюцца пасады). На сармацкім партрэце (Л. 1.3; XVII (?) ст. Lietuvos nacionalinis muziejus) маецца не толькі славеснае акрэсліванне тытула – «князь Святой Рымскай імперыі на Гонядзі і Мядзелі», але і яго візуалізацыя: Радзівіл трымае ў руках геральдычную княжацкую карону.

Такім чынам, мы можам коротка сфармуляваць паслядоўныя адказы на пытанні, прыведзеныя вышэй.

Носьбіт тытула: Мікалай Мікалаевіч Радзівіл – высокі і ўплывовы ўраднік, які ўваходзіў у дыпламатычную службу вялікага князя і прадстаўляў яго інтарэсы на міжнароднай арэне.

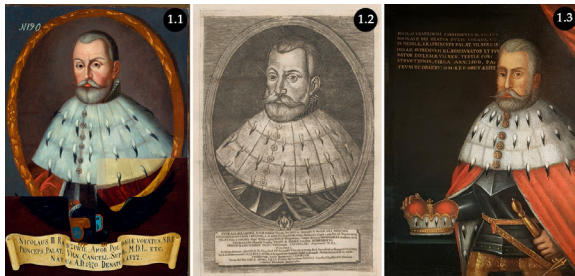
Міжнародная абстаноўка: Вялікае Княства Літоўскае імкнулася да збліжэння са Святой Рымскай імперыяй. Эпізод стасункаў – сустрэча манархаў у Вене, якая разглядаецца не толькі як акт паспяховай дыпламатычнай супрацы ВКЛ і імперыі, але і як важны іміджавы крок княства.

Абставіны атрымання: паспяховая дыпламатычная місія і ўражанне, якое зрабіла дэлегацыя ВКЛ, падштурхнулі імператара Максіміліяна I зрабіць сутрэчны крок: уганараваць самых выбітных і ўплывовых саноўнікаў з атачэння Жыгімонта Старога імперскім тытулам. Да таго ж, у асобе вяльможаў імператар бачыў патэнцыйных саюзнікаў у прасоўванні сваіх дыпламатычных інтарэсаў. Аднак па прычыне таго, каб не парушалася шляхецкая роўнасць і каб не трапіць у пэўную палітычную залежнасць ад імператара, вяльможы публічна адмовіліся ад тытула, аднак Радзівілам адразу ж былі зроблены асабістыя захавы для яго атрымання. Яго матывацыя тлумачыцца сферай задавальнення асабістых амбіцый. У гэтым працэсе Радзівіл заручыўся падтрымкай імперскага сакратара, але ўзамен на тытул імператар разлічваў на падтрымку і пасрэдніцтва літоўскага канцлера, што і атрымаў (у матрыманіяльнай і знешняй палітыцы).

Легалізацыя тытула ў Вялікім Княстве Літоўскім адбылася на Берасцейскім сойме ў 1518 г. Каб не парушаць прынцып шляхецкай роўнасці і не прыносіць нічога новага, Радзівіл апелюе да сваяцкіх сувязяў з тытулаваным родам князёў Мазавецкіх. Сойм і князь зацвердзілі яму тытул, як дзядзьку князёў Мазавецкіх па мацеры, што не з'явілася ўнясеннем у сацыяльны лад новага элемента, які б стаўся чыннікам для парушэння роўнасці шляхецкага стану.

Лёс тытула: тытул не прыжыўся ні адносна самага М. Радзівіла, ні ў адносінах да яго нашчадкаў (галіна роду неўзабаве згасла), але тытул працягваў «жыццё» у візуальнай прасторы і сямейнай памяці роду Радзівілаў у форме партрэтаў, створаных у больш позні час.

Атрыманне замежнага тытула М. Радзівілам – важны гістарычны прэцэдэнт. Па-першае, прадстаўнік Вялікага Княства Літоўскага быў прызнаны і прыняты ў сям'і еўрапейскіх вяльможаў, а па-другое, Радзівіл паказаў прыклад камунікацыі з імперскім дваром, які перанялі яго не менш вяльможныя суйчыннікі. Замежныя тытулы праніклі ў сацыяльную структуру Вялікага Княства Літоўскага, адаптаваліся і паўплывалі на айчынную адметную тытулярную традыцыю.

Рыс. Партрэтная галерэя Мікалая Мікалаевіча Радзівіла з фіксацыяй яго замежнага тытула

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Федосов, А. В. Королевство Русь / А. В. Федосов, К. Раффенспергер. – М.: Центрполиграф, 2021. – 254 с.
2. Булаты, П. Ю. Ляхавіцкае графства ў сістэме магнацкіх уладанняў (XVI–XVIII ст.). / П. Ю. Булаты. – Мінск: БДУФК, 2020. – 217 с.
3. Скеп'ян, Н. Закладанне родавых традыцый на прыкладзе Мікалая Мікалаевіча Радзівіла / Н. Скеп'ян // ARCHE Пачатак. – 2015. – № 6. – С. 10–24.
4. Halecki, O. Die Beziehungen der Habsburger zum litauischen Hochadel im Zeitalter der Jagellonen / O. Halecki // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. – 1915. – Bd. 36. – S. 595–660.
5. Strykowski, M. Kronika polska, litewska, zmódzka i wszystkiéj Rusi / M. Strykowski. – Warszawa, 1846. – 572 s.
6. Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce: w 4 t. – Warszawa, 1822. – T. 4. – 1822. – 504 s.
7. Wolff, J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386–1795 / J. Wolff. – Kraków, 1885. – 698 s.
8. Acta Tomiciana. Legationum. Responsorum. Actionum. et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi Regis Poloniae Magni Ducis Lithuaniae. – T. 3.
9. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн: в 2 т. / под ред. А. Хорошкевич. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – Т. 1. – 776 с.
10. Archiwum Główne Akt Dawnych. – Archiwum Radziwillów. Dz. I. Perg. 7486.
11. Любавский, М. К. Литовско-русский Сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М. К. Любавский. – М.: 1900. – 1160 с.
12. Kojelavičius-Vijūkas, A. Historiae Lithuaniae pars altera a conjunctione cum Regno Poloniae ad unionem eorum Dominiorum libri octo / A. Kojelavičius-Vijūkas. – Antwerpen, 1669.
13. Archiwum Główne Akt Dawnych. – Archiwum Radziwillów. Dz. I. Perg. 7550.

(Дата падачы: 21.02.2022 г.)

С. И. Бусько

Белорусский государственный университет физической культуры,
Минск

S. Busko

Belarusian State University of Physical Culture, Minsk

УДК 796(476)(091)

**ИСТОРИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И СПОРТА БЕЛАРУСИ (1861–1914):
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**HISTORY OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT
OF BELARUS (1861–1914): HISTORIOGRAPHY
AND SOURCES OF RESEARCH**

Статья посвящена проблеме историографии и источников одного из направлений социальной истории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: истории становления физической культуры и спорта. Автор рассматривает два ключевых аспекта проблемы – ошибочные мнения об отсутствии источников по данной теме и недостаточный интерес у исследователей к истории спорта и физической культуры в Российской империи. Автор дает анализ комплекса дел в архивах Беларуси и Литвы, рассматривает законодательные источники, богатейшую мемуарную литературу и фотоматериалы по указанной проблеме. Выделены основные этапы историографии, уделено внимание современным методологическим исследованиям в зарубежных странах по историографии физической культуры и спорта на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: физическая культура; спорт; историография; мемуары; архивные документы; исторический источник.

The article is devoted to the problem of historiography and sources of one of the directions of the social history of Belarus in the second half of the 19th – early 20th centuries: the history of the formation of physical culture and sports. The author considers two key aspects of the problem – erroneous opinions about the lack of sources on this topic and insufficient interest among researchers in the history of sports and physical culture in the Russian Empire. The author gives an analysis of the complex of cases in the archives of Belarus and Lithuania, considers legislative sources, the richest memoir literature and photographic materials on this problem. The main stages of historiography are singled out, attention is paid to modern methodological research in foreign countries on the historiography of physical culture and sports at the turn of the 19th–20th centuries.

Keywords: physical education; sport; historiography; memoirs; archival documents; historical source.

История физической культуры и спорта в белорусских губерниях Российской империи имеет обширную базу источников, которые собраны в архивах Республики Беларусь, Литвы, Российской Федерации и Польши,

в том числе документы, раскрывающие становление системы физического воспитания нового современного типа. В данной статье основное внимание уделено материалам, хранящимся в Национальном историческом архиве Беларуси (в Минске и Гродно) и Литовском государственном историческом архиве. Отдельные фонды по указанной теме хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь, в Отделе редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки НАН Беларуси. Архивные материалы можно разделить на несколько групп: это фонды государственных учреждений; фонды общественных спортивных организаций; фонды Виленского учебного округа и отдельных учебных заведений; личные дела.

Высоким информационным потенциалом отличается комплекс материалов, которые размещены в ЛГИА. Так, например, в фонде № 567 «Управление Виленского учебного округа» содержатся дела по организации и проведению занятий по гимнастике в учреждениях системы образования. Это ежегодные отчеты о преподавании гимнастики в гимназиях, реальных училищах, учительских институтах. Архивные данные позволяют проследить эволюцию уроков гимнастики в системе образования, динамику оплаты и условия работы преподавателей, отношение местных органов власти к этим урокам. Часть дел в фонде отражает сложности с инфраструктурой, обеспечением кадрами и результатами занятий гимнастикой. Например, о постройке гимнастического городка в Белостокском реальном училище, о неудаче в открытии гимнастического зала в Гродненской мужской гимназии в начале XX в. [1]. Важным источником информации для анализа государственной политики Российской империи в рассматриваемом вопросе является фонд № 378 «Канцелярия Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора», где сосредоточены материалы о работе спортивных и физкультурных обществ и союзов, переписка государственных учреждений по вопросам их деятельности. В фондах отдельных учебных заведений сохранились личные дела преподавателей, например, фонд № 570 «Виленский еврейский учительский институт» дает возможность изучить весь преподавательский состав с 1873 по 1911 г.

Ключевым архивным хранилищем по истории физической культуры и спорта в 1861–1914 гг. является Национальный исторический архив Беларуси в Минске и его филиал в г. Гродно. Например, фонд № 1 «Минская городская управа» позволяет изучить спортивную жизнь губернского Минска (в том числе обеспечение города площадками для физических упражнений, особенности велосипедной езды, устройство цирка, протоколы общества любителей спорта). Еще более широкий спектр документов отложился в фонде № 2496 «Витебская городская управа»: десятки дел дают представление о становлении общества велосипедистов Витебска, развитии зимних видов спорта, организации детских спортивных площадок, содержат циркуляры губернатора об учреждении общества физического развития и спорта, а также типовые проекты устава общества.

Фонд № 295 «Канцелярия Минского губернатора» содержит важные документы по организации спортивных обществ, среди которых – Мозырский яхт-клуб, общество «Sanitas» [2]. Среди материалов фонда есть уникальные статистические источники, например опросные листы по занятиям физической культурой в учебных заведениях Минской губернии. Изучение ответов по каждому уезду дает возможность провести сравнительный анализ ситуации в сфере организации физического воспитания в регионе. В делах фондов № 306 «Минское губернское по делам об обществах и союзах присутствии» и № 2649 «Витебское губернское по делам об обществах и союзах присутствии» сохранилась переписка между инстанциями по поводу открытия и деятельности различных спортивных организаций (спортивно-гимнастического общества «Сокол», Речицкого общества ревнителей изучения в учебных заведениях военной гимнастики, Двинского общества велосипедистов и др.). Так, материалы, посвященные обществу «Сокол» включают несколько версий Устава, изображение символики, списки членов, отчеты о деятельности, перечень преподавателей и учащихся, финансовую отчетность, переписку с государственными учреждениями – по сути все, что необходимо для полноценного изучения деятельности общества [3]. Примерно такое содержание характерно для единиц хранения в фонде № 103 «Гродненское губернское по делам об обществах и союзах присутствии»: материалы общества велосипедистов в г. Гродно и Белостоке, документы об открытии и деятельности речного яхт-клуба в Гродно, протоколы кружков «Отдых» в Белостоке и «Досуг» в Бресте и др. В архивных делах этих присутствий сохранились и печатные экземпляры Уставов организаций, ежегодные отчеты.

Интерес для исследователей представляют личные фонды, как участников спортивного движения на рубеже XIX–XX вв., так и коллекции исследователей середины XX в. Фонд № 1583 «Могильный Николай Васильевич» содержит архивные документы, дореволюционные газеты и журналы по физической культуре и спорту, черновые варианты статей, радиопередач и монографии самого Н. В. Могильного. Фонд поступил на хранение в НАРБ лишь в 2015 г. и обзор представленных документов в данном фонде не проводился и перспективы исследования еще не рассматривались специалистами. Особый интерес вызывают документы по истории развития водного спорта на территории Витебской губернии, по истории Витебского шахматного собрания [4]. Документы фонда позволили пролить свет на судьбу витебского речного яхт-клуба, время и причины его ликвидации. Личный фонд И. Красковского № 16 в Отделе редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки НАН Беларуси (178 ед. хранения) дал возможность раскрыть становление футбола в белорусских губерниях благодаря уникальным документам: среди них пригласительные билеты на матч в мае 1910 г. и фотографии команд [5].

Становление физической культуры и спорта в белорусских губерниях проходило медленнее, чем в соседних регионах. Однако на рубеже XIX–XX вв. процессы модернизации общества привели к возникновению интереса к спорту в среде обывателей. Это отразилось на страницах периодической печати, материалы которой стали достаточно информативным источником. Первый блок изданий – общероссийские журналы и газеты, посвященные как отдельным видам спорта, так и физической культуре в целом. В таких изданиях как «Самокат», «Циклист», «Сокол», «Автомобиль» события в белорусских губерниях отражаются с высокой частотой и посвящены отдельным сюжетам: гимнастическим праздникам в учебных заведениях, состязаниям, ярким событиям. Изучение данных о подписке на эту периодику демонстрирует географию интереса и динамику популярности спорта как социального явления. Второй блок изданий – региональная периодика: «Витебский вестник», «Гомельская копейка», «Северо-Западная жизнь», «Белорусская жизнь», «Полесская жизнь», «Двинский листок», «Минский листок». Наличие статей, посвященных спорту и физической культуре напрямую зависело от редактора и издателя. Например, популярность спортивных сюжетов в газете «Северо-Западная жизнь» была связана с личностью И. Солоневича – известного спортсмена. С. М. Сороко в своей монографии «Витебские губернские ведомости (официальная и неофициальная часть)» великолепно демонстрирует, как содержание газеты изменялось при замене редактора [6]. На протяжении исследуемого периода трансформируется и качество материала. В 1890-х гг. доминирует фактология и фиксация событий, в начале XX в. авторы публикуют проблемные статьи и делают попытки анализа. Например, в 1908 г. в «Витебских губернских ведомостях» был опубликован цикл статей о проблемах досуга в городе и анализе спортивных и физкультурных организаций Витебска.

Интересный и яркий материал по истории физической культуры и спорта Беларуси второй половины XIX – начала XX в., не нашедший отражения в официальных документах, содержат мемуары и автобиографические романы. Роман Якуба Коласа «На росстанях» дает интересный пример социализации сельского жителя в городе через отношение к игре в шахматы главного героя. Историчность описанных в романе событий подтвердил сам Я. Колас в интервью для «Бюллетеня высшего Совета физической культуры БССР» в 1925 г. Карусь Каганец в рассказе «Бывалы Юр у Мінску» приводит еще более детальный и поэтапный механизм знакомства сельских обывателей со спортивной культурой Минска [7]. Автобиографический роман П. Краснова «Ларго» раскрывает особенности физических упражнений и спорта в Кавалерийской школе в Поставах в начале XX в. [8].

Значительный сегмент повседневной жизни общества оставался вне поля зрения традиционных архивных источников. Это особенно касается дворянской культуры. Тышкевичи и Радзивиллы, Горватты и Недвецкие,

Друцкие-Любецкие и Немцевичи – их образ жизни и увлечение физической культурой и спортом не отражались в материалах делопроизводства губернской канцелярии, а процесс проникновения новой спортивной моды в консервативную дворянскую среду редко отражался в прессе. Одним из наиболее успешных методов заполнения таких пробелов являются мемуары. Часть из них представлена воспоминаниями представителей элиты белорусских губерний: М. Бок (дочка П. Столыпина), А. Власов (племянник могилевского губернатора А. Пильца), М. Осоргин (гродненский губернатор), С. Тышкевич, Я. Жолтовска, К. Недвецкий, И. Корвин-Милевский. Эти работы дают великолепную фактуру и рисуют полную картину спортивных и игровых увлечений местной молодежи. Янина Жолтовска любезно цитирует своего отца, который с позиций консерватора и хранителя шляхетских нравов осуждает интересы нового дворянского поколения [9].

Значительный блок воспоминаний в советское время был недоступен исследователям, лишь в последнее время исследователи задумались о потенциале воспоминаний еврейской части общества. Эти материалы отражают восприятие физических упражнений и спорта в самой еврейской среде и дают интересный взгляд «сбоку» на остальную часть общества. А. Каган, Ш. Усышкин, А. Гурвиц, З. Глускин, Ш. Левин, И. Копелефф, М. Фриден, Й. Рольник и прочие в своих мемуарах вспоминают о знакомстве с гимнастикой, плаванием, велосипедом. Арон Перельман писал: «Отец, нетерпимый в вопросах веры и религиозного ритуала, озабоченный главным образом нашим религиозным воспитанием, он давил на нас, не предоставляя нам никакой свободы. Он не допускал почти никаких детских утех, почти никаких игр. Играть во дворе с нашими сверстниками, а тем паче с нееврейскими мальчиками нам было строго запрещено. Но даже с евреями мы не должны были играть в «нееврейские» игры» [10]. Хая Вейцман-Лихтенштейн в своей книге «Ve-tzel koratenu» приводит уникальный факт покупки и установки ее братом Хаимом в Мотоле площадки для крокета примерно во второй половине 1880-х гг. Более того, она описывает споры в семье по поводу игры в шаббат [11]. К сожалению, введение в оборот этих источников осложняется отсутствием перевода большинства работ на русский или английский язык.

Историография физической культуры и спорта Беларуси в 1861–1914 гг. четко разделяется на три блока. Первые шаги в осмыслении и изучении физической культуры и спорта в белорусских губерниях Российской империи сделали исследователи – современники и свидетели событий. Во второй половине XIX в. в России начался процесс формирования спортивно-гимнастического движения, зарождаются многие виды спорта. В конце XIX в. и особенно в начале XX в. интерес к спорту, его популярность возрастают, заметно повышается внимание к проблемам физического воспитания в целом. Передовая русская интеллигенция – врачи, педагоги, обществен-

ные деятели, сознавая роль и значение физического воспитания для подрастающего поколения, активно пропагандировала идеи физического воспитания, стремилась к их реализации. Именно эти факторы: развитие спортивно-гимнастического движения, возросшая роль гимнастики, спорта в решении различных социальных задач – и обусловили интерес к истории физического воспитания.

Дореволюционная литература по истории физической культуры отличалась разнообразием жанров: книги, брошюры, очерки, публичные лекции и доклады, статьи в сборниках и на страницах периодической печати. Например, А. Полторацкий в своей работе дает характеристику современной ему системы физического воспитания и вносит предложения по ее корректировке [12]. А. Бутовский и его коллеги вводят в оборот на страницах «Педагогического сборника» и «Военного сборника» все новинки педагогики в сфере физической культуры, дают анализ международных конгрессов по физической культуре. На страницах журнала «Сокол» подробно излагается история этой системы гимнастики, ее задачи. Г. А. Дюпперон в 1913 г. издает 300-страничный справочник «Библиография спорта и физического развития. Систематическая роспись всех книг, брошюр, журналов, вышедших в России по 1913 год включительно», который отражает все научные достижения дореволюционного периода [13].

На протяжении многих десятилетий советская историография рассматривала физическую культуру и спорт в дореволюционное время как узкую элитарную сферу деятельности привилегированных слоев Российской империи. Для описания истории физической культуры в провинции, в том числе и в белорусских губерниях, отводилось несколько страниц традиционного содержания: народные игры и забавы по сезонному принципу, военная гимнастика в губернских гарнизонах, физическая культура в нескольких мужских и женских гимназиях, а также отдельные виды спорта в аристократических кругах. Системные положительные изменения в данной сфере связывались с установлением советской власти. В это время доминировал формационный подход в изучении проблем физической культуры и спорта, что закладывало определенную тенденциозность в выборе предмета исследования, задавало предопределенность результатов. Отдельные этапы и темы, например спорт и физическая подготовка в армии до 1917 г., были закрыты для исследования. До 1991 г. были защищены лишь семь диссертаций по истории физической культуры и спорта Беларуси: одна докторская (К. А. Куликович – 1970 г.) и шесть кандидатских (К. А. Куликович – 1955; Я. Р. Вилькин – 1971; Г. П. Коваленко – 1972; О. А. Нехайчик – 1973; Н. В. Королев – 1977; Е. К. Куликович – 1983). Выбивается из общего ряда цикл публикаций Н. В. Могильного в 1950–1960-е гг.: «Физическая культура и спорт Белоруссии за годы Советской власти», «Олимпийский факел». Автор на основе архивных материалов изложил не только советскую,

но и дореволюционную историю вопроса. В коллективной работе К. Куликовича, В. Сазановича, В. Филиповича (1988 г.) доминировал описательный подход, системное представление об истории физической культуры и спорта Беларуси (1861–1914 гг.) отсутствует [14]. Акцент делали на народные игры, физическое воспитание в сельской местности, подчеркивая недоступность спорта для пролетариата.

После распада Советского Союза начинают формироваться национальные исторические школы, в условиях отказа от идеологии возрастает интерес к периоду Российской империи. Однако историки «новой волны» активно занимались ревизионизмом советского исторического наследия, не обращая внимания на историю физической культуры и спорта. Университет физической культуры, профильные факультеты и кафедры физического воспитания других вузов не обладали и не обладают кадровыми и материальными ресурсами для разработки теоретического курса по истории физической культуры и спорта Беларуси от первобытной эпохи и до современности. За последние 30 лет в Беларуси по данной проблематике защищены две кандидатские диссертации: В. В. Григоревича (1992 г.) и А. А. Шамака (2002). Полноценный учебник по истории физической культуры и спорта Беларуси на сегодняшний день отсутствует. Изданное в 2019 г. пособие А. Шамака «Гісторыя фізічнай культуры Беларусі» не в состоянии решить данную проблему как по объему (175 с.), так и по качеству. К сожалению, разделы написаны на разном научном и методологическом уровне, автор больше внимания уделил своему «профильному» периоду, советский этап автором не изучен.

Однако с середины 1990-х гг. изучение данной темы происходит активнее, разрабатываются несколько направлений: в рамках этнографии (В. К. Бондарчик) и краеведения (история спорта и физической культуры в отдельных городах – В. Черепица, Т. Воронич, З. Шибeko, О. Ященко) [15; 16]. Уделялось внимание указанной теме при изучении отдельных исторических личностей (например, И. Солоневича, М. Дзевочко, И. Максимова, К. Чапского); деятельность спортивных обществ, обществ содействия физическому воспитанию рассматривается при анализе системы негосударственных общественных организаций в монографии А. С. Тумановой. Отдельные аспекты физического воспитания и первые шаги спорта нашли отражение в исследованиях по истории образования, военного дела, транспорта и искусства Беларуси XVII – начала XX вв.: А. Лукашевича, Ю. Бохана, Т. Блиновой, А. Самусика, Т. Воронич, А. Григорьева, В. Яковчука, О. Ященко, А. Линевича и др. [17]. В последнее десятилетие появились работы по отдельным видам спорта, которые отдельным разделом рассматривают и дореволюционный период. Например, С. Вершинин в работе «Мяч над Сожем: к 100-летию гомельского футбола» обобщил материал, накопленный за предыдущие десятилетия.

Частично белорусская тематика рассматривается в работах российских, украинских и литовских авторов. Обобщающие работы по истории отдельных видов спорта и направлений физической культуры затрагивают и наши сюжеты: великолепная научная монография А. Мятыева «Велосипед в дореволюционной России»; нехарактерная для историографии нашего региона монография И. Б. Хмельницкой «Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века» (с современными методологическими подходами к истории повседневности); диссертационное исследование С. В. Федорина «Государственная система физического воспитания в русской армии и на флоте (вторая половина XIX в. – 1914 г.)», изданное отдельной книгой. Уникальными по уровню научной разработки, использованию редких источников и системному изложению стали монографии А. Суника «Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков» (2004) и «Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта» (2010). При этом последняя является единственной полноценной работой по историографии вопроса.

В последние годы активно публикуются материалы по истории физической культуры и спорта региона в странах Балтии и Украине. На основе теории модернизации в 2012 г. написана диссертация В. Алькова «Харьков в конце XIX – начале XX века: досуг городских жителей в условиях модернизации» и 2017 г. диссертация Й. Пашкаускаса «Культура досуга в крупных городах Литвы в XIX – начале XX в.» [18; 19]. Обе работы затрагивают белорусские территории, вводят в оборот новые архивные и мемуарные данные, интерес представляет и использование сравнительного и системного метода для оценки темпов распространения культуры городского досуга на рубеже XIX–XX вв. Цикл статей к юбилею Российских олимпиад был подготовлен С. Бубкой и М. Булатовой (Украина) и Г. Ваверисом (Латвия); история велосипеда в Украине изучена О. Мартынюк.

Таким образом, можно констатировать, что источники по истории физической культуры и спорта Беларуси (1861–1914 гг.) позволяют провести полноценные исследования по данной теме. Историография вопроса достаточно богата, однако как отдельный предмет исследования проблема дореволюционной физической культуры и спорта в белорусских губерниях выделялась лишь несколько раз. Более того, возрастает интерес к аналогичной теме в соседних государствах.

Список использованных источников

1. О преподавании гимнастики в гимназиях в 1900/1901 учебном году // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 567. Оп. 12. Д. 89.
2. О Мозырском яхт-клубе // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 295. Оп. 1. Д. 8555.

3. Переписка с минским губернатором и минским ГЖУ об открытии, утверждении устава и характере деятельности польского спортивно-гимнастического общества «Сокол» // НИАБ. – Ф. 306. Оп. 1. Д. 19.

4. Документы по истории Витебского шахматного собрания и Польского спортивно-гимнастического общества «Сокол» в г. Минске (справки о политической благонадежности учредителей, списки членов, отчеты и др.) // НАРБ. – Ф. 1583. Оп. 1. Д. 148.

5. Статья И. Красковского «Место физического развития в общей системе воспитания» и черновые наброски к ней // Отдел редких книг и рукописей ЦНБ им. Я. Коласа НАН Республики Беларусь. – Ф. 16. Оп. 1. Д. 3.

6. *Сороко, С. М.* «Витебские губернские ведомости» (официальная и неофициальная часть) / С. М. Сороко. – М.; Новополоцк, 2004. – 220 с.

7. *Казанец, К.* Бывалы Юр у Мінску // Беларуская літаратура XIX стагоддзя: хрэстаматыя / склад. і аўт. камент. А. А. Лойка, В. П. Рагойша. – 2-е выд. – Мінск: Вышэйшая школа, 1988. – С. 388–394.

8. *Краснов, П. Н.* Largo / П. Н. Краснов. – Париж: изд. В. П. Сяльского, 1930. – 512 с.

9. *Zółtowska, J.* Inne czasy, inni ludzie / J. Zółtowska. – Londyn: Polska Fundacja Kulturalna, 1998. – 291 s.

10. *Перельман, А.* Воспоминания / А. Перельман. – СПб.: Европейский дом, 2009. – 266 с.

11. *Weizmann-Lichtenstein, H.* Ve-tzel koratenu / H. Weizmann-Lichtenstein. – Tel Aviv: Am Oved, 1948. – 242 с.

12. *Полторацкий, А.* Старым варяжским путем / А. Полторацкий. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. – 121 с.

13. *Дюпперон, Г. А.* Библиография спорта и физического развития. Систематическая роспись всех книг, брошюр, журналов, вышедших в России по 1913 год включительно / Г. А. Дюпперон. – Пг.: Тип. Н. И. Фёдорова, 1915. – 354 с.

14. *Сазанович, В. П.* Физическая культура и спорт Белоруссии: страницы летописи / В. П. Сазанович, К. А. Куликович, В. С. Филиппович. – Минск: Польша, 1988. – 268 с.

15. *Воронич, Т.* Спорт как элемент городской культуры (Витебск, конец XIX – начало XX вв.) / Т. Воронич // Культура Беларусі: рэаліі сучаснасці: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. (Мінск, 12–13 чэрв. 2012 г.) / рэдкал.: І. І. Крук (гал. рэд.), А. А. Галкін, І. Р. Голубева. – Мінск: Інстытут культуры Беларусі, 2012. – С. 148–154.

16. *Яшчанка, А. Р.* Гомель у другой палове XIX – пачатку XX ст. / А. Р. Яшчанка. – Гомель: Гомел. каап. ін-т, 1997. – 79 с.

17. *Ляневіч, А. С.* Спорт і спартыўныя аб'яднанні ў жыцці дваранства Расійскай імперыі ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя / А. С. Ляневіч // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. трудов / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2019. – Вып. 3. – С. 233–242.

18. *Альков, В. А.* Харків наприкінці XIX – на початку XX століття: дозволя миських мешканців в умовах модернізації: дис. ... канд. іст. наук / В. А. Альков. – Харків, 2012. – 330 с.

19. *Paskauskas, J.* Laisvalaikio kultūra didžiuosiuose Lietuvos miestuose ir provincijoje XIX a. pabaigoje – XX a. pradžioje: Daktaro disertacija Humanitariniai mokslai, istorija (05 H) / J. Paskauskas. – Vilnius, 2017. – 366 p.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Ван Чунхуа

Белорусский государственный университет, Минск

Wang Chonghua

Belarusian State University, Minsk

УДК 327.8(091)

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1969–1971 ГГ.

CHINA-UNITED STATES RELATIONS IN 1969–1971

Данная статья посвящена анализу исторических причин конфронтации в китайско-американских отношениях, особенно в период 1969–1971 гг., изменениям в соответствующей внешней политике Китая и США, а также началу установления контактов между Китаем и США.

Ключевые слова: КНР; США; китайско-американские отношения; дипломатическая политика США.

This article is devoted to the analysis of the historical causes of confrontation in Sino-American relations, especially in the period 1969–1971, changes in the foreign policy of China and the United States, as well as the beginning of establishing contacts between China and the United States.

Keywords: PRC; USA; Sino-American relations; US diplomatic policy.

В конце 1960-х годов в ситуации, сложившейся на международной арене, произошел ряд комплексных и глубоких изменений, вследствие которых как Китай, так и Соединенные Штаты Америки начали разработку новых подходов в своей внешней политике.

К сближению подталкивала и непростая внутривнутриполитическая ситуация, сложившаяся в этих странах. В Китае с 1966 г. развернулась «культурная революция», призванная остановить «реставрацию капитализма». Она сопровождалась насилием, репрессиями, ожесточенной борьбой за власть внутри руководства компартии и государственного аппарата на фоне почти полного разрыва с СССР и странами социалистического лагеря. Политической нестабильностью характеризовалось и положение внутри американского общества. Потеря влияния США в Юго-Восточной Азии, да и в целом в мире в пользу Советского Союза, особенно участие США во вьетнамской войне, неудачи и поражения вызвали волну недовольства среди широких слоев населения, массовое антивоенное движение.

По существу, китайско-американское сближение началось на антисоветской основе. Это обстоятельство четко зафиксировано в советской историографии. В качестве примера сошлемся на одну из публикаций, посвященных китайско-американским отношениям: «Последующий курс инициаторов «культурной революции» на разрыв с СССР и, со всем социа-

листическим содружеством, стремление как Пекина, так Вашингтона нейтрализовать усиливающееся влияние Советского Союза на мировую политику послужило дальнейшим стимулом на пути смягчения напряженности в китайско-американских отношениях» [1, с. 38].

В январе 1969 г. в должность президента Соединенных Штатов Америки вступил Ричард Никсон. Его правительство столкнулось с тяжелейшей международной ситуацией и сложнейшими внутренними проблемами, с которыми не приходилось сталкиваться президентам США со времен инцидента в Перл-Харборе. Администрации Р. Никсона нужны были новые и различные стратегии внешней политики, которые позволили бы справиться с трудной ситуацией таким образом, чтобы сохранить доминирующее положение Соединенных Штатов в международной политике [2, с. 603].

Сам президент Никсон имел довольно четкое представление о статусе и роли Соединенных Штатов на международной политической арене и изменениях в международной обстановке. 25 июля 1969 г. Р. Никсон подробно рассказал о своей новой политике относительно Азии в неофициальной беседе с журналистами на острове Гуам. Он заявил, что Соединенные Штаты «будут верны своим договорным обязательствам», будут обеспечивать национальную безопасность и военную защиту стран региона, «позаботятся о нации, испытывающей непосредственную угрозу, и примут на себя основную ответственность по обеспечению живой силы для организации обороны». «Соединенные Штаты будут и впредь играть важную роль в Азии. Однако мы должны избегать принятия политики, которая позволит азиатским странам опираться на нас и втягивать нас в конфликты, такие как Вьетнамская война». В заключение президент подчеркнул, что США поддерживают коллективную безопасность азиатских стран, но не «отдают приказы».

В ноябре того же года Р. Никсон уже официально объявил по национальному телевидению о новой азиатской политике в связи с ситуацией во Вьетнаме. 8 февраля 1970 г., выступая перед членами Конгресса, Р. Никсон отметил, что в ходе реализации своей азиатской политики и глобальной дипломатии «Соединенные Штаты будут по-прежнему участвовать в обороне и развитии союзников и дружественных стран», но при этом последние «берут на себя полную ответственность за свою оборону. Мы окажем им помощь, если она окажется эффективной и будет полезной для нас». Таким образом была сформулирована так называемая доктрина никсонизма [2, с. 624]. В основе данной доктрины лежал принцип «партнерства», а «сила» и «переговоры» рассматривались как ее важнейшие инструменты. «Партнерство» означало укрепление отношений с членами Организации Североатлантического договора (НАТО), с Японией, со «свободными» и независимыми странами, также решение общих проблем, особенно в отношении «советской экспансии». Р. Никсон подчеркивал, что Соединенные

Штаты должны обладать внушительной силой для осуществления эффективного сдерживания и «стремиться к достижению стратегии, которую наиболее адекватно следует называть «достаточной». Он считал, что влияние США в мире происходит не только от «нашей военной или экономической силы», но и от спроса на «наши идеи и достижения» в различных частях мира. Внешняя политика США определялась не только тем, может ли она служить национальным интересам, но и ее сочетанием с идеологией США. Кроме того, поскольку международная ситуация претерпела серьезные изменения, эпоха конфронтации уступила место эре переговоров. Именно переговоры стали основным способом контакта с коммунистическими странами для Соединенных Штатов [3, с. 272–274]. Администрация Никсона приняла ряд мер для реализации принципов своей внешней политики и достижения ее целей. Наиболее важной из них было улучшение отношений с Советским Союзом и Китаем.

Для китайской стороны – Мао Цзэдуна и Коммунистической партии Китая – рукопожатие с лидерами империалистических держав мира и капиталистического лагеря было нелегким решением. Теперь, оглядываясь назад, ясно видно, что такое решение было обусловлено реальной угрозой, как считало китайское руководство, исходящей от Советского Союза, и «из двух зол» пришлось выбирать меньшее. Это привело к появлению у китайских лидеров намерения улучшить свои отношения с Соединенными Штатами.

Окончательное решение в КНР, по всей вероятности, было принято после советско-китайского вооруженного конфликта 1969 г. на острове Даманском (Цзиньбао). Китайское руководство рассматривало положение страны как чрезвычайно опасное, в окружении двух могущественных врагов: с одной стороны, на юге – Соединенные Штаты, с другой, на севере, – Советский Союз. Лидер Китая оказался в затруднительном положении. Он прекрасно понимал, что борьба Китая на два фронта одновременно будет далеко не лучшим решением. Поэтому ему пришлось пересмотреть дипломатическую стратегию в отношении США, рассматриваемых в качестве противника, равного Советскому Союзу, и начать сближение с Вашингтоном, чтобы использовать его в дальнейшем для сдерживания Советского Союза. С этой целью были возобновлены приостановленные ранее переговоры между США и Китаем в Варшаве. Выступая против империализма (США) и против «социал-империализма» (СССР) Пекин был готов в этой борьбе для укрепления своих позиций «идти на самые разнообразные союзы» [4, с. 11].

Интересным представляется рассмотрение самого процесса примирения, происходившего между Китаем и Соединенными Штатами, и восстановление ситуации, сложившейся в то время. Вследствие того, что Р. Никсон понимал, что США теряют свои гегемонистские позиции на мировой арене, во время своей избирательной кампании и после вступления в должность

он неоднократно заявлял о своих намерениях улучшить отношения с Китаем. В своей инаугурационной речи Р. Никсон говорил о том, что необходимо изменить политику изоляции Китая и помешать ему «жить в гневе одиночества».

1 февраля 1969 г. Р. Никсон, только что вошедший в Белый дом в качестве президента, поручил своему помощнику по национальной безопасности Генри Киссинджеру изучить «возможность контакта с китайцами». Администрация Никсона полагала, что инцидент на острове Даманском (Цзиньбао) однозначно способствует улучшению отношений между Китаем и США.

В июле 1969 г. в территориальных водах Китая в Южно-Китайском море была задержана американская яхта с двумя туристам на борту. При других обстоятельствах это могло привести к обострению китайско-американских отношений. Однако ничего подобного не произошло в условиях, когда Соединенные Штаты в одностороннем порядке демонстрировали благосклонность к Китаю. В свою очередь премьер Госсовета Чжоу Эньлай сделал все возможное для разрешения ситуации. Он немедленно созвал совещание и потребовал от министерства иностранных дел и министерства общественной безопасности как можно скорее разобраться в произошедшем. По его же указанию китайские средства массовой информации хранили молчание и не раздували инцидент. Одновременно США объявили об ослаблении торговых ограничений в отношении Китая и снятии запрета на въезд американских граждан в Китай. Задержанные американские туристы вскоре были освобождены. Позитивное взаимодействие между Китаем и США в разрешении морского инцидента создавало хороший старт для дальнейшего более глобального урегулирования отношений между двумя сторонами.

В начале августа Р. Никсон воспользовался возможностью совершить визит к президенту Пакистана Яхья Хану и президенту Румынии Николае Чаушеску с целью донести до китайских лидеров позицию США: «Соединенные Штаты не согласны с предложением Советского Союза о создании системы коллективной безопасности в Азии, не собираются участвовать в мероприятиях, направленных на изоляцию Китая, и намерены продолжать диалог». 5 сентября заместитель госсекретаря США Э. Ричардсон заявил в своем выступлении, что Соединенные Штаты выразили глубокую озабоченность в связи с угрозой безопасности Китая, исходящей от Советского Союза. В октябре Соединенные Штаты пообещали вывести свои эсминцы, патрулирующие Тайваньский пролив. В ноябре Соединенные Штаты в одностороннем порядке прекратили отправлять эсминцы в Тайваньский пролив для ежедневного патрулирования. 3 декабря на югославской выставке моды, организованной Варшавским дворцом культуры, посол США в Польше провел беседу с временным поверенным в делах Польши в Варшаве и выразил надежду на возобновление китайско-американских переговоров в

Варшаве. Это событие получило освещение в средствах массовой информации, после чего отношения между Китаем и США стали горячей темой в мировых СМИ [2, с. 629].

Впоследствии КНР предприняла дальнейшие важные шаги с целью нормализации отношений с США. На вышеупомянутые предварительные действия Соединенных Штатов Китай своевременно отреагировал. После сообщений СМИ Китай сделал важный шаг: впервые временному поверенному в делах Китая в Польше было приказано пригласить посла США в Польше в качестве гостя в китайское посольство. В целях пропагандистского эффекта китайская сторона потребовала, чтобы американский посол официально вошел в китайское посольство через центральный вход, а не через черный ход, как первоначально предлагалось американцами. Таким образом, переговоры между Китаем и США, которые были приостановлены на срок более двух лет, были возобновлены 20 января 1970 г.

В ходе переговоров, состоявшихся 20 февраля, китайская сторона выразила готовность вместе с американской стороной провести дальнейшее тщательное изучение вопроса о нормализации отношений между КНР и США. Китай выразил согласие с предложением Соединенных Штатов направить своих представителей в Пекин. В китайско-американских отношениях, наконец, был совершен прорыв. Бывшие враги стремились вместе найти общий язык, перейти к новому видению геополитики и пересмотреть существующие геополитические отношения [2, с. 617].

Китайская сторона продолжала проявлять инициативу и приняла решение воспользоваться пакистанским каналом для передачи официального сообщения Чжоу Эньлая президенту Р. Никсону. В сообщении содержались следующие слова: «Мы должны коренным образом изменить и восстановить китайско-американские отношения. Все вооруженные силы Соединенных Штатов должны быть выведены из Тайваня и Тайваньского пролива, и решение этого ключевого вопроса может быть найдено только путем прямых переговоров между высокопоставленными должностными лицами двух стран. Поэтому китайское правительство вновь заявляет о своей готовности публично принять специального посланника президента Соединенных Штатов. Например, господина Г. Киссинджера, помощника президента США по национальной безопасности, или даже самого президента США, который мог бы посетить Пекин, чтобы вступить в переговоры напрямую» [5, с. 592–593].

Президент Р. Никсон передал свой ответ через посла Пакистана в США 17 мая. В ответе отмечалось желание США «разрешить разногласия, и с этой целью провести серьезную беседу с лидерами Китайской Народной Республики в Пекине, во время которой обе стороны смогут обсудить вопросы, вызывающие серьезную озабоченность». В качестве посланника американского президента для проведения секретных подготовительных

переговоров с премьером Чжоу Эньлаем или другим соответствующим должностным лицом предлагался Г. Киссинджер. С небольшим опозданием китайская сторона ответила, что правительство КНР приветствует визит президента США в Пекин. Вечером 2 июня, когда Г. Киссинджер передал Р. Никсону эту информацию, американский президент с удовольствием отметил: «Это самое важное письмо, полученное президентом Соединенных Штатов после Второй мировой войны» [6, с. 877].

Согласно достигнутым договоренностям Г. Киссинджер прибыл в Пекин 9 июля 1971 г. Во второй половине того же дня Чжоу Эньлай начал с ним переговоры. Основное внимание в ходе переговоров было уделено проблеме Тайваня. По тайваньскому вопросу Г. Киссинджер заявил следующее:

1. Соединенные Штаты признают, что Тайвань является частью Китая и не поддерживают независимость Тайваня, не поддерживают «два Китая» или принцип «один Китай, один Тайвань», но надеются, что вопрос Тайваня может быть разрешен мирным путем.

2. Соединенные Штаты намерены вывести две трети войск США, дислоцированных на Тайване, после окончания войны в Индокитае.

3. Соединенные Штаты готовы постепенно сокращать свои оставшиеся военные силы на Тайване с улучшением отношений между США и Китаем.

4. Соединенные Штаты больше не будут врагом Китая, больше не будут проводить политику изоляции Китая и будут поддерживать восстановление позиции Китая в Организации Объединенных Наций, но в то же время США не поддерживают изгнание представителей Тайваня.

Кроме того, он остановился на проблемах в Индокитае, затронул советско-американские отношения, а также отношения с Японией [6, с. 127]. Премьер Чжоу Эньлай откровенно сказал, что у Китая и США разные взгляды по многим международным вопросам, но это несогласие не мешает сторонам стремиться к равенству и дружбе в странах по обе стороны Тихого океана. Одним из первых вопросов является равенство, другими словами, взаимность, так как решение всех проблем начинается с взаимного доверия. Что касается тайваньского вопроса, Чжоу Эньлай повторил, что Тайвань всегда был территорией Китая, освобождение Тайваня – это внутреннее дело Китая и в него не следует вмешиваться посторонним, американские военные должны уйти из Тайваня, а «Договор о взаимной обороне» между Соединенными Штатами и Чан Кайши должен быть отменен [7; 8, с. 37].

Из содержания вышеупомянутых переговоров можно сделать вывод, что, с учетом стремления администрации Р. Никсона урегулировать отношения между США и Китаем и взаимопонимания по тайваньскому вопросу, Китай и США продвигались в направлении улучшения отношений, несмотря на существование разногласий по ряду ключевых вопросов между двумя сторонами.

Принимая во внимание стремление администрации Никсона улучшить китайско-американские отношения и прогресс по тайваньскому вопросу, Китай и Соединенные Штаты относительно быстро достигли договоренности о визите президента Р. Никсона в Китай. Об этом было объявлено в «Жэньминь жибао» 17 июля. В сообщении, в частности, говорилось, что в Пекине с 9 по 11 июля 1971 г. прошли китайско-американские переговоры между премьером Госсовета Чжоу Эньлаем и помощником по национальной безопасности президента Р. Никсона, доктором Г. Киссинджером: «Президент Никсон выразил надежду на посещение Китайской Народной Республики, в свою очередь, премьер Чжоу Эньлай от имени Китайской Народной Республики пригласил президента Никсона посетить Китай до мая 1972 года. Президент Никсон с радостью принял приглашение». Газета отмечала также, что предстоящая «встреча лидеров Китая и США – это поиск путей нормализации отношений между двумя странами, это обмен мнениями по вопросам, вызывающим общую озабоченность» [9].

Официальное сообщение о китайско-американских переговорах и их результатах потрясло мировую общественность. Г. Киссинджер успешно завершил свою секретную миссию и вернулся в Пакистан в полдень 11 июля. Он был очень доволен результатами своей тайной поездки в Китай. Позднее американский дипломат отмечал, что «шел с надеждой и дружбой», результаты визита «превысили его первоначальные ожидания» [6, с. 782].

Чтобы обеспечить успех визита президента Р. Никсона в Китай, Г. Киссинджер в период с 20 по 26 октября 1971 г. вновь посетил Пекин главным образом для обсуждения конкретных сроков визита Р. Никсона в Китай и проекта совместного коммюнике. В течение этого периода премьер Чжоу и Г. Киссинджер провели 10 встреч. Дата визита президента Р. Никсона в Китай была назначена на 21 февраля 1972 г. По вопросу о проекте совместного коммюнике обе стороны имели значительные различия в понимании основных международных вопросов и тайваньской проблемы. В проекте, предложенном Соединенными Штатами, сознательно избегалось упоминание вопроса о прекращении присутствия США в Тайване. Вместо этого Штаты просили Китай пообещать не применять силу для решения этого вопроса. Это, безусловно, не могло быть принято Китаем. Наконец, благодаря настойчивости Китая, Соединенные Штаты согласились четко определить общие точки зрения и различия в совместном коммюнике и позволить обеим сторонам прояснить свои идеи и предложения. 3 января 1972 г. генерал Хейг, главный военный помощник Советника по национальной безопасности президента США, взял на себя инициативу по отправке своего заместителя в Китай для обсуждения технических договоренностей относительно визита Р. Никсона в Китай. В это же время китайская сторона тщательно и осторожно готовилась к визиту президента США Р. Никсона [8, с. 91].

На этом этапе лед, который существовал в течение многих лет в отно-

шениях между Китаем и Соединенными Штатами, уже был растоплен обеими сторонами. Был определен курс на сближение отношений между США и Китаем. Официальный визит Р. Никсона в Китай с целью «изменить мир за неделю» был результатом китайско-американского взаимодействия и изменения политики в отношении друг друга, а также первым кульминационным моментом в нормализации отношений между КНР и США.

Список использованных источников

1. *Воронцов, В. Б.* Китай и США: 60–70-е годы / В. Б. Воронцов. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. – 172 с.
2. *Цзы, Чжунюнь* (趙爭筮) История американской дипломатии после войны (拏呢撥至禪佶呎) / Цзы Чжунюнь. – Пекин: Изд-во мировых знаний, 1994. – Т. 2. – 837 с.
3. *Никсон, Р.* (峴寐柚) Мемуары (峴寐柚场悋德) / Р. Никсон – Т. 2. – Пекин: Коммерческая пресса, 1978. – Т. 2. – 354 с.
4. *Киреев, А. А.* К вопросу о характере американо-китайских отношений [Электронный ресурс] / А. А. Киреев // Ученые записки Комсомольск-на-Амуре государственного технического университета. – 2014. – № 2 (19). – С. 10–14. – Режим доступа: <https://www.uзнastu.ru/files/pdf/19/1.pdf>. – Дата доступа: 26.11.2020.
5. Дипломатические избранные произведения Мао Цзэдуна (冰浙峙禪佶既遥) / Мао Цзэдун. – Пекин: Центральное лит. изд-во, 1994. – 947 с.
6. *Киссинджер, Г.* (堦迷棍) Мемуары: годы в Белом доме (堦迷棍场悋德: 盍將崗柄) / Г. Киссинджер. – Т. 3. – Пекин: Изд-во мировых знаний, 1980. – Т. 3. – 1387 с.
7. Внешняя политика США в отношении КНР в 1949–1969 гг. / А. П. Косов // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. – 2012. – Т. 14, № 2. – С. 118–127.
8. *Вэй, Шиянь* (蛟呎設) Тайный визит Киссинджера в Китай (堦迷棍 穰九諦厖) / Вэй Шиянь // Дипломатическая ситуация в новом Китае / Сборник документов. – Пекин: Изд-во мировых знаний, 1991. – 127 с.
9. Встреча премьера Чжоу Эньляя с доктором Г. Киссинджером (哄情柁惋瑢佶訝堦迷棍厖奇) // Женьминь жибао. – 1971. – 17 июля. – С. 1.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

Н. В. Величко, И. В. Кузнецов
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова, Витебск

N. Velichko, I. Kuznetsov
Vitebsk State University named
after P. M. Masherov, Vitebsk

УДК 930:94(73)«1933/1939»

«НОВЫЙ КУРС» Ф. РУЗВЕЛЬТА В ОЦЕНКАХ ПОПУЛЯРНЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ШКОЛ

F. ROOSEVELT'S "NEW DEAL" IN THE ASSESSMENTS OF POPULAR HISTORIOGRAPHICAL SCHOOLS

В данной статье прослежены ключевые позиции зарубежной и советской историографии, которая рассматривает предпосылки, причины, содержание и результаты «Нового курса» Ф. Рузвельта для США с различных идеологических, политических и экономических сторон. В исследовании представлены мнения авторов относительно эффективности политики «Нового курса», а также раскрыта его современная характеристика в интерпретации австрийской экономической школы. Особое внимание в статье уделено именно оценкам итогов «Нового курса» и его роли в разрешении Великой депрессии.

Цель исследования – проследить оценку эффективности «Нового курса» в работах исследователей популярных историографических школ.

Ключевые слова: новый курс; Ф. Рузвельт; США; историография; Великая депрессия; неоконсерватизм; неолиберализм; марксизм; австрийская экономическая школа.

This article traces the key positions of foreign and Soviet historiography, which examines the prerequisites, causes, content and results of F. Roosevelt's «New Deal» for the United States from various ideological, political and economic sides. The study presents the authors' opinions on the effectiveness of the «New Deal» policy, and also reveals its modern characteristics in the interpretation of the Austrian School of Economics. Particular attention is paid in the article to the evaluation of the results of the «New Deal» and its role in resolving the Great Depression.

The purpose of the study is to trace the evaluation of the effectiveness of the «New Deal» in the works of researchers of popular historiographical schools.

Keywords: new Deal; F. Roosevelt; USA; historiography; the Great Depression; neoconservatism; neoliberalism; Marxism; Austrian School of Economics.

Историография «Нового курса» начала формироваться вместе с попытками разрешения самого кризиса, а именно с 1930-х гг. Данная тема получила огромную популярность в исторической науке. Каждая историографическая школа описывала как причины, так и попытки разрешения самого кризиса сквозь призму собственного восприятия преимуществ и недостат-

ков политики американской администрации. Противоречия в оценках начали возникать не только между советской и зарубежной историографией, но и внутри самой американской научной среды. Более того, в середине 1930-х гг. в США наблюдалась кульминация роста массовых движений социального протеста, оказавших весьма серьезное влияние на политику Ф. Рузвельта. Это также заставило обратить пристальное внимание на данную тему не только зарубежную, но и советскую американистику.

В исторической науке уже давно развернулась весьма серьезная борьба по вопросу об оценке реформ «Нового курса». Традиционно большинство историков относят Ф. Рузвельта к «великим президентам», некоторые считают его «величайшим президентом» США, поэтому критиковать Ф. Рузвельта не особо принято [1, с. 5]. Так или иначе, в отличие от самой персоны Ф. Рузвельта, «Новый курс» такого единства мнений в историографии не получил.

Популярными историографическими направлениями после Второй мировой войны, уделявшими пристальное внимание оценкам эффективности «Нового курса», стали неолиберальные и неоконсервативные школы. Эта тема, несомненно, вызвала широкий круг дискуссий в Советском Союзе и продолжает быть актуальной в современной американской историографии [1, с. 6–7].

1. Неолиберализм. Данное направление, пожалуй, является одним из самых известных и актуальных. Ведущими историками этой школы можно назвать Р. Хофштадтера и А. Шлезингера-младшего.

Что касается Р. Хофштадтера, то среди его работ самой популярной на эту тему является «Американская политическая традиция и ее создатели». В ней мало говорится о самом «Новом курсе», но исследование закладывает основу для психологической трактовки исторических событий, которая часто встречается в американской неолиберальной историографии. Сам Р. Хофштадтер давал широкую предысторию, представляя бурный процесс индустриализации в США в конце XIX в., а иногда весьма реалистично показывая разрушение сельского хозяйства, проводя таким образом аналогию с событиями Великой депрессии. При этом стоит все-таки отметить, что автор переводил конфликт в иную сферу, утверждая, что «действия людей, как правило, не определяются материальными мотивами», скорее «движущими силами оказываются предрассудки, страх и ненависть» [2, с. 124].

Более конкретно о «Новом курсе» высказывался А. Шлезингер-младший, в центре научных интересов которого как раз и находилась история «Нового курса». Им написан капитальный труд «Циклы американской истории». Внимание автора было сосредоточено на акклиматизации американцев к «возврату к традиционным представлениям», главная мысль состояла в том, что «Новый курс» с его изменениями стал спасением этого периода. Как отмечал сам автор, «Новый курс» вернул идею «сочетания частных

и общественных интересов» [3, с. 343]. Это стало весьма серьезным замечанием, которое заставило по-другому взглянуть на саму политику «Нового курса». Впервые было сказано о том, что государство находится в партнерстве с бизнесом, что очень успешно будет подхвачено советской историографией. Что же касается развития самой зарубежной историографии, следует отметить: уже в этой работе появилась мысль, что Ф. Рузвельт «не считал государственное вмешательство в экономику лишь временным средством, пригодным для чрезвычайных обстоятельств» [3, с. 344]. Именно эта идея и будет главным предметом критики со стороны австрийской экономической школы вместе с монетаристами.

Таким образом, значительную роль взяло на себя именно государство, перетянув на себя роль арбитра в экономических вопросах. Стоит отметить, что существовавшая в тот период политическая система была нацелена на решение вопросов «позабывших американцев», про которых ни один раз говорил сам Ф. Рузвельт, что и позволило ему получить новые средства воздействия на социальную и экономическую жизнь страны. Как отмечал исследователь австрийской экономической школы Б. Фолсом, «по сравнению с открывшимися для Ф. Рузвельта горизонтами политического маневрирования, возможности тридцати его предшественников в Белом доме казались действительно ничтожными» [4, с. 212]. Именно поэтому А. Шлезингер-младший и изобразил Ф. Рузвельта лидером, который путем государственного вмешательства смог спасти страну от разразившегося кризиса.

2. Неоконсерватизм. Неоконсервативное направление в американской историографии наиболее полно представлено в работах Р. Бертофа, занимавшегося проблемами социального устройства в США и странах Европы, и Р. Керка, исследовавшего вопросы иммиграции в США. Тем не менее они не так много сказали о самом «Новом курсе», сколько о его социальном значении.

В интерпретации Р. Бертофа консервативная консолидация выступает в качестве главной тенденции американской истории. Сквозь его работу прослеживается мысль, что американская история в принципе разделяется на четыре крупных периода. Для данного исследования нужен только четвертый, когда в США «утверждается общество, которое, оставаясь высококомобильным, является сплоченным в гораздо большей степени, чем общество XIX в.». «Новый курс» Ф. Рузвельта в его работе оценивается как раз именно с точки зрения элемента, консолидирующего американскую нацию [5, с. 12]. Экономические аспекты подробно не рассмотрены, однако социальную роль «Нового курса», вероятно, под влиянием самой персоны Ф. Рузвельта он оценивает положительно.

Р. Керк в своей работе «Корни американского строя» также не давал четких оценочных суждений относительно реформистской деятельности Ф. Рузвельта, но при этом стремился доказать, что «корни американского

стройка» необычайно здоровы по своей сути, поэтому в решении подобных вопросов следует верить именно американскому пути, который не заимствует опыт европейских народов. Отсюда сама реформистская политика является верным вектором [6, с. 57].

Уточняя позицию неоконсерваторов, исследователь Т. Лоуви в своей работе «The End of Liberalism» доказывал, что социальные программы «Нового курса» были направлены на создание благоприятных условий функционирования рабочей силы, а социальные программы, принятые с 1935 г., помогли сохранить его производительные силы и пользовались поддержкой всех основных слоев общества [7, с. 45].

Следует также отметить работу Эллиса Хоули «“Новый курс” и проблемы монополизации», в которой рассматриваются некоторые экономические аспекты первого этапа самих реформ, демонстрирующие постепенные усилия Ф. Рузвельта по укреплению личной власти. При этом следует сказать, что отмечалась и «экономическая жизнеспособность» политики «Нового курса» [8, с. 122].

С весьма похожей точкой зрения выступил исследователь У. З. Фостер в своей работе «Очерк политической истории Америки», где указывается, что в программе «Нового курса» не было ничего ни социалистического, ни революционного, что крупные капиталисты полностью сохранили контроль над банками, промышленностью и транспортом страны. Отмечается, что не было ни малейших попыток нарушить их «священное» капиталистическое право лишиться рабочих плодов его труда [9, с. 586].

Таким образом, с точки зрения неоконсерваторов, важнейшими заслугами «Нового курса» стали именно социальные аспекты политики, которые проявились в период 1935–1939 гг., во «Втором Новом курсе» Ф. Рузвельта. По их мнению, социальные мероприятия «Нового курса» имели правильные мотивы.

3. Марксизм. Советские американисты редко обходили стороной возможность высказаться о «Новом курсе» Ф. Рузвельта, так как это являлось очередным поводом для подтверждения догмата о несостоятельности капиталистической системы в принципе.

Советская американистика создала иной образ самого «Нового курса». Как бы разделяя идеи кейнсианства, она полностью соглашалась с тем, что Великая депрессия была вызвана неограниченной властью капитала, однако сам «Новый курс» подвергался серьезной критике. Противоречивость позиции советской историографии заключалась в том, что при наличии общей критики относительно «Нового курса» хвалились его отдельные черты, а именно – государственное вмешательство.

Так, например, в труде советских американистов Е. Ф. Язькова и Н. В. Сивачёва «Новейшая история США» отмечалось, что «энергичное вмешательство правительства в экономическую жизнь страны, активное го-

сударственное регулирование экономики в определенной степени способствовали улучшению положения промышленности, некоторому ослаблению кризисных явлений» [10, с. 89].

Также весьма интересно в этой же работе оценивается и сама сущность «Нового курса», выражающаяся, по мнению авторов, в «установлении классового мира». Эта задача «оказалась весьма далекой от выполнения», а неэффективность всей политики показала народным массам, что «новый курс» далеко не приносит того, что им было обещано и чего они от него ждали [10, с. 90].

Более точно оценивается результат реформ в четырехтомном труде «История США» под редакцией Г. Н. Севостьянова: «степень эффективности финансово-экономических мер «Нового курса» как средства выведения экономики из кризиса и как барьера против спадов была далекой от того, на что рассчитывали их инициаторы» [11, с. 245]. Также отмечается, что главная цель – «обеспечение полной занятости или хотя бы приведение безработицы к докризисному уровню» – оказалась недостижимой [11, с. 247]. При этом, как отметил С. Далин в своей работе «Экономическая политика Рузвельта» еще в 1936 г., даже Американская федерация труда признавала, что политика ликвидации безработицы не увенчалась успехом [12, с. 187].

В четырехтомнике также отмечается, что, несмотря на провал, индекс промышленного производства поднялся в 1939 г. от уровня 1932 г. на 90 %, а расходы федерального правительства в 1932–1940 гг. выросли с 4 266 млн до 10 061 млн. Авторы делают вывод, что «Новый курс» привел к «государственно-монополистическому капитализму», а быстрый и стабильный рост за относительно короткий период времени является одним из доказательств этого [11, с. 145–146]. Так или иначе, это не спасает «Новый курс» от весьма резкого вывода в данной работе: сам «Новый курс» не смог вывести страну из экономического кризиса, так как уровень безработицы в 1939 г. был выше, чем в 1931 г., и «фактически только война спасла капиталистическую экономику США от очередного, может быть еще более глубокого, кризиса и нового увеличения массовой безработицы» [11, с. 247].

Несмотря на идеологические противоречия, многие авторы прекрасно понимали роль Ф. Рузвельта в мировой истории, отмечая, что «деловой мир, за небольшими пока исключениями, благословлял Ф. Рузвельта, иные даже считали, что он сделал больше, чем Христос» [13, с. 116].

При этом, по мнению В. Л. Малькова, «никто лучше самого Франклина Рузвельта не сознавал, что предложенный им «Новый курс» не был обречен на успех, хотя и выражал назревшие потребности общества, проявившиеся в необычайно остродраматической форме» [14, с. 471]. В своей же статье, уже с точки зрения экономических успехов, тот же В. Л. Мальков отмечал следующее: «“Новый курс” способствовал преодолению экономических трудностей и отдалил взрыв стихийного возмущения трудящихся масс» [15].

Современная российская историография во многом следует идеям советской американистики. Например, Д. Травин и О. Маргания в работе «Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара», считая политику Рузвельта в 1930-х годах не самой эффективной, тем не менее пишут: «Пожалуй, только Франклин Рузвельт за океаном в рамках своего «Нового курса» успешно двигался в направлении государства всеобщего благосостояния» [16, с. 250].

Негативно оценивает политику Ф. Рузвельта по выходу из кризиса и российский исследователь П. Усанов, отмечая, что действие программ Ф. Рузвельта «было крайне разрушительным для экономики» [1, с. 33].

Таким образом, в советской историографии «Новый курс» Ф. Рузвельта получил весьма неоднозначную оценку. Более того, данная политика, продиктованная крайне напряженной обстановкой, сложившейся в результате кризиса, оказалась, по мнению марксистской школы, своего рода буржуазным реформизмом в условиях развития государственно-монополистического капитализма в США. Перебивавшее многое российская историография также дает весьма противоречивую оценку эффективности «Нового курса» Ф. Рузвельта, отмечая, что данная политика если и способствовала выходу из кризиса, то уж точно не сделала это самостоятельно.

4. Австрийская экономическая школа. Отдельное направление в историографии по вопросу «Нового курса» сегодня представляют исследователи-экономисты австрийской школы, которые вместе с марксистами, но совершенно по иным причинам, критикуют политику «Нового курса» Ф. Рузвельта, разбирая вопрос сугубо с экономической стороны.

Исследователь Б. Фолсом в своей работе стремится показать несостоятельность мероприятий «Нового курса» Ф. Рузвельта, их несогласованность между собой. По его мнению, когда мы внимательно смотрим на характер Ф. Рузвельта и его провальные программы «Нового курса», становится непонятно, «почему историки почти единодушно оценивают его как одного из лучших президентов за всю историю США» [4, с. 299]. Более того, Б. Фолсом также обращает внимание и на гипотезу о том, что «Новый курс», «создав у инвесторов стойкое ощущение почти полной непредсказуемости действий государства, продлил Великую депрессию» [4, с. 293].

Примерно такой же позиции придерживается в своей монографии «Великая депрессия в Америке» и М. Ротбард, экономист австрийской школы. В работе автор рассматривает как основные вопросы, связанные с данной темой, так и конкретно предпосылки и причины, которые привели к Великой депрессии, оценивая с экономической точки зрения попытки ее разрешения, а именно – «Новый курс». Однако исследователь рассматривает «Новый курс» не как разработку Ф. Рузвельта, а как уже почти завершенный план его предшественника – Г. Гувера. Он отмечает, что если рассматривать «Новый курс» как «программу действий по преодолению депрессии, харак-

теризующуюся крупномасштабным планированием и вмешательством», то, по этим же критериям, «творцом американского «Нового курса» должен считаться Герберт Гувер» [16, с. 280]. В целом, вся его работа и посвящена ошибкам, которые привели к Великой депрессии, а «Новый курс» рассматривается как неэффективная политика по ее разрешению, при этом имеется в виду конкретно «Новый курс» в понимании М. Ротбарда, т. е. до 1932 г., когда у власти находился еще Г. Гувер. Главной же ошибкой выделяется именно вмешательство государства в экономическую жизнь, что впоследствии осуществил до конца Ф. Рузвельт. Как указывает автор, «итог политики Гувера следует считать не провалом свободного рынка, а провалом государственного планирования» [16, с. 281].

Также негативную оценку экономических показателей дают монетаристы М. Фридман и А. Шварц в своем труде «Монетарная история США: 1867–1960». В своей работе, которая разделяет точку зрения австрийской экономической школы, они отмечают, что «Новый курс» «не принес коренных улучшений» [18, с. 848].

Проследив оценку эффективности «Нового курса» в работах исследователей популярных историографических школ, мы можем сделать следующие выводы:

1. Неолиберальная историография рассматривает «Новый курс» как продолжение американского капитализма, который постепенно нашел новый путь реагирования на сложившуюся ситуацию с кризисом. Этот новый путь выразился во взаимодействии государства и частного бизнеса, что позволило привести экономическую жизнь в стране в порядок.

2. Неоконсервативная историография, рассматривающая «Новый курс» более подробно, делает акцент на его социальную политику, отмечая, что именно в период «Нового курса» государство взяло под свою ответственность благосостояние граждан. При этом Ф. Рузвельт сумел не нарушить основополагающие принципы американского капитализма, что и стало главной причиной такой широкой его поддержки со стороны разных социальных слоев американского общества. Таким образом, данная историографическая школа экономическую деятельность и результаты «Нового курса» оценивает весьма позитивно.

3. Советская американистика рассматривает политику «Нового курса» через призму марксистской идеологии, а значит и упор делается не только и не столько на экономическую составляющую, сколько на идеологическую. В советской историографии «Новый курс» Ф. Рузвельта получил весьма неоднозначную оценку. Продиктованный крайне напряженной обстановкой, сложившейся в результате кризиса, «Новый курс», по мнению советских авторов, оказался своего рода буржуазным реформизмом в условиях развития государственно-монополистического капитализма в США. При этом исследователи данной школы оценивают экономические итоги вполне по-

ложительно, однако уточняют, что сам «Новый курс» не позволил вывести экономику США из затяжного кризиса.

4. Сегодня наибольшую популярность получают исследователи австрийской экономической школы, которые в корне изменили представление о роли Ф. Рузвельта и его политики «Нового курса» в истории США. С точки зрения австрийской экономической школы, «Новый курс» не только не смог вывести экономику из кризиса, но даже продлил этот кризис до 1939 г. Исследователи данной школы видят главную ошибку «Нового курса» именно в попытке государственного вмешательства, а саму программу реформ рассматривают сквозь призму возрастающего этатизма, отмечая, что это принесло лишь негативные последствия.

Список использованных источников

1. *Усанов, П.* Великая депрессия и Новый курс: уроки для современности / П. Усанов // Препринт М-56/17. – СПб.: Изд-во Европейск. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. – 44 с.
2. *Хофстедтер, Р.* Американская политическая традиция и ее создатели / Р. Хофстедтер. – М.: Наука; СП «Квадрат», 1992. – 425 с.
3. *Шлезингер, А. М.* Циклы американской истории / А. М. Шлезингер. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 692 с.
4. *Фолсом, Б.* Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию / Б. Фолсом. – М.: Мысль, 2012. – 352 с.
5. *Berthoff, R.* An Unsettled People: Social Order and Disorder in American History / R. Berthoff. – New York : Harper and Row, 1971. – 528 p.
6. *Kirk, R.* The Roots of American Order / R. Kirk. – La Salle: ISI Books, 1992. – 588 p.
7. *Lowi, T. J.* The End of Liberalism. The Second Republic of the United States / T. J. Lowi. – N. Y.: Norton, 1969. – 332 p.
8. *Hawley, E. W.* The New Deal and the Problem of Monopoly. A Study in Economic Ambivalence / E. W. Hawley. – Princeton: Princeton University Press, 1966. – 266 p.
9. *Фостер, У. З.* Очерк политической истории Америки / У. З. Фостер. – М.: Изд-во иностран. литер., 1953. – 918 с.
10. *Сивачев, Н. В.* Новейшая история США / Н. В. Сивачев, Е. Ф. Язьков. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 335 с.
11. История США: в 4 т. / гл. ред. Г. Н. Севостьянов. – М.: Наука, 1983–1987. – Т. 3: 1918–1945 гг. / ред. И. В. Галкина [и др.]. – 1985. – 671 с.
12. *Далин, С.* Экономическая политика Рузвельта / С. Далин. – М.: Гос. социально-экономическое издание, 1936. – 239 с.
13. *Яковлев, Н. Н.* Франклин Рузвельт: человек и политик: новое прочтение / Н. Н. Яковлев. – М.: Междунар. отношения, 1981. – 414 с.
14. *Мальков, В. Л.* Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре» / В. Л. Мальков. – М.: Эксмо, 2011. – 536 с.
15. *Мальков, В. Л.* Рабочая политика Ф. Рузвельта [Электронный ресурс] / В. Л. Мальков // Интернет-библиотека и архив для сохранения авторских материалов украинских и зарубежных авторов. – Режим доступа: <http://surl.li/bkbvcv>. – Дата доступа: 27.01.2022.

16. *Травин, Д.* Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара / Д. Травин, О. Маргания. – СПб.: Норма, 2016. – 392 с.

17. *Ротбард, М.* Великая депрессия в Америке / М. Ротбард. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. – 522 с.

18. *Фридман, М.* Монетарная история США: 1867–1960 / М. Фридман. – Киев: Ваклер, 2007. – 861 с.

(Дата подачи: 22.02.2022 г.)

Т. В. Воронич

Белорусский государственный экономический университет, Минск

T. Voronich

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК: 336.14:352(476.2-25)(091)"18/19"

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ УЕЗДНОГО ГОРОДА ГОМЕЛЯ (1875–1913 ГГ.)

INCOME AND EXPENSES OF THE PROVINCIAL CITY OF GOMEL (1875–1913)

На основе статистических источников рассмотрены суммарные доходы и расходы уездного города Гомеля в последней трети XIX – начале XX вв. Изучены динамика и структура доходных и расходных частей бюджетов за 1875, 1901 и 1913 гг., их удельный вес в общей сумме городских бюджетов.

Ключевые слова: город; бюджет; доходы и расходы городов; Гомель.

On the basis of statistical sources, the total income and expenses of the provincial town of Gomel in the last third of the 19th and early 20th centuries are considered. The dynamics and structure of the income and expenses parts of the budgets for 1875, 1901 and 1913, their share in the total amount of city budgets are studied.

Keywords: city; budget; city income and expenses; Gomel.

Бюджетная деятельность городского самоуправления является главным компонентом городского хозяйства, развитие которого ускорилось в последней трети XIX – начале XX вв. В данной работе рассматриваются совокупные доходные и расходные части бюджетов уездного города Гомеля в последней трети XIX – начале XX вв. Источниками являются «Отчеты о денежных оборотах городских касс» за 1875 и 1901 гг., а также данные о доходах и расходах Гомеля, опубликованные в «Календаре-справочнике городского деятеля на 1916 год» (для Гомеля данные приводятся на 1913 г.) [1–3]. Нижняя граница исследования обусловлена годом принятия решения о введении Городового положения 1870 г. в городах Беларуси, верхняя – 1913 г. – последним предвоенным годом.

В 1875 г. доходы Гомеля составили 15 953 руб. (таблица 1).

Таблица 1

Доходы уездного города Гомеля за 1875, 1901 и 1913 гг.¹, руб.

Статья дохода	1875 г.	1901 г.	1913 г.
Сбор с городских недвижимостей и оброчных статей	10 156	51 478	74 242
Оценочный сбор с недвижимых имуществ	–	15 404	100 000
Торгово-промышленные сборы	2997	11 295	23 402
Налог с лошадей, экипажей и собак	–	–	785
Разные пошлины	1946	1979	3294
Прибыль от городских банков	–	4000	нет сведений
Прибыль от городских предприятий		14 750	63 120
Пособия городу	–	14 435	167 695
Другие поступления	854	23 810	90 021
Итого	15 953	122401	522 559

Поступления с городских недвижимых имуществ и оброчные статьи составляли 63,7 % всех доходов. Сюда включены следующие статьи: «С городских недвижимых имуществ и оброчных статей», которые давали 100 % поступлений этого вида доходов, «За проход и проезд по городским сооружениям и за стоянку судов».

Различные налоговые сборы давали 12,2 %. Сюда входили налоги «С засвидетельствования, протеста и представления ко взысканию разных актов», на долю которых приходилось 98 % этого вида сборов, «С клеймения мер и весов», «С аукционных продаж движимого имущества». Торгово-промышленные сборы составляли 18,8 % всех доходов. Главным в этой группе был сбор «С документов на право производства торговли и промыслов» – 87 %. Также сюда входят налоги «С трактирных заведений, постоянных дворов и съестных лавок», «С извозного и перевозного промыслов», «С привозимых в город и отвозимых из него товаров».

Оценочный сбор с недвижимых имуществ в Гомеле в середине 70-х годов XIX в. не взимался. Незначительную часть составляли «Другие поступления» – всего 5,4 %. Сюда включены такие статьи бюджета: «Мелочные и случайные» и «Из недоимок» (таблица 1).

Таким образом, количество источников поступлений в бюджет Гомеля было незначительным. Главное место принадлежало доходам с городского недвижимого имущества и оброчных статей. Существенным источником

¹ Составлено и подсчитано по [1, с. 24–25; 2, с. 24–25; 3, с. 221].

поступлений были различные, главным образом торгово-промышленные, налоги.

В 1913 г. существенно уменьшилась доля поступлений с городских недвижимых имуществ и оброчных статей, приносявших уже всего 14 %, хотя с 1875 по 1913 г. они выросли в 7,3 раза. Уменьшение доли этого вида поступлений связано с появлением новых статей доходов в бюджете города. Различные налоговые сборы давали всего лишь 5,3 %, в том числе торгово-промышленные сборы – 4,5 %. Кроме того, в бюджете Гомеля появился и новый вид поступлений, хотя и незначительный, так называемый налог на роскошь – «сборы с лошадей, экипажей и собак», составивший 0,2 % всех доходов (таблица 1).

Уже к 1892 г. в доходах Гомеля стал фигурировать и оценочный сбор с недвижимого имущества, составив 3,8 %. В конце XIX – начале XX в. городские власти стали активно использовать недвижимое имущество горожан, облагая его налогом. Эта статья доходов показала существенный рост, составив в 1901 г. – 13 %, а в 1913 г. – 19 % всех доходов (табл. 1).

Важным стало заполнение такого вида поступлений, как доходы с городских предприятий. К 1901 г. у города было только одно такое предприятие – городская скотобойня, которая давала 12,1 % всех доходов. К 1913 г. город владел уже и собственным водопроводом. Поступления от этих и других более мелких предприятий к 1913 г. значительно увеличились – почти в 4,3 раза. Существенным было функционирование городского банка, который в 1901 г. давал 3,3 % всех городских доходов.

Значительную часть в 1901 и 1913 гг. составляли «другие поступления» – соответственно 20 и 17 %, однако они, к сожалению, в таблицах не детализируются (таблица 1).

За рассматриваемый период произошел существенный рост всех статей городского бюджета, хотя удельный вес некоторых уменьшился. Кроме того, появились новые виды поступлений, которые свидетельствовали о становлении и развитии городского хозяйства. Прежде всего, знаменательным стало появление отдельной рубрики поступлений от деятельности городских предприятий. Оценочный сбор, который не взимался в 1875 г., к 1913 г. стал одним из главных источников дохода. Характерным не только для Гомеля, но и для всех городов стало снижение поступлений от торгово-промышленных сборов в общей сумме доходов.

Существенный рост с 1875 по 1913 г. показал один из важных источников дохода – сборы с городской недвижимой собственности. Уменьшение же доли этого вида поступлений связано с появлением новых статей доходов в бюджете города.

К 1892 г. появился еще один новый вид поступлений – выплаты из казны, предназначенные для компенсации расходов городов по расквартированию войск. На протяжении 1892–1901 гг. они оставались такими же либо

с незначительными изменениями, как в абсолютных, так и относительных показателях. Их доля изменилась незначительно с 14,5 до 11,8 %. Существенное увеличение произошло только в 1913 г.

К 1901 г. доходы Гомеля достигли 122 401 р., больше, чем в 1875 г., в 7,7 раза. За последнее десятилетие XIX в. доходы города выросли в 1,2 раза. Но наибольший рост доходов города показали в первом десятилетии XX в. С 1901 по 1913 г. доходы выросли 4,3 раза, составив 522 559 руб. Всего же за рассматриваемый период 1875–1913 гг. доходы города увеличились почти в 33 раза!

Доходы определяли возможности расходной части бюджета.

Таблица 2

Расходы уездного города Гомеля за 1875, 1901 и 1913 гг.², руб.

Статья расхода	1875 г.	1901 г.	1913 г.
Участие в содержании правительственных учреждений, а также расходы на отопление и освещение тюрем, воинская квартирная повинность	2970	35 974	88 586
Содержание органов общественного управления и сиротского суда	2739	17 823	44 285
Содержание пожарной команды	3259	5617	53 630
Расходы на городское благоустройство	1623	11 242	54 506
Народное образование	150	12 822	22 330
Содержание городских предприятий	0	447	24 038
Благотворительные и медико-санитарные цели	20	3407	51 835
Содержание общественных зданий, памятников и других городских имуществ		3421	10 612
Уплата по займам и другим обязательствам		21 571	67 533
Прочие	974	10 152	105 204
Всего	11 735	122 476	522 559

В соответствии с российским законодательством на города был возложен ряд обязательных расходов: содержание городского общественного управления, содержание городских общественных зданий и памятников, выплата по городским займам и обязательствам, выплаты пособий на содержание учебных, благотворительных и иных «общепользных» заведений, принадлежащих различным учреждениям, выплата пособия государственному казначейству, выполнение воинского постоя, на отопление и освещение тюрем, содержание полиции, содержание пожарных служб, благоустройство города, в том числе содержание магистральных путей и освещения города,

² Составлено и подсчитано по [1, с. 84–85; 2, с. 90–91; 3, с. 284–285].

а также водопровода и сточных канав и пр., отдельно предусматривались также расходы на содержание городских свалок. Только после выполнения всех вышеперечисленных обязательных расходов, городские средства могли быть направлены и на решение других вопросов города и его жителей [4, с. 249–272].

В издаваемом Хозяйственным Департаментом Министерства внутренних дел «Отчете о денежных оборотах городских касс» все расходы разбиты на 24 рубрики. На основе методики, предложенной В. А. Нардовой, расходы Гомеля также были сгруппированы в более крупные разделы [4, с. 57].

Расходы Гомеля в 1875 г. составили 11 735 руб. Самая крупная группа расходов – 25,3 % всех городских средств, шла на содержание правительственных учреждений: в том числе пособие казне – 0,6 %, содержание полиции – 21,2 %, освещение и отопление тюрем – 3,5 %. Вместе с затратами на пожарную команду (27,8 %) эти расходы возрастут до 53,1 % (таблица 2).

На содержание органов общественного управления было направлено 23,3 % всех средств. На городское благоустройство, включавшее рубрики «освещение города» и «содержание мостовых набережных, тротуаров и пр.» город выделил 13,8 %.

На народное образование было затрачено 1,3 %, на содержание «городового врача и других лиц медицинской службы» – 0,2 % (таблица 2).

На рубрику «Прочие расходы на городские нужды» приходилось 8,3 % всех расходов, однако говорить об их предназначении не представляется возможным, поскольку они не расшифрованы в источнике.

Анализ расходов за 1901 г. (таблица 2), их сопоставление с данными за 1875 г. показывают, что расходная часть бюджета Гомеля увеличилась в 10,4 раза, составив в 1901 г. 122 476 руб.

В 1901 г. значительная часть городских средств – 29,4 % – по-прежнему шла на содержание правительственных учреждений, полиции, выполнение воинской повинности. Эти ассигнования выросли с 2970 до 35 974 руб., практически пропорционально увеличению общей суммы расходов, поэтому их удельный вес изменился незначительно.

Расходы на городское общественное управление выросли в 6,5 раза, а их удельный вес снизился до 14,6 %. Возросли также расходы, хотя и не столь значительно (в 1,7 раза) на пожарную команду, а удельный вес этих расходов уменьшился до 4,6 %. В 6,9 раза увеличились расходы на городское благоустройство. Но при этом снизился их удельный вес до 9,2 % (таблица 2).

Как отмечает В. А. Нардова [4, с. 59], знаменательным стало появление в «Отчетах о денежных оборотах городских касс» рубрики, связанной с содержанием городских предприятий – водопровода, скотобоен и пр. Затраты Гомеля на эти нужды в 1901 г. были еще совсем невелики – всего 0,4 %, хотя в целом по городам Беларуси – 2,7 %.

Выросли расходы на содержание социальных учреждений, медико-санитарные цели и народное образование – в 95 раз, а их удельный вес увеличился до 13,3 %. Самый большой рост в этой группе дали расходы на народное образование – в 85 раз (таблица 2).

В статьях расходов появились выплаты по займам и долговым обязательствам, составив 17,6 %. Удельный вес недифференцированной суммы расходов под рубрикой «Разные расходы» остался неизменным – 8,3 %.

Но наиболее активный рост и развитие городских финансов произошло в начале XX в. Если за период с 1892 по 1901 г. расходы увеличились в 1,1 раза, то за следующее десятилетие с 1901 по 1913 г. – 4,3 раза. А в целом за рассматриваемый период с 1875 по 1913 г. расходы Гомеля возросли почти в 45 раз.

В 1913 г. существенными оставались расходы на содержание правительственных учреждений, полиции, выполнение воинской повинности – 17,1 %. Хотя их доля и уменьшилась, но в абсолютных показателях произошел рост почти в 2,5 раза за период с 1901 по 1913 г. (таблица 2).

Расходы на городское общественное управление также выросли в 2,5 раза, а их удельный вес снизился до 8,5 %. Возросли также расходы (в 10 раз) на пожарную команду, а удельный вес этих расходов увеличился до 10,3 %.

Расходы на городское благоустройство хотя и увеличились в 4,8 раза, но их удельный вес остался почти неизменным – 10 %.

Но самый большой рост показали расходы на содержание городских предприятий – в 53,8 раза, а их удельный вес составил почти 5 %.

Выросли расходы на содержание социальных учреждений, медико-санитарные цели и народное образование – в 4,5 раза, а их удельный вес увеличился до 14,2 %. Самый большой рост в этой группе дали расходы на медико-санитарные нужды – в 15 раз (таблица 2).

Анализ всего рассматриваемого периода с 1875 по 1913 г. показывает стабильную положительную динамику роста всех статей расходов. Суммарно расходы на содержание правительственных учреждений, полиции и пожарной команды увеличились в 23 раза. Но наибольший рост показали расходы, направленные на удовлетворение потребностей непосредственно самого города – на социальные, медико-санитарные цели, народное образование, благоустройство – почти в 72 раза. Впечатляющий рост показали расходы на медико-санитарные цели и народное образование – в 250 и 150 раз соответственно, составив существенную долю расходов города. Значимой статьёй бюджета стали расходы на деятельность городских предприятий. Все эти изменения свидетельствовали о модернизационных процессах в становлении и развитии городского хозяйства Гомеля в рассматриваемый период.

Подобный обзор доходов и расходов Гомеля дает лишь общую кар-

тину об основных направлениях финансовой деятельности городского самоуправления. Тем не менее рассмотрение доходной части бюджета показывает, что на протяжении всего рассматриваемого периода главным источником поступлений были всевозможные налоговые сборы, прежде всего с городского недвижимого имущества, а также выплаты пособия из казны в качестве компенсации расходов городов, связанных с квартирной воинской повинностью. Выросла роль оценочного сбора, который в середине 70-х гг. XIX в. вообще не взимался. В начале XX в. этот вид доходов показал наибольший рост (за исключением выплат из казны). Нужно отметить также снижение поступлений от торгово-промышленной деятельности. Важным стало появление прибылей от городских предприятий. К 1913 г. они стали существенной статьёй доходов городского бюджета, что свидетельствовало о становлении и развитии городской инфраструктуры.

В 70-е гг. XIX в. основная сумма бюджетных средств Гомеля шла прежде всего на удовлетворение государственных нужд, на содержание полиции и выполнение квартирной воинской повинности. Важное место занимали расходы на содержание городского самоуправления. К началу XX в. эти статьи расходов, несмотря на значительный рост, стали занимать менее значительное место в бюджете города. На первое место выходят потребности самого города и его горожан. Существенными к 1913 г. были затраты на собственные социальные проблемы города, прежде всего народное образование и медико-санитарные цели. За рассматриваемый период именно эти статьи расходов показали наибольший рост. Наиболее активно рост и развитие городского бюджета происходили именно в начале XX в. Появившиеся новые направления финансирования в городском бюджете показывают, что идет становление и развитие коммунального хозяйства Гомеля, формирование социальной, медицинской инфраструктуры города, развитие системы образования. Все это ярко свидетельствует о том, что в городе активно проходили процессы модернизации городского хозяйства.

Список использованных источников

1. Отчет о денежных оборотах городских касс за 1875 год. Издание Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. – СПб.: Тип. М-ва внутрен. дел, 1887. – 158, 8 с.
2. Отчет о денежных оборотах городских касс за 1901 год. Издание Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. – СПб.: Тип. М-ва внутрен. дел, 1904. – [2], XIV, 268 с.
3. Календарь-справочник городского деятеля на 1916 год: (6-й год изд.) / сост. Б. Б. Веселовский. 1915. – XVI, 448 с.
4. *Нардова, В. А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века / В. А. Нардова. – СПб.: Наука. С.-Петербург. изд. фирма, 1994. – 159 с.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

В. И. Гаврилов

Международный государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова,
Белорусский государственный университет, Минск

V. Haurylau

International Sakharov Environmental University,
Belarusian State University, Minsk

УДК 327 (44) (091)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАНЦИИ И США ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В 1995–2002 ГОДАХ

FRENCH-AMERICAN RELATIONS IN LOCAL CONFLICTS IN 1995–2002

В статье В. И. Гаврилова рассмотрены вопросы франко-американского взаимодействия при разрешении некоторых локальных конфликтов в 1995–2005 годах. Особое внимание уделено подходам двух стран применительно своего места на международной арене и двустороннему взаимодействию при разрешении конфликтов в Боснии, Центральной Африке и на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Франция; США; франко-американские отношения; международные отношения, геополитика; многополярный мир; локальные конфликты; боснийский кризис; Центральная Африка; Ближний Восток.

In article of Vadzim Haurylau studies the questions French-American relations in several local conflicts in 1995–2002. Research the questions of relations between two countries in multipolar world, Bosnian crisis, Central Africa and Middle East.

Keywords: France, USA, French-American relations; international relations; geopolitics; multipolar world Bosnian crisis; Central Africa; Middle East.

С начала 1990-х гг. шел процесс смены модели международных отношений: от биполярной к многополярной. В этих условиях большинство стран мира вынуждено было искать пути выработки оптимальной внешнеполитической линии. Франция не стала исключением. Руководство страны активно искало более высокое место на международной арене, противостоя попыткам США построить однополярный мир и прилагая значительные усилия по достижению многополярного мирового устройства. Париж пытался упрочить свои позиции в регионах с традиционно сильным влиянием Вашингтона. Укрепление позиций Франции здесь могло идти только за счет ослабления влияния США. Это ускорило процесс формирования многополярного мирового устройства.

Соединенные Штаты, в свою очередь, всеми силами стремились сохранить ведущие позиции на международной арене, желая превратить Францию в одного из европейских союзников, отводя ей роль региональной

державы в глобальной системе американского доминирования. Указанные противоречия между Францией и США вели к столкновению интересов двух стран в том числе во время их взаимодействия при разрешении локальных конфликтов, где не обошлось без соперничества и борьбы за влияние. Обе страны учитывали в ней свои экономические и политические интересы, стремясь не только повысить свою значимость при урегулировании указанных конфликтов, но и укрепить свое экономическое лидерство в затрагиваемых их регионах. Особенно актуально это было для Франции, ревностно отстаивавшей свою экономическую автономию от США. Исходя из этих предпосылок Франция во многих случаях попросту не могла соглашаться с позицией США и слепо следовать в ее фарватере, была вынуждена искать свою собственную альтернативную точку зрения и прикладывать усилия для претворения ее в жизнь. Это привело к соперничеству Франции и США, где каждая из сторон выступала с собственными инициативами, зачастую несовместимыми с позициями оппонента, что вело к трениям и борьбе между этими двумя странами. Противоборство между Францией и США вносило наиболее осязаемый раскол в отношении между государствами Запада. Он мог привести к формированию двух центров силы в новой системе международных отношений: единой Европы и Соединенных Штатов Америки, что определяет особую важность и актуальность исследуемой здесь темы.

Одной из наиболее острых международных проблем, с которыми Ж. Ширак столкнулся вскоре после избрания на должность президента Франции, был кризис в Боснии. Военный конфликт между различными группами населения в этом регионе вызвал широкий резонанс во всем мире. Многие государства, в том числе Франция и США, прикладывали большие усилия для прекращения насилия и установления мира в Боснии. Еще до весны 1995 г. Франция стремилась найти компромиссное решение, которое устроило бы все стороны конфликта. При этом французская дипломатия занимала довольно сдержанную позицию по вопросу применения силы в регионе [1, с. 107].

Однако с избранием Ж. Ширака президентом страны подходы Парижа к разрешению кризиса изменились. Франция заняла более активную позицию в боснийском вопросе. Ж. Ширак высказал предложение, которое, по его мнению, должно было привести к урегулированию конфликта. 1 июня 1995 г. Франция предложила европейским и североамериканским партнерам создать силы быстрого реагирования для использования в урегулировании конфликта в качестве миротворцев ООН. По мнению Франции, эти силы должны были включать около 4 тыс. военнослужащих. Кроме того, предлагалось согласовать их статус с вооруженными силами ООН, которые уже действовали в зоне конфликта [1, с. 2].

Во время своего первого визита в США в качестве главы Франции, в июне 1995 г., Ж. Ширак сконцентрировал свои усилия на том, чтобы добиться принятия резолюции ООН, открывающей дорогу к созданию сил быстрого реагирования, и склонить американскую сторону к участию в финансировании этих сил. Б. Клинтон поддержал предложения Ж. Ширака, и 16 июня 1995 г. в ООН была принята резолюция по созданию сил быстрого реагирования для урегулирования боснийского конфликта.

Вместе с тем представители республиканского большинства в обеих палатах американского парламента не желали участия своей страны в финансировании сил быстрого реагирования по Боснии. В этой связи во время посещения Вашингтона президент Франции провел переговоры с Р. Доулом, лидером республиканского большинства в сенате, и Н. Гингричем, спикером палаты представителей. Ж. Ширак не смог добиться изменения позиции лидеров республиканцев по этому вопросу при личной встрече. Однако он высказал надежду, что республиканцы согласятся с линией Б. Клинтона [2, с. 5].

Вопрос о финансировании сил быстрого реагирования по Боснии нашел свое разрешение в предложениях Соединенных Штатов, озвученных 29 июня 1995 г. США предлагали доставить для сил быстрого реагирования в Боснии снаряжения на 60 млн долл. США и выделить еще 35 млн долл. в качестве добровольного финансового взноса [3, с. 3]. Это было не очень щедрое предложение, если учесть, что ранее США выделили на финансирование собственной операции в Боснии 300 млн долл. Недостаточную щедрость администрации Б. Клинтона можно объяснить сопротивлением действиям президента по финансированию сил быстрого реагирования со стороны республиканского большинства обеих палат американского парламента, не желавшего направлять американские деньги на содержание многонациональных сил. Вместе с тем администрация Клинтона стремилась играть одну из главных ролей в функционировании этих сил, дабы иметь возможность влиять на их деятельность.

В Париже и Вашингтоне существовали разные подходы к вопросу о возможном применении силы миротворцами ООН в Боснии. Американские предложения в этом вопросе сводились к нанесению массированных воздушных ударов по силам боснийских сербов, чтобы защитить мусульманские анклав в Боснии.

Франция была против систематических ударов в Боснии. В декларации от 20 июля 1995 г. Ж. Ширак высказался за усиление наземной защиты мусульманских анклавов в Боснии [4, с. 4]. Французская сторона предлагала усилить силы быстрого реагирования артиллерией и более активно использовать их для расширения наземной части миротворческой операции. Необходимо отметить, что принятие предложений французского президента усиливало бы позиции французских миротворцев в регионе, так как сухо-

путные силы Франции могли играть в возможном расширении наземной операции более существенную роль, нежели французская авиация в масштабных ударах с воздуха. Американская сторона заявила, что французская инициатива несет в себе гораздо больше риска для военнослужащих миротворческих сил, поэтому она не может быть принята [4, с. 4]. В итоге, после телефонных консультаций Ж. Ширака и Б. Клинтона, Франция отозвала свою инициативу о расширении наземной операции и открыла тем самым дорогу для нанесения воздушных ударов по позициям боснийских сербов [5, с. 959]. В ходе переговоров французская и американские стороны согласовали «зоны безопасности», в которых было запрещено нахождение воинских формирований боснийских сербов, и согласованы единые подходы к задачам и последовательности проведения миротворческой операции.

В ходе проведения миротворческой операции в Боснии на повестку дня стал вопрос о будущем устройстве страны. Франция выступила в контактной группе по бывшей Югославии с предложением установить в Боснии федеральную систему с разделением территории между боснийскими сербами с одной стороны, хорватами и мусульманами с другой [6, с. 2]. Со своей стороны, Вашингтон стремился самостоятельно решать все возникающие проблемы в важнейших аспектах боснийского урегулирования, фактически отстранив от участия в мирном процессе своих ключевых европейских союзников, в том числе и Францию. Дейтонские соглашения по Боснии были подписаны в условиях доминирования в переговорном процессе американской дипломатии.

В этой связи официальный Париж выразил недовольство ущемлением Дейтонскими соглашениями прав сербов, проживающих в Сараево. Ж. Ширак в своем послании Б. Клинтону также высказал мнение, что сербы, жившие до войны в Сараево, должны получить возможность безопасного проживания в городе. Командующий французским контингентом в Боснии генерал Ж. Р. Башеле заявил, что не допустит массового исхода сербов из Сараево [7, с. 3]. Однако вследствие негативной реакции на подобные заявления некоторых стран мира, в том числе и США, министр обороны Франции Ш. Мийон дезавуировал заявления генерала Ж. Р. Башеле и вызвал его для разбирательства в Париж [8, с. 3]. Тем не менее французские замечания были учтены американской стороной. Они были включены в текст мирных соглашений по Боснии, подписанных в Париже 14 декабря 1995 г. Данные соглашения окончательно устанавливали мир в Боснии. За их воплощением в жизнь должны были следить миротворцы ООН. Франция приписывала себе решающую роль в достижении мира в Боснии [5, с. 959]. Со своей стороны, США указывали на несравненно большую роль американского участия в мирном урегулировании боснийского конфликта.

В 1996 г. началось заметное похолодание во франко-американских отношениях. Это было обусловлено несколькими причинами: нежеланием

американской стороны прислушиваться к французским предложениям по реформированию НАТО, конкуренцией в сфере экономики, в частности в аэрокосмической сфере, столкновением интересов двух стран в Африке, а также внутренним положением во Франции. С приходом к власти Ж. Ширака в стране заметно увеличилась безработица. В 1996 г. она составляла 12,6 % трудоспособного населения. Это был наиболее высокий уровень безработицы со времени окончания Второй мировой войны. Руководство Франции не могло справиться с ее стремительным ростом. Популярность Ж. Ширака едва превышала 30 %, а популярность правительства страны была еще ниже [9, с. 20]. В этих условиях Ж. Ширак сделал ставку на повышение своего авторитета среди французов путем утверждения активной позиции на международной арене. Претендуя на самостоятельность и величие Франции, Ж. Ширак придерживался собственной внешнеполитической линии, отличной от линии США. Последний фактор играл важную роль в обострении франко-американских отношений.

Париж начал демонстрировать несогласие с односторонними действиями США на международной арене. Так, в 1996 г. произошло столкновение Франции и США в ООН по вопросу избрания генерального секретаря. В июне 1996 г. США высказались против продления мандата генерального секретаря ООН египтянину Б. Бутрос-Гали. В этих условиях Бутрос-Гали не стал переизбираться на второй срок и снял свою кандидатуру. Франция была категорически не согласна с односторонними действиями США, вынужденными без консультаций с партнерами Бутрос-Гали уйти в отставку. Поэтому во время голосования по кандидатуре нового генерального секретаря ООН 10 декабря 1996 г. Франция наложила вето на избрание генеральным секретарем ООН сторонника США К. Аннана. Французский представитель при ООН так прокомментировал решение своей страны: «Это не вето Франции против кандидатуры К. Аннана, которого поддержало большинство Совета, но вето против США» [10, с. 5]. При этом французский дипломат подчеркнул, что Франция высоко оценивает предыдущую работу К. Аннана в ООН [10, с. 5].

Отказавшись поддержать кандидатуру К. Аннана на голосовании 10 декабря 1996 г. Франция протестовала против односторонних действий США в решении вопросов функционирования ООН. Это был демонстративный шаг, призванный привлечь внимание мирового сообщества к проблеме доминирования США в ООН. Уже через два дня Париж отозвал свое вето и американский кандидат К. Аннан был избран генеральным секретарем ООН.

Отправной точкой ухудшения отношений между Францией и США применительно к африканским странам стало африканское турне государственного секретаря США У. Кристофера, которое состоялось осенью 1996 г. Оно вызвало чрезвычайно негативную реакцию французской стороны. Между Ж. Годфреном, отвечавшим во французском правительстве за сотрудничество с франкофонными странами, и У. Кристофером состоялась за-

очная полемика о законности интересов двух стран в африканском регионе. Дело в том, что даже после распада французской колониальной империи официальный Париж стремился играть ведущую роль в отношениях с франкофонными странами Африки. Он чрезвычайно болезненно реагировал на любые попытки изменить это положение. США, в свою очередь, считали, что независимые государства вправе сами определять характер отношений с другими странами.

Наиболее острые разногласия между Францией и США в африканском регионе касались подходов к разрешению кризиса в Демократической республике Конго (ДРК), где на востоке страны развернулась борьба местного населения против центрального правительства. В середине 1990-х гг. в районе Больших африканских озер происходило несколько кровопролитных межэтнических конфликтов, которые подрывали стабильность центральноафриканского региона и вызывали тяжелую гуманитарную ситуацию. Вместе с тем в этом регионе имелись значительные запасы полезных ископаемых, что предопределяло заинтересованность как Франции, так и США в усилении здесь своего влияния. Париж имел теплые отношения с руководством Демократической республики Конго, что создавало хорошие предпосылки к заключению с ним выгодных для Франции соглашений по эксплуатации имеющихся на востоке страны природных ресурсов. Исходя из этого, французское руководство было заинтересовано в сохранении целостности Демократической республики Конго и сохранении влияния центрального правительства на всю территорию страны.

США, в свою очередь, имели прочные связи с такими государствами региона, как Уганда, Руанда и Бурунди, поддерживавшими сепаратистские движения на востоке ДРК. В интересах Соединенных Штатов было, опираясь на своих союзников в регионе, распространить свое влияние и на богатые полезными ископаемыми восточные районы Демократической республики Конго, что можно было сделать, выведя эти территории из-под контроля центрального правительства страны. Эти противоречия вели к конфронтации Франции и США в центральноафриканском регионе.

Официальный Париж полагал, что Соединенные Штаты стремятся опереться на вождей тутси, чтобы расширить сферу своего влияния в Центральной Африке. По мнению французской стороны, это могло привести к дестабилизации ситуации в ДРК и расчленению страны. Особенно подозрительным для французов выглядело то, что американский посол в Киншасе достаточно открыто говорил о такой возможности, а в Государственном департаменте это не опровергали [9, с. 1]. Кроме того, Париж обвинял Вашингтон в преднамеренном препятствовании проведению военной и гуманитарной операции в регионе, чтобы не создавать помех борьбе конголезских тутси, которых поддерживала Руанда, против центрального правительства [9, с. 20].

В свою очередь США не поддерживали французскую идею проведения военной и гуманитарной операции в ДРК, чтобы не помогать президенту Конго Мобуту Сесе Секу [9, с. 20]. После того, как зимой 1997 г. Франция приняла на своей территории тяжело больного Мобуту Сесе Секу, она в очередной раз выступила за отправку в ДРК миротворческих сил с тем, чтобы разрешить кризис в регионе Больших африканских озер и обеспечить условия для возвращения сотен тысяч беженцев в места постоянного проживания. Кроме того, Франция выступила за соблюдение эмбарго на поставку оружия и военного снаряжения в Конго, которое действовало с начала 1990-х гг. [11, с. 4].

После визита в Париж в январе 1997 г. Дж. Мооса, заместителя госсекретаря США по Африке, и его переговоров с Ж. Годфреном и советником Ж. Ширака по африканским делам М. Дюпушем США подкорректировали свою позицию, утверждая, что они не против отправки воинских формирований в конголезскую провинцию Кива. Вместе с тем США по-прежнему продолжали противостоять идее проведения международной конференции по конголезскому вопросу, на чем настаивала Франция. С точки зрения Вашингтона, США и Франция больше не имели разногласий по этому вопросу [11, с. 4]. Действительно позиции двух стран в этом вопросе в феврале 1997 г. были ближе, чем осенью 1996 г. Однако следует учитывать тот факт, что Франция по-прежнему выступала за единство ДРК. Она доказывала способность президента Мобуту Сесе Секу восстановить порядок и провести в стране президентские и парламентские выборы. В свою очередь, США скептически относились к тому, что ДРК может стать единой страной. Они полагали, что под влиянием внутренних и внешних сил страна может утратить свою целостность [11, с. 4].

В это же время Франция работала совместно с США над установлением мира на Ближнем Востоке. Однако Париж не был в полной мере удовлетворен малозаметной ролью, которую он играл в процессе мирного урегулирования в регионе. В письме Ж. Ширака Б. Клинтону от 24 октября 1998 г. Франция приветствовала дипломатические успехи Соединенных Штатов в деле достижения мира на Ближнем Востоке. Одновременно подчеркивалась ее способность привнести в процесс достижения мира необходимый динамизм [12, с. 302–303]. Здесь очевидно стремление Франции играть более активную роль в процессе ближневосточного урегулирования. Для достижения этой цели Франция установила диалог с мусульманскими странами Ближнего Востока. Тем самым Париж стремился противопоставить свои отношения с Сирией, Иорданией, Ливаном и другими странами региона тесным американо-израильским отношениям [13, с. 2]. При этом Париж всегда выказывал желание согласованно работать с Соединенными Штатами для достижения мира и стабильности на Ближнем Востоке. Такая политика повышала влияние Франции в указанном регионе. Однако она не приводила к ощутимым сдвигам в отношениях между Францией

и США.

В 2001 г. премьер-министр Франции Л. Жоспен выступил с инициативами по урегулированию арабо-израильского конфликта. Он высказался за скорейшее подписание прочных мирных соглашений между палестинцами и израильтянами, однако не обозначил базу, на основе которой могли быть достигнуты договоренности между враждующими сторонами. В начале 2002 г. произошла корректировка французской позиции по вопросу ближневосточного урегулирования. Ж. Ширак по-прежнему настаивал, что единственный возможный путь разрешения арабо-израильского конфликта – это переговоры. По его мнению, ответственность за установление диалога между различными сторонами конфликта лежала именно на США [14, с. 3]. То есть президент Франции отдал Соединенным Штатам первенство в урегулировании ближневосточного конфликта.

Таким образом, взаимодействие Франции и США при разрешении некоторых локальных конфликтов в 1995–2002 гг. имело противоречивый характер. С одной стороны, Франция почти всегда выступала в них с собственной, отличной от американской позицией, стремясь претворять ее в жизнь, но с другой, в конечном итоге под давлением США почти всегда корректировала ее, не имея возможности стойко противостоять устремлениям официального Вашингтона. И все же внешнеполитическая самостоятельность, к которой стремилась Франция, часто вынуждала американцев корректировать собственную позицию, а значит, влияла на конечные результаты американских действий на международной арене. Это, несомненно, закладывало хорошие предпосылки для появления многополярности в мировой системе международных отношений, внося вклад в создание альтернативного американскому полюса мировой силы во главе с Францией. Подобная тенденция вносила наиболее ощутимый разлад в отношениях между государствами Запада – раскол по линии Франция – США. Осознание и использование его потенциала может стать хорошим подспорьем установлению подлинной многополярности в системе международных отношений, где США вынуждены будут считаться с интересами многих других государств мира и не вмешиваться в их дела.

Список использованных источников

1. Les politiques étrangères / F. Charrillon [ect.]; sous la direction de F. Charrillon. – Paris: La documentation Française, 1999. – 312 p.

2. Bassir, A. Adoption de la resolution la force de reaction rapide / A. Bassir, L. Zecchini // Le Monde. – 1995. – 16 juin. – P. 5.

3. Ourdan, R. Les «casques bleus» vivent de plus en plus mal le manque de fermeté des capitales occidentales / R. Ourdan // Le Monde. – 1995. – 1 juillet. – P. 3.

4. Les Occidentaux en quete d'une stratégie commune en Bosnie // Le Monde. – 1995. – 22 juillet. – P. 4.

5. *Villepin, D. de*. Histoire de la diplomatie française presentation de Dominique de Villepin / D. de Villepin. – Paris: Perrin, 2005. – 1050 p.
6. *Trean, C.* Les Américains optent pour la «realpolitik» dans l'ex-Yougoslavie / C. Trean // Le Monde. – 1995. – 1 aout. – P. 2.
7. *Trean, C.* Paris récuse le parti pris pro-serbe de certains officiers français à Sarajevo / C. Trean // Le Monde. – 1995. – 4 desémbre. – P. 3.
8. *Isnard, J. M.* Millon envisage de demander retour en France du générale Bachelet / J. Isnard // Le Monde. – 1995. – 4 desémbre. – P. 3.
9. *Frachon, A.* Coup de torchon franco-américain / A. Frachon // Le Monde. – 1995. – 10 desémbre. – P. 1, 20.
10. *Bassir, A.* Paris s'oppose à Washington sur le choi de M. Boutros-Ghali à l'ONU / A. Bassir // Le Monde. – 1996. – 12 desémbre. – P. 5.
11. *Fritsher, F.* La question du Zaire oppose toujours Paris à Washington / F. Fritsher // Le Monde. – 1997. – 2-3 janvier. – P. 4.
12. Politique étrangère de la France. (Textes et documents). – Septembre-Octobre 1998. – Paris: La documentation Française, 1998. – 408 p.
13. *Naim, M.* Paris veut travailler en coordination avec les Etats-Unis plutot que les prendre à rebousse-poil / M. Naim // Le Monde. – 1998. – 14 janvier. – P. 2.
14. Jacques Chirac tire les leçons du 11 septembre // Le Monde. – 5 janvier 2002. – P. 3.

(Дата подачи: 21.02.2022 г.)

A. K. Gezevich

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно

A. Hetsevich

Yanka Kupala Grodno State University, Grodno

УДК 94 (476):336.71

КОММУНАЛЬНЫЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ В КРЕДИТНО-БАНКОВСКОЙ СТРУКТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1921–1939 ГГ.)

MUNICIPAL SAVINGS BANKS IN THE CREDIT-BANKING STRUCTURE THE SECOND POLISH REPUBLIC (1921–1939)

Цель исследования – изучение процесса формирования и развития коммунальных сберегательных касс – ключевого звена кредитно-банковской системы второй Польской республики, в том числе и на территории Западной Беларуси. Показатели деловой активности, выраженные в статистических данных, свидетельствовали о значительной роли данных финансовых учреждений в проведении государственных программ в разных областях на местном уровне. На протяжении 1920–1930 гг. влияние коммунальных сберегательных касс и спрос на их услуги было неизменно высоким. Полученные результаты

могут быть использованы в изучении экономической истории Беларуси, Польши, России в изучаемый период.

Ключевые слова: история; Беларусь; вторая Польская республика; банк; кредитное учреждение, деньги.

The aim of the research is to study the process of formation and development of communal savings banks, a key link in the credit and banking system of the second Polish Republic, including the territory of Western Belarus. The indicators of business activity, expressed in statistical data, testified to the significant role of these financial institutions in the implementation of state programs in different areas at the local level. Throughout the 1920s and 1930s, the influence of communal savings banks and the demand for their services was consistently high. The results obtained can be used in the study of the economic history of Belarus, Poland and Russia during the period under study.

Keywords: history; Belarus; Second Polish Republic; bank; credit institution; money.

Финансово-кредитная политика второй Польской республики после Первой мировой войны складывалась достаточно сложно. Страна пережила сложный этап истории и понесла значительные потери. К тому же кредитно-денежную политику приходилось выстраивать заново, а, как известно, чем больше разного рода потрясений, тем дольше и сложнее проходит процесс восстановления.

Хозяйственная жизнь второй Польской республики, развитие ее кредитно-банковской системы фактически проходило в ситуации, когда надо было свести в одно целое структуры и системы, которые раньше входили в состав трех государств – Германской, Австро-Венгерской и Российской империй.

Снижение стоимости или прекращение хождения валют этих государств в значительной мере влиял на денежный и кредитный рынок второй Польской республики. Поэтому кризис в кредитно-банковской системе носил затяжной характер. Первоначально планировалось, что введенная польская марка заменит собой хождение разных валют внутри страны, а также станет привлекательной за ее пределами. Этому должен был способствовать и установленный курс польской марки в соотношении с долларом США – 10 : 1. Однако реальное положение дел в польской экономике, последствия сражений Первой мировой, советско-польской войн и необходимость восстановления после них, вызывало гиперинфляцию и лавинообразное падение курса польской марки. В январе 1924 г. один доллар стоил более 10 млн польских марок, а проведенная в том же году деноминация и введение новой денежной единицы – злотого – зафиксировали окончательный курс обмена польских марок на деньги нового образца – 1 злотый за 1,8 млн марок [1, s. 20–22].

Девальвация польской марки негативно сказалась на нормализации кредитного рынка второй Польской республики в период до 1924 года. Для восстановления экономики требовались долгосрочные кредиты, которые

при гиперинфляции попросту не выдавались банками. Государство направляло кредитные ресурсы на поддержку исключительно важных направлений – сельского хозяйства и строительства. При этом очевидно, что по итогу данные кредитные ресурсы являлись фактически субвенциями из государственного бюджета. Поэтому на финансовом рынке Польши наблюдался повышенный спрос на кредитные ресурсы. В связи с этим процентная ставка по кредитам в начале 1920-х гг. рассчитывалась не по годам, а по месяцам, а позже и по дням. Однако даже высокие процентные ставки не смогли защитить кредиторов, выдававших краткосрочные кредиты, от понесенных девальвационных убытков.

Поэтому в период 1923–1924 гг. начало применяться «резервирование индексации» относительно доллара или швейцарского франка.

В итоге доллар фактически стал второй валютой и оставался таковой долгое время после введения новой денежной единицы страны – злотого, в качестве резервной валюты и имел параллельное хождение. Это было вызвано не только первоначальным недоверием со стороны населения к устойчивости злотого, но также из-за относительно низкого денежного оборота новых польских денег.

Таким образом, только с 1924 г. можно говорить о нормализации кредитных отношений в стране. Впрочем, быстро сформировать кредитный рынок не удалось. В 1925 г. произошла девальвационная корректировка новой польской валюты относительно других иностранных валют, что продолжало поддерживать параллельное хождение американской валюты в стране. 1926 г. стал первым годом, который отметился ростом вкладов, а соответственно, и кредитных ресурсов, что привело к удешевлению их стоимости и увеличению сроков предоставления.

Коммунальные сберегательные кассы (далее – КСК) играли значительную роль в формировании и функционировании кредитно-сберегательной системы страны.

В 1926 г. общая сумма привлеченных сбережений в рамках страны составила 1,193 млрд злотых [2, s. 83]. При этом через коммунальные сберегательные кассы (на 1926 г. по стране их насчитывалось 199) было привлечено всего 94 млн злотых (7,9 %) [2, s. 83].

Как видно из таблицы 1, сумма вкладов в КСК во второй половине 1920–1930-е гг. увеличилась с 13,4 до 23,4 %. Выросло и количество отделений коммунальных сберегательных касс – до 360, в то время, когда количество непосредственно банков и их отделений составляла 199 (на январь 1936 г.) [4, s. 209].

Вместе с тем КСК выполняли не только функцию привлечения сбережений. Одновременно коммунальные кассы являлись крупными кредиторами, особенно на местном уровне, владели недвижимостью, акциями и ценными бумагами государственных и частных кредитно-банковских учреждений.

Однако свыше 90 % привлекаемого капитала кассами пускались в оборот. Фактически коммунальные сберегательные кассы оставляли от 5 до 10 % от суммы вкладов в качестве резервов на счетах государственных или более крупных коммунальных банков, а остальные средства размещали как кредитные ресурсы.

Таблица 1

Привлечение средств коммунальными сберегательными кассами второй Польской республики [3, s. 202; 4, s. 233]:

Год	Вклады, всего по стране, млн злотых	Вклады в КСК, млн злотых	% от вкладов по стране
1928	2 678,00	359,00	13,4
1929	3 000,00	442,00	14,7
1930	3 025,00	582,00	19,2
1931	2 648,00	603,00	22,8
1932	2 688,00	628,00	23,4
1933	2 719,00	615,00	22,6
1934	2 990,00	665,00	22,2
1935	3 030,00	711,00	23,4
1936	3 212,00	720,00	22,4
1937	3 866,00	830,00	21,5
1938	3 922,00	884,00	22,5

Таблица 2

Обороты КСК в 1935–1938 гг. [4, s. 234]

Год	Количество касс	Внесено средств на депозит, млн злотых	Снято средств с депозита, млн злотых	Сальдо, +/-
1935	363	568	537	+31
1936	362	628	638	-10
1937	355	719	626	+93
1938	353	903	855	+48

При этом необходимо отметить, что в довоенный период на долгосрочные кредиты приходилось 50–60 % выдаваемых средств [5, s. 677].

Разрушение кредитно-банковской системы и необходимость восстановления экономики, гиперинфляция и девальвация фактически остановили долгосрочное кредитование через коммунальные кредитные кассы на период до середины 1920-х гг. Основной формой кредита оставался кратковременный. Единственной на то время формой долгосрочного кредита стал ипотечный долгосрочный кредит. Он выдавался местными городскими коммунальными кассами для строительства недвижимости. В редких случаях также предоставлялся конверсионный кредит, который облегчал должникам

коммунальных касс, как правило органам местного самоуправления, погашение тех краткосрочных обязательств, которые были заморожены из-за кризиса и, следовательно, не могли быть выплачены в срок.

Долгосрочная и среднесрочная ипотека выдавалась коммунальными кассами только в пределах 50 % от стоимости залога. Основным фактором, лежащим в основе расчета долгосрочного кредита, являлись рациональные нормы оценки предметов, составляющих залог кредита, а также доходов, которые на протяжении всего срока кредитного отношения можно было извлечь из заложенной ипотеки.

Следовательно, коммунальные сберегательные кассы предоставляли долгосрочный или краткосрочный кредит под гарантии объекта ипотечно-го строительства. При этом ставки по долгосрочным кредитам были существенно ниже краткосрочных кредитов и не превышали в Западной Беларуси 8–10 %. В то же время в коммунальных кассах центральных и западных регионов второй Польской республики, она была ниже и составляла 6,5–7 %.

После 1926 г. после стабилизации экономической ситуации КСК приступили к активной выдаче долгосрочных ипотечных кредитов.

Анализ данных показывает многократный рост спроса на ипотечные кредиты в конце 1920-х гг., который во многом связан с ростом вкладов в КСК. Другим фактором, который сказался на изменении спроса на ипотечные кредиты, стали изменения в экономике страны, вызванные мировым финансовым кризисом.

В частности, нерентабельность работы в сфере сельского хозяйства – из-за падения цен на зерновые были заморожены существующие кредиты землевладельцам, которые оказались не в состоянии продолжать выплачивать свои обязательства и платить высокие проценты [6, s. 191–192].

Общая сумма кредитов, конвертированных КСК в соответствии с положениями о списании долгов для сельского хозяйства с выплатой в течение 16 лет по дисконтированной процентной ставке 4,5 % через Акцептный банк, составила к концу 1930-х гг. 70–80 млн злотых ежегодно. В целом, однако, ввиду улучшения ситуации в сельском хозяйстве большинство землевладельцев, в том числе и в Западной Беларуси, регулярно выплачивали свои взносы, и ликвидность КСК к концу 1930-х гг. была в целом удовлетворительной [4, s. 674; 5, s. 230].

Вместе с тем привлекаемые ресурсы от населения не могли удовлетворить увеличенный спрос на долгосрочные кредиты. Поэтому начиная с 1936 г. долгосрочные кредиты стали выдаваться на более короткие сроки. Еще одним проблемным направлением стало долгосрочное кредитование сельскохозяйственного производства, которое давало слишком низкую отдачу. Вторым направлением, которое также являлось проблемным для кредитования, было местное самоуправление, которое постоянно нуждалось в средствах для обустройства и одновременно было ограничено бюджет-

ными рамками. Учитывая, что большинство долгосрочных кредитов выдавались для органов местного самоуправления на срок 30–36 лет под ставку 6–7 % годовых, это давало возможность вначале исправно вносить платежи согласно графику выплат. Однако с течением времени, когда местное самоуправление вынуждено было платить по нескольким таким кредитам одновременно, оплата стала выдаваться из бюджета в основном только на погашение процентов по займам. Это в свою очередь сужала дальнейшие возможности КСК как кредитной организации.

Значительное место в структуре кредитов КСК занимали среднесрочные и краткосрочные займы. При этом в 1930-е гг. правление коммунальных сберегательных касс стремилось увеличить их долю. Это давало возможность увеличить оборотные средства касс и избежать необходимости поиска дополнительных ресурсов. Вместе с тем значительную часть кратко- и среднесрочных займов составляли вексельные кредиты. Данная форма позволяла КСК получить хороший доход, а также, в случае необходимости, использовать векселя заемщика в качестве дополнительной гарантии возврата кредита (посредством редисконта в центральных банках страны). При этом, как правило, согласно уставу КСК сумма кредита не могла превышать 1 % от суммы вкладов кассы. При этом на местном уровне ситуация была иной. В частности, кредиты местным органам власти были выше, однако даже они не должны были превышать 20 % от сбережений кассы. По решению правления кассы могли выделяться значительные суммы и частным лицам, которые до этого являлись добросовестными вкладчиками или кредитополучателями данной кассы, под реализацию коммерческих и иных проектов.

В качестве залога такого рода кредитов использовались залоговые записи (векселя), недвижимость. Частой также была выдача кредитов КСК под залог процентных бумаг других учреждений и организаций. При этом учет проводился в размере 60–75 % от биржевой стоимости закладываемых ценных бумаг. Крайне редко проводилась выдача кредитов под залог движимого имущества (прежде всего мотоциклов, автомобилей), в связи с тем, что, например, в Западной Беларуси их было достаточно мало.

Выдача кредитов под залог, как правило, давала достаточно быстрый и стабильный доход кассам, поэтому в конце 1930-х гг. это направление развивалось достаточно активно.

В сельской местности, особенно в Западной Беларуси, значительное место в кредитовании КСК занимали долговые расписки. В расписке должник заявлял о своем долге перед кассой и совершал определенные выплаты. В этой же расписке также указывались залог и поручительство родственников, а также разрешение на внесение записи в книгу учета кассы. Период времени, в течение которого предоставлялся кредит по долговой расписке, как правило, носил среднесрочный характер, и, следовательно, с учетом удобства и относительной дешевизны этой формы кредита (без допол-

нительных форм обеспечения и сборов) этот кредитный продукт получил в регионе возможность развиваться, наряду с ипотечным кредитованием. Единственным минусом долговой расписки была невозможность рефинансирования в случае увеличения выплат.

Таким образом, рассматривая кредитную деятельность КСК, можно выделить ряд общих правил. Превалирующее большинство касс не выдавало потребительские кредиты или выдавало их крайне редко.

Значительную часть кредитов составляли инвестиционные вложения, прежде всего в имущество, строительство, недвижимость. КСК финансировали до 25 % стоимости строительного объекта с последующей конвертацией в ипотеку. Важными направлениями кредитования также были покупка земли, промышленных объектов (цехи, лесопилка), магазинов, закупка сырья.

Учитывая, что КСК работали в рамках одного региона и достаточно хорошо владели информацией о реальном положении своих должников, достаточно частым явлением было рефинансирование, а то и реструктуризация долга.

Среди основных заемщиков КСК выделяются следующие группы: органы местного самоуправления (до 20 % кредитов), крестьяне (до 40 %), владельцы недвижимости (до 25 %), купцы, ремесленники, иные лица – до 15 %. Очевидно, что приведенные цифры отличались в зависимости от региона, местности (город, местечко), расположения кассы (городская, поветовая).

Важный аспект деятельности КСК – взаимодействие с государственными банками и распределение через кассы кредитов, полученных из этих источников. Во второй Польской республике сложилась устойчивая финансовая структура, при которой государственные банки фактически использовали сеть местных кредитных касс в качестве низовых отделений, но не через содержание аппарата, а через выделение кредитных ресурсов под низкие проценты. В дополнение к общим кредитам, которые кассы в этих учреждениях получали, были еще специальные целевые кредиты, которые выделялись в качестве поддержки определенных отраслей производства.

Кредиты шли на развитие приоритетных государственных сельскохозяйственных программ, таких как садоводство, животноводство, посевная/уборочная страда, на покупку/производство удобрений, строительство зданий сельскохозяйственного назначения и др. Отдельную группу составляют кредиты, выделяемые для помощи сельскому населению в районах, подвергшихся природным бедствиям, таким как град, наводнение и т. д.

Городские коммунальные кассы получали от Государственного банка народного хозяйства кредиты, призванные помочь мелким ремесленникам в сложных условиях конкуренции с фабричной промышленностью. За счет этих же средств нередко кредитовалась и местная промышленность, торгов-

ля [7, s. 176 – 200].

В Западной Беларуси имелись особенности в развитии КСК:

- низкий уровень собственного капитала коммунальных касс, большинство из которых обладало уставным капиталом от 5 до 15 тысяч злотых. При этом дебиторская задолженность нередко многократно превышала уставной капитал;

- значительная просроченная задолженность населения и местных поветовых органов власти перед поветовыми сберегательными кассами;

- низкие проценты по выдаваемым кредитам, а в некоторых случаях и их полное отсутствие (для сумм выше 20 000 злотых), что не позволяло получить дополнительный капитал для дальнейшего кредитования.

При этом дешевыми кредитами коммунальных касс непосредственные производители – крестьяне – пользовались редко. Часто можно было наблюдать ситуацию, при которой кредитные ресурсы, предназначенные на нужды сельского хозяйства, оказывались у предприимчивых купцов и промышленников. Крестьяне, не имеющие возможность получить льготного кредита, вынуждены были обращаться в коммерческие банки или не брать кредитов на развитие вообще.

Учитывая, что ряд белорусских воеводств относились к разряду беднейших в стране, неудивительно, что перечисленные причины были характерны для всей системы мелкого кредитования региона, однако наиболее остро проявились в Полесском воеводстве [8, л. 14–15].

Коммунальные сберегательные кассы играли значительную роль в осуществлении государственной кредитно-финансовой политики, особенно в регионах второй Польской республики. Первостепенное значение имел и факт, что КСК в своей кредитной деятельности не были ограничены никакими централизованными постановлениями, благодаря чему они достаточно гибко реагировали на быстро меняющиеся условия в конкретно своем регионе и шли на встречу как вкладчикам, так и заемщикам. Особенно четко это стало видно во время мирового финансового кризиса 1929–1933 гг., когда прогорели многие частные банки, завязанные на иностранный капитал или конкретного крупного производителя. В свою очередь КСК оперативно приспособляли свою деятельность к новым конъюнктурным условиям, делали успехи, поскольку всю свою кредитную деятельность основывали почти исключительно на собственных и вкладных капиталах. К концу 1930-х гг. КСК занимали 20 % в сфере привлечения кредитов населения и являлись одним из крупнейших игроков в региональной структуре кредитно-банковской системы второй Польской республики.

Список использованных источников

1. *Leszczyńska, C. Zarys historii polskiej bankowości centralnej / C. Leszczyńska.* – Warszawa: Narodowy Bank Polski, 2010. – 85 s.

2. *Mały rocznik statystyczny. 1930.* – Warszawa: GUS, 1930. – 172 s.

3. Mały rocznik statystyczny. 1937. – Warszawa: GUS, 1937. – 402 s.
4. Mały rocznik statystyczny. 1939. – Warszawa: GUS, 1939. – 424 s.
5. Pięć lat na froncie gospodarczym (1926–1931). Warszawa: Drogi, 1931. – 719 s.
6. Marks, B. P. Zarys działalności komunalnej kasy oszczędności miasta Łodzi w okresie wielkiego kryzysu gospodarczego (1930–1935) / B. P. Marks. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2009 – S. 188–204.
7. Roziecki, J. Podręcznik dla Komunalnych Kas Oszczędności. Cz. 1 / J. Roziecki. – Warszawa: nakł. Samorządowego Instytutu Wydawniczego, 1931. – 255 s.
8. Государственный архив Брестской области. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1099. Сведения о работе коммунальных касс. – 47 л.

(Дата подачи: 14.02.2022 г.)

E. И. Головач

Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова, Могилев

A. Golovach

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev

УДК 94(476)“19”:37

ОТНОШЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ПАРТИЙ К ОТКРЫТИЮ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В БЕЛОРУССКО- ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

THE ATTITUDE OF LIBERAL AND RIGHT-MONARCHIST PARTIES TO THE OPENING OF A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Статья посвящена рассмотрению позиций и деятельности представителей либеральных и правомонархических партий в связи с решением одного из важнейших вопросов общественно-политической и культурной жизни Российской империи – открытием университета в белорусско-литовских губерниях. Отражены важнейшие темы полемики по рассматриваемой проблеме, среди которых выделены место открытия высшего учебного заведения, оказание материальной помощи для его учреждения со стороны органов городского и земского самоуправления, а также частных лиц.

Ключевые слова: либеральные и правомонархические партии; университет; проект; высшее учебное заведение; Виленский учебный округ; органы городского и земского самоуправления; Виленский университет.

The article is devoted to the consideration of the positions and activities of representatives of liberal and right-monarchist parties. It's connected with the solution of one of the most important issues of the social, political and cultural life of the Russian Empire – the opening of a

university in the Belarusian-Lithuanian provinces. The most important topics of the controversy on the problem under consideration are reflected here. Among which is the place of opening a higher educational institution, the provision of material assistance by city and zemstvo of self-government bodies, as well as private individuals.

Keywords: liberal and right-monarchist parties; university; the project; higher educational institution; Vilnius educational district; municipal governments; zemstvo local self-governments; Vilnius University.

В начале XX в. на белорусских землях не существовало ни одного высшего учебного заведения. Обсуждение возможности открытия университета в Северо-Западном крае находило отражение на страницах периодической печати, заседаниях и собраниях органов городского и земского управления, местных обществах сельских хозяев, отдельных представителей обществности.

В отечественной историографии данной теме посвящены лишь немногочисленные публикации, среди которых интерес для исследователей представляют следующие работы. Для изучения образовательной политики царского правительства на рубеже веков большое значение имеет монография С. В. Снопковской [1]. Всестороннему анализу ходатайств городских и земских органов самоуправления, направленных на решение вопроса об открытии высшего учебного заведения на территории региона, посвящены статьи Н. С. Моторовой и Е. П. Цумаревой [2; 3].

Основными источниками по теме исследования выступили материалы из фондов Национального исторического архива Беларуси, Государственного архива Российской Федерации, материалы периодических изданий начала XX в. В совокупности приведенные выше источники позволяют определить отношение и роль представителей политических партий по вопросу открытия университета в белорусско-литовских губерниях.

В 1903 г. на страницах периодических изданий Российской империи начали появляться публикации о предполагаемом открытии высшего учебного заведения в одном из городов Северо-Западного края. Это объяснялось тем, что в Европейской части Российского государства только в Виленском учебном округе отсутствовал университет. При этом для царского правительства не имело значения, в каком из городов открыть высшее учебное заведение, главным обстоятельством являлось то, где это обойдется дешевле. Среди наиболее возможных вариантов назывались Вильно, Витебск, Минск, Могилев. Следует отметить, что изначально решение обозначенной проблемы зависело от широкой поддержки городской администрации, различных учреждений и частных лиц [4, л. 2–2об.].

При обсуждении данного вопроса 27 августа 1903 г. в Витебской городской думе было принято решение уполномочить думских гласных (А. О. Волковича, В. П. Федоровича, Ю. М. Щитта) для поездки в Двинск

на съезд представителей общества сельских хозяев с целью ходатайства об открытии университета в Витебске. Одним из уполномоченных являлся А. О. Волкович – гласный Витебской городской думы, витебский городской голова, член Конституционно-демократической партии (1905 г).

Сторонником открытия университета в Витебске выступал известный юрист, историк-краевед, член Витебской ученой архивной комиссии, член «Союза 17 октября» (1905 г.) В. К. Стукалич. В наибольшей степени его взгляды на решение данной проблемы были изложены в работе «К вопросу об университете в Витебске» (1903 г.). В ней он отметил, что еще в 80-е гг. XIX в. велась активная полемика между сторонниками и противниками открытия высшего учебного заведения на белорусских землях, результатом которой явилось осознание необходимости создания университета «как умственного и нравственного средоточия местных русских сил» [5, с. 2]. В своей работе В. К. Стукалич называет еще одного наиболее активного сторонника, высказывавшегося о пользе и необходимости открытия университета в Беларуси, известного публициста и литературного критика Н. А. Энгельгардта (один из учредителей Русского собрания, член Русского крайнего общества).

Сравнивая между собой Могилев и Витебск как наиболее подходящие города в регионе для устройства университета, В. К. Стукалич отдает несомненное предпочтение последнему. По его мнению, Витебской городской думе следовало бы проявить инициативу для положительного решения данного вопроса, выделив под здание университета 60 десятин земли и обратившись с ходатайством в вышестоящие инстанции об открытии в Витебске высшего учебного заведения с сельскохозяйственным отделением [5, с. 3–4]. В случае же, если у городской администрации не будет возможности выделить подходящий участок земли, следует привлечь частных лиц, желающих предоставить некоторую часть своих земель под устройство нового учебного заведения.

В качестве примера В. К. Стукалич приводит Германию, которая, по его мнению, именно благодаря наличию значительного количества университетов с сельскохозяйственными отделениями достигла существенных успехов в развитии земледелия и агрономической науки [5, с. 6]. Подводя итоги своей работы, Владимир Казимирович одной из первостепенных задач, требующих незамедлительного решения, называет открытие университета в Северо-Западном крае, а уже второстепенной целью указывает на создание сельскохозяйственного отделения при высшем учебном заведении [5, с. 12].

8 января 1907 г. состоялось заседание Витебского губернского комитета по делам земского хозяйства, на котором оживленные прения вызвало обсуждение вопроса об открытии университета в Витебске. На повестку дня были поставлены два вопроса: 1) поддержка ходатайства города об открытии университета, выделение земством средств на эти цели; 2) выдача горо-

ду ссуды в размере 600 тыс. рублей из земского страхового капитала. При рассмотрении данной проблемы стало понятно, что многие из присутствующих, особенно крестьяне, были не в достаточной степени осведомлены о сути обсуждаемого вопроса [6, с. 1–3].

Одним из докладчиков по данному вопросу выступил известный землевладелец Витебской губернии, член конституционно-демократической партии С. И. Лопацинский, который высказался категорически против вмешательства политики в дело просвещения, а следовательно, возможности использования имущества и средств ранее закрытого Варшавского университета для обустройства нового учебного заведения [7, л. 139 об.]. В своей речи он призывал членов Витебского комитета поддержать ходатайство города по вопросу создания высшего учебного заведения и пригласил землевладельцев к добровольному самообложению в пользу университета [6, с. 4]. При обсуждении вопроса о возможности выдачи городу ссуды из земского страхового капитала на обустройство университета, Лопацинский выразил сомнение в том, что органы городского управления смогут впоследствии погасить данные ассигнования.

Некоторые выступающие считали, что страховой земский капитал принадлежит крестьянам, поэтому не допускается его использование для целей, не имеющих отношения к их нуждам. Кроме того, по их мнению, открытие университета не принесет пользы для крестьянской части населения региона [6, с. 6].

Не остались в стороне от обсуждения такой острой проблемы и представители политических партий. Так, октябрист Н. Ю. Шильдер-Шульднер настаивал на том, что у земских органов управления отсутствует достаточное количество средств даже для содействия широкому развитию начального образования, вследствие чего университеты должны содержаться на общегосударственные средства. Кроме того, он полагал, что необходимо использовать и такой вполне приемлемый вариант для сбора необходимой суммы, как частные пожертвования [7, л. 140].

Октябрист В. К. Стукалич высказал мысль о том, что Северо-Западный край имеет особые права на открытие университета на общегосударственные средства. Свою точку зрения он обосновал приведением конкретных примеров высших учебных заведений, существовавших ранее на данной территории и закрытых по политическим мотивам (Виленской иезуитской академии, Виленского университета, Горы-Горецкого земледельческого института, Полоцкой иезуитской академии) [6, с. 7–9]. В своей речи он призывал исправить допущенную ранее ошибку и восстановить в крае «очаг высшего просвещения» [6, с. 10]. В. К. Стукалич высказал свое несогласие по поводу того, что университет не нужен крестьянам, так как он является не только учебным заведением, но и центром науки. По его мнению, университеты «развивают просвещение, двигают науку, дают импульс к всесто-

ронному развитию и совершенствованию народной жизни. Плодами университетской науки воспользуется и народная масса» [6, с. 10–11].

В. К. Стукалич призвал все слои населения не только Витебска, но и соседних городов, оказать временную материальную поддержку в деле открытия университета, так как Министерство народного просвещения предлагает недостаточными финансовыми средствами для реализации на практике этой идеи. Он предложил вариант обложения добавочным налогом всех земель в губернии в течение десяти лет. При этом суммы указанного налога должны распределяться между владельцами земли в зависимости от размера их земельного надела: 1) до 30 десятин земли – полкопейки с десятины; 2) свыше 30 десятин земли – две копейки с десятины [6, с. 11–12]. По подсчетам витебского октябриста это позволило бы одной только Витебской губернии за десять лет выделить на открытие университета около полумиллиона рублей. В. К. Стукалич выступил сторонником идеи выделения городу ссуды из страхового капитала, хотя бы 200 тысяч рублей.

Член Всероссийского национального союза Я. Н. Офросимов поддержал идею открытия высшего учебного заведения в Витебске, но посчитал невозможным выделение ссуды из страхового капитала [7, с. 140 об.].

Итогом заседания Витебского губернского комитета по делам земского хозяйства 8 января 1907 г. явилось принятие следующих решений: поддержка ходатайства об открытии университета в Витебске; оказание университету материальной поддержки из земских средств; невозможность выделения ассигнований на университет из наличных земских фондов. В то же время большинством голосов было отклонено дальнейшее рассмотрение вопроса об усилении обложения населения Витебской губернии с целью оказания финансовой помощи университету, а также о выделении ссуды городу из страхового капитала для университета в размере 600 тыс. рублей [6, с. 13–14].

9 января 1907 г. состоялось экстренное общее собрание членов общества Витебских сельских хозяев. Его председателем являлся С. И. Лопацинский. Он был земским гласным, руководил местными обществами сельского хозяйства и взаимного кредита, участвовал в работе губернского совещания по сельскому хозяйству [8, с. 56]. В своем докладе по поводу открытия в Витебске университета Лопацинский отметил, что общество Витебских сельских хозяев не имеет средств для создания высшего учебного заведения, однако может открыть подписку среди своих членов для сбора необходимой суммы. В ответ на это октябрист Н. Ю. Шильдер-Шульднер предложил разместить в местной печати информацию о возможности оказания частными лицами финансовой помощи для образования основного фонда с целью открытия университета [9, с. 5].

Выступая против обязательного обложения членов общества какими-либо сборами на открытие высшего учебного заведения, С. И. Лопацинский

посчитал приемлемым осуществление добровольного обложения собственных имений самими землевладельцами. Со своей стороны он изъявил согласие обложить свою землю трехкопеечным сбором с десятины в течение трех лет, что составит около 1000 рублей [9, с. 6].

В результате собрание пришло к заключению о необходимости открытия в Витебске университета или хотя бы сельскохозяйственного института, а для достижения поставленной цели желательно финансирование со стороны правительства, а также добровольные пожертвования. Собрание единогласно приняло решение уполномочить председателя С. И. Лопацинского обратиться к учреждениям и частным лицам за оказанием материальной поддержки в деле открытия университета в Витебске [9, с. 6]. Однако эта задумка не принесла желаемого результата, и добиться решения об открытии в Витебске высшего учебного заведения не удалось.

О возможности возобновления деятельности Виленского университета неоднократно говорили представители виленского городского самоуправления. 20 ноября 1907 г. Виленской городской думой была сформирована специальная комиссия под председательством городского головы М. А. Венславского, целью которой являлась разработка вопроса об устройстве в городе высшего учебного заведения. В состав данной комиссии в 1908 г. входили представители от земств Витебской, Минской и Могилевской губерний, делегаты от русского населения, землевладельцы [3, с. 112].

Для расширения и укрепления своей деятельности комиссия приняла решение обратиться за содействием ко всем сельскохозяйственным обществам, различным учреждениям, а также частным лицам [10, с. 56–57]. 9 января 1908 г. в Вильно состоялось первое заседание комиссии, на котором обсуждался вопрос о создании необходимых условий для ее плодотворной работы. В результате было решено привлекать к работе комиссии представителей от сельскохозяйственных обществ края, городских управлений, учебного округа, редакций всех виленских газет, банков, еврейского общества, купечества [11, с. 125].

В 1908 г. на очередном заседании комиссии при участии делегатов шести губерний края было принято решение о создании университета смешанного типа, и избрана подкомиссия для всесторонней разработки данного вопроса [12, с. 260]. Предполагалось, что такое высшее учебное заведение будет состоять из трех отделов: 1) собственно университетского; 2) технического; 3) сельскохозяйственного или агрономического. По мнению членов комиссии, создание смешанного университета предоставит возможность иметь в крае в сущности три высших учебных заведения – университет, высшую техническую школу и высшее агрономическое училище.

Однако при обсуждении данного вопроса среди членов комиссии были выявлены разные точки зрения по поводу выбора города, в котором будет открыт университет. Так, некоторые члены комиссии считали Вильно не-

подходящим местом для создания высшего учебного заведения, рассматривая Минск, расположенный в центре белорусских земель, как наиболее приемлемый вариант [13, с. 389].

Следует отметить, что одним из первых инициаторов создания университета в Минске выступал В. О. Янчевский (кадет). Являясь гласным городской думы, членом многочисленных комиссий, он прилагал немало усилий для совершенствования просвещения на региональном уровне: учреждение городской публичной библиотеки, открытие ремесленного училища, внесение предложений в осуществление проекта всеобщего начального образования [14, л. 99].

Виленские городские власти рассматривали осуществление проекта об открытии высшего учебного заведения с культурной точки зрения. По их мнению, появление университета будет способствовать оживлению городской жизни и увеличению финансирования, так как студенчество дало бы «до 60 000 в год дохода» [3, с. 112–113].

Свое видение решения проблемы открытия высшего учебного заведения в Северо-Западном крае имело «Белорусское общество», члены которого выступали в поддержку университета в Вильно. Они доказывали, что не следует опасаться усиления полонизации, так как Виленский университет сыграет «роль проводника русской государственности на инородческой окраине» [15, л. 16 об.].

Со своей стороны, монархические круги стремились подавить эту инициативу. Активными противниками возрождения университета в Вильно являлись октябрист Н. Ю. Мэсон, член Русского Собрания и Союза русского народа Г. Г. Замысловский [3, с. 113].

Кроме того, в июне 1913 г. на страницах газеты «Речь» отмечалось, что местные правые организации Минска при поддержке духовенства и православных братств негативно отнеслись к идее открытия в городе университета. Основанием для такого решения явилось то, что инициатором создания высшего учебного заведения выступило городское управление, большинство членов которого являлись поляками. Что же касается депутатов-националистов, то изначально они обещали свою поддержку городскому управлению, а затем заговорили о желательности открытия национального университета, в который не принимали бы лиц польской и еврейской национальности [15, л. 15 об.]. В связи с этим минские монархисты полагали, что «вместо университета лучше открыть духовную академию» [15, л. 15 об.].

В таком же духе высказывались и минские русские националисты. Не выстукая в целом против идеи создания высшего учебного заведения, они полагали, что для Северо-Западного края важнее открыть сельскохозяйственный институт. В результате на очередном земском собрании была образована особая комиссия, признавшая желательным в честь 300-летия царствования Дома Романовых учредить сельскохозяйственный институт или

политехникум с сельскохозяйственным отделением. Председателем данной комиссии являлся прокурор Гродненского окружного суда, гласный Минского губернского земского собрания, русский националист В. А. Кадыгров [15, л. 15 об.]. Следует отметить, что накануне Первой мировой войны царское правительство в наибольшей степени склонялось к открытию высшего сельскохозяйственного учебного заведения в Минске, но с началом военных действий от реализации этого проекта пришлось отказаться [2, с. 80].

Подводя итоги, можно отметить, что либеральные и правомонархические партии в начале XX в. осознавали необходимость и важность открытия высшего учебного заведения для дальнейшего культурного развития региона и пытались выработать тактическую линию по данному вопросу. Обсуждение возможности создания университета в белорусско-литовских губерниях неоднократно выносилось на повестку дня заседаний городских и земских органов самоуправления, соответствующие публикации были широко представлены на страницах периодических изданий. Одним из наиболее важных вопросов, поиском решения которого занимались представители политических партий, являлось изыскание необходимых средств для устройства университета. Кроме того, не наблюдалось единства взглядов по определению типа учебного заведения, являвшегося наиболее приемлемым вариантом для белорусско-литовских губерний.

Наиболее активными участниками прений по рассматриваемой проблеме являлись А. О. Волкович, С. И. Лопацинский, В. К. Стукалич, Н. Ю. Шильдер-Шульднер и др. При этом представители правомонархических партий, рассматривая возможность создания университета, высказывали опасение «инородческого» влияния, опасались колонизации региона.

Список использованных источников

1. *Снапкоўская, С. В.* Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. / С. В. Снапкоўская. – Мінск: НІА, 1998. – 191 с.
2. *Моторова, Н. С.* Проекты открытия высшего учебного заведения на территории белорусско-литовских губерний в ходатайствах органов местного самоуправления начала XX в. / Н. С. Моторова // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.* – 2015. – № 1. – С. 76–82. – Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права.
3. *Цумарева, Е. П.* Либеральные и консервативные проекты изменений в системе образования в 1905–1914 годах (на примере белорусско-литовских губерний) / Е. П. Цумарева // *Вестник Брянского государственного университета.* – 2016. – № 4. – С. 109–114.
4. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1430. Оп. 1. Д. 46779.
5. *Стукалич, В. К.* Об открытии университета в Витебске / В. К. Стукалич. – Витебск, 1903. – 12 с.
6. Заседание Витебского губернского комитета по делам земского хозяйства 8 января 1907 г. по вопросу об открытии университета в Витебске. – Витебск, 1907. – 14 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2496. Оп. 1. Д. 4330.

8. *Лавринович, Д. С.* Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.): монография / Д. С. Лавринович. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2015. – 328 с.: ил.

9. Журналы заседаний общества Витебских сельских хозяев за январь, февраль и март месяцы 1907 года. – Витебск: Типо-Литография П. Подземского, 1907. – 39 с.

10. Из Вильно // *Окраины России*. – 1908. – 26 янв. – С. 56–57.

11. Обзор печати // *Окраины России*. – 1908. – 23 фев. – С. 125–126.

12. Обзор печати // *Окраины России*. – 1908. – 26 апр. – С. 260.

13. *Эльфи*. Обозрение событий и окраинная жизнь / *Эльфи* // *Окраины России*. – 1908. – 21–28 июня. – С. 389–390.

14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Фонд 1072. Т. V. Материалы по истории выборов в первую Государственную Думу собранные по поручению Председателя Совета Министров графа С. Ю. Витте графом В. А. Дмитрием-Мамонтовым.

15. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 539. Оп. 1. Д. 921.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Л. А. Довнар

Белорусский национальный технический университет, Минск

L. Dovnar

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 930

КОЛИЧЕСТВО И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПЕРИОД НЭПА В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ

NUMBERANDSPECIALIZATIONOFPRIVATEENTERPRISES DURING THE NEP PERIOD IN SOVIET BELARUS

Автор статьи исследует развитие предпринимательства в период новой экономической политики в БССР. Благоприятные условия для малого и среднего бизнеса были созданы в 1921–1925 гг. Много ремесленных и кустарных предприятий было создано в это время. В 1927 г. для малого бизнеса были резко увеличены налоги, введены административные ограничения. Количество кустарных предприятий резко уменьшилось. Многие кустари были вынуждены вступить в кооперативы.

Ключевые слова: малый бизнес; кустари; ремесленники; нологовая политика; перепись частных предприятий.

The author of the article explores the development of entrepreneurship during the period of the new economic policy in the BSSR. Favorable conditions for small and medium businesses were created in 1921–1925. Most handicraft enterprises were created at this time. In 1927, taxes

were sharply increased for small businesses and administrative restrictions were introduced. The number of handicraft enterprises has sharply decreased. Many handicraftsmen were forced to join cooperatives.

Keywords: small business; handicraftsmen; artisans; tax policy; census of private enterprises.

Мало какой исторический период столь пристально изучался историками и экономистами как НЭП. Действительно, это пример удивительно удачного восстановления экономики страны за относительно короткий период. Однако большинство исследователей акцентируют свое внимание на сельском хозяйстве, торговле и внешнеэкономической деятельности. А ведь промышленные предприятия в период НЭПа также переживали свой расцвет. Данная тема особенно актуальна в связи с вниманием, которое уделяется малому бизнесу на современном этапе. Так, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 56 была принята программа «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 гг., в соответствии с которой малый бизнес объявлен приоритетным направлением государственной политики. Изучение исторического опыта НЭПа позволит лучше понять, какие меры государственного регулирования малого бизнеса были наиболее эффективны. В рамках данной статьи будут изучены причины, характер и последствия изменения количества и специализации мелкотоварных частных предприятий на протяжении 1920-х гг. Основными источниками для исследования стали архивные материалы.

После масштабной национализации 1917–1920 гг. положение в промышленности стало очень тяжелым. Несмотря на жесткие дисциплинарные методы управления, промышленность работала на 23 % своей мощности, по сравнению с довоенным уровнем. Многие предприятия простаивали из-за отсутствия сырья, топлива и банальной неспособности государственных руководителей организовать производственный процесс. В то же время частные мелкотоварные предприятия продолжали бесперебойно работать. По итогам регистрационной компании в июне 1921 г. на территории Советской Беларуси находилось 2798 частных производственных предприятий. Из них больше всего было в Минском уезде – 1020 предприятий, а меньше всего – в Слуцком уезде – 225 предприятий [1, с. 5]. Наиболее распространенными специализациями были: обработка кожи и меха, деревообработка, обработка металлов и минералов, обработка льна и шерсти, химическое производство (мыловарни, красильни и т. д.). На этих предприятиях использовался наемный труд, а сама продукция производилась мелкими партиями. По индивидуальным заказам работали владельцы ателье и типографий, граверных и ювелирных мастерских, зубные техники, аптекари и художники. Самой прибыльной считалась пищевая промышленность: мельники, пекари, пивовары, маслобои, владельцы крахмальных и кондитерских за-

водов. Первоначально деятельность частных предприятий строго регламентировалась. Официально покупать сырье и сбывать готовую продукцию они могли только через местные кустпромы. Факт реализации своей продукции без разрешения кустпрома считался злостным нарушением, которое влекло за собой штраф и запрет на дальнейшую производственную деятельность. В 1922 г. началась частичная денационализация. Те промышленные предприятия, которые были признаны нерентабельными, возвращались бывшим владельцам, продавались с аукциона новым либо сдавались в аренду, при условии проведения амортизации производства. В первую очередь это касалось кожевенных заводов, гильзовых фабрик, лесопилен, смолокурен и маслобоен. На протяжении 1922 г. в БССР было денационализировано 42 предприятия, а 182 передано в аренду частным лицам [2, с. 15]. Местное руководство положительно оценило опыт передачи неработающих производственных предприятий частным лицам.

В конце 1922 г. была значительно упрощена сама юридическая процедура основания нового производственного предприятия. Все было сведено к простой регистрации патента на производственную деятельность в ближайшем отделении милиции. Причем с 22 мая 1922 г. право собственности на промышленное или торговое предприятие охранялось законом. Владельцы частных производственных предприятий подразделялись на социальные категории. К первой относились ремесленники, работающие самостоятельно либо с помощью членов семьи. Свою продукцию они делали по индивидуальным заказам. Ко второй категории относились кустари, выпускавшие продукцию мелкими партиями для реализации на рынке. Кустари могли нанимать до трех наемных рабочих и столько же несовершеннолетних учеников. К третьей категории принадлежали промышленники, которые использовали труд от 3 до 16 наемных рабочих и выпускали продукцию для оптовой и розничной торговли. Такое же разделение предпринимателей сохранилось и сейчас: самозанятые, индивидуальные предприниматели и владельцы унитарных предприятий.

После ликвидации Белкустпрома 24 августа 1922 г. наступил период относительной свободы предпринимательства, поскольку кустари и промышленники обрели право самостоятельно распоряжаться продукцией собственного производства. Это привело к быстрому росту количества частных производственных предприятий. В декабре 1922 г. в БССР работало 4846 производственных предприятий, что почти вдвое больше, чем в предыдущем году. Лидирующее положение по-прежнему занимали деревообработка, производство одежды и обуви, обработка металлов и минералов. Значительный рост наблюдался в сфере услуг: открылось 80 новых парикмахерских, 9 ремонтных мастерских, 66 мастерских по ремонту часов. Расширилась специализация пищевой промышленности: кроме имевшихся ранее мельниц, маслобоен и зернотерок, открылось 13 предприятий по про-

изводству фруктовых вод, 2 пивоварни и 4 крахмальных завода [3, с. 82]. Самое крупное предприятие принадлежало Е. Капшецкому и находилось в Игуменском уезде. Там 50 наемных рабочих были заняты производством гвоздей. Распространенной была ситуация, когда одному человеку принадлежало несколько мелких предприятий. Особенно это касалось кузнецов, пекарей и сапожников. В белорусских уездах, которые в то время находились в составе РСФСР, также происходило интенсивное развитие предпринимательства. Тут имелось 6 337 предприятия, из них 2468 находились в Гомельском уезде, 1863 – в Витебском уезде, 1002 – в Дрисенском уезде, 641 – в Лепельском уезде, 582 – в Полоцком уезде, 251 – в Городокском уезде [4, с. 130]. Наибольшее развитие получила пищевая промышленность. Частные мельницы нередко оснащались паровыми, газогенераторными или нефтяными двигателями. Кроме того, в Гомельском уезде имелось 15 медоварен, где изготавливали дорогой алкогольный напиток – медовуху. Сырьем служили мед, хмель и родниковая вода, а топливом – только сосновые дрова. Широкую известность получила продукция медоварни братьев Крацер, которая располагалась в Гомеле и производила ежемесячно 392 ведра медовухи. Продукция поставлялась в дорогие рестораны, а также делалась на заказ для торжественных случаев.

Таким образом, уже в первые годы НЭПа количество частных предприятий стало быстро расти. Большая их часть была занята мелкотоварным производством и носила кустарный характер. Тем не менее они продемонстрировали эффективность работы, что было связано с умением приспосабливаться к запросам клиентов, выбирать наиболее эффективные способы сырьевых затрат, быстро насыщать рынок товарами широкого потребления разнообразного ассортимента. Промышленность БССР этого периода смело можно назвать частновладельческой, поскольку 94 % производственных предприятий принадлежали частным лицам. Первоначально производственное предпринимательство было на 70 % городским, но, с развитием пищевой промышленности, в сельской местности появилось множество маслобоен, сыроварен, мельниц, колбасных заводов. В местечках активно размещались кузнецы, портные, сапожники, гончары, бондари. Поэтому в конце 1922 г. в городах осталось только 20,5 % от общего количества частных предприятий. В первую очередь это кожевенные заводы, химические предприятия, а также вольные промыслы: художники, ювелиры, граверы, часовщики, скульпторы. Региональному перераспределению, в немалой степени, способствовал патентный сбор – основная часть промышленного налога. Для жителей деревень и местечек он был почти вдвое ниже, чем для городских предпринимателей. В 1923–1924 гг. окончательно сложился частный сектор экономики, включавший в себя скупщиков сырья, владельцев производственных предприятий и торговцев, обеспечивающих сбыт готовой продукции. Главная задача советской власти –

не допустить того, чтобы частный сектор стал конкурентной преградой на пути становления государственной промышленности. Данная задача реализовывалась как путем налогового регулирования, так и с помощью прямых административных запретов. Например, конкуренцию государственной промышленности составляли частные кожевенные заводы, поэтому владельцам данных предприятий был ограничен доступ к сырью. Так, 25 декабря 1925 г. на экономическом совещании СНК БССР были разработаны меры по стимулированию крестьян и частных скупщиков продавать кожсырье тресту Белкожа. Для того, чтобы трест имел возможность покупать сырье по завышенным ценам, Госбанк выделял специальные кредиты. Владельцы частных кожевенных заводов законно могли приобрести сырье только через комиссию по кустарной промышленности при СНХ(Б). Кроме того, они вынуждены были уплачивать дополнительные косвенные налоги, а на их продукцию были установлены предельные цены. В результате продукция частных кожевенных заводов была дороже, чем государственных, но качественнее. В этом и заключалось их конкурентное преимущество.

В самом выгодном положении находились частные смолокурни, ибо их продукция, скипидар, имела экспортное значение, а государственные предприятия этой специализации не создавались. Существовала госмонополия на продукцию смолокур. Каждый смолокур, создавший собственное предприятие, заключал договоры с Лесбелом и Белкустпромом, в которых подробно регламентировались все условия производства и реализации продукции. За попытку сбыта скипидара на рынке наступала уголовная ответственность и конфискация имущества. В целом в 1921–1925 гг. доминировало пропорциональное налогообложение, т. е. в качестве налога выплачивался определенный процент с оборота предприятия. Это поощряло предпринимателей расширять свое производство, им выгодно было богатеть.

Неудивительно, что в 1924 г. количество частных производственных предприятий в БССР возросло до 44 892, причем, кроме имевшихся ранее токарей, бондарей, столяров и смолокуров, появились предприятия по производству гребней, пуговиц, решет, сит и даже деревянных колес. В БССР частные предприятия промышленного масштаба, где работало 16 и более наемных рабочих, это кожевенные и кирпичные заводы, мыловарни и папиросные фабрики [5, с. 630]. Самой острой проблемой для предпринимателей была ограниченность финансовых ресурсов. Государство не занималось кредитной поддержкой малого бизнеса, но ремесленникам и кустарям было разрешено создавать товарищества взаимного кредита. Там можно было получить краткосрочный кредит под 10–14 % годовых. Занятые в пищевой промышленности могли рассчитывать на финансирование в крестьянских ссудных товариществах на более выгодных условиях. Теоретически владельцы крупных предприятий, где имелась механизация про-

изводства либо использовавшись наемная рабочая сила, могли получить кредит от 500 руб. под 36 % на 1–2 месяца в Госбанке БССР. Но в реальности такой шанс был только у смолокуров, продававших свою продукцию госорганizations. Неудивительно, что при таких условиях возрастало количество кустарных и ремесленных предприятий, а количество промышленных предприятий оставалось прежним. Так, в 1926 г. в БССР насчитывалось 61 676 частных предприятий, что на 37 % больше, чем в 1924 г. Однако этот рост произошел за счет увеличения количества ателье, золотошвейных мастерских, парикмахерских, прачечных и пекарен. Это мелкие предприятия, где могло быть не более трех наемных рабочих.

В 1926 г. на частных предприятиях было произведено 59,3 % промышленной продукции БССР [6, с. 10]. Для сравнения: в других республиках СССР доля частной промышленности за 1926 г. не превышала 39,9 % от общего объема промышленной продукции.

В 1927 г. началось так называемое сворачивание НЭПа. По отношению к предпринимателям это выразилось в первую очередь во введении прогрессивной системы налогообложения: чем больший оборот имело предприятие, тем больший процент налога ему приходилось платить. Налог владельцы частных предприятий стали платить больше, а продукции производить меньше. Для некоторых видов деятельности, которые советская власть считала высокодоходными (например, медоварни, зернетерки, ювелирные мастерские, табачные фабрики), рост налогов предполагался до 27 %. Расширять производство путем механизации или с помощью наемной рабочей силы стало крайне невыгодно. Это означало дополнительную налоговую нагрузку, поскольку влекло за собой перевод кустарного предприятия в категорию промышленных. Многие пытались использовать наемный труд «неофициально»: при появлении инспектора наемные работники заявляли, что «помогают бесплатно и не являются постоянной рабочей силой». Поэтому фининспекторы разработали методику экономической экспертизы. Ее суть заключалась в расчете объема выработки продукции на кустарном предприятии, где могло быть не более трех наемных работников. Если в учетной местности удавалось выявить предприятие с превышающим кустарные нормы объемом производства, то на его владельца заводилось уголовное дело, а само предприятие конфисковывалось. Усилилось планомерное объединение частных предприятий в производственные кооперативы. Первоначально кустарей и ремесленников агитировали вступать в кооперативы более благоприятными условиями обеспечения сырьем. С 1927 г. добавили и налоговый прессинг: владельцы частных предприятий были обложены косвенными налогами, от которых кооперативы были избавлены. В результате перепись 1927 г. показала значительное уменьшение количества частных мелкотоварных предприятий. Из-за экономической политики властей не произошло логичного укрупнения производства: ремесленные и кустарные предприятия не стали промышленными предприятиями.

В 1928 г. в БССР насчитывалось 10 072 частных предприятия. Это в шесть раз меньше, чем два года назад. Некоторый рост наблюдался только среди предприятий по оказанию услуг: прачечных, парикмахерских, ремонтных мастерских, фотоателье, художественных студий, ресторанов и кафе [7, с. 38]. Тем не менее к началу 1929 г. частный капитал был полностью вытеснен из экономики страны административными и налоговыми методами.

Таким образом, советская власть была вынуждена позволить частному капиталу функционировать в промышленности, поскольку централизованное руководство национализированными предприятиями оказалось неэффективным, особенно по отношению к мелким и средним предприятиям.

Ретроспективный анализ изменения количественного состава частных промышленных предприятий на территории БССР в 20-е гг. можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица

Динамика количества частных промышленных предприятий в период НЭПа

	1922 г.	1924 г.	1926 г.	1928 г.
БССР	48 460	44 892	61 676	1072
Белорусские территории в составе РСФСР	6898			

Из представленных выше сведений видно, что 1924–1926 г. – пик открытия новых предприятий малого бизнеса на территории БССР в период НЭПа. Основными специализациями производства частных предприятий были: кожевенное производство (заготовщики, овчинники, посадчики, меховщики); обработка металла (кузнецы, слесари, игольщики); деревообработка (бондари, смолокуры и токари); обработка минералов (гончары, печники, владельцы кирпичных заводов); химическое производство (мыловары, красильщики, аптекари); обработка шерсти и льна (сукновалы, ткачи); производство одежды (владельцы ателье, вязальщики, сапожники); обработка бумаги (типографы и переплетчики); пищевая промышленность (мельники, маслобои, пекари, кондитеры, мясники, медовары и пивовары). Имелись также предстатели вольных промыслов: художники, фотографы, музыканты.

Советская власть постаралась оградить государственные производственные предприятия от возможного конкурентного давления со стороны частных. В 1928 г. зафиксировано резкое уменьшение количества частных предприятий, что было связано с политикой «сворачивания НЭПа».

Список использованных источников

1. Аўхімень, Л. Эканамічны нарыс БССР / Л. Аўхімень. – Мінск: Дзяржвыдавецтва Беларусі, 1925. – 226 с.
2. НА РБ фонд 30. – Оп. 7. Д. 16.

3. НА РБ фонд 30. – Оп. 2. Д. 751–760.
4. НА РБ фонд 30. – Оп. 2. – Д. 761– 62, 764 – 772. Статистические.
5. НА РБ фонд 30. – Оп. 2. Д. 991– 008, 1153, 1154, 1171.
6. НА РБ фонд 30. – Оп. 2. Д. 1009–1015, 1151
7. НА РБ фонд 334.– Оп. 1. Д. 580.

(Дата подачи: 22.02.2022 г.)

О. В. Друзенюк

Белорусский государственный университет, Минск

O. Druzenok

Belarusian State University, Minsk

УДК 94:322:348:271.22-786(476) «1944–1965»

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИН В БССР (1944–1965 ГГ.)

ORGANIZATIONAL AND LAW BASESES FOR THE ACTIVITIES OF THE OLD BELIEVERS' COMMUNITIES IN THE BSSR (1944–1965)

В статье охарактеризованы организационно-правовые основы деятельности старообрядческих общин в БССР в 1944–1965 гг. Рассмотрены основные нормативные документы довоенного и послевоенного периодов, контролирующее функционирование неправославных объединений верующих в республике. Проанализированы документы Совета по делам религиозных культов, содержащие разъяснения по вопросам контроля за деятельностью старообрядческих общин, регистрации их духовных руководителей, налогообложения. Затронуты отдельные аспекты процедуры регистрации старообрядческих объединений и молитвенных сооружений.

Ключевые слова: старообрядческие общины в БССР; послевоенный период; нормативно-правовые документы; Совет по делам религиозных культов.

The article describes the organizational and law baseses of the activities of the Old believers' communities in the BSSR in 1944–1965. The main normative documents of the pre-war and post-war periods, which control the functioning of non-Orthodox believers' communities in the republic are considered. The documents of the Council for Religious Affairs are analyzed, containing explanations on the control over the activities of the Old believers' communities, the registration of their spiritual leaders, and taxation. Certain aspects of the registration procedure for Old believers' communities and prayer buildings are touched upon.

Keywords: Old believers' communities in the BSSR; post-war period; normative documents; the Council for Religious Affairs.

В период Великой Отечественной войны советское руководство переходит к диалогу с православной церковью. Результатом данных преобразований стали некоторые послабления в отношении представителей и других конфессий, проживающих на территории Советского Союза, в том числе и старообрядческой. В послевоенные годы продолжается восстановление и легализация староверских общин в БССР, начатое еще во время немецкой оккупации. Однако в период некоторого потепления в отношениях с верующими и духовенством советская власть не отступает от идеи полного контроля над религиозными объединениями.

В 1944 г. начал работу новый государственный орган – Совет по делам религиозных культов, занимающийся решением вопросов, связанных с деятельностью неправославных религиозных организаций. В его структуре, наряду с остальными, был образован отдел, координирующий деятельность старообрядческих общин страны во главе с Н. В. Кольцовым. Свои функции Совет осуществлял с помощью института уполномоченных. БССР, как и остальные союзные республики, имела своих уполномоченных на разных уровнях [1, с. 154–157].

Деятельность религиозных объединений верующих соответственно регулировалась нормативно-правовыми документами большевистского правительства. Советское конфессиональное законодательство, а также государственно-церковные отношения являются предметом изучения как отечественных, так и зарубежных исследователей. Данной тематике посвящены работы А. В. Проскуриной [2], Н. В. Довгяло [3], Е. В. Гончаренко [4], Н. Б. Нестеровича [5], Р. М. Рогинского [6] и т. д.

Что же касается законодательной базы, регулирующей деятельность старообрядческих объединений в БССР в рассматриваемый период, то, во-первых, сохраняет свою силу ряд нормативно-правовых актов, принятых еще во время установления власти большевиков. Во-вторых, в результате изменений в государственной церковной политике издаются новые документы, посвященные различным вопросам функционирования религиозных общин. Кроме того, одновременно с юридическими актами общегосударственного характера, организационно-правовую базу деятельности старообрядческих объединений республики дополняют специально изданные документы контролирующих органов.

Цель данного исследования – охарактеризовать организационно-правовые основы деятельности старообрядческих объединений различных согласий в БССР в 1944–1965 гг. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- 1) рассмотреть ключевые документы довоенного советского конфессионального законодательства, сохраняющие силу в 1944–1965 гг.;
- 2) проанализировать основные нормативно-правовые акты общегосударственного характера, координирующие функционирование старообрядческих общин на территории БССР, изданные в послевоенный период;

3) охарактеризовать специально изданные документы, регулирующие деятельность объединений старообрядцев в рассматриваемый период.

В 1944–1965 гг. правовой статус старообрядческих общин БССР, как и объединений иных религиозных течений, определялся содержанием ряда нормативно-правовых актов.

В первую очередь права верующих были закреплены в статьях основного закона республики. В рассматриваемый период сохраняли силу положения Конституции БССР 1937 г. В данном вопросе основополагающими выступали статьи 98 и 99. Статья 98, провозглашала равноправие граждан республики «независимо от их национальности и расы». Статья 99, в свою очередь, обеспечивая свободу совести каждого гражданина, также не отрицала свободу антирелигиозной пропаганды [7, с. 25]. Верующие отдельных старообрядческих общин ссылались на ее содержание при составлении соответствующих документов. Так, например, в 1960 г., старообрядцы деревни Бабарика, Холопеничского района, Минской области, в своем заявлении уполномоченному Совету по делам религиозных культов, требуя восстановления ранее действующей в населенном пункте старообрядческой церкви, настойчиво напоминают о свободе «отправления религиозных культов», провозглашенной в ст. 99 Конституции БССР [8].

Одним из основополагающих документов советского конфессионального законодательства в послевоенный период продолжал оставаться декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. Являясь первым документом принятым большевистским правительством в отношении церкви, его содержание носит выраженный ограничительный характер юридических прав и функций последней как действующего института [9].

На территории БССР в рассматриваемый период «основным законом, на котором и должны базироваться все распоряжения и действия органов власти на местах», выступал Декрет СНК БССР от 11 января 1922 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», что было зафиксировано в соответствующей инструкции НКВД и НКЮ БССР [10].

Функционирование старообрядческих организаций в БССР в 1944–1965 гг. также регулировалось положениями сохраняющего силу и в послевоенный период постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Исходя из содержания указанного документа процедура регистрации каждого действующего объединения старообрядцев являлась основополагающей и обязательной [11, с. 250–261]. С момента образования Совета по делам религиозных культов она являлась одной из главных функций его уполномоченных и входила в перечень основных обязанностей, закрепленных в разделах специально изданной инструкции от 17 января 1945 г. [12].

Процедура регистрации религиозной общины старообрядцев требовала наличия ряда документов от верующих и соответствующих контролирующих инстанций. Кроме того, общество избирало исполнительные органы, осуществляющие его представительство и управление, состав которых мог регулироваться регистрационными органами [11, с. 250–261].

В послевоенный период также наблюдались некоторые изменения в отношении прав религиозных объединений. Положения постановления СНК СССР от 28 января 1946 года фиксировали, что теперь верующие зарегистрированной общины получали ограниченные юридические права на строительство либо аренду молитвенных сооружений и на ряд сделок, связанных с жизнедеятельностью своей религиозной организации [13].

Одним из обязательных условий полноценного функционирования, соответственно и регистрации старообрядческой общины, являлось наличие приспособленного молитвенного сооружения. По данному вопросу в переломный момент государственно-церковных отношений был издан специальный документ – Постановление СНК СССР от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов». Уполномоченный Совета по делам религиозных культов принимал ходатайства верующих, проводил необходимую проверку и составлял соответствующее заключение. Опираясь на собранный пакет документов, окончательное решение выносил Совет по делам религиозных культов. Немаловажно было выяснить техническое и санитарное состояние здания, его пригодность, а также расстояние от культового сооружения до населенных пунктов заявителей и число действующих зданий того же культа в регионе [14]. Так, например, в марте 1948 г. верующим старообрядцам-беспоповцам деревни Плиссы, Бешенковичского района, Витебской области, было запрещено проводить богослужения по причине отсутствия собственного молитвенного здания. Исполнять свои религиозные обряды им предлагалось в действующем культовом сооружении деревни Светогорова, того же района, на расстоянии 4 км. Все вышеуказанное стало основанием для объединения на официальном уровне данных старообрядческих общин с центром в Светогорова соответственно [15].

Молитвенное сооружение общины, в случае необходимости, также могло передаваться для государственных либо общественных целей [11, с. 250–261]. Многие здания старообрядческих объединений, построенные на средства самих верующих, после изъятия местными властями использовались как складские помещения, медицинские либо культурно-просветительские учреждения. Так, например, здание бывшей старообрядческой церкви в деревне Борьба, Ветковского района, Гомельской области, первоначально использовалось колхозом для хранения зерна, а в дальнейшем местными властями было вынесено решение о приспособлении данного сооружения

под больницу, одобренное в 1951 г. уполномоченным Совета по делам религиозных культов по БССР [16].

Порядок открытия молитвенных зданий претерпел изменения в 1955 г., когда 17 февраля вышло соответствующее постановление Совета Министров СССР. С указанного момента окончательное решение об открытии культового сооружения любой конфессии в республике, в том числе и старообрядческой, возлагалось на Совет Министров БССР. Однако при этом требовалось обязательное согласование с Советом по делам религиозных культов. Кроме того, контролирующим инстанциям предоставлялось право зарегистрировать действующие религиозные объединения, по тем либо иным причинам не взятые на учет ранее. Данная процедура касалась общин, имеющих молитвенное помещение на момент выхода вышеуказанного постановления [17]. Так, согласно решениям Совета по делам религиозных культов от 25 августа и 21 октября 1955 г., соответствующим уполномоченным разрешалось «зарегистрировать фактически действующие» старообрядческие общины в деревне Нивники, Миорского района, Молодечненской области [18] и в г. Борисове, Минской области БССР [19].

Конфессиональная политика советского руководства меняется в середине 1950-х гг. Начинается очередная кампания наступления на религию. В данный период основное внимание уделяется атеистическому воспитанию подрастающего поколения [20, с. 263–264].

В 1954 г. ЦК КПСС было принято два важных постановления по вопросам научно-атеистической пропаганды – «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 г. [21, с. 428–431] и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября 1954 г. [22]. Сложившаяся ситуация усугублялась критикой действий предшествующего руководства страны, затрагивался вопрос о пересмотре «сталинского» конфессионального законодательства. Начало новой церковной политики положили следующие секретные документы — постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”» [23] и Совета Министров СССР от 16 октября того же года «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» [24] и «О монастырях в СССР» [25]. Проведению антирелигиозных мероприятий способствовало издание 13 января 1960 г. постановления ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». В нем акцентировалось внимание на попытках верующих и духовенства использовать церковь и религиозные объединения в интересах, враждебных советскому народу [23].

Существенные изменения, повлиявшие и на курс государственной конфессиональной политики, происходят в середине 1960-х гг. Несмотря

на некоторые послабления в отношении религии и церкви в сравнении с предыдущим периодом, борьба с последними продолжает оставаться генеральной линией советского руководства [4, с. 49]. В данный период контроль за функционированием старообрядческих общин, как и организаций других неправославных течений, переходит к уполномоченным Совету по делам религий, созданного в декабре 1965 г. на основе Советов по делам Русской Православной церкви и по делам религиозных культов [26, с. 349 – 350].

В 1944–1965 гг. наряду с нормативно-правовыми актами общесоюзного характера был издан ряд специальных документов, содержание которых затрагивало различные вопросы деятельности и контроля за старообрядческими и другими неправославными общинами. Они представляли собой различного рода разъяснения, распоряжения, указания и т. д. Распространение получают так называемые секретные инструктивные письма руководства Совета по делам религиозных культов, адресованные его уполномоченным.

Содержание одного из таких документов от 26 декабря 1946 г. касалось процедуры назначения и оформления лица, обслуживающего религиозное объединение верующих. Наличие духовного руководителя являлось неотъемлемой частью функционирования общины. Его отсутствие служило весомой причиной для роспуска и снятия с регистрации религиозного объединения старообрядцев. Согласно распоряжению Совета по делам религиозных культов членам общины предоставлялось 3 месяца на поиск и оформление «служителя культа» [27]. Были изданы и соответствующие распоряжения в отношении их налогообложения. В инструктивном письме № 6 от 20 апреля 1948 г. уточнялось, что налогообложению у старообрядцев не подлежат лица престарелых возрастов, совершающие так называемые бытовые обычаи, например «обмывание умерших» [28].

По причине разделения в самом религиозном течении в процессе регистрации старообрядческих объединений необходимо было учитывать определенные нюансы. Наличие у старообрядцев различных толков и согласий предполагало внимательное изучение контролирующими органами их особенностей и отличительных черт. Именно на это обращает внимание в своем инструктивном письме № 3 от 29 апреля 1946 г. Совет по делам религиозных культов, требуя от своих уполномоченных в предоставляемых документах обязательного указания течения старообрядцев [29].

На территории БССР в 1944–1965 гг. преобладали общины старообрядцев-беспоповцев. Они отрицали церковную иерархию и обслуживались так называемыми духовными наставниками. Отсутствие у беспоповцев как местного, так и всесоюзного религиозных центров вносило определенные коррективы в установленную процедуру оформления духовников. Кандидатура, выдвинутая верующими общины, в обязательном порядке согласовыв-

валась с уполномоченным Совета по делам религиозных культов. Он, в случае положительного заключения, на основании протокола общего собрания общины об избрании «служителя культа» выдавал ему справку о регистрации, позволяющую уже на официальном уровне проводить богослужения в том либо ином объединении. Кроме того, принимая во внимание местную специфику и сложившиеся условия, уполномоченный Совета по делам религиозных культов также имел право определять район деятельности соответствующей общины и духовного наставника [30].

Общины старообрядцев-поповцев, т. е. приемлющих священство, действующие в БССР в рассматриваемый период, относились к белокриницкому согласию. Их всесоюзный религиозный центр находился в Москве. В процессе регистрации духовного лица старообрядческих объединений соответствующую справку уполномоченный выдавал после согласования с Советом и получения из религиозного центра требуемой документации. В случаях назначения представителя духовенства непосредственно от Московской старообрядческой архиепископии уполномоченный оформлял его, также только получив подтверждение Совета по делам религиозных культов [31].

Таким образом, организационно-правовые основы деятельности старообрядческих общин в БССР в 1944–1965 гг. включали в себя нормативные акты общегосударственного характера, а также различного рода документы, изданные соответствующими контролирующими инстанциями. Ряд основополагающих юридических актов советского конфессионального законодательства был принят еще до Великой Отечественной войны и сохранял свою силу после ее окончания (декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г., постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.).

В отношении функционирования старообрядческих объединений, соответственно, как и других неправославных организаций верующих БССР, в переломный момент государственно-церковной политики, вышло одно из определяющих постановлений рассматриваемого периода – «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» от 19 ноября 1944 г. Документы, дополняющие советское конфессиональное законодательство в середине 1950-х – середине 1960-х гг., в полной мере отображают очередную волну наступления на религию и ее институты («О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей», «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» и т. д.)

В 1944–1965 гг. одним из важнейших государственных органов, контролирующих деятельность старообрядческих организаций верующих БССР, являлся Совет по делам религиозных культов, реализующий свои функции с помощью института уполномоченных. Изданные им инструктивные пись-

ма содержали различного рода разъяснения и указания, касающиеся многих ключевых моментов жизнедеятельности религиозных общин верующих старообрядцев.

Список использованных источников

1. *Одинцов, М. И.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / М. И. Одинцов, А. С. Кочетова. – М.: Научно-политическая книга, 2014. – 317 с.

2. *Проскурина, А. В.* Советское законодательство о религиозных культах в 1920-е – 1930-е гг. [Электронный ресурс] / А. В. Проскурина // Сайт Псковского государственного университета. – Псков, 2011–2017. – URL: http://it.pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt101/wt101_29.pdf. – Дата доступа: 10.12.2021.

3. *Довгяло, Н. В.* Законодательные основы политики БССР в области религии в 1924–1939 годах / Н. В. Довгяло // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 77–82.

4. *Гончаренко, Е. В.* Модернизация советского законодательства о религиозных культах в 1964–1982 гг. (период Л. И. Брежнева) [Электронный ресурс] / Е. В. Гончаренко // Исторические исследования: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). – Казань, 2015. – С. 49–52. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/129/8092/>. – Дата доступа: 11.12.2021.

5. *Нестерович, Н. Б.* Государственная политика по отношению к религии и церкви в Беларуси в 1943–1953 гг. / Н. Б. Нестерович // Религия и общество – 10: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – С. 60–63.

6. *Рогинский, Р. М.* Старообрядческие общины Гомельщины в условиях конфессиональной политики Н. С. Хрущева [Электронный ресурс] / Р. М. Рогинский // Научный потенциал молодежи – будущему Беларуси: материалы V Междунар. молодеж. науч.-практ. конф., УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, 31 марта 2011 г.: в 4 ч. / Национальный банк Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск: ПолесГУ, 2011. – Ч. 2. – С. 256–258. – Режим доступа: <https://rep.polesu.by/bitstream/123456789/4756/1/139.pdf>. – Дата доступа: 11.12.2021.

7. Конституция (Основной закон) Белорусской Советской Социалистической республики. – Минск: Партиздат ЦК КП(б)Б, 1938. – 32 с.

8. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 3651. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.

9. Об отделении церкви от государства и школы от церкви: Декрет Совета нар. комиссаров РСФСР, 23 янв. 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1918. – № 18 – Ст. 263.

10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Оп. 2. Д. 40. Л. 182.

11. О религиозных объединениях: Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров, 8 апр. 1929 г. // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фото-

материалы. – М.: Изд-во Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. – С. 250–261.

12. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1354. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–10.

13. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

14. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

15. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 14. Л. 27.

16. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 23. Л. 108.

17. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 40. Л. 29.

18. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 40. Л. 116.

19. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 40. Л. 133.

20. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

21. Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» 7 июля 1954 года // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1985. – Т. 8. 1946–1955. – С. 428–431.

22. Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [Электронный ресурс] // Российское Объединение Исследователей Религии. – Режим доступа: <http://rusoair.ru/03print/03print-02/03print-02-239/>. – Дата доступа: 09.12.2021.

23. Крикун, В. Г. Советское государство и религиозные объединения в период развертывания антирелигиозной компании (октябрь 1958 – март 1961 гг.) [Электронный ресурс] / В. Г. Крикун, В. И. Подгорный // Scientific World. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/konfer32/436.pdf>. – Дата доступа: 11.12.2021.

24. О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей: постановление Совета Министров СССР, 16 октября 1958 г., № 1160 // Законодательство о религиозных культах (сборник материалов и документов). – М.: Юридическая литература, 1971. – С. 35.

25. О монастырях в СССР: постановление Совета Министров СССР, 16 октября 1958 г., № 1159 // Законодательство о религиозных культах (сборник материалов и документов). – М.: Юридическая литература, 1971. – С. 36.

26. *Советов, И. М.* Совет по делам религий при СМ СССР: структура, функции и основные направления деятельности (Эпоха В. А. Куроедова 1966–1984 гг.) / И. М. Советов // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. ст. / Российское объединение исследователей религии; редкол.: Одинцов М. И (пред.) [и др.]. – СПб., 2011. – С. 349–367.

27. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 1. Л. 28.

28. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 15. Л. 21.

29. Зональный государственный архив в городе Бобруйске (ЗГАБоб). – Ф. 1129. Оп. 1. Д. 6. Л. 8–9.

30. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 4. Л. 57–58.

31. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 4. Л. 44–45.

(Дата подачи: 21.02.2022 г.)

А. У. Ерашэвіч

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

A. Yerashevich

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК [94(476)+614.446(476)(091)]«1801–1860»

**ФІНАНСАВАННЕ СУПРАЦЬЭПІДЭМІЧНЫХ
МЕРАПРЫЕМСТВАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ
БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ
Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.**

**THE FINANCING OF ANTI-EPIDEMIC MEASURES
IN THE BELARUSIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN
EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

У артыкуле, заснаваным пераважна на аналізе даных архіўных матэрыялаў, раскрыты механізм, крыніцы і структура фінансавання супрацьвоспавых і проціхалерных мерапрыемстваў афіцыйных улад на тэрыторыі беларускіх губерняў Расійскай імперыі ў 1801–1860 гг. У працы акцэнт зроблены на выяўленні ролі фінансавых сродкаў у арганізацыі вакцынапрафілактыкі воспы і ў ходзе папярэджвання і барацьбы з эпідэміямі халеры ў 1830–1831 і 1847–1848 гг.

Ключавыя словы: фінансаванне; супрацьэпідэмічныя мерапрыемствы; эпідэміі; халера; воспа; вакцынацыя; беларускія губерні; Расійская імперыя.

The article, based mainly on the analysis of archival data, reveals the mechanism, sources, and structure of the financing of anti-smallpox and anti-cholera measures of the official authorities in the Belarusian provinces of the Russian Empire in 1801–1860. The paper focuses on identifying the role of financial resources in the organization of smallpox vaccination and in the prevention and control of cholera epidemics in 1830–1831 and 1847–1848.

Keywords: financing; anti-epidemic measures; epidemics; cholera; smallpox; vaccination; Belarusian provinces; Russian Empire.

Складовай часткай санітарнай справы з'яўляецца арганізацыя працы службы і ўзгадненне дзейнасці сістэмы ўстаноў і органаў санітарнага нагляду (дзяржаўных, грамадскіх, прыватных), якія праводзяць распрацоўку і ажыццяўляюць сукупнасць санітарна-гігіенічных (прафілактычных) і супрацьэпідэмічных мерапрыемстваў. Барацьба з нябачным і вераломным ворагам – эпідэмічнымі захворваннямі – патрабуе нарматыўна-прававога рэгулявання з боку дзяржавы і суправаджаецца пэўнымі формамі, відамі, спосабамі, сродкамі фінансавага забеспячэння дзейнасці.

Як у агульных працах па гісторыі медыцыны [8], так і ў спецыяльных творах па мінулым санітарыі ў прыгонніцкую эпоху [2; 4] узнімаліся асобныя аспекты пытанняў, звязаныя з асаблівасцямі развіцця грамадскага здароўя, гігіены асяроддзя чалавека, першаснай медыка-санітарнай

дапамогі, санітарна-эпідэміялагічнай службы і нагляду, супрацьэпідэмічнай дзейнасці дзяржаўных, грамадскіх, прыватных арганізацый. У дасавецкі час медыкі падрыхтоўвалі кваліфікаваныя даследаванні, у якіх вывучалі ход халерных эпідэмій праз аналіз дынамікі захварэлых і памерлых [1; 6]. У сучаснай расійскай гістарыяграфіі з'яўляюцца працы, прысвечаныя пэўным аспектам і асаблівасцям ажыццяўлення проціэпідэмічных мер у пэўных вялікарасійскіх губернях ва ўмовах функцыянавання прыгонніцкай сістэмы ў першай палове XIX ст. [31]. Але ў беларускай гістарыяграфіі адсутнічаюць навуковыя гістарычныя даследаванні, якія датычацца арганізацыйна-фінансавых аспектаў працы дзяржаўных і грамадскіх арганізацыйных структур, прыватных асоб па планаванні і рэалізацыі супрацьэпідэмічнай дапамогі пацярпеламу насельніцтву на тэрыторыі беларускіх губерняў імператарскай Расіі ў першай палове XIX ст.

Мэта артыкула заключаецца ў вызначэнні механізма, форм, метадаў, крыніц і структуры фінансавання супрацьвоспавых і проціхалерных мерапрыемстваў афіцыйных улад на тэрыторыі беларускіх губерняў у 1801–1860 гг.

Для вырашэння мэты выкарыстоўваліся розныя па паходжанні крыніцы, але пераважна неапублікаваныя архіўныя дакументы з архіваў у Мінску, Гродне, Вільнюсе.

У мінулыя часы пад уплывам разнастайных сацыяльных антрапагенных і прыродна-кліматыхных фактараў спарадычныя захворванні рэгулярна перарасталі ў эпідэміі інфекцыйных заразных захворванняў – звычайных спадарожнікаў войнаў, голаду, стыхійных бедстваў, цяжкага сацыяльна-эканамічнага і складанага санітарна-гігіенічнага стану насельніцтва. Маштабы распаўсюджвання масавых інфекцыйных захворванняў і выкліканых імі выпадкаў смяротнасці былі абумоўлены дзеяннем шэрагу фактараў і ўмоў рознай інтэнсіўнасці іх праяўлення. Спрыяльным асяроддзем для з'яўлення і распаўсюджвання розных інфекцый і хранічных хвароб былі недастатковыя санітарна-гігіенічныя ўмовы працы і жылля насельніцтва, якасць харчавання (большасць сельскага і беднага гарадскога насельніцтва ўжывала, як правіла, нязначны па разнастайнасці асартымент прадуктаў сязоннага харчавання). Умовамі для распаўсюджвання інфекцыйных захворванняў у гарадах і мястэчках былі антысанітарныя ўмовы жыцця гарадской беднаты і скучанасць прыжывання гэтай катэгорыі насельніцтва, асабліва яўрэяў. Стан абароны імуннай сістэмы чалавека перад заразнымі хваробамі залежыў не толькі ад наяўнасці і разнастайнасці забеспячэння харчаваннем, але вызначаўся і генетычнымі схільнасцямі. Выбух «павальных» хвароб вынікаў з-за зменлівых фізічных, хімічных, біялагічных патогенных фактараў навакольнага прыроднага асяроддзя, залежыў ад кліматычных катаклізмаў, быў абумоўлены інтэнсіўнасцю розных форм сувязей і кантактаў паміж горадам і вёскай з прышлымі элементамі.

Міграцыйныя патокі ўзмацняліся ў час праходу вайсковых аддзелаў, у перыяд правядзення кірмашоў, у сувязі з адыходнымі промысламі, будаўнічымі і іншымі сезоннымі работамі. На стан здароўя жыхароў гарадоў і сельскай мясцовасці аказваў уплыў і ўзровень санітарна-медыцынскай культуры насельніцтва, магчымасць карыстання медыцынскімі паслугамі і хуткай дапамогай.

Да найбольш пашыраных масавых востразаразных інфекцыйных хвароб, якія вымагалі спецыяльных намаганняў дзяржавы і грамадства па іх выяўленні, рэгістрацыі, папярэджванні і пераадоленні, адносіліся ветраная і натуральная воспа віруснага паходжання з паветрана-кропельным шляхам перадачы інфекцыі, а таксама ўзбуджаная халернымі вібрыёнамі халера з кантактна-бытавым механізмам перадачы заразы.

З мэтай папярэджвання і барацьбы з воспай ва ўсіх губернскіх і некаторых павятовых гарадах беларускіх губерняў перыядычна працавалі створаныя ў розны час асобныя арганізацыйныя санітарныя структуры – воспавыя камітэты (з 1811 г.), у склад якіх уваходзілі чыноўнікі з іншых прысутных устаноў агульнаграмадзянскага, духоўнага і медыцынскага профілю. Санітарна-прафілактычныя і супрацьэпідэмічныя мерапрыемствы павінны былі ажыццяўляць таксама існуючыя з 1852 г. камітэты грамадскага здароўя (у Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай губернях, у Віленскай і Гродзенскай губернях матэрыялаў аб іх дзейнасці пакуль не выяўлена) [5, с. 121–122]. Для прадухілення праяў адной з найбольш небяспечнай эпідэміі халеры ствараліся часовыя халерныя камітэты. У цэлым большасць спецыяльна адкрытых супрацьэпідэмічных устаноў працавалі нестабільна, выпадкова ў час актывізацыі пандэміі, і не мелі сталых крыніц грашовага ўтрымання.

Адной з папярэдальных мер па прадухіленні распаўсюджвання інфекцыйных захворванняў стала вакцынапрафілактыка. У канцы 1802 – пачатку 1803 гг. прышчэпленне супраць воспы пачалося ў беларускіх губернях (Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай, Гродзенскай). Прышчэпленне воспы ўваходзіла ў абавязак штатных медыцынскіх чыноўнікаў. Члены воспавых камітэтаў не атрымоўвалі асобнага жалавання, аднак мелі права на «приличные» ўзнагароды ад урада [4, с. 284]. Тым не менш не была распрацавана метадыка вакцынацыі воспы, адчуваліся цяжкасці з падборам падрыхтаваных кадраў. Прышчэпленнем воспы маглі займацца не толькі павятовыя і вольнапрактыкуючыя ўрачы, старшыя лекарскія вучні, бабкі-павітухі, іншыя асобы афіцыйнага медыцынскага персаналу, але таксама пад іх наглядам і кантролем і добраахвотнікі з сялян, мяшчан, духавенства, вучні выпускных класаў духоўных і публічных вучылішч. Шмат воспапрышчэпнікаў працавалі на грамадскіх пачатках. Колькасць воспапрышчэпнікаў была неаднолькавай у пэўных губернях за асобныя гады, і яны размяркоўваліся нераўнамерна па паветах.

Па ініцыятыве і дзякуючы матэрыяльнай падтрымцы Вольнага эканамічнага таварыства разгарнулася праца па папулярызацыі вопыту распаўсюджвання вакцынацыі прышчэплення востры. У Віцебску ў 1834 г. пры бальніцы прыказа грамадскай апекі быў адкрыты першы на тэрыторыі Беларусі спецыялізаваны воспапрышчэпны пункт. У спецыяльным пакоі вакцынацыю маглі атрымаць усе жадаючыя [2, с. 150].

За 1805–1813 гг., па далёка няпоўных афіцыйных даных, папэраджальнай воспай у 5 беларускіх губернях былі прышчэплены больш 130 тыс. дзяцей. Усяго па звестках Вольнага эканамічнага таварыства ў 5 беларускіх губернях з 1824 да 1.07.1854 г. было прышчэплена не менш 1 776 668 дзяцей (5,9 % агульнаімперскага ўзроўню) [19, арк. 7; 32, с. 79, 80]. У Гродзенскай губерні за 15 год (з 1843 да 1857 г.) прышчэпку ад воспы атрымалі 209 234 дзіцяці, альбо прыкладна 41,7 % з колькасці нарадзіўшыхся [3, с. 384]. Але большасць беларускіх жыхароў малага ўзросту заставаліся не прышчэпленымі воспай. Так, у Магілёўскай губерні ў 1821 г. прышчэпка воспы была зроблена для 22 367 дзяцей (16,5 %), але не прышчэпленымі засталіся 112 811 (83,5 %) [4, с. 284]. Супрацьстаянне вакцынацыі воспай аказвалі стараверы, евангелісты, яўрэйскія кагалы, некаторыя настаўнікі. Цяжкасці ў распаўсюджванні воспапрышчэплення тлумачыліся састарэлымі народнымі прымхамі і забабонамі. Так, у Чавускім павеце цыркулявала чутка, што дзеці ад спалоху маглі памерці. Вакцынацыі супрацьдзейнічалі мяшчане Чавусаў і асабліва Магілёва [18, арк. 81].

Для заахвочвання воспапрышчэпнікаў у іх мэтавай працы прадугледжваліся розныя формы матэрыяльнага стымулявання. Урадавая падзяка прышчэпнікаў воспы заключалася ва ўзнагародзе іх спецыяльнымі медалямі.

Фінансаванне процівоспавых мерапрыемстваў у розных беларускіх губернях адбывалася нерэгулярна і непаасядаўна. Спачатку імператар Мікалай I 21.09.1826 г. зацвердзіў палажэнне Камітэта міністраў (апублікавана Сенатам 25.11.1826 г.), згодна якому для распаўсюджвання прышчэплення воспы з 1827 г. на працягу 10 год у ведамства Вольнага эканамічнага таварыства павінны былі паступаць штогод па 1 тыс. руб. з сум земскіх павіннасцей кожнай губерні, вылучаных на кошт рэшткавых сум. Але ўжо 29.07.1827 г. з'явіўся сенацкі ўказ аб водпуску штогод з 1828 г. у распараджэнне Вольнага эканамічнага таварыства для пашырэння прышчэплення воспы ў губернях па 1 тыс. руб. з сум прыказаў грамадскай апекі. Такім чынам, асігнаванне грашовых сродкаў на гэты прадмет з земскіх збораў спынілася і было заменена адлічэннем з сум выдаткаў прыказаў грамадскай апекі [30, т. 1, № 700, с. 1249–1250; т. 2, № 1271, с. 638]. Але з прычыны абмежаванасці капіталаў і даходаў 17 прыказаў грамадскай апекі, у тым ліку Беластоцкага, Віцебскага, Гродзенскага, адпаведна ўхваленага 7.08.1828 г. імператарам палажэння Камітэта міністраў, яны былі вызва-

лены ад гэтага прымусовага абавязку штогоднага ўносу сум у Вольнае эканамічнае таварыства для памнажэння восппрышчэплівання. У канцы 1828 г. Сенат распарадзіўся завесці ў Беларускай вобласці, Віцебскай і Гродзенскай губернях па меры магчымасці дваран, чыноўнікаў, купцоў, мяшчан і іншых людзей добраахвотныя зборы для складання сумы, неабходнай для распаўсюджвання прышчэплівання воспы. Сабраныя на працягу 8 год «воспенныя» грошы павінны былі адсылацца ў распараджэнне Вольнага эканамічнага таварыства, якое вырашала прапорцыю расхода, адпаведна паступіўшых збораў кожнай з гэтых губерняў [30, т. 3, № 2209, с. 754–756; № 2547, с. 1217]. У Віленскай, Мінскай, Магілёўскай губернях прышчэпліванне воспы па-ранейшаму фінансавалася за кошт сум прыказаў грамадскай апекі. Для распаўсюджвання прышчэплівання воспы ўказам Сената ад 11.01.1849 г. тэрмін водпуску з губерняў штогоднай сумы па 285 руб. серабром быў працягнуты яшчэ на 10 год пачынаючы з 1848 г. З гэтай сумы 2/3 частка (190 руб.) адсылалася ў распараджэнне Медыцынскага дэпартаменту Міністэрства ўнутраных спраў (МУС) для выдаткоўвання расходаў на ўтрыманне і раз'езд рэвізораў у 1848 і 1849 гг., якія ажыццяўлялі праверку прышчэплівання на месцах. З 1850 г. мэтавы збор паступаў у ведамства губерньскіх воспавых камітэтаў для выкарыстання па прызначэнні, а астатняя частка ў 95 руб. па-ранейшаму пералічалася ў Вольнае эканамічнае таварыства для падмацавання капіталу за кошт сум, атрыманых ім у мінулыя 20 год на восппрышчэпліванне, з аднясеннем на кошт яго ўсіх дапаможных мер гэтай арганізацыі па садзейнічэнні пашырэння засцерагальнай аперацыі ад воспы [10, арк. 210; 11, арк. 158–158 адв.; 14, арк. 16–17]. Справа восппрышчэплівання ў Магілёўскай губерні ўскладалася на суму мяцовага прыказа грамадскай апекі, а ў іншых – на сумы земскіх збораў ці іх рэшткаў, якія штогод вылучаліся на гэты прадмет у кожнай губерні [10, арк. 210; 30, Т. 24-2, № 23489, с. 42–43].

Належныя Вольнаму эканамічнаму таварыству «воспавыя» грошы высылаліся з беларускіх губерняў са спазненнем і не ў поўным аб'ёме. Так, у дадатковы каштарыс земскіх павіннасцей Віцебскай губерні 1847 г. быў уключаны артыкул аб накіраванні ў Вольнае эканамічнае таварыства на распаўсюджванне восппрышчэплівання недасланых з 1831 па 1836 г. з губерні сум на гэты прадмет у памеры 1428,56 руб. [17, арк. 9–11 адв.]. У Гродзенскай губерні за ранейшыя 3,5 года да 1840 г. штогодная сума ў 1 тыс. руб. асігнацыям на прышчэпліванне воспы ў распараджэнне Вольнага эканамічнага таварыства ўвогуле не адпраўлялася [26, арк. 198–220, 259–272 адв., 294–300]. За кошт збору сум прыватных земскіх павіннасцей казённых сялян Мінскай губерні восппрышчэплікам з іх разраду было прадугледжана выдаткоўванне на выдачу жалавання і на расходы штогод у 1836–1838 гг. 1234,28 руб., а ў 1839–1841 гг. – 1440 руб. [12, арк. 2–2 адв., 11 адв., 15–16, 48–49]. Але расходы на восппрышчэпліванне Вольнаму

эканамічнаму таварыству ў Мінскай губерні былі ў пазыке і адносіліся на кошт рэшткаў да выканання да 1852 г.

У цэлым у першай палове XIX ст. супрацьвоспавая вакцынацыя ў беларускіх губернях Расійскай імперыі не набыла масавага характару, праводзілася нерэгулярна, звычайна намаганнямі прыватных воспапрышчэпнікаў. Адсутнасць дастатковай колькасці медыцынскіх работнікаў і ўвогуле падрыхтаваных для гэтай мэты кадраў не дазваляла ахапіць воспапрышчэпленнем большасць дзяцей і дарослых. З прычыны адсутнасці ўзаконенай платы за прышчэпленне воспы фельчары і цырульнікі адмаўляліся працаваць бясплатна. Парадак і правілы вакцынацыі не былі распрацаваны, а спецыяльна арганізаваныя для барацьбы з небяспечнай воспай воспенныя камітэты бяздзейнічалі з-за адсутнасці фінансавання.

Па сваім разбуральным наступствам вылучаліся і пандэміі халеры, якія перыядычна ахоплівалі вялікую колькасць краін з значнымі адрозненнямі яе тэрытарыяльнай лакалізацыі ў розных рэгіёнах Расійскай імперыі. На інтэнсіўнасць і экстрэнсіўнасць працэсу распаўсюджвання халеры значна ўплывалі кліматычныя фактары (тэмпература паветра, сезон года), а таксама ступень неўраджайнасці і адпаведна больш дрэнная якасць харчавання людзей. Халерныя эпідэміі перыядычна закраналі розныя беларускія губерні, і збіралі смяротны ўраджай. Найбольш значная лятальнасць ад халеры ў Віцебскай і Магілёўскай губернях была зарэгістравана ў 1831 і 1848 гг. [6, с. 3]. У 1848 г. смяротнасць ад халеры дасягала да 26,1 % у Віцебскай і да 23,5 % у Віленскай губернях [8, с. 78–79]. Па афіцыйных звестках урачэбных упраў у 1855 г. у 5 беларускіх губернях было ўлічана, па нашых падліках, 50 894 хворых халерай (15,7 % сярод 32 губерняў Расіі), з якіх памерла 18 129 чал. (35,6 %, некалькі менш агульнарасійскай адносіны ў 38,3 %). З гэтых захварэлых халерай толькі 2,5 % (1265 чал.) карысталіся ў лячэнні паслугамі грамадзянскіх бальніц, смяротнасць у якіх была ў памеры 56,7 % (718 чал.) і была некалькі больш сярэднеімперскага паказчыка (49,9 %). У наступным 1856 г. у 5 беларускіх губернях ад халеры захварэла 8346 чал. (49,8 % з іх ліку ў Расіі), з якіх памерла 36,4 % (у Расійскай імперыі ў сярэднім 42,6 %), але толькі 5,2 % (437 чал.) хворых карысталіся медыцынскімі паслугамі ў грамадзянскіх бальніцах [28, с. 49, 50, 163–164; 29, с. 79, 207].

У сувязі з выбухамі халеры царскія ўлады былі вымушаны прымаць розныя прэвентыўныя меры і выкарыстоўваць разнастайныя спосабы барацьбы супраць гэтай найбольш небяспечнай інфекцыйнай заразлівай хваробы. У арганізацыі супрацьхалернай дапамогі захоўвалася ведамасная падпарадкаванасць уладных інстытуцый (асобна для прыватнаўладальніцкіх, казённых сялян, мяшчан у гарадах і мястэчках). 24.11.1830 г. міністр фінансаў Я. Ф. Канкрын распарадзіўся аб водпуску ў кожнай з губерняў з зямскага збору ў пазыку 5 тыс. руб. на расходы па прыняцці мер асцярогі ад хале-

ры [15, арк. 38]. Для папярэджвання халеры Віцебскі яўрэйскі кагал экстрана выдзеліў з сум каробачных збораў да 3 тыс. руб. (па 1 тыс. руб. у кожнай з 3 частках горада) [20, арк. 21]. У Віцебскі губернскі халерны камітэт паступіла 5677,5 руб. даходу за кошт дзяржаўных асігнаванняў, грамадскіх і прыватных авяраванняў. З гэтай сумы было выдаткавана для фінансавання мерапрыемстваў у супрацьстаянні з халерай 5328,345 руб. З усёй сумы прыходу ў Віцебскай губерні ў 8319,75 руб., за вылікам рэштку ў 286,97 руб., паступіла ў расход 8032,78 руб., з якіх участковым начальнікам было адпушчана 2897,3 руб., розным асобам было выдана 1066,66 руб., разам 3963,96 руб., на абсервацыйныя заставы пайшло 250 руб., павятовым прадаваццелям дваранства было выслана 1250 руб. [21, арк. 125 адв.–132, 142–143, 162 адв.–163, 166–171]. Яўрэйскія кагалы змагаліся з халерай за кошт абшчынных складчын. У Лепелі і Лепельскім павеце мяшчане-яўрэі сабралі 2380 руб. добраахвотных ахвяраванняў, з якіх 470 руб. (19,7 %) пайшло на закупку лекаў і прыпасаў, 290 руб. (12,2 %) – на пахаванне памерлых, 1175 руб. (49,4 %) – на харчаванне хворых, 445 руб. (18,7 %) – у якасці платы асобам з даглядчыкаў пры хворых [21, арк. 174–174 адв.]. У Віцебску з яўрэйскага таварыства назбіралі 3368,3 руб. добраахвотных ахвяраванняў і 3 тыс. руб., накіраваных з каробачнага збору, у Полацку – 4757,16 руб. (4257,16 руб. добраахвотных збораў і 500 руб., адпушчаных з каробачнага збору) [21, арк. 182–183 арк., 194–196]. Асноўнымі формамі ўзнагароды ў супрацьстаянні з халерай стала выдача асобам, якія адзначыліся ў барацьбе з ёй, ордэнаў, падарункаў, наданне ім чыноў, абвяшчэнне манаршай ласкі, грашовыя асігнаванні.

Для барацьбы з халерай імператар 18.08.1847 г. дазволіў выдачу ўсім медыцынскім чынам, камандзіруемым для спынення гэтай заразлівай хваробы, акрамя прагонаў, яшчэ жалавання, сутачных і пад’ёмных грошай [30, т. 22-1, № 21617, с. 775]. Сумы выдач значна розніліся і залежылі ад медыцынскага чына [16, арк. 600, 630; 30, т. 22-2, к № 21617, с. 267, т. 23.-2, к № 22008, с. 19, к № 22500, с. 163]. Ніжнія медыцынскія чыны, якія ўдзельнічалі ў спыненні халеры па месцы жахарства ці службы, атрымоўвалі кармавыя грошы: вучні лекараў, іх памочнікі і фельчары на службе, акрамя жалавання, 15 кап. у суткі, а няслужачыя і цырульнікі – 50 кап. у суткі [30, т. 23-1, № 22573, с. 577–578]. Выдадзеныя папярэдне распараджэнні абвяшчалі, каб пры з’яўленні халеры неадкладна ў гарадах павінны былі адкрывацца часовыя бальнічныя аддзяленні. Для прадухілення значных фінансавых выдаткаў і страты часу, старыя прыгодныя шпітальныя рэчы загадвалася пазычыць з запасаў прыказаў грамадскай апекі, а недастатковыя – купіць танна. Грошы для ўладкавання халерных аддзяленняў пазычаліся з прыказаў грамадскай апекі. З хворых халерай ніякай платы не патрабавалася [25, арк. 5–5 адв.].

На аснове ранейшага вопыту набліжэнне эпідэміі халеры ў 1847 г. было сустрэта афіцыйнымі ўладамі беларускіх губерняў прыняццем шэрагу папярэджальных мер. У губернскіх цэнтрах арганізаваліся супрацьхалерныя камітэты. Агульная інструкцыя губернскім і павятовым халерным камітэтам паведамляла, каб для тых хворых, якія былі не ў стане лячыцца ва ўласным жыллі, ствараліся бальніцы. Выйшла распараджэнне аб унушэнні народу даверу да ўрада, аб перакананні жыхароў у карысці і неабходнасці супрацьхалерных мер. У настаўленнях загадалася выключачь усе нагоды да непамернага страху, прадухіляць «смуты от пустых толков». Для барацьбы з халерай адкамандзіроўваліся ўсе наяўныя ўрачы. Адзначалася, каб нікога не прымушалі лячыцца ў бальніцах і не забаранялі староннім наведваць хворых у ніх [16, арк. 9 адв.–12 адв.].

Міністэрства ўнутраных спраў 1.09.1847 г. загадала віцебскаму генерал-губернатару заснаваць часовыя халерныя бальніцы ў Магілёве, Віцебску і іншых гарадах падначаленых яму губерняў. Патрэбныя грошы для арганізацыі халерных бальніц пазычаліся з сум прыказаў грамадскай апекі [16, арк. 6–7 адв.]. Для барацьбы з халерай мабілізаваліся ўсе ўрачы. Так, для спынення халеры ў Віцебскай губерні былі выкарыстаны 42 мясцовых урача [16, арк. 472–473]. Міністэрства фінансаў прадпісала казённым палатам па патрабаванні мясцовага губернскага начальства адпускаяць патрэбную колькасць грошай на расходы па халерным бальніцам з агульных губернскіх даходаў з запісам гэтых мэтавых сум у нядомку да звароту ў пазнейшы час. У выпадку недастатковасці грошай на расходы халерныя бальніцы мелі магчымасць пазычаць грошы, але павінны былі па першай магчымасці звяртаць іх за кошт магчымых крыніц у казённыя палаты [16, арк. 82–82 адв.]. Згодна з паведамленнем міністра ўнутраных спраў ад 30.08.1847 г. да віцебскага генерал-губернатара, на сумы дзяржаўнага казначэйства пералічваліся экстраныя расходы, звязаныя з адкамандзіраваннем урачоў і фельчараў, на кошт земскіх павіннасцей пераводзіліся расходы па забеспячэнні лячэбніц неабходнымі лазарэтнымі рэчамі і посудам, у лік пагашэння экстраных выдаткаў утрымання медыкаў і фельчараў пры грамадзянскіх лячэбніцах, забеспячэння іх медыкаментамі, на кошт прыватных расходаў асобных ведамстваў (грамад гарадскіх, сельскіх дзяржаўных сялян і прыватнаўладальніцкіх маёнткаў) адлічаліся выдаткі па забеспячэнні хворых харчаваннем, а лячэбніц прадметамі ацяплення і асвятлення, на ўтрыманне прыслугі, на перавозку хворых і інш. па кожнаму лазарэту [22, арк. 13 адв., 14 адв.]. Такім чынам, асноўная частка расходаў для рэалізацыі мерапрыемстваў па супрацьдзейнічванні распаўсюджвання халеры (набыццё неабходных лазарэтных рэчаў і посуду, экстраныя выдаткі ўтрымання медыкаў і фельчараў пры грамадзянскіх лячэбніцах, забеспячэнне медыкаментамі) ўскладалася на зборы земскіх павіннасцей, а іншыя прыватныя (харчаванне хворых, ацяпленне і асвятленне памяшканняў, утрыман-

не прислугі, перавозка хворых) – на станы гарадскія, сельскія дзяржаўных і ўдзельных сялян, прыватных маёнткаў. Урачы і фельчары камандзіраваліся на кошт сум дзяржаўнага казначэйства [24, арк. 87].

Па прадстаўленні віцебскага губернатара з земскіх збораў было адлічана 8170,265 руб., якія былі выкарыстаны з сум Віцебскага прыказа грамадскай апекі для ўладкавання ў губерні ў 1847 і 1848 гг. часовых халерных бальніц. У далейшым сума папаўнялася з агульных сум земскага збору. У 1849 г. выйшла палажэнне Камітэта міністраў аб аднясенні на земскі збор выдаткаў 1847 і 1848 гг. уладкавання ў Віцебскай губерні часовых халерных бальніц. Сума ў 11 309,01 руб. уключалася ў каштарыс земскіх павіннасцей будачага з 1856 г. трохгоддзя [24, арк. 566–567, 568, 574–574 адв.]. Папаўненне сумы ў 3769,67 руб., пазычанай з Віцебскага прыказа грамадскай апекі і аднайменнай казённай палаты на расходы ў час халеры, пагашалася за кошт унесенай у каштарыс земскіх павіннасцей Віцебскай губерні з 1857 г. [23, арк. 5 адв.–10]. Мінская казённая палата для ўладкавання часовых халерных бальніц у Мінскай губерні асігнавала 2148,28 руб. [9, арк. 2, 3, 6, 7]. Для барацьбы з халерай у 1848 і 1849 гг. з сум земскага збору без пазначэння рахунку было вылучана 2830,55 руб., на кошт звароту з павегаў Барысаўскага 50 руб. і Навагрудскага 256,3 руб., на кошт земскага збору без звароту – 257,5 руб., разам 3394,35 руб. [9, арк. 10–10 адв.]. На арганізацыю ў павятовых гарадах Мінскай губерні часовых халерных лячэбніц на кошт рэшткаў расходу земскага збору ў 1847–1849 гг. было выдаткавана 2665,79 руб. [13, арк. 17 адв.–21, 55 адв.–59]. У каштарысе земскіх павіннасцей Гродзенскай губерні на 1857–1859 гг. [27, арк. 51–135] значылася штогодная сума звароту ў 8887,69 руб., пазычаная з прыказа грамадскай апекі для ўладкавання халерных бальніц. У расход сум земскага збору ў 1859 г. за ранейшы і бягучы час Гродзенскаму прыказу грамадскай апекі была ўключана сума ў 8352,8 руб. за пазыкі з яго для спынення халеры. За арганізаваныя часовыя халерныя бальніцы Гродзенскаму прыказу грамадскай апекі належыла звярнуць (засталося нявыкананым) 35 551,76 руб., але было выдана толькі 8887,69 руб. (25 %) і засталося ў даўгу 26 663,07 руб. [3, с. 343, 349–350]. У Віленскай губерні мясцовы прыказ грамадскай апекі для арганізацыі часовых халерных бальніц выдаткаваў 12 724,1725 руб. [33]. Цыркулярам МУС ад 5.10.1860 г. былі здзейснены экстраныя выдаткі з прыказаў грамадскай апекі па часовым халерным бальніцам, куды камандзіраваныя ўрачы і фельчары забяспечваліся прагоннымі, сутачнымі і кватэрнымі грашымі [7, с. 21–22, 39, 40, 41]. Найбольшая сума ў 2407,96 руб. (451,21 руб. прагонных і 1956,75 руб. сутачных і кватэрных) прыпадала на Гродна. Такім чынам, згодна з парадкам кампенсацыі выдаткаў па ўтрыманні часовых халерных бальніц, грошы вярталіся да 1860-х гг. за кошт уключэння даўгавых сум у каштарысы земскіх павіннасцей.

У 1850-я гг. з мэтай абароны ад халеры адкрыццё супрацьхалерных камітэтаў было прызнана бесперспектыўным і залішнім, паколькі існавалі губернскае камітэты грамадскага здароўя [25, арк. 15–15 адв.].

Такім чынам, у дарэформенную эпоху ў беларускіх губернях імператарскія ўлады ўвесь час сутыкаліся з праблемай папярэджвання і ліквідацыі разбуральных вынікаў і наступстваў пандэміі, асабліва небяспечных воспы і халеры, і былі вымушаны сітуацыйна арганізоўваць сістэму супрацьэпідэмічных мерапрыемстваў, якія напярэдадні і ў час масавых інфекцыйных захворванняў ініцыяваліся і каардынаваліся ўрадам, а выконваліся і кантраляваліся рэгіянальнымі мясцовымі ўладамі пры падтрымцы грамадскіх згуртаванняў і прыватных асоб. З мэтай прафілактыкі і барацьбы з эпідэміямі воспы і халеры былі створаны спецыяльныя санітарныя калегіяльныя ўстановы – пастаянныя воспавыя і часовыя халерныя камітэты, а таксама камітэты грамадскага здароўя. Але большасць з гэтых спецыяльна адкрытых супрацьэпідэмічных устаноў больш-менш актыўна працавала толькі ў перыяд пашырэння эпідэміі, паколькі не мелі трывалых крыніц грашовага забеспячэння іх дзейнасці. Фінансаванне пэўных прадметаў і напрамкаў процівоспавых і супрацьхалерных мерапрыемстваў ажыццяўлялася за кошт розных па паходжанні крыніц фінансавых даходаў: мясцовых земскіх і грамадскіх збораў, прыватных ахвяраванняў, асігнаванняў з дзяржаўнага казначэйства. Як правіла, сітуацыйна неадкладна неабходныя і зразумела непрадказальныя і экстраныя грашавыя сродкі з мэтай змагання з халерай пазычаліся з сум прыказаў грамадскай апекі і пазней кампенсаваліся за кошт збораў земскіх павіннасцей. З-за малалікасці падрыхтаванага медыцынскага персаналу, недаступнасці кваліфікаванай медыцынскай дапамогі для большасці насельніцтва, нешматлікасці і недастатковасці месц лячэння эпідэмічна хворых у гарадскіх бальніцах з нязначнай колькасцю ложкаў для ізаляцыі і гаспіталізацыі інфекцыйна хворых, недахопу фінансавых сродкаў захварэлыя высоказаразлівымі хваробамі, перш за ўсё у вёсцы, арыентаваліся на самалячэнне і неахвотна звярталіся да ўрачэбнай дапамогі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Архангельский, Г. И.* Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг. Диссертация на степень доктора медицины / Г. И. Архангельский. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874. – [2], IV, VIII, 342 с., 4 л. карт., табл.
2. *Беляцкий, Д. П.* К истории оспопрививания в Белоруссии / Д. П. Беляцкий // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. – 1965. – № 8. – С. 148–151.
3. *Бобровский, П. О.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния / П. О. Бобровский. – СПб.: Типография И. Огрызко. – Ч. 2. – Приложения. – [VI], 391, 72 с., 13 л. табл.

4. *Васильев, К. Г.* История эпидемий в России (материалы и очерки) / К. Г. Васильев; под ред. проф. А. И. Метелкина. – М.: Медгиз, 1960. – 398 с.

5. *Ерашэвіч, А. У.* Грашовае ўтрыманне адміністрацыйна-урачэбных устаноў на тэрыторыі Беларусі (канец XVIII – першая палова XIX ст.) / А. У. Ерашэвіч // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. – 2014. – Вып. 14, ч. 1. – С. 114–124.

6. *Жбанков, Д. Н.* Холерные эпидемии в Смоленской губернии 1831–1872 гг. Краткий очерк / Д. Н. Жбанков. – Смоленск: Тип. Ф. В. Зельдович, 1893. – [4], IV, 66, 137 с., 10 л. черт.

7. Журнал Министерства внутренних дел. – 1860. – Ч. 45. – № 11. – Отд. 1.

8. *Крючок, Г. Р.* Очерки истории медицины Белоруссии / Г. Р. Крючок. – Минск: Беларусь, 1976. – 264 с.

9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1025.

10. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1075.

11. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1076.

12. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 1. Спр. 216.

13. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 1. Спр. 234.

14. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 765-4.

15. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 4551.

16. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 18128.

17. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 18358.

18. НГАБ. – Ф. 1416. Воп. 5. Спр. 483.

19. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 193.

20. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 2983.

21. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 3057.

22. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 51754.

23. НГАБ. – Ф. 2626. Воп. 1. Спр. 188.

24. НГАБ. – Ф. 2638. Воп. 1. Спр. 883.

25. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 24.

26. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродне (НГАБГ). – Ф. 1. Воп. 4. Спр. 791.

27. НГАБГ. – Ф. 1. Воп. 29. Спр. 892.

28. О состоянии общественного здоровья и деятельности больниц гражданского ведомства в империи в 1855 году. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1856. – [6], 271 с., 1 л. карт.

29. Отчет о состоянии общественного здоровья и деятельности больниц гражданского ведомства в империи за 1856 год / сост. Ф. Отсолиг. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1857. – 360 с.

30. Полное собрание законов Российской империи: 2-е собрание с 1825 по 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830–1884.

31. *Суворин, Р. В.* Эпидемические заболевания в Тамбовской губернии в первой половине XIX века: причины, проявления, меры по преодолению / Р. В. Суворин // Вестник

Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. – 2015. – Вып. 8 (148). – С. 151–156. – (Серия: Гуманитарные науки).

32. Труды императорского Вольного экономического общества. – 1855. – Т. 2.

33. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). – F. 380. Ap. 8, 1851. Bib. 1524.

(Дата подачи: 22.02.2022 г.)

А. В. Зубарев

Институт бизнеса Белорусского государственного университета,
Минск

A. Zubarev

School of Business of Belarusian State University, Minsk

УДК 94(410)

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И РАСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА М. ТЭТЧЕР (1979–1983 ГГ.)

SOCIAL CONFLICT AND RACIAL RELATIONS DURING THE PERIOD OF THE FIRST GOVERNMENT OF M. THATCHER (1979–1983)

В статье анализируется эволюция взглядов первого правительства М. Тэтчер в 1979–1983 гг. на расовые отношения в контексте беспорядков, произошедших в депрессивных районах британских городов в 1981 г. На основе изученных материалов автор делает вывод о существовании компромисса между стремлением руководства консервативной партии к жесткому подходу к межрасовым столкновениям и необходимостью получить голоса «цветных» британцев на выборах. Этот компромисс обусловил изменение риторики консерваторов в отношении этнических меньшинств и способствовал выработке подхода, предполагавшего активное включение «цветных» представителей среднего класса в политическую и экономическую жизнь Соединенного Королевства.

Ключевые слова: М. Тэтчер; социальный конфликт; расовые отношения; Брикстон; отчет Скармана; консервативная партия.

The article describes the evolution of racial relations policy approach of the first M. Thatcher government in 1979–1983 in context with riots in inner cities in 1981. As the result of source analysis author concluded about the compromise between the hard conservative approach towards race riots and the necessity of votes from the colored population. The compromise led to the change of conservative rhetoric about race and ethnicity and tend to develop a policy concerning the involvement of the colored middle class in the political and economic life of the United Kingdom.

Keywords: M. Thatcher; social conflict; racial relations; Brixton; the Scarman report; Conservative party.

В понедельник, 8 апреля 2013 г. в Лондоне несколько сотен человек праздновали смерть М. Тэтчер. Часть демонстратов радовалась тому, что

политика, которого они ненавидели, уже нет в живых; другие высказывали беспокойство из-за того, что ее идейно-политическое наследие еще живет [1]. Эта демонстрация стала отражением противоречивой роли «железной леди» в новейшей истории Великобритании. С одной стороны, во время правления М. Тэтчер страна справилась с экономическим кризисом и смогла стать одним из лидеров постиндустриального мира. С другой – 1980-е гг. запомнились британцам ростом безработицы, снижением расходов на образование, медицину, социальное обеспечение.

Символично, что эта антитетчеристская демонстрация проходила в Брикстоне – одном из южных районов Лондона, который в 1981 г. оказался в центре внимания британского общества [2, р. 11–12]. 10–12 апреля 1981 г. здесь произошли «самые разрушительные за XX в.» [3] беспорядки, в которых приняла участие местная молодежь, в основном вест-индского происхождения. Летом того же года столкновения между полицией и представителями иммигрантских общин прокатились по крупнейшим британским городам: Ливерпулю, Манчестеру, Бирмингему. Брикстонские беспорядки вынудили британские власти инициировать полномасштабное парламентское расследование под руководством Лорда Л. Скармана, которое выявило не только сложности во взаимоотношениях полиции и этнических меньшинств в районах компактного проживания последних, но и тяжелое социально-экономическое положение этих общин, как главных факторов их маргинализации и криминализации [4, р. 131–135]. Недавно открытые архивные материалы позволяют понять, как брикстонские беспорядки повлияли на стратегию консервативной партии в 1979–1983 гг.

Вечером 10 апреля 1981 г. в Брикстоне произошел инцидент между полицией и небольшой группой местной вест-индской молодежи, который перерос в ожесточенные столкновения, когда несколько десятков молодых людей начали бросать бутылки в полицейских [5, р. 166]. На следующий день получившие в британской прессе название «Кровавая суббота» столкновения местной молодежи с полицией приняли более радикальный характер, сочетаясь с мародерством и поджогами, и закончились только к вечеру воскресенья 12 апреля. Результатом уличного насилия стали травмы и ранения 65 гражданских и 299 полицейских [5, р. 166–167]. Масштаб беспорядков и ущерб, который они нанесли, настолько обеспокоили правительство, что уже 13 апреля 1981 г. на дебатах в палате общин министр внутренних дел У. Уайтлоу объявил об учреждении специальной комиссии во главе с лордом Л. Скарманом, которая, в соответствии с законом о полиции 1964 г., должна была «безотлагательно расследовать серьезные беспорядки, которые произошли в Брикстоне 10–12 апреля и предоставить доклад с рекомендациями» [6].

В британской историографии сложился консенсус в отношении трактовки основных причин брикстонских беспорядков. Е. Смит в своей статье

отмечает, что «левые и правые историки» рассматривают такие столкновения на протяжении 1950–1980-х гг. в качестве легитимной формы протеста иммигрантских общин против социально-экономической политики консервативного правительства, полицейского насилия и институционального расизма [7, р. 130–131].

Апрельские столкновения в Брикстоне происходили на фоне серьезных политических и социально-экономических изменений в стране. В конце 1970-х гг. Великобритания находилась в ситуации затяжного экономического кризиса: ВВП сократился на 4 %, а промышленное производство – на 12 % [8, с. 244], резко вырос уровень безработицы (в особенности среди представителей этнических меньшинств) [9, р. 3]. Неспособность лейбористского правительства Дж. Кэллагана справиться с этими проблемами вызвала рост популярности консервативной партии, выступавшей за максимальную либерализацию экономики и сокращение роли государственного регулирования в социальной сфере. В то же время теневой кабинет М. Тэтчер придерживался жесткого подхода к таким вопросам общественной безопасности и правопорядка, как иммиграция и расовые отношения [10].

В партийном манифесте, который консерваторы представили на выборах 1979 г., утверждалось, что, будучи у власти, они установят «строгий, но справедливый» иммиграционный контроль, предполагавший значительное сокращение числа въезжающих на поселение в Великобританию [10]. Обсуждая предвыборную программу, лидер консервативной партии М. Тэтчер в эфире программы «World in action» 27 января 1978 г. обосновала жесткий подход к иммиграции тем, что британская политическая элита долгое время не уделяла внимания данной проблеме и это привело к росту электоральной поддержки крайне правой партии «Национальный фронт», выступавшей в 1970-х гг. на открыто расистских, антииммигрантских позициях [11]. Обсуждая будущее иммиграционной политики лидер партии тори заявила, что «это ужасно много (если в конце столетия в стране будет 4 млн иммигрантов), и я думаю, что британцы действительно напуганы тем, что эта страна может быть наводнена людьми с отличающейся культурой» [11]. Интервью М. Тэтчер получило широкую огласку, а сама она оказалась под огнем критики со стороны оппонентов из лейбористской и либеральной партий, утверждавших, что риторика лидера консерваторов создает в обществе напряжение между различными этническими группами [12]. Высказывания главы консервативной партии озаменовали собой окончание политического консенсуса в отношении проблем иммиграции и расовых отношений, который сложился в 1950–1960-х гг. и предполагал, что данные темы находятся вне политической повестки дня и не могут быть использованы в предвыборной кампании.

Проблематизация иммиграционного вопроса на уровне политического дискурса сопровождалась ухудшением взаимоотношений между полицией

и местными иммигрантскими сообществами. Исследователи отмечают, что во второй половине 1970-х гг. британская полиция стала активно использовать тактику арестов и досмотров подозреваемых без каких-либо реальных оснований, объясняя это необходимостью борьбы с криминалом. Использование такой тактики было особенно распространено в городских районах, где преимущественно проживали представители этнических меньшинств. Так, по данным британских властей в 1977–1979 гг. около 75 % всех задержанных в соответствии с законом о бродяжничестве были «черными», что по мнению членов специального комитета правительства не отражало реального состояния уличной преступности [13, р. 57–58].

Таким образом, на рубеже 1970–1980-х гг. сложилась напряженная ситуация в отношениях государства и этнических меньшинств. Проведенный по заказу Комиссии по расовым отношениям всебританский социологический опрос, посвященный восприятию жителями страны проблем расизма, показал серьезные изменения за период с 1975 г.: доля респондентов, считавших, что межрасовые отношения ухудшатся в ближайшие 5 лет, увеличилась с 13 % в 1975 г. до 47 % в 1981 г. [14, р. 14]. Следует отметить, что консервативное правительство М. Тэтчер было осведомлено о степени социально-политической напряженности в стране. Специальная комиссия из представителей нескольких министерств, созданная после столкновений между «цветной» молодежью и полицией в апреле 1980 г. в г. Бристоль, подготовила документ о возможных беспорядках в Великобритании в 1981 г. [15, р. 232]. Так, среди потенциальных источников социально-политической нестабильности авторы выделяли экомномические проблемы, деятельность групп, выступавших против распространения ядерного оружия, уэльский и шотландский экстремистский национализм, межрасовые отношения [15, р. 233]. Британские чиновники предполагали, что именно столкновения на расовой почве станут в 1981 г. главной проблемой для консервативного правительства. В качестве основного повода к таким конфликтам рассматривалась деятельность крайне правых экстремистских организаций (Национальный фронт, Британское движение, Новый Национальный фронт), которые организовывали марши и демонстрации, «хотя и мирные, но провоцирующие насилие со стороны их противников [15, р. 237]. С другой стороны, британские власти отмечали признаки роста «воинственности среди вест-индской молодежи по поводу таких вопросов, как безработица и Билль о гражданстве» [15, р. 237], а среди азиатов отмечался рост поддержки «коммунистически ориентированной» кампании против расовых законов» [15, р. 237].

Несмотря на то что в составе комиссии, анализировавшей бристольтские беспорядки, были представители различных департаментов и министерств (промышленности, энергетики, занятости, обороны, внутренних дел), британские чиновники не предлагали конкретных мер по снятию напряжен-

ности в обществе. В качестве основного инструмента по разрешению социально-политических конфликтов власти рассматривали полицию, которая «способна сдерживать любые беспорядки, используя свою власть и тактику, наработанную в последние годы» [15, р. 238].

Отсутствие полноценной стратегии в отношении проблемы межэтнических отношений в первые годы работы правительства М. Тэтчер в целом соответствовало послевоенному подходу консерваторов, который сочетал минимальное вмешательство властей в вопросы расовых отношений, но особое внимание к проблемам иммиграционного контроля и правопорядка. Показательно, что в переписке министерства внутренних дел Великобритании с удовлетворением замечалось, что, в результате дебатов в парламенте о бристольских беспорядках апреля 1980 г., глава этого ведомства У. Уайтлоу, «сумел избежать бремени разработки нового законодательства о расовых отношениях и успешно отложить решение данной проблемы» [16, р. 228].

Таким образом, в апреле 1981 г. британские власти рассматривали столкновения в Брикстоне и годом ранее в Бристоле как межрасовые конфликты, вызванные безработицей среди вест-индской молодежи и активностью крайне правых организаций, провоцировавших своими действиями насилие со стороны этнических меньшинств [15, р. 237]. Однако после беспорядков, произошедших летом 1981 г. в Манчестере и Ливерпуле, члены правительства провели ряд встреч с представителями этнических общин, церкви и полиции, в районах, которые наиболее пострадали от столкновений. В ходе этих визитов представителям властей стало понятно, что помимо социально-экономических причин беспорядки были обусловлены серьезным кризисом в отношениях между «цветным» населением страны и полицией.

Отчет Скармана

Отчет лорда Скармана о столкновениях в Брикстоне был представлен общественности 25 ноября 1981 г. И, хотя первоначально основной целью отчета должен был стать анализ социально-политической ситуации в конкретном районе Лондона, итоговый документ отразил основные проблемы в межрасовых отношениях Соединенного Королевства и стал важным общественно-политическим событием 1981 года. В историографии существуют диаметрально противоположные оценки отчета Скармана и его роли в формировании и осуществлении консервативной политики в сфере расовых отношений. Значительная часть представителей политического истеблишмента восприняла этот доклад с энтузиазмом [17, р. 92], считая, что он вскрыл основные проблемы расовых отношений в Великобритании и его рекомендации по усювершенствованию взаимодействия между полицией и местными иммигрантскими сообществами помогут исправить существующую ситуацию. С другой стороны, ряд исследователей считает, что сам доклад и язык, который использовал Л. Скарман, по сути являлись

расистскими [5, p. 158–159]. Так, Н. Деакин указывает на то, что Скарман «не понимал или не увидел, что основной причиной расовой дискриминации является деятельность правительства» [17, p. 94]. Через два года после выхода отчета Скармана в коллективной монографии «Скарман и после», посвященной политике консерваторов в 1981–1983 гг., авторы-составители во вступительной статье указали на то, что «отчет Скармана только подтолкнул бюрократическую машину (к реформе расовых отношений), но не смог ее завести» [2, p. 10–12].

Несмотря на важность отчета Скармана для построения более гармоничных взаимоотношений между полицией и этнорасовыми сообществами, следует отметить, что выводы данной комиссии для британских властей не являлись чем-то новым. Как было указано выше, консервативное правительство в целом понимало проблему еще до публикации отчета. Так, еще в январе 1981 г. М. Хезелтайн – один из влиятельных членов кабинета министров – писал министру внутренних дел о необходимости корректировки программы развития депрессивных городских районов в контексте улучшения расовых отношений [18, p. 214]. Консервативное правительство М. Тэтчер в целом позитивно оценило деятельность лорда Скармана, отметив, что его «работа имеет высокую значимость и важность» [19, p. 255]. В то же время власти выступили против рекомендаций по внедрению в Великобритании политики позитивной дискриминации, предложенной в отчете [20, p. 20].

Корректировка консервативной политики в области расовых отношений

Разрабатывая законы о расовых отношениях в середине 1960-х гг., британские власти опирались на американский опыт решения расовой проблемы. В это время правительство США предпринимает целый комплекс мер по расширению представительства дискриминируемых этнических и гендерных групп в общественно-политической и экономической жизни общества, который получил название позитивной дискриминации. После череды столкновений между полицией и представителями этнических меньшинств весной-летом 1981 г., которые М. Тэтчер назвала «реминисценцией гражданских беспорядков в США в 1960–1970-х гг.» [21, p. 137–140], правительство Великобритании направило министра по делам иммиграции Т. Резона в США для «изучения опыта этой страны в вопросах борьбы с дискриминацией, взаимоотношениям между полицией и (этническими) сообществами и мерам по оживлению деградирующих внутригородских районов» [20, p. 19].

Вернувшись из командировки, Т. Резон предоставил в распоряжение правительства краткий отчет с рекомендациями о возможной корректировке правительственной политики расовых отношений. Рассматривая амери-

канский опыт, министр по делам иммиграции выступил против практики позитивной дискриминации и квот на трудоустройство для отдельных расовых групп, так как «в США существует растущее беспокойство среди белых по этому вопросу» [20, р. 19–20]. В то же время он предлагал правительству смягчить риторику в отношении иммиграции и расовых отношений. По его мнению, британское правительство должно «не предоставлять отдельным социальным группам несправедливые преимущества над остальными, которые могут привести к недовольству, но продвигать меньшинства, находящиеся в ущербном положении на уровень большинства» [19, р. 255]. То есть взять на вооружение американский опыт продвижения этнических меньшинств по социальной лестнице через стимулирование бизнес-программ для таких лиц и формирования таким образом новой ролевой модели поведения для «цветных», которая на существовавший момент представляла их в Соединенном Королевстве как представителей низшего класса.

В качестве символических, но важных с его точки зрения мер Т. Резон предлагал следующие: вручить почетные награды представителям науки из меньшинств на ближайших торжествах, включить в выступления премьер-министра краткие тезисы о важности мультирасового общества в стране, продвигать бизнесменов из меньшинств (в особенности вест-индцев), назначить их на руководящие позиции в советы предпринимательства, согласовать список имен лиц из меньшинств, кого можно было бы приглашать на ужины и приемы, организованные премьер-министром [22, р. 1–2].

Предложения Т. Резона были созвучны мнению ряда членов партии тори, которые с середины 1970-х гг. стали продвигать идею о необходимости целенаправленного привлечения иммигрантов из среднего класса на свою сторону. Такая позиция была ответом на растущую долю «цветных» избирателей, большинство из которых поддерживало лейбористов. Чтобы не повторить участь Республиканской партии, которую поддерживали только 8 % цветного населения США, консерваторы предложили обратиться к тем ценностям партии, которые могли быть разделены «цветными» представителями среднего класса: предприимчивость, бережливость, трудолюбие, уважение к частной собственности [23, р. 288].

Таким образом, на протяжении 1981 г. точка зрения консервативного правительства на беспорядки в Брикстоне 10–12 апреля претерпела значительные изменения. В первые дни после событий они рассматривались как столкновения, спровоцированные межэтническими противоречиями, однако в ходе работы комиссии лорда Скармана британские власти осознали, что основной проблемой являются взаимоотношения этнических меньшинств с полицией. И хотя в историографии сложилась точка зрения о том, что отчет Скармана был ограниченным и мало повлиял на текущее положение «цветных» в британском обществе, необходимость соблюдать данные в отчете рекомендации принималась членами правительства и представлялась

в качестве генеральной линии консервативной партии в расовом вопросе [24, р. 8]. В этом контексте можно утверждать, что изменения в политике расовых отношений консервативной партии являлись необходимым компромиссом между стремлением руководства партии к жесткому подходу к межрасовым столкновениям и необходимостью получить голоса «цветных» британцев на выборах.

Список использованных источников

1. *Neild, B.* Margaret Thatcher's death greeted with street parties in Brixton and Glasgow / B. Neild // The Guardian [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2013/apr/08/margaret-thatcher-death-party-brixton-glasgow>. – Date of access: 01.07.2021.
2. *Benyon, J.* The riots, Lord Scarman and the political agenda / J. Benyon // Scarman and after: essays reflecting on Lord Scarman's report, the riots, and their aftermath / ed.by J. A. Benyon. – London: Elsevier Science & Technology, 1984. – P. 3–20.
3. Brixton Inquiry // The Times. – 15.06.1981. – Mode of access: <https://www.thetimes.co.uk/archive/article/1981-06-15/12/1.html?region=global#start%3D1981-04-01%26end%3D1982-01-01%26terms%3DBrixton%26back%3D/tto/archive/find/Brixton/w:1981-04-01%7E1982-01-01/1%26prev%3D/tto/archive/frame/goto/Brixton/w:1981-04-01%7E1982-01-01/2%26next%3D/tto/archive/frame/goto/Brixton/w:1981-04-01%7E1982-01-01/> – Date of access: 10.04.2020.
4. The black community in Brixton (The Lord Scarman Report, 1981) // Poverty and inequality in Britain (1942–1990): a selection of documents / J-C. Redonnet, T. Whitton. – Paris: Du temps, 1985. – P. 131–135.
5. *Jackson, N. M.* “A nigger in the New England”: “Sus”, the Brixton riot, and citizenship / N. M. Jackson // African and Black Diaspora: an international journal. – Vol. 8. – № 2. – P. 158–170.
6. House of Commons debates for 13 April 1981 col. 21 [Electronic resource] – 2021. – Mode of access : [https://hansard.parliament.uk/Commons/1981-04-13/debates/3453d3d1-6997-4911-8044-4899a4bfc260/Brixton\(Disturbances\)](https://hansard.parliament.uk/Commons/1981-04-13/debates/3453d3d1-6997-4911-8044-4899a4bfc260/Brixton(Disturbances)). – Date of access : 01.07.2021.
7. *Smith, E.* Once as history, twice as farce? The spectre of the summer of '81 in discourses on the August 2011 Riots / E. Smith // Journal of cultural research – Vol. 17. – № 3. – P. 124–143.
8. Великобритания. Эпоха реформ / А. А. Громько [и др.]; под общ. ред. А. А. Громько. – М.: Весь Мир, 2007. – 539 с.
9. Ethnic minority unemployment // Commission for Racial Equality. – July, 1980. – 20 p.
10. The Right Approach (Conservative policy statement) [Electronic resource]. – 1976. – Mode of access: <https://www.margaretthatcher.org/document/109439>. – Date of access: 12.07.2021.
11. Interview for Granada TV (27.01.1978) // The Thatcher Archive [Electronic resource]. – 1978. – Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/speeches/displaydocument.asp?docid=103485>. – Date of access: 01.07.2021.

12. House of Commons debates for 31 January 1978 col. 244-245 [Electronic resource] – 2021. – Mode of access: [https://hansard.parliament.uk/Commons/1978-01-31/debates/fd57e049-6a40-4233-8b5b-0092de9b80a2/PrimeMinister\(Engagements\)](https://hansard.parliament.uk/Commons/1978-01-31/debates/fd57e049-6a40-4233-8b5b-0092de9b80a2/PrimeMinister(Engagements))– Date of access: 01.07.2021.
13. *Peplow, S.* Race and riots in Thatcher's Britain / S. Peplow. – Manchester: Manchester University Press, 2020. – 371 p.
14. Race Relations in 1981: an attitude survey // Commission for racial equality. – November, 1981. – 18 p.
15. Review of potential for disturbance in 1981 // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 0484. – P. 232–240.
16. Unknown author (Note for 28 April 1980) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 0484. – P. 228.
17. *Deakin, N.* 'Lord Scarman's Bran-tub': an episode in the politics of urban disorder / N. Deakin // The London journal. – 1982. – No. 8-1. – P. 92 -94.
18. Letter from M. Heseltine to W. Whitelaw (7 May 1981) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 0484. – P. 214.
19. *Raison, T.* The view from the government / T. Raison // Scarman and after: essays reflecting on Lord Scarman's report, the riots, and their aftermath / ed.by J.A. Benyon – London: Elsevier Science & Technology, 1984 – P. 244–258.
20. Visit to USA (Note of the Secretary of State 26 October 1981) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 0484. – P. 18–21.
21. Thatcher, M. The Downing Street years / M. Thatcher. – London: Harper Collins, 1993. – 914 p.
22. Letter from the Private Secretary (24 November 1981) // TNA: PRO. – Dept.: PREM. – Series: 19. – Piece number: 1521. – P. 1–2.
23. *Francis, M.* Mrs Thatcher's peacock blue sari: ethnic minorities, electoral politics and the Conservative party, c. 1974–1986 / M. Francis // Contemporary British History. – Vol. 31. – 2017. – P. 274–293.
24. Memorandum on a Conservative strategy for the next two years [Electronic resource]. – 2021. – Mode of access: <https://c59574e9047e61130f13-3f71d0fe2b653c4f00f32175760e96e7.ssl.cf1.rackcdn.com/CCAD3D4207DE412D9246E726DC70076A.pdf>. – Date of access: 01.07.2021.

(Дата подачи: 02.02.2022 г.)

А. Зянько

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

A. Zenko

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94:379.81"18/19"(476)

СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ ТУРЫСТЫЧНАЙ І ЭКСКУРСІЙНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У XIX – ПАЧАТКУ XX СТ. У БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

FORMATION OF TOURIST AND EXCURSION ACTIVITIES IN THE ON BELARUSIAN LANDS IN THE XIX – EARLY XX CENTURY IN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY

У артыкуле аналізуецца ступень даследаванасці турыстычна-экскурсійнай справы на беларускіх землях у XIX – пачатку XX ст. ў беларускай гістарыяграфіі. Разглядаюцца пытанні перыядызацыі гісторыі турызму, перадумой зараджэння і развіцця турыстычна-экскурсійнай справы, фарміравання розных відаў турызму.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; перыядызацыя; падарожжа; турызм; экскурсіі; гісторыя турызму; Беларусь.

The article analyzes the stage of investigation of touristic-excursion rights in the Belarussian lands in the XIX century is a patch of the XX century in the Belarussian historiography. The issues of periodization of the tourism history, the precondition for the origin and development of tourism and excursion business, the formation of different types of tourism are considered.

Keywords: historiography; periodization; traveling; tourism; excursions; history of tourism; Belarus.

Тэма зараджэння і развіцця турыстычна-экскурсійнай справы на беларускіх землях у XIX – пачатку XX ст. вывучана не ў поўнай меры. У савецкай і сучаснай расійскай гістарыяграфіі яна практычна не закранаецца, у беларускай гістарыяграфіі актывізацыя даследаванняў гісторыі турызму Беларусі назіраецца з канца 90-х гг. мінулага стагоддзя. У асноўным яна прадстаўлена асобнымі главамі манаграфій і артыкуламі, вучэбнымі дапаможнікамі. Практычна ўсе даследчыкі разглядаюць праблему станаўлення і развіцця айчыннай турыстычна-экскурсійнай справы ў XIX – пачатку XX ст. у рэчышчы развіцця расійскага турызму, так як узаема сувязь працэсаў выклікана знаходжаннем у гэты час беларускіх зямель у складзе Расійскай імперыі.

У беларускай гістарыяграфіі адсутнічае адзінае меркаванне наконт перыядызацыі гісторыі турызму. У яе аснову даследчыкі ўкладаюць розны комплекс фактараў – агульнагістарычную перыядызацыю, развіццё тэхнічнага прагрэсу, сацыяльныя і культурныя пераўтварэнні, улічваюць сусветныя і еўрапейскія тэндэнцыі.

Адной з першых спроб навуковага падыходу да разгляду гэтага пытання стала перыядызацыя, прапанаваная ў дапаможніку для студэнтаў факультэта міжнародных адносін «Турызм у Беларусі». Яго аўтары (Л. М. Гайдукевіч, А. І. Тарасёнак, Д. Р. Рашэтнікаў і Н. І. Паляшчук) выдзяляюць наступныя этапы развіцця турызму на беларускіх землях:

1-ы этап – развіццё турызму ў Беларусі ў перыяд зараджэння турызму як новай сацыяльна-эканамічнай з’явы (пач. XIX ст. – 1918 г.);

2-і этап – развіццё турызму ва ўмовах сацыялістычнай мадэлі гаспадарання (1919–1990-я гг.);

3-і этап – развіццё турызму ў перыяд станаўлення рынкавых адносін у Рэспубліцы Беларусь (з 1991 г.) [13, с. 20–23].

Яны лічаць, што перыяд, пачынаючы з Полацкага княства (IX ст.) да XIX ст., з’яўляецца перадэтапам развіцця турызму, таму што «турызму як такога» не існавала, а выражаўся ён толькі падарожжамі знаці і паломніцтвам. Даследчыкі сцвярджаюць, што «развіццё турызму як сацыяльна-эканамічнай з’явы ў Беларусі пачынаецца ў XIX ст.» [13, с. 20]. На іх думку гэта выклікана прамысловай рэвалюцыяй, уцягваннем у падарожжы больш шырокіх грамадскіх пластоў насельніцтва, змяненнем структуры спажывецкіх запытаў буржуазіі і інш. Аднак азначаныя працэсы, па меркаванню аўтараў, на беларускіх землях набылі слабаакрэслены характар.

У манаграфіі «Гісторыя турызму ў Беларусі» Г. Ф. Шапавал не прадстаўляе ўласнай перыядызацыі гісторыі турызму, а разглядае яго зараджэнне і развіццё на беларускіх землях са старажытных часоў да пачатку XXI ст. на аснове агульнагістарычнай перыядызацыі і найбольш падрабязна даследуе савецкі перыяд [16].

У вучэбным дапаможніку «Арганізацыя турызму» змешчана наступная перыядызацыя, якую аўтары (А. П. Дуровіч, Н. І. Кабушкін, Т. М. Сяргеева і інш.) лічаць агульнапрынятай:

1. Да пачатку XIX ст. – элітарны турызм, зараджэнне спецыялізаваных прадпрыемстваў па вытворчасці турыстычных паслуг.

2. XIX ст. – Першая сусветная вайна – рэвалюцыйныя змены ў развіцці транспарту, стварэнне першых бюро падарожжаў.

3. Перыяд паміж двума войнамі – пачатак станаўлення масавага турызму.

4. Пасля Другой сусветнай вайны – сучасны этап – масавы турызм, фарміраванне турыстычнай індустрыі як міжгаліновага комплексу па вытворчасці тавараў і паслуг для турызму [10, с. 7].

Даследчыкі лічаць, што «Першы этап вызначаецца як перадгісторыя турызму». Да XIX ст. падарожжы характарызаваліся прымітыўнымі сродкамі перамяшчэння, а само падарожжа з’яўлялася не мэтай, а сродкам яе дасягнення [10, с. 7].

Другі этап звязаны з павышэннем якасці і надзейнасці транспартных сродкаў, іх большай таннасцю, скарачэннем рабочага часу. Да таго ж, узнікаюць першыя гасцініцы, а к сярэдзіне XIX ст. – першыя бюро падарожжаў, пашыраецца турыстычны попыт [10, с. 8].

Калектыў аўтараў (А. Н. Дулаў, К. А. Дзюхова, Д. В. Юрчак.) у манаграфіі «Гісторыя падарожжаў і турызму» аналізуе розныя варыянты перыядызацыі, як айчынныя, так і замежныя, і прыходзіць да высновы, што ў гісторыі турызму можна выдзеліць наступныя этапы:

- перадгісторыя турызму (ад старажытнасці да пачатку XIX ст.);
- элітарны турызм (ад пачатку XIX да пачатку XX ст.);
- пачатак станаўлення сацыяльнага турызму (ад пачатку XX ст. да Другой сусветнай вайны);
- масавы турызм (ад Другой сусветнай вайны да нашых дзён) [6, с. 29].

Першы этап аўтары называюць «протатурызмам», які заклаў асновы турызму XIX ст. У разглядаемы намі перыяд (ад пачатку XIX да пачатку XX ст.), на думку аўтараў, турызм узнікае як сацыяльная з’ява дзякуючы развіццю капіталізму і росту матэрыяльнай забяспечанасці асобных слаёў насельніцтва, «транспартнай рэвалюцыі», удасканаленне сэрвісу. Аднак «турыстычныя паездкі хоць і насілі масавы характар, тым не менш, былі даступныя далёка не ўсім. Апошнія і абумовіла элітарны характар турызму ў XIX ст.» [6, с. 30].

Н. М. Якуш у вучэбным дапаможніку «Гісторыя і геаграфія турызму ў Беларусі» таксама апіраецца на прапанаваную перыядызацыю [19]. На думку даследчыцы ў XIX ст. «адбываецца станаўленне ўласна турызму». Як і папярэднія аўтары, Н. М. Якуш лічыць турызм у азначаны час элітарным, так як падарожнікі складалі нязначную меншасць грамадства, а перадумовы яго з’яўлення бачыць у прамысловым перавароце, урбанізацыі і фарміраванні новай сацыяльнай структуры грамадства [19, с. 21].

І. Н. Яхнавец звяртаецца да грамадзянскага заканадаўства ў турыстычнай сферы і прапануе перыядызацыю, у аснову якой пакладзена ступень прававога рэгулявання станаўлення і развіцця турыстычнай дзейнасці на тэрыторыі Беларусі. Даследчык выдзяляе пяць этапаў: першы этап – да XIII в.; другі – XIII в. – 1917 г.; трэці – 1917–1969 гг.; чацвёрты – 1969–1991 гг.; пяты – 1991–2010 гг. Пачатак фарміравання турыстычнага заканадаўства аўтар адносіць да часоў ВКЛ, але лічыць, што «толькі пачынаючы з XIX ст. можна гаварыць аб яго нарматыўным прававым рэгуляванні ў сучасным сэнсе» [20, с. 171]. На нашу думку, аб’яднанне ў другім этапе таго ж беларускія землі з XIII в. па 1917 г. знаходзіліся ў складзе розных дзяржаў. Трэба адзначыць, што аўтар ужывае тэрміны «класіфікацыя»

і «перыядызацыя» турызму ў якасці сінонімаў, што на наш погляд з’яўляецца не зусім карэктным.

Адной з перадумоў зараджэння турыстычна-экскурсійнай справы ў Беларусі з’яўляецца навукова-даследчая дзейнасць па вывучэнні краю. Пасля далучэння беларускіх зямель да Расійскай імперыі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай пачынаецца этап комплекснага вывучэння Беларусі расійскімі навукоўцамі (І. І. Ляпёхін, В. М. Севергін, М. К. Любаўскі, І. І. Жылінскі і інш.), дзяржаўнымі органамі і ваенным ведамствам. Такія даследаванні аказалі значны ўплыў на фарміраванне ўяўленняў аб Паўночна-Заходнім краі [6, с. 96; 16, с. 31]. Для фарміравання новай беларускай культуры, станаўлення нацыянальнага самавызначэння і, такім чынам, стварэння аўтаномнай турыстычнай справы, вучоныя адзначаюць важнасць падарожжаў і экспедыцый па родным краі вучоных-выхадцаў з беларускіх губерняў А. П. Сапунова, І. Гарбачэўскага, Е. Р. Раманова, Н. Нікіфароўскага і інш. [19, с. 63; 13, с. 24]. Важкі ўклад у вывучэнне краю ўнёс і М. В. Каяловіч, які ў 1862 г. наведаў найбольш значныя гарады Беларусі [9].

Гісторыкі таксама закранаюць пытанне ўдзелу нашых суайчыннікаў у навуковых даследаваннях Расійскай імперыі па ўсяму свету (О. М. Кавалёўскі, Гашкевіч, К. М. Ельскі, І. П. Чэрскі, І. Дамейка, Н. К. Судзілоўскі і інш.) [19, с. 65–66; 6, с. 98–99].

Беларускія вучоныя немалаважнае значэнне для станаўлення турыстычна-экскурсійнай дзейнасці надаюць крэйзнаўчым даследаванням прадстаўнікоў мясцовай шляхты і творчай інтэлігенцыі. Сярод іх вылучаюць У. Сыракомлю (Людвік Кандратовіч), П. Шпілёўскага, Ю. Нямецвіча, Н. Орду і інш. [6, с. 96–97]. Аб наяўнасці ў XIX ст. грамадска-крэйзнаўчага руху, які спрыяў развіццю турызму, указвае Л. М. Гайдукевіч з саўтарами [13, с. 23]. Гэту думку падзяляе і І. В. Грабянчук, які сцвярджае, што: «У Беларусі на працягу другой паловы XIX – пачатку XX ст. крэйзнаўства паступова набывала папулярнасць сярод шырокіх колаў насельніцтва, перастаўшы быць справай толькі асобных даследчыкаў-энтузіястаў» [5, с. 55]. Наяўнасць добрых традыцый крэйзнаўства на базе Вільні і Гродна яшчэ ў канцы XVIII – XIX ст. адзначае С. І. Бусько [4, с. 102].

Падарожжа па беларускіх губернях ажыццяўляюць і польскія пісьменнікі і даследчыкі: Ю. Крашэўскі, К. Кортны, Я. Маяркевіч, Э. Хлапіцкі [6, с. 96]. Наведваюць Беларусь і замежныя вандроўнікі (Р. Пінкертон, Д. Рэйнбек, Б. Тэйлар).

У работах, прысвечаных гісторыі турызму, пэўная ўвага надаецца сацыяльна-эканамічным аспектам развіцця беларускага грамадства ў XIX – пачатку XX ст., што дазваляе прасачыць ушлыў эканамічных змен на эвалюцыю транспартных сродкаў, развіццё інфраструктуры і сэрвісу, сродкаў сувязі, паляпшэнне шляхоў зносін [6, с. 98].

Адным з пытанняў у даследаваннях прадстаўнікоў сучаснай айчынай гістарыяграфіі з’яўляецца і высвятленне перыяду, з якога турызм можна лічыць масавай з’явай. Штуршком для пераўтварэння падарожжаў у масавую з’яву даследчыкі лічаць будаўніцтва чыгунак [6, с. 99; 13, с. 24]. У той жа час Н. М. Якуш асобна падкрэслівае, што «... турыстычная інфраструктура складалася і ўмацоўвалася і па меры пракладкі па тэрыторыі Беларусі пасіраваных дарог...» [19, с. 79].

Большасць навукоўцаў звязваюць станаўленне масавага турызму ў Беларусі са з’яўленнем веласіпеда і дзейнасцю ў беларускіх гарадах аддзяленняў Рускага таварыства веласіпедыстаў-турыстаў [6, с. 100; 19, с. 81; 13, с. 24]. Найбольш лаканічнае адлюстраванне гэтага пытання знайшло ў артыкулах С. І. Бусько, які займаючыся праблемай развіцця спорту і фізічнай культуры на тэрыторыі Беларусі ў XIX – пачатку XX ст., закранае і пытанні развіцця веласіпеднага турызму, называючы веласіпед адным з сімвалаў экскурсійнай справы. У сваіх работах аўтар прыйшоў да высновы, што: «Веласіпед займаў адно з важнейшых месцаў у развіцці беларускага грамадства, якое імкліва змянялася на рубяжы XIX–XX стст. Ён стаў адным з цэнтраў развіцця спорту, ... спрыяў узнікненню турызму як масавай грамадскай з’явы» [3, с. 28].

Не абмінулі даследчыкі і станаўленне лячэбнага турызму на беларускіх землях [14; 13, с. 23; 19, с. 80–81]. Ужо ў першай палове XIX ст. жыхары Беларусі адпраўляюцца на мясцовыя мінеральныя крыніцы (Шклоў, Крычаў), серныя воды (Відзы), жалезістыя крыніцы ў Лагойску, а ў другой палове XIX ст. наведваюць прыватны санаторый ў Баркаўшчыне, а ў пачатку XX ст. лячэбніцу І. Здановіча. Як падкрэслівае калектыў даследчыкаў: «Першыя прыватныя санаторыі можна лічыць першымі аб’ектамі турызму, якія мелі мясцовае значэнне» [13, с. 23]. Да таго ж, яны звяртаюць ўвагу на той факт, што наведваць беларускія курорты маглі сабе дазволіць і не самыя багатыя грамадзяне. Згадваюцца падарожжы з мэтай адраўлення ў Крым і краіны Заходняй Еўропы [6, с. 99].

Акрамя спецыяльных даследаванняў пытанні станаўлення турыстычна-экскурсійнай справы ў XIX – пачатку XX ст. закранулі і іншыя гісторыкі, найбольш ў кантэксце тэм развіцця адукацыі. У цэлым неабходна адзначыць, што пытанне станаўлення і развіцця адукацыйнага турызму ў азначаны перыяд найбольш распрацавана. Адным з першых да яго разгляду звярнуўся С. Н. Багданаў. Аўтар адзначае, што на рубяжы XIX – пачатку XX ст. з’явіліся тэрміны «экскурсійны метады выкладання» і «экскурсійная педагогіка», што сведчыць аб актыўным выкарыстанні экскурсій ў навучальным працэсе, асабліва для прыродазнаўчых прадметаў, і ў выхаванні навучэнцаў. Так, у 1910 г. звыш 5 тысяч навучэнцаў Беларусі прынялі ўдзел у экскурсіях [1, с. 29]. Даследчык звяртае ўвагу на той факт, што ў навучальных установах ствараюцца спецыяльныя экскурсійныя камісіі, якія

адказвалі за арганізацыю гэтых справы на працягу навучальнага года, а некаторыя планавалі нават больш 40 экскурсій у год.

Аб правядзенні прыродазнаўчых экскурсій у пачатковай школе ў 1900-я гг. нагадвае ў сваім артыкуле І. М. Шаруха [17, с. 79]. Цікавае даследаванне ў дадзеным кірунку праведзена Ф. Ігнатовічам. У прыватнасці, у яго працы прааналізавана арганізацыя навукова-даследчых і біёлага-экалагічных экскурсій ў дарэвалюцыйнай Беларусі. На аснове аналізу архіўных і музейных крыніц аўтар робіць вывад, што экскурсіі біёлага-экалагічнай накіраванасці з'явіліся ўжо ў другой палове XVIII ст. і звязаны з навукова-педагагічнай дзейнасцю Ж. Э. Жылібера [7].

Да пытання арганізацыі вучнёўскіх экскурсій, іх ролі ў навучальным працэсе ў XIX – пачатку XX ст., а таксама адносін да такой формы правядзення заняткаў з боку Міністэрства народнай асветы звяртаецца С. І. Бусько. Аўтар вызначае асаблівасці арганізацыі і правядзення турызму ў нацыянальных рэгіёнах Расійскай імперыі, у тым ліку Беларусі, і лічыць іх адной з форм мірнай барацьбы за захаванне культурнай самабытнасці, і прыводзіць пазіцыю «Нашай Нівы» па дадзеным пытанні [4]. Таксама вызывае цікавасць артыкул аўтара, прысвечаны воднаму падарожжы кадэтаў Полацкага корпуса ад Полацка да Рыгі [2].

На аснове аналізу інфармацыі, змешчанай у газеце «Гомельскае слова», А. Г. Яшчанка падрабязна апісала правядзенне вучнёўскіх экскурсій навучальнымі ўстановамі Гомеля ў пачатку XX ст. [21]. В. М. Астрога разгледзіла арганізацыйныя моманты, асаблівасці і кірункі адукацыйных паездак і экскурсій настаўнікаў Беларусі ў пачатку XX ст. [11].

А. Л. Ільін да фактараў, якія спрыялі актыўнаму развіццю школьна-экскурсійнай справы, адносіць паляпшэнне шляхоў зносін і павышэнне матэрыяльнага ўзроўню жыцця насельніцтва, а таксама разуменне педагогамі і настаўнікамі эфектыўнасці такога сродка навучання і выхавання. Так як і С. І. Бусько, даследчык звяртае ўвагу на падтрымку вучнёўскіх экскурсій з боку дзяржаўнай улады з мэтай выхавання моладзі ў «манархічна-рэлігійным духу» [8, с. 48]. А. Л. Ільін, выкарыстоўваючы багаты мясцовы факталагічны матэрыял, разглядае развіццё экскурсійнай справы ў навучальных установах Пінска і робіць вывад, што да пачатку XX ст. «Пінск стаў буйнейшым цэнтрам арганізацыі і правядзення школьных экскурсій на тэрыторыі сучаснай Беларусі...» [8, с. 51].

На аснове аналізу даследаванняў беларускіх гісторыкаў складаецца ўражанне, што экскурсіі ў навучальным працэсе ў другой палове XIX – пачатку XX ст., асабліва пры выкладанні прыродазнаўчых прадметаў, выкарыстоўваліся нават часцей, чым у сучасным.

Такім чынам, у сучаснай беларускай гістарыяграфіі паўтараюцца ідэі адсутнасці на тэрыторыі Беларусі да пачатку XX ст. масавага турыстычна-экскурсійнага руху. Сярод прычын такой сітуацыі даследчыкі выдзяляюць

слабасць нацыянальнай інтэлігенцыі, якая не змагла ўзначаліць экскурсійна-турыстычную справу, адсутнасць земстваў і палітыку русіфікацыі, што праводзілася расійскай уладай [4, с. 102]. Як адзначае Н. М. Якуш, «Геаграфія турыстычна-экскурсійнай дзейнасці ахоплівала ў асноўным цэнтральныя і паўднёвыя рэгіёны Расіі, а беларускія губерні заставаліся культурнай і палітычнай перыферыяй імперыі» [19, с. 78]. Гэта меркаванне падзяляюць М. Гайдукевіч, А. І. Тарасёнак і інш.: «У той час беларускія землі былі прамыслова адсталай правінцыяй Расійскай імперыі і ў сувязі з гэтым уступалі па шэрагу сацыяльна-эканамічных паказчыкаў ўзроўня жыцця, што абцяжарвала развіццё турызму» [13, с. 22]. Нягледзячы на гэта, абсалютная большасць даследчыкаў згодна з тым, ў XIX ст. адбываецца станаўленне «турыстычнай Беларусі»: экскурсійны метаад актыўна ўкараняецца ў навучальны і выхаваўчы працэс, пашыраецца краязнаўства, пачынаецца выданне турыстычна-даведачнай літаратуры [18, с. 64], «зародзіліся формы турызму, звязаныя з лячэннем, аздаравленнем, пазнавальнай і спартыўнай дзейнасцю» [13, с. 24], ствараюцца новыя шляхі зносін, удасканалваецца транспарт, інфраструктура, сэрвіс і г. д.

Тым не менш, кароткі агляд стану распрацаванасці праблемы паказвае недастатковую ступень вывучанасці пытання станаўлення і развіцця экскурсійна-турыстычнай справы на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст. у навуковай гістарычнай літаратуры. Адным з напрамкаў далейшых даследаванняў можа стаць напісанне асобнай комплекснай працы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Багданаў, С. Н. Арганізацыя школьных экскурсій у дарэвалюцыйнай Беларусі / С. Н. Багданаў // Адукацыя і выхаванне. – 1996. – № 2. – С. 28 – 31.
2. Бусько, С. И. «Из варяг в греки»: плавание кадет полоцкого корпуса в Ригу как пример системы физического воспитания нового типа / С. И. Бусько // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2019. – Вып. 3. – С. 207–214.
3. Бусько, С. И. Велосипед в повседневной жизни белорусских губерний (конец XIX – начало XX в.) / С. И. Бусько // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Минск: БДУ, 2014. – Вып. 9. – С. 22–29.
4. Бусько, С. И. Экскурсионно-туристическая деятельность в системе образования в белорусских губерниях (начало XX в.) / С. И. Бусько // София. – 2017. – № 1. – С. 101–106.
5. Грабянчук, I. В. Краязнаўства як сацыяльная з’ява ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. і яго выхаваўчае значэнне патрыятызм і патрыятычнае выхаванне в контексте вызоваў сучаснасці: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 мая 2019 г. / I. В. Грабянчук // Институт пограничной службы Республики Беларусь; гл. ред. Г. П. Коршунов. – Минск: ИПС РБ, 2019. – С. 54–56.

6. Дулов, А. Н. История путешествий и туризма: монография / А. Н. Дулов, К. А. Дюхова, Д. В. Юрчак. – Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2011. – 139 с.

7. Игнатович, Ф. Организация научно-учебных экскурсий биологическо-экологической направленности в учреждениях образования северо-западного региона дореволюционной Беларуси / Ф. Игнатович // Румлёўскія старонкі: турыстычны патэнцыял нацыянальнай культурна-гістарычнай спадчыны Панямоння: матэрыялы III адкрытай рэгіянальнай навука.-прак. канф. па праблемах рэгіяналістыкі і краязнаўства «Румлёўскія чытанні», Гродна, 19 лютага 2009 г. / Гродзенскі дзяржаўны ун-т; рэдкал.: В. В. Швед [і інш.]. – Гродна, 2010. – С. 52–61.

8. Ильин, А. Л. Организация и проведение экскурсий в учебных заведениях дореволюционного Пинска / А. Л. Ильин // Туризм и гостеприимство: научно-практический журнал. – 2014. – № 1. – С. 47–52.

9. Кузьма, Д. И. Падарожжа М. В. Каяловіча па Беларусі ў 1862 г. / Д. И. Кузьма // Вышэйшая школа – 2010. – № 3. – С. 55–58.

10. Организация туризма: учеб. пособие / А. П. Дурович [и др.]; под ред. Н. И. Кабушкина. – Минск: Новое знание, 2003. – 632 с.

11. Острога, В. М. Образовательные экскурсии и поездки учителей Беларуси (начало XX в.) / В. М. Острога // Из истории науки Беларуси: к 25-летию исторического факультета БрГУ им. А. С. Пушкина: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конференции, Брест, 25–26 нояб. 2016 г.: в 2 ч. / БрГУ им. А. С. Пушкина. – Брест, 2018. – Ч. 1. – С. 236–243.

12. Трацяк, I. I. У вытоках беларускай гасціннасці / I. I. Трацяк // Туризм в Республике Беларусь: состояние и перспективы развития: материалы Респуб. науч.-прак. конф., Гродно, 19–20 нояб. 2009 г. / Гродненский гос. ун-т; редкол.: И. И. Веленто, С. В. Донских (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2011. – С. 95–101.

13. Туризм в Беларуси: пособ. для студентов факультета международных отношений специальности Э.01.09.00 «Менеджмент» специализации Э.01.09.10 «Менеджмент международного туризма» / Л. М. Гайдукевич [и др.]. – Минск: БГУ, 2001. – 133 с.

14. Фоменок, О. И. История оздоровительного туризма в Республике Беларусь / О. И. Фоменок // Современные технологии в сфере туризма, гостеприимства, рекреации, экскурсоведения и физической культуры: материалы Междунар. науч.-практ. конф., проводимой в рамках VIII Форума творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ, Минск, 24 сент. 2013 г.: в 2 ч. / Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ; редкол.: Т. Д. Полякова (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Ч. 1. – С. 119–121.

15. Шаповал, Г. Ф. История туризма / Г. Ф. Шаповал. – Минск: РИВШ, 2002. – 255 с.

16. Шаповал, Г. Ф. История туризма Беларуси / Г. Ф. Шаповал. – Минск: РИВШ, 2006. – 164 с.

17. Шаруха, I. M. Гісторыя пачатковай прыродазнаўча-геаграфічнай адукацыі на Беларусі (1860–1920) / I. M. Шаруха // Адукацыя і выхаванне. – 1999. – № 1–2. – С. 78–83.

18. Якуш, Н. М. Историческое наследие и культурный туризм Беларуси / Н. М. Якуш // Труды БГТУ: научный журнал. – 2020. – № 1. – С. 64–68.

19. Якуш, Н. М. История и география туризма в Беларуси: учеб. пособие для учреждений высшего образования по специальности «Туризм и природопользование» / Н. М. Якуш. – Минск: БГТУ, 2012. – 212 с.

20. Яхновец, И. Н. Периодизация гражданского законодательства о туризме от зарождения белорусской государственности до нашего времени / И. Н. Яхновец // Право.by. – 2011. – № 1. – С. 171–176.

21. Яценко, О. Г. Ученические экскурсии гомельчан накануне Первой мировой войны / О. Г. Яценко // Известия Гомел. ун-та им. Ф. Скорины. – Гомель, 2010. – № 6(63). – С. 205–211.

(Дата падачы: 22.02.2022 г.)

A. С. Кандраценка

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

A. Kandratsenka

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(437.3)“1939/1945”

НЯМЕЦКАЯ ПАРТЫЯ І ЯЕ ўПЛЫў НА СТАНОВІШЧА КАРПАЦКІХ НЕМЦАў У СЛАВАЦКАЙ РЭСПУБЛІЦЫ ў ГАДЫ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

THE GERMAN PARTY AND ITS INFLUENCE ON THE SITUATION OF THE CARPATHIAN GERMANS IN THE SLOVAK REPUBLIC IN THE YEARS OF THE SECOND WORLD WAR

У артыкуле разглядаецца уплыў Нямецкай партыі на становішча карпацкіх немцаў Славацкай Рэспублікі ў 1939–1945 гг. Асобая ўвага надаецца станаўленню партыі, яе структуры і арганізацыі. Вызначаны правы статус, роля і месца Нямецкай партыі ў славацкай палітычнай сістэме і сярод нямецкага насельніцтва Славакіі. Акрэслена дзейнасць уласных ваенізаваных фарміраванняў, культурных і спартыўных аб'яднанняў, нямецкамоўных адукацыйных устаноў. Нямецкая партыя выступала рэгулятарам узаемаадносін паміж Берлінам і Браціславай. Дадзена ацэнка арганізацыйным мерапрыемствам па эвакуацыі немцаў з тэрыторыі Славакіі падчас і пасля Славацкага нацыянальнага паўстання.

Ключавыя словы: Славацкая Рэспубліка; карпацкія немцы; Нямецкая партыя; эвакуацыя нямецкага насельніцтва.

The article examines the influence of the German party on the position of the Carpathian Germans in the Slovak Republic in 1939–1945. Particular attention is paid to the formation of the party, its structure and organization. The legal status, role and place of the German party in the Slovak political system and among the German population of Slovakia are determined. The activities of their own paramilitary formations, cultural and sports associations, as well as

german-speaking educational institutions are described. The German party was the regulator of relations between Berlin and Bratislava. An assessment is given of the organizational measures for the evacuation of the Germans from Slovakia during and after the Slovak National Uprising.

Keywords: Slovak Republic; Carpathian Germans, German party, evacuation of the German population.

У міжваенны перыяд у Славакіі назіралася значная палітычная актыўнасць нямецкай нацыянальнай меншасці. Яна праяўлялася ў стварэнні палітычных партый, погляды якіх вагаліся ад кансерватыўных да радыкальных. У Браціславе і Цэнтральнай Славакіі немцы гуртаваліся вакол Карпатанямецкай партыі (Karpathendeutsche Partei, далей – КНП), у той час як у Спішы дамінавала правенгерская Спішсканямецкая партыя.

Пасля Мюнхенскай канферэнцыі 1938 г. былы старшыня Карпатанямецкай партыі Ф. Кармазін звярнуўся да славацкага ўрада з просьбай дазволіць працу створанай 10 кастрычніка 1938 г. Нямецкай партыі (Deutsche Partei, далей – НП), на што атрымаў станоўчы адказ. 12 кастрычніка 1938 г. кіраўнікі рэгіянальных аддзяленняў былой КНП атрымалі ліст, у якім ішла гаворка аб перадачы маёмасці і дакументаў новаўтворанай партыі.

Ідэалогія Нямецкай партыі фарміравалася пад уплывам нацысцкай Германіі. Яе структура і знешняя сімволіка былі скапіраваны з Нацыяналісцкай партыі нямецкай рабочай партыі. Партыйнае кіраўніцтва лічыла, што карпацкія немцы з’яўляюцца неразрыўнай часткай Вялікай нямецкай нацыі. Ф. Кармазін неаднаразова заяўляў, што ён павінен уцягнуць кожнага немца Славакіі ў барацьбу Германіі за кантроль над Еўропай [11, s. 19].

Улады Германіі віталі стварэнне Нямецкай партыі і станоўча адзеньвалі дзеянні славацкіх улад у дачыненні да карпацкіх немцаў. Маючы падтрымку з боку Берліна, Ф. Кармазін імкнуўся атрымаць выключныя правы для немцаў у Славакіі і наладзіць працу партыі як «дзяржаву ў дзяржаве» [18, s. 472].

У сваю чаргу кіраўніцтва аўтаномнага славацкага ўрада разлічвала на развіццё добрых адносін з Германіяй, а таму заяўляла, што нямецкая меншасць надалей будзе адыгрываць ролю пасрэдніка паміж Браціславай і Берлінам [21, s. 194].

Пасля абвяшчэння незалежнасці Славацкай Рэспублікі 14 сакавіка 1939 г. карпацкія немцы сталі грамадзянамі Славакіі. У адрозненні ад немцаў – былых грамадзян Чэхаславакіі, якія пражывалі на тэрыторыі Пратэктарата Чэхія і Маравія, яны не атрымалі нямецкага грамадзянства.

Нямецкая меншасць была самай вялікай этнічнай групай у Славацкай Рэспубліцы. Па выніках перапісу 1940 г. яе колькасць складала 129 552 чалавек, альбо 5,05 % ад усіх жыхароў Славакіі. Карпацкія немцы пераважна пражывалі ў трох рэгіёнах: Браціслава і яе ваколіцы, Верхненітранска-Крэмніцкая вобласць (т. зв. Хаурлэнд), паўночны і паўднёвы Спіш [23, s. 139].

Прынцыпы нацыянальнай палітыкі Славацкай Рэспублікі былі сфармуляваны ў Канстытуцыі ад 21 ліпеня 1939 г. [24]. Яна гарантавала права этнічных груп на палітычную і культурную арганізацыю, дазваляла наладжваць і развіваць культурныя кантакты са сваёй нацыянальнай дзяржавай. Паводле Канстытуцыі меншасці маглі прымаць удзел у грамадска-палітычным жыцці Славакіі. Больш дэтальна гэта было прапісана ў прынятым 15 мая 1940 г. Законе аб палітычных партыях нацыянальных меншасцей, які абазначыў асноўныя ўмовы стварэння, функцыянавання і роспуску партый [26]. На яго падставе 14 кастрычніка 1940 г. Міністэрства ўнутраных спраў Славацкай Рэспублікі пацвердзіла рэгістрацыю Нямецкай партыі [25]. Яна мела права прызначаць кіраўнікоў у мясцовыя і гарадскія камітэты нямецкамоўных раёнаў, а таксама накіроўваць сваіх прадстаўнікоў у Дзяржаўны савет [14, s. 123]. Акрамя таго, Нямецкая партыя мела прадстаўнікоў ў славацкім парламенце: пасля выбараў 1938 г. імі былі Ф. Кармазін і Дж. Штайнхюбель, да якіх далучыўся З. Кейл, а ў 1941 г. – А. Габрыэль [18, s. 473]. Такім чынам Нямецкая партыя мела шырокія правы на прадстаўленне інтарэсаў нямецкай меншасці ў грамадска-палітычным жыцці Славакіі.

Ключавую ролю ў Нямецкай партыі адыгрываў яе лідар Ф. Кармазін. Урадженец Аламоўца, да вайны ён займаў кіруючыя пасады ў Карпата-нямецкай партыі і быў намеснікам старшыні Судэта-нямецкай партыі К. Генлейна ў Славакіі і Падкарпацкай Русі. Яго абранне было афіцыйна зацверджана Арганізацыяй кіравання немцамі замежжа, якая дзейнічала ў Германіі і праводзіла работу сярод этнічных немцаў за яе межамі [20, s. 134].

На працягу 1938–1940 гг. Ф. Кармазін здолеў аб'яднаць значную частку карпацкіх немцаў пад эгідай Нямецкай партыі. Яна дзейнічала ў 7 раёнах, дзе існавала 129 мясцовых груп. У студзені 1940 г. колькасць зарэгістраваных партыйцаў дасягнула 60 000 чалавек [6, s. 142]. Забяспечвалі дзейнасць партыі каля 3 800 функцыянераў [4, s. 210].

На думку Ф. Кармазіна, немцы Славакіі павінны былі стаць прыкладам суіснавання нямецкай этнічнай групы з дамінуючай нацыяй, які мусіў быць узорам для другіх нямецкіх меншасцей у Паўднёва-Усходняй Еўропе [9, s. 157].

Поспехі нямецкай арміі на першых этапах Другой сусветнай вайны і актыўная прапаганда з боку Нямецкай партыі выклікалі рост нацыяналістычных настрояў сярод карпацкіх немцаў. Меркавалася, што менавіта яны будуць правадніком германскіх інтарэсаў у Славакіі [1, с. 324].

Важнае месца Нямецкая партыя адводзіла выхаванню будучых пакаленняў карпацкіх немцаў. З дазволу славацкага ўрада ў краіне была створана Арганізацыя нямецкай моладзі (Deutsche Jugend – далей НМ), узорам для якой служыў нямецкі гітлерюгенд. Членамі НМ маглі стаць юнакі

ва ўзросце 10–18 гадоў і дзяўчаты 10–21 года. Ідэйнай асновай дадзенага аб’яднання выступаў нацыянал-сацыялізм [18, s. 496].

Значную ўвагу партыйнае кіраўніцтва надавала пытанням арганізацыі навучання на нямецкай мове. Са згоды славацкіх уладаў сталі адчыняцца нацыянальныя школы і дзіцячыя сады ў муніцыпалітэтах, дзе было больш за 30 нямецкіх дзяцей. У Браціславе нават паўстала нямецкамоўная гімназія [3, с. 256]. Як вынік, ужо на пачатак 1940–1941 навучальнага года ў Славакіі дзейнічала 151 нямецкая школа, дзе ў 512 класах навучалася 19 313 дзетак [8, s. 152].

У сферы вышэйшай адукацыі дзейнічаў Нямецкі студэнцкі саюз (Deutsche Studentenschaft, далей – ДС). У яго кампетэнцыі уваходзіў нагляд за выкананнем вучэбнага плану, кантроль за дысцыплінай сябраў арганізацыі, іх палітычная адукацыя, абарона інтарэсаў нямецкіх студэнтаў [27]. ДС узначальваў старшыня, якога асабіста прызначаў Ф. Кармазін. Нямецкі студэнцкі саюз быў адзінай структурай Нямецкай партыі, якая мела статус юрыдычнай асобы.

Яшчэ ў пачатку 1939 г. у Браціславе было заснавана славацка-нямецкае таварыства. Задачай арганізацыі было развіццё адносін паміж Славакіяй і Германіяй у адукацыйнай, культурнай, сацыяльнай, навукова-тэхнічнай сферах. Таварыства ладзіла сумесныя славацка-нямецкія імпрэзы, музейныя выставы, тэатральныя пастаноўкі, прагляды нямецкага кіно, вечары класічнай музыкі. Так, у верасні 1942 г. у нямецкамоўных рэгіёнах Славакіі пры падтрымцы Нямецкай партыі яно арганізавала серыю тэатральных пастаноў [17, s. 281].

Партыя пераняла пад свой кантроль усе нямецкія грамадскія аб’яднанні і арганізацыі, якія да 1939 г. функцыянавалі самастойна: прафсаюз, Нямецкі саюз гімнастыкі і спорту, арганізацыя ветэранаў Першай сусветнай вайны, аб’яднанне нямецкіх спажывецкіх і крэдытных кааператываў у Славакіі, гандлёва-рамесленны саюз і інш. Акрамя таго, НП выдавала нямецкамоўныя газеты «Дойчэ Штымен» і «Грэнцботэ», а рэдактарам апошняй быў асабіста Ф. Кармазін [12, s. 234]. Сканцэнтраваны ў сваіх руках грамадскія аб’яднанні і арганізацыі, а таксама друк, партыйнае кіраўніцтва пастаянна пашырала свой уплыў на карпацкіх немцаў.

У адрозненні ад іншых нацыянальных меншасцей, Нямецкая партыя дамаглася стварэння добраахвотнага атрада аховы (Freiwillige Schutzstaffel, далей – ФС), статут якога быў зацверджаны 27 верасня 1939 г. урадам Славацкай Рэспублікі. Пастановай ад 21 снежня 1939 г. славацкі ўрад прызнаў ФС і Арганізацыю нямецкай моладзі ваенізаванымі арганізацыямі НП [13].

Добраахвотныя атрады аховы пераважна займаліся аховай чыгуначных станцый, мастоў, тунэляў, ажыццяўлялі патрульную службу, лавілі

перабегчыкаў, дэзерціраў з польскай мяжы, якіх потым накіроўвалі ў лагеры для ваеннапалонных. У сакавіку 1940 г. ФС налічвалі 5622 члена [11, с. 24].

У маі 1940 г. у межах добраахвотных атрадаў аховы была створана аператыўная група ФС (Einsatztruppe der FS, далей – АТ). Яна стала сваесаблівым кадравым рэзервам для Вафен-СС (die Waffen-SS – войскі СС). АТ разглядалася Берлінам як асобнае элітнае падраздзяленне з ліку прадстаўнікоў нямецкай меншасці, адабраных на падставе строгіх расавых крытэрыяў [18, с. 493].

Будучы грамадзянамі Славацкай Рэспублікі, прадстаўнікі нямецкай меншасці не маглі быць прызваныя ў замежныя вайсковыя фарміраванні. Аднак да набору карпацкіх немцаў у атрады Вафен-СС асаблівы інтарэс праяўляў рэйхсфюрэр СС Г. Гімлер. Больш за тое, Берлін быў зацікаўлены ў падпісанні пагаднення са славацкім урадам аб абавязковай службе прадстаўнікоў нямецкай меншасці ў Вафен-СС. Кіраўніцтва Славакіі пагадзілася, каб славацкія грамадзяне нямецкай нацыянальнасці ва ўзросце ад 17 да 35 гадоў былі прыняты на добраахвотнай аснове ў Вафен-СС [15, с. 672]. Усе клопаты па іх забеспячэнню браў на сябе Трэці Рэйх. Для вырашэння далейшых пытанняў была створана адмысловая нямецка-славацкая камісія [22, с. 397].

Пасля паразы на Усходнім фронце А. Гітлер у сакавіку 1943 г. аб’явіў аб мабілізацыі ўсіх рэзерваў, у тым ліку і нямецкай меншасці ў падкантрольных Германіі краінах. Берлін пачаў перамавы са славацкім урадам аб увядзенні абавязковай вайскавай службы для прадстаўнікоў нямецкай нацыянальнасці. Міністэрства нацыянальнай абароны Славакіі дала дазвол на пераход афіцэраў славацкай арміі нямецкай нацыянальнасці пад камандаванне Вафен-СС [15, с. 680].

У сярэдзіне сакавіка 1944 г. Берлін звярнуўся да Браціславы з афіцыйнай нотай аб пераводзе ваеннаабавязаных карпацкіх немцаў у Вафен-СС. У пачатку чэрвеня была заключана славацка-нямецкая дамова, якая замацавала ўсе папярэднія дамоўленасці аб ваеннай службе славацкіх грамадзян нямецкай нацыянальнасці ў Вафен-СС [5]. Так, з 25 па 30 чэрвеня 1944 г. у адпаведнасці з даручэннем Міністэрства нацыянальнай абароны Славацкай Рэспублікі ўсе прадстаўнікі нямецкай нацыянальнасці, якія служылі ў славацкай арміі, пераходзілі ў распараджэнне Вафен-СС [7, с. 21].

Пашырэнне партызанскага руху летам 1944 г. на Славацчыне выклікала занепакоенасць як з боку славацкіх улад, так і кіраўніцтва Нямецкай партыі. 25 ліпеня 1944 г. кіраўніцтва Славакіі падтрымала прапанову Ф. Кармазіна аб стварэнні нямецкай паліцыі, у якую набіралі карпацкіх немцаў ва ўзросце ад 16 да 50 гадоў [9, с. 193]. У яе абавязкі ўваходзіла ахова нямецкамоўных раёнаў ад нападу партызан. Першыя такія атрады былі арганізаваны ў Браціславе і яе ваколіцах, а потым практычна ва ўсіх нямецкамоўных гарадах і мястэчках. Пры гэтым асабліва ўвага надавалася ахове дзвюх абласцей – Хаурлэнд і Спіш.

У ходзе Славацкага нацыянальнага паўстання асобныя раёны, населеныя немцамі, перайшлі пад кантроль паўстанцаў. Так, у канцы жніўня 1944 г. партызанская брыгада ў складзе каля 350 чалавек на чале з камандуючым В. Жынгарам занялі нямецкія вёскі на поўначы Верхняй Нітры і на поўдні Турка. У в. Врыцко насельніцтва было падвергнута жорсткім рэпрэсіям. У Клячне і ў Нітранскім Правне партызаны вывезлі ў бліжэйшы лес і расстралялі 29 чалавек [7, s. 30]. Славацкія даследчыкі зазначаюць, што атакі партызан былі накіраваны не толькі супраць кіраўніцтва Нямецкай партыі ці нямецкіх грамадскіх актывістаў і іх сямей, але і супраць простых немцаў [6, с. 144].

3 верасня 1944 г. кіраўніцтва СС у Славакіі выдала загад аб прамым падначаленні нямецкай паліцыі групэнфюреру СС Г. Бергеру [16, с. 307]. Пад камандаваннем нямецкіх ваенных яе служачыя ўдзельнічалі ў затрыманні паўстанцаў, выступалі перакладчыкамі (са славацкай мовы на нямецкую. – *А. К.*) на допытах, дапамагалі ў правядзенні расследаванняў.

З пачаткам Славацкага нацыянальнага паўстання паўстала пытанне аб эвакуацыі нямецкага насельніцтва. 28 жніўня 1944 г. нямецкі пасол у Браціславе Х. Лудзін паведамляў у Берлін аб неабходнасці эвакуацыі нямецкіх жанчын і дзяцей з Усходняй і Цэнтральнай Славакіі. Таксама разглядаўся магчымы маршрут эвакуацыі карпацкіх немцаў з Татр і Верхняга Спіша ў Кракаў, а з Ніжняга Спіша – у венгерскі Кошыцэ [19, s. 189].

18 кастрычніка 1944 г. дэпартамент дзяржаўнай бяспекі Міністэрства нацыянальнай абароны Славацкай Рэспублікі выдаў пастанову №1078/1944, згодна якой «грамадзяне Германіі і Славакіі, прадстаўнікі нямецкай нацыянальнасці могуць быць, у выпадку небяспекі, эвакуіраваны ў Германію» [7, s. 39]. Спішскія немцы адмоўна аднесліся да магчымасці эвакуацыі і не жадалі пакідаць свае дамы.

Эвакуацыю карпацкіх немцаў праводзіла непасрэдна Германія пры дапамозе нямецкіх структур у Славакіі. Адказнасць за арганізацыю і правядзенне эвакуацыі была ўскладзена на Ф. Кармазіна. Славацкія ўлады, па просьбе Берліна, прадаставілі транспарт для высялення немцаў з ахопленых паўстаннем раёнаў. Браціслава хацела, каб эвакуацыя была скіравана на захад і ў цэнтр Славакіі. Сем'ям дазвалялася браць з сабой прадукты харчавання на тры месяцы, да 100 кг рэчаў, а асобным транспартам можна было вывезці да 300 кг маёмасці [2, с. 137].

15 лістапада 1944 г. прыблізна 3 500 немцаў з Верхняга і Ніжняга Спіша былі накіраваны ў Германію. Да 30 студзеня 1945 г. браціслаўскі офіс Арганізацыі кіравання немцамі замежжа адправіў чыгуначным транспартам яшчэ 7 359 чалавек, пераважна жанчын і дзяцей. Усяго, рознымі шляхамі было эвакуіравана 97 % немцаў Верхняга і Ніжняга Спіша. З Браціславы падлягала высяленню 25 000 этнічных немцаў. Закончыць эвакуацыю нямецкай меншасці планавалася 10 сакавіка 1945 г. [22, s. 993].

Паводле ацнак славацкіх даследчыкаў з восені 1944 па красавік 1945 г. Славакію пакінула прыблізна 100 000 немцаў, большасць з каторых ніколі не вярнулася ў родныя мясціны [10, s. 157].

Такім чынам, Нямецкая партыя атрымала манаполію на прадстаўніцтва нямецкай этнічнай групы ў грамадска-палітычным жыцці Славацкай Рэспубліцы ў гады Другой сусветнай вайны. Праз прадстаўніцтва ў славацкім парламенце, Дзяржаўным савец і мясцовых органах улады, падкантрольныя грамадскія арганізацыі і аб'яднанні партыя, з аднаго боку, выражала пазіцыю нямецкага насельніцтва Славакіі, а з другога – пашырала свой ўплыў на яго, «аберагаючы» кожнага немца. Важную ролю ў пашырэнні сферы яе ўздзеяння адыгрываў нямецкамоўны перыядычны друк. Акрамя таго, партыя мела ўласнае ваенізаванае фарміраванне, што рабіла яе важным чыннікам у славацка-германскіх міждзяржаўных адносінах. Пры яе актыўным удзеле адбываўся набор карпацкіх немцаў у Вафен-СС, а таксама ішло стварэнне паліцыі. Ва ўмовах разгортвання партызанскага руху на Славацчыне летам 1944 г. Нямецкая партыя займалася арганізацыяй аховы нямецкамоўных раёнаў. З пачаткам Славацкага нацыянальнага паўстання партыйнае кіраўніцтва, па ўзгадненні з Берлінам, пачало правядзенне эвакуацыі нямецкай меншасці. Безумоўна, карпацкія немцы не жадалі пакідаць свае родныя мясціны, тым не менш абсалютная большасць з іх была вывезена ў Германію.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. История Словакии / Е. Маннова (отв. ред.). – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2003. – 418 с.
2. *Полунин, Е. С.* Организованная эвакуация этнических немцев из Словакии в конце Второй мировой войны / Е. С. Полунин // Вестник ВГУ. – 2013. – № 1. – С. 135–137. – (Серия: История. Политология. Социология).
3. *Семиряга, М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М. И. Семиряга. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 863 с.
4. *Baka, I.* Politický systém a režim Slovenské republiky v rokoch 1939–1940 / I. Baka. – Bratislava: Vojenský historický ústav, 2010. – 322 s.
5. Dohoda medzi Slovenskou Republikou a Vel'konemeckou Ríšou o splnení brannej povinnosti slovenských štátnych príslušníkov nemeckej národnosti v nemeckej brannej moci – Waffen-SS a o splnení brannej povinnosti nemeckých štátnych príslušníkov slovenskej národnosti v slovenskej brannej moci // Slovenský zákonník 1944. – № 197. – S. 451–453.
6. *Gabzdilová, S.* Nemecká komunita v živote slovenskej spoločnosti 1938–1945 / S. Gabzdilová // Človek a spoločnosť. – 2004. – № 7. – S. 139–151.
7. *Gabzdilová-Olejníková, S.* Karpatskí Nemci na Slovensku od druhej svetovej vojny do roku 1953 / S. Gabzdilová-Olejníková, M. Olejník. – Bratislava: Spoločenskovedný ústav SAV, Slovenské národné múzeum Múzeum kultúry karpatských Nemcov, 2004. – 206 s.

8. *Gašparovičová, J.* Menšinové školstvo na Slovensku a školstvo slovensko-poľského pohraničia v období prvej Slovenskej republiky / *J. Gašparovičová* // *Pedagogické myslenie a školstvo na slovensku v rokoch 1939–1945*. – Trnava: Typi Universitatis Tyrnaviensis; Veda, 2015. – S. 150–162.
9. *Kováč, D.* Nemecko a nemecká menšina na Slovensku (1871–1945) / *D. Kováč*. – Bratislava: Veda, 1991. – 235 s.
10. *Lacko, M.* Slovenská republika 1939–1945 / *M. Lacko*. – Bratislava: Perfekt, Ústav pamäti národa, 2008. – 205 s.
11. *Lipták, L.* Franz Karmasin opäť na scéne / *L. Lipták*. – Bratislava: Vydavateľstvo politickej literatúry, 1962. – 77 s.
12. *Lipták, L.* Politické strany na Slovensku 1860–1989 / *L. Lipták*. – Bratislava: Archa, 1992. – 312 s.
13. Nariadenie s mocou zákona zo dňa 21. Decembra 1939 o Freiwillige Schutzstaffel a Deutsche Jugend // *Slovenský zákonník 1939*. – № 311. – S. 604–606.
14. *Podolec, O.* Postavenie národnostných menšín v Slovenskej republike (1939–1945) / *O. Podolec* // *Z dejín demokratických a totalitných režimov na Slovensku a v Československu v 20. storočí: historik Ivan Kamenec 70-ročný*. – Bratislava: Historický ústav SAV, 2008. – S. 115–130.
15. *Schvarc, M.* «Každý Nemeц uvedených ročníkov sa má bez vyzvania dostaviť pred komisie»: Nábor a služba slovenských Nemcov vo Waffen-SS 1939–1945 / *M. Schvarc* // *Historický časopis*. – 2019. – № 4. – S. 659–693.
16. *Schvarc, M.* Heimatschutz – medzi realitou a ilúziou (Organizácia a formovanie nemeckej domobrany) / *M. Schvarc* // *Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov III. Povstanie roku 1944*. – Trnava: Katedra histórie FF UCM Trnava, 2004. – S. 301–327.
17. *Schvarc, M.* Nemecká kultúrna politika na Slovensku v rokoch 1939–1945: náčrt problematiky / *M. Schvarc, E. Hallon* // *Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov IX. Život v Slovenskej republike*. – Bratislava: Ústav pamäti národa, 2010. – S. 259–284.
18. *Schvarc, M.* Vývoj a zmeny organizačnej štruktúry Deutsche Partei 1938–1945 / *M. Schvarc* // *Historický časopis*. – 2006. – № 3. – S. 471–503.
19. Slovenské národné povstanie: Nemci a Slovensko 1944: Dokumenty / zost. *V. Prečan*. – Bratislava: EPOCHA, 1971. – 701 s.
20. Slovensko v 20. Storočí / *K. Hradská, I. Kamenec* [a autor. kol.] // *Štvrtý zväzok, Slovenská republika 1939–1945*. – Bratislava: VEDA, 2015. – 477 s.
21. Slovensko-nemecké vzťahy 1938–1941 v dokumentoch: v 2 sv. Sv. I.: od Mníchova k vojne proti ZSSR / *E. Nižňanský* [a kol.]. – Bratislava: Universum, 2009. – 1174 s.
22. Slovensko-nemecké vzťahy 1941–1945 v dokumentoch: v 2 sv. Sv. 2.: od vojny proti ZSSR po zánik Slovenskej republiky v roku 1945 / *E. Nižňanský* [a kol.]. – Prešov: Universum, 2009. – 1093 s.
23. *Šprocha, B.* Demografický obraz Slovenska v rokoch 1938–1945 / *B. Šprocha, P. Tišliar*. – Bratislava: Muzeológia a kultúrne dedičstvo, 2016. – 199 s.

24. Ústavný zákon zo dňa 21. júla 1939 o ústave Slovenskej republiky // Slovenský zákonník 1939. – № 185. – S. 375–384.

25. Vyhláska Ministerstva vnútra zo dňa 14. októbra 1940, číslo 164.208/IIIc/1940 o registrácii politickej strany nemeckej národnostnej skupiny «Deutsche Partei» // Úradné noviny. – Ročník XXII. – 1940. – № 48. – S. 604.

26. Zákon zo dňa 15. mája 1940 o politických stranách národnostných skupín // Slovenský zákonník 1940. – № 121. – S. 194–198.

27. Zákon zo dňa 5. júna 1942 o Deutsche Studentenschaft // Slovenský zákonník 1942. – № 98. – S. 586–587.

(Дата падачы: 08.02.2022 г.)

O. B. Keller

Белорусский государственный университет, Минск

O. Keller

Belarusian State University, Minsk

УДК 94:314.15(=112.2)(470)«17/18»

МАССОВЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НЕМЦЕВ В РОССИЮ В XVIII–XIX ВВ.

MASS MIGRATIONS OF GERMANS TO RUSSIA IN THE XVIII–XIX CENTURIES

Статья посвящена рассмотрению истории эмиграции немцев в XVIII–XIX вв., для того, чтобы понять, почему люди, имевшие, на самом деле, хорошую, благополучную жизнь, а также были более-менее обеспеченными в Германии, стали покидать в XVIII–XIX вв. насиженные места в Германии и перемещаться в Россию в Поволжье, в южную Россию в Черноморский регион, в Бессарабию, и далее на Кавказ.

Ключевые слова: массовое переселение; причины массового переселения в Россию в XVIII–XIX вв.; «Манифесты» российских императоров; права и преимущества; логистика процесса эмиграции.

The article is devoted to the study of the history of emigration of Germans in the XVIII–XIX centuries, in order to understand why people who actually had a good prosperous life, and were also more or less wealthy in Germany, began to leave their homes in Germany in the XVIII–XIX centuries and move to Russia in the Volga region, to southern Russia to the Black Sea region, to Bessarabia, and on to the Caucasus.

Keywords: Mass resettlement; the reasons for the mass resettlement in Russia in the XVIII–XIX centuries; the «Manifestos» of Russian emperors; rights and advantages; logistics of the emigration process.

I. Введение

Мало кому известно, что в XVIII–XIX вв., в сравнении с другими направлениями эмиграции, третье место в мире среди предпочитаемых немцами стран для массового переселения после Америки и Австро-Венгрии занимала Россия.

Эмиграция в Россию происходила в основном из двух немецких регионов: 1) Гессена и 2) Южной Германии [1, с. 44].

Однако обо всем по порядку... После падения Монгольской империи (или так называемого Великого Монгольского государства, сложившегося в XIII в. в результате завоеваний Чингисхана и его преемников и включавшего в себя самую большую в мировой истории смежную завоеванную территорию от Восточной Европы до Японского моря и от Новгорода до Юго-Восточной Азии со столицей в Каракоруме) поволжские степи постоянно беспокоили киргизские, калмыцкие и башкирские кочевые народы. В этот период времени в качестве охраны и защиты на Волге были построены города Самара (Куйбышев), Саратов, Камышин и Царицын (Сталинград). Русских крестьян трудно было убедить поселиться в этих небезопасных районах. Тогда, со вступлением на престол немецкой принцессы из Ангальт-Цербста, поздней императрицы Екатерины II, началось плановое заселение нижнего Поволжья [2, с. V].

II. «Манифесты», призывавшие к массовому переселению в Россию

После того, как первый «Манифест императрицы Екатерины II» от 4 декабря 1762 г., призывавший к массовому переселению в Россию, остался без отклика, 22 июля 1763 г. Екатерина II издает второй, более детальный «Манифест», увенчавшийся успехом.

В этом втором манифесте от 22 июля 1763 г. под названием «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» всем иностранцам было разрешено приезжать в Российскую империю, дабы «поселиться в любых губерниях, где им было бы по душе» [3, § 1, с. 4].

В шестом параграфе «Манифеста императрицы Екатерины II» от 22 июля 1763 г. перечислены одиннадцать преимуществ для лиц, которым разрешено было приезжать в Россию в конце XVIII в. Рассмотрим некоторые из этих положений.

Первое положение касается свободы религиозного вероисповедания: «„1. Gestatten Wir allen in Unser Reich ankommenden Ausländer unverhindert die freie Religions-Uebung nach ihren Kirchensatzungen und Gebräuchen; denen aber, welche nicht in Städten, sondern auf unbewohnten Ländereien sich besonders in Kolonien oder Landflecken niederzulassen gesonnen sind, erteilen Wir die Freiheit, Kirchen und Glockentürme zu bauen und die dabei nötige Anzahl Priester und Kirchendiener zu unterhalten, nur einzig den Klosterbau

ausgenommen...» [3, § 6, пункт 1, с. 6]. В переводе на русский язык это звучит как: «1-е. Всем, прибывшим в Империю Нашу на поселение, иметь свободное отправление веры, по их уставам и обрядам, беспрепятственно; а желающим не в городах, но особыми на порозжих землях поселиться колониями и местечками, строить церкви и колокольни, имея потребное число при том пасторов и прочих церковнослужителей, исключая одно построенные монастырей...» [4].

Речь шла также об освобождении от налогов на срок от 10 до 30 лет в сельской местности и на 10 лет в городах: «„2. Soll keiner unter solchen zur häuslichen Niederlassung nach Rußland gekommenen Ausländern an Unsere Kasse die geringsten Abgaben zu entrichten und werden gewöhnliche oder außerordentliche Dienste zu leisten gezwungen, noch Einquartierung zu tragen verbunden, sondern mit einem Worte, es soll ein jeder von aller Steuer und Auflage folgendermaßen frei sein: diejenigen nämlich, welche in vielen Familien und ganzen Kolonien eine bisher noch unbebaute Gegend besetzen, genießen dreißig Freijahre; die sich aber in Städten niederlassen und sich entweder in Zünften oder unter der Kaufmannschaft einschreiben wollen, auch ihre Wohnung in Unserer Residenz Sankt Petersburg oder in benachbarten Städten in Livland, Estland, Ingermannland, Carelen und Finnland, wie nicht weniger in der Residenz-Stadt Moskau nehmen, haben fünf Freijahre, in allen übrigen Gouvernements- oder Provinzial- und anderen Städten aber zehn Freijahre zu genießen...» [3, § 6, пункт 2, с. 6]. В переводе на русский язык: «2-е. Не должны таковые прибывшие из иностранных на поселение в Россию, никаких в казну Нашу податей платить и никаких обыкновенных, ниже чрезвычайных служб служить, равно постоев содержать и словом заключить, от всяких налогов и тягостей свободы следующим образом, а именно: поселившиеся многими фамилиями и целыми колониями на праздных местах 30 лет, а желающие жить в городах, тож в цехи и купечество, записываться я резиденции Нашей в Санкт-Петербурге или близ оной, в лежащих местах Лифляндских и Эстляндских, Ингерманландских, Корельских и Финляндских городах, таж в столичном городе Москве 5 лет, в прочих губернских, провинциальных и других городах 10 лет...» [4].

Пункт 6 шестого параграфа обещает беспошлинный ввоз активов для иностранцев, которые хотят поселиться в России: «6. Einem jeden Ausländer, der sich in Rußland häuslich niederlassen will, gestatten wir die völlige zollfreie Einfuhr seines Vermögens, es bestehe dasselbe worin es wolle, jedoch mit dem Vorbehalt, daß solches Vermögen zu seinem eigenen Gebrauche und Bedürfnis, nicht aber zum Verkaufe bestimmt sei» [3, § 6, п. 6, с. 7]. В переводе на русский язык это звучит: «6-е. Всякому желающему иностранному в Россию на поселение, позволяем имение свое ввозить, в чем бы оно ни состояло, без всякого платежа пошлин, с тем однакож, что оно для его собственного употребления и надобности, а не на продажу...» [4].

Далее, в седьмом пункте шестого параграфа «Манифеста» содержится положение об освобождении от военной или гражданской службы: «7. Solche in Rußland sich niederlassende Ausländer sollen während der ganzen Zeit ihres Hiereins, außer dem gewöhnlichen Landdienste. Wider Willen weder in Militär- noch Zivildienste genommen werden; ja auch zur Leistung dieses Landdienstes soll keiner eher als nach Verfließung oben gesetzter Freijahre verbunden sein...» [3, § 6, п. 7, с. 8]. В переводе на русский язык: «7-е. Поселившиеся в России иностранные во все время пребывания своего ни в военную, ниже в гражданскую службу против воли их определены не будут, кроме обыкновенной земской, и то по прошествии предписанных льготных лет...» [4].

19 марта 1764 г. последовали новые положения о праве землевладельцев, в которых также упоминались земли, подлежащие заселению, и указывалось количество земли, выделяемой каждому фермеру.

Итак, среди наиболее важных положений этих законов можно выделить следующие: 1) свобода религиозного вероисповедания; 2) освобождение от налогов на 10–30 лет в сельской местности и на 10 лет в городах; 3) беспроцентные кредиты на все покупки; 4) «пожизненное» освобождение от воинской службы; 5) собственная муниципальная и школьная администрация; 6) бесплатное выделение 30–80 десятин земли каждой семье.

Чтобы придать большую значимость «Манифесту», нанимались специальные агенты для вербовки населения. Эти агенты затем получали так называемые бонусы за каждую завербованную ими семью.

Турецкая война, раздел Польши, восстание Пугачёва в Поволжье, а также «Эдикт Иосифа II» 1768 г., запрещающий эмиграцию из Германии, послужили толчком к приостановке процесса массового переселения жителей Германии и иных регионов.

В 80-х гг. XVIII в. колонизационное предприятие возобновилось. Сделано это было по предложению князя Григория Потёмкина, основавшего города Мариуполь (1778), Херсон (1779), Севастополь (1783), Екатеринослав (1787), Николаев (1789), Тирасполь (1793), Одессу (1794). Все эти города позже имели первостепенное значение для колоний, так как колонисты сыгнали важную роль в их развитии.

Внук императрицы Екатерины II, император Александр I, продолжил колонизационную работу своей бабушки на юге России. «Указ императора Александра» от 20 февраля 1804 г., в котором провозглашались многие льготы, тем не менее существенно отличался от «Манифеста императрицы Екатерины II» от 22 июля 1763 г.

В частности, в «Указе» Александра I подчеркивалось, что иностранные поселенцы «должны служить примером в сельских занятиях и ремеслах». В отличие от императрицы Екатерины II, вербовщики которой искали любых заинтересованных лиц без разбора с целью быстрого их переселения в Российскую империю, император Александр I стремился привлечь

в страну только квалифицированных и достойных фермеров и сельских ремесленников с большими семьями и минимальным состоянием от 100 до 150 гульденов.

Условия заселения, во многом связанные с концессиями императрицы Екатерины 1763 г., вполне могли конкурировать с прусскими и австрийскими условиями и являлись гораздо более привлекательными [5, с. 92].

Правомерно утверждать, что в этот период времени во всей юго-западной Германии снова налицо сеть агентов и добровольных субагентов, использовавших в качестве эффективных средств пропаганды для вербовки переселенцев заманчивые листовки, письма от переселенцев и устные сообщения от возвратившихся [5, с. 93].

III. Логистика процесса эмиграции

Начавшееся вскоре после издания «Манифеста Екатерины II» 1763 г. массовое переселение из Германии в Россию исходило из районов Верхнего Гессена и Гессен-Дармштадта. В XIX в. эмиграция ограничивалась переселениями из южного Гессена. В общей сложности отсюда эмигрировало порядка 25 000 человек, поселившихся в основном на Волге. Логистика процесса выглядела следующим образом: под руководством специальных агентов всех желающих переселиться сперва принимали в определенных пунктах сбора, затем перевозили этих людей группами по суше в Любек, оттуда отправляли их на корабле в Санкт-Петербург, и, наконец, из Санкт-Петербурга переселенцы длительное время добирались кто пешком, кто водным путем по Волге до русского гарнизонного города Саратова [1, с. 44].

Так же, как и в Гессене, эмиграция из южной Германии и Старого Вюртемберга налицо уже после 1763 г. Эта волна переселений продолжилась вплоть до запрета на переселения 1806 г. Как выглядела логистика процесса во втором случае? Сперва переселенцы прибывали сухопутным путем в город Ульм, затем оттуда двигались водным путем вниз по Дунаю до Бессарабии, и, наконец, уже оттуда часть колонистов могла продолжить свой путь по переселению далее в направлении Кавказа [1, с. 44].

Кстати, нельзя не подчеркнуть, что в качестве переселенцев могли выступать только женатые немцы. Поэтому многие желающие уехать старались пожениться перед отъездом [1, с. 44].

IV. Причины эмиграции

Современные ученые и исследователи называют в качестве причин эмиграции из Гессена в XVIII в. сложный период после Семилетней войны (1756–1763), а также напряженную ситуацию в стране перед предстоящей наполеоновской войной. В качестве причин эмиграции из юго-западной Германии в начале XIX в. ученые указывают на тяжелые условия жизни под бременем наполеоновского владычества, в основе которого лежат голод

в случае неурожая и повышенные налоги, а также тенденцию населения южной Германии сблизиться с пиетистскими группами (пиетизм – изначально движение в лютеранской и реформатской церкви, для которого характерно придание особой значимости личному благочестию – *О. К.*). Иными словами, переселение из Германии в России в XVIII–XIX вв. было обусловлено как экономически, так и религиозно. Кстати, религиозной была подоплека и у эмиграции западнопрусских меннонитов (меннониты – последователи одной из старейших раннепротестантских церквей, образовавшихся в эпоху Реформации XVI в. на территории Нидерландов, Северной Германии и Западной Швейцарии – *О. К.*) и братьев гернгутеров из Верхней Лужицы (гернгутеры – моравские братья, богемские братья, братская община, в английской литературе «континентальные пиетисты») – это последователи одного из течений в протестантизме, основой которого являются религиозные идеи протестантских сект эпохи Реформации, распространившихся в XVI в. в Богемии и Моравии; течение возникло в 1772 г. в Саксонии, куда бежали от религиозных гонений последователи ранних протестантских сект из Моравии и Чехии – *О. К.*).

Но не только экономически и религиозно!!! Можно назвать как минимум 4 группы аспектов, сыгравших свою роль в эмиграции немцев в Россию или другие регионы в XVIII–XIX вв.: 1) политические (военная служба, иностранная оккупация, войны, угнетение со стороны собственных правительств); 2) экономические (неурожай, высокие налоги, годы голода, нехватка территории); 3) религиозные (особенно в Вюртемберге); 4) личные (родство с предшественниками-эмигрантами, родственные отношения княжеских домов) [2, с. VI]. Кроме того, нигде не была релевантна только одна причина, ответственная за эмиграцию. Как правило, в большинстве случаев несколько причин были переплетены.

И, конечно же, такая массовая миграция населения характеризуется особенностями как со стороны страны, из которой население эмигрирует, так и со стороны страны, в которую переселенцы прибывают. Тогда, со стороны страны эмиграции, т. е. Германии, следует упомянуть следующие факторы, игравшие значимую роль: 1) политическое угнетение со стороны иностранных держав, а также со стороны собственного правительства и князей; 2) военная и обязательная служба в своей стране и для иностранных держав; 3) экономические трудности, неурожай, годы голода, нехватка земли, налоговое бремя; 4) строгое и зачастую несправедливое управление; 5) внедрение нововведений в школьной и церковной сфере и т. д. Что касается факторов со стороны, принимающей переселенцев, т. е. со стороны России, то здесь надлежит отметить следующие моменты: 1) свободные возможности для жизни и развития; 2) «пожизненное» освобождение от воинской службы; 3) предоставление земли, практически неограниченные возможно-

сти покупки земли и освобождение от налогов; 4) свободная муниципальная администрация; 5) полная свобода в религиозной сфере [2, с. X].

Список использованных источников

1. Geschichte und Kultur der Deutschen in Rußland/UdSSR. Auf den Spuren einer Minderheit. Ausstellungskatalog. Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland e.V., Stuttgart anlässlich des 10jährigen Jubiläums der Patenschaft des Landes Baden-Württemberg über die Landsmannschaft. Bearbeitet von Ute Richter-Eberl. – 2. Auflage. – Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1992. – 181 s.

2. *Stumpp, Karl*. Die deutsche Auswanderung nach Rußland 1763–1862 / Karl Stumpp. – Sonderdruck aus dem Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland. – Stuttgart: Verlag der Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland, 1961. – XXIV, 146 s.

3. *Becker, H. H.* Die Auswanderung aus Württemberg nach Südrussland 1816–1830 (mit zwei Fotokopien und einer Karte) / H. H. Becker // Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades einer Hohen Philosophischen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen. – Tübingen, 1962. – XI, 126, 148 Blätter: Faksimiles, 1 Karte. – Hier: Anhang 2: «Aufruf der Kaiserin Katharina II. Vom 22. Juli 1763».

4. История российских немцев в документах. – М., 1993. – С. 18–21.

5. *Hippel, Wolfgang v.* Auswanderung aus Südwestdeutschland. Studien zur württembergischen Auswanderung und Auswanderungspolitik im 18. und 19. Jahrhundert / Wolfgang v. Hippel. – Stuttgart: Klett-Gotta, 1984. – 352 s.

(Дата подачи: 15.02.2022 г.)

A. A. Киселев

Белорусский государственный экономический университет, Минск

A. Kiselev

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 94 (476): 351.745.5 + 331.215

ЖАЛОВАНИЕ ЧИНОВ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

SALARY OF THE RANKS OF THE GENERAL POLICE IN THE BELARUSIAN PROVINCES AT THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

В статье показывается, что служащие общей полиции в белорусских губерниях в конце XIX – начале XX вв. получали небольшое жалование по сравнению с чиновниками других ведомств. Нижним чинам полиции выплачивались оклады, которые не превышали зарплаты рабочих профессий. Правительство откладывало повышение жалования полиции до проведения полицейской реформы.

Ключевые слова: полиция; жалование; белорусские губернии; нижние чины; чиновники.

The article shows that the employees of the general police in the Belarusian provinces in the late XIX – early XX centuries. received a small salary in comparison with officials of other departments. The lower ranks of the police were paid salaries that did not exceed the salaries of working professions. The government delayed raising police salaries until police reform was implemented.

Keywords: police; salary; Belarusian provinces; lower ranks; officials.

Вопрос о жаловании чиновников в белорусских губерниях, в том числе служащих по ведомству Министерства внутренних дел, в той или иной степени затрагивался в отечественной историографии [1; 2]. Вместе с тем денежное содержание чинов общей полиции в белорусских губерниях в конце XIX – начале XX вв. специально не анализировалось. В российской историографии материальное вознаграждение чинов общей полиции на примере отдельных губерний неоднократно становилось предметом изучения [3; 4], но обеспечение полицейских в белорусских губерниях не попадало в поле их зрения.

Должностные оклады чинов общей полиции городских и уездных полицейских управлений были утверждены в 1862 г. и, за малым исключением, длительное время не пересматривались в сторону повышения. В результате уже в начале последней четверти XIX в. представители высшей администрации западных губерний стали обращать внимание правительства на ухудшающееся материальное положение полицейских чинов. В отчете за 1874–1877 гг. виленский генерал-губернатор П. П. Альбединский писал о «недостаточности содержания полицейских чиновников, далеко не дающего того материального обеспечения, на которое они имеют право, как ближайшие перед населением представители правительственной власти» [5, л. 98]. Не поменялась ситуация накануне XX в. В отчете генерал-губернатора В. Н. Троицкого за 1898 г. констатировалось, что «особенно же служащие по полиции, близко соприкасающиеся с народом ..., оплачиваются довольно скудно» [6, л. 632]. При этом признавалось, что «крупным тормозом для привлечения более полезных деятелей является ничтожное жалование служащим, главным образом, в полиции, несущим в действительности самый тяжелый и ответственный труд» [6, л. 612–613]. Генерал-губернатор предлагал поправить положение чинов полиции путем изменения расчета срока выслуги и величины пенсий, а для урядников и городских «принять меры к обеспечению их путем обязательного государственного страхования на случай смерти, неспособности к труду» [6, л. 633]. В своем очередном отчете В. Н. Троицкий констатировал, что полицейские получают «скудное вознаграждение», которое не может быть «достаточною приманкой для привлечения служить» [7, л. 288]. На низкое жалование полицейских чи-

новников обращали внимание и губернаторы. Так, витебский губернатор И. И. Чепелевский в отчете за 1899 г. указывал на то, что кадровая политика с целью «привлечь и удержать людей честных, развитых, способных заслужить доверие и уважение к полиции» обречена на неудачу до тех пор, пока «не будут изысканы средства к обеспечению полицейских чинов соответствующим содержанием» [8, л. 444]. Он предлагал не только увеличить жалование, но и установить специальную надбавку «для лиц, прослуживших более 10 лет» в полиции. Сравнивая материальное положение чинов полиции со служащими по ведомству Министерства финансов, губернатор утверждал, что полиция «по своей особой важности в государственном и общественном строе заслуживает не меньшего внимания и поощрения» [8, л. 444]. Источником финансирования, по мнению губернатора, могли бы стать земские сборы с землевладельцев. В отчете виленского губернатора К. К. Палена за 1904 г. также признавалось, что «плата за труд во всех ведомствах за последнее десятилетие возвысилась, поэтому способные, честные и энергичные работники избегают полицейской службы, находя заработок в других ведомствах» [9, л. 56]. Более того, «невозможность существования на тот оклад, который отпускается по закону чинам полиции, создается населением и этим объясняется, отчего оно смотрит безразлично на некоторые незаконные доходы, получаемые ими в виде подарков» [9, л. 57]. Такие подношения равнялись «размеру получаемого чином полиции оклада содержания». В итоге «честный человек, попав в ряды низшей полиции» был вынужден либо оставить полицейскую службу, либо тратить «на жизнь и семью те незначительные средства, с которыми он поступил на службу» [9, л. 57]. По словам минского губернатора Н. Н. Трубецкого, чиновнику «особенно семейному, существовать на одно казенное жалование крайне трудно, а поэтому в большинстве случаев чиновники учреждений Министерства внутренних дел, кроме службы, отыскивают себе частные занятия, а если таковых не имеется, то при первой возможности переходят в другое ведомство или же на службу по вольному найму» [10, л. 59]. Все вышесказанное относилось и к чинам полиции. Так, в обосновании проекта новых штатов Минского ГПУ от 1 июня 1897 г. Н. Н. Трубецкий указывал на то, что цены «на квартиры и жизненные припасы в Минске на столько возвысились, что их можно поставить на равне со столичными». В итоге губернская администрация не могла найти «лиц, желающих и вполне достойных занять полицейские должности» в силу «скудности получаемого ими содержания». Большинство поступивших на службу в Минское ГПУ смотрели на нее «как на временное занятие, впредь до приискания должности, более обеспеченной в материальном отношении» [11, л. 6 об.].

Однако российское правительство не шло на повышение жалования исключительно для лиц, служащих в белорусских губерниях по ведомству Министерства внутренних дел. Более того, делался акцент на том, что пере-

веденные на службу в западные губернии лица «русского происхождения, за исключением местных уроженцев», пользуются служебными льготами, «закрывающимися в процентной прибавке к жалованию во многих должностях (в том числе в городских и уездных полицейских управлениях) в размере от 20 до 50 %, и в сохранении сверх производимого им содержания пенсий, пожалованных за прежнюю службу» [7, л. 302]. Признавая наличие проблемы, предлагалось решать вопрос о повышении жалования «постепенно, одновременно с увеличением соответствующих окладов повсеместно в империи» [7, л. 302]. Эта позиция по итогам обсуждения в Комитете министров 26 марта 1899 г. была доведена до сведения императора. В отдельных случаях допускалась возможность пересмотра жалования по ходатайству местных властей при наличии убедительного обоснования.

Оценки губернаторов подтверждаются данными о жаловании чинов полиции на рубеже веков. Так, гродненский губернатор М. М. Осоргин в своем отчете за 1903 г. отмечал, что ткач при благоприятных условиях не может заработать более 18–19 руб. в месяц, а фабричный ткач получает 26–28 руб. в месяц [9, л. 70]. В своей же записке виленскому генерал-губернатору А. А. Фрезе от 16 марта 1905 г. глава Гродненской губернии отметил, что «средний месячный оклад жалованья городского, например, Белостокской городской полиции – наилучше оплачиваемой – составляет несколько больше 12 рублей – Гродненской – около 10 рублей и Брестской – еще меньше» [12, л. 116]. Как видим, даже ручной труд ткача оплачивался лучше, чем служба городского. В Быхове Могилевской губернии старший городской с 1 января 1902 г. получал 175 руб. в год, а младший – 145 руб., т. е. 12 руб. 8 коп. в месяц [13, № 20859]. В Вильно служба старшего городского вознаграждалась суммой в 225 руб., а младшего – 175 руб. с выплатой 12 руб. квартирных в год. При этом стоимость квартиры «для холостого в одну комнату обходится от 96 руб. до 120 руб. в год, а для семейного за комнату с кухней от 120 до 150 руб. в год» [14, л. 2]. За отопление и освещение такого жилья пришлось бы заплатить до 56 руб.

Жалование полицейских чиновников было выше. Так, околоточным надзирателям выплачивалось 300 руб. Больше всего полагалось околоточному Виленского ГПУ – 350 руб., 100 руб. квартирных и 35,35 руб. на отопление квартиры из городского бюджета. Содержание помощников приставов колебалось от 700 руб. (Вильно) до 400 руб., а квартирных доплат – от 120 до 200 руб. Разбежка в жаловании с квартирными выплатами частных приставов была от 1400 до 800 руб. Однако эти средства представлялись недостаточными. Так, частный пристав Двинского ГПУ на рубеже веков получал оклад в 600 руб., квартирные – 250 руб. Однако «при дорогих ценах в г. Двинске на квартиры и дрова, пристав расходует на наем квартиры 400 руб. и отопление и освещение 150 руб. в год» [15, л. 220–221], так что на содержание семьи и личные нужды ему оставалось 400 руб. в год.

Для сравнения отметим, что судебный следователь Могилевского окружного суда получал 2000 руб. (1000 жал., 500 ст., 500 – разъезд и пр.) [16, № 22318].

Наиболее обеспеченной категорией были полицеймейстеры, но размер их жалования, как и других классных чинов городской полиции, зависел от разряда города или отдельного городского штата, утвержденного по ходатайству местных властей. Это приводило к разбросу в жаловании. Так, минскому полицеймейстеру по штату от 18 января 1899 г. полагалось 2500 руб., а начальнику учрежденного 23 декабря 1896 г. Гомельского ГПУ – 1500 руб. С 18 декабря 1903 г. глава белостокской полиции стал получать 2500 руб. Могилевскому полицеймейстеру приходилось довольствоваться 1800 руб. Больше всего выплачивалось начальнику Виленского ГПУ – 3000 руб.

В начале века жалование уездных исправников – начальников уездных полицейских управлений – составляло 1500 руб., к которым добавлялись квартирные от 600 до 300 руб. Помощникам исправников выплачивалось 1000 руб., а вот становым приставам полагалось всего 600 руб., причем по указу от 12 февраля 1901 г. им стали доплачиваться квартирные деньги в размере 180 руб. Правда, из этих средств они содержали помещение для своей канцелярии. В Виленском уезде становым доплачивали 250 руб. Размер квартирных выплат не пересматривался до начала Первой мировой войны, что с учетом роста цен осложняло материальное положение. Так, по Виленской губернии становым было «решительно невозможно» найти «самую скромную квартиру из 4-х комнат ... дешевле 300 руб., без отопления и освещения» [17, л. 1]. Следует отметить, что им приходилось нанимать не только место для проживания, но одновременно канцелярии, архива, склада для вещественных доказательств, арестантской. Однако попытка местных властей повысить размер квартирных выплат до 500 руб. натолкнулись на отказ Министерства внутренних дел, сославшегося на будущую полицейскую реформу. Полицейским урядникам стали выплачивать 60 руб. квартирных (в Виленском уезде – 100 руб.), причем с 1 января 1902 г. урядники не могли рассчитывать на квартиры от обывателей [18, № 19684].

Политический кризис 1905–1907 гг. вынудил правительство пойти на повсеместное повышение денежного содержания чинов общей полиции. В частности, 2 января 1906 г. на 25 % от утвержденных 25 декабря 1862 г. штатов были повышены оклады всех классных чиновников городских и уездных полицейских управлений. Указ не распространялся на городские полицейские управления Вильно и Минска, а также на должности околоточных надзирателей [19, № 27184]. Всем околоточным жалование было повышено до 400 руб. С 31 января 1906 г. оклад старшего городского установился на сумме в 275 руб., а младшего городского – на 215 руб. К этой сумме полагалось ежегодно 25 руб. на обмундирование [20, № 27309].

Однако данные меры по повышению денежного содержания не решили проблему. По крайней мере, на служебном совещании по вопросу о полицейской реформе от 11 декабря 1908 г. директор Департамента полиции М. И. Трусевич указывал на то, что на «большинство окладов чины полиции жить не могут» [21, л. 22 об.] При этом признавалось, что «многие из них существуют безбедно, а иногда даже в довольстве» [21, л. 24 об.]. В этой связи члены комиссии настаивали на необходимости существенного повышения окладов жалования полиции, поскольку без этого условия невозможно последовательно бороться с «лихоимством» [21, л. 24 об.]. Недостаточные размеры денежного содержания полицейским чиновникам «создают чуть ли не легализованное право ее на получение праздничных и иных видов поборов и даяний» [21, л. 24]. Комиссия апеллировала к западноевропейскому опыту финансирования полиции, благодаря которому за рубежом установлены «такие оклады для чинов полиции, которые, будучи неизмеримо выше действующих у нас, поставили служащих по полиции в независимое положение, дали возможность неуклонного преследования за мздоимство и привлекли на службу по полиции такие надежные элементы, которые у нас не допускаются в это ведомство неимоверно низким вознаграждением за опасную и ответственную службу» [21, л. 25]. Интересно то, что для чиновников ряда других ведомств, например юстиции или финансов, удавалось установить оклады, с которыми «содержание полиции не может даже идти в сравнение» [21, л. 23 об.]. С тем, что частичное повышение содержания в 1906 г. принципиально не изменило положения, были согласны и на местах. Так, могилевский губернатор А. И. Пильц в своем отчете от 7 июня 1911 г. считал, что кадровая политика по улучшению состава общей полиции встречает «серьезное препятствие в крайне ограниченном содержании, которое не всегда может привлечь на полицейские должности желанных кандидатов» [22, л. 328]. Проблема могла быть разрешена лишь путем увеличения «содержания, согласованного с современными условиями жизни и окладами чиновников других ведомств» [22, л. 328]. Характеристика губернатора подтверждается сведениями о текучке кадров среди нижних чинов в Витебской губернии. Например, городовые Двинского ГПУ согласно донесению от 24 декабря 1911 г. получали «настолько незначительное жалование (младший 19 рублей 91 коп., а старший 24 руб. 91 коп. в месяц), что часто меняют полицейскую службу на частную; чернорабочий в летнее время зарабатывает до 35 рублей в месяц» [23, л. 89]. Такой же малопривлекательной была ситуация с кадрами в Витебском ГПУ, в котором вследствие «малого содержания городовые часто бросают полицейскую службу и переходят на железную дорогу, где заработная плата значительно выше» [23, л. 110]. Аналогичный выбор при возможности делали городовые Полоцкого ГПУ, предпочитая подаваться в «кондуктора, стрелочники и носильщики» [23, л. 123]. В целом содержание городских к началу 1914 г. не превышало установленной в законе от 31 января 1906 г. суммы.

Нижние чины уездной полицейской стражи обеспечивались лучше городских. Так, по Витебской губернии старшему уряднику выплачивалось жалование в 480 руб., младшему – 420 руб., старшему пешему стражнику – 360 руб., а младшему – 300 руб. Конному стражнику выплачивалось 360 руб. и 100 руб. на содержание лошади. Проживание в уездных городах и сельской местности обходилось стражникам дешевле, чем жизнь в губернских или уездных промышленных центрах. Например, в 1910 г. в Лепельском уезде найм малой квартиры от 1 до 3 комнат стоил 60 руб. в год, кубическая сажень дров – 21 руб., бутылка молока – 5 коп., десяток яиц – 20 коп., фунт мяса от 8 до 10 коп., пуд картофеля – 25 коп. Однако жалование стражников было не настолько привлекательным, чтобы без проблем укомплектовывать стражу. Так, участники Особого совещания начальников полиции Минской губернии от 16–18 февраля 1913 г. считали одной из причин некомплекта стражников «чрезмерно малое вознаграждение» [24, л. 390]. Жалование нижних чинов было сопоставимо с оплатой труда рабочих: по отдельным профессиям оно оказывалось немного выше или равной среднему заработку, по другим – заметно ниже. Например, средний заработок типографских рабочих в Минской губернии в 1912 г. равнялся 579 руб., в Виленской – 378 руб., в Гродненской – 362 руб.

Положение частных приставов отчасти улучшилось после повышения в январе 1906 г. должностных окладов. Например, приставам Минского ГПУ выплачивалось 1000 руб. в год, а квартира предоставлялась вместе с «помещением для полицейских участков» [25, л. 286], т. е. чин жил там, где служил. Пристав Гродненского ГПУ при окладе в 700 руб. с квартирными и разъездными получал 1300 руб. Однако по сравнению с чинами иных ведомств положение приставов выглядело не так привлекательно. Так, преподаватель гимназии получал 900 руб., но за каждые пять лет выслуги ему полагалась надбавка в 400 руб. Если же он исполнял обязанности классного наставника, то ему доплачивалось 600 руб. в год, т. е. такой учитель гимназии без стажа получал 1500 руб.

Помощники частного пристава в Могилеве получали 700 руб., в том числе 200 руб. из них составляли квартирные. Если последние деньги не выплачивались, то жилье предоставлялось от городских властей. Выделение «служебной» квартиры являлось льготой, поскольку ее найм мог оказаться не по средствам чиновнику. Для сравнения в Гомеле ежемесячная плата мужской домашней прислуги колебалась от 15 до 33 руб., а дневная оплата труда чернорабочего варьировала от 70 коп до 1 руб. В Бресте помощник пристава при жаловании от казны в 500 руб. получал дополнительно 120 руб. квартирных и 80 разъездных из городского бюджета. Помощнику пристава и околоточному надзирателю Минского ГПУ давались квартирные деньги из городского бюджета в 200 и 180 руб. соответственно. Однако за «эти деньги нельзя найти более или менее сносную квартиру» [25, л. 256], поэтому раз-

ницу приходилось доплачивать из жалования. Приемлемой квартирой для помощника пристава считалось помещение «из трех комнат и кухни», а для околоточного надзирателя «из двух комнат и кухни» [25, л. 256], которые стоили приблизительно в 400 и 300 руб. в год. Жилье было желательно снимать в районе участка, за который отвечал полицейский чин. В отличие от моголевского помощника пристава полицейский офицер в Минске получал жалование в размере 700 руб. в год, а околоточный довольствовался предписанными по закону 400 руб.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв., по мнению администрации белорусских губерний, материальное обеспечение полицейских, в особенности околоточных надзирателей, помощников приставов, становых приставов и нижних чинов, являлось неудовлетворительным. Правительство откладывало повышение жалования до реализации будущей полицейской реформы. Политический кризис 1905–1907 гг. привел к некоторому повышению жалования, но окончательно не разрешил вопроса о обеспеченности полицейских чиновников сравнительно со служащими других ведомств. Жалование нижних чинов общей полиции от городских до стражников уездной полиции в среднем существенно не только не превышало заработков рабочих, но и уступало ряду рабочих специальностей. Жалование классных чинов общей полиции в среднем уступало окладам чиновников иных ведомств.

Список использованных источников

1. *Алексашина, Г. В.* Наемные работники в городах Беларуси: состав, правовое и экономическое положение (1890–1913 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г. В. Алексашина. – Минск, 2019. – 27 с.

2. *Кузьмин, А. Д.* Социально-правовое положение чиновничества белорусских губерний (1864–1914 гг.) / А. Д. Кузьмин // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова.* – 2017. – № 1(49) – С. 44–48. – (Серыя А. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія).

3. *Грачев, А. А.* Отдельные аспекты финансирования полиции России в начале XX века / А. А. Грачев // *Правовые и социально-экономические проблемы современной России: Теория и практика: сб. статей VII Междунар. науч.-практ. конф.* – 2019. – С. 3–10.

4. *Кузьмин, А. А.* Материальное обеспечение нижних чинов наружной полиции Санкт-Петербурга в конце XIX – начале XX вв. / А. А. Кузьмин // *Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. материалов Междунар. науч. конф.; под общ. ред. В. А. Веремеенко; С. В. Степанов (отв. ред.).* – СПб.: Ленинград. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2016. – С. 206–213.

5. *Всеподданнейший отчет Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора Альбединского по управлению краем за 1874, 1875, 1876 и 1877 годы* // *Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).* – Фонд 16. Д. 51.

6. Журналы Комитета министров. Март. Приложения. Часть 1-я. 1899 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 1263. Оп. 2. Д. 5385.
7. Журналы Комитета министров. Март. Приложения. Часть 1-я. 1900 г. // РГИА. – Фонд 1263. Оп. 2. Д. 5445.
8. Журналы Комитета министров. Июнь. Приложения. Часть 4-я. 1900 г. // РГИА. – Фонд 1263. Оп. 2. Д. 5456.
9. Комитет министров. Приложения к журналам заседаний за январь. 1905 г. // РГИА. – Фонд 1263. Оп. 2. Д. 5751 а.
10. Журналы Комитета министров. Март. Приложения. Часть 2-я. 1901 г. // РГИА. – Фонд 1263. Оп. 2. Д. 5501.
11. Представление минского губернатора министру внутренних дел 1 июня 1897 г. об увеличении штатов Минской городской полиции и проект штатов // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 300. Оп. 1. Д. 78.
12. Об общих забастовках и беспорядках и о принятых мерах к подавлению оных по Гродненской губернии // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 378. Оп. 211. Д. 4.
13. Об усилении полицейской команды города Быхова, Могилевской губернии // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1903. – 3-е собр. – Т. XXI. – № 20859.
14. О увеличении содержания некоторым чинам виленской городской и пригородной полиции и об усилении состава и средств Виленского городского полицейского управления // ЛГИА. – Фонд 378. Оп. 113. Д. 191.
15. Дело о доставлении сведений в Министерство внутренних дел о преобразовании полиции // НИАБ. – Фонд 1416. Оп. 2. Д. 19774.
16. Об усилении следственной части С.-Петербургского, Киевского, Могилевского, Пермского, Екатеринбургского и Самарского окружных судов // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1904. – 3-е собр. – Т. XXII. – № 22318.
17. Об увеличении квартирного довольствия как станových приставов, так и полицейских надзирателей Виленской губернии // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 102. Оп. 72. Д. 105.
18. О квартирном довольствии станových приставов и полицейских урядников // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1903. – 3-е собр. – Т. XXI. – № 19684.
19. Об увеличении присвоенных чинам полиции окладов содержания // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1909. – 3-е собр. – Т. XXVI. – № 27184.
20. О численном составе и окладах содержания чинов городских полицейских команд // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1909. – 3-е собр. – Т. XXVI. – № 27309.
21. Проекты преобразования полиции в России, составленные комиссией по преобразованию полиции под председательством товарища министра внутренних дел А. А. Макарова // РГИА. – Фонд 1217. Оп. 1. Д. 1.
22. Совет министров. Приложения к общим журналам заседаний за декабрь. 1912 // РГИА. – Фонд 1276. Оп. 17. Д. 243.
23. Дело по отношению Департамента полиции от 24.12.1911 г. о доставлении статистических сведений (по вопросу об увеличении содержания чинам полиции) // НИАБ. – Фонд 1416. Оп. 2. Д. 24282.

24. Журналы заседания Минского губернского правления и особых совещаний начальников полиции и др. должностных лиц Минской губ. // НИАБ. – Фонд 295. Оп. 1. Д. 8297.

25. Циркуляры Департамента полиции, Главного управления по делам печати, министерства губернского о борьбе с революционным движением и другим вопросам. Журнал совещания от 24 июля 1908 г. о реорганизации полиции по г. Минску и Минскому уезду // НИАБ. – Фонд 300. Оп. 1. Д. 20.

(Дата подати: 16.02.2022 г.)

В. В. Кірыленка

Ліцэй Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск

V. Kirylienka

Lyceum of Belarusian State University, Minsk

УДК 930"18"(061.32)

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ РАСІЙСКОЙ АГРАРНАЙ ПАЛІТЫКІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ АПОШНЯЙ ЧВЭРЦІ ХVІІІ – ПАЧАТКУ ХІХ СТ.

HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN AGRARIAN POLICY IN THE BELARUSIAN LANDS OF THE LAST QUARTER OF THE XVIII – EARLY XIX CENTURY

У артыкуле здзяйсняецца сістэмны аналіз гістарыяграфіі аграрнай палітыкі Расійскай імперыі на беларускіх землях у 1772–1801 гг. як сукупнасці палітыка-ідэалагічных стратэгіяў, увасобленых у канкрэтных захадах у адносінах да аграрных суб'ектаў і зямельных фондаў. Выкарыстаны храналагічны прынцып, крытэрыі ідэалагічна-палітычнай і нацыянальнай прыналежнасці даследванняў, а таксама ўлічаны розныя аспекты прадмету вывучэння – важнейшыя складовыя элементы аграрнай палітыкі.

Ключавыя словы: гістарыяграфія аграрнай палітыкі; Расійская імперыя; беларускія землі; зямельная палітыка; канфіскацыі маёнткаў; раздачы зямель; сялянскае пытанне; стратэгіі ўніфікацыі.

The article provides a systematic analysis of the historiography of the agrarian policy of the Russian Empire in the Belarusian lands in 1772–1801. as a set of political and ideological strategies embodied in specific measures in relation to agricultural entities and land funds. The chronological principle, the criterion of ideological, political and national affiliation of the research are used, as well as various aspects of the subject of study are taken into account – the most important components of agr policy.

Keywords: historiography of agrarian policy; Russian Empire; Belarusian lands; land policy; confiscation of estates; distribution of lands; the peasant question; unification strategies.

Праблематыка расійскай аграрнай палітыкі на беларускіх землях займае значнае месца ў гістарычнай рэфлексіі, захоўваючы актуальнасць як у розныя часы, так і ў розных дзяржаўных утварэннях на тэрыторыях былой Расійскай імперыі. Такі значны гістарыяграфічны масіў найбольш сістэмна можа быць прааналізаваны ў рэчышчы розных падыходаў. У межах традыцыйнага для гістарычнага агляду храналагічнага падыходу мэтазгодна вылучыць дарэвалюцыйны, міжваенны, пасляваенны і сучасны перыяды. У адпаведнасці з палітыка-ідэалагічнай ці нацыянальнай прыналежнасцю для вывучаемай праблематыкі мае сэнс вылучыць гістарыяграфію расійскую, у трох праявах – імперскую, савецкую і сучасную, беларускую і ўкраінскую, з адпаведным падзелам на савецкую і нацыянальную, польскую (міжваеннага часу) і заходнюю [66–70]. У сувязі с тым, што аграрная палітыка ўлучае шэраг складовых элементаў, важна ўключыць у межы гістарыяграфічнага агляду даследванні праблематыкі ў розных яе аспектах: аграрнае, зямельнае, прыгоннае, сялянскае, дваранска-сялянскае і інш. пытанні. Менавіта на скрыжаванні азначаных падыходаў здзяйсняецца аналіз гістарыяграфіі аграрнай палітыкі ў дадзеным артыкуле.

На самым пачатку зараджэння рэфлексіі адносін паміж дзяржавай, сялянамі і дваранамі ў канцы XVIII – пачатку XIX ст. яна насіла ў большай ступені грамадска-палітычны, чым уласна гістарычны характар: мелі месца крытычныя публікацыі і абгрунтаванні праектаў па рэфармаванні і рэгуляванні пазначаных адносін [1, с. 36]. Спробу фактаграфічнага абгульнення, выбітную для свайго часу, а ў чымсьці і не паўтораную да нашага, зрабіў У. Мяжоў яшчэ ў сярэдзіне XIX ст. [2].

У дарэвалюцыйны час аграрная палітыка расійскіх уладаў на беларускіх землях найбольш поўна была распрацавана ў даследаваннях ураджэнцаў Беларусі: ліберальнага народніка Васіля Сямеўскага і прадстаўніка гісторыка-юрыдычнай школы Платона Жуковіча. Сямеўскі быў у першую чаргу засяроджаны на праблематыцы дзеянняў пецяярбургскага ўраду ў зямельнай і сялянскай палітыцы на ўскраінах імперыі [3–7], тады як у даследаваннях Жуковіча была здзейснена спроба прадставіць сукупнасць сацыяльных і прававых захадаў новых уладаў для засваення беларускага краю [8–14].

В. Сямеўскі раскрывае аграрную палітыку расійскага ўраду на далучаных беларускіх землях у агульнаімперскім кантэксце. У зямельнай палітыцы Кацярыны II аўтар выдзяляе тры перыяды, што дазваляе яму падкрэсліць асаблівасці інкарпарацыйных працэсаў. У першы перыяд (1762–1772) агульная колькасць падараванняў складала 80 маёнткаў, большасць якіх была з палацавых і гасударавых [3, с. 18–19]; у другі перыяд (1772–1795) колькасць раздачаў павялічылася да 226 (з беларускіх земляў 77 % рэвізскіх душаў); у трэці перыяд (1795–1796) на далучаных землях было падаравана 100 маёнткаў, што па інтэнсіўнасці перавышае першыя два перыяды [3, с. 11–12].

В. Сямеўскі прыводзіць розныя мадыфікацыі зямельных падараванняў, характэрныя ў першую чаргу для Беларусі: 1) уласна зямельныя падараванні, што былі некалькіх відаў: а) дзяржаўныя, якія складалі абсалютную большасць [6, ЛП, с. 17; 3, с. 24–25], б) палацавыя, у значна меншай колькасці, с) канфіскаваныя і секвестраваныя, d) адмыслова набытыя; 2) грошы як пажалаванне на мэтавую пакупку маёнткаў; 3) прыбыткі ад маёнтку ў якасці падаравання. Пэралік аўтарам формаў раздачаў дае зразумець, што аграрная палітыка на Беларусі за часамі Кацярыны II мела характар спрыяння і захвочвання ў пашырэнні расійскага землеўладання. Не засяроджваючыся на праблеме русіфікацыі далучаных земляў, навуковец адзначае ў захадах ураду імкненні да «абрусення краю» [3, с. 19, 59; 4, с. 156]. Параўноўваючы палітыку Кацярыны II і Паўла I, В. Сямеўскі адзначае, што «Павел... адносна раздачы населеных маёнткаў ішоў следам за маці» у тым, што тычыцца дэклараваных матываў падараванняў [3, с. 67; 4, с. 175–177].

Шмат увагі В. Сямеўскі надае аналізу становішча беларускіх сялянаў пад расійскай уладай у параўнанні з «польскім» праўленнем, намагаючыся знайсці дадатныя моманты. Аднак, падсумоўваючы Сямеўскі сцвярджае: «расійскі ўрад нічога не зрабіў для сапраўднага паляпшэння быту сялянаў» [3, с. 64]. Параўноўваючы становішча сялянства ў Расійскай імперыі, аўтар адзначае, што найбольш цяжкім яно было ў беларускіх губернях, але не ў гэтым ён бачыць прычыну таго, што ўрад «выказваў энергію ў справе паляпшэння быту прыгонных тых частак Расіі, якія былі прылучаныя ад Польшчы», а ў палітычных варунках [5, с. 481].

П. Жуковіч разглядае палітыку расійскага ўраду ў беларуска-літоўскім краі пасля яго інкарпарацыі зыходзячы з крытэрыю ўмацавання ўнутраных сувязяў адпаведных губерняў з астатняй Расіяй шляхам пазбаўлення «польскага элементу» землеўладання і вызваленне «рускага» сялянства ад яго прыгнёту.

Галоўны недахоп палітыкі Кацярыны II аўтар бачыць у адсутнасці зменаў у землеўладанні на Беларусі «ў сэнсе аслаблення польскага эканамічнага гнёту» [14, с. 5], аднак факты, што прыводзіць даследчык, сведчаць пра адваротнае: здзяйснялася палітыка паступовага пазбаўлення зямлі мясцовага панства. Пасля 1794 г. зямельная палітыка набывае відавочна ідэалагічы аспект: абяцанні зямлі сялянам за спрыянне ў падаўленні паўстання, зварот да права ВКЛ у дачыненні да інсургентаў, каб пазбавіць маёнткаў найбольшую колькасць шляхты, падараванні за падаўленне паўстання. Такім чынам ішло выцягненне чужой ідэалогіі носьбітамі расійскай ідэалогіі, незалежна ад іх нацыянальнай прыналежнасці, але П. Жуковіч як навуковец канца XIX ст. мысліць у этна-культурных катэгорыях і не бачыць у зямельнай палітыцы Кацярыны русіфікацыйных захадаў [14, с. 11], як і ў палітыцы Паўла.

Ацэньваючы палітыку Паўла I у ажыццяўленні «рускай справы» ў паўночна-заходнім краі, П. Жуковіч крытыкуе яго прыхільнасць да

«польскіх» інтарэсаў»: спыненне раздачы секвестраваных маёнткаў, выпадкі вяртання некаторых з іх, раздача ў спадчынае валоданне «польскім» дваранам маёнткаў, якія ранней былі ў пажыццёвым трыманні, вызваленне пажыццёвых уладальнікаў ад выплаты ў казну [12, с. 222].

Характарызуючы зямельную палітыку Кацярыны II і Паўла I, П. Жуковіч падкрэслівае адсутнасць «цвёрдага прынцыпу» на заходніх ускраінах, што прывяло да яе слабой падтрымкі расійскімі дваранамі, якія павінны былі стаць носьбітамі імперскіх інтарэсаў на далучаных землях. У выніку, шматлікія падараванья маёнткі шляхам продажу вярталіся да «польскага элементу», што для аўтара з'яўляецца значным пралікам расійскіх уладаў, бо такім чынам страчвалася мажлівасць «умацавання рускай самасвядомасці ў беларускім сялянстве». У сувязі з гэтым П. Жуковіч дадатна ацэньвае спыненне Аляксандрам I раздачаў дзяржаўных маёнткаў для «рускай справы» [14, с. 14].

Ад разгляду зямельнага пытання ў расійскай аграрнай палітыцы, што з пункту гледжання «рускай справы» была не надта паспяховай, П. Жуковіч пераходзіць да аналізу сялянскага пытання ў гэтым жа рэчышчы, захадзі па рашэнні якога за часамі Паўла I і Аляксандра I ацэньвае як безвыніковыя і падкрэслівае, што як зямельнае, так і сялянскае пытанні былі вырашаныя ў «інтарэсах рускай нацыянальнай ідэі» толькі пасля 60-х гг. XIX ст. [14, с. 50].

Важным для вывучэння расійскай аграрнай палітыкі на Беларусі падаецца зварот да польскай гістарыяграфіі міжваеннага часу, фармаванне якой праходзіла ў межах крытыкі папярэдніх імперскіх напрацовак, што здзяйснялася з супрацьлеглых ідэалагічных пазіцый: гісторыкі адроджанай Польшчы імкнуліся знайсці падцверджанне прыгнёту і русіфікацыі польскасці на забраных Расіяй землях, у тым ліку праз канфіскацыі зямельных уладанняў і паступовае адхіленне краёвых землеўладальнікаў ад уплыву на сялянства [15–20].

Польскі гісторык Я. Руткоўскі закранае пытанні расійскай палітыкі на землях былога ВКЛ толькі ў адной з шэрагу прац міжваеннага часу [18]. Найбольш важнае з паднятых пытанняў – паступовы пераход ініцыятывы ў сялянскай справе на беларуска-літоўскіх землях з мясцовага ўзроўню да спробаў дзяржаўнага рэгулявання аграрных адносін. Даследчык прыходзіць да высноваў пра значнае павялічэнне падатковага і паншчыннага ціску на сялянства, чым, па меркаванню Руткоўскага, найперш скарысталіся расійскія землеўласнікі, атрымаўшы маёнткі на далучаных землях [18, с. 85–86; 89].

Да падобных высноваў прыходзіць і Л. Жытковіч, які дае параўнаўчы аналіз прававога і сацыяльна-эканамічнага становішча селяніна ў Рэчы Паспалітай і Расійскай імперыі не на карысць імперскага, а таксама падкрэслівае, што пасля падзелаў становішча сялянаў пагоршылася:

пашырыўся прыгон за кошт раздачы дзяржаўных сялян, значна ўзраслі падаткі, вынікам чаго былі ўцёкі сялян за межы Расіі [17, s. 309–313].

Н. Гансяроўская ў сваім даследванні разглядае развіццё эканомікі ад часоў «рэформаў Станіслаўскіх» да 1830 г., здзяйсняючы паслядоўны аналіз пераходнага перыяду гаспадаркі земляў Рэчы Паспалітай. Аўтар даводзіць, што яшчэ перад падзеламі расійскія ўлады ўплывалі на палітыку краіны, у тым ліку ў сялянскім пятанні – Сойм 1768 г. прыняў, пры ўдзеле Кацярыны II, Устав пра пазбаўленне пана права на смяротнае пакаранне сялян [20, s. 28].

Істотным падаецца супрацьпастаўленне даследчыцай эканамічна-фіскальных захадаў Прусіі, якія абмяжоўвалі экспарт збожжа з Рэчы Паспалітай, і Расіі, што пакінула вольны рух па Дзвіне, а далучэнне чарнаморскіх стэпаў абудзіла гандаль мясцовай сыравінай ў паўднёвых ваяводствах, а таксама ва ўсходнебеларускіх землях [20, s. 81], тым самым прывязваючы гэтыя тэрыторыі да расійскага рынку.

В. Шміт асэнсоўвае фактычны матэрыял, вядомы яшчэ з XIX ст. [4–7; 14], і цесна ўвязвае аграрную палітыку расійскіх уладаў на далучаных беларускіх землях з ідэалагічнымі мэтамі, што афармляецца ў яго падыходзе ў паняцце «русіфікацыя зямлі». Разглядаючы гэты феномен Шміт падкрэслівае, што ён адбываўся не стыхійна і не быў праявай прыватнай ініцыятывы, аднак здзяйсняўся мэтанакіравана цэнтральным урадам імперыі, хоць і не меў сістэматычнага і дэклараванага характару. Аўтар падкрэслівае стаўленне Кацярыны II да прылучаных земляў як да ўнутры-імперскіх у выкарыстанні іх у якасці ўзнагароджання і для «задавальнення дынастычных мэтаў» у сітуацыі нястачы ўласна расійскіх землеў і ў той жа час прасочвае намеры уладаў да сцвярджэння імперскіх каштоўнасцяў шляхам раздачы зямлі тым, хто імі кіраваўся на сваёй службе [15, s. 1–9].

Работа Я. Івашкевіча па сутнасці ўяўляе сабой статыстычную распрацоўку з выкарыстаннем вядомых з працы Шміта лічбаў, дапоўненую звесткамі пра канфіскацыі земляў кацярынінскім ўрадам пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай [16, s. 5]. Важным момантам для разумення расійскіх стратэгіяў у аграрнай палітыцы на беларускіх землях у пытанні канфіскацыі, згодна Івашкевічу, было «сапраўды драконаўскае», у параўнанні з Польшчаю, стаўленне расійскай улады да паўстанцаў на землях былога ВКЛ [16, s. 8–9].

У сваёй рабоце В. Грабскі падкрэслівае пагаршэнне матэрыяльнага і праўнага становішча сялянаў на занятых Расійскай імперыяй землях, адзначаючы ролю экспарту збожжа праз парты (Адэса) і здачы ў арэнду дзяржаўных маёнткаў, як фактараў павышэння паншчыны. Важнай падаецца выснова аўтара, што расійскі ўрад карыстаўся досведам «Аўстрыйскай імперыі» ў правядзенні аграрнай палітыкі, асабліва ў сялянскім пытанні, у той час, як некаторыя ініцыятывы мясцовай шляхты абапіраліся на прускі варыянт [19, s. 327–329].

Беларускія даследчыкі міжваеннага часу шчыльна займаліся сацыяльнымі наступствамі мэтанакіраваных аграрных пераўтварэнняў расійскіх уладаў на былых землях ВКЛ [21–23].

Гісторыкі савецкай Беларусі ў зборніку 1924 г. падымаюць праблему адноснаў мясцовай расійскай адміністрацыі на беларуска-літоўскіх землях і пецябургскага ўраду ў аграрных справах і сялянскім пытанню. У прыватнасці, аўтары падкрэсліваюць супярэчнасць аграрнай палітыкі расійскага ўраду сацыяльна-эканамічным традыцыям ВКЛ: кіраўнікі краю неаднаразова даводзілі цэнтральным уладам, што не ў традыцыі Беларусі продаж сялян без зямлі, але незважаючы на гэта Сенат зацвярджае права прыгонніка на такі продаж і магчымасць караць прыгоннага [23, с. 18].

Заходнебеларускі гісторык М. Ільяшэвіч, у працы 1933 г., акцэнтуючы ўвагу на намаганнях расійскай улады кантраляваць настроі сялянства далучаных зямель, робіць выснову пра магчымасць выступленняў ў вёсках падчас прыходу новай адміністрацыі [21, с. 20–21], тым самым адмаўляючы тэзіс пра інэртнасць і абьякавасць прыгонных да палітычных зменаў.

Аўтар падымае і праблему адміністрацыйнага замацавання вольных сялян, а таксама праблему своеасаблівага «разбору» жыхароў мястэчак, якія, разам з прадстаўнікамі дробнай шляхтай, былі залічаны да прыгонных сялян. Дадзеныя і іншыя захады разглядаюцца М. Ільяшэвічам як сведчанне тэндэнцыі да максімальнага кантролю і ўніфікацыі сацыяльнай і эканамічнай прасторы былой Рэчы Паспалітай да расійскага варыянту, што сутыкалася з вялікімі цяжкасцямі праз наяўнасць больш нізкіх культурных і аграрных формаў ва ўласна Расіі і спараджала разгубленасць ураду і яго індывідуальнасць да сістэмнага правядзення ўніфікацыйнай палітыкі [21, с. 22–23].

Праца К. Кернажыцкага 1935 г. была, верагодна, апошняй, у якой аўтар пазбег ідэалагічнага схематызму і прапанаваў арыгінальны погляд на аграрную палітыку Расіі на прылучаных землях. Навуковец прытрымліваецца распаўсюджанага меркавання пра зацікаўленасць мясцовых земляўласнікаў у апірышчы на цэнтралізаваную расійскую ўладу для кантролю над сялянствам ва ўмовах пашырэння паншчыны канца XVIII – пачатку XIX ст. [22, с. 24; 27], аднак менавіта К. Кернажыцкі быў першым, хто вызначыў асноўныя рысы землеўласніка-прадпрымальніка як аграрнага суб'екта новага тыпу.

Даследчык ахапіў даволі вялікае поле сацыяльна-эканамічных і (геа)палітычных чыннікаў, якія сведчылі пра першаснае і павольнае, але мэтанакіраванае прыпадабнення беларускіх земляў да ўнутрана-расійскіх у засваенні Беларусі імперскімі ўладамі [22, с. 30, 95, 103].

Беларускімі савецкімі даследчыкамі М. Улашчыкам [24], В. Чапко [25; 26], В. Мялешкам [27; 28], П. Казлоўскім [29] і інш. у 1950–1980-я гг.

здзейснены ўсебаковы аналіз аграрнай рэчаіснасці заканчэння эпохі традыцыйнага грамадства, што супала з апошнім этапам існавання феадальнага спосабу вытворчасці, а на беларускіх землях ўскладнялася палітычнымі падзеямі – першымі спробамі засваення далучаных земляў расійскімі імперскімі структурамі, што распачаліся адразу пасля падзелаў Рэчы Паспалітай. Аднак, у сувязі з панаваннем спецыфічна асэнсаванай марксісцкай метадалогіі, аналіз расійскай аграрнай палітыкі ў савецкі перыяд меў ідэалагічна абмежаваны характар.

Пераадоленне аднабаковасці савецкай гістарыяграфіі стала мажлівым пасля аднаўлення незалежнасці Беларусі ў даследваннях сучасных навукоўцаў. Даследчыцкая тэматыка пашырылася і выйшла на новы ўзровень, калі стаў нормай разгляд з супрацьлеглых канцэптуальных пазіцый падобных тэм, укараненне ў навуковы працэс розных метадалагічных устаноў. Пераходным момантам ад папярэдняй да наступнай традыцыі можна лічыць знакавую гістарыяграфічную працу Э. Йофе [30].

Цалкам, новы погляд на разгортванне імперскай палітыкі найперш у аграрнай, сацыяльнай і інш. сферах беларуска-літоўскага грамадства пасля заняцця гэтых земляў расійскай уладай даюць работы У. Сосны [31–34], Я. Анішчанкі [35–39], А. Лютага [40], В. Шведа [41], В. Макарэвіча [42], А. Радзюка [43] і іншых буларускіх навукоўцаў. Варта асабліва падкрэсліць даследванні В. Яноўскай і А. Філатавай [44–47] з спробай канцэптуальнага аналізу феномена русіфікацыі і яе розных тыпаў, дзе заўважна ідэя развіцця імперскай аграрнай палітыкі ў форме першаснай, так бы мовіць даэтнічна-культурнай, стратэгіі ўніфікацыі – аграрнай імперыялізацыі беларускіх тэрыторыяў і саслоўна-зямельных адносін.

Абагульненне і сістэматызацыя здабыткаў беларускай гістарыяграфіі на пачатак XXI ст. па сацыяльна-эканамічным і палітычным праблемам пазначанага часу былі зроблены ў калектыўных працах Інстытуту гісторыі Нацыянальнай Акадэміі навук і арыгінальных зборніках даследванняў, дзе вызначаюцца сучасныя тэндэнцыі і новыя траекторыі аналізу гістарычнай рэчаіснасці як у працах вядомых беларускіх гісторыкаў (В. Яноўская, А. Філатава, У. Сосна, А. Кахановіч і інш.), так і ў даследваннях новага пакалення навукоўцаў (В. Макарэвіч, А. Унучак, В. Кахановіч і інш.) [48–50].

У сучаснай расійскай гістарычнай навуцы даследчыкі Расійскай імперыі, асабліва тыя, хто прытрымліваюцца школы новай імперыялогіі – А. Мілер [51; 52], М. Далбілаў [53], Л. Гарызонтаў [54; 55], улучаюць сацыяльна-эканамічную складаючую аграрнай палітыкі пецяярбургскіх і мясцовых уладаў у больш шырокі храналагічны і сутнасны палітыка-ідэалагічны змест захадаў у аграрнай сферы [56, с. 134–135].

Украінская нацыянальная гістарыяграфія, якая фармуецца праз навуковае супрацьстаянне расійскаму наратыву, надае вялікую ўвагу імперскай аграрнай палітыцы на тэрыторыі Правабярэжнай Украіны, што, як і бела-

рускія землі апынуліся пад уладай расійскага ўраду пасля падзелаў Рэчы Паспалітай. Менавіта праз цесную павязь гэтых двух рэгіёнаў назіраўся практычна ідэнтычны падыход да іх прыпадабнення да вялікарасійскіх губерняў на прыканцы XVIII – пачатку XIX ст. Вылучаюцца некалькі падыходаў у вывучэнні ўкраінскімі даследчыкамі інкарпарацыйных стратэгіяў, што на дадзеным этапе палягаюць паміж узважанымі пунктам погляду на кантроль і рэгуляванне з боку імперскага цэнтру ў аграрнай сферы і ўзрастаючым дамінаваннем ідэй здрады ўкраінскім інтарэсам з боку польскай шляхты на карысць расійскай уладзе [1, с. 57–65].

Такім чынам, абапіраючыся на магчымасці шматвектарнага аналізу гістарыяграфіі расійскай аграрнай палітыкі на беларускіх землях апошняй чвэрці XVIII – пачатку XIX ст. – пачынаючы ад прац імперскага перыяду, творчасці беларускіх і польскіх даследчыкаў міжваеннага часу, грунтоўных даследванняў другой паловы XX ст. і арыгінальных падыходаў постсавецкага перыяду ў беларускай, польскай, расійскай і ўкраінскай школах, а таксама кампаратыўнага вывучэння імперскай палітыкі на розных ускраінах імперыі, агульнага разгляду расійскай палітыкі на землях былой Рэчы Паспалітай і, урэшце, непасрэдна аграрных захадаў пецяярбургскага ўраду і мясцовых уладаў канкрэтна ў беларускіх губернях – бачыцца неабходным і далей паглыбляць аналіз гістарыяграфіі на новым узроўні ў спалучэнні найперш мікра- і макраўзроняў аналізу розных нацыяльных школ аграрных даследванняў, што паступова складаюцца ў новыя традыцыі гістарычнай навукі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Литвинова, Т.* «Помещичья правда»: дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века: монография / Т. Литвинова. – М.: НЛЮ, 2019. – 644 с.
2. *Межов, В.* Крестьянский вопрос в России: полн. собр. материалов для истории крестьян. вопр. на яз. рус. и иностр., напеч. в России и за границей: 1764–1864 / В. Межов. – СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1865. – 422 с.
3. *Семевский, В.* Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II: Очерк из истории частной земельной собственности в России / В. Семевский. – СПб.: Тип. МПС, 1906. – 71 с.
4. *Семевский, В.* Пожалование населенных имений при императоре Павле / В. Семевский // Русская Мысль. – 1882. – № 12. – С. 153-192
5. *Семевский, В.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века / В. Семевский: в 2 т. – СПб.: Тип. «Обществ. Польза», 1888. – Т. 1. Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. – 517 с.
6. *Семевский, В.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II / В. Семевский. Т. 1. – СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1881. (Записки Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербург. ун-та; Т. 8) – 504 с.

7. *Семевский, В.* История крестьянского вопроса в связи с историей внутреннего быта России в XVIII и первой половине XIX в.: Лекции, чит. во второй половине 1882–1883 г. прив.-доц. СПб. ун-та В. Семевским / В. Семевский. – СПб.: Изд. студента И. Белогостицкого, 1883. – 215 с.

8. *Жукович, П.* Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II: Дворянство Вост. Белоруссии / П. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). – 1915. – № 1. – Ч. LV. – С. 76–109.

9. *Жукович, П.* Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II: Крестьянство Вост. Белоруссии / П. Жукович // ЖМНП. – 1915. – № 2. – Ч. LVI. – С. 257–294.

10. *Жукович, П.* Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II: дворянство, крестьянство и мещанство в западно-русских областях, присоединенных по второму и третьему разделам / П. Жукович // ЖМНП. – 1915. – № 5. – Ч. LVII. – С. 130–178.

11. *Жукович, П.* Западная Россия в царствование Павла I: Управление и суд / П. Жукович // ЖМНП. – 1916. – № 6. – Ч. LXIII. – С. 183–226.

12. *Жукович, П.* Западная Россия в царствование Павла I: Дворянство / П. Жукович // ЖМНП. – 1916. – № 6. – Ч. LXIV. – С. 207–227

13. *Жукович, П.* Западная Россия в царствование Павла I: Крестьянство / П. Жукович // ЖМНП. – 1916. – № 6. – Ч. LXIV. – С. 227–246

14. *Жукович, П.* О русском землевладении в Северо-Западном крае со времени присоединения его к России / П. Жукович. – СПб.: Печатня С. Яковлева, 1895. – 53 с.

15. *Schmidt, W.* Geneza prywatnej rosyjskiej własności ziemskiej w b. gubernjach wileńskiej, grodzieńskiej i mińskiej (1793–1875). / W. Schmidt. – Warszawa: GUS, 1923. – 105 s.

16. *Iwaszkiewicz, J.* Wykaz dobr ziemskich skonfiskowanych przed rządy zaborcze w latach 1773–1867 / J. Iwaszkiewicz. – Warszawa: RNOZ, 1929. – 53 s.

17. *Żytkowicz, L.* Rządy Repnina na Litwie w latach 1794-7 / L. Żytkowicz – Wilno: druk. «GRAFIKA», 1938. – 464 s.

18. *Rutkowski, J.* Sprawa włościańska w Polsce w XVIII i XIX wieku / J. Rutkowski. – Warszawa: PSPS, 1922. – 272 s.;

19. *Grabski, W.* Historia wsi w Polsce / W. Grabski. – Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1929. – 450 s.

20. *Gąsiorowska, N.* Polska na przełomie życia gospodarczego (1764–1830) / N. Gąsiorowska. – Warszawa : PSPSz. – 1922. – 56 s.

21. *Льяшэвіч, М.* Расейская палітыка на землях былага Беларуска-Літоўскага гаспадарства за панавання Кацярыны II і Паўлы I (1772–1801) / М. Льяшэвіч. – Вільня : друкарня Я. Левіна, 1933. – 24 с. (Рэпрэнтнае выд.: Расійская палітыка на землях былога Беларуска-Літоўскага гаспадарства за панавання Кацярыны II і Паўлы I (1772–1801) / М. Льяшэвіч. – [Рэпрэнтнае выд.]. – 3-е выд. – Менск [Мінск] : Беларускае кааперацыйна-выдавецкае таварыства «Адраджэнне», 1992. – 24 с.)

22. *Кернажыцкі, К.* Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX в. / К. Кернажыцкі. – Мінск: Выд-ва Бел. акад. навук, 1935. – 271 с.

23. Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху: калектыўная праца / пад рэдак. А. Сташэўскага [і інш.]. – Менск: Выданне ЦВК БССР, 1924. – 322 с.
24. *Улащик, Н.* Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии / Н. Улащик. – М.: Наука, 1965. – 480 с.
25. *Чепко, В.* Сельское хозяйство в Белоруссии в первой половине XIX в. / В. Чепко. – Минск: Наука и техника, 1966. – 220 с.
26. *Чепко, В.* Классовая борьба в белорусской деревни в первой половине XIX в. / В. Чепко. – Минск: Наука и техника, 1972. – 265 с.
27. *Мелешко, В.* Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII–XVIII в.) / В. Мелешко. – Минск: Наука и техника, 1975. – 246 с.
28. *Мелешко, В.* Классовая борьба в белорусской деревне во второй половине XVII – XVIII в. / В. Мелешко. – Минск: Наука и техника, 1982. – 252 с.
29. *Козловский, П.* Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в. / П. Козловский. – Минск: Наука и техника, 1982. – 206 с.
30. *Июффе, Э.* Из истории белорусской деревни: (Сов. историография соц.-экон. развития белорус. деревни середины XVII – первой половины XIX в.) / Э. Июффе. – Минск: Ураджай, 1990. – 343 с.
31. *Сосна, У.* Фарміравання саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / У. Сосна. – Мінск БДУ, 2000. – 116 с.
32. *Сосна, У.* Царскія падараванні сялянаў на Беларусі і іх сацыяльна-палітычныя наступствы / У. Сосна // БГЧ. – 1999. – № 2. – С. 14–18.
33. *Сосна, У.* Палітычная гісторыя сялянства Беларусі канца XVIII – сярэдзіны XIX ст.: Вынікі даследвання / У. Сосна // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки Сб. науч. ст. Вып. 4(9) – Минск: РИВШ, 2007. – С. 173–179.
34. *Сосна, У.* Пра некаторыя аспекты русіфікацыі Беларусі ў XIX ст. / У. Сосна // Беларусіка=Albaruthenica. – 1997. – Т. 6. Ч. 2. – С. 304–309.
35. *Анішчанка, Я.* Беларусь у часы Кацярыны II (1772–1796): у дапамогу выкладчыкам, аспірантам і студэнтам / Я. Анішчанка. – 2-е выд. – Мінск: Веды, 1998. – 212 с.; *Анішчанка, Я.* В когтях двухглавого орла: Беларусь во времена Екатерины II (1772–1796 гг.): монография / Я. Анішчанка. – Минск: В. Хурсік, 2016. – 442 с.
36. *Анішчанка, Я.* Генеральнае межаванне на Беларусі / Я. Анішчанка. – Мінск: Беларуская навука, 1996. – 166 с.
37. *Анішчанка, Я.* Генеральнае межаванне ў Беларусі: дапаўненне да кнігі «Генеральнае межаванне ў Беларусі» / Я. Анішчанка; Адказны рэдактар І. Марзалюк. – Горкі: Магілёў: Выдавецтва Аддзелу культуры Горацкага гарвыканкаму, 2002. – 121 с.
38. *Анішчанка, Я.* Палітычная гісторыя ў часы падзелу Рэчы Паспалітай: доктарская дысертацыя / Я. Анішчанка. – Мінск: В. Хурсік, 2006. – 252 с.
39. *Анішчанка, Я.* Інкарпарацыя: Літоўская правінцыя ў падзелых Рэчы Паспалітай / Я. Анішчанка. – Мінск: Хурсік, 2003. – 468 с.

40. *Люты, А.* Сацыяльна-эканамічнае развіццё ў Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст.: манаграфія / А. Люты. – Мінск: БДПУ, 2004. – 320 с.
41. *Швед, В.* Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.) / В. Швед. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 416 с.
42. *Макарэвіч, В.* Разбор шляхты ў беларускіх губернях Расійскай імперыі (канец XVIII–XIX ст.) / В. Макарэвіч. – Мінск: БДУ, 2018. – 315 с.
43. *Радзюк, А.* Пад скіпетрам Расейскай імперыі: рэпрэсійная палітыка царызму на землях Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / А. Радзюк. – Гародня-Кракаў: БТК, 2017. – 196 с.
44. *Філатава, А.* Да пытання аб паланізацыі і русіфікацыі Беларусі ў XIX ст. / А. Філатава // Беларусіка=Albaruthenica. – 1993. – Кн. 2. – С. 131–133.
45. *Філатава, А.* Саслоўная і нацыянальная палітыка царскага ўрада на Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.: стан гістарыяграфічнага вывучэння праблемы / А. Філатава // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця. – Мінск: «Дэполіс», 2000. – С.172–174.
46. *Філатава, А.* Тэрытарыяльная палітыка ўрада Расійскай імперыі / А. Філатава // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі канца XVIII – пачатку XX ст.: праблемы, здабыткі, перспектывы / Н. Анофранка [і інш.]; навук. рэд. В. Яноўская. – Мінск: Бел.навука, 2006. – С. 5–20.
47. *Філатава, А.* Палітыка русіфікацыі на беларускіх землях ва ўмовах інерцыйных працэсаў паланізацыі / А. Філатава, В. Яноўская // На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы / В. Яноўская [і інш.]; навук. рэд. В. Яноўская; Нац.акад. навук Беларусі, Ін-т гіс то ры. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – С. 77–102.
48. На шляху станаўлення беларускай нацыі : гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы / В. Яноўская [і інш.]; навук. рэд. В. Яноўская; Нац.акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 311 с.
49. «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. / редкол.: И. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017–2019. – Вып. 3.
50. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. Яноўская [і інш.]; рэдкал.: В. Даніловіч (гал.рэд.) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Бел.навука, 2020. – 684 с.
51. *Миллер, А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. – М.: НЛЮ, 2006. – 240 с.
52. *Миллер, А.* Украинский вопрос в Российской империи / А. Миллер. – Киев: Laugus, 2013. – 416 с.
53. *Долбилов, М.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Долбилов. – М.: НЛЮ, 2010. – 1000 с.
54. *Горизонтов, Л.* Помещик или мужик? Русское землевладение в стратегии решения польского вопроса / Л. Горизонтов // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.): Сб. науч. ст.; отв. ред. проф. П. Савельев. – М.: МОНФ, 1997. – С. 86–129

55. *Горизонтов, Л.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) / Л. Горизонтов. – Москва : Индрик, 1999. – 272 с.
56. Западные окраины Российской империи / Л. Бережная [и др.]. – Москва: НЛЮ, 2006. – 608 с.
57. *Борисевич, С.* Законодавче регулювання земельних відносин у Правобережній Україні (1793–1886 роки) / С. Борисевич. – Київ: НАДУ, 2007. – 424 с.
58. *Борисевич, С.* Особливості землеволодіння та землекористування в Правобережній Україні на межі XVIII–XIX ст. / С. Борисевич, Н. Темірова // Вісник Донецького університету. – 2008. – Вип. 1. – С. 93–102. – (Сер. Б: Гуманітарні науки).
59. *Рудакова, Ю.* Основні аспекти земельної політики уряду Павла I на території Правобережної України / Ю. Рудакова // Український історичний журнал. – 2005. – № 3 (462). – С. 101–110.
60. *Rudakowa, J.* Ziemiaństwo polskie Prawobrzeżnej Ukrainy i Galicji w polityce władz zaborczych Austrii i Rosji w końcu w. XVIII – na początku w. XIX / J. Rudakowa // Studia z dziejów ziemi. 1795–1944 / Pod red. prof. A. Kopruckowniaka. – Lublin: Lubelskie Towarzystwo Naukowe, 2005. – С. 289–308.
61. *Брославський, В.* Вплив державного регулювання на життєдіяльність польської та німецької національних меншин у XIX – на початку XX ст. на Правобережній Україні / В. Брославський // Наукові записки історичного факультету ТДПУ ім. В. Гнатюка. – Тернопіль: В-во ТДПУ, 2004. – Вип. 1. – С. 191–197. – (Серія: Історія).
62. *Брославський, В.* Аграрна політика російського царату на Правобережній Україні у 1793–1861 рр.: зміни у землеволодінні і землекористуванні: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / В. Брославський. – Черкаси: ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2007. – 24 с.
63. *Брославський, В.* Аграрна історія Правобережної України: 1793–1861: Навчальний посібник / В. Брославський. – Тернопіль: Вид-во ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2010. – 174 с.
64. *Брославський, В.* Боротьба за власність на Правобережній Україні наприкінці XVIII ст. / В. Брославський // Наукові записки історичного факультету ТДПУ ім. В. Гнатюка. – Тернопіль: В-во ТДПУ, 2012. – Вип. 2 – С. 6–10. – (Серія: Історія).
65. *Брославський, В.* Застосування інституту конфіскації майна російською імперією на правобережній Україні наприкінці XVIII – на початку XIX ст. [Електронні ресурс] / В. Брославський // Актуальні проблеми правознавства, [S. l.], n. 3, p. 13–19, jan. 2022. – Рэжым доступу: <http://appj.wunu.edu.ua/index.php/appj/article/view/125>. – Дата доступу: 04.02.2022.
66. *Petronis, V.* Constructing Lithuania: Ethnic Mapping in Tsarist Russia / V. Petronis. – Stockholm: Intellecta, 2007. – 309 p.
67. *Бовуа, Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Д. Бовуа. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 997 с.
68. *Мадариага, де И.* Россия в эпоху Екатерины Великой: пер. с англ. / И. де Мадариага. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 973 с.
69. Russification in the Baltic / Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / Edward C. Thaden [etc.]; editor Edward C. Thaden. – Princeton: Princeton University Press, 1981. – 512 p.

70. *Weeks, Th. R.* Nation and state in late Imperial Russia: Nationalism a. Russification on the western frontier, 1863–1914 / Th. R. Weeks. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 1996. – 297 с.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

М. К. Климко

Белорусский национальный технический университет, Минск

M. Klimko

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 355.233.233.1:378(091)

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

THE ORIGINS OF THE MODERN MILITARY DOCTRINE OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE NATIONAL EDUCATION SYSTEM

В статье рассматривается история становления военно-патриотического воспитания как одной из приоритетных задач государства в период с 1917 по 2021 гг. Раскрывается место и значение КП(б)Б, ЛКСМБ, армии, высших учебных заведений в ее реализации. Рассматривается история создания, реформирования армии и национальной военной школы.

Ключевые слова: патриотизм; военно-патриотическое воспитание; армия; комсомол; военная подготовка.

The article examines the history of the formation of military-patriotic education as one of the priority task of the state in the period of 1917 to 2021. The author reveals the place and meaning of communist party, komsomol, army, high educational establishments in its implementation. The article reveals the history of the creation and reforming of the army and the national military school.

Keywords: patriotism; military-patriotic education; army; komsomol; military training.

Произошедшие за последние годы события наглядно демонстрируют и убедительно доказывают неустойчивость положения многих стран и важность сохранения мира. Актуальными становятся необходимость укрепления армии и вопросы гражданского и патриотического воспитания. В Беларуси в период вхождения в состав СССР была проведена большая работа по созданию и развитию армии, подготовке технических кадров для укрепления мощи страны, военно-патриотическому воспитанию. С признанием суверенитета Беларуси первостепенная роль отводится реформированию и созданию национальных Вооруженных Сил, национальной военной шко-

лы, неотъемлемой составляющей которых признано гражданское и патриотическое воспитание.

В историографических традициях современники событий М. В. Фрунзе рассмотрел вопросы о необходимости создания и реформирования Красной армии [1], о важности создания военной доктрины [2], о роли и значении комсомола в военно-политическом воспитании [3]; М. Д. Бонч-Бруевич обосновывал важность строительства армии [4]. Государственной молодежной политике в БССР посвящено диссертационное исследование и монография Н. Е. Музиной [5; 6]. Роль молодежи в общественно-политическом, социально-экономическом и культурном строительстве Советской Беларуси в 1921–1939 гг. исследовал в монографии В.В. Данилович [7]. По истории и современному состоянию Вооруженных Сил Республики Беларусь изданы: работа Л. Е. Мальцева [8], Г. Е. Лянькевича и И. И. Птухи [9], коллективные труды под редакцией Т. В. Белова [10], П. Н. Тихоновского [11], В. В. Тригубовича [12], А. Н. Гуры [13]. По истории и современному состоянию национальной военной школы, военно-патриотическому воспитанию и истории армии изданы работы Б. Д. Долготовича [14]. Роль высшего технического образования в создании и укреплении армии исследуется в работах А. Н. Куксы [15]. Защищены две кандидатские диссертации: В. М. Пташник «Вооруженные Силы Республики Беларусь: формирование и реформирование (1991–2000 гг.)» [16], С. А. Савик «Подготовка офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь (1991–2006 гг.)», монография в 2018 г. [17].

Октябрьская революция 1917 г. в России привела к смене власти и трансформации всей империи. Первое время большевики не воспринимали армию как гаранта безопасности. Так, на VII съезде Ленин выступил с предложением о необходимости «демобилизовать армию» и партия поддержала его предложение [1]. 16 декабря 1917 г. были приняты Декреты «О выборном начале и организации власти в армии» и «Об уравнивании в правах всех военнослужащих». Таким образом, в армии были отменены все чины и звания царской армии и введен принцип выборности командиров всех уровней. Началась неуправляемая демобилизация армии. Ленин предложил заменить армию всеобщей милицией. На первых порах большевики считали возможным ограничиться силами Красной гвардии и отрядами революционных солдат, матросов, но события Гражданской войны показали, что имеющаяся военная сила малочисленна, слабо подготовлена, не имеет центрального управления. И, в связи с ухудшающейся внутренней и международной обстановкой, большевики подняли вопрос о необходимости восстановления армии.

15 января 1918 г. принят Декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной Армии. 22–23 февраля 1918 г. начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандующего генерал М. Д. Бонч-Бруевич с группой генералов

обсудили с Лениным вопросы завершения войны и строительства армии. 4 марта 1918 г. утвержден Высший Военный совет во главе с М. Д. Бонч-Бруевичем. В марте-мае 1918 г. написаны полевые уставы для всех родов войск и для их боевого взаимодействия, создана система военных комиссаров [4].

В марте 1918 г. на VII съезде РКП(б) и IV Чрезвычайном съезде Советов принято решение о создании Всеобуча, согласно которому 22 апреля 1918 г. принят Декрет «Об обязательном обучении военному делу». Введена обязательная мобилизация, под которую попадают и студенты вузов. В марте-апреле 1918 г. учрежден институт военных комиссаров, основная функция которого – политический контроль в Красной Армии [13]. Политической работе по патриотическому воспитанию в армии была отведена первостепенная роль. Так, например, в библиографический справочник «Партийная политическая работа в Красной армии: Систематический указатель литературы за 1918–1928 гг.» включены 2407 названий источников литературы [18, с. 21]. Политическое воспитание, идеологическая подготовка были возложены на военных комиссаров, политруков, политинформаторов. При этом политруки могли воздействовать на красноармейцев только силой личного примера, так как не были наделены дисциплинарной властью.

Ленин считал, что армия должна быть народной, а подготовка командиров из числа рабочих и крестьян обеспечит преданность советской власти. Подчеркивая разницу основ воспитания царской и Красной армии, в то же время за основу при обучении и воспитании красных командиров были положены принципы «Инструкции по воспитательной части для кадетских корпусов» за 1887 г. [14]. Важно было создать новые органы и структуру для подготовки (обучение и воспитание) будущих солдат и командного состава. Так, 26 декабря 1919 г. Приказом Революционного военного совета № 1477 были созданы Минские пехотные курсы, которые, однако, располагались не в Минске, так как с 8 августа 1919 г. город был оккупирован польскими войсками. На данных курсах осуществлялась подготовка командиров отделений, а позже – командиров взводов для пехоты, артиллерии и кавалерии. Далее в истории курсов наблюдается путь преобразований и переименований, а 5 декабря 1924 г. (Приказ РВС № 1265) они были переименованы в Объединенную военную школу имени ЦИК БССР (сокращенно ОБВШ). Данная школа считается первым военным учебным заведением, созданным на территории Беларуси [14].

Однако большевики столкнулись не только с необходимостью создания и укрепления армии, скорейшего решения требовала ситуация острой нехватки специалистов инженерных специальностей. В связи с этим решением 30 октября 1919 г. Политбюро ВКПб разрешило Наркомпросу освободить от обязательной мобилизации студентов, «преимущественно медиков и техников». Так, студентам Политехникума г. Минска была предоставлена

отсрочка от призыва на военную службу (решение Военного комиссариата ССРБ от 17.11.1920 г. под № 649). Студенты проходили курсы допризывной подготовки и спорта в разных группах Всеобуча. С 19 ноября 1920 г. данная подготовка была переведена в стены Политехникума. Первыми инструкторами по допризывной подготовке и спорта в штате Политехникума были Ю. П. Матюш и Н. А. Максимов. Со студентами проводились ежедневные двухчасовые занятия, даже во время каникул, по 96-часовой программе на предмет подготовки их красными командирами. Студенты и преподаватели Политехникума в отношении снабжения были приравнены к военным учебным заведениям (Постановлением Совнаркома от 4 июня 1920 г., Приказ по Западному Военному округу № 2099). Также после обращения правления БГПИ (23 декабря 1920 г. № 5420) в комиссариат труда студентов освободили от трудовой повинности, которая была введена в ноябре 1920 г. на всей территории Беларуси с целью скорейшего восстановления экономики страны [15].

В 1921 г. М. В. Фрунзе – один из создателей РККА, пишет о необходимости создания военной доктрины, в которой раскрывает техническую и политическую ее составляющие и указывает на тот важный факт, что «государственная пропаганда идеи неизбежности активной борьбы с нашим классовым врагом должна подготовить ту психологическую среду всенародного внимания, заботливости и попечения о нуждах армии, в атмосфере которой только и может идти успешно дело строительства наших вооруженных сил» [2, с. 14]. Политико-просветительная работа среди народа была признана важнейшим фактором в деле строительства нового рабоче-крестьянского государства.

В 1924–1925 гг. в стране была проведена военная реформа. Реформа 1920-х гг. – это понимание не только важности принципов построения армии на основе народных, высокопрофессиональных и технически обеспеченных кадров, но и важности роли военно-политического воспитания населения. Так, М. В. Фрунзе указывал на необходимость обратить серьезное внимание общественности на вопросы обороны. На территории Беларуси, учитывая ее приграничное положение, в эти годы вопросам обороны уделялось особое внимание: вводилось военное дело в школы, строились тиры, создавались аэроклубы, проводились военные игры, устраивались военно-спортивные лагеря, кружки по военному делу [6, с. 28]. Также М. В. Фрунзе важную роль отводил комсомолу. Считал, что организации комсомола «в городе и в деревне являлись бы центром военно-политического воспитания всей допризывной молодежи» и комсомол должен был стать той организацией, которая «является массовым проводником нашего влияния на красноармейскую массу» [3, с. 74].

Реальная угроза военного столкновения требовала быстрых и масштабных по охвату решений. М. В. Фрунзе считал, что школы и вузы «могут дать

добавочный состав командно-политического состава. При нашем теперешнем кадровом составе, при реальной кадровой армии в 560 тыс. человек, мы всего нужного нам во время войны комсостава не получим, – эту потребность может удовлетворить только соответствующая организация всего гражданского учебного аппарата». Важнейшей задачей становится «военизация всей сети наших учебных заведений» [3, с. 98].

Итогами военной реформы 1920-х гг. стал принятый в сентябре 1925 г. ЦИК и СНК СССР Закон о военной службе, на основании которого вводилась всеобщая военная служба для всех граждан страны.

В 1927 г. V Пленум ЦК ВЛКСМ принял решение об обязательном военном обучении членов ВЛКСМ. Всем национальным ЦК предписывалось, чтобы каждый комсомолец был членом ОСО Авиахима, больше внедрять военных элементов в занятия физкультурой, предусматривалось участие комсомольцев в маневрах Красной Армии [6, с. 29].

В БПИ была создана и до начала Великой Отечественной войны успешно функционировала военно-физкультурная кафедра (заведующий капитан Веричев). Кафедра готовила офицеров запаса инженерно-технических служб для подразделений танковых, инженерных и химических войск Рабоче-крестьянской Красной Армии [15]. В г. Минске проходил службу и получил первый опыт управления групповыми соединениями будущий маршал СССР Г. К. Жуков, который был военруком в БГУ.

1 сентября 1939 г. в СССР принимается Закон «О всеобщей воинской обязанности». Данный закон положил начало самому массовому виду подготовки – начальной военной подготовки в общеобразовательной школе, которая решала задачу военно-патриотического воспитания по 80-е гг.

В 1940 г. были созданы Гомельское, Калинковичское, Лепельское, Могилевское, Осиповичское, Пуховичское пехотное, Полоцкое стрелково-пулеметное училища. Зачисление в военные учебные заведения осуществлялось по направлению и ходатайству войсковых комиссаров, ячеек ВКП(б), комсомольских, профсоюзных и советских органов [19].

Патриотическое воспитание периода 1937–1945 гг. характеризуется милитаризацией, что обусловлено происходящими в стране и капиталистическом мире процессами и событиями. Начиная с 1946 г. начался этап обращения к человеческим качествам воина, к боевой истории армии. Возросла роль гуманитарных дисциплин – воспитание патриотизма в процессе преподавания. Создавались школьные музеи. Большую популярность приобрело «движение красных следопытов» и Всесоюзные походы по местам боевой славы. В 1962 г. на V Всесоюзном съезде ДОСААФ впервые был использован современный термин «военно-патриотическое воспитание» [20, с. 20].

В Вооруженных Силах периода конца 50-х – начала 60-х гг. происходят кардинальные изменения: внедрение ракетно-ядерного оружия, разработка

теории применения оружия массового поражения. Создание новых видов и родов войск, перевооружение армии требовало большого количества офицеров с высшим образованием, но военные учебные заведения не могли их подготовить. Решением становится подготовка офицеров запаса в гражданских высших учебных заведениях. Так, например, в Беларуси к декабрю 1991 г. подготовку офицеров осуществляли Минское высшее инженерное зенитное ракетное училище противовоздушной обороны, Минское военно-политическое общевоинское училище; 14 военных кафедр гражданских вузов готовили офицеров запаса.

Таким образом, патриотическое воспитание являлось одной из важнейших задач государства. Для реализации данной задачи были задействованы КП(б)Б, ЛКСМБ, армия и вся система народного образования.

В июле 1990 г. Верховный Совет БССР принял Декларацию о государственном суверенитете. Было начато реформирование и создание национальных Вооруженных Сил Республики Беларусь. Совет Министров Республики Беларусь 18 марта 1992 г. приступил к формированию национальных Вооруженных Сил [21; 22]. Для подготовки национальных офицерских кадров была использована наработанная база: 14 военных кафедр гражданских вузов, Минское высшее инженерное зенитное ракетное училище противовоздушной обороны и Минское военно-политическое общевоинское училище. В 1995 г. на базе двух высших военных училищ создается Военная академия Республики Беларусь.

В 2001 г. и 2010 г. утверждается Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, в 2002 г. и 2016 г. утверждается Военная доктрина Республики Беларусь, в которых укрепление чувства патриотизма признано «в военной сфере основным национальным интересом» и закреплено в проведении государственной политики [23, с. 7]. Таким образом, была создана нормативно-правовая основа военно-патриотического воспитания. Продолжилось развитие системы подготовки офицерских кадров: в 2003 г. созданы военные факультеты в гражданских вузах. В 2006 г. в Военной академии открыт и успешно функционирует факультет Генерального штаба Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Итогом данного процесса стало создание единой системы национальной военной школы, которая на 2022 г. состоит из Военной академии Республики Беларусь с факультетом Генерального штаба Вооруженных Сил Республики Беларусь, военными факультетами гражданских вузов, военными кафедрами. Подготовка младших специалистов осуществляется в 72-м Объединенном центре подготовки прапорщиков и младших специалистов, а запаса – на военных факультетах гражданских учебных заведений. Довузовская подготовка осуществляется в военно-патриотических классах, кадетском корпусе и МВСУ. Также в Республике Беларусь проводится допризывная подготовка в общеобразовательных учреждениях, а в республи-

канском государственно-общественном объединении «ДОСАФ Республики Беларусь» получение военно-технических и родственных военно-учетных специальностей.

Таким образом, современная национальная военная школа Республики Беларусь создана на основе преемственности традиций, с сохранением достижений военной школы царской России и СССР. Важную роль в процессе подготовки военных кадров и воспитании гражданского населения отводится военно-патриотическому воспитанию в системе образования Республики Беларусь. В школах открываются профильные классы, возрождаются кадетские училища, в гражданских вузах создаются и успешно функционируют военные кафедры, а с 2003 г. военные факультеты. Сохранение многочисленных истоков военно-патриотического воспитания является прочной основой существующего суверенитета Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Фрунзе, М. В. Ленин и армия Москва / М. В. Фрунзе.– М.: Военный вестник, 1928. – 61 с.
2. Фрунзе, М. В. Единая военная доктрина и Красная армия / М. В. Фрунзе. – М.: Военное изд-во НКО СССР, 1941. – 24 с.
3. Фрунзе, М. В. О молодежи / М. В. Фрунзе – М.: Искра революции, 1937. – 119 с.
4. Бонч-Бруевич, М. Д. Вся власть Советам: лит. записки И. Кремлева / М. Д. Бонч-Бруевич. – М.: Воениздат, 1964.– 360 с.
5. Мусина, Н. Е. Государственная молодежная политика в БССР в 20-е годы XX: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Н. Е. Мусина. – Минск, 2012. – 24 с.
6. Мусина, Н. Е. Государственная молодежная политика в БССР в 1920-е годы: монография / Н. Е. Мусина. – Витебск: ВГМУ, 2015. – 146с.
7. Даниловіч, В. В. Моладзь у грамадзянска-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.) / В. В. Даниловіч. – Минск: Бел. навука, 2020. – 730с.
8. Мальцев, Л. С. Вооруженные Силы Республики Беларусь: История и современность / Л. С. Мальцев. – Минск: Асобны Дах, 2003. – 244 с.
9. Вооруженные формирования Беларуси / сост. Г. Е. Лянькевич, И. И. Птуха. – Минск: Беларусь, 2005. – 205 с.
10. Военная школа Беларуси / С. В. Бобриков [и др.]; редкол.: Т. В. Белова (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. энцykl. імя П. Броўкі, 2010. – 376 с.
11. От штаба округа к Генеральному штабу Вооруженных Сил Республики Беларусь (1918–2011 гг.) / О. К. Кривонос [и др.]; под общ. ред. П. Н. Тихоновского. – Минск: ПРИНТКОРП, 2011. – 256 с.
12. История Вооруженных Сил Республики Беларусь / В. В. Тригубович [и др.]. – Минск: ВА РБ, 2017. – 200 с.
13. Армия белорусского народа: к 100-летию Вооруженных Сил Республики Беларусь / А. Н. Гура [и др.]; под ред. А. Н. Гуры.– Минск: Беларусь, 2018. – 262 с.

14. *Долготович, Б. Д.* Объединенная белорусская военная школа – кузница кадров / Б. Д. Долготович. – Минск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – 128 с.
15. *Кукса, А. Н.* Военно-патриотическая подготовка в системе высшей технической школы Беларуси (1920–1930 гг.) / А. Н. Кукса // Труды БГТУ. – 2022. – № 1(252). – (Сер. 6: История, философия).
16. *Пташник, В. М.* Вооруженные Силы Республики Беларусь: формирование и реформирование (1991–2000 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. М. Пташник. – Минск, 2005. – 20 с.
17. *Савик, С. А.* Система подготовки офицерских кадров для Вооруженные Силы Республики Беларусь (1991–2006 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. А. Савик. – Минск, 2013. – 25 с.
18. *Азарова, А. В.* Патриотическое воспитание советских военнослужащих в 1918–1991 гг. Историографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / А. В. Азарова. – СПб., 2011. – 40 с.
19. Краснознаменный Белорусский военный округ / редкол.: И. М. Третьяк, А. В. Дебалько, Г. И. Арико. – Минск: Беларусь, 1973. – 572 с.
20. *Галдобина, С. В.* Военно-патриотическое воспитание населения СССР в 1946–1991 гг. Историографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / С. В. Галдобина. – СПб., 2008. – 40 с.
21. О государственном суверенитете Республики Беларусь: Декларация Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. с изм. по 19 сент. 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1991. – № 31. – С. 536.
22. О Вооруженных Силах Республики Беларусь: Постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 18 марта 1992 г. № 1530-X11 // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 12. – С. 209.
23. Об утверждении военной доктрины Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 3 янв. 2002 г. № 74-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 6. – 2/826.

(Дата подачи: 14.02.2022 г.)

Н. В. Козловская

Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, Гродно

N. Kozlovskaya

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno

УДК 94(476)

ШЛЯХТА В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО XV–XVI ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

THE NOBILITY IN THE SYSTEM OF REPRESENTATIVE INSTITUTIONS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA OF THE XV–XVI CENTURIES: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

В статье представлены достижения современной историографии в изучении истории парламентаризма Великого Княжества Литовского XV–XVI вв. и роли шляхты в деятельности представительных институтов рассматриваемого периода. Обозначены основные направления и ключевые проблемы в изучении вопроса. Отмечается, что значительный вклад в изучение парламентаризма Великого Княжества Литовского внесли польские историки, подготовившие ряд фундаментальных обобщающих исследований по данной проблематике.

Ключевые слова: историография; парламентаризм; сейм; сеймик; шляхта; Великое Княжество Литовское.

The article presents the achievements of modern historiography in the study of the history of parliamentarism of the Grand Duchy of Lithuania of the XV–XVI centuries and the role of the nobility in the activities of representative institutions of the period under consideration. The main directions and key problems in the study of the issue are outlined. It is noted that a significant contribution to the study of parliamentarism of the Grand Duchy of Lithuania was made by Polish historians who prepared a number of fundamental generalizing studies on this issue.

Keywords: historiography; parliamentarism; Sejm; Sejmik; nobility; Grand Duchy of Lithuania.

История создания и функционирования представительных и парламентских учреждений – одно из актуальных направлений научных исследований европейского Средневековья и раннего Нового времени. Интерес к истории парламентаризма напрямую связан с возросшим интересом ученых к политической истории, истории власти, деятельности властных институтов в истории европейских государств XIII–XVII вв., где, как писала российский историк Н. А. Хачатурян, “парламентская история” выступает как пространство для репрезентации власти и связанного с этим церемониала» [1, с. 161].

Традиции изучения истории представительных институтов ВКЛ были заложены в исторической науке в конце XIX – начале XX вв. представителями российской дореволюционной историографии (И. Лаппо, М. Любавский, И. Максимейко, И. Малиновский) и получили дальнейшее развитие в польской (Ю. Бардах, Г. Виснер) и литовской (А. Шапока, М. Ючас) исторической науке XX в. В контексте политической истории Великого Княжества Литовского XV–XVI вв. данная проблематика выступает актуальным направлением современной литуанистики в рамках национальных историографий Беларуси, Литвы, Польши и Украины в конце XX – 20-е гг. XXI в.

Одна из первых попыток оценить достижения предшествующей историографической традиции в изучении истории парламентаризма Речи Посполитой и ВКЛ представлена в коллективной монографии польских ученых [2], а также статьях польских историков Р. Колодзая [3] и А. Закжевского [4].

История парламентаризма ВКЛ и Речи Посполитой стала объектом академической рефлексии на международных конференциях. Представленные по итогам их работы публикации обозначили новые тематические приоритеты и методологические подходы в изучении проблематики [5–8].

Подготовлен ряд публикаций библиографического характера. В 2012 г. польскими исследователями была издана библиография истории парламентаризма Речи Посполитой (включая ВКЛ), охватывающая исследования с начала XIX в. и до 2011 г. включительно: всего 2750 позиций, из них – 195 изданий источников [9]. В 2018 г. украинским исследователем В. Н. Михайловским опубликована библиография истории парламентаризма на украинских землях периода позднего Средневековья и раннего Нового времени [10].

В современной историографии истории парламентаризма ВКЛ и участия шляхты в деятельности парламентских институтов исследования ведутся по нескольким направлениям.

Первое направление представлено работами обобщающего характера, посвященными истории создания и деятельности сейма и сеймиков как социальных институтов, их типологии, процедурно-организационным и юридическим вопросам их функционирования, политической культуре шляхты в контексте парламентской деятельности [11–26].

Ко второму направлению можно отнести исследования (монографии, статьи), рассматривающие историю деятельности отдельных сеймов и поветовых сеймиков, персональный состав сеймовых делегаций, позицию поветовой шляхты, локальных политических элит по насущным вопросам общегосударственного и местного значения [27–37].

И если работы первой группы, как правило, строятся на обширном фактическом материале и охватывают длительный временной отрезок, то работы второго направления представляют собой изучение «отдельного случая» и ограничены достаточно узкими хронологическими и территориальными рамками.

Значительный вклад в изучение парламентаризма ВКЛ внесли польские историки, подготовившие ряд фундаментальных обобщающих исследований по данной проблематике.

Вопросами истории организации и функционирования сеймиков ВКЛ успешно занимается варшавский историк А. Закжевский. Монография по истории сеймиков ВКЛ XVI–XVIII вв. стала результатом большой многолетней исследовательской работы ученого. За основу своей аналитической модели автор взял трокский сеймик [17, с. 9–10]. Исследователь рассматривает общие вопросы эволюции поветовых сеймиков, анализирует правовые нормы организации их деятельности, сравнивает великокняжеские традиции и практику Польского королевства [17, с. 211]. Отдельные главы монографии посвящены типовой характеристике сеймиков и рассмотрению широкого круга вопросов, входящих в их компетенцию [17, с. 131, 191].

Принципиальное значение имеет монография А. Закжевского, посвященная истории государственного устройства и права ВКЛ. Автор не только еще раз поднимает важные для историографии вопросы литовского парламентаризма, но и акцентирует внимание на таких сюжетах, как рецепция польских образцов в систему государственно-административного устройства княжества, место и роль шляхты в системе общественных отношений и политической жизни страны [18].

В 2002 г. польским историком А. Рахубой был опубликован обобщающий труд по развитию системы парламентаризма в Великом Княжестве Литовском периода 1569–1763 гг. [19]. В монографии исследована эволюция сеймовых учреждений княжества до реформ 1564–1566 гг., охарактеризованы типы сеймиков и их функции, съезды эпохи «бескоролевий», степень политической активности шляхты и магнатории, показана роль отдельных представителей шляхетских и магнатских родов в политической жизни Речи Посполитой.

А. Рахуба обращает внимание на укоренившееся в польской историографии мнение о негативном влиянии практики политической жизни ВКЛ и унии 1569 г. на развитие польского парламентаризма и шляхетской демократии. Исследователь не ставил своей целью найти исчерпывающие ответы на все вопросы в этой сложной проблеме и скорее видит свою задачу в том, чтобы показать процесс становления и развития общего сейма Речи Посполитой [19, с. 6–7]. В процессе становления парламентских структур на территории княжества, несомненно, сложились свои особенные традиции, и эти традиции были не лучше и не хуже сеймовых практик Польского королевства [19, с. 345]. По мнению историка, несмотря на то, что имела место рецепция польских образцов парламентаризма и шляхта ВКЛ была в этом заинтересована, литовское общество тем не менее явно старалось сохранить свою политическую идентичность, правовую и государственную самобытность, что на поле парламентаризма это проявлялось особенно сильно [19, с. 346–347].

Проблемам польско-литовских отношений 1569–1588 гг. посвящена монография Г. Люлевича [20]. На материалах сеймикового делопроизводства историк рассматривает попытки шляхты и магнатории ВКЛ подвергнуть ревизии отдельные положения унии 1569 г., которые для политической элиты княжества казались неприемлемыми [20, с. 14].

Особое внимание Г. Люлевич уделяет функционированию съездов как особого органа сословного представительства ВКЛ, которые созывались наряду с общим сеймом и поветовыми сеймиками и выступали как форма шляхетского самоуправления [20, с. 115–284]. В процессе своего развития шляхетские съезды превратились в отдельные литовские сеймы, организованные в русле традиций литовского парламентаризма до Люблинской унии [20, с. 15, 423].

Г. Люлевичем также были опубликованы два тома материалов сеймиков и съездов шляхты ВКЛ XVI–XVIII вв. [38; 39].

Общие вопросы функционирования брестского сеймика периода 1565–1763 гг. освещены в монографии польского историка Д. Конечной [25].

Из работ обобщающего характера особое внимания заслуживает ставшая уже классической монография краковского исследователя Л. Корчак по истории великокняжеской рады XV в. [15]. В работе представлены результаты научных изысканий автора по институционализации рады как одного из ключевых элементов политической системы ВКЛ, о ее структуре и полномочиях, составе, должностной элите княжества.

В монографии Л. Корчак поднимает ряд важных дискуссионных вопросов, связанных, в частности, с дефиницией «сейм» применительно к истории литовского парламентаризма и условностью самого понятия «парламентаризм». Данные сюжеты в той или иной степени получили дальнейшее развитие как в исследованиях самого автора, так и современной историографии в целом [16; 40].

На проблему начала «парламентской истории» ВКЛ и отсутствие консенсуса относительно содержания самого термина «парламентаризм» обращают внимание многие ученые [40, с. 28; 41, с. 20].

Проанализировав историографию вопроса, польские исследователи – Г. Блащик, Л. Корчак – приводят три точки зрения о генезисе парламентаризма в ВКЛ. Первая была выдвинута российским дореволюционным историком М. Любавским, поддержана польским исследователем О. Халецким и литовским ученым М. Ючасом, что истоки литовского сейма уходят в эпоху Казимира Ягеллончика. Вторая точка зрения была обозначена российским историком И. Малиновским, ее поддержал польский историк С. Кутшеба и к данному мнению в целом сегодня склоняется польская историография – первый сеймом ВКЛ следует считать сейм элекционный 1492 г. Отдельные исследователи считают, что история парламентских институтов ВКЛ берет свое начало с эпохи правления Сигизмунда I [40, с. 29; 41, с. 20–21].

Г. Блащик считает, что как институт сейм образовался в 1492 г. [41, с. 21]. Частота созыва, рассматриваемые вопросы, организация представительства шляхты – свидетельствуют в пользу данной точки зрения. Вместе с тем, по мнению историка, однозначно можно утверждать, что в современном понимании сейма как политического представительства, литовский сейм образовался только в 1564–1566 гг. [41, с. 20]. В этот же период окончательно оформилась процедура шляхетского сеймового представительства [41, с. 78].

Более подробно на данных вопросах останавливается Л. Корчак. По мнению автора, в решении проблемы можно продвинуться, отталкиваясь в первую очередь от установления четких дефиниций и критериев типологии съездов, которые в источниках называются по-разному.

В исследовательской логике Л. Корчак проблема дефиниции литовского парламентаризма непосредственно связана с таким аспектом, как репрезентация («reprezentacja»), или выдвижение делегатов на сейм. Применительно к истории ВКЛ сейм был понятием, содержание которого уточнялось на протяжении XV–XVI вв. [40, с. 37–38].

Рассмотрев опыт средневековых монархий, Л. Корчак склоняется к позиции Ю. Бардаха, что сейм ВКЛ – это так называемая широкая рада великого князя литовского [40, с. 34–35]. В документах той эпохи такой съезд представителей высшей должностной элиты, заседавших в раде великого князя, назывался сеймом. Можно согласиться с историками права, поскольку рада могла функционировать и принимать решения только через совместные заседания, то каждый такой съезд в узком или широком составе был уже сеймом [40, с. 35].

Л. Корчак задается вопросом: были ли сеймы в ВКЛ XIV–XV вв.? И отвечает: да, были. Но следует ли их рассматривать как начало литовского парламентаризма [40, с. 36]? Историк считает ошибочными и спорными утверждения, что начало литовских сеймиков следует искать в XIV в. и выводить их из старорусского вече [40, с. 30].

В современной белорусской историографии по вопросу истоков парламентаризма ВКЛ скорее доминирует точка зрения, без углубления в теоретический и понятийный дискурс, что генезис сейма и зарождение элементов парламентаризма уходят своими корнями в традицию вечевых сходов [22, с. 606; 42, с. 77].

По мнению белорусского историка права Т. Довнар, в период образования ВКЛ вечевая традиция продолжала действовать, а общегосударственный (вальный) сейм ВКЛ вырос с древнейших вечевых сходов [43, с. 11]. Отголоски вечевых порядков прослеживаются и в областных привилеях ВКЛ.

С созывом съездов князей и высших кругов боярства, которые формально имели общегосударственный характер и фиксируются уже как минимум с начала XIV в., связывает генезис парламентаризма в ВКЛ и В. Подолин-

ский [44, с. 96]. Автор также подчеркивает, что отдельные земли ВКЛ сохраняли собственные традиции парламентской жизни, корни которых уходят в традицию вечевых сходов.

В истории литовского парламентаризма важное значение, по мнению Л. Корчак, занимает вопрос шляхетского представительства, или другими словами процедура делегирования послов на сейм и сеймики [40, с. 38]. Исследователь утверждает, что пока сословное представительство, которым в ВКЛ был съезд панов рады, не стало основываться на принципах выборности, оно не было сеймом в определении Ю. Бардаха [40, с. 37].

Говоря о выборности, историк не имела в виду наличие процедуры избрания как таковой. Это только один из способов. Другим вариантом выступала номинация монархом тех или иных представителей группы [40, с. 38]. С точки зрения монарха, кандидатуры, обозначенные им для участия в заседаниях, становились представителями всего сообщества. Другой вопрос – насколько в глазах политически активных членов народа «назначенцы» монарха считались собственно их представителями [40, с. 38]. Несомненно, что интерес к вопросам общественной жизни и участия в происходящих процессах возрастал с расширением привилегий для боярства, а соответственно – с формированием шляхетского сословия.

Характер «широкой рады» изменился с появлением представителей земель ВКЛ, которые были не только благородными слушателями, но и его полноправными участниками. Приглашение панами радой делегатов от отдельных земель на сейм в 1492 г. выступает первым убедительным свидетельством созыва делегатов, не назначенных монархом. Кто были эти делегаты-участники, их количество, должны были решить сами князья и паны – представители должностной элиты ВКЛ. В дальнейшем эта процедура претерпела свои изменения [15, с. 70], но до реформы 1565–1566 гг. она не являлась правовой нормой [40, с. 40].

Таким образом, вальный сейм ВКЛ образовался через допуск к заседаниям широкой рады шляхетских делегатов с земель княжества, где участие господаря в руководстве такого сейма было решающим. Именно монарх принимал решения о созыве сейма и его составе [15, с. 71].

Л. Корчак не согласна с позицией отдельных исследователей, например С. Кутшебы, что рада ВКЛ не была представительством в общегосударственном масштабе. Исследователь убеждена, что рада ВКЛ имела исключительно должностной характер, а поэтому широкая рада, или съезд панов, благодаря этой должностной составляющей, имела характер представительства всего ВКЛ, т. е. общегосударственный [15, с. 74, 77].

Общий вывод автора – сейм ВКЛ сформировался в конце XV в. и выступал как «предпарламентарный» институт. Его участники представляли интересы определенной общественной страты, а также территории, на которой исполняли должности. Причина такой ситуации заключалась в сла-

бости политической и экономической литовского боярства, при сильной позиции панов [15, с. 77].

Формирование сейма происходило в условиях существенных изменений в общественно-политической жизни ВКЛ, когда формировались и новые институты власти, и народ политический [15, с. 76].

Г. Блащик акцентирует внимание на роли сеймиков в развитии шляхетского сословия – «политической эмансипации шляхты» [41, с. 80–83]. Организация сеймиков имела для литовской шляхты ключевое значение. Будучи главным органом шляхетского самоуправления в повете, сеймики предоставляли шляхетству возможность участия в политической жизни общества наравне с литовскими панами и польской шляхтой [41, с. 126]. Сейм стал «политической школой» для литовского боярства, которому, несомненно, импонировал пример польской шляхты в ее борьбе с магнатерией за свои права [41, с. 77]. Историк считает, что пример Польши подталкивал литовское боярство к борьбе за расширение своих прав. Получение прав польской шляхтой стало основной целью литовского боярства [41, с. 77]. Нельзя сбрасывать со щитов и фактор внешней угрозы [41, с. 78–79]. По мнению исследователя, реформы второй половины XVI в. следует рассматривать не как цель деятельности литовской шляхты, а средство, которое позволило ей реализовать свои политические амбиции. Ключевая роль в рецепции польских образцов принадлежит шляхте Подляшья [41, с. 116, 118].

На дискуссионность вопроса о начале литовских сеймиков обращает внимание и А. Закжевский, отмечая, что ВКЛ знало сеймики в XIV–XV вв., но скорее разделяет точку зрения, что это не были в полной мере органы сословного представительства. Отсутствие процедуры выборов послов не позволяет признать сеймики данного периода полноценными элементами системы парламентаризма, при этом бояре-шляхта ВКЛ осознавали свои интересы и постепенно стремились к их реализации в вопросе выборности [17, с. 19]. А. Закжевский скорее солидарен с мнением Г. Блащика, что истоки литовского парламентаризма следует искать в эпоху правления Александра [18, с. 92].

Эволюцию сеймиков ВКЛ автор связывает с возрастающими потребностями его политического народа, и эти процессы схожи с процессами в Короне [18, с. 97]. Для литовского шляхетства права и свободы коронной шляхты были идеалом и примером [18, с. 44–45]. Логичным завершением данных процессов были реформы 1565–1566 гг., которые содействовали утверждению повета как административного, судебного, военного, сеймикового центра в административной структуре ВКЛ, как центра шляхетского самоуправления [18, с. 21].

Подробно охарактеризовав функционирование сеймиков XVI–XVIII вв., А. Закжевский приходит к утверждению, что в политической, экономической, общественной жизни ВКЛ значительную роль играли ли-

товские паны, оказывая решающее влияние на сеймики [18, с. 212]. Доминирование магнатории не могла нивелировать даже самая рациональная рецепция и позднейшая эволюция социальных институтов Польского королевства. В этом собственно и заключалась одна из особенностей литовского парламентаризма.

А. Закжевский отмечает, что традиционная польская историография указывает на разность интересов боярства-шляхты и магнатории ВКЛ XVI в. Однако не вызывает сомнения, что эти две группы были связаны между собой отношениями «клиент – патрон» и эти узы были значительно сильнее, нежели в Короне. Исследователь разделяет точку зрения литовских историков об особом («specyficznum») характере политической культуры ВКЛ [18, с. 48]. Уния 1569 г. положила конец особому литовскому парламентаризму [18, с. 94, 103].

Изучение истории сеймиков ВКЛ дает наглядный материал по ротации политической элиты княжества [17, с. 213]. Как пишет А. Закжевский, в целом проблема участия политического народа ВКЛ в политической жизни княжества сохраняет свою актуальность в современной историографии [18, с. 90–91].

Отдельная глава монографии отведена вопросу влияния польской традиции на общественно-политическую жизнь ВКЛ [18, с. 38]. Исследователь пишет, что процесс рецепции имел место, особенно в середине XVI в., однако эта рецепция была «глубоко осмысленной» [18, с. 42–43]. А. Закжевский раскрывает причины (быстрые темпы развития экономики и культуры, вызвавшие запрос в обществе на новые институты; политическая эмансипация боярства-шляхты), а также пути рецепции, одним из которых было совместное участие с поляками в войнах, съездах и сеймах [18, с. 49–53]. Действие данных факторов было продолжительным по времени, разной была степень их интенсивности [18, с. 54]. Рецепция не была механической, заимствования были адаптированы и рационализированы исходя из интересов княжества. Кроме того, как пишет А. Закжевский, это влияние носило обоюдно направленный характер [18, с. 56].

Представительство ВКЛ на Люблинском сейме рассматривается в монографии белорусского историка В. Подолинского. Исследование является результатом многолетней работы автора в изучении политической элиты ВКЛ, деятельности органов сословного представительства. Работа содержит обширный фактический материал по персональному составу делегации княжества на сейме 1569 г. и воссоздает яркую панораму политической жизни во время сейма. В контексте рассматриваемой проблематики автор понимает термин «представительство ВКЛ» в широком смысле – репрезентация всего ВКЛ и его обывателей [30, с. 7].

Функционированию политических институтов ВКЛ в структуре Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII вв. посвящена кандидат-

ская диссертация и научные изыскания Томаша Амброзяка (Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург) [35; 45]. В центре внимания ученого – история парламентаризма ВКЛ и особенностей шляхетской политической культуры во второй половине XVI – первой половины XVII вв.

Интересным сюжетом в историографии парламентаризма ВКЛ являются исследования истории шляхетских съездов и функционирования органов шляхетского самоуправления. К данной проблеме обращаются, в частности, белорусский историк А. Радаман [46] и литовский исследователь Р. Юргайтис [47].

Выбрав в качестве аналитической модели сеймики Новогрудского воеводства и рассматривая поведенческие стратегии поветовой элиты, А. Радаман приходит к аргументированным выводам, что в пределах княжества эволюция органов шляхетского самоуправления была тесно связана с общественно-политическими изменениями в государственном устройстве второй половины XVI в., а участие шляхты в их работе содействовало формированию ее политической и правовой культуры [46, с. 94, 97].

По мнению Р. Юргайтиса, сеймики составляли важнейшую основу функционирования шляхетской демократии в ВКЛ [47, с. 35]. Литовский историк констатирует, что в историографии вопроса деятельность сеймиков рассматривается, в первую очередь, в концепции институтов парламентаризма, и считает это односторонним подходом, унаследованным современной историографией от предыдущей традиции, где значительное внимание уделялось реконструкции деятельности данных органов, и в значительно меньшей степени – их взаимодействию с другими социальными институтами [47, с. 36]. На примере деятельности виленского сеймика автор пытается раскрыть и охарактеризовать элементы шляхетского парламентаризма и шляхетского самоуправления, их соотношение и взаимосвязь [47, с. 49–51].

Подводя итоги изучения истории парламентаризма ВКЛ XV–XVI вв., участия шляхты в деятельности органов сословного представительства, нужно признать, что достижения современной литуанистики в целом выглядят убедительными. Особо следует отметить высокий теоретический уровень и степень обобщения, опору на широкую источниковую базу польской историографии конца XX – первых десятилетий XXI в.

Достигнут консенсус, что отправной точкой литовского парламентаризма следует признать сейм 1492 г. Дальнейшее институциональное становление и развитие сейма и поветовых сеймиков напрямую связано с формированием шляхетского сословия.

В историографии парламентской истории ВКЛ обращает внимание на себя тот факт, что и в работах обобщающего характера, и в конкретно-исторических исследованиях подавляющее количество работ хронологически охватывает период середины и второй половины XVI в.

Объектом пристального внимания историков выступает Люблинский сейм 1569 г. и последовавшие за ним события. Это своеобразная демаркационная линия, разделяющая историю представительных институтов ВКЛ на два этапа: историю становления и развития литовского парламентаризма XV – середина 60-х гг. XVI вв. и связанный с этим периодом процесс формирования шляхетского сословия и рост его политической активности; и второй этап – историю парламентских институтов Речи Посполитой, борьбу магнатерии и шляхты за сохранение как своего политического авторитета, так и государственной самостоятельности княжества.

Список использованных источников

1. *Хачатурян, Н. А.* Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предыстории «гражданского общества» / Н. А. Хачатурян // Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. – М.: Наука, 2008. – С. 156–167.

2. *Parlamentaryzm w Polsce we współczesnej historiografii / praca zbiorowa pod red. nauk. J. Bardacha przy współdz. W. Sudnik.* – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1995. – 170 s.

3. *Kołodziej, R.* Z najnowszych badań nad parlamentaryzmem szlacheckim Rzeczypospolitej w XVI–XVII wieku / R. Kołodziej // *Historia Slavorum Occidentis.* – 2013. – № 2. – S. 43–57.

4. *Zakrzewski, A. B.* Osiągnięcia i problemy badań nad parlamentaryzmem Wielkiego Księstwa Litewskiego / A. B. Zakrzewski // *Teki Sejmowe.* – 2010. – № 1. – S. 40–52.

5. Парламентська структура ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск – Наваградак, 23–24 ліст. 2007 г. / навук. рэд. С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч. – Мінск, 2008. – 356 с.

6. Praktyka życia publicznego w Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVI–XVIII wieku: materiały XVIII konferencji Komisji Lituaniistycznej przy Komitecie Nauk Historycznych PAN w dniach 22–23 września 2009 roku: Lenkijos mosklų akademijos Istorijos instituto, Varšuvos universiteto: Istorijos instituto ir Teisės istorijos instituto 2009 m. rugsėjo 22–23 d. Varšuvoje surengtos XVIII Lituaništinės komisijos konferencijos medžiaga / pod red. U. Augustyniak, A. B. Zakrzewskiego. – Warszawa : Neriton, 2010. – T. 2 Materiały Komisji Lituaniistycznej przy Komitecie Nauk Historycznych Polskiej Akademii Nauk. – 197 s.

7. Po unii – sejmiki szlacheckie w Rzeczypospolitej XVI–XVIII wieku / Pod red. nauk. H. Lulewicz, M. Wagner. – Siedlce: Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2013. – 416 s.

8. Sejm Królestwa Polskiego i Rzeczypospolitej Obojga Narodów a europejskie reprezentacji stanowe / Red. nauk. D. Kupisz, W. Uruszczak. – Warszawa: Wydaw.Sejm., 2019. – 295 s.

9. *Kołodziej, R.* Bibliografia parlamentaryzmu Rzeczypospolitej szlacheckiej / R. Kołodziej, M. Zwierzykowski. – Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2012. – 210 s.

10. *Михайловський, В.* Бібліографія парламентаризму на українських землях до 1648 року: Польське королівство, Велике князівство Литовське, Річ Посполита=Студії з історії

парламентаризму на українських землях XIV–XX ст. / В. Михайлівський. – Київ: Темпора, 2018. – Т. II. – 192 с.

11. *Kriegseisen, W.* Sejm Rzeczypospolitej szlacheckiej (do 1763 roku): geneza i kryzys władzy ustawodawczej / W. Kriegseisen. – Warszawa: Wydawn. Sejmowe, 1995. – 222 s.

12. *Opaliński, E.* Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652: system parlamentarny a społeczeństwo obywatelskie / E. Opaliński. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1995. – 344 s.

13. *Urwanowicz, J.* Wojskowe «sejmiki». Koła w wojsku Rzeczypospolitej XVI–XVIII wieku / J. Urwanowicz. – Białystok : Dział. Wydawn. Filii UW , 1996. – 265 s.

14. *Jučas, M.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės parlamentarizmas / M. Jučas // Lietuvos Seimas. – Vilnius: Kultūra, 1996. – P. 79–112.

15. *Korczak, L.* Litewska rada wielkksiążęca w XV wieku / L. Korczak. – Kraków: nakładem Polskiej Akademii Umiejętności, 1998. – 120 s.

16. *Korczak, L.* Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim / L. Korczak. – Kraków: Towarzystwo wydawnicze «Historia Jagellonica», 2008. – 207 s.

17. *Zakrzewski, A. B.* Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki / A. B. Zakrzewski. – Warszawa: Liber, 2000. – 257 s.

18. *Zakrzewski, A.* Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo – ustrój – społeczeństwo / A. Zakrzewski. – Warszawa: Campidoglio, 2013. – 324 s.

19. *Rachuba, A.* Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. – Warszawa: Wyd-wo sejmowe, 2002. – 375 s.

20. *Lulewicz, H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588 / H. Lulewicz. – Warszawa: Neriton, 2002. – 457 s.

21. *Petrauskas, R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės Seimo ištakos: didžiojo kunigaikščio taryba ir bajorų suvažiavimai XIV–XV a. / R. Petrauskas // Parlamento studijos. – 2005. – № 3. – P. 9–32.

22. *Радаман, А.* Сойм / А. Радаман // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 2. – Мінск: БелЭн, 2006. – С. 606–611.

23. *Радаман, А.* Соймiк / А. Радаман // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 2. – Мінск: БелЭн, 2006. – С. 615–617.

24. *Лойко, П.* Сеймики белорусских земель в государственно-политической жизни Речи Посполитой (последняя треть XVI – первая треть XVII в.) / П. Лойко // Парламентська структура ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск – Наваградка, 23–24 ліст. 2007 г. / Навук. рэд. С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч. – Мінск, 2008. – С. 176–183.

25. *Konieczna, D.* Ustrój i funkcjonowanie sejmiku brzeskolitewskiego w latach 1565–1763 / D. Konieczna. – Warszawa: DiG, 2013. – 197 s.

26. «Прикладом своїх предків...». Історія парламентаризму на українських землях у 1386–1648 роках: Польське королівство та Річ Посполита / В. Михайловський, О. Вінниченко, І. Тесленко, П. Кулаковський / за ред. В. Михайловського = Студії з історії

парламентаризму на українських землях у XIV–XX ст. – Київ: Темпора, 2018. – Т. I. – 384 с.

27. *Seredyka, J.* Instrukcje powiatu wileńskiego na sejmy panowania Zygmunta III Wazy / J. Seredyka // *Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka»*. – 1993. – Т XLVIII, z. 2–3. – S. 189–197.

28. *Падалінскі, У.* Паятовая палітычная эліта ў святле дзейнасці гарадзенскага сойма ў другой палове XVI ст. / У. Падалінскі // *Гарадзенскі палімпсест*. 2009. Дзяржаўныя ўстановы і палітычнае жыццё, XV–XX ст.: зб. матэрыялаў II Міжнар. навук. канф., Гродна, ліст. 2009 г. / пад рэд. А. Ф. Смаленчука, Н. У. Сліж. – Гарадня: Гродна, 2009. – С. 179–199.

29. *Падалінскі, У. А.* Галоўны з'езд Вялікага Княства Літоўскага: развіцце, генезіс, функцыі, гістарычнае развіццё / У. А. Падалінскі // *Беларускі гістарычны часопіс*. – 2015. – № 1. – С. 13–23.

30. *Падалінскі, У.* Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай / У. Падалінскі. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017. – 238 с.

31. *Галубовіч, В.* Соймік Гарадзенскага павета ў XVI–XVII стст. / В. Галубовіч // *Гарадзенскі палімпсест*. 2009. Дзяржаўныя ўстановы і палітычнае жыццё, XV–XX ст.: зб. матэрыялаў II Міжнар. навук. канф., Гродна, лістапад 2009 г. / пад рэд. А. Ф. Смаленчука, Н. У. Сліж. – Гарадня: Гродна, 2009. – С. 152–178.

32. *Вінніченко, О. О.* Сеймики Речі Посполітої у світлі сеймових поборових універсалів (1587–1632) / О. О. Вінніченко // *Вісник Львівського університету*. – 2010. – Вип. 45. – С. 335–374. – (Серія історична).

33. *Радаман, А. А.* Ухваленне мясцовых падаткаў на соймаках і шляхецкіх з'ездах Новагародскага ваяводства ВКЛ у другой палове XVI – пачатку XVII ст. / А. Радаман // *Беларускі гістарычны часопіс*. – 2013. – № 9. – С. 22–33.

34. *Радаман, А. А.* Сістэматызацыя права ВКЛ і пытанне паправы Трэцяга Статута ВКЛ на соймаках Новагародскага ваяводства ў 1587–1632 гг. / А. А. Радаман // *Журнал Беларус. гос. ун-та. Історія*. – 2018. – № 2. – С. 21–31.

35. *Амброзяк, Т.* Вопрос о роли и значении Великого княжества Литовского в функционировании сейма Речи Посполитой в выступлениях литовских сеймиков в конце XVI – первой половине XVII вв. / Т. Амброзяк // *Вестник Вятского гос. ун-та*. – 2016. – № 7. – С. 14–22.

36. *Михайловський, В.* Сенатори Руського, Подільського та Белзького воєводств на Люблінському сеймі 1569 р. / В. Михайлівський // *Український історичний журнал*. – 2019. – № 2 – С. 46–66.

37. *Kiaupienė, J.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės Seimas – valstybės modernizacijos grandis (1572–1587 metai) / J. Kiaupienė // *Parlamento studijos*. – 2021. – № 30. – P. 17–37.

38. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego / oprac. H. Lulewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton Instytut Historii PAN, 2006. – Т. I: Okresy bezkrólewí (1572–1576, 1586–1587, 1632, 1648, 1696–1697, 1706–1709, 1733–1735, 1763–1764). – 437 s.

39. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego / oprac. H. Lulewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton Instytut Historii PAN, 2009. – Т. II: Okresy panowań królów elekcyjnych XVI–XVII wiek. – 452 s.

40. *Korczaк, L.* Początki litewskiego parlamentaryzmu na tle porównawczym // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск – Наваградак, 23–24 ліст. 2007 г. / L. Korczak; навук. рэд. С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч. – Мінск, 2008. – С. 27–40.
41. *Błaszczuk, G.* Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności, 1492–1569 / G. Błaszczuk. – Poznań: Wyd-wo Poznańskie, 2002. – 336 s.
42. *Юхо, Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржава і права Беларусі / Я. А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.
43. *Доўнар, Т.* Вытокі і гістарычнае развіццё інстытута парламентарызму ў Беларусі / Т. Доўнар // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск – Наваградак, 23–24 ліст. 2007 г. / Т. Доўнар; навук. рэд. С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч. – Мінск, 2008. – С. 9–26.
44. *Подолінский, В. А.* Сейм Королевства Польского и Речи Посполитой обоих народов и европейские сословно-представительные собрания / В. А. Подолінский // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2020. – № 4. – С. 94–96. – Рец. на кн.: Sejm Królestwa Polskiego i Rzeczypospolitej Obojga Narodów a europejskie reprezentacji stanowe / red. nauk.: D. Kupisz, W. Uruszczyk. – Warszawa: Wydaw. Sejm., 2019. – 295 s.
45. *Амброзяк, Т.* Партикуляризм в парламентской жизни Великого княжества Литовского 1587–1648 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Т. Амброзяк. – М., 2018. – 294 л.
46. *Radaman, A.* Samorząd sejmikowy w powiatach województwa nowogrodzkiego Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1565–1632 / A. Radaman // Praktyka życia publicznego w Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVI–XVIII wieku: materiały XVIII konferencji Komisji Lituanistycznej przy Komitecie Nauk Historycznych PAN w dniach 22–23 września 2009 roku: Lenkijos mosklų akademijos Istorijos instituto, Varšuvos universiteto: Istorijos instituto ir Teisės istorijos instituto 2009 m. rugsėjo 22–23 d. Varšuvoje surengtos XVIII Lituaništinės komisijos konferencijos medžiaga / pod redakcją U. Augustyniak i A. B. Zakrzewskiego. – Warszawa, 2010. – T. 2 Materiały Komisji Lituanistycznej przy Komitecie Nauk Historycznych Polskiej Akademii Nauk. – S. 55–103.
47. *Jurgaitis, R.* Funkcjonowanie sejmiku wileńskiego w latach 1717–1795: między szlacheckim parlamentaryzmem a samorządem / R. Jurgaitis // Praktyka życia publicznego w Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVI–XVIII wieku: materiały XVIII konferencji Komisji Lituanistycznej przy Komitecie Nauk Historycznych PAN w dniach 22–23 września 2009 roku: Lenkijos mosklų akademijos Istorijos instituto, Varšuvos universiteto: Istorijos instituto ir Teisės istorijos instituto 2009 m. rugsėjo 22–23 d. Varšuvoje surengtos XVIII Lituaništinės komisijos konferencijos medžiaga / pod redakcją U. Augustyniak i A. B. Zakrzewskiego. – Warszawa, 2010. – T. 2 Materiały Komisji Lituanistycznej przy Komitecie Nauk Historycznych Polskiej Akademii Nauk. – S. 35–53.

(Дата подачи 24.02.2022 г.)

А. А. Косенко

Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь, Могилев

A. Kosenko

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic
of Belarus, Mogilev

УДК 94 (746): 351.74

ПРОИЗВОДСТВО ДОЗНАНИЙ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПОЛИЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1860–1917 ГОДАХ

THE PRODUCTION OF INQUIRY AND PRELIMINARY INVESTIGATION BY THE POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1860–1917

В статье рассматривается вопрос о полномочиях сотрудников общей полиции Российской Империи в части проведения дознавательской деятельности и неотложных процессуальных действий по выявленным преступлениям. Разъясняются основания введения института судебных следователей и ограничения функций полиции, анализируются требования законодательства к проведению полицией дознавательской деятельности. Также указываются типичные недостатки по проведению полицией дознаний и предварительного следствия в рассматриваемое время.

Ключевые слова: дознание; предварительное расследование; полиция; Российская Империя; преступление; проступок.

The article discusses the issue of the powers of the officers of general police of the Russian Empire in a part of carrying out inquiry activity and urgent procedural actions on identified crimes. The grounds of introducing the institution of judicial investigators and the restrictions of the police functions are explained the requirements of the legislation for carrying out investigation activities by police are analyzed. The article also indicates the typical shortcomings in the conduct of police inquiries and preliminary investigations at the time discussed in the question.

Keywords: inquiry; preliminary investigation; police; the Russian Empire; crime; misdemeanor.

Человеческое общество никогда не было и не будет идеальным. В любое время находятся люди, которые, несмотря ни на что, нарушают права и интересы иных лиц исходя из различных личных побуждений. Для защиты своих граждан любое государство на любом историческом этапе его развития создает как законы, так и правоохранительные органы, которые призваны восстановить справедливость в соответствии с действующими законами. В целях обеспечения объективного, всестороннего и мотивированного рассмотрения органами государственной власти фактов нарушения законодательства, правоохранительные органы всегда были обязаны

не только собирать доказательства фактов совершения правонарушений, но и законодательно их закреплять. Данная деятельность правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел, исторически получило название дознавательской.

Дознавательская деятельность, т. е. деятельность уполномоченных государственных правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел, по сбору вещественных и иных доказательств в целях установления и законодательного документирования факта совершения противоправных действий в отношении лиц, потерпевших от противоправных посягательств, в целях принятия соответствующих мер к лицам, нарушившим их законные права, свободы, законные интересы либо права на имущество в соответствии с действующим на данный момент законодательством по фактам совершения преступлений и (или) административных правонарушений (проступков), является и являлась одним из основных видов деятельности правоохранительных органов, как в настоящее время, так и ранее. При этом не стоит забывать, что данный вид деятельности осуществляется исключительно в соответствии с действующим законодательством и имеет строго закрепленные формы ее фиксации.

Несмотря на то что датой начала реформы полиции Российской Империи, проведенной, в том числе, и на территории белорусских губерний, т. е. Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской, принято считать 25 декабря 1862 г., т. е. день, в который были Высочайше утверждены «Временные правила об устройстве полиции в городе и уездах губерний, по общему учреждению управляемых», реально первые серьезные изменения в оперативно-служебной деятельности общей полиции произошли еще 8 июня 1860 г. с принятием трех законодательных актов, а именно: «Высочайшее утвержденное Учреждения Судебных Следователей», «Высочайшее утвержденное Наказа Судебным Следователем» и «Высочайшее утвержденное Наказа полиции о производстве дознания по происшествиям, могущем заключать в себе преступление или проступок».

Данные законодательные акты имели цель «... дать полиции более средств к успешнейшему исполнению ее обязанностей, столь важных для порядка и спокойствия жителей всех состояний, и определить точное свойство и круг ее действий» [1, с. 710]. В связи с этим следственная часть законодательно отделялась от полиции, а в ведении полиции осталось только «исследование по преступлениям и проступкам маловажным, которые предоставлены разбору и суждению самих полицейских властей, а также и первоначальное дознание о происшествиях, кои могут, по связи с преступлением более важным, подлежать рассмотрению мест судебных» [1, с. 710]. Таким образом власти стремились обеспечить такие принципы правосудия, как объективность и всесторонность предварительного расследования, законность, а также защита прав, свобод и законных интересов участников

уголовного процесса. В частности, в разъяснении к ст. 249 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) бывшим Министром внутренних дел, статс-секретарем Императора графом Д. Н. Блудовым было прямо отмечено, что «изъятием следствий из ведомства полиции и установлением для производства оных особых должностных лиц судебного ведомства, которые состоят при судебных местах первой степени, в качестве членов сих судов, устранены важные, доказанные многолетним опытом, неудобства прежнего порядка, на основании коего следствия производились властями отдельными, независящими от суда. Для доставления следствиям надлежащей полноты и правильности, оныя должны быть подчинены постоянному надзору судебных мест, а также и прокуроров; а для устранения всякаго произвола в действиях следователя, необходимо, чтобы некоторыя важнейшия меры по следствию, были принимаемы не иначе, как с разрешения суда; но все подобныя столь необходимыя не только для порядка, но и для ограждения жителей от напрасных притеснений и беспокойств правила, могут быть в точности исполняемы только тогда, когда следователь постоянно состоит при суде» [2, с. 146].

В ведении полиции официально остались полномочия на проведение только дознания, т. е. самостоятельного проведения проверочных действий только по фактам совершения проступков и незначительных, т. е. не представляющих большой общественной опасности, преступлений. Данная функция полиции выражалась «в собрании сведений, необходимых в удостоверении том, что происшествие действительно было и что оно соединено с преступлением или проступком» [3, с. 725]. При этом было установлено, что «полиция приступает к дознанию происшествий, как по непосредственному усмотрению, так и по всякому, дошедшему до нея от частных лиц, или правительственных мест и лиц, сведению о происшествии, заключающем или могущем в себе заключать преступление или проступок» [3, с. 725].

В соответствии со ст. 250 УУС, при выявлении сотрудниками полиции деяния, содержащего признаки преступления или проступка, данная информация незамедлительно, не позднее суток, должна была быть передана судебному следователю и прокурору или его товарищу, а сами сотрудники полиции были неправомочны самостоятельно проводить какие-либо проверочные или процессуальные действия. Только в случае отсутствия судебного следователя и прокурора или его товарища сотрудники полиции получали право на проведение дознания, о результатах которого все равно было необходимо сообщить вышеуказанным должностным лицам. Право на проведение дознания возникало и в тех случаях, когда «признаки преступления или проступка сомнительны, или когда о происшествии, имеющим такие признаки полиция известится по слуху (народной молве), или, вообще, из источника не вполне достовернаго» [2, с. 116], т. е. в условиях неочевидности совершения преступления или проступка.

Однако и в данном случае полномочия сотрудников полиции оставались достаточно ограниченными. Им было разрешено использовать только такие методы, как проведение розысков, словесные расспросы и негласное наблюдение. При этом отмечалось, что «расспросы производятся полицией без особых формальностей и записываются подробно только тогда, когда в ответах опрошенного заключаются сведения, разъясняющие свойство исследуемого происшествия, а равным образом когда были спрашиваемы лица, заявившие о преступлении и проступке, явившиеся с повинною, или застигнутые при совершении противозаконного действия» [3, с. 725]. Более того, сотрудники полиции не имели права даже на вызов в помещение полиции лиц для производства дознания. В решении Правительствующего Сената № 3 от 1883 г. было указано, что «требование (сотрудника полиции) в свою канцелярию, для допроса при производстве дознания, не могло почитаться обязательным, потому что права полиции, при производстве дознаний, определяются ... Уст. Угол. Суд., а в законах этих не только не содержится правила о вызове кого либо при производстве дознания для допроса, но, напротив, запрещается производство формальных допросов» [4, с. 12].

Никаких единообразных для всей полиции форм делопроизводства по проведенным дознаниям как таковых также не предусматривалось. Отмечалось, что «правила составления протоколов дознаний по уголовным делам имеют общий характер и одинаково применимы во (всех) частях Империи. Особые указания в этом отношении, в дополнении к закону, в его разъяснение, могут быть преподаны в местных инструкциях чинам полиции со стороны прокуроров судебных палат» [5, с. 18]. Характерно, что даже подпись опрашиваемого лица в протоколе дознания зачастую не требовалась. В разъяснениях чинам полиции указывалось, что «отобрание подписи под объяснениями на дознании заподозренных лиц и свидетелей не представляется обязательным, так как акты дознания не что иное, как своего рода памятная записка об обнаруженном полицией при первоначальном исследовании путем розыска и расспросов» [5, с. 18]. Таким образом протоколы дознания представляли собой исключительно служебные документы чинов полиции, выполнялись практически в свободной форме, и, в настоящем понимании, процессуальной значимостью не обладали. Как правило, в данных документах указывались название вида произведенного действия, дата, время и место составления протокола, должность сотрудника полиции, его составившего, описание произведенного действия и его результаты, после чего протокол подписывался сотрудником полиции [6, с. 82–88]. Все протоколы дознаний, а также обнаруженные в ходе проверочных действий вещественные доказательства в дальнейшем передавались лично сотрудником полиции, проводившим дознание, судебному следователю, после чего, при необходимости, сотрудник полиции обязан был оказывать судебному следователю необходимое содействие в проведении предварительного следствия.

Полномочиями на проведение предварительного следствия, в соответствии со ст. 249 УУС, были наделены исключительно судебные следователи. В целях оперативного реагирования на совершающиеся и недавно совершенные преступления, а также фиксирования доказательств, которые могли быть утрачены, т. е. в исключительных случаях, сотрудникам полиции на основании ст. 258 УУС разрешалось самостоятельно проводить предварительное расследование. Отмечалось, что в таких случаях «... полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках; но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям, полиция не делает, разве бы кто либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя», при этом сотрудники полиции обязаны были соблюдать «... во всей точности правила, постановленные для проведения предварительного следствия» [2, с. 117–118]. В таких случаях решение о проведении предварительного следствия должен был принимать непосредственно тот сотрудник полиции, который проводил дознание, «в форме особага постановления» [7, с. 4].

Быстрота и качество производства сотрудниками полиции дознаний и предварительного следствия, как отмечали современники, оставляли желать лучшего. В частности, указывалось, что «не совсем точное определение дознания и широкое право, предоставленное полиции, вчинять дела по непосредственному ее усмотрению, много повредило успеху учреждения судебных следователей. Полиция или сообщала судебной власти о всяком происшествии, в том только предположении, что оно может заключать в себе преступление, от чего судебные следователи теряли много времени на бесполезные разыскания, или переходила границы дознания, приступая к изследованию обнаруженного преступного деяния, и производя для сего формальные допросы обвиняемым и свидетелям, вместо того, чтобы сообщить о преступлении, ею усмотренным, судебному следователю, или же, наконец, передавала собранные ею сведения несвоевременно, так что следователь брался за дело тогда, когда следы преступления уже были сокрыты» [2, с. 118].

Не были вполне удовлетворены качеством проведения полицией дознаний и предварительного следствия и сами сотрудники правоохранительных органов. К примеру, указывалось на наличие таких недостатков, как:

«• стремление довести во что бы то ни стало заподозренного до сознания в инкриминируемом ему преступлении;

• излишняя и противоречащая существующему закону формальность допросов как обвиняемых, так и свидетелей;

• легкость... определять обвиняемого в известном преступлении и затем уже держаться по отношению к нему упорной обвинительной тенденции, мешающей безпристрастному отношению к фактам;

- смешение специальных задач полицейского дознания со специальными задачами предварительного следствия» [8, с. 2–3].

Оставалось недовольным данным направлением оперативно-служебной деятельности полиции и руководство губерний. К примеру, губернатор Витебской губернии «обратил внимание на то, что обращаемые правительственными учреждениями и лицами к полицейским управлениям и начальникам полиции... поручения о производстве дознаний по жалобам и ходатайствам частных лиц исполняются очень медленно» [9, с. 13]. Губернатор Могилевской губернии в своем приказе по результатам ревизии делопроизводства и денежной отчетности Гомельского городского полицейского управления, а также приставов Могилевской и Гомельской городских полиций также отмечал, что «производство дознаний по различным заявлениям и жалобам населения... чрезвычайно задерживается» [10, с. 558].

Справедливости ради, необходимо отметить и достаточно большую нагрузку в части проведения дознаний и исполнения входящей документации, которая выпадала в то время на чинов полиции. К примеру, в 1905 г. в Минском городском полицейском управлении, при штатной численности классных чинов полиции в количестве 35 сотрудников [11, с. 53–54], на 16 января 1905 г. оставалось неисполненными 941 документ, при этом за неделю, с 16 по 23 января, было получено для исполнения еще 2123 документа. За эту же неделю сотрудниками полиции было исполнено 2338 документов, или 76,3 % от всех, которые находились в производстве [12, л. 27]. В том же 1905 г. в период времени с 13 по 20 марта сотрудниками полиции было исполнено 2028 (79,1 % от всех находящихся в производстве) документов, а с 30 октября по 6 ноября – 1800 (59,6 %) [12, л. 83, 323]. Т. е. не трудно подсчитать, что в среднем каждый классный чин полиции в неделю рассматривал около 58,7 документа.

В 1916 г. в том же Минском городском полицейском управлении при оставшейся фактически без изменений штатной численности сотрудников в период с 26 апреля по 3 мая было рассмотрено 3116 (62,8 % от всех находящихся в производстве) документов, а с 15 по 22 августа – 3513 (78,9 % соответственно) [13, л. 189, 390]. Таким образом, количество рассматриваемых документов одним классным чином полиции за 10 лет выросло до 95 в неделю.

Естественно, что незначительные документы, которые не требовали проведения особых проверочных действий, могли быть переданы для исполнения и низшим чином полиции. Однако ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение дознаний несли классные чины полиции. К примеру, в том же 1916 г. приказом Минского губернатора № 122 от 30 апреля «...Помощнику Пристава З. П. Чешко (помощник пристава 4-й части г. Минска, коллежский регистратор З. П. Чешко), за допу-

ценную медленность в деле исполнения поручения канцелярии Его Превосходительства... о производстве дознания... объявлен выговор» [13, л. 182].

В заключение следует отметить, что правительством Российской Империи и руководством Министерства внутренних дел на протяжении второй половины XIX – начала XX в. предпринималось ряд шагов по повышению эффективности деятельности полиции. Одним из них, безусловно, являлась оптимизация функций дознания и предварительного следствия, производимых полицией. Однако, как показала практика, достаточно низкий образовательный уровень чинов полиции, который неоднократно отмечался как современниками, так и самим руководством государственных органов, отсутствие учебных заведений, дающих специализированное полицейское профессиональное образование, недостаточный уровень опыта работы по осуществлению дознаний и предварительного следствия большинства сотрудников полиции значительно препятствовали эффективной реализации данных преобразований в повседневной оперативно-служебной деятельности полиции. К сожалению, недостатки при осуществлении полицией дознавательской деятельности отмечались вплоть до исчезновения такого государства, как Российская Империя, с политической карты мира.

Список использованных источников

1. Высочайше утвержденное Учреждение Судебных Следователей // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1825–1881). – Т. 35. – Ч. 1: Законы. – № 35890. – С. 710–715.
2. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственною канцелярией. – 2-е изд., доп. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1866. – Ч. 2: Устав уголовного судопроизводства. – 554 с.
3. Высочайше утвержденный Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1825–1881). – Т. 35. – Ч. 1: Законы. – № 35892. – С. 725–727.
4. Почтовый ящик // Вестник полиции. – 14.07.1911. – № 28. – С. 12–13.
5. Почтовый ящик // Вестник полиции. – 24.03.1911. – № 12. – С. 18–19.
6. Справочная книга для полицейских урядников. – СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1887. – 170 с.
7. Формальные акты дознания // Вестник полиции. – 24.11.1909. – № 47. – С. 3–4.
8. Дефекты полицейских дознаний // Вестник полиции. – 05.05.1909. – № 18. – С. 2–3.
9. Еженедельное обозрение // Вестник полиции. – 24.03.1909. – № 12. – С. 11–13.
10. Памятная книжка Могилевской губернии на 1909 год / сост. Мог. губ. стат. комитет. – Могилев: Губ. тип., 1909. – 629 с.

11. Памятная книжка Минской губернии на 1905 год / сост. Минск. губ. стат. комитет. – Минск: Типо-литогр. Б. И. Соломонова, 1904. – 404 с.

12. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 300. Оп. 1. Д. 13. Приказы по Минской городской полиции с № 1 по № 365 (31.12.1904–30.12.1905 гг.).

13. НИАБ. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 113. Приказы по Минской городской полиции с № 1 по № 365 (31.12.1915–30.12.1916 гг.).

(Дата подачи: 09.02.2022 г.)

П. Г. Космач

Белорусский государственный университет, Минск

P. Kosmach

Belarusian State University, Minsk

УДК 973:2

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ТЕРРИТОРИИ США (1861–1865)

RELIGIOUS FACTOR IN THE AMERICAN CIVIL WAR (1861–1865)

В статье рассматриваются религиозные аспекты противостояния южных и северных штатов, завершившегося Гражданской войной 1861–1865 гг. Конституруется значительная роль теистических аргументов в идейной борьбе между сторонниками рабовладения и их противникам. Показано, что как на Севере, так и на Юге страны данный конфликт воспринимался не только в светском, но и в религиозном измерении. Приведенный материал и выводы подчеркивают значительное влияние протестантизма в общественно-политической жизни США XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: религия; рабовладение; история США; аболиционизм; протестантизм.

This article examines the religious aspects of the confrontation between the southern and northern states, which ended in the Civil War of 1861–1865. The significance of role of the theistic arguments in the ideological struggle between the supporters of slavery and their opponents is stated. It is shown that both in the North and in the South this conflict had been understood not only in the secular, but also in the religious dimension. The conclusion underlines the role of Protestantism in the socio-political life of the USA in the 18th–19th centuries.

Keywords: religion; slavery; history of the USA; abolitionism; protestantism.

Гражданская война 1861–1865 гг. принадлежит к числу наиболее важных и значимых конфликтов второй половины XIX в. Вплоть до настоящего времени она считается самой кровопролитной войной в истории США, унесшей более 600 тысяч жизней. Как известно, в новейшее время разделение на Юг и Север продолжало оказывать определенное влияние на обще-

ственно-политическую жизнь данной страны. Не отошли в прошлое и межрасовые противоречия. Все это заставляет нас обратиться к осмыслению истоков и причин Гражданской войны на территории США, ее идейного и религиозного контекста.

Исторически институт рабовладения существовал не только на территории Юга США, но и других штатов, фактически представляя собой правовую аномалию, которая в XVIII в. стала подвергаться резкой критике со стороны как религиозных деятелей, так и светски настроенных просветителей. Соответствующие мотивы получили отражение и в Декларации независимости США, гласившей: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [1, с. 25]. Уже во время Американской революции XVIII в. и после ее завершения рабовладение было отменено в Вермонте (1777), Пенсильвании (1780), Массачусетсе (1783), Коннектикуте (1784), Род-Айленде (1784), Нью-Йорке (1799). Федеральное законодательство сохраняло известную двойственность. С одной стороны, на новых территориях по Северо-западному ордонансу запрещалось рабовладение. С другой стороны, Конституция США 1787 г. фактически признавала законность рабства в южных штатах. Следует подчеркнуть, что отделение церкви от федеральной власти способствовало религиозной свободе. Именно протестантское христианство, став частью национального самосознания в США, долгое время определяло границы дозволенного и запрещенного.

Ведущие деятели Американской революции XVIII в., среди которых было немало богатых плантаторов, позитивно рассматривали перспективу отмены рабовладения. Их общая точка зрения была близка к той, что получила выражение в словах Т. Джефферсона (1743–1826): «А можно ли свободу народа считать обеспеченной, если мы устранили ее единственно прочную основу – убежденность людей в том, что наши свободы из даров Божьих? Что к ним нельзя применять насилие, не вызвав гнева Божьего? Я надеюсь, что под покровительством небес подготавливаются условия для полного освобождения рабов, и все склоняется к тому, чтобы это произошло по ходу самих событий, скорее с согласия хозяев, чем через их истребление» [2, с. 23]. Действительно, добровольные освобождения рабов своими хозяевами случались (к примеру, так поступил Дж. Вашингтон), но данный путь не привел к отмене рабовладения. Тем не менее к 1860 г. на Юге США насчитывалась 251 тыс. свободных афро-американцев [3, с. 57].

Однако высокий уровень межрасового антагонизма и укрепление плантационного хозяйства в южных штатах, представители которых твердо отстаивали свои интересы, лишь усиливали противоречия внутри страны. А. де Токвиль писал: «У меня сложилось впечатление, что расовые предрассудки сильнее проявляются в тех местах, где рабство отменено, чем

в тех, где оно еще существует. Но наибольшая нетерпимость проявляется там, где рабство никогда не существовало. (...) Чернокожим позволяют молиться тому же Богу, которому молятся белые, но не в одном храме с ними. У них есть свои священники и свои церкви» [4, с. 254]. В качестве альтернативы предлагался проект переселения бывших рабов в Африку, для реализации которого было основано в 1816 г. Американское колонизационное общество. Данный проект, пользовавшийся определенной поддержкой, не смог кардинально изменить ситуацию внутри США, но все же положил начало Республике Либерия, провозглашенной в 1847 г.

Неуклонное расширение территории США в первой половине XIX в. ставило вопрос о статусе рабовладения на западных землях. Продолжительное время удавалось поддерживать хрупкое равновесие между свободными и рабовладельческими штатами, но, как показало время, это были лишь временные компромиссы. Юг твердо настаивал на распространении института принудительного труда и в новых штатах. На Севере страны расширялось аболиционистское движение, среди представителей которого было немало верующих христиан. Так, радикальный аболиционист Дж. Браун (1800–1859) непосредственно апеллировал к Богу и Библии, считая борьбу (в том числе вооруженную) за освобождение рабов священным делом [5, с. 15]. На общественное мнение в США и за их пределами огромное значение оказала книга Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852). В ней отмечалось: «Торговля африканскими неграми в настоящее время, по американским законам, уравнена с морским разбоем; но разве столь же систематическая работорговля внутри страны не является неизбежным последствием американского рабства? (...) Невозможно написать, рассказать или придумать такую трагедию, которая походила бы на страшную действительность сцен, разыгрывающихся ежедневно и ежечасно на наших берегах под сенью американских законов, под сенью креста Христова» [6, с. 546].

С 1850-х гг. военный конфликт между Севером и Югом, прологом к которому стали вооруженные столкновения в Канзасе, становился неотвратимым. Проблема рабовладения была одной из его причин, но далеко не единственной. Основным фактором конфликта были фундаментальные отличия и противоречия между северными и южными штатами, но при этом следует помнить, что рабовладельцы и члены их семей составляли лишь четверть белого населения Юга [3, с. 57]. Идеалы сохранения аристократической республики с относительно слабым центральным правительством, отстаивавшиеся южными штатами, пришли в радикальный конфликт с либерально-демократическими принципами, набравшими популярность среди населения ведущих стран Запада. Глубина конфликта определялась тем, что на Юге в первой половине XIX в. сформировалась собственная социокультурная идентичность, противопоставленная нравам «янки», под которыми первоначально понималось население Новой Англии, а затем и всего Севера.

Как известно, избрание Авраама Линкольна (1809–1865) президентом США на выборах 6 ноября 1860 г. привело к резкому обострению внутриполитической ситуации. 20 декабря 1860 г. Южная Каролина объявила о выходе из союза штатов. Спустя несколько дней уходящий президент Дж. Бьюкенен объявил 4 января 1861 г. днем покаяния, поста и молитвы, подтвердив тем самым верность пуританскому наследию. Обращаясь к населению США, он призвал обратиться к «Богу наших отцов» для спасения страны от нависшей опасности Гражданской войны [7, с. 11]. 4 февраля 1861 г. шесть штатов (Южная Каролина, Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана) образовали отдельное государство – Конфедеративные Штаты Америки (КША). 2 марта к нему присоединился и Техас. Считая сецессию юридически неправомерной, А. Линкольн ставил своей первоочередной целью не отмену рабства, а сохранение союза штатов. В своем инаугурационном обращении 4 марта 1861 г. он выражал оптимистический взгляд, подкрепленный определенными религиозными убеждениями. Уповав на всемогущество Бога и благоразумное волеизъявление граждан, А. Линкольн отмечал: «Если Всемогущий Правитель Народов с Его вечной истиной и справедливостью будет на вашей стороне на Севере, или на вашей стороне на Юге, эта истина и эта справедливость, конечно, восторжествуют благодаря решению великого суда американского народа» [8, с. 219]. Он подчеркивал, что военный конфликт можно предотвратить. Обращаясь ко всем гражданам США, А. Линкольн провозглашал: «Интеллект, патриотизм, Христианство, и твердое доверие к Нему, кто никогда не оставлял эту благословенную землю, по-прежнему в состоянии наилучшим образом уладить все существующие у нас сегодня трудности» [8, с. 220].

Однако избежать Гражданской войны не удалось. Осада и взятие южанами федерального форта Самтер (12–14 апреля 1861 г.) вызвало резкое возмущение на Севере, переведя конфликт в фазу вооруженного противостояния. В ответ А. Линкольн 15 апреля 1861 г. объявил о наборе 75 тысяч добровольцев в армию США. Данный шаг вызвал в некоторых штатах крайне негативную реакцию: к Конфедерации присоединились Виргиния, Арканзас, Северная Каролина, Теннесси. Лидеры КША, вдохновленные первыми успехами, явно недооценили силы своего противника. На Севере концентрировалась передовая для того времени промышленность и проживало более 2/3 населения. Надежды лидеров Конфедерации на поддержку европейских держав (Великобритании и Франции) не оправдались. В итоге Юг был постепенно блокирован военно-морскими силами США, а в 1863 г. в битве при Геттисберге сухопутным силам КША нанесли решающее поражение. Тем не менее война продолжалась еще два года.

Ожесточенность и длительность конфликта отчасти предопределялась твердой верой каждой из стороны в святость собственного дела и упованием на помощь Бога. Для Юга это была религиозная война против диктатуры

центра, поправшего права и свободы белых американцев. Текст конституции КША 1861 г. включал не только утверждение широких прав штатов, но и выражал надежду на расположение «Всемогущего Бога» [9, с. 26]. Север также воспринимал конфликт как крестовый поход против рабства, которое рассматривалось и как национальный грех. «Боевой гимн Республики» отождествлял продвижение федеральных войск с маршем самого Бога, жертвенному примеру которого в лице Иисуса Христа необходимо было последовать [10, с. 99]. Решившись на освобождение рабов, А. Линкольн взывал, как и авторы Декларации независимости США 1776 г., к «благосклонному суду человечества и великодушному расположению Всемогущего Господа Бога» [11, с. 104]. В знаменитом Геттисбергском обращении он выражал веру в то, что «нация с Божьей помощью возродится в свободе» [12, с. 106]. Именно А. Линкольн в октябре 1863 г. окончательно утвердил традицию объявления национального дня благодарения Богу, ставшего федеральным праздником, который отмечается ежегодно в четвертый четверг ноября [13, с. 296].

Подобные тенденции не оставались незамеченными для жителей как Юга, так и Севера. К примеру, Дж. Рейнольдс (1788–1865), являвшийся известным политическим деятелем штата Иллинойс (от демократической партии), открыто говорил о «квазирелигиозной войне», обвиняя республиканцев в том, что они «оскверняют религию, освящая политику и лицемерно запевая псалмы» [14, с. 220]. И он был не одинок в негативной оценке происходивших событий. Так, для современника из Огайо прокламация об освобождении рабов была «чудовищной, бесстыдной и гнусной... оскорбляющей не только людей, но и Господа, так она провозглашает «равными» тех, кого Бог создал неравными» [15, с. 682]. В северных штатах отмечался высокий уровень дезертирства среди мобилизованных лиц, широкой популярностью пользовались заместительные взносы, позволявшие не служить в армии. В июле 1863 г. произошли призывные бунты в Нью-Йорке, унесшие жизни более 100 человек. Но и на Юге мобилизация, а в дальнейшем и военные поражения привели к резкому усугублению социальных проблем, которые многими проповедниками воспринимались как наказание за «пренебрежение к религиозному образованию рабов и разрушение негритянских семей внутренней работоторговлей» [16, с. 22]. В итоге судьба войны решилась именно на полях сражений. В 1865 г. А. Линкольн, фактически подводя предварительные итоги военного конфликта, писал: «Ни одна из сторон не ожидала, что война окажется столь масштабной и продолжительной, какой она является на сегодняшний день. (...) Каждая рассчитывала на более легкую победу, и на результат менее фундаментальный и поразительный. Обе читают ту же самую Библию и молятся тому же самому Богу, и каждая сторона взывает к Нему о помощи в борьбе против другой. (...) На молитвы ни той, ни другой стороны невозможно было ответить. И ни одна не получила полного ответа» [8, с. 223].

Победа Севера в Гражданской войне 1861–1865 гг. и принятие соответствующих поправок (с тринадцатой по пятнадцатую) к конституции страны существенно изменили государственно-правовые устои в США. Ликвидация рабовладения стало частью резкого усиления федерального центра и ослабления власти штатов. Юридическое уравнивание в правах афро-американцев и белого населения не привело к их реальному равноправию. Межрасовый антагонизм не исчез, став хронической проблемой и в обновленном союзе. Для американского христианства победа Севера означала дальнейшее усиление либеральной теологии, ориентированной на социальное служение. Церкви в США, столкнувшись с реалиями индустриальной эпохи, активно включились в разрешение трудовых конфликтов между рабочими и предпринимателями, усилили благотворительную помощь нуждающимся, поддерживали меры, направленные на реформирование капиталистической экономики во имя блага всего общества.

Историческое примирение между Севером и Югом, казавшееся нерушимым, во второй половине XX в. было поставлено под вопрос. Символическим выражением постепенного распада ценностного базиса американской нации стал снос многих памятников государственным деятелям, высоко почитавшимся в прошлом. Сегодня для многих американцев, проживающих в крупных городах, категорически неприемлемы не только лидеры Конфедерации, но и основатели США (Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон и др.), взгляды и деятельность которых поставлены под вопрос. Схожая ситуация сложилась и в религиозной сфере, где протестантские конфессии неуклонно теряют влияние. Постепенное нарастание процессов социальной атомизации в рамках новейшей истории привело к кризису американской идентичности, фрагментации социальной жизни, грозящей полной утратой национального единства. В настоящее время у американского христианства нет убедительных ответов на вызовы современности, что неизбежно повлияет на общие перспективы развития США в XXI в.

Список использованных источников

1. Декларация независимости (1776 г.) // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты: пер. с англ. / сост. В. И. Лафитский; под ред. и со вступ. ст. О. А. Жидкова. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 768 с. – С. 25–28.
2. *Джефферсон, Т.* Автобиография. Заметки о штате Виргиния: пер. с англ. / Т. Джефферсон; сост., общ. ред. А. А. Фурсенко. – Л.: Наука, 1990. – 254 с.
3. *Супоницкая, И. М.* Антиномии американского Юга: Свобода и рабство / И. М. Супоницкая; отв. ред. Р. Ф. Иванов. – М.: Ленанд, 2019. – 232 с.
4. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
5. *Brown, J.* Last Speech / J. Brown // Testimonies of Capt. John Brown, at Harper's Ferry, with His Address to the Court. – N. Y.: American Anti-Slavery Society, 1860. – P. 15–16.

6. *Бичер-Стоу, Г.* Хижина дяди Тома / Г. Бичер-Стоу. – М.: Библия для всех. – 2006. – 556 с.

7. *Buchanan, J.* To the People of the United States (December 25, 1860) / J. Buchanan // *The Routledge Sourcebook of Religion and the American Civil War: A History in Documents* / ed. by R. R. Mathiesen. – N. Y. and London: Routledge, 2015. – P. 11–12.

8. *Линкольн, А.* Инаугурационная речь 4 марта 1861 г. / А. Линкольн // Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 г.) с историческим комментарием / общ. ред. и комментарий Э. А. Иवानяна. – М.: Изд. Дом «Стратегия», 2001. – С. 210–220.

9. *Constitution of the Confederate States* (March 11, 1861) // *The Routledge Sourcebook of Religion and the American Civil War: A History in Documents* / ed. by R. R. Mathiesen. – N. Y. and London: Routledge, 2015. – P. 25–26.

10. *Battle Hymn of the Republic* (November 19, 1861) // *The Routledge Sourcebook of Religion and the American Civil War: A History in Documents* / ed. by R. R. Mathiesen. – N. Y. and London: Routledge, 2015. – P. 98–99.

11. *Линкольн, А.* Прокламация об освобождении негров (1863) / А. Линкольн // *История США: Хрестоматия* / сост. Э. А. Иवानян. – М.: Дрофа, 2005. – С. 102–104.

12. *Линкольн, А.* Геттисбергская речь (1863) / А. Линкольн // *История США: хрестоматия* / сост. Э. А. Иवानян. – М.: Дрофа, 2005. – С. 105–106.

13. *Lincoln, A.* A Proclamation of Thanksgiving (October 3, 1863) *The Routledge Sourcebook of Religion and the American Civil War: A History in Documents* / A. Lincoln; ed. by R. R. Mathiesen. – N. Y. and London: Routledge, 2015. – P. 296.

14. *Reynolds, J.* This quasi religious war (January 9, 1863) // *The Routledge Sourcebook of Religion and the American Civil War: A History in Documents* / ed. by R. R. Mathiesen. – N. Y. and London: Routledge, 2015. – P. 219–220.

15. *Макферсон, Дж.* Боевой клич свободы: Гражданская война 1861–1865. – Екатеринбург: Гонзо, 2012. – 976 с.

16. *Джорджадзе, А. Н.* Церковь в общественно-политической жизни Юга США в годы Гражданской войны (1861–1865): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 25 с.

(Дата подачи: 11.02.2022 г.)

А. П. Косов

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Витебск;

Белорусский государственный университет, Минск

A. Kosov

Vitebsk State P. M. Masherov University, Vitebsk;

Belarusian State University, Minsk

УДК 327.94(470+571)

РОССИЯ И США: АМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР В ДИПЛОМАТИИ И. С. ИВАНОВА

RUSSIA AND THE UNITED STATES: AMERICAN VECTOR IN IGOR S. IVANOV'S DIPLOMACY

В статье рассматривается политика России в отношении США в 1998–2004 гг., когда российскую дипломатию возглавлял И. С. Иванов. Автор акцентирует внимание на взглядах дипломата относительно развития двустороннего взаимодействия Москвы и Вашингтона. Анализируются основные подходы И. С. Иванова к решению наиболее ключевых проблем в российско-американских отношениях. Подчеркивается его стремление к постоянному диалогу как оптимальному пути достижения национальных интересов страны.

Ключевые слова: дипломатия; И. С. Иванов; МИД; российско-американские отношения; Россия; США.

The article examines Russia's policy towards the United States in 1998–2004, when Russian diplomacy was headed by Igor S. Ivanov. The author focuses on the diplomat's views on the development of bilateral cooperation between Moscow and Washington. Igor S. Ivanov's main approaches to solving the most key problems in Russian-American relations are analyzed. His desire for a constant dialogue is emphasized as the best way to achieve the national interests of the country.

Keywords: diplomacy; Igor S. Ivanov; MFA; russian-American relations; Russia; USA.

Игорь Сергеевич Иванов занимал пост министра иностранных дел Российской Федерации с 11 сентября 1998 по 9 марта 2004 г. Его дипломатическая карьера началась в 1973 г., когда он отправился работать в Испанию в советское торгпредставительство. После возвращения в 1983 г. в Москву он работал в центральном аппарате, затем – в общем секретариате МИДа, который возглавил в 1989 г. Спустя два года И. С. Иванов вновь уехал в Испанию – на этот раз – послом. В декабре 1993 г. он стал первым заместителем министра и проработал в этой должности почти пять лет, пока сам не стал главой МИДа.

Цель представленной статьи – рассмотреть подходы И. С. Иванова к отношениям с США в 1998–2004 гг.

И. С. Иванов не являлся профессиональным американистом. Однако сначала в общем секретариате, потом на посту первого заместителя министра ему пришлось заниматься Америкой. По его словам, американцы прагматичны, они уважают тех, кто отстаивает свои интересы. Именно так и старался действовать И. С. Иванов на переговорах с представителями США [1, с. 512]. Первым дипломатическим испытанием для него стало участие в урегулировании боснийского кризиса. В 1995 г. в качестве первого заместителя министра иностранных дел он занимался подготовкой Дейтонских соглашений. С американской стороны переговорами по Боснии занимался заместитель госсекретаря Р. Холбрук [1, с. 463–464]. Несмотря на многочисленные сложности и расхождения, в том числе между Москвой и Вашингтоном, в результате совместных усилий в Боснии была остановлена война. Немалая заслуга в этом была И. С. Иванова, который показал себя умелым дипломатом.

Став министром, И. С. Иванов подчеркнул, что продолжит внешнеполитическую линию Е. М. Примакова. Правда, он стал меньше говорить о многополюсном мире, поскольку данная концепция носила откровенно антиамериканский характер [1, с. 514]. В первую очередь ему вновь пришлось заняться Балканами. Он выступил категорически против применения силы в урегулировании проблемы Косово, дав четко понять, что Москва не поддержит действия Вашингтона, а в случае вынесения Соединенными Штатами вопроса о проведении военной операции на обсуждение СБ ООН применит право вето [2, с. 277]. И. С. Иванов пытался убедить американцев не применять силу в отношении СРЮ и одновременно хотел заставить С. Милошевича быть более стоворчивым и пойти на уступки Западу. По сути, российской дипломатии тогда пришлось заниматься только ситуацией вокруг Косово. В результате НАТО приняло решение отложить силовое решение проблемы, а Белград согласился на вывод своих сил из края и на приезд международных наблюдателей. Выступая в Госдуме, И. С. Иванов успокаивал депутатов, что на Западе возобладала российская точка зрения о политическом решении Косовской проблемы [1, с. 478]. Поэтому в качестве одного из главных итогов 1998 г. в сфере дипломатии он назвал избежание Россией «фронтальной конфронтации» с США [3].

И. С. Иванов был уверен, что принципиальная линия Москвы – осуждение силовых действий НАТО в отношении СРЮ и призыв к переговорам – оказалась единственно правильной. По его мнению, Запад увидел, что без России Косовскую проблему ему не решить [1, с. 482]. При этом он был вынужден противостоять группе высокопоставленных дипломатов, которых возглавлял его заместитель А. А. Авдеев, и военных под руководством Л. Г. Ивашова, выступавших за проведение жесткой линии в отношениях с Западом. Конечно, в марте-июне 1999 г. И. С. Иванов сам жестко критиковал военную операцию НАТО против СРЮ. После начала

бомбардировок Югославии он заявил: «Наши западные партнеры уверяют нас, что прибегли к силе для восстановления переговорного процесса. Но если они действительно хотят переговоров, то для этого не исчерпаны мирные средства» [4]. Однако бомбардировки продолжались, поэтому глава МИД ужесточил тон, заявляя, что истинной целью бомбардировок Югославии является не борьба с режимом Милошевича, а попытка «навязать миру политический, военный и экономический диктат США». И. С. Иванов подчеркивал, что Соединенные Штаты «стремятся утвердить в XXI веке такой однополярный миропорядок, при котором судьба народов вершилась бы из Вашингтона» [5]. Заявления Запада о «гуманитарной катастрофе», по его словам, ни что иное как «чистейшей воды подтасовка и пропаганда». В данной ситуации позиция России полностью оправдана, поскольку, по его мнению, «впервые после Второй мировой войны в Европе осуществляется агрессия против суверенного государства». И. С. Иванов подчеркивал, что действия НАТО – это именно агрессия, другой квалификации таким действиям нет, «и она должна быть прекращена» [4]. При этом он был против разрыва отношений и прямой конфронтации с Западом. «Разве мы были согласны с тем, что Югославию бомбили? Конечно, нет. Но мы не прерывали диалог, и это позволило остановить там войну» [6].

По мнению И. С. Иванова, во второй половине 1990-х гг. определенные силы в США, сделавшие ставку на построение «мира по-американски», попытались принести в жертву этой линии долгосрочные интересы сотрудничества с Россией [7, с. 151]. Тем не менее именно по его инициативе Москва нормализовала отношения с США и НАТО, без чего не получилось бы российско-западного партнерства в целом [8, с. 10]. У него был свой взгляд на проблему взаимоотношений РФ и НАТО. Россиянам тяжело избавиться от восприятия альянса в качестве потенциальной угрозы для страны. Поэтому, необходимо конкретными делами доказать, что это не так, несмотря на наличие конфликта интересов России и Запада. По мнению И. С. Иванова: «Возникающие между странами противоречия возникают из-за того, что порой собственные интересы ставятся выше всех других. Я это отношу не только к США. Возможно, и с нашей стороны допускаются такого рода действия... Но при принятии тех или иных решений логика «холодной войны» – «чем хуже им, тем лучше нам» – напрочь отсутствует. Сегодня мы не враги и не противники. Мы выработываем новый статус, в котором нам хотелось бы жить. Будет ли это партнерство? Я вообще сторонник прагматичного уважительного партнерства без лишних эмоций и с взаимным учетом интересов» [9].

Разумеется, по многим вопросам у Москвы и Вашингтона были очень серьезные разногласия. Как отмечал И. С. Иванов, старт в отношениях с администрацией Дж. Буша-мл. получился довольно сложным. У пришедших к власти республиканцев было ярко выраженное негативное отношение

к России. К тому же на начальном этапе деятельности случился шпионский скандал, повлекший высылку российских дипломатов из Вашингтона в марте 2001 г. Тем не менее реакция И. С. Иванова была довольно спокойной. Он предположил, что подобные действия американцев не являются чем-то экстраординарным и периодически случаются. В любом случае он призвал не заострять на этом слишком много внимания, считая, что после ответных действий Москвы, инцидент исчерпал себя и российско-американские отношения продолжили свое развитие [9]. Начались встречи президентов двух стран, в результате которых между ними были установлены доверительные отношения, а также глав внешнеполитических ведомств. По словам И. С. Иванова, уже во время первой встречи с К. Пауэллом в Каире госсекретарь предложил решать имевшиеся вопросы без лишних формальностей, что пришлось российскому министру по душе, поскольку позволяло решать имеющиеся проблемы [9]. К. Пауэлл был патриотом своей страны, но не являлся ястребом. Он выступал за диалог, за продолжение переговоров по контролю над вооружениями, за взаимодействие в кризисных регионах, прежде всего на Ближнем Востоке [10]. Такой подход разделял и И. С. Иванов: Россия и США как ведущие державы мира должны сотрудничать. Тем более что сфера сотрудничества Москвы и Вашингтона значительно шире, нежели пространство для противоречий. И. С. Иванов был убежден, что в 1990-е гг. страны серьезно продвинулись вперед: большинство россиян перестали ощущать угрозу со стороны Америки [9]. Разногласия и недопонимание между Москвой и Вашингтоном он объяснял существующими стереотипами «холодной войны».

Фактором, способствовавшим сближению России и США, стали теракты 11 сентября 2001 г. в Америке. И. С. Иванов заявил, что международный терроризм является «наиболее ужасной» среди новых угроз, вставших перед мировым сообществом. Он отметил: «Совершенно очевидно, что необходимо объединять усилия России, США, международного сообщества, чтобы совместно противостоять тем опасным угрозам и вызовам, с которыми человечество сталкивается в XXI веке» [11]. 12 сентября 2001 г. глава МИД РФ встретился с американским послом в РФ А. Вершбоу и предложил рассмотреть вопросы совместной борьбы с терроризмом в ходе встречи лидеров стран G-8 [12]. В октябре 2001 г. в связи с началом антитеррористической операции в Афганистане И. С. Иванов заявил, что Россия не будет участвовать в боевых действиях, но согласна содействовать стабилизации ситуации в этой стране [13]. В рамках сотрудничества по борьбе с международным терроризмом Кремль пошел еще дальше, согласившись на создание военных баз НАТО в Центральной Азии. Это вызвало возмущение многих россиян, в том числе депутатов Госдумы, на что И. С. Иванов отреагировал следующим образом: необходимо не сотрясать воздух громкими заявлениями и при этом ничего не делать, а реально работать по упорчению россий-

ских позиций в центральноазиатских республиках по всем направлениям сотрудничества. В противном случае, это будут делать другие, в том числе США [14].

В 2002 – начале 2003 г. одной из острейших проблем в российско-американских отношениях стала ситуация вокруг Ирака, который на протяжении десятилетия находился под санкциями. Периодически иракская территория подвергалась бомбардировкам. Москва осуждала действия Вашингтона как нарушающие международное право и осложняющие процесс урегулирования. Так, когда в декабре 1998 г. США и Великобритания начали операцию «Пустынный лис» из Вашингтона и Лондона были даже отозваны российские послы. Правда, данный демарш не оказал на англосаксов никакого воздействия [3].

И. С. Иванов неоднократно высказывал позицию России по иракской проблеме. Еще 14 ноября 2000 г. по итогам визита в Багдад он заявил, что «Россия выступает за прекращение вмешательства во внутренние дела Ирака и отмену так называемых бесполетных зон. Нельзя возлагать ответственность лишь на одну сторону, когда допускаются действия, противоречащие основополагающим нормам и принципам Организации Объединенных Наций. Иракское урегулирование должно стать неотъемлемым элементом нормализации обстановки в зоне Персидского залива в целом. Мы выступаем за комплексное посткризисное урегулирование в районе Персидского залива» [15].

Россия до последнего надеялась, что вопрос о военной операции против этой страны не будет поставлен в Совете Безопасности ООН. Москва считала, что не следует вносить в СБ ООН резолюцию, дающую санкцию на применение военной силы против Ирака, поскольку еще не исчерпан потенциал политико-дипломатических средств для решения тех задач, которые поставлены в принятых резолюциях [16]. И. С. Иванов отмечал, что Вашингтону не нужно неудачу с поисками У. бен Ладена пытаться компенсировать обличением иракского режима как главного центра зла на планете. Относительно Ирака у международного сообщества, согласно всем резолюциям СБ ООН, есть конкретные цели и задачи – ликвидация ОМУ, если оно там будет обнаружено. А если нет, то все санкции против Ирака необходимо снять. Смена режима Саддама Хуссейна в этих документах нигде не фигурирует [17].

10 марта 2003 г. Москва сообщила, что наложит вето на резолюцию США и Великобритании, внесенную в СБ ООН 24 февраля, которая обвиняла Багдад в невыполнении своих обязательств. Однако публичное обещание ее блокирования привело к тому, что Вашингтон просто отказался от всякого сотрудничества в рамках ООН. Возможно, это стало ошибкой российской дипломатии [1, с. 517]. 20 марта началась вторая война в Персидском Заливе. И. С. Иванов осудил вторжение международной коалиции во главе с

США в Ирак. Согласно ему, это решение американского руководства разрушило антитеррористическую коалицию. Он пытался убедить американцев в том, что война в Ираке приведет к тяжелым последствиям, в том числе для самих Соединенных Штатов [18]. Однако в Вашингтоне оказались глухи к призывам Москвы. Это стало началом большого разочарования российского руководства, повлиявшим на изменение внешней политики России.

Серьезным противоречием в российско-американских отношениях стали планы Вашингтона по выходу из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО) от 1972 г. Правда, когда 13 декабря 2001 г. Дж. Буш-мл. официально уведомил Москву о выходе из него, внешне реакция российского руководства была относительно спокойной. И. С. Иванов объяснил действия Вашингтона стремлением уйти в отрыв в сфере современных технологий через бюджетное финансирование серьезных военных программ в целях утверждения своего лидерства в военной области [9]. По его словам, «Вашингтон воспользовался своим правом и в одностороннем порядке вышел из Договора по ПРО. Помешать мы не могли. Значит, было два пути. Или хлопнуть дверью – и тогда разругаться, пойти на конфронтацию. Или постараться не прервать диалог, достичь такой договоренности, которая пусть даже не в полной мере, но компенсировала бы отсутствие Договора по ПРО и позволяла бы продвигаться по пути сокращения стратегических наступательных потенциалов. Мы выбрали второй путь» [17]. Своеобразной компенсацией стал Договор об ограничении стратегических наступательных потенциалов (СНП), подписанный 24 мая 2002 г. [19]. И. С. Иванов оценил его как документ будущего, отвечающий национальным интересам двух стран в сфере поддержания глобальной безопасности и стабильности. По мнению главы МИДа, выход из Договора по ПРО, а также планы Вашингтона по развертыванию первого позиционного района НПРО вызывают сожаление и снижают взаимное доверие, но не должны закрывать дорогу к диалогу между Москвой и Вашингтоном [20]. Он продолжал верить в здравый смысл руководства США.

Несмотря на все сложности в российско-американских отношениях И. С. Иванов всегда подчеркивал, что стороны не прерывали диалога, каким бы трудным он ни был. Хоть это и не предотвратило многие конфликты и войны, но, по его мнению, помогло избежать еще более тяжелых последствий, а в отдельных сферах даже – выйти на важные взаимоприемлемые договоренности (например, по СНВ-3). Поэтому он был убежден в необходимости постоянного диалога между РФ и США [21].

Однако 9 марта 2004 г. И. С. Иванов был назначен секретарем Совета безопасности РФ, что многие наблюдатели расценили как своеобразную «почетную ссылку» [8, с. 10]. По мнению Л. М. Млечина, И. С. Иванов был главой МИДа до тех пор, пока не изменилась внешнеполитическая линия страны. «Стратегическое партнерство с Западом было признано ненуж-

ным: Россия самодостаточна и могущественна. Дипломаты утратили возможность влиять на внешнюю политику» [6]. Подтверждение этому можно найти и в словах официального представителя МИДа РФ А. В. Яковенко, который отмечал, что на посту министра иностранных дел «важно обеспечивать президентский внешнеполитический курс, настойчиво добиваться поставленных целей, которые отражены в Концепции внешней политики Российской Федерации, ставятся руководством страны» [22]. При этом, рассуждая о замене главы МИДа, аналитики учитывали и профилизацию С. В. Лаврова, ставшего новым министром. Как писал журнал «Эксперт» со ссылкой на осведомленный источник, И. С. Иванов был «сторонником проевропейской внешней политики, именно благодаря ей мы залезли в антиамериканскую коалицию по Ираку, что вызвало у нас целый ряд проблем во внешней политике. <...> Европа же на данный момент вообще не является той силой, на союзе с которой России можно было бы строить эффективную внешнюю политику. <...> Назначение главой МИДа Лаврова означает, что “стратегическим другом” России выбрана Америка, а не Европа» [23].

Таким образом, на посту министра иностранных дел РФ И. С. Иванов был хорошим техническим исполнителем воли президента. Известно, что внешняя политика страны формируется не на Смоленской площади, а в Кремле. В этом плане И. С. Иванов обладал, конечно, меньшей самостоятельностью, нежели его визави – М. Олбрайт и К. Пауэлл. Не был он и «тяжеловесом» в российской политике, как Е. М. Примаков. Тем не менее И. С. Иванов оказался искусным аппаратным игроком, умело проводившим политическую линию Кремля на мировой арене. Несмотря на критику действий НАТО на Балканах, осуждение вторжения США в Ирак и других шагов Вашингтона, И. С. Иванов проводил внешнеполитический курс на взаимодействие с Западом, но, в отличие от первой половины 1990-х гг., уже с оглядкой на национальные интересы страны. Он считал, что главным во внешней политике должен быть прагматизм и реализм, что и пытался реализовать на практике.

Список использованных источников

1. Млечин, Л. Секреты российской дипломатии. От Громыко до Лаврова / Л. Млечин. – М.: Аргументы недели, 2020. – 608 с.
2. Кременюк, В. А. Уроки холодной войны / В. А. Кременюк. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 319 с.
3. Бричкина, Л. Иванов International [Электронный ресурс] / Л. Бричкина // Профиль. – 19.04.1999. – Режим доступа: <https://profile.ru/archive/ivanov-international-104604/>. – Дата доступа: 31.12.2021.
4. «Мы в моральном плане выше американцев» [Электронный ресурс] // Gazeta.Ru. – 25.03.1999. – Режим доступа: https://gazeta.lenta.ru/daynews/032599/20reaction_Printed.htm. – Дата доступа: 02.02.2022.

5. *Иванов, И.* Бывший секретарь Совета безопасности РФ, бывший министр иностранных дел РФ [Электронный ресурс] / И. Иванов // Lenta.Ru. – Режим доступа: <https://lenta.ru/lib/14161074/full/>. – Дата доступа: 02.02.2022.

6. *Млечин, Л.* Экс-министр иностранных дел Игорь Иванов: «Дипломат – как тореадор» [Электронный ресурс] / Л. Млечин // Московский Комсомолец. – 22.09.2020. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/amp/social/2020/09/22/eksministr-inostrannykh-del-igor-ivanov-diplomat-kak-toreador.html>. – Дата доступа: 28.12.2021.

7. *Иванов, И. С.* Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны / И. С. Иванов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 382 с.

8. *Волхонский, Б.* Человек из Нью-Йорка назначен министром иностранных дел России / Б. Волхонский, Л. Ганкин, Г. Сысов // Коммерсантъ. – 10.03.2004. – № 42. – С. 10.

9. Из интервью министра иностранных дел Российской Федерации И. С. Иванова ежемесячнику «Совершенно секретно», опубликованного в августовском (2001 г.) номере газеты под заголовком: «Игорь Иванов: “Я не раскрываю секреты”» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 10.08.2001. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/position_word_order/1688701/. – Дата доступа: 04.02.2022.

10. *Иванов, И.* Патриот, но не ястреб. Экс-глава МИД РФ Игорь Иванов о кончине Колина Пауэлла [Электронный ресурс] / И. Иванов // Коммерсантъ. – 18.10.2021. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5039530>. – Дата доступа: 03.01.2022.

11. Россия призывает создать глобальную систему противодействия международному терроризму [Электронный ресурс] // NEWSru.com. – 2001. – 12 сентября. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/12sep2001/ivanov.html>. – Дата доступа: 02.02.2022.

12. Россия предлагает экстренно созвать G8 [Электронный ресурс] // NEWSru.com. – 2001. – 12 сентября. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/12sep2001/g8.html>. – Дата доступа: 02.02.2022.

13. Россия не принимала решения об участии в миротворческой операции в Афганистане [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 11.12.2001. – Режим доступа: <https://ria.ru/20011211/32936.html>. – Дата доступа: 31.01.2022.

14. Выступление министра иностранных дел России И. С. Иванова в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации в рамках «Правительственного часа» 13 марта 2002 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 15.03.2002. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1693163/>. – Дата доступа: 02.02.2022.

15. Стенограмма пресс-конференции министра иностранных дел Российской Федерации И. С. Иванова по итогам визита в Ирак, 14 ноября 2000 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 16.11.2000. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1600979/. – Дата доступа: 04.02.2022.

16. Интервью заместителя министра иностранных дел России Ю. В. Федотова интернет изданию «Страна.Ru», опубликованное 10 сентября 2002 года под заголовком «Российский приоритет – укрепление международной стабильности при сохранении

центральной роли ООН» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 10.09.2002. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/up/1688123/. – Дата доступа: 04.02.2022.

17. Интервью министра иностранных дел России И. С. Иванова газете «Труд-7», опубликованное 23 января 2003 года под заголовком «Игорь Иванов: мы стали мыслить более прагматично» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 23.01.2003. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1611546/. – Дата доступа: 04.02.2022.

18. Иванов: ситуация вокруг Ирака может привести к расколу антитеррористической коалиции [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 21.03.2003. – Режим доступа: <https://ria.ru/20030321/352065.html>. – Дата доступа: 02.02.2022.

19. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных потенциалов. 24 мая 2002 года [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/3476>. – Дата доступа: 22.05.2012.

20. Интервью министра иностранных дел России И. С. Иванова еженедельнику «Итоги», опубликованное 28 января 2003 года под заголовком «Внешняя политика – дело внутреннее» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 28.01.2003. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1743321/. – Дата доступа: 04.02.2022.

21. *Иванов, И.* «Недоверие между Россией и США достигло невиданного уровня». Бывший глава МИД РФ Игорь Иванов – о перспективах отношений Москвы и Вашингтона [Электронный ресурс] / И. Иванов // Коммерсантъ. – 16.09.2020. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4493233>. – Дата доступа: 03.01.2022.

22. Интервью официального представителя МИД России А. В. Яковенко, опубликованное в «Родной газете» 12 ноября 2004 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 15.11.2004. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1741763/>. – Дата доступа: 04.02.2022.

23. *Власова, О.* Ставка на сильных [Электронный ресурс] / О. Власова [и др.] // Эксперт. – 2004. – 15–22 марта. – № 10 (411). – Режим доступа: https://expert.ru/expert/2004/10/10ex-tema-1_30788/. – Дата доступа: 31.01.2022.

(Дата подачи: 14.02.2022 г.)

Н. А. Косяк

Белорусский государственный университет, Минск

N. Kosyak

Belarusian State University, Minsk

УДК 353.433:93/94

ПРАКТИКА ЛЮСТРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1991–1999 ГГ.)

THE PRACTICE OF LUSTRATION IN THE IMPLEMENTATION OF THE POLICY OF MEMORY OF THE REPUBLIC OF LITHUANIA (1991–1999)

В статье рассмотрены вопросы мемориальной политики и процессы институционализации памяти в Литовской Республике в конце 1980–1990-х гг. Специальное внимание обращено на деятельность первых комиссий, институтов по сохранению и расследованию преступлений тоталитарных режимов. Подчеркивается роль Центра исследований геноцида и сопротивления (резистенции) жителей Литвы как организации, которая выполняет объединяющую функцию по координации политики памяти в государстве в 1990-е гг. Рассмотрены первые мемориальные и люстрационные законодательные акты на территории Литвы в 1990-е гг.

Ключевые слова: институты памяти; мемориальная политика; люстрационное законодательство.

The article deals with the issues of memorial policy and the processes of institutionalization of memory in the Republic of Lithuania in the late 1980s –1990s. Special attention is paid to the activities of the first commissions, institutions for the preservation and investigation of the crimes of totalitarian regimes. Emphasizes the role of the Center for Research on Genocide and Resistance (resistance) of the inhabitants of Lithuania as an organization that performs a unifying function of coordinating the policy of memory in the state in the 1990s. The first memorial and lustration legislative acts on the territory of Lithuania in the 1990s are considered.

Keywords: institutions of memory; memorial policy; lustration legislation.

Период 1990-х гг. в Литовской республике характеризовался формированием государственной политики памяти, которая базировалась на развитии первых институтов, занимавшихся вопросами исторической политики и принятием «мемориального» и люстрационного законодательств, регламентировавших основные направления политики памяти.

Процессы, касающиеся этого направления государственной деятельности хронологически подразделяются на два периода. Первый период затрагивает конец 1980-х – первую половину 1990-х гг., когда происходит оформление первых комиссий и государственных структур на фоне «волны» повсеместной люстрационной политики. Второй период, ознаменовав-

ший окончательное оформление национального института памяти, охватывает вторую половину 1990-х гг. и совпадает со второй волной люстрации.

Формирование первых институтов, касающихся вопросов памяти в Литве было вызвано двумя причинами: с одной стороны, возрастание антикоммунистических настроений у литовского населения к концу 1980-х – началу 1990-х гг., а с другой, общие процессы люстрации, проходившей на территории всего балтийского региона.

Негативное отношение к советскому прошлому начинает проследиваться в конце 1980-х гг., когда при общественно-политической организации «Саюдис» начинает функционировать «Общественная комиссия по расследованию преступлений сталинизма в Литве» под руководством Ю. Юзелюнаса. Цель комиссии заключалась во вскрытии фактов нарушения прав человека в Литве. Помимо этого, впервые поднимались вопросы реабилитации литовских граждан; возвращения депортированных литовцев в период режима И. В. Сталина [25, с. 138–139].

В процессе политического становления суверенной Литвы деятельность комиссии «Саюдиса» способствовала разворачиванию массовой политики люстрации и публичного обнаружения фактов сотрудничества коренного населения с местными структурами органов госбезопасности. Правопреемницей комиссии «Саюдиса» стала созданная 24 августа 1991 г. по инициативе Верховного Совета Литвы, «Временная комиссия по расследованию деятельности КГБ Советского Союза». На комиссию возлагались «руководство созданными правительством комиссиями по сбору всего имущества (включая архивы и документацию), которое ранее находилось в юрисдикции органов КГБ ЛССР» и «расследование деятельности КГБ в Литве с целью ее прекращения» [25, с. 137]. Председателем комиссии был избран Балис Гаюскас.

Продолжением деятельности комиссии стало принятие соответствующего люстрационного законодательства. 12 октября 1991 г. был издан указ № 418, запрещающий занимать руководящие должности как бывшим сотрудникам КГБ, так и их осведомителям. Лица, попадавшие под действие указа, должны были уйти в отставку не позднее октября 1992 г. [1, с. 318]. В декабре 1991 г. был принят закон «О проверке мандатов депутатов, подозреваемых в сознательном сотрудничестве со специальными службами СССР или других государств», предусматривавший проверку кандидатов в депутаты на сотрудничество с органами КГБ [1, с. 320].

Стоит отметить, что на фоне процессов деятельности люстрационных законов и комиссий по расследованию преступлений оккупационных режимов принимаются и первые законы в сфере «мемориальной» политики. 2 мая 1990 г. Верховным Советом Литовской Республики был принят закон «О восстановлении прав лиц, репрессированных за сопротивление оккупационным режимам» [6, с. 386], подразумевающий восстановление прав,

аннулирование тюремных сроков и иных осуждений, предусмотренных в законодательных актах «советской и немецкой оккупаций». Бывшим осужденным выдавались свидетельства о времени их осуждения или иного вида ограничения с целью подтверждения факта реабилитации.

Комиссия по расследованию деятельности КГБ проработала до осени 1992 г. Приостановление деятельности комиссии было связано с внутри-политической ситуацией в Литве¹. В результате люстрационная политика временно была остановлена, но расследование «фактов антигуманного отношения коммунистического режима продолжились», прежде всего с помощью изучения архивных материалов органов КГБ. В октябре 1992 г. сеймом Литовской Республики был принят закон «О сохранении особых архивов Литвы» [18, с. 1011], согласно которому «архивы не могут быть уничтожены или вывезены из Литвы» [18, с. 1012]. Архивные материалы поступали в распоряжение «Государственного центра исследования геноцида жителей Литвы»². С июля 1993 г. сеймом Литвы было принято положение «О передаче и приеме архивных документов особой важности» [24, с. 2690] и соответствующий регламент их хранения.

С целью дальнейшего сохранения архивных данных спецслужбы и документов Коммунистической партии Литвы постановлением парламента Литовской Республики был создан «Государственный центр исследования геноцида жителей Литвы» (ГЦИГЖЛ) от 29 октября 1992 г. [15, с. 1012]. Первостепенной задачей провозглашалось исследование и хранение архивов государственных спецслужб СССР, находившихся в Литве. Помимо этого, на центр возлагались задачи инвентаризации и систематизации документальных источников, подтверждающих нарушения прав человека (§10.1; §10.2), а также публикация материалов, свидетельствующих о фактах геноцида против литовского населения (§ 11.1) [15, с. 1013].

1 июля 1993 г. парламент Литовской республики принимает решение о передаче архивов КГБ ЛССР Генеральному директорату архивов Литвы [2, с. 491]. Следствием стало преобразование ГЦИГЖЛ в новую структуру – «Центр исследования геноцида и сопротивления (резистенции) жителей Литвы» (ЦИГРЖЛ)³. ЦИГРЖЛ стал единой государственной структурой, занимающейся изучением политики памяти в Литовской республике. Созданный центр имел ряд особенностей по сравнению с ГЦИГЖЛ. В положении о Центре исчезают понятия «систематизации» и «инвентаризации»

¹ Приостановка вызвана приходом к власти «левых» сил. На парламентских выборах в октябре 1992 г. победу одержала «Демократическая партия труда Литвы» (правопреемница Компартии), а в 1993 г. победу на президентских выборах одержал А. Бразаускас (бывший первый секретарь ЦК ЛССР).

² Далее – ГЦИГЖЛ.

³ Далее – ЦИГРЖЛ.

архивных материалов; функция хранения архивных материалов перестает считаться первоочередной задачей. Учреждение отходило от политики «люстрации» правоохранительных органов советского образца к поиску фактов, подтверждающих геноцид литовского населения Советским Союзом.

Целью ЦИГРЖЛ⁴ провозглашалось расследование пыток, депортаций, сопротивления и увековечивания памяти литовского населения в годы оккупации. В перечень деятельности Центра входили следующие обязанности: систематизация и поиск материалов, раскрывающих факты геноцида; формирование списков жертв геноцида, а также розыск граждан, пропавших без вести в годы оккупации; публикация материалов, раскрывающих политику геноцида в отношении жителей Литвы.

На протяжении второй половины 1990-х гг. к Центру присоединялись различные государственные структуры, регулировавшие вопросы изучения политики памяти в государстве (акцент в научных исследованиях ставился на изучении вопросов как советской, так и немецкой оккупации и поиск причастности Советского Союза к целенаправленному уничтожению литовской нации). При формировании Центра в его состав входило два подразделения: «Институт исследования геноцида и сопротивления (резистенции) жителей Литвы» и «Института памяти жителей Литвы», но в ноябре 1994 г. к Центру была присоединена как структурная часть «Комиссия по правам участников движения сопротивления» [8, с. 1810], а в 1997 г. [14, с. 306] – «Центр исследования репрессий в Литве» и «Музей оккупаций и борьбы за свободу» (как иллюстративная часть деятельности ЦИГРЛЖ).

Сеймом Литвы в июне 1997 г. был утвержден устав организации, который описывал структуру, функции и задачи центра. На институт возлагалась задача восстановления и увековечения исторической памяти в государстве. Кроме этого, центр занимался изучением вопросов «оккупационной политики 1939–1991 гг., а также правовой оценкой последствий оккупации» (ст. 4) [20, с. 288].

Функции созданной структуры включали в себя поиск, накопление и систематизацию материалов, подтверждающих факты сопротивления местного населения. На основе найденных материалов под эгидой центра проводились конференции, издавались научные труды по исследуемой тематике [24, с. 2690]. Важно подчеркнуть, что первоочередной функцией Центра считалась популяризация мемориальной политики среди местного населения⁵.

⁴ Следует подчеркнуть, что принятые цели, функции, задачи ЦИГРЛЖ были действительны с 16.07.1993 по 05.06.1997. Изменения были вызваны принятием отдельного законодательного акта сеймом Литовской Республики, регламентировавшего новые функции и задачи Центра.

⁵ Мемориальная политика государства заключается в сохранении основных «мест памяти» о геноциде местного населения. Таковыми местами (согласно закону о ЦИГРЛЖ)

Центральное место в мемориальной политике в 1990-е гг. занимал вопрос о геноциде населения.

Ключевую роль играл закон 1992 г. «Об ответственности за геноцид литовского населения» [21, с. 342], согласно которому ответственность за геноцид литовского населения лежит на плечах немецкой и советской администрации, а отрицание этого тезиса несет за собой уголовную ответственность⁶. Вместе с тем тематика мемориальных законов была достаточно широкой и затрагивала вопросы правового статуса участников сопротивления [3, с. 1636; 11, с. 1609]; восстановления прав репрессированных [17, с. 387]; возмещения ущерба от немецкого и советского режимов оккупации [4, с. 1486; 5, с. 456]; памяти жертв оккупационной политики [13, с. 1997; 16, с. 2234].

К концу 1990-х гг. происходит смена политического вектора⁷, вызванная новой («второй») волной политики люстрации, базировавшаяся на разработке соответствующего законодательства. 16 июля 1998 г. вступил в силу закон об оценке органов безопасности [22, с. 78]. Закон устанавливал, что КГБ и его предшественники (НКВД-НКГБ-МГБ) являются одними из виновников в разворачивании геноцида литовского народа. Наряду с этим бывшие сотрудники органов в течение 10 лет не могли занимать государственные должности в Литовской Республике.

Схожим законодательным актом был принятый 23 ноября 1999 г. закон «О регистрации, признании, учете и защите лиц, которые признались в секретном сотрудничестве со спецслужбами бывшего Советского Союза». В соответствии с ним гражданин, сотрудничавший с органами госбезопасности на протяжении полугода, должен был зафиксировать факт сотрудничества и передать всю имеющуюся у него информацию и документацию о спецслужбах. Если же человек отказывался от сотрудничества, то его данные о пособничестве с органами госбезопасности СССР публично печатались в государственной печати «Государственном вестнике Литвы». Также человек лишался права занимать государственные должности в Литовской Республике.

Принятые люстрационные законы второй «волны» привели к созданию по инициативе президента республики В. Адамкуса «Международной комиссии по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве» [9, с. 2248] в сентябре 1998 г. Руководителем секретариата комиссии был назначен Р. Рачинский [10, с. 924].

выступают: «Музей жертв геноцида», мемориальный комплекс бывшего здания КГБ в Вильнюсе; в планах реализация мемориального музея «Борьбы и мук» в Вильнюсе.

⁶ Уголовная ответственность предусматривала лишение свободы на срок от 5 до 15 лет с конфискацией имущества или же смертную казнь с конфискацией имущества.

⁷ В результате парламентских (1996 г.) и президентских (1998 г.) выборов к власти приходят консервативные силы, ознаменовавшие смену политических элит.

К октябрю 1999 г. было утверждено положение секретариата комиссии [23, с. 2546]. Цель комиссии заключалась в установлении и заполнении пробелов в истории Литовской Республики путем проведения исследований документального материала, который сохранился в государстве или же найден в зарубежных странах. Спектр деятельности комиссии включал следующие функции: сбор и систематизация материалов, подтверждающих преступления двух режимов; проведение исторических исследований по оценке преступлений нацистского и советского режимов; организация, участие в конференциях по тематике оккупационной политики двух режимов.

По мнению членов комиссии, оккупационная политика носила различный характер. С целью их детального изучения представители комиссии пришли к выводу, что необходимо создать отдельные исследовательские структуры. Под руководством Л. Труски действовала «Подкомиссия по расследованию преступлений нацистского оккупационного режима», занимавшаяся исключительно вопросами оккупации Литвы с 1941 по 1945 гг. «Подкомиссия по расследованию преступлений советского оккупационного режима» под руководством Э. Зингера изучала вопросы советского периода. Общая работа подкомиссий координировалась секретариатом под управлением директора комиссии.

Таким образом, во второй половине 1990-х гг. произошло окончательное оформление института памяти в Литве, занимающегося комплексными историческими исследованиями преступлений «оккупационных режимов»; проведение «второй» волны люстрации и принятие соответствующего законодательства, ограничивающего права бывших сотрудников советских спецслужб. Именно люстрационная политика способствовала активизации процессов институализации политики памяти, реализовывавшейся через создание специальных структур и принятие мемориального законодательства.

Список использованных источников

1. Лёзина, Е. XX век проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы / Е. Лёзина. – М.: Новое лит. обозрение, 2021. – 584 с.

2. О внесении изменений в постановление Верховного Совета Литовской Республики «О создании Государственного центра по расследованию геноцида населения Литвы и порядке вступления в силу Закона Литовской Республики «О сохранении архивов особой важности»: Закон Сейма Литовской Республики от 01.06.1993 г., № I-168 // Ведомости Литовской Республики. – 1993. – № 20. – С. 491.

3. О внесении изменений и дополнений в статьи 1 и 2 Закона Литовской Республики о правовом статусе участников сопротивления оккупации 1940–1990 годов: Закон Сейма Литовской Республики от 25.05.1999 г., № VIII-1201 // Ведомости Литовской Республики. – 1999. – № 51. – С. 1636.

4. О возмещении ущерба советской оккупации: Закон Сейма Литовской Республики от 13.06.2000 г., № VIII-1727 // Ведомости Литовской Республики. – 2000. – № 52. – С. 1486.

5. О возмещении ущерба, причиненного СССР Литовской Республике и ее жителям в период с 1940 по 1991 год: Закон Верховного Совета Литовской Республики от 04.06.1991 г., № I-1453 // Ведомости Литовской Республики. – 1991. – № 17. – С. 456.

6. О восстановлении прав лиц, репрессированных за сопротивление оккупационным режимам: Закон Верховного Совета Литовской Республики от 02.05.1990 г., № 180 // Ведомости Литовской Республики. – 1990. – № 14. – С. 386.

7. О государственном центре исследования геноцида жителей Литвы: Закон Сейма Литовской Республики от 26.11.1992 г., № 904 // Ведомости Литовской Республики. – 1992. – № 33. – С. 1013.

8. О комиссии по правам участников сопротивления: Закон Сейма Литовской Республики от 17.11.1994 г., № I-665 // Ведомости Литовской Республики. – 1994. – № 93. – С. 1810.

9. О международной комиссии по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве: Закон Сейма Литовской Республики от 07.09.1998 г., № 159 // Ведомости Литовской Республики. – 1998. – № 80. – С. 2248.

10. О назначении руководителя Секретариата Международной комиссии по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве: Положение Сейма Литовской Республики от 23.08.1999 г., № 256 // Ведомости Литовской Республики. – 1999. – № 36. – С. 924.

11. О правовом статусе жертв оккупации 1939-1990 годов: Закон Сейма Литовской Республики от 30.06.1997 г., № VIII-342 // Ведомости Литовской Республики. – 1997. – № 66. – С. 1609.

12. О правовом статусе участников сопротивления оккупациям 1940–1990 гг.: Закон Сейма Литовской Республики от 23.01.1997 г., № VIII-97 // Ведомости Литовской Республики. – 1997. – № 12. – С. 230.

13. О присуждении степеней солдат Литовской Республики участникам – солдатам вооруженного сопротивления и солдатам довоенной литовской армии: Закон Сейма Литовской Республики от 07.04.1998 г., № VIII-688 // Ведомости Литовской Республики. – 1998. – № 38. – С. 1997.

14. О реорганизации исследовательского центра геноцида населения и сопротивления Литвы: Закон Сейма Литовской Республики от 13.02.1997 г., № VIII-106 // Ведомости Литовской Республики. – 1997. – № 15. – С. 306.

15. О создании государственного центра исследования геноцида жителей Литвы и о вступлении в силу закона Литовской Республики о сохранении архивов особого назначения: Закон Верховного Совета Литовской Республики от 29.10.1992 г., № I-3021 // Ведомости Литовской Республики. – 1992. – № 33. – С. 1012.

16. О создании памятных знаков, символов и памятников жертвам геноцида и репрессированным за противодействие оккупационным режимам, государственная программа на 1996–2000 годы: Закон Сейма Литовской Республики от 01.12.1995 г., № 1516 // Ведомости Литовской Республики. – 1995. – № 100. – С. 2234.

17. О составлении списка лиц, репрессированных за противодействие оккупационным режимам, и поминовение их памяти: Декрет Сейма Литовской Республики от 22.02.1995 г., № 552 // Ведомости Литовской Республики. – 1995. – № 17. – С. 387.

18. О сохранении архивов особой важности: Закон Верховного Совета Литовской Республики от 29.10.1992 г., № I-3020 // Ведомости Литовской Республики. – 1992. – № 33. – С. 1011.

19. Об утверждении положений о передаче и приемке архивных документов особой важности: Постановление Сейма Литовской Республики от 14.07.1993 г., № 526 // Ведомости Литовской Республики. – 1993. – № 30. – с. 699.

20. О центре по изучению геноцида и резистенции населения Литвы: Закон Сейма Литовской Республики от 05.06.1997 г., № VIII-238 // Ведомости Литовской Республики. – 1997. – № 25. – С. 288.

21. Об ответственности за геноцид литовского населения. Закон Верховного Совета Литовской Республики от 09.04.1992 г., № I-2447 // Ведомости Литовской Республики. – 1992. – № 13. – С. 342.

22. Об оценке Комитета государственной безопасности СССР (НКВД-НКГБ-МГБ) и нынешней деятельности кадровых сотрудников этой организации: Закон Сейма Литовской Республики от 16.07.1998 г., № VIII-858 // Ведомости Литовской Республики. – 1998. – № 9. – С. 78.

23. Об утверждении положений Секретариата Международной комиссии по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве: Закон Сейма Литовской Республики от 08.10.1999 г., № 159 // Ведомости Литовской Республики. – 1999. – № 85. – С. 2546.

24. Об утверждении положений Центра исследования геноцида и резистенции жителей Литвы: Постановление Сейма Литовской Республики от 11.11.1997 г., № VIII-505 // Ведомости Литовской Республики. – 1997. – № 17. – С. 2690.

25. Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В. В. Полещук, В. В. Степанов; Ин-т этнологии и антропологии Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука. – 2013. – 407 с.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

Н. В. Кошелева

Белорусский государственный университет, Минск

N. Kosheleva

Belarusian State University, Minsk

УДК 94+141+297.17

ВКЛАД СЕЙИДА ХОССЕЙНА НАСРА В ИСЛАМИЗАЦИЮ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В США

CONTRIBUTION OF SAYYID HOSSEIN NASR TO THE ISLAMIZATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE USA

Статья посвящена новой волне исламского возрождения через академическую науку и образование, в частности, яркому представителю этого процесса ирано-американскому ученому С. Х. Насру. В работе анализируются факторы, сформировавшие его исследовательское поле и научный подход, а также доказывается то, что академическая деятельность Насра, в том числе в США, и его концепция «Scientia sacra» стоят в одном ряду с другими проектами «исламизации знания» 1970–1980-х гг.

Ключевые слова: С. Х. Наср; «Священная наука»; «исламизация знания»; США.

The article is devoted to the new wave of Islamic regeneration by means of academic science and education in particular; to the prominent representative of this process the Iranian-American scholar S.H. Nasr. The factors that predetermined his research field and scientific approach are analyzed in the paper; it is proved that Nasr's academic activities, in the USA too, and his concept of «Scientia sacra» rank with other projects of the «Islamization of knowledge» of the 1970–1980s.

Keywords: S. H. Nasr; «Scientia sacra»; «Islamization of knowledge»; USA.

Еще в конце XIX – начале XX в. исламские модернисты поставили вопрос о возрождении мусульманской цивилизации, самосознания и духовных ценностей. Во второй половине столетия эта идея по-новому зазвучала в среде мусульманских ученых, деятельность которых с легкой руки известного пакистанского мыслителя Фазлура Рахмана в настоящее время рассматривается в русле исламского неомодернизма [1], характеризующегося принципиальной принадлежностью исламских активистов к академической науке [2, р. 246] .

В 1970-х гг. мусульмане-интеллектуалы, в частности палестинско-американский ученый и философ Исмаил Фаруки, малазийский философ Накиб Атгас, ирано-американский ученый Сейид Хоссейн Наср, попытались дать ответ на эпистемологический вызов со стороны светской науки Запада. Они выступили за ее пересмотр, предложив инкорпорировать исламскую парадигму в современную систему научного, светского по характеру, знания. Эти ученые получили западное образование и были связаны с европейскими или американскими университетами. При этом каждый из идеоло-

гов имел свое видение, свой проект «исламизации» знания. Предложенные И. Фаруки и Н. Аттасом концепции стали известны под названием «исламизация знания». С. Х. Наср предпочел использовать латинский термин «*Scientia sacra*» («Священная наука»).

Для воплощения их идей начали создаваться научно-образовательные учреждения. В 1981 г. в США был основан частный образовательный центр – «Международный институт исламской мысли» (США), в котором проект «исламизации знания» И. Фаруки, являвшегося основателем данного института, был внедрен в учебный процесс. И. Фаруки также разработал программы исламских исследований в Сиракузском и Темплском университетах [3, р. 68]. С 1991 г. под идейным влиянием Н. Аттаса схожее учебное заведение, Международный институт исламской мысли и цивилизаций, действует в Малайзии. В этом государстве, где больше половины населения составляют мусульмане, идеи Н. Аттаса оказали огромное влияние на студенческое движение и академическую науку [4, р. 2].

С. Х. Наср также попытался создать еще в 1974 г. специальную академическую платформу – Иранскую шахскую академию философии под эгидой королевы Фара в Иране, известную сегодня как Иранский институт философии. Однако полностью воплотить задуманное у себя на родине в силу жизненных обстоятельств у него не получилось. Поэтому в отличие от И. Фаруки и Н. Аттаса, которые занимались внедрением идей через специально созданные исламские образовательные центры, С. Х. Наср занялся распространением своего подхода в университетах США. В настоящее время он является ведущим ирано-американским философом, религиоведом, профессором исламоведения в университете имени Джорджа Вашингтона.

Научная деятельность С. Х. Насра давно привлекала внимание исследователей. Ранее предпринимались попытки рассмотрения Насра как представителя «исламизации знания». К примеру, известный египетский социолог Мона Абаза в 2000 г. оценивала С. Х. Насра как одного из «исламизаторов», предложившего свою версию концепции «исламизации знания» [5, р. 93]. В настоящее время деятельность ученого трактуется преимущественно в духе исламского традиционализма и перенниализма, т. е. в отрыве от общего идейного контекста, в котором действовали сторонники «исламизации знания», и за редким исключением [6, р. 200] с ними не соотносится.

Для того, чтобы оценить научную деятельность С. Х. Насра и предложенную им эпистемологическую концепцию, следует проанализировать факторы, которые предопределили формирование его взглядов, методов и подходов к изучению исламской традиции.

Родился С. Х. Наср в Тегеране в 1933 г. в семье вестернизированной академической и политической элиты иранского общества. В 1945 г. в возрасте двенадцати с половиной лет семья отправила С. Х. Насра учиться в США. Он стал выпускником Массачусетского технологического института (МТИ)

в области физики и математики, затем Гарварда, где защитил магистерскую диссертацию в области геологии и геофизики (1956 г.), а в 1958 г. там же получил докторскую степень по истории науки и философии. После тщательного изучения западной философской традиции С. Х. Наср вернулся на родину.

В Иране ученый приступил к исследованию исламской философии, занимался преподавательской и административной деятельностью, одновременно читал лекции в Гарварде. В период Исламской революции 1978–1979 гг. связанный с шахским режимом С. Х. Наср вынужден был мигрировать. После долгих раздумий он выбрал США. Сначала преподавал в Темплском и Эдинбургском университетах, а с 1984 г. приступил к работе в университете имени Джорджа Вашингтона.

Переходя непосредственно к основным факторам, которые определили специфику пропагандируемой С. Х. Насром концепции научного знания, следует принять во внимание, что сознание ученого формировалось под сильным воздействием, во-первых, философской школы перенниализма (традиционализма), а во-вторых, шиитского ислама и суфизма.

Интерес С. Х. Насра к перенниализму возник в период учебы в МТИ в начале 1950-х гг. В то время сильное влияние на ученого, переживавшего мировоззренческий кризис, оказали работы основоположников традиционалистской школы – индийца Ананды Кумарасвами, француза Рене Генона и швейцарца Фритьюфа Шуона [7, р. 42]. Он активно использовал в своих ранних исследованиях методологию Ф. Шуона и Буркхардта и смог, как заметил во вступительной статье к изданному корпусу работ С. Х. Насра известный его ученик, исламовед и философ У. Читтик, ввести традиционалистскую школу в научный оборот [8, р. xiii].

Интерес С. Х. Насра к исламу и суфизму был обусловлен не только его происхождением – отец, дед и прадед ученого также были суфиями [7, р. 3], но прежде всего интеллектуальным и духовным поиском. Ритуальное исповедование шиитского ислама и вовлечение в мистический ислам произошло в США [7, р. 12]. Суфизмом же С. Х. Наср увлекся под влиянием перенниалистов – Р. Генон и Ф. Шуон являлись носителями суфийской традиции. Во второй половине 1950-х гг. он вступил в тарикат марьямий Ф. Шуона, учеником которого оставался более полувека. В дальнейшем суфизм для С. Х. Насра стал не только предметом индивидуальной духовной практики, но также исследовательским полем. Его работа «Суфийские очерки» начала 1970-х гг. стала первой работой, написанной с позиции практикующего суфия, признанной в академической науке [9]. Причем, С. Х. Наср сугубо с научной позиции представил суфизм не просто как религиозную традицию прошлого, но как один из феноменов современности. В дальнейшем ученый воспитал новое поколение специалистов по суфизму на Западе.

Сам С. Х. Наср рассматривал себя связующим звеном между исламской мистико-философской традицией и западной академической наукой в лице, соответственно, одного из своих учителей знаменитого шиитского богослова и философа Алламе Табатабаи и известного французского ученого-религиоведа Анри Корбена [7, р. 108]. Исследования Корбена Наср читал еще в США, лично же с ним познакомился только после возвращения в Иран в 1958 г. на занятиях одного богослова из г. Кума [7, р. 82]. Корбен в то время возглавлял Французский институт исламских исследований в Тегеране.

В период своей жизни в Иране С. Х. Наср приступил к деятельности, которую можно назвать «исламизацией науки и образования». Ученый признавал, что после возвращения домой главной задачей для него стало возрождение исламских цивилизационных начал иранского общества, находящегося в то время под сильным светским западным влиянием. В особом приоритете для него в то время было изучение мусульманской интеллектуальной традиции: исламской философии, доктринального суфизма и исламских наук [7, р. 109].

Административные должности и близость к семье шаха позволили С. Х. Насру начать реализацию задуманного. К работе в академии философии он привлек представителей суфийских тарикатов, а также А. Корбена. Академия фактически стала первым институциональным оплотом традиционалистской философии в науке, и именно перенниалистские идеи С. Х. Наср использовал, чтобы связать исламскую и западную научные традиции. При академии началось издание англо-персидского журнала «Sophia Perennis». Однако продолжить реализовывать «исламизацию» науки и научного знания с использованием перенниалистского подхода в академической сфере С. Х. Насру пришлось не в Иране, а в США.

Здесь следует обратить внимание на то, что исламоведческие исследования США в 1970-х гг. находились под довольно ощутимым влиянием не чуждого духу перенниализма знаменитого представителя феноменологии религии Мирча Элиаде, который в то время преподавал в школе богословия Чикагского университета [10, р. 63]. Это несколько упрощало для С. Х. Насра введение традиционалистского подхода в научный оборот. Он активно переводил знаменитых суфийских и исламских деятелей, а также вместе с другими мусульманами – представителями академической науки, занялся деятельностью, направленной на пересмотр современной науки и образования под нужды мусульман.

В 1977 г. вместе с исламским ученым из Бангладеш, основателем Исламской академии в Кембридже, профессором Саидом Али Ашрафом, а также упомянутыми выше Н. Атасом и И. Фаруки – в то время коллегой по Темплскому университету, С. Х. Наср принял участие в Первой всемирной конференции по мусульманскому образованию, проведенной в Мекке при финансовой поддержке университета короля Абдул-Азиза. Более того,

как отмечает С. Х. Наср, он всячески содействовал ее организации [7, р. 78]. На этой конференции, где присутствовало порядка 350 мусульманских ученых, было впервые публично употреблено понятие «исламизация знания» (самое раннее упоминание термина встречается в книге Н. Аттаса «Ислам и секуляризм» 1978 г.), который Наср позднее критиковал, предпочитая использовать термин «Scientia sacra».

Один из секретарей – организаторов конференции, очевидец данного события, д-р Гулам Наби Сакиб в статье, посвященной исламизации образования, отмечал, что в 1950–1960-х гг. мусульмане наконец осознали отсталость и бесцельность своих образовательных систем, ослабленных дуализмом традиционного религиозного и европейски ориентированного светского образования [11, р. 46]. На конференции была озвучена необходимость разработать познавательную концепцию, которая определит то, что в настоящее время именуется мусульманами «исламской перспективой» или «исламским видением» – термины, которые в настоящее время стали одним из центральных элементов программ мусульманских организаций США. Речь шла о реконструкции мусульманского образования и классификации знания согласно исламской эпистемологической концепции, ориентированной на таких мусульманских ученых, как Газали, Ибн Халдун, Фараби и др/ [11, р. 47]. В качестве исламской основы научного знания была провозглашена концепция «исламизация знания».

В дальнейшем С. Х. Наср отошел от проектов «исламизации знания» версий И. Фаруки и Н. Аттаса, но при этом свою работу по формированию «новой науки», нового подхода к научному знанию не остановил. Ведь это была его старая мечта: идея интеграции исламской науки и западного знания была им изложена еще в 1957–1958 гг. [7, р. 78], когда он работал над книгой «Наука и цивилизация в исламе», увидевшей свет в 1968 г. [12].

В отличие от И. Фаруки, для которого основной задачей, стоящей перед мусульманской общиной, была ликвидация двойственности образования и слияние религиозного и светского обучения под эгидой исламской идеологии [13, р. 13], С. Х. Наср пошел несколько иным путем.

Он не стал отказываться от западной научной и образовательной традиции, но в ее рамках попытался легитимировать идею о сакральном божественном, в том числе исламском, знании через философию перенниализма. Он использует такие категории, как «Священное», «Высшая наука», «Священная наука» (Scientia sacra), «Вечное знание» (Sophia perennis), «Истина» (хакика), «Традиция». С. Х. Наср резко критикует современное понятие «знание», восходящее к XVII в., так же как западный рационализм наряду с иррационализмом и эмпиризм. Он отвергает науку, лишенную «божественного знания», которое, как полагает ученый, лежит в основе большинства религий и может быть познано при помощи интеллекта [14, р. 1; 7]. В 1981 г. он издал книгу «Знание и священное», в которой осудил современ-

ную западную науку, а также проследил влияние на нее религиозных концепций Востока, следствием чего, по мнению ученого, стало возрождение «Традиции», основанной на «Священном знании» [15, р. 88–89]. Критическому анализу подходов к научному знанию на Западе и в исламском мире Наср также посвятил статью «Ислам и проблема современного знания» [16].

В центре рассуждений С. Х. Насра – природа Бога. Ученый применяет классическую общеисламскую концепцию таухида (единобожия) – единого Бога как высшей реальности и источника всего, в том числе и знания, а также суфийскую интерпретацию концепции эманаций Бога. Идея божественной бесконечности, проистекающей из таухида, по мнению ученого, утрачена современной западной цивилизацией. Божественную бесконечность С. Х. Наср интерпретирует как то, что Бог содержит в себе все возможности, включая собственное отрицание. Проекция этих потенциалов порождает нисходящие от Бога «уровни существования». Поскольку проекция отделена от источника, она несовершенна. Так появляется зло, которое С. Х. Наср называет «кристаллизацией ничто». Это «ничто» реально для своего уровня существования, но является иллюзорным по отношению к своему источнику. Таким образом, несовершенство мира, порожденного совершенным Богом, С. Х. Наср объясняет отделенностью «уровней существования» от этого сакрального источника [14, р. 6–7]. Эта иерархия существования является ключевой, по мнению ученого, в понимании божественной науки о «Сакральном знании» (*Sophia perennis*) – знании Бога как Реальности, которое разделяют многие религии мира, включая ислам [8, р. 131]. Таким способом С. Х. Наср ввел в современную науку наравне с разумом такой источник знания, типичный для религий откровения, как «божественное откровение».

Ученый особо выделяет ислам как религию, в которой Бог – это и Реальность, и истина (хакика). Поэтому исламу он отводит важную роль в понимании природы Бога как Реальности. Для С. Х. Насра ислам является в том числе спасением человечества в условиях экологической катастрофы, поскольку в этой религии постулируется любовь к природе, которая есть «знамения Бога» [14, р. 67].

Неудивительно, что именно в «исламской перспективе» – возрождении ислама и связанной с ним исламской интеллектуальной традиции – С. Х. Наср видит одну из самых главных для себя задач. По мнению ученого, мусульмане-интеллектуалы уже приступили к анализу негативного влияния секуляризации на мир ислама. Позитивный результат этого процесса Наср усматривает в возрождении в ряде мусульманских стран альтернативных западных технологий и традиционных наук, а также в новом прочтении исламской философии науки. Последнее и привело, по мнению ученого, к появлению многочисленных моделей «исламизации» знания. Под этим процессом он подразумевает критический подход к современному научному знанию, ассимиляцию некоторых его положений на базе «исламской интеллектуальной вселенной». С. Х. Наср настаивает на том, что должна быть выработана иная научная парадигма, «в которой царит тауид и где каждый

атом вселенной считается созданным с определенной целью и в соответствии с мудростью и замыслом Творца» [16, р. 69–70].

Призыв С. Х. Насра к возрождению исламской мысли направлен в целом к представителям исламского мира, но прежде всего к мусульманам, проживающим на территории Америки. Именно эту цель преследовала публикация «Гида для молодых мусульман по современному миру» в 1993 г. [17].

При всей критике С. Х. Насра термина «исламизация знания», а также несмотря на свой отказ от принадлежности к линии реформаторов прошлого, таких как М. Абдо, – С. Х. Наср позиционирует себя как ученого, принадлежащего к исламской философской традиции [7, р. 87], – фактически он выступает в ряду современных религиозных реформаторов, таких как И. Фаруки и Н. Аттас, ратующих за «исламизацию» научного знания. Несмотря на отличия в подходах этих ученых, можно говорить об общей задаче, которую они решают по-разному, но в одно время и в одном ключе: инкорпорирование исламской эпистемологии в современное знание. Таким образом, деятельность С. Х. Насра следует осмысливать в контексте научно-мировоззренческих поисков мусульман-интеллектуалов последней трети XX – начала XXI вв. При этом термин «исламизация знания» можно понимать шире, не только как концепцию отдельного мусульманского ученого, но как общее явление в академической науке в рамках создания *rah-Islamica*. Концепция «*Scientia sacra*» С. Х. Насра является одним из возможных вариантов трансформации науки и образования в исламском ключе.

Список использованных источников

1. Мухетдинов, Д. В. Исламский неомодернизм: эскиз обновленческой программы / Д. В. Мухетдинов // Теологическая мысль в современном исламе. – 2019. – Т. 15. – № 2. – С. 48–70.
2. *Rahman, F.* Islam: Legacy and contemporary Challenge / F. Rahman // *Islamic Studies*. – 1980. – Vol. 19. – № 4. – P. 235–246.
3. *Ghamari-Tabrizi, B.* Loving America and Longing for Home: Ismail al-Faruqi and the Emergence of the Muslim Diaspora in North America / B. Ghamari-Tabrizi // *International Migration*. – 2004. – Vol. 42(2). – P. 61–86.
4. *Musa, M. F.* Naquib Al-Attas' Islamization of knowledge: its impact on Malay religious life, literature, language and culture / M. F. Musa // *Series: Trends in Southeast Asia*, – Singapore: ISEAS. – Yusof Ishak Institute, 2021. – № 16. – 32 p.
5. *Abaza, M.* A Note On Henry Corbin and Seyyed Hossein Nasr: Affinities and Differences / M. Abaza // *The Muslim World*. – 2000. – Vol. 90. – № 1–2. – P. 91–107.
6. *Widiyanto, A.* The Reception of Seyyed Hossein Nasr's Ideas within the Indonesian Intellectual Landscape / A. Widiyanto // *Studia Islamica. Indonesian Journal for Islamic Studies*. – 2016. – Vol. 23. – № 2. – P. 193–236.
7. *Nasr, S. H.* In search of the sacred: a conversation with Seyyed Hossein Nasr on his life and thought / S. H. Nasr, R. Jahanbegloo / Introduction T. Moore. – Santa Barbara, Calif.: Praeger, 2010. – Xxxiv, 373 p.

8. *Nasr, S. H.* The Essential Seyyed Hossein Nasr (Perennial Philosophy) / S. H. Nasr // Ed. and introduction W. C. Chittick. Bloomington, Ind.: World Wisdom, 2007. – 272 p. – Xiv, 250 p.
9. *Nasr, S. H.* Sufi Essays / S. H. Nasr. – London: George Allen and Unwin Ltd., 1972. – 184 p.
10. *Ahmad, M.* Islamic Studies in American Universities: Conversations, Discourses, Dialogues / M. Ahmad // The State of Islamic Studies in American Universities. – Herndon, Va: The International Institute of Islamic Thought, 2009. – 197 p.
11. *Saqeb, G. N.* Some reflections on Islamization of education since 1977: Makkah Conference: accomplishments, failures and tasks ahead / G. N. Saqeb // Intellectual Discourse. – 2000. – Vol. 8. – № 1. – P. 45–68.
12. *Nasr, S. H.* Science and civilization in Islam / S. H. Nasr. // Preface G. de Santillana. – Cambridge: Harvard University Press, 1968. – Xiv, 384 p.
13. *Faruqi, I.* Islamization of knowledge: general principles and work plan / I. Faruqi // Islamization of knowledge series. – № 1. – Herndon, Va.: International Institute of Islamic Thought, 1989. – XVI, 99 p.
14. *Nasr, S. H.* The need for a Sacred Science / S. H. Nasr. – Albany: State University of New York Press. – V, 187 p.
15. *Nasr, S. H.* Knowledge and the Sacred / S. H. Nasr. – New York: Crossroad, 1981. – IX, 341 p.
16. *Nasr, S. H.* Islam and the Problem of Modern Science / S. H. Nasr // Islam & Science. – 2010. – Vol. 8. – № 1. – P. 63–74.
17. *Nasr, S. H.* A Young Muslim's Guide to the Modern World / S. H. Nasr. – Des Plaines, Ill.: Library of Islam, 1993. – IX, 270 p.

(Дата подачі: 25.02.2022 г.)

М. А. Крэньц

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

M. Krents

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)«1861/1914»+37.012.2+ 930.2

**КАНТРЫБУЦЫЙНЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ ЎРАДА
РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ (1863–1896):
МЕТАДАЛОГІЯ І МЕТОДЫКА АНАЛІЗУ**

**THE CONTRIBUTION MEASURES OR THE RUSSIAN
IMPERIAL GOVERNMENT IN THE BELARUSIAN
PROVINCES (1863–1896): METHODOLOGY AND METHODS
OF ANALASYS**

У артыкуле пазначаны асноўныя методыкі аналізу праблемы рэалізацыі кантрыбуцыйных мерапрыемстваў, дадзена характарыстыка выкарыстання мадэрнізацыйнай

парадыгмы ў даследаваннях сацыяльнай і эканамічнай гісторыі. Абзначаны асноўныя матэматычныя метады гістарычнага аналізу па дадзенай праблематыцы, зроблена выснова аб актуальнасці выкарыстання дадзеных метадаў.

Ключавыя словы: метады даследавання; метадалогія; агульнанавуковыя і спецыяльна-гістарычныя метады; шматмерны статыстычны аналіз; рэгрэсійны аналіз; выбарачны метады; кластэрны аналіз; карэляцыйны аналіз; кантрыбуцыйныя мерапрыемствы; сацыяльная структура.

This article summarizes the main methods of analysis of the implementation of the contribution measures, and also describes the characteristic of the modernisation paradigm in research of the social and economic history. The main mathematical methods of historical analysis in this field are described, the relevance of using these methods.

Keywords: methods; methodology; general scientific and special historical methods; multidimensional analysis; regression analysis; sampling method; cluster analysis; correlation analysis; contribution measures; social structure.

Рашэнне даследчай задачы патрабуе выкарыстання комплексу пэўных агульнанавуковых і спецыяльных метадаў. Ад падыходу даследчыка да выбару метадалагічнага інструментара залежыць рашэнне пастаўленых задач, аб'ектыўнасць і комплекснасць даследавання. Аналіз сацыяльных і эканамічных працэсаў у гісторыі Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст. як раз і ўяўляе сабой важную і актуальную даследчую праблему, якая патрабуе прымянення разнастайнага метадалагічнага інструментара, у тым ліку і міждысцыплінарных метадаў. Дадзены перыяд гісторыі Беларусі вылучаецца значнасцю і складанасцю – працэсы фарміравання буржуазнага грамадства, мадэрнізацыйныя змены адбываліся ва ўмовах неадназначнай палітыкі ўрада Расійскай імперыі на тэрыторыі беларускіх губерняў. Урадавыя мерапрыемствы на тэрыторыі беларускіх губерняў мелі пэўныя спецыфічныя рысы і ўносілі значныя карэктывы ў працэсы палітычных, сацыяльных і эканамічных змен на дадзенай тэрыторыі ў перыяд буржуазных рэформ.

Такім чынам, мэта дадзенага артыкула – даць характарыстыку асноўным метадам, якія могуць быць выкарыстаны пры аналізе ўрадавых мерапрыемстваў на тэрыторыі беларускіх губерняў, зрабіць высновы аб актуальнасці дадзеных метадаў.

Першапачаткова трэба заўважыць, што праблематыка кантрыбуцыйных мерапрыемстваў практычна не разглядалася ў айчыннай і замежнай гістарыяграфіі. Большая частка матэрыялу па дадзенай праблеме ў гістарыяграфіі мае фрагментарны характар. Найбольш каштоўнымі даследаваннямі, у якіх аналізавалася ўрадавая палітыка, у савецкі перыяд з'яўляюцца манаграфіі С. М. Самбук [1], В. П. Панюціча [2], у сучаснай беларускай гістарыяграфіі выдзяляюцца працы А. Г. Кахановскага [3–7].

Важнасць даследавання кантрыбуцыйных мерапрыемстваў прадыхавана перш за ўсё неабходнасцю ацаніць усе змены ў беларускім грамадстве ў лёсавызначальны для айчынай гісторыі перыяд другой паловы XIX ст. Поўны аналіз праблемы кантрыбуцыйных і іншых мерапрыемстваў урада дазволіць зрабіць высновы аб характары ўнутранай палітыкі Расійскай імперыі, аб уплыве дадзеных мер на сацыяльныя, палітычныя, эканамічныя працэсы ў грамадстве.

У рашэнні падобных комплексных задач праблемай з'яўляецца выбар адной з сацыялагічных макратэорый: фармацыйнай, цывілізацыйнай ці мадэрнізацыйнай. Кожны з дадзеных тэарэтычных падыходаў актыўна выкарыстоўваўся ў замежнай і айчынай гістарыяграфіі. Фармацыйная тэорыя доўгі час панавала ў савецкай гістарыяграфіі, цывілізацыйная тэорыя была папулярная ў замежнай гістарыяграфіі. Аднак менавіта тэорыя мадэрнізацыі дазваляе правесці ўсецэлы, комплексны аналіз праблемы сацыяльных змен у беларускім грамадстве, растлумачыць дадзеныя змены ў кантэксце агульнасусветных працэсаў. Мадэрнізацыйная тэорыя выклікана растлумачыць працэсы мадэрнізацыі грамадства. Тэорыя прадугледжвае аналіз унутраных фактараў развіцця пэўнага грамадства. З пункту гледжання дадзенай тэорыі, мадэрнізацыя – працэс, з дапамогай якога традыцыйныя, аграрныя грамадства трансфармуюцца ў сучасныя, індустрыяльныя, што прыводзіць да з'яўлення і развіцця перадавых індустрыяльных тэхналогій, а таксама адпаведных ім палітычных, сацыякультурных, эканамічных і сацыяльных механізмаў. Як адзначае гісторык І. В. Пабярэжнікаў: «Мадэрнізацыйны пераход рэдка працякае спакойна і раўнамерна; ён аказвае ўздзеянне на ўсе сацыяльныя інстытуты, усіх членаў грамадства» [8, с. 59]. Такім чынам, тэрмін мадэрнізацыя павінен апісваць мноства адначасовых змен на розных узроўнях. Мадэрнізацыя суправаджаецца дыферэнцыяцыяй эканамічнай, арганізацыйнай, палітычнай і культурнай сфер.

Такім чынам, для вырашэння пастаўленай перад даследаваннем задач найбольш адпавядае мадэрнізацыйная тэорыя, якая дае магчымасць у рамках дадзенага падыходу правесці найбольш комплексны аналіз праблемы правядзення ўрадавых мерапрыемстваў і іх уплыву на пэўныя сферы жыцця грамадства ў кантэксце мадэрнізацыйных змен. Менавіта гэты падыход дае магчымасць найбольш шматгранна вызначыць уплыў унутраных фактараў на працэсы мадэрнізацыі грамадства. Як адзначае гісторык А. Г. Каханоўскі: «Ад самага пачатку распрацоўкі мадэрнізацыйную тэорыю вызначаў яе міждысцыплінарны характар, цэласна-абагульняючы падыход, які дазволіў пры аналізе працэсаў пераходу ад традыцыйнага да сучаснага грамадства ўзаемна ўвязаць структурны змены ў эканоміцы, палітыцы, сацыяльна-культурныя трансфармацыі з праблемамі змянення самога чалавека, яго каштоўнасцей, арыентацый» [3, с. 38–39].

Метадалогія даследавання праблемы кантрыбуцыйных мерапрыемстваў мае ўсе характарыстыкі агульнанавуковых метадаў: аналіз, сінтэз, індукцыю і дэдукцыю. Аднак, непасрэдна інтарэс уяўляе пытанне выкарыстання спецыяльна-гістарычных і міждысцыплінарных метадаў. Бесперапынны тэхналагічны прагрэс ствараюць перадумовы для пашырэння метадалагічнай базы, з'яўленню і ўкараненню новых актуальных метадалагічных інструментаў. Развіццё і пашырэнне метадалогіі ўяўляе сабой важную задачу перад даследнікамі. Як адзначае гісторык І. Д. Каваленка: «Метады даследавання з'яўляюцца найболей дынамічнымі кампанентамі навукі, які рухае яе наперад. Разам з тым яны маюць у навуцы пераходзячае значэнне. З'яўленне новых метадаў, як правіла, прыводзіць да змены суадносін ролі старых і новых метадаў, а не да страты першымі ўсякага значэння [9, с. 14].»

Спецыяльна-гістарычныя метады даследавання маюць сваю спецыфіку. Кожны метад адрозніваецца сваімі карыснымі ўласцівасцямі і функцыямі, таму важна выкарыстоўваць дадзеныя метады ў комплексе. Гісторыка-генетычны метад у найбольшай ступені адпавядае прынцыпу гістарызму. Асноўная мэта дадзенага метаду складаецца ў тлумачэнні фактаў і аналізе прычыннасці іх з'яўлення. Гісторыка-параўнальныя або кампаратыўісцкія метады дазваляюць выявіць адпаведнасці, устанавіць рэгіянальныя асаблівасці рэалізацыі і наступстваў урадавых мерапрыемстваў. З дапамогай праблемна-храналагічнага метада магчыма ўсталяваць этапы правядзення кантрыбуцыйных мерапрыемстваў і сінхранізаваць іх з агульнаімперскімі падзеямі. Гісторыка-тыпалагічны метад дазваляе ўстанавіць агульныя рысы кантрыбуцыйных і іншых мерапрыемстваў, правесці аналіз у адпаведнасці з дадзенай інфармацыяй. Гісторыка-сістэмы метады важны перш за ўсё ў кантэксце аналізу сістэмы выканаўчай улады Расійскай імперыі і рэгіянальных асаблівасцей работы бюракратычнай сістэмы. Такім чынам, з дапамогай дадзеных метадаў выбудоўваецца форма функцыянавання кантрыбуцыйных мерапрыемстваў у сістэме ўнутранай палітыкі Расійскай імперыі, вызначаюцца заканамернасці і рэгіянальныя асаблівасці рэалізацыі дадзеных мерапрыемстваў і іх уплыў на ход сацыяльна-эканамічных, грамадска-палітычных і культурна-гістарычных працэсаў.

Больш падрабязнай увагі заслугоўваюць метады, якія карыстаюцца меншай папулярнасцю ў даследчыкаў, але тым не менш з'яўляюцца дастаткова актуальнымі для сучаснай гістарычнай навукі. У айчынай гістарыяграфіі дадзеныя метады не атрымалі шырокага распаўсюджвання. Аднак у даследаваннях па сацыяльнай гісторыі Беларусі, дзе прысутнічае аналіз вялікіх масіваў статыстычных даных, матэматычныя і статыстычныя метады паспяхова прымяняліся. Шырокае ўжыванне матэматычных метады знайшлі ў працах А. Г. Кахановаўскага, які адзначаў: «з дапамогай традыцыйных метадаў гістарычнага аналізу за мноствам лічбаў складана акрэсліць узаемазалежнасць паказчыкаў, якія адлюстроўваюць узаемасувязі элементаў

сацыяльнай структуры. Для вырашэння гэтай задачы адным з метадаў выкарыстаны рэгрэсіўны аналіз, які дазваляе прааналізаваць сувязь кожнай з характарыстык, абраных у якасці выніковых (залежных), адначасова з шэрагам іншых (фактарных паказчыкі) і гэтыя сувязі ранжыраваць па ступені праяўлення. Будуюцца рэгрэсіўнае ўраўненне, кожны каэфіцыент якога дазваляе вызначыць ступень змянення на паветах значэнняў выніковай характарыстыкі пры змяненні на адзінку фактарнай, а таксама ацаніць сукупную ступень спалучанасці варыяцый значэнняў улічаных фактарных паказчыкаў і выніковага» [10, с. 48]. Таксама для апрацоўкі дэмаграфічнай статыстыкі выкарыстоўваліся метады шматмернага статыстычнага аналізу і інш. [11, с. 195]. Для вызначэння рэгіянальных асаблівасцей у разгортванні сацыяльных працэсаў на тэрыторыі Беларусі, эвалюцыі сацыяльнай структуры беларускага грамадства выкарыстоўваўся агламератыўна-іерархічны метада класэрнага аналізу [10, с. 49].

У даследаванні праблемы рэалізацыі кантрыбуцыйных мерапрыемстваў прымяненне рэгрэсіўнага аналізу неабходна. У выпадках, калі трэба ацаніць ступень уплыву кантрыбуцый на змены ў гаспадарчай дзейнасці як канкрэтнага землеўладальніка, так і насельніцтва беларускіх губерняў у цэлым, даследчык сутыкаецца з мноствам фактараў, якія аказваюць уздзеянне на гаспадарчую дзейнасць землеўладальніка. У такіх сітуацыях прымяняецца вылічэнне каэфіцыента рэгрэсіі, які паказвае ступень змянення выніку таго ці іншага працэсу развіцця ад пэўнага фактару. Такім чынам, выкарыстанне рэгрэсіўнага метаду дазваляе атрымаць паказчыкі, якія характарызуюць ступень уплыву кантрыбуцыйных мерапрыемстваў на эканамічныя працэсы развіцця беларускіх губерняў. Стандартныя спецыяльна-гістарычныя метады могуць не дазволіць устанавіць адпаведнасць паміж узроўнем кантрыбуцыйных спагнанняў і станам гаспадаркі землеўладальніка. Выкарыстанне карэляцыйнага метаду дазваляе ўсталяваць суадносіны (каэфіцыент карэляцыі) таго і іншага са значна большай дзеллю верагоднасці, чым простае супастаўленне. У той жа час гэты спосаб бескарысны для аналізу фактараў выніковых суадносін, што дасягаецца выкарыстаннем традыцыйнага гістарычнага метадалагічнага інструментарна. Ва ўмовах працы з вялікай колькасцю статыстычнага матэрыялу, важна адзначыць метада шматмернага статыстычнага аналізу. Дадзены метада уяўляе сабой аналіз статыстычных даных, іх сістэматызацыі і апрацоўкі з мэтай выяўлення характару і структуры ўзаемасувязяў паміж прыкметамі, уласцівымі аб'екту даследавання або сістэме. Фактарны аналіз дазваляе аб'яднаць метады аналізу структуры мноства прыкмет, якія характарызуюць вывучаемыя з'явы і працэсы і выяўляюць абагульненыя фактары [12, с. 21]. Класічная праца на аснове выкарыстання метадаў фактарнага і шматмернага статыстычнага аналізу – «Структура и уровень развития районов Европейской России на рубеже XIX–XX веков (Опыт многомерного анализа)» [13].

Для тыпізацыі ў гістарычных даследаваннях найбольш выкарыстоўваны метады – кластэрны аналіз. Ён дазваляе вылучыць кластэры – групы аб'ектаў з падобнымі ўласцівасцямі, размешчаныя ў прасторы. Блізкасць гэтых аб'ектаў адзін да аднаго адлюстроўвае ступень іх падабенства. Так, напрыклад, з дапамогай метадаў кластэрнага аналізу была праведзена аграрная тыпалогія губерняў Еўрапейскай Расіі на рубяжы XIX–XX стст. [14]. Аналіз праводзіўся наступным чынам. Для пачатку былі адабраны 19 паказчыкаў, якія характарызуюць зямельныя адносіны (памеры сялянскіх надзелаў, удзельная вага дваранскага землеўладання, продаж прыватнаўласніцкіх зямель, кошт на зямлю, памеры сялянскай арэнды і арэндная плата), стан сельскагаспадарчай вытворчасці (пасевы, зборы і ўраджайнасць збажыны, колькасць працоўнай і прадуктыўнай жывёлы, кошты на сельскагаспадарчую прадукцыю), глыбіню і асаблівасці буржуазнай аграрнай эвалюцыі (ужыванне наёмнай працы, заробкі сельскагаспадарчых рабочых, сацыяльная структура сялянства). У выніку матэматычнай апрацоўкі даных было ўсталявана 15 узаемазвязаных паміж сабой кластараў з указаннем на графіцы «адлегласці», які паказвае «блізкасць» губерняў, якія ўваходзяць у той ці іншы кластар. Асаблівасцю дадзенай мадэлі стала тое, што беларускія губерні былі ахарактарызаваны, як нечэрназёмныя губерні другога кластэру. Важна адзначыць, што падобная класіфікацыя ўсё ж не носіць глабальны характар, колькасць паказчыкаў досыць абмежавана.

Такім чынам, акрамя класічных метадаў даследавання гісторыі можна адзначыць з'яўленне і ўкараненне сучасных матэматычных і статыстычных метадаў. Як адзначыў, Л. І. Бародкін: «Можна казаць пра тры асноўныя этапы матэматызацыі гістарычнай навукі: 1) матэматычная і статыстычная апрацоўка эмпірычных даных і колькасная фармулёўка якасна устаноўленых фактаў і абагульненняў, уключаючы традыцыйныя матэматычныя і статыстычныя метады (апісальная статыстыка, выбарачны метады, аналіз часовых шэрагаў, карэляцыйныя аналізы); метады шматмернага статыстычнага аналізу; 2) распрацоўка матэматычных мадэляў, з'яў і працэсаў у якой-небудзь галіне навукі; 3) выкарыстанне матэматычнага апарата для пабудовы і аналізу агульнанавуковай тэорыі» [15, с. 15]. У беларускай гістарычнай навуцы таксама пашыраецца выкарыстанне матэматычных метадаў. Безумоўна, актуальнымі дадзеныя метады з'яўляюцца і ў даследаваннях кантрыбуцыйных мерапрыемстваў на тэрыторыі беларускіх губерняў.

Акрамя гэтага, важна акрэсліць магчымасць выкарыстання некаторых міждысцыплінарных метадаў у даследаваннях кантрыбуцыйных мерапрыемстваў і сацыяльнай гісторыі ў цэлым. Развіццё гістарычнай навукі патрабуе пашырэння метадалагічнага апарата. Пры гэтым выкарыстоўваюцца метады, якія былі задзейнічаны ў сумежных галінах навукі: эканоміка, сацыялогія, паліталогія і г. д. Таксама варта адзначыць, што, нягледзячы на блізкасць да гісторыі дадзеных навук, у іх адрозніваецца

метадалогія і прынцыпы даследавання. Напрыклад, сацыяльная гісторыя ў большай ступені арыентавана на перыяд і краіну, тады як гістарычная сацыялогія – на канцэпцыю і праблему [16, с. 349]. Тым не менш у даследаваннях кантрыбуцыйных мерапрыемстваў можа быць выкарыстаны інстытуцыянальны метада, які дазваляе прасачыць афармленне прававых адносін у грамадстве, арганізацыю палітычных і сацыяльных інстытутаў. Для апрацоўкі разнастайных крыніц масавага характару і паходжанні асабліва эфектыўны кантэнт-аналіз, для аналізу мемуарных крыніц можа быць выкарыстаны дыскурс-аналіз. Таксама важна адзначыць сістэмны аналіз, каб устанавіць сутнасць палітычных з’яў. Некаторую папулярнасць, у тым ліку і ў гістарычнай навуцы, набірае сінэргетычны падыход, які закліканы растлумачыць сутнасць і прычыны непрадбачаных змен. Магчымым з’яўляецца выкарыстанне метадаў і падыходаў з эканамічнай навукі: апрацоўкі шэрагаў дынамікі, дысперсійны аналіз, метады дэтэрмінаванага і стахастычнага фактарнага аналізу і г. д.

Такім чынам, метадалогія даследавання кантрыбуцыйных мерапрыемстваў урада Расійскай імперыі на тэрыторыі Беларусі заснавана на выкарыстанні агульнанавуковых і спецыяльна-гістарычных метадаў, а таксама мадэрнізацыйнай парадыгмы як макрагістарычнай мадэлі аналізу. У дадзеным даследаванні актуальным з’яўляецца прымяненне матэматычных і статыстычных метадаў, а таксама міждысцыплінарных падыходаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Самбук, С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. / С. М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1980. – 224 с.
2. Панютнич, В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. / В. П. Панютнич. – Минск: Акад. наук БССР, Ин-т истории: Навука і тэхніка, 1990. – 374 с.
3. Каханюўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А. Г. Каханюўскі. – Мінск: БДУ, 2013. – 335 с.
4. Каханюўскі, А. Г. Міжаслоўная сацыяльная мабільнасць насельніцтва Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / А. Г. Каханюўскі // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск: БГУ, 2012. – Вып. 7. – С. 80–91.
5. Каханюўскі, А. Г. Уніфікацыя і русіфікацыя як накірункі ўрадавай палітыкі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / А. Г. Каханюўскі // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – Вып. 6. – С. 20–26.
6. Кохановский, А. Г. На пути становления индустриального общества: модернизационные процессы в Беларуси (60-е гг. XIX – начало XX в.) / А. Г. Кохановский // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэдактар) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2008. – Вып. 3. – С. 31–46.

7. *Каханоўскі, А. Г.* Разгортванне мадэрнізацыйных працэсаў у Беларусі ў XIX–XX ст. / А. Г. Каханоўскі // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2009. – Вып. 4. – С. 218–228.

8. *Побережников, И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.

9. *Ковальченко, И. Д.* Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

10. *Каханоўскі, А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства ў другой палове XIX – пачатку XX ст.: Метадалогія і метадыка аналізу / А. Г. Каханоўскі // Російские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Мінск: БГУ, 2009. – Вып. 4. – С. 44–50.

11. *Каханоўскі, А. Г.* Статыстычныя крыніцы па гісторыі Беларусі 60–90 гг. XIX ст. / А. Г. Каханоўскі // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны / рэдкал.: С. М. Ходзін (адказ. рэд.) і інш. – Мінск: БДУ, 2005. – Вып. 2. – С. 193–200.

12. *Негин, А. Е.* Математические методы в исторических исследованиях. Электронное учеб.-метод. пособие / А. Е. Негин, А. А. Миронос. – Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2012. – 41 с.

13. *Ковальченко, И. Д.* Структура и уровень развития районов Европейской России на рубеже XIX–XX веков (Опыт многомерного анализа) / И. Д. Ковальченко, Л. И. Бородкин // История СССР. – 1981. – № 1. – С. 76–99.

14. *Ковальченко, И. Д.* Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков (Опыт многомерного количественного анализа) / И. Д. Ковальченко, Л. И. Бородкин // История СССР. – 1979. – № 1. – С. 59–95.

15. *Бородкин, Л. И.* Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив / Л. И. Бородкин. – СПб.: Алетей, 2016. – 304 с.

16. *Савельева, И. М.* Теория исторического знания: учеб. пособие. / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб.: Алетей, 2007. – 523 с.

(Дата подачы: 15.02.2022 г.)

Д. І. Кузьма
Дзятлава

D. Kuzma
Dyatlovo

УДК 94(476)+94(470+571)

РОЛЯ М. КАЯЛОВІЧА І І. АКСАКАВА ў АРГАНІЗАЦЫІ АХВЯРАВАННЯЎ ДЛЯ БЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ У 1860-Я ГАДЫ

THE ROLE OF M. KOYALOVYCH AND I. AKSAKOV IN ORGANIZING DONATIONS FOR BELARUSIAN LANDS IN 1860s YEARS

У 1860-я гг. у расійскім грамадстве ўзнік моцны рух на дапамозе праваслаўнай царкве, школам і ахвярам паўстання 1863 г. Ініцыятарамі гэтага руху былі выдавец газеты «Дзень» І. Аксакаў і гісторык М. Каяловіч.

Ключавыя словы: Аксакаў; Каяловіч; ахвяраванні; публіцыстыка; праваслаўе; брацтвы.

In the 1860s, a strong movement arose in Russian society to help the Orthodox Church, schools, and the victims of the 1863 uprising. The initiators of this movement were the publisher of the newspaper «The Day» I. Aksakov and the historian M. Koyalovich.

Keywords: Aksakov; Koyalovich; donations; journalism; orthodoxy; brotherhoods.

У сувязі з актыўнай падрыхтоўкай і падзеямі паўстання 1863 г. беларускія землі сталі аб'ектам пашыранай увагі з боку расійскага грамадства. Афіцыйныя колы і органы перыядычнага друку разглядалі найбольш вострыя праблемы гэтага рэгіёну і шукалі шляхі іх вырашэння. Пытанні паляпшэння становішча праваслаўнай царквы на Беларусі, развіцця адукацыі, дапамогі пацярпелым ад дзеянняў паўстанцаў выклікалі грамадскае спачуванне і жаданне дапамагчы. Важнейшымі накірункамі гэтай з'явы былі збор і размеркаванне матэрыяльных ахвяраванняў, прычым накіроўваліся як грашовыя сродкі, так і прадметы царкоўнага ўжытку, кнігі і школьныя прылады.

Значную ролю ў разглядаемай намі з'яве адыгрывалі вядомы славянафіл і мецэнат Іван Сяргеевіч Аксакаў і ўраджэнец беларускіх зямель, пецяярбургскі гісторык Міхаіл Восіпавіч Каяловіч. Гэтыя асобы на старонках газеты «Дзень» імкнуліся асвяціць найбольш складаныя пытанні жыцця заходніх губерняў Расійскай імперыі і вызначыць накірункі для адпраўкі сродкаў. Да нашага часу захаваліся цікавыя сшыткі «Запісы аб паступленні і размеркаванні ахвяраванняў на школы і цэрквы Заходняга края і інш.», які вёў І. Аксакаў.

Першы запіс зафіксаваў ахвяраванні «на карысць настаўнікаў Заходняга краю», якія пачалі паступаць з мая 1863 г. Сярод тых, хто даваў грошы на гэтыя мэты, значыліся: князь М. Галіцын, сям'я Марозавых, купец І. Свешнікаў, М. Дзямідаў, святар П. Сакалоў, з Парыжу ад М. Тургенева было накіравана 50 руб., з г. Тамбова, без указання ад каго – 50 руб., з г. Арэнбургу – грошы, сабраныя ад правядзення спектакля, – 191 руб. і інш. Агульная сума атрыманых на гэтую дату сродкаў складала 1084 рублі [1, л. 5]. Таксама звесткі аб паступленні ахвяраванняў для «школ Заходняга краю» былі надрукаваны ў восьмым нумары газеты «Дзень» за 1863 г.

Сярод ахвяравальнікаў значыліся: беларускія студэнты Санкт-Пецярбургскай духоўнай акадэміі, некалькі асобаў, пажадаўшых застацца невядомымі, адна з якіх была падпісана «Н.А.Р.» [2, с. 20]. Прафесар Маскоўскай духоўнай акадэміі П. С. Казанскі прапанаваў накіраваць 500 экзэмпляраў напісанай ім «Гісторыі праваслаўнага манаства на Усходзе» для бясплатнай перадачы ў школы рэгіёну. Санкт-Пецярбургскі чалавекалюбівы камітэт выразіў жаданне закупіць усе меўшыяся ў Пецярбургскім духоўным сінадальным ведамстве буквары для неадкладнай і бязвыплатнай раздачы па беларускіх прыходах [2, с. 20]. У адным з нумароў газеты М. Каяловіч адзначаў, што з боку гэтай арганізацыі было ахвяравана 5 тыс. рублёў срэбрам на кнігі для народных школаў заходніх губерняў [3, с. 1].

На старонках «Дня» размяшчалася інфармацыя аб нядаўна адчыненых школах, якія мелі патрэбу ў падтрымцы. Аднымі з першых значыліся: Пухлаўская, якой кіраваў Грыгорый Сасноўскі, настояцель мясцовай Святапакроўскай царквы, і Дубіцкая, справамі якой займаўся айцец Феафім Красноўскі (абедзве знаходзіліся ў Бельскім павеце Гродзенскай губерні), Трасцяніцкая ў Брэсцкім павеце, дзе вёў навучанне святар Плакід Калінскі [4, с. 7].

Паступленні, зафіксаваныя ў паперах І. Аксакава за студзень-верасень 1864 г., пазначаны «для праваслаўных настаўнікаў». У гэты час грашовыя сродкі ахвяравалі А. І. Кошалеў, П. Рахманаў і іншыя. Для школаў заходняга рэгіёну да лютага 1864 г. было сабрана 3 275 руб., на якія была закуплена вучэбная і рэлігійная літаратура [1, л. 7].

У чэрвені-лістападзе 1863 г. зафіксаваны паступленні «на карысць сялянаў Заходняга краю, пацярпелых ад палякаў» у памеры 543 руб. Сярод ахвяравальнікаў былі студэнты Маскоўскага ўніверсітэту, якія пералічылі 133 руб. 60 кап., П. Слуцкі – 50 руб., сяляне Ніжагародскага павету – 53 руб. [1, л. 9].

І. Аксакаў прымаў ахвяраванні і для падтрымкі праваслаўнай царквы ў заходніх губернях. Аб тым, на колькі вялікай была патрэба ў сродках, можна прасачыць па звестках М. Каяловіча, сабраных падчас падарожжа ў 1862 г. і надрукаваных ім у асобнай брашуры. Гісторык бачыў дзясяткі

праваслаўных цэркваў, маючых вельмі беднае ўбрэнне, і дзе з такімі складанасцямі адбываліся набажэнствы, што, як ён пісаў: «не паверыў бы, калі б не пабачыў сам» [5, с. 5].

У пачатку 1860-х гг. праваслаўнай царкве ў заходніх губернях пачалі дапамагаць, збіраючы ахвяраванні ў цэнтральнай Расіі. У Маскве была арганізавана падпіска для фінансавай падтрымкі беларускіх цэркваў. Галоўнейшым дзеячом гэтага працэсу быў купец Іван Чацвярыкоў, якога за актыўную дзейнасць узнагародзілі ордэнам святога раўнаапостальнага князя Уладзіміра [5, с. 13]. Не засталіся ў баку ад гэтай справы і прадстаўнікі кіруючай дынастыі. У лістападзе 1862 г. імператар Аляксандр II падараваў 3 тыс. руб., імператрыца закупіла на 5 тыс. руб. царкоўных рэчаў, наследнік цэсарэвіч Мікалай Аляксандравіч накіраваў 1500 руб., Вялікія князі Аляксандр, Уладзімір, Аляксей, Сяргей і Павел Аляксандравічы і Вялікая княжна Марыя Аляксандраўна перадалі для аказання дапамогі храмам 3 тыс. руб. [5, с. 13].

М. Каяловіч пісаў, што ён быў у многіх з тых прыходаў, у якіх было атрымана прысланае царкоўнае начынне. Па словах мясцовых святароў, такія падарункі ўсюды аказвалі моцнае ўраджанне на народ, людзі здзіўляліся, што ў іх ёсць «добрыя браты па веры і нават багатыя і знатныя» [5, с. 10]. Але гісторык прапаноўваў не спыняцца толькі на пытанні матэрыяльнай падтрымкі царквы, ён жадаў, каб надыйшлі такія часы, калі «набожныя вялікарусы, дасылаючыя цяпер ахвяраванні ў заходнярускія цэрквы, разам са сваімі помнікамі запішучь некалі свае імёны і ў лік брацтваў» [5, с. 12].

Іван Аксакаў не мог адзін займацца справамі ахвяраванняў для заходніх губерняў. Яму быў патрэбны чалавек, які б добра ведаў разглядаемы рэгіён і мог дапамагчы наладзіць гэтую справу. Такой асобай стаў Міхаіл Каяловіч. Так, у студзені 1863 г. І. Аксакаў, звяртаючыся да гісторыка, пісаў: «Скажыце, будзьце ласкавы, як Вы наладжваеце гэтую справу? Куды мне адсылаць кнігі і грошы?» [6, с. 2]. Выдавец газеты «Дзень» выказваў пажаданне як мага менш прыцягваць да працэсу размеркавання ахвяраванняў царкоўнае кіраўніцтва ў выглядзе архіерэяў і імкнуўся ўвайсці ў непасрэдныя зносіны з сельскімі прыходамі. Таксама ён пісаў, што добра было б, калі б на месцах паўсюль ствараліся прыватныя рускія таварыствы з мэтай распаўсюджвання праваслаўна-рускай адукаванасці [6, с. 2]. Вялікую ўвагу гэты дзеяч надаваў і самой працэдурцы перадачы ахвяраванняў. Звяртаючыся да М. Каяловіча, ён прасіў знайсці такую форму, якая «не пазбавіла б самага дару таго значэння, якое ён мае» [6, с. 2]. Летам таго ж года І. Аксакаў у сваім лісце да гісторыка пісаў: «Нам трэба будзе абавязкова пабачыцца з Вамі да восені, каб дамовіцца, як дзейнічаць, а таксама пагаварыць наконт цэнтральнага таварыства ці брацтва, якое я збіраюся стварыць у Маскве, не для аднаго Заходняга, але і Паўднёва-Заходняга, і Усходняга, і Паўночнага краю Расіі» [7, с. 2]. У тым жа лісце Іван Сяргеевіч хацеў атрымаць ад гісторыка парады,

якім чынам яму абысціся з грашыма, ахвяруемымі не толькі для сялян, але і наогул сем'ям асобаў, пацярпелых ад дзеянняў паўстанцаў. Ён хацеў ведаць, ці займацца Міхаіл Восіпавіч перасылкай сродкаў. На той момант на гэтыя мэты было сабрана 700 руб. Таксама І. Аксакаў меў пэўныя складанасці з адпраўкай у разглядаемы рэгіён кніг, якіх у яго «зноў набіралася тысячы тры» [7, с. 2]. Верагодна, раней іх адпраўлялі з дапамогай М. Каяловіча па маршруце Масква – Санкт – Пецярбург – Вільня. У прыватнасці, Іван Сяргеевіч пісаў, звяртаючыся да гісторыка: «Загадаяце адправіць іх да Вас з таварным цягніком, для таго, каб вы накіравалі на Варшаўскую дарогу, у Вільню?» [7, с. 2]. Праз газету «Дзень» было сабрана на патрэбы царкваў заходняга краю 168 руб., столькі ж грошай прызначалася на падтрымку «бедных сельскіх святароў» [1, л. 73]. Акрамя таго, актыўна прыходзілі ахвяраванні для беларускіх брацтваў. Па падпісцы для мінскага брацтва былі сабраны 101 руб., якія былі перададзены благачыннаму айцу М. Смолічу братчыкам П. М. Садоўскім. Падпісныя лісты і распіску накіравалі ў рэдакцыю «Дня» [8, с. 20].

У 1864 г. было адноўлена Навагрудскае брацтва ў імя Святога Мікалая, якое атрымала ў падарунак ікону ад імператара Аляксандра II і 300 руб. ад пецярбургскага купецтва ў якасці ахвяраванняў [9, с. 14]. Верагодна, меў дачыненне да гэтай справы і М. Каяловіч, які працаваў тады ў сталіцы імперыі і меў добрыя стасункі з праваслаўнымі святарамі Наваградчыны.

Па магарыялах шывтку І. Аксакава, для брацтва пры Бельскай саборнай царкве ў Гродзенскай губерні было прызначана 136 руб.; для Навагрудскага брацтва было сабрана 89 руб., якія былі адпраўлены святару Іаану Чудоўскаму; для Пухлаўскага брацтва пералічылі 209 руб., з якіх частку накіравалі кнігамі, а астатняе – грашыма [1, л. 26–27].

У канцы 1863 г. у адным з прыходаў Кобрынскага павету была адноўлена згарэўшая царква. Яе адбудова праходзіла з дапамогай «пасільных ахвяраў», прысланых з розных месцаў Расіі. Шукаў сродкі для яе аднаўлення і М. Каяловіч, які ў красавіку 1863 г. паведамляў мясцоваму святару Міхайлоўскаму, што графіняй А. Д. Блудавай былі ахвяраваны некаторыя царкоўныя рэчы, і што яны ўжо высланы па прызначэнні. Такія навіны вельмі пазітыўна успрымаліся мясцовымі святарамі і прыхаджанамі [10, с. 12].

Сам Іван Аксакаў таксама актыўна ўдзельнічаў у справе пашырэння брацкага руху на Беларусі. Гэты грамадскі дзеяч пісаў, што да яго бесперапынна прыходзілі розныя асобы запісвацца ў брацтвы і дасылалі ахвяраванні [11, с. 2]. Так, у пачатку 1864 г. Іасафат Кункін, купецкі сын з Кашына, прывез яму поўны набор царкоўнага начыння: пасудзіны, кадзільніцу, лыжачкі і іншыя прыналежнасці «чудоўнай і багатай апрацоўкі» і прасіў пераслаць гэта ў бяднейшую царкву Літвы ці Беларусі. Акрамя таго ён хацеў увайсці ў непасрэдныя зносіны са святаром таго храму, які атрымаў бы гэтыя рэчы.

Некалькі купцоў прасілі Івана Сяргеевіча запісаць іх у якое-небудзь з беларускіх брацтваў. Сам жа Аксакаў адзначаў, што ў той час «вельмі шмат ахвяравалі рэчамі, кнігамі, грашыма» [11, с. 2].

У газеце «Дзень» у 1863 г. былі размешчаны матэрыялы аб некалькіх праваслаўных святарах, чыноўніках і настаўніках, якія загінулі падчас паўстання 1863 г. ці страцілі ўсю сваю маёмасць [12–15]. Графіня Пратасава адной з першых распачала ў сябе збор ахвяраванняў для дапамогі сем'ям гэтых людзей. Чытачы газеты таксама актыўна адгукнуліся на прапановы дапамагчы. Так, для родных айца Канстанціна Пракаповіча сабралі 272 руб. (ад І. Яхангава, Галіцына, «беларуса» і інш.), на карысць сям'і забітага святара Данііла Канапасевіча, з чэрвеня 1863 г. па верасень 1864 г. было пералічана 260 руб. (ад Тызенгаузена – 9 руб., С. Пратапопава – 25 руб., ад ніжагародскіх сялян – 131 руб., ад жыхароў г. Арэнбургу, г. Петярбургу і т. д.). Для сям'і Рамана Рапацкага сабралі з лістапада 1863 г. да мая 1864 г. 163 руб. Родным дзяка Федара Іозэфавіча было ахвяравана 79 руб. Для сям'і Фёдара Страшкевіча з лістапада па снежань – 43 руб., для родных настаўніка Вікенція Смольскага – 41 р. [1, л. 17–22]. Такія розныя сумы ахвяраванняў могуць быць патлумачаны адносінамі расійскага грамадства да абставінаў, звязаных са смерцю гэтых асобаў. Матэрыялы аб Пракаповічы і Смольскім былі надрукаваны з розніцай у адзін месяц [12; 15]. Але, магчыма, з дзеяннямі Смольскага перад яго смерцю не ўсе маглі пагадзіцца і таму амаль не імкнуліся дапамагаць яго сям'і. На старонках газеты была размешчана інфармацыя аб тым, што жанчына па прозвішчы Савіна, выявіла жаданне размясціць і выхаваць у прытулку адну з дачок забітых святароў ці наогул духоўных асобаў [11, с. 2].

У 1863 г. у Вільні пачало стварацца Заходнярускае брацтва. А. Жураўскі пісаў, што яно адносілася да Міністэрства народнай асветы [16]. У 21-м нумары газеты «Дзень» была надрукавана інфармацыя аб ахвяраваннях «на карысць праваслаўнага Заходнярускага брацтва ў Вільні». Сродкі паступалі ад М. П. Шчарбіна – 10 руб., ад Л. В. Даля – 25 руб., ад С. Сухоціна – 10 руб., ад П. Гільдэбранта – 5 руб. і іншых асобаў [17, с. 20]. Акрамя таго, вырашылі падтрымаць фінансава гэты праект «іх Імператарскія Высокасці»: Гасудар, наследнік цэсарэвіч, Вялікія князі Аляксандр, Уладзімір, Аляксей, Сяргей і Павел Аляксандравічы, Вялікая княжна Марыя Аляксандраўна, ад якіх паступіла 240 руб. Агульная колькасць сабраных сродкаў складала 537 руб. І. Аксакаў пісаў, што гэтыя грошы былі аддзелены ад іншых мэтавых ахвяраванняў і прызнаваліся непарушнымі і належачымі брацтву [17, с. 20].

Менш ахвотна прыходзілі сродкі «на карысць пагарэльцаў Віцебска». На ліпень 1865 г. было сабрана толькі 73 руб. [1, л. 56].

Усяго паступіла ахвяраванняў на 1 студзеня 1864 г. – 4 279 руб., з якіх галоўная частка прызначалася пацярпелым ад паўстання і для падтрымкі

праваслаўнай царквы і школьнай адукацыі [1, л. 75]. Ахвяраваньня сродкі, якія знаходзіліся ў Маскве у рэдакцыі газеты, неабходна было перадаць у заходнія губерні. Іх адпраўлялі ці напрамую праз пошту, што каштавала грошай, ці з дапамогай давераных асобаў, якія па сваіх справах ехалі ў разглядаемы рэгіён. Летам 1864 г. было адаслана для родных забітага паўстанцамі чыноўніка Таксы 50 руб., для сям’і В. Кургановіча – 10 руб., жонкі і дзяцей В. Смольскага – 20 руб., а М. Каяловічу выдадзена на «выхаванне ў Акадэміі беднага беларуса» – 100 руб. Пазней для дапамогі родным Ф. Юзэфовіча адаслана праз Міхаіла Восіпавіча – 50 руб., сям’і Рафаловіча – 70 руб. У чэрвені для сям’і Рапацкага перадалі праз святара Такарэўскага – 154 руб. [1, л. 6, 7, 20].

І. Аксакаў падтрымліваў і малазабяспечаных студэнтаў-беларусаў, грошы якім часта накіроўваліся праз М. Каяловіча. Хутчэй за ўсё гэтыя былі сыны праваслаўных святароў, якія вучыліся ў Санкт-Пецярбургскай духоўнай акадэміі. У першай палове 1865 г. студэнт Іпаліт Мірановіч з Віленскай губерні 4 месяцы атрымліваў па 20 руб., у верасні – 40 руб., а ў студзені – 80 руб. 10 чэрвеня 1866 г. М. Каяловічу было адаслана для раздачы 133 руб. 60 кап., у жніўні праз яго было размеркавана 328 руб. 29 кап. [1, л. 8–9].

У студзені 1864 г. Бельскае брацтва атрымала 139 руб., сяляне адной з пацярпелых ад паўстанцаў вёсак Гродзенскай губерні – 75 руб. [1, л. 26]. 23 мая (верагодна – 1864 г.) было дадзена 200 руб. мінскаму благачыннаму Міканору Смолічу для Мінскага жаночага вучылішча. У чэрвені-жніўні 1864 г. праз Мінскую духоўную кансісторыю было размеркавана 194 руб. У маі 1866 г. былі адпраўлены ахвяраванні ў Пінск, а 24 чэрвеня – 50 руб. у Беласток. У кастрычніку 1866 г. было прызначана па 25 руб. для дапамогі Шверубовічу і Ціханаву, а для размеркавання праз Мінскую духоўную кансісторыю – 25 руб., ў Слонім – 30 руб. [1, л. 9, 12, 17, 34].

Падсумоўваючы вынікі сваёй дзейнасці ў заходніх губернях І. Аксакаў пісаў: «Дзень» першы, задоўга да паўстання, узгадаў пра Беларусь, і яго значэнне ў праваслаўным насельніцтве Заходняга краю, уласна кажучы – у духавенстве, вялізнае. Я большай часцы мясцовых святароў дасылаю яго дарма, і ахвяраванні пераслаў туды на дзясяткі тысяч рублёў» [18, с. 86].

Праз шмат гадоў пасля гэтых падзей, у 1888 г., на старонках часопіса «Праўда» М. Каяловіч, успамінаючы тыя часы, адзначаў, што значную ролю ў зборы ахвяраванняў гуляў таксама П. Н. Баццошкаў. Ён меў асабістыя сувязі з рознымі ўплывовымі асобамі Пецярбурга і Масквы. Дзякуючы яго дзейнасці пашыраўся грамадскі ўдзел у царкоўных справах заходніх губерняў, значныя сумы былі накіраваны ў гэты рэгіён у якасці ахвяраванняў [19, с. 414].

Некаторыя пецярбургскія багатыя асобы прымалі на сваё ўтрыманне асобны беларускі праваслаўны храм, які забяспечвалі начиннем, кнігамі для набажэнстваў і іншымі рэчамі. А імператрыца Марыя Аляксандраўна ўзяла

на папячэнне па адной царкве ў кожным павеце. Ад жонкі імператара і ад яе дзяцей было накіравана аднымі толькі грашыма 69 тыс. 910 руб. [19, с. 414].

М. Каяловіч, успамінаючы аб першай палове 1860-х гадоў, пісаў, што ў тыя часы кожны рускі, накіроўваючыся на службу ў Заходні край, лічыў сваім абавязкам азнаёміцца з гісторыяй гэтай краіны, а да самага гісторыка многія звярталіся з запытамі аб кнігах, у якіх яны маглі б знайсці патрэбныя ім звесткі і аб адрасах мясцовых дзеячоў, якія дапамаглі б ім адразу стаць на «верны шлях» [19, с. 414]. Прыватныя асобы з розных месцаў Расіі часта прасілі Міхаіла Восіпавіча указаць ім брацтва, царкву ці вучылішча, куды б яны маглі накіроўваць свае ахвяраванні. Шмат падобных запытаў атрымоўваў і П. Баццошкаў, які ў той час займаўся пытаннямі царкоўнага будаўніцтва і склаў спецыяльны рэлігійны атлас заходніх губерняў [19, с. 414].

Усяго ж, па падліках Міхаіла Восіпавіча Каяловіча, агульная колькасць сабраных у 1860-я гг. грамадскасцю сродкаў для разглядаемага намі рэгіёну складала 246 тыс. 238 руб. [19, с. 414].

Такім чынам, беларускія землі ў першай палове 1860-х гадоў апынуліся ў цэнтры ўвагі грамадскасці Расійскай імперыі. Гэтаму працэсу спрыяла дзейнасць такіх асобаў, як М. Каяловіч, І. Аксакоў і інш., якія вызначалі накірункі для дабрачынных ахвяраванняў і часта самі займаліся зборам і размеркаваннем сродкаў. Іх праца мела вялікі эфект, пра што сведчаць значныя сумы атрыманых фінансавых рэсурсаў. Ужо ў тыя часы Міхаіл Восіпавіч Каяловіч спрыяў умацаванню пазіцый праваслаўя на беларускіх землях, пашырэнню адукацыі і адраджэнню брацкага руху. Дзякуючы актыўнай дзейнасці ён набыў значны аўтарытэт сярод мясцовага праваслаўнага духавенства і інтэлігенцыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Записи о поступлении и распределении пожертвований на школы и церкви Западного края и др. (1863–1865 гг.) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Фонд 14. Оп. 1. Д. 496. Л. 1–75.

2. В пользу школ Западной России // День – 1863. – № 8. – С. 20.

3. *Коялович, М.* Что нужно западной России? / М. Коялович // День – 1863. – № 10. – С. 1–2.

4. *Белорусс.* Из Литвы: подробные сведения о некоторых школах / Белорусс // День – 1863. – №14. – С. 6-9.

5. *Коялович, М.* Состояние храмов божьих в Западной России и благоустройство их средствами от правительства и частными пожертвованиями из России / М. Коялович. – Москва: Тип. Готье, 1862. – 16 с.

6. *Аксаков, И. С.* Письмо к М. О. Кояловичу от 22 февраля 1863 г. / И. С. Аксаков // С.-Петербург. Ведомости. – 1893. – № 53. – С. 2.

7. Аксаков, И. С. Письмо к М. О. Кояловичу от 18 июля 1863 г. / И. С. Аксаков // С.-Петербург. Ведомости – 1893. – №53. – С. 2.
8. Заметка // День. – 1864. – № 25. – С. 20.
9. *Константиновский*. Из Новогрудка. Несколько слов по поводу восстановления Новогрудского братства / Константиновский // День. – 1864. – № 2. – С. 14–16.
10. *Житель Гродненской губернии* Из Кобринского уезда Гродненской губ. / Житель Гродненской губернии // День. – 1863. – № 52. – С. 12.
11. Аксаков, И. С. Письмо к М. О. Кояловичу от 9 января 1863 г. / И. С. Аксаков // С.-Петербург. Ведомости – 1893. – № 60. – С. 2.
12. *Белорусс*. Смерть о. Прокоповича / Белорусс // День. – 1863. – № 24. – С. 11–12.
13. П. И. Ф. Из Бобруйска. Смерть отца Канапасевича / П. И. Ф. // День. – 1863. – № 24. – С. 12-13.
14. Н. П. Смерть станционного смотрителя Таксы / Н. П. // День. – 1863. – №24. – С. 13–14.
15. *Коялович, М.* Три мученические кончины / М. Коялович // День. – 1863. – № 29. – С. 10–11.
16. *Журавский, А. В.* Братства православные [Электронный ресурс] / А. В. Журавский. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/153359.html>. – Дата доступа: 18.07.2010.
17. В пользу православного Западнорусского братства в Вильне // День. – 1863. – № 21. – С. 20.
18. Аксаков, И. С. Письмо к А. Ф. Раевскому от 21 декабря 1864 г. / И. С. Аксаков // И. С. Аксаков в его письмах. – С.-Петербург: Изд. императ. публич. библиотеки, 1896. – С. 85–87.
19. *Коялович, М.* Волинь. Исторические судьбы Юго-Западного края / М. Коялович // Правда. – 1888. – № 23. – С. 414.

(Дата подачи: 21.02.2022 г.)

А. Н. Кукса

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. Kuksa

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 378.662(476)

ГОМЕЛЬСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ (1929–1932 ГГ.)

GOMEL ENGINEERING INSTITUTE (1929–1932)

Гомель начала XX века – признанный промышленный центр и важный железнодорожный узел. Однако высшего технического учебного заведения в Гомеле не было, а все попытки его создания в 1920 г. оказались неудачными. В ходе реформы 1930 г. в Гомеле были открыты машиностроительный и лесотехнический институты.

Ключевые слова: инженер; техническое образование; Гомельский втуз.

Gomel at the beginning of the 20th century is a recognized industrial center and an important railway junction. However, there was no higher technical educational institution in Gomel, and all attempts to create it in 1920 were unsuccessful. During the reform of 1930, machine-building and forestry institutes were opened in Gomel.

Keywords: engineer; technical education; Gomel vtuz.

В 1920-х гг. в СССР был взят курс на индустриализацию, что значительно активизировало темпы строительства и объемы финансирования промышленности. Гомельская губерния в 1926 г. вошла в состав БССР. В это время, как отмечает В. В. Данилович, в БССР начали активно комплектовать из молодого поколения «не только многочисленные кадры промышленных рабочих, но и инженерно-техническую интеллигенцию» [1, с. 45]. В 1927 г. было принято решение о строительстве в Гомеле, как говорили в правительстве «гордости Беларуси» – первого завода сельскохозяйственного машиностроения (Гомсельмаш). В 1929 г., когда начал разрабатываться проект открытия технического вуза, рассматривали два варианта: минский и гомельский. Изначально более сильными были позиции у гомельского проекта, который получил поддержку и комиссариата образования.

В современной историографии данный вопрос не получил должного освещения. Кроме публикаций в периодической печати того времени в газетах «Звезда», «Советская Белоруссия», «Полесская правда» и «Рабочий» этот вопрос не зашел далее упоминаний о том, что в 1930 г. на базе факультета Белорусского государственного политехнического института (БГПИ) был открыт в Гомеле Белорусский государственный механико-машиностроительный институт (БГММИ). В связи с этим раскрытие темы осуществлялось с привлечением материалов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Государственного архива общественных организаций Гомеля (ГАООГ) и Государственного архива Гомельской области (ГАГО).

Из документов ГАООГ и ГАГО следует, что институт начал создаваться, как факультет БГПИ, но в июле 1930 г. на базе факультетов были созданы отдельные институты. Первые документы, которые встречаются в фонде, освещают этот процесс начиная с 8 августа 1930 г., когда вопрос о размещении его в Гомеле был принят и шел процесс подбора директора. В имеющихся делах НАРБ встречаются данные о том, что большинство факультетов БГПИ преобразовывались в вузы с 1 августа 1930 г., а также освещаются нюансы перемещения директоров и проведения реформы высшей школы в 1930 г.

Из документов следует, что изначально позиции гомельского проекта, при поддержке Наркомпроса, были довольно сильны. В Гомеле уже начали подбирать площадку под размещение института, но неожиданно в октябре 1929 г. ситуация начала резко меняться в сторону реализации минского про-

екта. В октябре 1929 г. к разработке проекта втуза подключились Высший совет народного хозяйства Белоруссии (ВСНХБ) и, переподчиненный ему в это время, НИИ промышленности БССР, которые и представили минский проект. По их мнению, втуз должен был организоваться в Минске, на единой с НИИ промышленности территории, создав таким образом замкнутый цикл от подготовки инженеров до разработки и внедрения ими своих проектов на производстве.

В феврале 1930 г. Наркомпросом все вопросы по организации втуза были переданы в ведение ВСНХБ. От планируемого гомельского проекта втуз получил только намеченного уже ректора Я. З. Куницу, которого в связи с этим перевели из Гомеля в Минск и ввели в структуру ВСНХБ как организатора белорусского втуза. В апреле 1930 г. появилось объявление в газете «Советская Белоруссия» о том, что он назначен ректором БГПИ.

Параллельно этим событиям в СССР в системе высшего технического образования наметились новые тенденции, которые шли в разрез с тем, что происходило в Минске. В 1930 г. во всех союзных республиках началась реформа высшей школы, которая привела к дроблению вузов на узкопрофильные институты, что сопровождалось передачей их в ведение профильных наркоматов и сокращением сроков обучения с 5 лет до 2–3–4. В итоге из состава БГПИ выделили 4 института, на базе Горецкой сельскохозяйственной академии – 8, на базе БГУ – 3. Таким образом, если в 1928 г. в БССР было всего 4 вуза, которые профессорско-преподавательскими кадрами с трудом себя обеспечивали, то к концу реформы появилось уже 26 вузов, а к концу 1932 г. планировалось, что их будет 32.

БГПИ, активно проводивший рекламную кампанию по набору студентов, в июле 1930 г. постигла та же участь, что и все вузы СССР. Белорусский втуз был разделен на целый ряд институтов. При этом выделенный механико-машиностроительный институт был переведен в Гомель. Примечателен тот момент, что, как и планировали представители гомельского проекта втуза, он стал базовым для подготовки будущих специалистов для металлообрабатывающей промышленности. В связи с этим основными его специальностями стали: холодная обработка металлов, горячая обработка металлов, механизация сельского хозяйства и конструкторская [2, л. 2]. Из состава Горецкой сельскохозяйственной академии часть факультетов была переведена в Гомель, став основой Лесотехнического института. Таким образом, в одночасье Гомель обогатился на целых два технических вуза.

Изначально на должность директора БГММИ 18.07.1930 г. секретариат ЦК КПБ предлагал Виленстовича, позже гомельским окружкомом рассматривался Разумов, но он уехал в отпуск и не успел пройти согласование. В связи с этим первым, кто приступил к работе по организации БГММИ, стал Волков Георгий Павлович – преподаватель гомельского техникума путей сообщения. Постановлением секретариата ЦК КПБ от 18.07.1930 г.

его назначили заведующим учебной частью механического института [3, л. 223]. В 1924 г. директором этого техникума значился Я. З. Куница, который и рекомендовал Г. П. Волкова на эту должность.

В архивах сохранилась переписка Г. П. Волкова с отделом кадров ВСНХБ, в которой он сообщал, что в Калуге отказались предоставлять здание бывшей дирекции западной железной дороги. Решение вопроса осложнялось еще и тем, что целый ряд ответственных работников выехали в Минск. «Мои переговоры с имеющимися здесь представителями Лесного института (выделен из Академии в Горках) дают надежду, что механический институт будет иметь возможность использовать некоторые лаборатории института (физические, химические), а также пользоваться отдельными профессорами по общим дисциплинам» [4, л. 2].

Таким образом, тот козырь, на который рассчитывало руководство Гомеля, в виде помещений бывшей дирекции западной железной дороги при создании втуза, оказался выбит из их рук с первых же дней организации БГММИ. Руководство попыталось выйти из ситуации, однако в условиях скудного финансирования, слабых темпов строительства и острого жилищного кризиса полноценно заменить данный вариант не удалось. В письме Г. П. Волкова от 9 августа 1930 г. сообщалось, что «предоставленное нам помещение техникума связано с предоставлением техникуму места для общежития. Если к началу занятий в техникуме (конец августа) не будут закончены бараки (а он узнавал у строителей, и те его заверили, что даже если деньги и выделят в нужном объеме, они все-равно не смогут успеть в срок), куда думаю перевести слушателей техникума, то помещение нам вообще предоставить не смогут» [4, л. 5]. По его мнению, надо было обращаться в Москву и ехать в Калугу на переговоры. Во втором письме 14 августа 1930 г. он сообщал, что по данным Фрида «институт передан в ведение Белметаллобъединения» [4, л. 6]. Ответ на эти письма дал заместитель заведующего отделом кадров ВСНХБ И. И. Дружеловский, кстати, также выходец из Гомеля. «С Вашими письмами Куница ознакомлен. Табайник в командировке в Москве до 15 августа вернется и вопросы будут решены. Насчет директора института с нашей стороны будут приняты срочные меры, чтобы он был срочно назначен» [4, л. 8]. Еще в сентябре 1930 г. Г. П. Волков за директора института сообщал о возможном открытии в Гомеле Лесотехнического института и тракторного техникума.

Поиски директора продолжились и только в октябре 1930 г. директором БГММИ был назначен Хавкин Марк Язепов – член союза химиков, перемещенный с должности директора фабрики Везувий. Назначенному директору пришлось полностью окунуться в вопросы организации учебного процесса, подбора учебно-методической документации, поиска учебников и пособий, приглашения профессорско-преподавательских кадров и все это в условиях полной неопределенности: отсутствия жилья для преподавате-

лей и студентов, отсутствия учебных зданий, оборудованных кабинетов и лабораторий. Первым и основным вопросом, определяющим всю дальнейшую судьбу втуза, стал поиск помещений. Ресурсы местных органов власти были крайне ограничены, ввиду чего перед директором, который к тому же еще был производственником, мало знакомым с делом высшей школы, стояли практически нереальные задачи.

Гомельский горком, в силу своего скромного бюджета, изыскал только возможность отнять комнату-две на нужды втуза, но реально решить вопрос с помещениями, общежитием, жильем для преподавателей так и не удалось. Выступая 19.11.1930 г. на бюро от ячейки КПБ БГММИ М. Я. Хавкин указывал на отсутствие условий для нормального хода занятий института: аудиторий всего 2 комнаты, полное отсутствие кабинетов и лабораторий (физкабинета, химического кабинета, по деталям машин и т.д.); отсутствовали общежития и квартиры для семейных. Это, по его мнению, не давало возможности не только «укомплектовать январский набор, но и ставило вопрос о том возможно ли вообще продолжить занятия первого набора» [5, л. 44]. За месяц ситуация немного улучшилась и в декабре 1930 г., обращаясь в СНК БССР, он уже указывал, что институт занимал 5 комнат, в которых размещалась администрация и велись занятия. В конце декабря 1930 г. М. Я. Хавкин сообщал секретарю ЦК КПБ, что институту отведен участок земли. «Планируется построить 3-х этажный дом, учебные мастерские, общежитие для студентов и помещения для ППС» [4, л. 82]. Но денег на строительство у местных властей не было, в связи с чем М. Я. Хавкин обратился в ЦК с просьбой выделить средства в таком расчете, чтобы здание было запущено уже в 1932 г.

В январе 1930 г. первым секретарем ЦК КПБ был назначен К. В. Гей, на время пребывания которого в БССР и приходится весь период данной реформы высшей школы. За время своей работы он отметился не только активной борьбой с «национал-демократизмом» и проведением дела «Союза освобождения Беларуси», но и попытками активизации процессов индустриализации. В 1930–1931 гг. «форсированными темпами» в Беларуси начали создаваться вузы и техникумы. К 1932 г. действовало уже 26 втузов и вузов, в которых обучалось 15 000 студентов, а при каждом из них техникум, рабфак или филиал.

Показательными в этом отношении стали, проведенные под председательством К. В. Гея в декабре 1930 г. заседания комиссий Бюро ЦК КПБ, на которых были заслушаны доклады по развитию ряда отраслей (металлической, кожевенной, бумажной, капитального строительства), а также рационализации и рабочим кадрам. На первом заседании 20.12.1930 г. выступил заместитель председателя ВСНХ БССР М. Я. Воскобойников с докладом о росте металлопромышленности, который составил более чем «в 10 раз по сравнению с дооктябрьским периодом (до 1917 г. валовой продукции

на 3,5 млн руб., а в 1930 – 35 млн). Основные капиталы металлопромышленности в 1927 г. составляли 3,5 млн, в конце 1930 – 15 млн. До 1917 г. было занято 1350 рабочих, а в 1930 – 10,5 тысяч. Задачи на 1931 г. – 75 млн руб. валовой продукции» [6, л. 2]. На фоне такой прогрессивной прямой резко встал вопрос о технических кадрах. Ключевым в ходе рассмотрения положения Белметаллообъединения стал вопрос о БГММИ, о котором было подмечено, что «в этом году мы впервые приступили к развертыванию нашего вуза, которое должно полностью обслужить наше метало-объединение – это Гомельский втуз» [6, л. 12].

Однако по отзывам большинства «это не втуз, а наше несчастье». В защиту Гомельского ОК КПББ выступил Эпштейн, который заявлял, что решением СНК БССР в Гомеле должны были построить помещение под втуз. На это возразили: комиссар торговли, заместитель председателя СНК БССР К. Ф. Бенек, комиссар легкой промышленности, заместитель председателя СНК БССР Г. П. Грисевич и М. Я. Воскобойников – «шла конкуренция между Минском и Гомелем. Минский ОК партии ставил вопрос, что нужно втуз открыть в Минске, а Гомель говорил, что есть помещение у Управления Западных ж. д., и на этом Гомель выиграл. И что же мы видим? Будущие инженеры сидят в уборных и занимаются чертежным делом, что это за работа. Такого положения оставлять в дальнейшем нельзя. Нельзя оставлять втуз без лабораторий, без соответствующего руководства. И, по-моему, преступно относится ВСНХ, если он ставит вопрос о том, что «мы ни копейки не дадим», потому что ВСНХ считает, что у него есть другие отрасли более ценные и важные (Воскобойников – это неверно)» [6, л. 56].

В таких условиях БГММИ не имел возможности развернуть работу по наращиванию контингента студентов. При утвержденном ВСНХБ и СНК БССР годовом плане набора в 40 чел., в институт в январе 1931 г. было принято 15 чел., а всего в феврале 1931 г. занималось 37 чел. и числилось 9 преподавателей. Учитывая острый кадровый голод на предприятиях Белсоюзметалла, общесоюзную тенденцию к подчинению втузов профильным наркоматам, на совещании появилась идея переподчинить БГММИ непосредственному заказчику, который должен был определить не только профиль деятельности втуза, но и обеспечить его материально-техническое оснащение. В связи с этим в январе 1931 г. на президиуме Белсоюзметалла был рассмотрен доклад М. Я. Хавкина о работе БГММИ. Выступление директора только усилило мнение руководителей Белсоюзметалла в том, что втуз не состоялся. Члены президиума вынуждены были констатировать, что «Института как такового нет и Институт в современное время считается как подготовительная школа в Институт» [4, л. 93].

Для исправления сложившейся ситуации с 27.03.1931 г. директором БГММИ был назначен инспектор высшего образования Наркомпроса С. Г. Лысов. Перед новым директором продолжал остро стоять вопрос с ка-

драми, который удалось немного улучшить за счет перевода из Горок части факультета механизации сельского хозяйства, который «вместе со студентами, научными работниками и имуществом были переданы ВСНХБ для распределения их между Энергетическим институтом и ММИ» [7, л. 3].

На заседании бюро Гомельского горкома КПББ от 12.05.1931 г. был рассмотрен доклад С. Г. Лысова о строительстве учебного корпуса БГММИ. Как серьезный аргумент в пользу строительства здания для БГММИ С. Г. Лысов указывал, что это единственный вуз в БССР, который готовит образованных людей для работы на металлургических заводах. По разработанным профилям ММИ готовит для тяжелой промышленности БССР: заведующих литейными цехами, их заместителей, техников инженеров, инженеров-проектировщиков, инженеров рационализаторов литейного процесса, инженеров-плановиков, заведующих планово-распределительным бюро и т. д. [8, л. 8].

Учитывая проблемы со строительными материалами и жилищный кризис в Гомеле, ОК КПББ предложил строить «легкотиповые дома под квартиры научных работников вузов, а также для строительства легкого типа общежития для ММИ» [9, л. 104]. Учитывая то, что данное решение не могло никого удовлетворить, в постановляющей части приняли решение для доклада командировать в Минск С. Г. Лысова. На бюро Гомельского горкома от 2 июня 1931 г., заслушав доклад Г. П. Грисевича о положении промышленности, постановили поставить вопрос перед ВСНХ и ЦК КПББ о выделении БГММИ первоочередной ударной стройкой. Для временного решения вопроса в августе 1931 г. БГММИ решили передать клуб Трудового образования, а также клуб ремесленников под общежитие. Начатое строительство весной 1932 г. тем не менее было законсервировано. Общими усилиями стройка все же была возобновлена и в одном из отчетов в июне 1932 г. сообщалось, что для БГММИ строится учебный корпус. Бюро горкома постановило закончить строительство и окончательное обустройство кабинетов не позднее 1 августа 1932 г.

В июне 1932 г. прошло обследование работы вузов Беларуси, в том числе и БГММИ. В итоговом отчете комиссии указывалось на то, что «институт организовался путем выделения из Минского Политехнического института механического факультета, с переводом его в Гомель». Отмечая правильность данного решения, члены комиссии вынуждены были констатировать тот факт, что этот перевод произошел без соответствующего финансового обеспечения и выделения необходимых учебных площадей. Основной задачей комиссии являлось проверить ход реализации на местах июльских постановлений ЦК КПББ, которые, по их мнению, начали реализовываться в БГММИ только в ноябре 1930 г, так как этому препятствовало еще и «позднее назначение директора (октябрь 1930 г.), а потом снятие, без замены его, в итоге чего до апреля 1931 г. фактическим руководителем института яв-

лялся заместитель директора беспартийный инженер Волков» [10, л. 200]. По их же данным, деньги на строительство учебного корпуса выделил ВСНХ, но ввиду отсутствия стройматериалов и дефицита строителей высказывали опасения, что и к осени 1932 г. не успеют построить.

К 1 января 1932 г. в БССР имелось 26 вузов, из них 7 втузов. В это время происходит усиление материальной базы втузов: введен в полную эксплуатацию Университетский городок, велось строительство Строительного комбината на Комаровке, окончено в 1931 г. строительство техникума связи. В резолюции I Всебелорусского партийного совещания по кадрам были одобрены контрольные цифры на 1932 г. – «рост вузов до 32 с доведением количества учащихся до 17 092» [11, л. 160].

Таким образом, в ходе реформы 1930 г. в Гомеле появилось два втуза. БГММИ по материально-техническому и преподавательскому составу находился в плачевном состоянии. В итоге двух лет, потраченных на организацию БГММИ, Гомель так и не получил полноценного высшего учебного заведения, центра по подготовке инженерных кадров. Опыт БГММИ только подтверждал выводы комиссии Народного комиссариата просвещения об ошибочности этой реформы в отношении подготовки узкопрофильных специалистов, хотя она имела и ряд позитивных моментов, которые сохраняют свою актуальность по сегодняшний день.

Список использованных источников

1. *Даніловіч, В. В.* Моладзь у індустрыяльным будаўніцтве БССР (1928–1939 гг.) / В. В. Даніловіч // *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук.* – 2017. – № 1.
2. Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГО). – Ф. 431. Оп.1. Д. 8.
3. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 4771.
4. ГАГО. – Ф. 431. Оп. 1. Д. 5.
5. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 5034.
6. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 4788.
7. ГАГО. – Ф. 431. Оп.1. Д. 19.
8. Гомельский государственный архив общественных организаций. – Ф. 107. Оп.2. Д. 30.
9. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 5362.
10. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 5983.
11. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп.1. Д. 5501.

(Дата подачи: 14.02.2022 г.)

Ю. С. Кухарчик

Белорусский государственный университет, Минск

Yu. Kukharchyk

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(35)

ГЕОГРАФИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ДРЕВНЕИРАНСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

GEOGRAPHY OF CENTRAL ASIA OF THE ANCIENT IRANIAN WRITTEN TRADITION

В статье рассматривается география Центральной Азии, опираясь на данные древнеперсидских царских надписей и данных 1 фрагмента Видевдата Авесты. Данные Авесты демонстрируют, что география Авесты достаточно широка: от юго-восточного побережья Каспийского моря до бассейна реки Инд. При этом знания автора Авесты географических объектов Восточного Ирана достаточно подробны, что делает возможным, сделать вывод о том, что он был родом из этих земель и был хорошо знаком с местностью.

Ключевые слова: Центральная Азия; Авеста; география; Ахемениды; древнеперсидские царские надписи.

The article examines the geography of Central Asia, based on the information of the ancient Persian royal inscriptions and the data of the 1st fragment of the Avesta Videvdāt. The Avesta's information demonstrate that the geography of the Avesta is quite wide: from the southeastern coast of the Caspian Sea to the Indus River basin. At the same time, the author's knowledge of the Avesta of geographical objects of Eastern Iran is sufficiently detailed, which makes it possible to conclude that he was originally from these lands and was well informed about the area

Keywords: Central Asia; Avesta; geography; Achaemenids; ancient Persian royal inscriptions.

Центральная Азия является одним из древних очагов не только земледелия, но и государственности. Историко-культурные регионы Центральной Азии засвидетельствованы во многих исторических документах. Большая часть Центральной Азии VI–V вв. до н. э. вошла в состав державы Ахеменидов, на что указывают древнеперсидские царские надписи и свидетельства античных авторов. Однако больший интерес для изучения событий древнеперсидской истории вызывают именно иранские источники, такие как Авеста и древнеперсидские царские надписи.

Авеста – это священная книга зороастризма, древнейший памятник иранской литературы, который содержит данные не только по религиозным верованиям, праву, социальной структуре иранского общества, но и данные по истории и географии народов Средней Азии, Ирана и Кавказа. Авеста, дошедшая до наших дней, состоит из Большой и Малой Авесты, а Видевдат – это одна из частей Большой Авесты. Видевдат – это наск (часть), состоящий

из 22 фрагментов (глав), представляющих собой диалоги между Заратуштрой и Ахура Маздой, в которых Ахура Мазда дает ответы на вопросы, касающиеся правовых и ритуальных проблем [1, с. 9]. Как и другие сохранившиеся части Авесты, Видевдат создавался на протяжении не одного столетия, при этом большая часть текстов Видевдата позднего происхождения. Как правило, их создание относят к парфянскому периоду (I–III вв. н. э.) [15, р. 95; 5, с. 48; 7, с. 177; 8, с. 153]. Однако туда же включены и тексты, относящиеся к древним периодам истории Средней Азии и Восточного Ирана в соответствующей переработке [7, с. 177]. Так, древнейшие части Авесты отражают жизнь восточноиранских племен в VIII–VII вв. до н. э.

Согласно преданию, Авеста была уничтожена во время македонского завоевания Персии. При Аршакидах (250 до н. э. – 224 н. э.) Авесту начали восстанавливать, собранные отрывки объединять и дополнять новым материалом. Этот процесс собирания и реконструкции Авесты был завершен уже при Сасанидах (III–VII в. н. э.) [9]. Видевдат был переведен при Сасанидах (III–VII вв. н. э.) на среднеперсидский; к нему были написаны многочисленные комментарии [1, с. 21].

Древнеперсидские царские надписи создавались царями из династии Ахменидов в VI–IV вв. до н. э. Географическая составляющая древнеперсидских текстов – это перечень подвластных персам территорий.

Значение клинописных документов Ахеменидов исключительно велико, поскольку они являются подлинными, точно датированными источниками, в которых отсутствуют позднейшие наслоения и искажения. Древнеперсидские надписи содержат ценные данные о границах государства, административно-территориальных единицах и других географических объектах, что значительно отличает их от устной традиции, поскольку они содержат информацию о событиях, описанных современниками. Важно отметить, что события в древнеперсидских царских надписях излагаются в определенном хронологическом порядке, имеют маркеры для их локализации во времени и пространстве.

Основной проблемой в изучении авестийской географии является смешение мифологических и исторических элементов. Поэтому часто наблюдается тенденция интерпретировать исторические термины как элементы мифологической картины миропредставления. У индоиранцев было принято отождествлять понятия или особенности традиционной космографии, такие как горы, озера, реки и т. д. с их конкретным историческим и географическим положением, когда они мигрировали и селились в разных местах [17]. Несмотря на то что в историографии не раз поднимались вопросы локализации тех или иных географических областей, многие вопросы остаются дискуссионными.

Основным авестийским текстом, представляющим географический интерес, является первая глава Видевдата, так называемая «Географическая

поэма». Она состоит из списка шестнадцати регионов авест. *asah* – «пространство, место» [11, с. 219] и *šdīθra* – «жилье, обитаемое место» [11, с. 323], созданных Ахура Маздой. При этом многие из регионов отлично коррелируются с географическими регионами древнеперсидских надписей ахеменидского времени.

«Географическая поэма» состоит из 20 абзацев: введения, описания созданных областей и регионов и заключения. За исключением двух областей (*Airyana Vaēdah* и *Naētumant*), каждой области посвящен один абзац. *Airyana Vaēdah* и *Naētumant* – по 2 абзаца.

В своих надписях Дарий, а после него Ксеркс, упоминают территории, расположенные в Центральной Азии, а часть из них впервые засвидетельствована именно в Авесте. В древнеперсидских надписях для обозначения территорий используют термин *dahyu*. Его мы встречаем уже в Авесте в форме *daχīiu-/daŋhu* «страна», при этом он же используется и для народов, населяющих эти территории [12, р. 706]. Термин, вероятно, связан с древнеиндийским *dasyu* «враг», в значении «демон, враг богов» [16, р. 114]. В Авесте этот термин имеет другое значение, чем в древнеперсидском языке. Авестийское *daχīiu-/daŋhu* относится к крупнейшей единице в вертикальной социальной организации авестийского общества.

Из шестнадцати земель, которые перечисляются в «Географической поэме», шесть областей достаточно точно идентифицируются, поскольку мы можем соотнести эти названия с данными древнеперсидских надписей (таблица). Следует отметить, что многие этногеографические области достаточно сложно локализовать, особенно это касается *Airyana Vaējah*, первой области, созданной Ахура Маздой.

Бехистунская надпись указывает границы государства, которые оформились при Кире. Большинство центральноазиатских областей вошли в состав именно в правление Кира. В надписях DPh и DN Дарий Великий описывает территорию своего государства XŠ : *ima : xšaçaṃ : tya : adam : dārayāmiy : hacā : Sakaibiš : tyaiy : para Sugdam : amata : yātā : ā : Kūšā : hacā : Hidauv : amata : yātā : ā : Spardā*, т. е. «это царство, которое я держу, от саков, которые за Согдом, отсюда до Эфиопии. От Индии, отсюда до Лидии» (DPh, 4–8; DN 3–6). О территориях Центральной Азии в период царствования Ксеркса ничего не сообщается. Вообще, все древнеперсидские царские надписи, кроме Бехистунской, только упоминают определенные народы и территории, и исключительно при перечислении подвластных территорий (DB 16-17, DPe 16-18, DNa 22-26, DSe 21-25, DSm 6-11..., XPh 25-27).

В древнеперсидских царских надписях центральноазиатские территории, как правило, упоминаются единой группой, так называемый «северовосток государства. Однако порядок их перечисления в группе в надписях различается.

Сравнительная таблица географии Центральной Азии

Авестийский термин (их упоминание)	Древнеперсидские тексты	Названия, зафиксированные в документах Ахемендов	Этимология	Локализация
I	2	3	4	5
Gāum yīm Suryōb.šaiianam (4)	Suguda (DB I.16; DNa 23; DSe 22; DSm 9; DPe 16; DPh6; DH 5 XPh 21; XPh 21)	эл. Šu-ug-da акк. Su-ug-du Su-ug-du [19, p. 209]	Гава Согдийская; «Оседлое поселение, обиталище согдийцев». Термин Suryōb, используется как прилагательное к gava, что значит «поселение» [12, p. 505–510]; встречается перевод «страна скота / обильная коровами», от gav- «корова» [12, p. 507]. Существует версия, что этноним происходит из северопранского со значением «обоженный», «сожжённый», т. е. очищенный, чистый [4, с. 181]	Согдиана [2, p. 48]. Долина рек Зеравшана и Капкадары и прилегающие к ней районы [3, с. 60]
Mburum stūram ašavanam (5)	Margu (DB III.12, IV 24; DB III.16; DB II. 7; III.11; DB IV.25; DB) 5	эл. mar-ku-iš акк. mar-gu-' [19, p. 202]	Мбурга степная [21, p. 30] правдвая (следующая правле) [21, p. 6].	Большой Мервский оазис в долине реки Мургаб, современный оазис Мары в Туркменистане.
Bāxōm sftāram ərədōbo.drafsām (6)	Bāxniš DB I 16; DPe 16; DNa 23; DSe 22; DSm 9; XPh 21. DB III.13, 21; DSf 36	эл. ba-ak-ši-iš/ba-ik- tur-ri-iš акк. ba-ab-tar [19, p. 199]	«Bāxōt красивая с высокими знаменами» [12, p. 351; 11, с. 238]. авест. bāxōt [19, p. 199] «доля», «порция». Суффикс -tar(ā) образует причастие деятеля и, таким образом, термин означает «тот, кто имеет (представляет) надлежащую долю» [12, p. 923]	Область по верхнему и среднему течению Амударьи, по обоим берегам, ограниченная на юге хребтом Гиндукуш и на севере Гиссарским хребтом. Топоним сохранился в названии города Балх [10, с. 35]

1	2	3	4	5
Nisāim yim atarə Мбитум-са Вáхдй̄м-са 5	He засвидетельствован		«Нисая, что между Маргианой и Бактрией»	Район между Маргианой и Бактрией, возможно, Меймене. Достаточно распространённый топоним, который встречается в различных районах Ирана и Средней Азии, например Ниса, которая располагалась в Парфии, на территории современного Туркменистана; Нисай была в Мидии, где Дарий убил Мага Гаумату (DB I, 58).
Harōiūm yim viš.harəzanəm (8)	Haraiva DB I 16; DNa 22; DSe 21; DSm 9; XPh 21	эл. arya/ariyap акк. a-ri-e-mu [20, p. xlix]	«Harōiva, где дома будут покинуты» (если кто-то умрет внутри) [12, p. 1475]. Название происходит от санск. Sāragi «потоки» [19, p. 213]	Район современного р. Герируд на всём её протяжении. Центром страны являлся Гератский оазис. Термин сохранился в названии города Герат.
Vaēkaratəm yim Dūžakō.šāianəm (9)	Gandāra DB I 16; DPe 1.18; DNa 24; DSe 24; DSm 9; XPh 25 Gadārā DSf 34	эл. Gan-da-ra акк. Gan-da-ri [19, p 183]. эл.: [ratquragaē]sana; акк. Ra-ar-u-ra-ra-e-sa- an-na [20, p. lxiix]	Vaēkarāta, населенная ежами/где живут ежи [12, p. 755]. Этимология древнеперсидского имени Гандара все еще вызывает сомнения, хотя оно имеет явно индийское происхождение [22].	Традиционно отождествляют с долиной р. Кабул; район, расположенный на северо-западе современной Индии., т. е. он располагался вдоль обоих берегов Инда, вокруг знаменитых городов Такшаила (Таксила) и Пушкалавати (современная Чарсала, к северо-востоку от Пешавара). Однако есть вариант локализации данного топонима в районе современного Ашхабада [6, с. 361].
Urūnam rouur.vāstrəm (10)	He засвидетельствован		Urūvā многоязычная.Vāstrəm «пастбище» [11, с 334] Route «много» [21, p. 28]	возможно, регион Газни [18, p. 26–39]

1	2	3	4	5
Хлепѣтѣм уйм Уаһрканә саһанәм (11)	Vakāna DB II 92	эл. mi-ig-qa-nu-ia-ir [19, p. 206]	«Хлепа, населенная гиркша-ми / где живут гиркша» [12, p. 1419]. Этимология связана с о словом чарка «волок» (авест. vāhka-) [19, p. 206; 12, p. 1735].	на юго-востоке Каспийского моря в бассейне рек Гурган и Атрек (современный Горган). На востоке Гиркшана граничила с Бактрией.
Нара'аѣтѣм sīrām (12)	Narā'uvati DB I.17; DPe 17; DNa 24; DSm 10; XPh 20; DB III.55; DSf 44f; DB III.56 72 76; DSe 23	эл. har-ra-ṇ-ma-ti-iš, акк. a-ru-ḥa-at-ti [19, p. 203]; араб. hribwī [14, p. 192b]	«Нараха'аѣт прекарная». Соответствует санск. Sārasvatī, топоним, который используется для названия реки «богатая водами» (от корня sar- «течение, поток») [19, p. 213] и означает «богатая водами/озерами»	Территория в бассейне рек Арндаба, Аргастана и Газни, на север от Герросии, в районе современного Кандагара в Афганистане.
Наѣштѣнтѣм гаѣварѣтѣм хвгагәларѣштѣнтѣм (13)	Zra'ka DB I.16, DPe 15, DNa 24, DSe 23, DSm 8; XPh 20	эл. sit-ra-an-qa акк. za-ra-an-ga [19, p. 211]	Наѣштѣнтѣм в значении «река с плотинами» [23, p. 26] или «река с естественными плотинами» [13, p. 26]. Этимология Zra'ka не ясна, чаще всего происходит от понятия «море, озеро» [19, p. 192] и связывают с dāruay- (Av. zraīrañ- «море, озеро» [19, p. 192] интерпретируют его как «морская земля»	Бассейн р. Гильменд и озера Хамун на территории современного Систана. Примерно соответствует ахмендской Дрангиане. Однако отдельно этот топоним в Авесте не встречается.
Рауғат Һизәтѣтѣм (15)	Не засвидетельствован		«Кауа трехплемная» [12, p. 811].	Район к северу от Нахах'аѣт и Наѣштѣнтѣм [18, pp. 23-26, 64-66].
Сахтѣм sīrām asānašām (16)	Не засвидетельствован		Сахта сильная [21, p. 30] праведная (следующая правле) [21, p. 6].	Район между Газни и Кабулом, в долине Лагар [18, pp. 42-44].
Вагантѣм уйм сафта гаошәм (17)	Не засвидетельствован		«Укрытые» (?), «Покровы» (?)	Буенр между Индом и Сватом.
Үбә Нәртә Нәндү (18)	Не засвидетельствован		«Семь рек», соответствует ведийской Sapta sindhavañ.	Северо-восточная область Панджаба [17]. Семиречье.
Үрә Аодагәшү Раһһаһәтѣтѣм (19)	Не засвидетельствован			В ведической географии иногла упоминается вместе с Кубой (Кабул) и Крму (Курам) река, расположенная в горной местности [17].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Автор «Географической поэмы» совсем не упоминает регионы Западного Ирана, а описываемый регион относится к территории современных Средней Азии, Афганистана и северо-западной Индии, что говорит о том, что, скорее всего, этот регион автору был не знаком.

2. «Географическая поэма» отражает географические знания о регионе в доахеменидский период. Из этих кратких упоминаний можно сделать вывод, что иранцы знали и населяли эти районы в доахеменидский период.

3. Некоторые этногеографические регионы, такие как Согдиана, Бактрия, Арахосия, Маргиана, Гиркания и Дрангиана, хорошо коррелируются с древнеперсидскими царскими надписями, что позволяет их достаточно точно локализовать.

Список использованных источников

1. Авеста «Закон против дэвов» (Видевдат). – СПб.: Изд-во Политех., ун-та, 2008. – 301 с.

2. Брагинский, И. С. Из истории таджикской и персидской литературы: Избранные работы / И. С. Брагинский; отв. ред. Б. Г. Гафуров. – М.: Наука, 1972. – 524 с.

3. Гафуров, Б. Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история / Б. Г. Гафуров. – 2-е изд. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 381 с.

4. Доватур, А. И. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты. Перевод. Комментарий / А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шитова. – М.: Наука, 1982. – 455 с.

5. Дьяконов, И. М. История Мидии (с древнейших времен до конца IV в. до н. э.) / И. М. Дьяконов. – М.-Л.: АН СССР, 1956. – 471 с.

6. Дьяконов, М. М. Очерк истории древнего Ирана / М. М. Дьяконов. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 444 с.

7. История таджикского народа / ред.: Б. Г. Гафуров, Б. А. Литвинский. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1963. – Т. 1. С древнейших времен до V в. н. э. – 592 с.

8. Лелеков, Л. А. Авеста в свете современной науки / Л. А. Лелеков. – М.: Гос. НИИ реставрации МКИТ РФ, 1992. – 362 с.

9. Маковельский, А. О. Авеста / А. О. Маковельский [Электронный ресурс]. – 1960. – Режим доступа: <http://www.polonia-baku.org/mak/avesta.pdf>. – Дата доступа: 10.02.2022.

10. Основы иранского языкознания (древнеиранский язык) / И. М. Оранский, С. Н. Соколов, В. И. Абаев, Расторгуева В. С. (ред.). – М.: Наука, 1979. – 270 с.

11. Соколов, С. Н. Язык Авесты / С. Н. Соколов. – Л., 1964. – 415 с.

12. Bartholomae, Ch. Altiranisches Wörterbuch / Ch. Bartholomae. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904. – 2000 p.

13. Bowlby, S. R. The Geographical Background / S. R. Bowlby // The Archaeology of Afghanistan (ed. F. R. Allchin, N. Hammond). – London: Academic Press, 1978. – P. 9–35.

14. *Bowman, R. A.* Aramaic Ritual Texts from Persepolis / R. A. Bowman. – Chicago: The University of Chicago, 1970. – XIII, 194 p.
15. *Boyce, M.* History of Zoroastrianism: in 2 vol. / M. Boyce. – Leiden : Brill, 1975. – Vol. I. – 350 p.
16. *Brandenstein, W.* Handbuch des Altpersischen / W. Brandenstein, M. Mayrhofer. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964. – 160 p.
17. Gnoli, G. Avestan geography [Electronic resource] / G. Gnoli // Encyclopædia Iranica. – 2011. – Mode of access: <https://iranicaonline.org/articles/avestan-geography>. – Date of access: 19.02.2022.
18. *Gnoli, G.* Zoroaster's Time and Homeland / G. Gnoli. – Napoli: Istituto universitario orientale, 1980. – 279 p.
19. *Kent, R. G.* Old Persian: Grammer, Text, Lexicon / R. G. Kent. – 2 nd ed. – New Haven, 1953. – 203p.
20. *King, L.* The sculptures and inscription of Darius the Great on the rock of Behistūn in Persia / L. King, Tompson R. – L.: Oxford University Press, 1907. – LXXIX, 223 p.
21. *Skjærvø, P. O.* Old Avestan Glossary / P. O. Skjærvø. – Harvard, 2006. – 44 p.
22. *Vogelsang, W.* Gandhāra [Electronic resource] / W. Vogelsang // Encyclopædia Iranica 2000. – Mode of access: <https://iranicaonline.org/articles/gandhara>. – Date of access: 19.02.2022
23. *Witzel, M.* The home of the Aryans [Electronic resource] / M. Witzel. – 2014. – Режим доступа: <https://www.people.fas.harvard.edu/~witzel/AryanHome.pdf> – Дата доступа: 10.02.2022.

(Дата подачи: 28.02.2022 г.)

М. А. Лавринович

Белорусский государственный университет, Минск

M. Laurynovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(437)“1989/...”:930

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТИ О СОЦИАЛИЗМЕ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЧЕШСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ ПОСЛЕ 1989 Г.

EVOLUTION OF APPROACHES TO THE STUDY OF THE MEMORY OF THE SOCIALIST PAST IN THE PERSPECTIVE OF CZECH HISTORIOGRAPHY AND CIVIC INITIATIVES AFTER 1989

В статье производится реконструкция развития концепта «историческая память» в исторической науке Чешской республики в аспекте его применимости к изучению социалистического наследия. В конце 1980-х – 2000-е гг. появление концепта памяти имело

французские и немецкие корни и вытеснило предложенный чешскими социологами аналог «историческое сознание». В это время под исторической памятью понимался широкий междисциплинарный взгляд на изучение наследия социалистического прошлого. С 2010-х гг. проявляется инструментализация исследований в сфере памяти как компонента государственной политики, что связано с деятельностью Института по исследованию тоталитарных режимов в Праге, и общественных инициатив чешских НГО.

Ключевые слова: историография; историческая память; государственная политика памяти; Чешская республика.

The article reconstructs the development of the concept of «historical memory» in the historical science of the Czech Republic in terms of its applicability to the study of the heritage of socialist period. In the late 1980s – 2000s the emergence of the concept of memory had French and German roots and forced the analogue «historical consciousness» proposed by Czech sociologists out. At that time historical memory was understood as a broad interdisciplinary view of the study of the legacy of the socialist past. Since 2010s the instrumentalization of research in the field of memory as a component of state policy noticeably manifests itself, that is associated with the activities of the Institute for the Study of Totalitarian Regimes in Prague and the public initiatives of Czech NGOs.

Keywords: historiography; historical memory; state policy of memory; Czech Republic.

Современная чешская гуманитаристика констатирует в последние десятилетия «настоящий бум» исследований в области исторической памяти [1, с. 9]. Это ставит вопрос о методологических основаниях, научных и общественно-политических предпосылках данной тенденции. Процессы постсоциалистической трансформации в странах Центральноевропейского региона сыграли роль ключевого импульса в развитии исследовательской перспективы изучения памяти и в инструментализации истории как компонента государственной политики. Вместе с тем можно интерес к проблематике памяти и знания в социогуманитарных науках и в более ранний период, начиная с 1970-х гг. В этой связи, по мнению историка А. Кудлача, упомянутый «бум» исследований памяти оказался в тренде предоставления голоса ранее маргинализированным или лишенным слова сообществам, которые теперь получили возможность артикулировать свой опыт, как правило травматический, в формах и практиках проводимой после 1989 г. в Центральной Европе политики по эмансипации угнетенных в период коммунизма социальных групп, и создания открытой и публичной диалоговой площадки в обществе для обсуждения актуальных вопросов исторического наследия [1, с. 9–11; 2, с. 32].

В то же время было бы ошибочно ограничивать историческую память только политико-инструментальными рамками. Концепт памяти включает в себя значительный массив значений и идей, которые можно апплицировать на основании широкой методологической шкалы, например, обращаясь к таким понятиям, как историческое сознание, традиция, идентичность, или

же к инструментарию не только истории, но и социологии, антропологии, этнологии и других дисциплин [3; 4]. Одной из предпосылок формирования интереса к памяти в чешской исторической науке являлись исследования М. Гроха по проблематике исторического сознания и его роли в формировании и развитии современных наций [5; 6].

В 2001 г. социолог и теоретик истории Милош Гавелка в рамках изучения «дискуссии о смысле чешской истории» предложил идею т. н. символических центров в чешской культурной политической и исторической памяти, возникающих еще в середине XIX в., но институционализированных в чешском историческом нарративе в рамках исторических интерпретаций последовавших периодов чешской истории [7]. Продолжая его мысль, мы можем признать формирование новых символических центров чешской истории, связанных с периодом социализма, и последующую работу по их интерпретации, начатую в 1989 г., в рамках процессов постсоциалистической трансформации.

Французский историк Ф. Артог обращает внимание на преломление, происходящее в результате эволюции частного исследовательского интереса в «политику памяти», когда историк занимает более активную позицию, входя в роль свидетеля, эксперта и судьи прошлого, участвуя в его политизации [8]. Идеи Ф. Артога стали одним из источников трансфера западноевропейского опыта изучения памяти в постсоциалистической Чехии благодаря деятельности Французского института социальных исследований в Праге, открывшегося в 1991 г. Это объясняет то, что первая обширная работа по истории коммунистического наследия «Чехи и их коммунизм» [9] была опубликована популяризовавшей идеи Пьера Нора в Чехии французской Франсуазой Маейр в 2009 г., являвшейся одним из главных экспертов в находящейся на методологическом переломе чешской гуманитаристики. Данная работа, изданная сначала во Франции, была своеобразной «разведкой боем», и обозначила целый ряд тем для изучения социализма, к которым впоследствии обратились чешские исследователи.

Однако вопрос о модели институционализации памяти о социалистическом наследии оказался гораздо более сложным для непосредственно чешского академического сообщества. Для специфики формирования чешского исторического нарратива с момента распада Чехословакии была характерна динамичная смена двух режимов памяти, которые Пьер Нора охарактеризовал как «национальная память» в виде сконструированной с участием государственной политики и идеологии истории и постмодерновая фаза «коммеморации», когда единая национальная память распадается и концентрируется в виде памяти отдельных социальных групп и сообществ [10].

На протяжении 1990-х – 2000-х гг. сохраняла значение первая, отмеченная П. Нора, тенденция: происходило переосмысление и перекодирование национального чешского нарратива (устранение элементов идеологизации

социалистического периода, формирование новой концепции преподавания чешской истории в школе в контексте европейской и мировой истории, размежевание чешской и словацкой истории, выработка компромиссных подходов к оценкам травматического прошлого с национальными историографиями соседних государств, так как Германия, Австрия, Польша, а также Россия. За данное время был сформирован обширный корпус историографического знания, который продолжил дополняться в 2010-е гг. Отметим, что многотомное издание «Большая история земель Короны Чешской», выпустив 15-й том, завершило цикл событиями 1945 года еще в 2007 г.¹ Продолжение этой серии было анонсировано в 2022 г.², что свидетельствует и об сложностях по выработке оценок в отношении социалистического прошлого ввиду продолжающегося накопления фактологического материала и одновременного появления иной дополняющей и вместе с тем конкурирующей модели исторических описаний, основанной на личной памяти свидетелей, что характерно для второго, предложенного П. Нора, этапа.

На рубеже первых двух десятилетий XXI в. в чешской историографии происходило определение тематических и методологических границ возможности исследований памяти. Этому времени сопутствовал целый ряд дискуссий, например известное обращение М. Гроха отказаться от набирающего популярность определения «историческая память» в пользу концепта «историческое сознание» [5]. Другая дискуссия, состоявшаяся на конференции чешских, словацких и французских историков, касалась вопроса об универсальности изучения памяти с помощью устной истории вне зависимости от процессов постсоциалистической трансформации. В изданной по результатам данной конференции монографии «Память мест, событий и личностей» [11] были представлены такие аспекты памяти, как институты памяти, события и ритуалы, идентичность, культовая память, память в виде памятников, память ландшафта, память о личностях в истории, вопрос исторических стереотипов в рамках национальной идентичности.

В изданной в 2014 г. коллективной монографии «Чешская память» [12] тематическая направленность исследований оказалась более сконцентрирована на значимых событиях и фигурах XX в. (Т. Г. Масарик, З. Неядлы, М. Горакова), а также на вопросах, связанных с формированием концепций национальных чешской и словацкой историй после 1989 г.

Свой взгляд на роль и механизмы исторической памяти в постсоциалистическом обществе постулировал чешский историк, представляющий Кар-

¹ Например, 7-й том издания, посвященный событиям 1526–1618 гг., вышел в 2015 г. См.: Velké dějiny zemí Koruny české VII. (1526–1618) [Electronic resource]. <https://www.paseka.cz/vorel-petr-velke-dejiny-zemi-koruny-ceske-vii-1526-1618/produkt-7698/>.

² См.: Velké dějiny zemí Koruny české XVII. (1948–1956) [Electronic resource]. <https://www.paseka.cz/pernes-jiri-velke-dejiny-zemi-koruny-ceske-xvii-1948-1956/produkt-8943/>.

лов университет и Институт исследования тоталитарных режимов в Праге (чеш. Ústav pro studium totalitních režimů), Камил Чинатл в монографии «Наше чешское прошлое» [13]. В самом названии подчеркивается многогранность перспектив изучения и репрезентации прошлого, для которого К. Чинатл подбирает метафору театра, где происходит перформатив исторического прошлого перед лицом настоящего. На примере таких феноменов, как Национальный театр Чехии в период социализма, сериалы социалистической эпохи, развитие жанров документальных фильмов и мемуарной литературы после 1989 г., он показывает непрерывность механизмов воспроизводства исторического знания, результатом которого он видит постоянное обновление общественных представлений о прошлом.

В работе С. Голубца «Образы других и историческая память в период посткоммунистической трансформации» [14] были изучены механизмы формирования представлений о социалистическом прошлом и странах Запада в публичном дискурсе лидеров постсоциалистической трансформации, прежде всего В. Гавла и В. Клауса. Для отдельных исследований было характерно обращение к тематике семейной памяти.

Как отмечал В. Копечек, несмотря на в целом позитивное отношение большинства чехов к переходу от социалистической модели к политическому плюрализму, процесс формирования нового посткоммунистического нарратива не был простым [15, с. 9].

Говоря о последнем десятилетии, мы можем констатировать активный рост исследований, проектов и мероприятий, посвященных памяти о социализме. Они реализуются в рамках программ на базе государственного учреждения Института по исследованию тоталитарных режимов, созданного в 2007 г., некоммерческих общественных организаций и инициатив, «Пост-беллум» (чеш. Post Bellum; образована 2001 г.) и «Память нации» (чеш. Paměť národa), отдельных академических центров, например Центр изучения устной истории Института современной истории Академии наук Чешской Республики (чеш. Centrum orální historie Ústavu pro soudobé dějiny Akademie věd ČR)³, и открытой в 2008 г. соответствующей магистерской программы на факультете гуманитарных наук Карлова университета под руководством Мирослава Ванька⁴. Опыт применения оральной истории для решения научных задач исторической памяти был представлен П. Мюке и М. Ваньком в коллективной монографии «Третья сторона треугольника: теория и практика оральной истории» [16]. Попыткой институционализации исследований памяти стало создание в 2012 г. Центра исследования

³ См.: Centrum orální historie, ÚSD AV ČR [Electronic resource]. <http://www.coh.usd.cas.cz/>.

⁴ См.: O našem studijním programu [Electronic resource]. <https://ohsd.fhs.cuni.cz/OHSD-85.html>.

коллективной памяти (чеш. Centrum pro výzkum kolektivní paměti), сформированного как междисциплинарный филиал гуманитарных кафедр трех факультетов Карлова университета в Праге.

Из них наибольшие противоречия со стороны академического сообщества вызвали дискуссии в отношении целесообразности и характера создания координирующего центра исследований социализма.

Томас Снигон в статье «Осуществление посткоммунистической национальной памяти в Чешской республике и Словакии» отмечает, что, хотя изначальные причины обоснования необходимости учреждения Института исследования тоталитарных режимов в Праге были обусловлены в первую очередь научными и моральными посылками, данное учреждение оказалось главным образом идеологическим инструментом для новых правящих посткоммунистических элит для централизации контроля над коллективной «национальной памятью» [17, р. 98]. Данное противоречие было заложено ввиду определения сферы деятельности данного института в соотношении с уже существовавшими аналогичными проектами в ФРГ и Польше. Так, в объединенной Германии задачей Государственного архива Штази (нем. Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik) ставилось обеспечение персональной верификации личных данных граждан, имевших отношение к коммунистическим спецслужбам ГДР, не ставя цели публичной политики по декоммунизации восточногерманского общества. В свою очередь, созданный в 1998 г. в Варшаве польский Институт национальной памяти (пол. Instytut pamięci narodowej) располагал широкой сетью филиалов и предполагал активную общественно-политическую позицию по вопросу формирования национального польского исторического нарратива в духе памяти о «традициях польского патриотизма». Чешский аналог, возникший по инициативе, заявленной в ноябре 2005 г. группой сенаторов Чешского парламента, вначале мыслился по подобию немецкого варианта. Его целью были названы централизация и организация лучшего публичного доступа к собранным коллекциям документов чехословацких спецслужб без отсылки к концепту национальной памяти. На прениях в Сенате в июне 2006 г. депутат Ян Лишка, подчеркнув необходимость формирования «объединенной национальной памяти», отметил, что создаваемый институт «не сможет диктовать, как следует понимать историю» [17, р. 104].

По мнению Т. Снигона, политический фактор на этапе создания Института исследования тоталитарных режимов означал отказ от широкой мультидисциплинарной платформы возможных подходов изучения прошлого (как и теоретического рассмотрения феномена тоталитаризма), а служил формированию идеи конфронтации с прошлым и «коллективной вины», которые используются поколением новых постсоциалистических политиков для продвижения своей политической повестки [17, р. 119].

Образование Института исследования тоталитарных режимов в Праге вызвало острую дискуссию в профессиональной среде историков, в ходе которой отмечалось, что заявленная цель образования и популяризации результатов исследования «несвободных периодов» современной чешской истории будет служить инструментализации и популяризации исторического знания [18, s. 259].

Масштаб современной политизации исторического знания о социалистическом прошлом в Чехии фиксирует в своей статье В. В. Трухачев: «И хотя с тех пор выросло целое поколение, не помнящее социализма, минувшая эпоха так и не стала в полном смысле историей. Она остается поводом для текущих политических заявлений и действий» [19].

Наиболее острыми темами публичного обсуждения являются все же не весь период и повседневная действительность социалистической Чехословакии, чем занимались упомянутые академические структуры и гражданские инициативы, а конкретные события, связанные с освобождением Праги в мае 1945 г. Красной армией, событиями ввода войск ОВД в августе 1968 г. в Чехословакию и демонтажа коммунистического режима в результате «бархатных» событий ноября 1989 г. Будучи включенными в ежегодный календарный цикл государственных праздников и памятных дат Чешской республики [20], эти события регулярно получают оценки в устах ведущих чешских политиков и властителей мнений, выступая во многом своеобразным индикатором отношения публичных лиц как к социалистическому наследию, так и к нынешней политике Российской Федерации [19].

Подводя итог, отметим, что более 30-летний опыт постсоциалистической трансформации поставил перед чешским обществом и исторической наукой задачу выработки нового способа интерпретации социалистического наследия. Тематика, связанная с периодом власти коммунистов в Чехословакии (1948–1989 гг.), оказалась широко представлена как в научной продукции, так и в массовой культуре и современном общественно-политическом дискурсе. В этой связи чешская гуманитаристика возлагала большие надежды на теоретический потенциал концепта «историческая память», который активно разрабатывался чешскими интеллектуалами, видящими в нем перспективный междисциплинарный инструментарий. В то же время помимо академических центров, занимающихся преимущественно исследованиями в сфере устной истории, институционализация исследований памяти на базе Института исследований тоталитарных режимов в Праге и общественной организации «Пост-беллум» привели к заметной инструментализации исторического знания о социализме, сведшемуся к негативной оценочной интерпретации данного периода в современной чешской публичной среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Kudláč, A.* Paměť v současné české historiografii / A. Kudláč // *Cestami Mnemosyné. Paměť a identita v moderních českých dějinách* / ed.: A. Kudláč. – Pardubice, Univerzita Pardubice, 2021. – S. 9–36.
2. *Randák, J.* Soudobá historie, osobní vzpomínání a politika dějin / J. Randák // *Theatrum historiae*. – 2014. – Vol. 14(1). – S. 31–48.
3. *Tuček, J.* Paměť / J. Tuček // *Koncepty a dějiny: proměny pojmů v současné historické vědě* / L. Storchová [a kol.]. – Praha: Scriptorium, 2014. – S. 244–257.
4. *Michela, M.* Paměťová studia / M. Michela // *Základní problémy studia moderních a soudobých dějin* / J. Čechurová, J. Randák [a kol.]. – Praha: Naklad-vi Lidové noviny, 2014. – S. 610–628.
5. *Hroch, M.* Historické vědomí a potíže s jeho výzkumem dříve i nyní / M. Hroch // *Historické vědomí jako předmět badatelského zájmu: teorie a výzkum* / ed.: J. Šubrt. – Kolín: Nezávislé centrum pro studium politiky, 2010. – S. 31–46.
6. *Šubrt, J.* Kolektivní paměť jako předmět historicko-sociologického bádání / J. Šubrt, Š. Pfeiferová // *Historická sociologie*. – 2010. – Vol. 2. – № 1. – S. 9–29.
7. *Havelka, M.* Dějiny a smysl: obsahy, akcenty a posuny «české otázky» 1895–1989 / M. Havelka. – Praha: Naklad-vi Lidové noviny, 2001. – S. 6–43.
8. *Hartog, F.* Věřit v dějiny / F. Hartog ; přelož. P. Horák. – Brno : Centrum pro studium demokracie a kultury, 2016. – S. 69–74.
9. *Mayer, F.* Češi a jejich komunismus: paměť a politická identita / F. Mayer; přelož. H. Beguinová. – Praha: Argo, 2009. – 273 s.
10. *Nora, P.* Mezi pamětí a historií / P. Nora ; přelož. K. Thein // *Politika paměti: antologie francouzských společenských věd / sest.: A. Bensa*. – Praha: Francouzský ústav pro výzkum ve společenských vědách, 1998. – S. 7–31.
11. *Hlavačka, M.* Paměť míst, událostí a osobností: historie jako identita a manipulace / M. Hlavačka, A. Marès, M. Pokorná [et al.]. – Praha: Historický ústav, 2011. – 685 s.
12. *Česká paměť: národ, dějiny a místa paměti* / eds.: R. Šustrová, L. Hédlová. – Praha: Academia, 2014. – 457 s.
13. *Činát, K.* Naše české minulosti, aneb, Jak vzpomínáme / K. Činát; Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze. – Praha: Naklad-vi Lidové noviny, 2014. – 363 s.
14. *Holubec, S.* Ještě nejsme za vodou: obrazy druhých a historická paměť v období postkomunistické transformace / S. Holubec. – Praha: Scriptorium, 2015. – 310 s.
15. *Kopeček, M.* Hledání «paměti národa». Politika dějin, nostalgie a české dějepiscevtví komunismu / M. Kopeček // *Dějiny – teorie – kritika*. – 2007. – № 1. – S. 7–26.
16. *Vaněk, M.* Třetí strana trojúhelníku: teorie a praxe orální historie / M. Vaněk, P. Mücke; Univerzita Karlova v Praze, Fakulta humanitních studií. – Praha: Karolinum, 2015. – 326 s.
17. *Sniegon, T.* Implementing Post-Communist National Memory in the Czech Republic and Slovakia / T. Sniegon // *European cultural memory post-89*. – 2013. – № 30. – P. 97–124.
18. *Kopeček, M.* Historická paměť a liberální nacionalismus v Česku a střední Evropě po roce 1989 / M. Kopeček // *Kapitoly z dějin české demokracie po roce 1989* / eds.: A. Gjuríčová, M. Kopeček. – Praha: Litomyšl: Paseka, 2008. – S. 232–264.

19. Трухачев, В. В. Чехия: неоднозначное прошлое как часть текущей политики [Электронный ресурс] / В. В. Трухачев // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/оукумена/еurope/chehija_neodnozna-chnoje_proshloje_kak_chast_tekushhej_politiki_2020-02-04.htm. – Дата доступа: 01.02.2022.

20. Репин, В. В. Годовщины знаменательных событий чешской истории XX века как структурный феномен публичных практик в Чешской Республике / В. В. Репин // Историко-культурные аспекты чешско-белорусских связей: монография / Зап.-чеш. ун-т (Пльзень), Белорус. гос. ун-т; под общ. ред. П. Лозовюка, В. В. Репина. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – С. 50–69.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)

A. B. Lepesh

Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, Мінск

A. Lepesh

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 947.607.3 (043)

ПЕРАСЯЛЕНЧАЯ ПАЛІТЫКА РАСІЙСКАГА ўРАДА ў ДАЧЫНЕННІ ДА АДНАДВОРЦАў ЗАХОДНІХ ГУБЕРНІЯў У 30–40-Х ГГ. XIX СТ.

THE RESETTLEMENT POLICY OF THE RUSSIAN GOVERNMENT IN RELATION TO THE ONEYARDS (ODNODVORETS) OF THE WESTERN PROVINCES IN THE 30–40S OF THE XIX CENTURY

У артыкуле разглядаецца перасяленчая палітыка расійскага ўрада ў дачыненні да аднадворцаў – новай адміністрацыйна-прававой катэгорыі насельніцтва, якая з’явілася пасля ўказа 19 кастрычніка 1831 г. ў рамках палітыкі «разбора» шляхты. Аналізуецца геаграфія перасяленчых мерапрыемстваў, сутнасць праектаў па перасяленні, а таксама вынікі дадзенай палітыкі.

Ключавыя словы: расійскі ўрад; шляхта; аднадворцы; грамадзяне; перасяленчая палітыка; «разбор» шляхты; заходнія губерні.

The article examines the resettlement policy of the Russian government in relation to oneyards (odnodvoret), a new administrative and legal category of the population that appeared after the decree of October 19, 1831 as part of the policy of «sorting out» the gentry. The geography of resettlement activities, the essence of resettlement projects, as well as the results of this policy are analyzed.

Keywords: Russian government; gentry; odnodvoret; citizens; resettlement policy; «sorting out» of the gentry; western provinces.

Польскае паўстанне 1830–1831 гг. унесла значныя карэктывы ў працэс інстытуалізацыі шляхецтва ў саслоўнай структуры Расійскай імперыі. Апазіцыйная, антыўрадавая накіраванасць шляхецкага саслоўя, якая стала асноўнай рухаючай сілай паўстання, прывяла ва ўладавых колах да разумення, што прыйшоў час вызначыць юрыдычнае становішча дробнай шляхты ў сістэме саслоўяў Расійскай дзяржавы. З гэтай нагоды 19 кастрычніка 1831 г. выйшаў знакаміты ўказ «Аб разборы шляхты ў Заходніх губернях і аб уладкаванні гэтага роду людзей» [1], які стаў сапраўднай кропкай адліку палітыкі «легітымізацыі» шляхецтва. Згодна з указам усе тыя, хто не прайшоў этапы доказу свайго дваранскага паходжання, дзяліліся на дзве групы па месцы жыхарства: сельскіх (аднадворцы) і гарадскіх (грамадзяне) абывацеляў. Аднадворцы маглі быць аселямі і неаселямі. Асноўнымі павіннасцямі для аднадворцаў і грамадзян стаў земскі збор, грашовы збор на ўтрыманне войскаў (падымны збор), а таксама воінская павіннасць. Грамадзяне ў выпадку іх занятку якімі-небудзь навукамі маглі мець званне ганаровых. Такім чынам, на тэрыторыі заходніх губерняў расійскі ўрад прыступіў да палітыкі ператварэння былога набілітэту ў непрывіліяванае саслоўе. З аднаго боку, гэта магло тлумачыцца імкненнем павялічыць колькасць падатковага насельніцтва з эканамічнай мэтай, з іншага боку, за палітыкай «разбора» стаялі больш важныя ідэалагічныя задачы, якія былі звязаны з нівеліраваннем аўтарытэта мясцовай шляхты і ліквідацыяй у яе шэрагах самых неблаганадзейных і небяспечных.

Перасяленчая палітыка расійскага ўрада ў дачыненні да аднадворцаў заходніх губерняў у 30–40-х гг. XIX ст. распрацоўвалася ў Камітэце заходніх губерняў, які дзейнічаў у Санкт-Пецярбургу ў 1831–1848 гг. і займаўся абмеркаваннем і рэалізацыяй праектаў па дэпаланізацыі і ўніфікацыі заходніх губерняў з унутранымі губернямі Расіі. У склад Камітэта ўваходзілі найбольш уплывовыя чыноўнікі Расійскай імперыі, а таксама запрашаліся губернатары і генерал-губернатары заходніх губерняў. У прыватнасці, журналы Камітэта ўтрымліваюць запісы аб патрабаванні імператара ва ўдзеле М. М. Мураўёва пры абмеркаванні некаторых пытанняў, прыкладам, праекта ўказа аб шляхце, што сведчыць, безумоўна, аб высокай ступені даверу з боку першай кіроўнай асобы былому магілёўскаму, а потым гродзенскаму губернатару.

Напярэдадні выдання ўказа «Аб разборы шляхты» пытанне аб перасяленні часткі былой шляхты на Каўказ з мэтай зліцця іх з мясцовым насельніцтвам разглядалася на пасяджэнні Камітэта заходніх губерняў 5 кастрычніка 1831 г. [2, л. 52–57]. Адзначым, што перасяленчая палітыка для Расіі першай паловы XIX ст. была агульнадзяржаўнай праграмай. Шляхам перасялення падатковых саслоўяў (дзяржаўных сялян, аднадворцаў унутраных губерній Расіі, казакоў) урад імкнуўся эканамічна і палітычна ўцягнуць ўскраіны імперыі ў агульнадзяржаўнае будаўніцтва. Але ж,

калі пры перасяленні казённых сялян або казакоў улады імкнуліся вырашыць праблему малазямелля ў цэнтры і адначасова засяліць тэрыторыі на паўднёвых і ўсходніх ўскраінах, то ў выпадку са шляхтай пераследвалася мэта выдаліць з Заходняга краю тых прадстаўнікоў шляхецкай групы, хто скампраметаваў сябе ў вачах улады. Так, на вышэй узгаданым пасяджэнні была даведзена да членаў камітэта «найвышэйшая воля» Мікалая I аб перасяленні «на першы раз» да 5 тыс. сямей шляхты, пераважна з Падольскай губерні, на казённых свабодных землях на Каўказ з мэтай прыцягнення іх у ваенную службу. Гэта распраджэнне імператара, відаць, мела доўгатэрміновую перспектыву, бо ўтрымлівала рэмарку «на першы раз». Ужо ў лістападзе 1831 г. Мікалай I загадаў, каб штогод палову з пераселеных шляхціцаў складалі жыхары «Самагііі» (так называлі ў дзяржаўных дакументах Жамойць, частку Літвы) [3, с. 164]. Заставалася не зразумелым, як павінен камплектавацца атрад перасяленцаў: ці па ўласным жаданні, ці прымуова, на чым настойваў М. М. Мураўёў. Апошні выразна ўяўляў, што наўрад можна знайсці належную колькасць жадаючых з ліку шляхты пераехаць ва ўнутраныя губерні Расіі па прычыне іх прывязанасці да родных мясцін і валодання імі ўяўных прывілеяў. Менавіта таму М. М. Мураўёў прапанаваў спыніцца на другім варыянце фарміравання групы перасяленцаў, куды ўключаць, у першую чаргу, удзельнікаў паўстання 1830–1831 гг., якія раскаяліся і атрымалі дараванне, а таксама тых, хто выклікаў падазронасць з боку мясцовых начальнікаў губерняў.

Дэтальна праект перасялення 5 тыс. асоб з ліку былой шляхты, пераважна з Падольскай губерні, на Каўказ разглядаўся на пасяджэнні Камітэта заходніх губерняў 29 снежня 1831 г., дзе была ўзята да ўвагі запіска падольскага губернатара П. Ф. Лубяноўскага аб дробнай шляхце, якая жыла ў губерні [2, л. 210–117 зв.]. Падольскі губернатар падзяліў яе на 4 катэгорыі, удакладніў перспектывы ўкаранення дадзеных жыхароў на Каўказскай тэрыторыі. Да першай ён аднёс збыдзелую шляхту, якая валодала дробнымі маёнткамі, правамі дваран, не прымала ўдзел у падзеях 1830–1831 гг. і, як адзначаў П. Ф. Лубяноўскі, вылучалася схільнасцю да п'янства. Другая група складалася з аселяй шляхты, якая нічым не адрознівалася ад сялян, бо арэндавала зямлю для вядзення сельскай гаспадаркі, нешматлікая яе частка ўступіла ў паўстанне і то пад пагрозай страху. У трэцюю катэгорыю ўваходзілі неаселыя беззямельныя несямейныя шляхцічы, якія не вылучаліся ніякім родам заняткаў, служылі ў розных памешчыкаў, і як раз з іх, на меркаванні губернатара, якім няма чаго страчваць, складалася значная частка паўстанцаў. Цікава, што складальнікамі чацвертай катэгорыі сталі адвакаты і тыя, хто бяззайна жыў у гарадах і месцічках.

Здаецца, спіс патэнцыяльных перасяленцаў не прывёў у захапленне членаў Камітэта, і яны прыйшлі да высновы аб перасяленні на Каўказ толькі аселых шляхціцаў, якія былі схільны займацца сельскай гаспадаркай.

Шляхціцаў, якія былі зацверджаны ў дваранстве і атрымалі дараванне за ўдзел у паўстанні, да прымусовага перасялення немагчыма было прыцягваць ні ў якім выпадку. Усе астатнія, якія вызначаліся недобранадзейнасцю, мелі дачыненне да паўстання, увогуле адхіляліся ад тых, каго можна было б разглядаць у якасці патэнцыяльных перасяленцаў. Катэгарычная адмова ад перасялення неляльнай да ўрада былой мясцовай эліты была абумоўлена ўпэўненасцю аб тым, што, калі дазволіць ёй стаць жыхарамі Каўказскага рэгіёну, то яна можа злучыцца тут з горскімі плямёнамі, якія таксама непрыязна ставіліся да самаўладдзя. І, такім чынам, на Каўказе сваімі ж рукамі ўлады змогуць сфарміраваць яшчэ большы фронт апазіцыі, чаго зусім нельга было дапусціць. Праўда, Мікалай I, зацвярджаючы дадзены журнал Камітэта заходніх губерняў, не супакойваўся і настойваў, каб члены Камітэта ўсе ж разгледзелі магчымасць высялення з заходніх губерняў усёй неасалай шляхты і перасялення яе на Каўказскую лінію [4, с. 163].

Калі былі прааналізаваны ўсе заўвагі, 25 сакавіка 1832 г. расійскія ўлады зацвердзелі правілы для перасялення грамадзян і аднадворцаў Заходняга краю на свабодныя казённые землі Каўказскай вобласці, Саратаўскай і Арэнбургскай губерняў [5]. Звернем увагу, што аб'ектамі перасялення ў афіцыйным указе павінны былі стаць ужо не шляхцічы, а прадстаўнікі новай адміністрацыйна-прававой катэгорыі – грамадзяне і аднадворцы. Да перасялення дапускаліся толькі тыя, хто вызначаўся здольнасцю ў занятках земляробствам, быў добрапрыстойных паводзінаў і не меў запазычанасцяў у выплаце падаткаў. Адборам перасяленцаў займаліся губернатары. Каб стымуляваць мясцовых жыхароў да пераезду на новае месца, ім гарантаваўся шэраг ільгот. Па-першае, яны атрымлівалі ў прыватнае карыстанне зямлю ў 50 дзесяцін на кожную сям'ю. Па-другое, яны вызваліліся ад выплаты пэўных павіннасцяў: на 5 гадоў ад падымных і земскіх, на 3 гады – ад натуральных земскіх, на 5 гадоў – ад рэкрутчыны, а па сканчэнні гэтага тэрміну на працягу 3 гадоў выконвалі яе на чвэрць, на 6 гадоў – ад воінскага пастоя і ўзносу хлеба ў сельскія запасныя крамы. Па-трэцяе, тым, хто згаджаўся пакінуць родныя мясціны, спісваліся ўсе запазычанасці і гарантаваліся грашовыя датацыі на шляхавыя выдаткі ў памеры 50 руб., на пабудову дома – у памеры ад 50 да 100 руб. (у залежнасці ад таго, ці ёсць паблізу лясныя масівы), а таксама перасяленцы забяспечваліся першапачатковым запасам насення для пасеву.

4 ліпеня 1833 г. на чарговым пасяджэнні Камітэта заходніх губерняў разглядалася справаздача падольскага губернатара Ф. П. Лубяноўскага аб першых выніках перасяленчай палітыкі [6, л. 175–187]. Трэба адзначыць, што гэтыя вынікі былі больш чым сціплыя. Да перасялення ў Каўказскую вобласць маглі быць прызначаны тыя, хто пагаджаўся добраахвотна перасяліцца, тыя, хто ўдзельнічаў у паўстанні, але не атрымаў дараванне, а таксама падазроныя і недобранадзейныя. Прычым Ф. П. Лубяноўскі

адзначаў, што ім асабіста і яго адміністрацыяй былі выкарыстаны ўсе магчымыя аргументы па перакананні былой шляхты у накірунку добраахвотнага перасялення на Каўказ, дзе ім будзе прадастаўлена нерухомая маёмасць і ўсе сродкі для арганізацыі належнага жыцця. Але ж, відаць, не дзейнічалі дадзеныя довады, калі ахвотных перасяліцца было, мякка кажучы, няшмат, і паколькі губернатар разумеў, што ён зрывае планы імператара. Спачатку ён спадзяваўся знайсці хатя б 1 тыс. сямей, не кажучы аб 5 тыс., як патрабаваў таго Мікалай I. Але ж і гэтай тысячы ён не набраў. Ф. П. Лубяноўскі тлумачыў адказ да перасялення былых шляхціцаў тым, што некаторыя, якія так і змірыліся са змяненнем свайго юрыдычна-прававога статусу, пры згодзе з'ехаць з родных мясцін канчаткова страціць магчымасць адшукаць дваранства; тым, што ў некаторых сем'ях немагчыма было дасягнуць кансэнсуса наконт перасялення; тым, што у рэшце рэшт ёсць шэраг непераадольных побытавых праблем пры пераездзе.

Як аказалася, добраахвотнае жаданне на перасяленне далі толькі 23 сям'і (49 душаў муж. п. і 46 душаў жан. п.), якія адрозніваліся маральнымі паводзінамі. 12 сем'яў (31 душаў муж. п. і 25 душаў жан. п.), якія падалі прашэнні аб пераездзе, лічыліся падазронымі і нядобранадзейнымі, а астатнія 312 сем'яў (875 душаў муж. п. і 745 жан. п.) – наогул з'яўляліся дзяржаўнымі злачынцамі: п'яніцы, злодзеі, валацугі, кантрабандысты. Натуральна, такі ход справы зусім не адпавядаў мэтам расійскіх уладаў. Таму рэзалюцыя Камітэта па гэтым пытанні была цалкам лагічная: наўрадці гэтыя 23 сям'і заслугоўваюць клопатаў урада і выдаткаў на перамяшчэнне і засяленне іх на Каўказскія зямлі, якія пуставалі, а адсюль – «настойлівай неабходнасці ў выкананні меры гэтай зараз жа не ўяўляецца» [6, л. 185 зв.]. Аднак імператар не адступаў ад свайго рашэння і папрасіў даць магчымасць перасяліцца на Каўказ добраахвотнікам з прадастаўленнем ім яшчэ большых выгад, чым было паабяцана першапачаткова. Міністр фінансаў Е. Ф. Канкрын пагадзіўся толькі падвоіць грашовую дапамогу, гэта значыць перасяленцы маглі зараз атрымаць 100 руб. на шляхавыя выдаткі і ад 100 да 200 руб. на ўладкаванне пасля прыбыцця на новае месца жыхарства [6, л. 256–258]. У выніку, у гэты перыяд на Каўказ пераехала ўсяго 18 сем'яў [3, с. 167].

У 40-х гг. XIX ст. намаганні ўрада былі накіраваны на перасяленне заходніх аднадворцаў ва ўнутраныя губерні Расійскай імперыі – у Кацярынаслаўскую, Херсонскую і Таўрычаўскую губерні [7]. У выпадку поспеху гэтай справы меркавалася вылучыць ўчасткі і ў іншых шматзямельных губернях. Неабходна адзначыць, што Херсонская і Кацярынаслаўская губерні ў 20–40-х гг. XIX ст. заставаліся вядучым засяляючым раёнам Расійскай імперыі. У асноўным насельніцтва губерняў папаўнялася за кошт дзяржаўных і памешчыцкіх сялян [8, с. 202, 224]. У Міністэрстве дзяржаўных маёмасцяў планавалі добраахвотнае пе-

расяленне аднадворцаў з заходніх губерняў у Кацярынаслаўскую да 4500 чал., у Херсонскую – да 1 тыс. чал., у Таўрычаўскую – да 80 сям’яў [9, л. 3 аб.]. «Каб такое перасяленне было выканана з поўным поспехам» [9, л. 13], у заходнюю частку імперыі адкамандзіроўваліся чыноўнікі асаблівых даручэнняў Міністэрства дзяржаўных маёмасцяў, у функцыі якіх уваходзіла фарміраванне груп жадаючых адправіцца на новыя месцы жыхарства. Ужо ў 1842 г. у Кацярынаслаўскую губерню было пераселена 1 500 аднадворцаў муж. п. [9, л. 13]. Асноўнымі ж вынікамі перасяленчай палітыкі было перасяленне ў Кацярынаслаўскую губерню 4 174 душ муж. п., у Херсонскую – да 1 тысячы [10, с. 69–70]. Па падліках В. І. Неўпакоева да 1855 г. з заходніх губерняў было пераселена 10 744 аднадворца муж. п., што складала толькі 9 % іх агульнага складу [11, с. 19]. Можна адзначыць, што праграма добраахвотнага перасялення ў гэты час была больш паспяховай, чым у першай палове 1830-х гг. Тым не менш, улічваючы першапачатковае значэнне гэтай акцыі і яе запланаваны маштаб, гэты вынік быў хутчэй сціплым.

Неабходна адзначыць, што працэс перасялення ў 1840-х гг. набыў адваротны характар: цяпер у аднадворцаў унутраных губерняў Расійскай імперыі з’явілася магчымасць перасяліцца ў заходнія. У 1840 г. віцебскі грамадзянскі губернатар П. П. Львоў звярнуўся да імператара з пытаннем аб паляпшэнні стану Віцебскай губерні. Імператар пазітыўна ставіўся да прапановы П. П. Львова, бо бачыў у гэтым магчымасць хутчэйшага ўладкавання жыцця заходніх аднадворцаў па прыкладзе аднадворцаў унутраных расійскіх губерняў, а таксама перспектывы росту таварна-грашовых адносін шляхам развіцця гандлю і сельскай гаспадаркі, што было абумоўлена заняткамі аднадворцаў. Мікалай I запатрабаваў ад Камітэта заходніх губерняў складці праект правілаў аб перасяленні [12, л. 6–11 зв.]. На іх падставе купцы вызваліліся на 50 гадоў ад ўзносу гільдзейскіх падаткаў, а мяшчане, аднадворцы, казакі, дзяржаўныя сяляне на той жа перыяд часу – ад казённых падаткаў і рэкрутчыны.

Такім чынам, у 1830–1840-х гг. уладамі расійскай імперыі быў ініцыяваны працэс перасялення аднадворцаў заходніх губерній, якія з’явіліся ў сацыяльнай структуры насельніцтва Заходняга краю пасля выдання ўказа 19 кастрычніка 1831 г. «Аб разборы шляхты ў Заходніх губернях і аб уладкаванні гэтага роду людзей», на Каўказ, а таксама ў Кацярынаслаўскую, Херсонскую і Таўрычаўскую губерні. Пры фарміраванні перасяленчых спісаў урадам аддавалася перавага добрасумленным прадстаўнікам былой эліты, якая выказвала добраахвотнае жаданне змяніць месца жыхарства. Недобранадейныя, дзяржаўныя злачынцы і ўвогуле нелаяльныя ўраду да перасялення не дапускаліся. Таму перасяленчая палітыка атрымала вялацякуючы характар і не характарызавалася шырокамаштабнасцю, на што першапачаткова разлічвалі кіроўныя сілы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. О разборе шляхты в Западных губерниях и об устройстве сего рода людей // ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. VI. – Отд. 2. – № 4869.
2. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў у Санкт-Пецярбургу (РДГА). – Ф. 1266. Спр. 8.
3. *Трояновский, К. В.* Политика Российской империи в отношении беспоместной шляхты западных губерний. 1795–1870 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К. В. Трояновский. – СПб., 2017. – 238 л.
4. Журналы Комитета Западных губерний / изд. подгот. Т. В. Андреева [и др.]. – СПб., 2017. – Т. 1: 1831–1835 гг. – 848 с.
5. Высочайше утвержденные правила для переселения граждан и однодворцев западных губерний в Кавказскую область; Высочайше утвержденные правила для переселения однодворцев западных губерний по добровольному их желанию в другие губернии // ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. VII. – № 5249; 5250.
6. РДГА. – Ф. 1266. Спр. 12.
7. Об усилении способов к переселению однодворцев западных губерний во внутренние губернии // ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. XVI. – Отд. 1. – № 14601.
8. *Кабузан, В. М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.) / В. М. Кабузан. – М.: Изд-во «Наука», 1976. – 307 с.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 9221.
10. *Вешняков, В.* Исторический обзор происхождения разных названий государственных крестьян / В. Вешняков // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1857. – № 12. – С. 56–96.
11. *Неупокоев, В. И.* Преобразование беспоместной шляхты в Литве в податное сословие однодворцев и граждан / В. И. Неупокоев // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: сб. ст. / АН СССР, Ин-т истории; редкол.: М. В. Нечкина (отв. ред.) [и др.]. – М., 1974. – Т. 4. – С. 3–23.
12. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 12346.

(Дата подачи: 11.02.2022 г.)

Ю. И. Литвиновская

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск

Yu. Litvinovskaya

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 94(41/99)

ТИЛЬЗИТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1807 ГОДА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

TILSIT PEACE TREATY OF 1807 AND RUSSIAN SOCIETY

Тильзитские соглашения между Россией и Францией, подписанные Александром I и Наполеоном в июле 1807 г., открывали новый этап в истории международных отношений. Условия Тильзитского мира были продиктованы России Наполеоном и не соответствовали ее интересам. Они вызвали практически всеобщее недовольство русского общества. Даже церковные иерархи сочли «греховным» повеление самодержца отменить анафему Наполеону как «антихристу». Повсеместный ропот приводил к заговорческим толкам, которые начались сразу после Тильзита и не смолкали вплоть до 1812 г.

Ключевые слова: Наполеон; Александр I; Тильзит; переговоры; недовольство.

The Tilsit Agreements between Russia and France, signed by Alexander I and Napoleon in July 1807, opened a new stage in the history of international relations. The terms of the Tilsit peace were dictated to Russia by Napoleon and did not correspond to its interests. They caused almost universal discontent of the Russian society. Even the church hierarchs considered «sinful» the autocrat's command to cancel the anathema to Napoleon as «antichrist». The widespread murmur led to conspiratorial talk, which began immediately after Tilsit and did not cease until 1812.

Keywords: Napoleon; Alexander I; Tilsit; negotiations; discontent.

Победа во Франции в 1789 г. буржуазной революции была с тревогой воспринята феодально-абсолютистскими режимами европейских стран, опасавшимися распространения ее влияния. Борьба шла по всем направлениям – дипломатическому, экономическому и военному. С 1792 по 1815 г. было образовано семь антифранцузских коалиций. Душой и финансистом практически всех их была Великобритания. Россия участвовала в каждой из них, кроме пятой в 1809 г., в силу союзнических отношений с Францией, закрепленных Тильзитским договором в 1807 г. Вклад России в мероприятия коалиций всегда был весомым благодаря мощи ее вооруженных сил. Самые серьезные последствия для Европы имели результаты 4-й коалиции (1806–1807 гг.). Россия вмешалась в события, послав на помощь разгромленной войсками Наполеона Пруссии 100-тысячную армию.

В битве при Фридланде в Восточной Пруссии 2(14) июня 1807 г. русская армия, возглавляемая одним из организаторов и участником убийства

Павла I бароном Л. Беннигсеном, потерпела жестокое поражение и потеряла способность к сопротивлению. В страшном беспорядке она отходила в пределы России. Это ускорило завершение войны 1806–1807 гг. К концу войны Россия осталась без поддержки своих союзников Англии и Австрии, которые не выполняли своих обязательств [1, с. 552].

Еще до фридландского боя в армии начали раздаваться влиятельные голоса в пользу заключения мира. Среди них был и голос цесаревича Константина Павловича [2, с. 296]. Всеобщее недовольство вызвала необходимость «продолжать сражаться из-за личной дружбы нашего императора к королю прусскому» [3, с. XV].

На другой день после Фридланда Беннигсен написал царю письмо, в котором, чтобы остановить катастрофу, указывал на настоятельную необходимость начать переговоры. Параллельно он обратился к брату Александра великому князю Константину с просьбой объяснить царю то, о чем не посмел написать ему лично, т. е., что «это не война, а настоящая бойня. ... Скажите ему все что хотите, лишь бы я мог остановить резню». 4(16) июня царь разрешил предложить французам перемирие [4, с. 73–74]. «Страх, посеянный среди русских последней битвой, вызвал у них решительное желание окончить эту великую борьбу», – писал впоследствии известный французский дипломат Ш. Талейран [5, с. 178].

Подготовительную работу к переговорам о мире царь поручил генералу князю Д. И. Лобанову-Ростовскому. В письменных инструкциях Александр писал: «Союз России с Францией всегда был предметом моих желаний, я убежден, что только он может обеспечить счастье и покой мира. ... Я лущу себя надеждой, что мы легко сговоримся с императором Наполеоном, лишь бы мы вели переговоры без посредников» [4, с. 77].

Мирный договор был подписан в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г. Россия признавала все изменения, произведенные Наполеоном в Европе и которые будут сделаны в будущем. Она обязывалась разорвать дипломатические отношения с Англией и объявить ей войну. Россия уходила с Восточного Средиземноморья, Ионические острова уступались Франции. Страна присоединялась к континентальной блокаде. В подписанном одновременно секретном трактате об оборонительном и наступательном союзе участники договора обязывались совместно вести войну против любой державы.

Тексты Тильзитских договоров – творение одного из искуснейших французских дипломатов Ш. Талейрана. Содержащиеся в них недомолвки давали возможность Наполеону трактовать положения документа в нужном ему направлении. Недосказанное в статьях договоров в процессе переговоров императоров восполнялось умело сформулированными обещаниями Наполеона. «Все несовершенства и недомолвки скороспелого Тильзитского договора, – писал Шильдер, – восполнялись в уме императора Александра разными словесными соглашениями (arrangement verbal) между ним

и Наполеоном, на которые государь не раз ссылался во время последующих переговоров с Францией» [3, с. LVI–LVII]. Однако впоследствии выяснилось, что в практической деятельности Наполеон опирается исключительно на писанные статьи договора, «отвергая *«les belles whrases debitees a Tilsit»* (красивые фразы произнесенные в Тильзите. – Ю. Л.) [3, с. LVII].

Критические отзывы о подписанных в Тильзите документах стали появляться еще до их публикации. Недовольство касалось прежде всего ущемления интересов России. Текст договора был опубликован только 9(21) августа, т. е. спустя почти два с половиной месяца после подписания. Правительство стремилось выждать время с оглаской заведомо непопулярного документа, или, как писал граф П. А. Строганов «проявило нерешительность в деле обнародования договора, и создалось впечатление, что оно стыдится дела рук своих и хочет скрыть свою слабость» [1, с. 45].

Но волна недовольства от этого не уменьшилась. С точки зрения дворянского сословия России условия мира были возмутительны. Бывший посол в Лондоне С. Р. Воронцов в письме к графу П. А. Строганову назвал договор «бесчестьем, безумием и безнадежной ошибкой» [1, с. 25]. Гибельными для России считал Тильзитские соглашения и князь А. А. Чарторыйский [1, с. 42]. Известный русский государственный и общественный деятель, адмирал, писатель и ученый А. С. Шишков писал впоследствии: «Тильзитский мир уничтожил тело могущественной России принятием самых постыднейших для ней условий, превративших презираемого доселе страшившегося нас Бонапарте в грозного Наполеона» [6, с. 95].

Решительное отторжение союза с Францией имело глубокие внутренние корни. Вступая 16(28) ноября 1806 г. в войну с Францией ради защиты прусского короля Фридриха Вильгельма III, Александр I принял меры, чтобы придать этой войне народный характер. Был издан манифест о составлении и образовании повсеместных временных ополчений в 612 000 ратников. По высочайшему повелению в каждое воскресенье и каждый праздничный день в церквях читали объявления Синода о том, что Наполеон враг мира, церкви и России, он «отложился от Христовой веры» и мечтает провозгласить себя Мессией. Православная церковь призывала «верных чад своих» показать Наполеону Бонапарту, «что он тварь совестию сожженная и достойная презрения» [3, с. VI–VIII].

Неприятие мирного договора умножалось также на отрицательное отношение монархистов к личности Наполеона, узурпировавшего священную, с их точки зрения, императорскую власть, а также страх перед Наполеоном как «исчадьем революции», склонным к продолжению агрессии и способным вызывать крестьянские волнения.

В 1807 г. Наполеон отменил в герцогстве Варшавском личную крепостную зависимость крестьян. Этот факт был воспринят в России с большой тревогой. После Тильзита страх перед отменой крепостного права получил

весьма широкое распространение. В представлении значительной части дворянства союз с Францией грозил опасными последствиями для страны.

В наиболее концентрированном виде отношение русского дворянства было выражены в письме личного характера будущего Оренбургского губернатора М. Ф. Веригина своему адресату И. Н. Философову, отправленным 10(12) августа 1807 г. «По статьям этого договора, – пишет Веригин, – Вы сможете судить о том, до какого унижения и позора низведена сейчас Россия. Наши славные солдаты сражались как львы, но, к сожалению, ими командовали овцы. Война принесла нам много вреда, а мир окончательно разбил нас, ибо наш дорогой император обязался признать все, что сделал Бонапарт донныне, и все, что он сделает в будущем. Такого условия не было ни в одном договоре со времени сотворения мира. В новой конституции герцогства Варшавского говорится, что никто не имеет права владеть крепостными. И вот одним росчерком пера дворяне почти лишены собственности. Можно опасаться, что эта эпидемия распространится и у нас. Это будет страшным ударом для России» [1, с. 30–31].

Всплеск эмоций характерен был прежде всего для столичных городов империи. Провинциальное дворянство, как писали современники, смотрело на события более спокойно. «Ну что же, была война, мы победили неприятелей, потом они нас победили, а там обыкновенно, как водится, мир, и слова богу, не будет нового рекрутского набора, – писал известный русский мемуарист Ф. Ф. Вигель о настроениях помещиков в самой что ни есть российской глубинке, в Пензенской губернии» [7, с. 428].

Тильзитские договоренности, как ни одни другие ранее подписывавшиеся Россией, имели, таким образом, широкий общественный резонанс, а также неоднозначность в оценке. Разногласия проявились и на самом высоком уровне между Александром I и некоторыми из его «молодых друзей». «Тильзитский мир, – писал Н. К. Шильдер, – должен был неизбежно вызвать перемену в личном составе ближайших сотрудников императора Александра. Все они относились враждебно к союзу с императорскою Франциею» [3, с. LXV]. От активной политической деятельности были вынуждены отойти В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов, А. А. Чарторыйский. Признавая необходимость мира с Францией, «молодые друзья» решительно выступали против его условий, которые, с их точки зрения, были позорными, «не дающие никакой гарантии безопасности страны» [1, с. 45]. Произошла смена ряда министров. Отрицательное отношение министра иностранных дел А. Я. Будберга к русско-французскому союзу повлекло за собой его отставку в сентябре 1807 г. 30 августа (11 сентября) Будберг был отстранен от должности по болезни «до излечения», а руководство министерством было поручено графу Н. П. Румянцеву. В феврале 1808 г. он стал министром иностранных дел при сохранении за собой должности министра коммерции [1, с. 573].

Несмотря на предпринимаемые правительством меры с тем, чтобы не допустить роста общественного недовольства, французские дипломаты доносили в Париж, что «... в Петербурге не все спокойно, а в Москве господствует даже некоторое брожение. ... Утверждают, будто вдовствующая императрица действует в духе врагов Франции и мира. ... Общественное мнение вообще не в нашу пользу. Оно долго будет поддерживаться в этом направлении стараниями интриги» [8, с. 84, 137].

Возмущение французской политикой Александра I зашло настолько далеко, что в столичных аристократических сферах появились слухи о возможности дворцового переворота. 23 сентября 1807 г. шведский посол в Петербурге барон Л. Стединг сообщал своему королю Густаву IV Адольфу: «Говорят о том, что вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена, а так как императрица-мать и императрица Елизавета не обладают соответствующими данными, то на престол хотят возвести великую княжну Екатерину» [9, с. 221; 10, с. 131].

Можно предположить, что обстановка была достаточно серьезной, если учесть, что французский представитель в Петербурге счел необходимым предупредить об этом Александра I, а 22 октября (3 ноября) 1807 г. генеральный консул Франции Ж. Лессепс информировал об этой ситуации своего министра иностранных дел Ж. Шампаньи (герцога Кадорского) [8, с. 266–273].

После Тильзитского мира начался непростой процесс налаживания межгосударственных отношений стран, длительный период времени не просто враждовавших между собой, а нередко и находившихся в состоянии войны. Александр I и Наполеон договорились о восстановлении дипломатических отношений. Но это требовало некоторого времени для осуществления определенных, положенных при этом формальностей. На этот период для поддержания возникшей в Тильзите атмосферы доверия между императорами Наполеон решил аккредитовать в Петербурге одного из своих наиболее доверенных приближенных, флигель-адъютанта генерала Рене Савари, герцога де Ровиго.

В обязанности герцога де Ровиго входило подробно осведомлять своего императора о ситуации в России, об изменениях в русском правительстве, какие взгляды господствуют при дворе, у дворянства, других слоях общества. «Старайтесь, – учил его Талейран, – мало расспрашивая, многое узнать» [11, с. 138]. Понимая сложность ситуации в которой предстоит действовать генералу, Наполеон рекомендовал Савари проявлять осторожность в разговорах и действиях, избегать всего, что могло бы вызвать недовольство Александра I и придворных.

После пересечения французскими дипломатами западной границы российских владений Савари сразу же заметил, что русские все еще смотрели на французов, как на своих врагов. «Повсюду угрюмые и недоброжелатель-

ные лица, немое молчание, или злобные выходки. ... Не ведая о Тильзите, чиновники и духовенство не переставали возбуждать против нас национальное и религиозное чувство» [11, с. 138].

По мере приближения посланников Наполеона к российской столице вражда принимала все более осязаемый и оскорбительный характер. По приезде в Петербург Савари едва нашел себе квартиру. Никто не позаботился о том, чтобы его встретить и как-то обустроить пребывание в столице. Многочисленные попытки Савари найти подходящий случай для более близкого знакомства с русским обществом не приводили к успеху. Петербургский свет отказывался принимать его. Прием императрицы-матери, двор которой «оставался ... великой общественной и светской силой в России, и, не имея власти, сохранял влияние», как докладывал Савари в Париж, «был холоден и не продолжался и одной минуте» [11, с. 144–145].

Унижения и оскорбления, которым подвергался герцог де Ровиго со стороны аристократического общества столицы, проявляемая к нему неприязнь, были во многом связаны и с его ролью в казни герцога Энгиенского. Генерал был президентом Военного суда, который по фальшивым обвинениям приговорил герцога к смерти [8, с. 629].

Говоря о недружественном отношении к французам в столице в то время, будущий декабрист, князь С. Г. Волконский писал впоследствии, когда уже были в полной мере восстановлены дипломатические отношения: «Это чувство так было сильно в нас, что мы оказывали ненависть французскому посланнику Коленкуру, который всячески старался сгладить это наше враждебное чувство светскими учтивостями. Многие из нас прекратили посещения в те дома, куда он был вхож. На зов его на бал мы не ездили, хотя нас сажали под арест» [12, с. 61–62].

Этой же группой молодых офицеров был совершен и весьма дерзкий акт, который в случае его раскрытия грозил серьезными последствиями: было совершено нападение на здание французского представительства, разбиты стекла в комнате, где стоял портрет Наполеона. С. Г. Волконский так описывает это событие: «Зимней порой в темную ночь, несколько из нас, сев в пошевни (широкие сани, обшитые внутри лубом. – Ю. Л.), поехали по Дворцовой набережной. Взяв с собой удобнометательные камни, и, поравнявшись с этой комнатой, пустили в окна эти метательные вещества» [12, с. 62].

Велико было влияние на формирование антифранцузской атмосферы в российской столице дипломатического корпуса. Петербург в это время стал прибежищем огромного числа дипломатов и политиков государств, лишенных Наполеоном независимости. «Посланники Англии и Австрии ведут войну с нами, – отмечал Савари, – агенты других дворов действуют по их указаниям; даже агенты тех государств, о которых Наполеон думает, что они подчинились его политике, открыто или исподтишка враждуют с нами» [11, с. 148].

Под влиянием петербургских реалий посланник Наполеона свою обеспокоенность об усилении оппозиционных настроений в столице решил высказать даже самому Александру I. Но царь, как понял Савари, не склонен был предпринимать жестких и решительных действий в этом направлении. С другой стороны, вмешательство царя явилось серьезной поддержкой для французской дипломатической миссии. «Лица стали более приветливыми, – отмечал Савари, – двери некоторых домов открылись» [11, с. 147].

Савари приложил максимум усилий для выполнения поручений своего императора всесторонне и в наиболее полном объеме. Обстоятельная информация регулярно поступала в Париж. Император не только просматривал ее, но и пристально изучал, вникая во все детали сообщений о ситуации в России. Многие особенности и явления российской действительности его настораживали и беспокоили. Анализируя содержательные доклады генерала, Наполеон, прежде всего, обратил внимание на обстановку внутри страны. Он «усматривал серьезную опасность в настроениях русского общества и опасался его вредного влияния на ум Александра, в котором он, несмотря на все происшедшее между ними, замечал следы непостоянства и недоверия». И в этих условиях, отмечает один из крупнейших французских исследователей наполеоновской эпохи А. Вандаль, «его сношениями с Петербургом будет руководить двоякая мысль; с одной стороны сохранить союз с Россией; заставить его действовать и приносить все плоды, но в то же время быть постоянно начеку против новой измены России» [4, с. 166–167]. Таким образом, процесс налаживания послетильзитских отношений между Россией и Францией был непростым, на который к тому же накладывали свой отпечаток недавние вражда и противоборство.

Список использованных источников

1. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. – М.: Политиздат, 1967. Июль 1807 г. – март 1809 г. – Т. 4. – 782 с.
2. *Мартенс, Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Ф. Мартенс. – Типография А. Бенке, 1902. – Т. XIII: Трактаты с Францией. 1717–1807. – 338 с.
3. Сборник Императорского русского исторического общества. – СПб., 1893. – Т. 89. – 822 с.
4. *Вандаль, А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи: в 4 т. / А. Вандаль. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – Т. 4. – 608 с.
5. *Талейран.* Мемуары / Талейран. – М.: Изд-во Института междунар. отношений, 1959. – 440 с.
6. *Шишков, А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала / А. С. Шишков. – Берлин: Издание Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. – Т. 1. – 479 с.

7. Вигель, Ф. Ф. Записки: в 2 кн. / Ф. Ф. Вигель. – М.: Захаров, 2003. – Кн. I. – 608 с.
8. Сборник Императорского русского исторического общества. – СПб., 1893. – Т. 88. – 725 с.
9. Пугачев, В. В. Отношение в России к Тильзитскому миру / В. В. Пугачев // Ученые записки Молотовского государственного университета. – Молотовское книжное издательство, 1953. – Т. VIII. – Вып. 2. – С. 215–224.
10. Троицкий, Н. А. Александр I и Наполеон / Н. А. Троицкий. – М.: Высшая школа, 1994. – 304 с.
11. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. – М.: Политиздат, 1967. – Т. V. Апрель 1809 г. – Январь 1811 г. – 784 с.
12. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). – СПб.: Синодальная типография, 1902. – 548 с.

(Дата подачи: 14.02.2022 г.)

О. В. Лицкевич

Республиканский институт высшей школы, Минск

O. Litskevich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 930.2

ДЕЛИМИТАЦИИ И ДЕМАРКАЦИИ ГРАНИЦЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С ЛИВОНИЕЙ В XIV–XV ВВ.: ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ

DELIMITATIONS AND DEMARCATATIONS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA'S BORDER WITH LIVONIA IN THE 14TH AND 15TH CENTURIES: THE PROBLEM OF SOURCES

В статье анализируются и классифицируются старейшие письменные источники, которые можно использовать для реконструкции конфигурации границ между ВКЛ и Ливонией, проведенных в правление великих князей литовских Ольгерда, Витовта и Казимира.

Ключевые слова: границы; Ливония; Тевтонский орден; Великое Княжество Литовское.

The article analyses and classifies the oldest written sources, which can be used to reconstruct the configuration of borders between the GDL and Livonia during the reigns of Lithuanian Grand Dukes Olgerd, Vitovt and Kazimir.

Keywords: borders; Livonia; Teutonic Order; the Grand Duchy of Lithuania.

Великое Княжество Литовское являлось одной из старейших исторических форм белорусской государственности, и неотъемлемым атрибутом его

суверенитета служили государственные границы. Границы ВКЛ с Тевтонским орденом в Пруссии и Ливонии устанавливались с помощью процедур делимитации (обобщенного юридического определения границы в двусторонних межгосударственных договорах) и демаркации (обозначения границы на местности специальными знаками). Тема делимитаций и демаркаций границы ВКЛ с Ливонией в XIV–XV вв. отражена в работах Г. Мортенсен [1, s. 338–351], Р. Варакаускаса [2], О. И. Дерновича [3; 4], З. Войтковяка [5; 6], М. Дорны [7], Т. Челкиса [8], Л. Буцевичюте [9], в которых проанализированы различные аспекты дипломатических и военных отношений между ВКЛ и ливонским отделением Тевтонского ордена в XIII–XVI вв., в том числе переговоры о проведении и исправлении границ, процедуры физического обозначения границ на местности. Однако вопрос о конкретной конфигурации границ ВКЛ с Ливонией, демаркированных в XIV–XV вв., и об источниках для ее реконструкции изучен еще недостаточно полно. В настоящей статье обобщены данные о письменных источниках XIV–XVI вв., на основе которых можно реконструировать старейшие границы ВКЛ с Ливонией.

Первую известную нам демаркацию границы ВКЛ с Ливонией провел в 50-х или 60-х гг. XIV в. упитский наместник Войшвилт († 1370) [5, s. 244; 7, s. 93]. Неизвестно, существовали ли акт делимитации и двусторонний протокол демаркации этой границы. Самым ранним источником, где эта граница прямо названа Войшвилтовой, является договор ВКЛ с Ливонией 1473 г. (о нем подробнее ниже). В этом договоре содержатся детали только об одном из участков Войшвилтовой границы – в районе слияния рек Муша и Мемеле. Это объясняется следующими обстоятельствами. При демаркации границы с Ливонией в 1426 г. Витовт пошел на значительные уступки Тевтонскому ордену и новая линия (Шедиборова граница) была обозначена на местности гораздо южнее Войшвилтовой границы: например, в районе р. Муша и городища Комодра (Камарде) разница составляла 3 мили (22–23 км) [10, s. 160]. В договоре 1473 г. указывалось, что компромиссная линия (Радивилова граница) на всем пространстве от Балтийского моря до Западной Двины должна проходить вдоль посередине пространства между Войшвилтовой и Шедиборовой границами [7, s. 95–97; 11]. Однако близ слияния Муши и Мемеле ливонцы еще в 1451 г. построили замок Бауска, и он располагался к югу от Войшвилтовой границы. Поэтому в договоре 1473 г. пришлось подробно оговорить, что новая граница на этом участке огибает замок Бауска с юга, оставляя ливонцам вокруг него пространство радиусом 2 мили (около 15 км) [10, s. 160–161].

Один из участков Войшвилтовой границы на р. Сусея, правом притоке р. Мемеле, упоминается в привилее великого князя Александра для дворного маршалка, наместника меречского и оникштенского Григория Станьковича Сстикевича на пуцу, «которая ж лежит на Немецкой границы на реце Сюсяи, на Воишвилтовой границы, которую ж границу положил Во-

ишвилтъ Сюсюю рекою промежи отчины нашео Великого Князства и земли Лифлятское за предковъ наших» (Ворняны, 21 сентября 1499 г.) [12, р. 218; 5, s. 225; 9, p. 180].

В XVI в. определение конфигурации Войшвилтовой и Шедиборовой границ по-прежнему имело большое практическое значение в пограничных спорах между ВКЛ и Ливонией, поскольку от этого зависело точное установление линии Радивиловой границы 1473 г. В материалах 1557 г. сохранился проект присяги членов пограничных комиссий, что они будут проводить Радивилкову границу посредине между границами Шедибора и Войшвилта [13, р. 216]. В Латвийском государственном историческом архиве Т. Челкисом и Д. Антанавичюсом выявлен латиноязычный список описания Войшвилтовой границы («*fines Woiszwildi*») на участке от р. Лувида (левого притока р. Крюна) до впадения р. Сусеи в р. Мемеле; его составили в 1545 г. тивун и городничий троцкий, державца сомилишский Олехно Федорович Кривец и пан Миколай Ивашкович Третьяк [14, р. 168–170]. На Войшвилтову границу (по р. Сусее) и Шедиборову границу (по р. Вижу-оне) ссылается также акт делимитации 1584 г. [6, s. 272].

В правление Витовта первой попыткой урегулировать вопрос о границе ВКЛ с Ливонией стал Салинский договор от 12 октября 1398 г. Это был акт делимитации, а поскольку Витовт уступал Ордену всю Жемайтию, в этом договоре было подробно описано прохождение границы на новом участке – от острова Салин на р. Неман до р. Муша и далее до истока р. Эглайне [15, s. 9].

Делимитационным по своему характеру был и Мельнский договор, заключенный с Тевтонским орденом 27 сентября 1422 г. В нем граница ВКЛ с Ливонией обозначалась как старый рубеж, начинавшийся от впадения р. Свенты в Балтийское море [15, s. 153, 161]. Такая же формулировка перешла впоследствии в Брест-Куявский мирный договор от 31 декабря 1435 г. [15, s. 204] и в производные от него материалы, включая транссумпт, сделанный по распоряжению короля Казимира и рады ВКЛ в Вильно 1 февраля 1492 г. [16, s. 751–786], и экстракт в 3-й книге посольств Коронной Метрики [17]. Демаркация этой границы была завершена в 1426 г. Со стороны ВКЛ процедурой демаркации участка от Балтийского моря до Западной Двины руководил вилькомирский староста Шедибор Валимонтович [7, s. 93], отчего этот участок получил название Шедиборовой границы. Демаркацию отрезка к северу от Западной Двины (до псковского рубежа) проводили пан Остик и неизвестный по имени полоцкий наместник [18, с. 172]; в источниках XVI в. этот полоцкий отрезок называется Витовтовой границей. Шедиборова граница от моря до Западной Двины шла южнее Войшвилтовой и Радивиловой границ и была выгодна не ВКЛ, а Ливонии. По этой причине ее конфигурация полнее всего отражена в ливонских источниках.

Самое полное описание Шедиборовой границы («*limitum Scheidebori*») было составлено в июле 1545 г.: от оз. Курцума до Западной Двины объезд

совершили ливонские комиссары Каспар Фрайтаг и Генрих Плятер (об участии представителей ВКЛ в документе не сообщается), а от оз. Курцума до Балтийского моря – с ливонской стороны вице-комтур Гольдингена Иоганн фон Нойхоф-Лей и Иоганн Фолькерзамб, а со стороны ВКЛ Каспар Янович Гедройт и латинский писарь канцелярии ВКЛ Станислав Якубович Скоп [14, p. 171–177].

Сохранились также разрозненные описания отдельных участков Шедиборовой границы. Участок по линии оз. Обеляй, оз. Лукштай, р. Вижуона, р. Мемеле описан в 1545 г. двусторонней комиссией, в которую с ливонской стороны входили Иоганн фон Нойхоф-Лей и Иоганн Фолькерзамб, а со стороны ВКЛ Олехно Кривец, Миколай Третьяк, Каспар Гедройт и Станислав Скоп [14, p. 170–171].

Немецкоязычное недатированное описание участка границы от р. Сидрабе до впадения р. Свенты в Балтийское море сохранилось в трех списках курляндского происхождения конца XVI в. с пометой, что это граница времен Витовта, проведенная в соответствии с условиями вечного мира: «Dith isz hertogk Vietholdt schedinge, darmith de ewige frede beschlaten isz». Первый публикатор Г. Гильдебранд предложил датировать это описание началом июня 1426 г. [19, s. 326], хотя оно могло быть сделано и гораздо позднее на основе пограничных знаков.

Недатированное описание участка от р. Сидрабе до горы Kruten (Круопяй) известно в орденском списке конца XV в. [20, s. 186–187; 21, s. 21; 19, s. 326–327]. В нем нет прямого указания на то, что это граница времен Витовта, но по конфигурации оно в целом совпадает с предыдущим описанием.

Участок от р. Дабикине (правого притока Вянты) до городища Пашиле со ссылкой на демаркацию времен Витовта описан в документе из канцелярии епископа Куронии от 7–9 декабря 1540 г. (по датировке, уточненной Г. Мортенсен) [20, s. 199; 1, s. 350].

Особняком стоит описание границы Жемайтии с Курляндией от впадения р. Свенты в Балтийское море до впадения р. Вешяте в Вянту. Объезд этого участка с указанием пограничных знаков осуществил ландкнехт из Нойхауза Ганс Арвален в 1423 г. [22; 20, s. 182; 1, s. 349]. Описание здесь идет с запада на восток и в некоторых деталях отличается от других описаний Шедиборовой границы в этом районе. В документе отражена конфигурация границы на подготовительном этапе демаркации.

Так называемая Радивилова граница была проведена между ВКЛ и Ливонией в соответствии с соглашением о делимитации, заключенным 7 июля 1473 г. близ оз. Курцума. Со стороны ВКЛ комиссию возглавлял троцкий воевода, маршалок Литовской земли Радивил Остикович, а со стороны Тевтонского ордена в Ливонии – верховный маршал Конрад фон Херценроде.

В Библиотеке Академии наук Литвы имени Врублевских хранится пергаменный подлинник экземпляра, выданного ливонской стороной [23; 24,

р. 44–45; 3, с. 182]. Он неоднократно издавался [25, с. 22–24; 26, с. 41–42; 6, с. 98–102; 9, с. 159–161], в том числе в сокращенном и неточном пересказе на польском языке [27, с. 214]. Существует также очень неисправный список конца XVI в. в составе 5-й книги записей Литовской Метрики, в котором Радивил Остикович назван «Лодвигом», а географические названия искажены [28, с. 207–211; 13, с. 142–143; 29, р. 235–238]. Этот же список со всеми своими ошибками отражен в копии из архива Радзивиллов [30].

Экземпляр, выданный представителями ВКЛ, по некоторым данным, был вывезен в 1621 г. из Митавы в Стокгольм вместе с другими ливонскими архивными материалами. Он упоминается в инвентаре К. Ширрена, опубликованном в 1861 г.: «1473. Welches die litauische Grenzscheidung zu des OM. Berend von der Borch Zeiten gewesen» [21, с. 143]. В стокгольмском Riksarkivet следов этого документа выявить не удалось [7, с. 87]. По-видимому, копию литовского экземпляра представляет собой список из Die Bibliothek des Geistlichen Ministeriums в Грайфсвальде, сделанный рукой Иоганна Майлофа (ок. 1435 – ок. 1505), немецкого юриста, профессора Грайфсвальдского университета, который в 1470–1476 г. находился в Ливонии в качестве юридического советника Тевтонского ордена и рижского архиепископа [31; 32, с. 75; 33, с. 6–8; 10, с. 159]. В этом списке есть пропуски по недосмотру, но в остальном он в точности совпадает с подлинником, выданным ливонской стороной. В основу обоих экземпляров соглашения – и ливонского, и литовского – был положен проект, подготовленный комиссией ВКЛ, так как в их тексте содержится одинаковая оговорка: «...ad partem Livoniarum vel nostram Lythphanorum» [7, с. 88]. В составе 41-й книги фонда Livonica I в Riksarkivet также находится перевод договора 1473 г. (вероятно, литовского экземпляра) на немецкий язык [7, с. 88].

При заключении договора 1473 г. стороны условились начать демаркацию этой границы от оз. Курцума до Балтийского моря и от оз. Курцума до Западной Двины в следующий праздник Богоявления, т. е. 6 января 1474 г., но переговоры продолжались и в 1475–1477 гг. [10, с. 160, 486; 8, р. 181]. Демаркация полоцкого участка от Западной Двины до псковского рубежа, судя по источникам XVI в., проводилась при личном участии Радивила Остиковича, а значит, была завершена не позднее 1477 г. (даты его смерти). Протоколы демаркации Радивиловой границы не сохранились. Однако на их существование указывается в одной из грамот короля Сигизмунда I о направлении пограничной комиссии на оз. Курцума (Вильно, 31 декабря 1540 г.): «...limites huiusmodi iuxta antiquam illam ordinationem inter divum olim dominum genitorem nostrum et prefatum olim Bernhardum magistrum ordinis predicti per commissarios eorum factam [договор 1473 г. – О. Л.], et iuxta tenorem literarum commissariorum eorum desuper pro utraque parte confectarum videlicet Radivili [протоколы демаркации – О. Л.]» [16, с. 944; 13, с. 191–192].

Реконструировать прохождение Радивиловой границы, демаркированной в соответствии с договором 1473 г., можно на основе материалов XVI в. – в основном из канцелярии ВКЛ, возникших при разборе пограничных споров, восстановлении, исправлении и повторном проведении границ между ВКЛ и Ливонией.

Описание границы 1529 г., внесенное в 3-ю книгу судебных дел Литовской Метрики [34, s. 606–611; 28, s. 219–225], иногда в новейшей литературе называют «актом делимитации» [3, с. 205; 9, p. 187–188] или даже «договором с Ливонией» (?) [2, с. 241; 35, с. 34]. Но характер этого документа иной. Король Сигизмунд I договорился с ливонским ландмейстером Вальтером фон Плеттенбергом провести переговоры о границе. Сбор комиссий был назначен на 10 января 1529 г. на месте при впадении р. Свенты в Балтийское море. Со стороны ВКЛ комиссию возглавлял трокский каштелян, староста Жемайтии Станислав Станиславович Кезгайло. Ко дню этой встречи керновский хоружий Симон Константинович Жаба и Олехно Кривец совершили объезд и подготовили описание границы с востока на запад – от Западной Двины до Балтийского моря, прибыв к месту встречи комиссий 2 января 1529 г. [28, s. 220; 225]. Таким образом, это было одностороннее описание Радивиловой границы, не утвержденное ливонскими представителями.

25 января 1541 г. в Ракишках комиссия ВКЛ во главе с луцким епископом Георгием Хвальчевским и медницким епископом Венцлавом Вержбицким и комиссия Ливонии во главе с епископом Куронии Иоанном подписали двусторонний протокол демаркации участка границы от оз. Курцума до р. Лувиды. Сохранился его латинский список [16, s. 945–955; 13, s. 192–195], а также перевод на польский язык [36], в литературе ошибочно датированный 21 июня 1541 г. и принятый за отдельный акт [3, с. 209]. В задачу комиссии ВКЛ входило восстановление границы, проведенной в соответствии с договором 1473 г. [16, s. 944; 13, s. 191–192]. В протоколе подробно описано местонахождение копцов и других пограничных знаков, часто со ссылкой на уцелевшие пограничные знаки Радивиловой границы. В отдельном документе комиссары декларировали, что обозначенный ими участок границы должны будут утвердить послы ВКЛ и Ливонии на переговорах [16, s. 956]. Конфигурацию границы дальше к западу не удалось согласовать из-за возражений ливонской стороны, так как ливонцы на участке Обельской волости нарушили Радивилу границу, захватив приграничные территории, принадлежавшие ранее ВКЛ [37, s. 4].

Спустя год, 17–18 января 1542 г., представители ВКЛ и Ливонии вновь собрались на оз. Курцума. От оз. Курцума в сторону Балтийского моря для описания границ отправились со стороны ВКЛ Олехно Кривец и Миколай Третьяк, а со стороны Ливонии – Филипп де Бруген и Ганус Вельгер. Однако на р. Лувиде ливонцы отказались ехать дальше, и до Балтийского моря представители ВКЛ осуществили объезд границы в одиночку, завершив его

8 февраля 1542 г. Материалы этого объезда составляют 559-ю книгу Литовской Метрики (она еще не опубликована) [37, s. 1–87]. От оз. Курцума в сторону Западной Двины и московского рубежа со стороны ВКЛ поехали Иван Глебович Корсак и Ян Кмитич Соколовича, а со стороны Ливонии – Иоганн Богоршт и Лоренц Шинхель (по другим источникам Шольц). Но и в этом случае ливонцы почти сразу же отказались сопровождать представителей ВКЛ и допускать их на свою территорию, чтобы не фиксировать и не признавать нарушения Радивиловой границы со своей стороны. Поэтому представители ВКЛ совершали объезд в одиночку. Подготовленные ими материалы составляют 560-ю книгу Литовской Метрики, которая издана в 2007 г. О. И. Дерновичем [4].

Характеризуя 559-ю и 560-ю книги Литовской Метрики как исторический источник, прежде всего необходимо оговориться, что это были не двусторонние протоколы демаркации, а лишь односторонние описания границ со стороны ВКЛ. Состав обеих книг одинаков. Сначала идет общее описание Радивиловой границы на соответствующих участках, в том числе с включением материалов по демаркации 1541 г. Часто встречаются отсылки к пограничным знакам Радивиловой границы, в том числе уничтоженным ливонцами, указываются места стоянок Радивиловой комиссии и т. д. На участках от р. Мемеле до Балтийского моря и от Западной Двины до р. Синея граница шла в основном по рекам, озерам и необжитым местностям, поэтому здесь представители ВКЛ смогли описать границы «стародавних пана Радивиловы» довольно конкретно и точно [нашу реконструкцию полоцко-ливонского участка см.: 38]. На участке от оз. Курцума до Западной Двины ливонцы захватили много приграничных территорий, и здесь представителям ВКЛ пришлось чаще всего фиксировать не собственно Радивилкову границу, а расстояние между предполагаемой Радивиловой границей и фактическим ливонским рубежом по состоянию на 1542 г. Затем в обеих книгах описывается, в каких местностях ливонцы заняли приграничные земли ВКЛ. Эти материалы серьезно дополняют предыдущее описание; например, становится ясно, что, по мнению литовской стороны, местечко Субате было основано ливонцами на земле, принадлежавшей ВКЛ по Радивилкову разграничению [37, s. 14]. В заключительных разделах собраны жалобы приграничного населения ВКЛ на грабежи, захваты и злоупотребления ливонцев.

Таким образом, имеющиеся источники разделяются на четыре группы: договоры о делимитации (1398, 1422, 1435, 1473 гг.), официальные двусторонние протоколы демаркации (старейший сохранившийся протокол датирован 1541 г.), односторонние и двусторонние описания границ и отрывочные упоминания в различных материалах. На их основе можно почти полностью восстановить конфигурацию Радивиловой границы, демаркированной в соответствии с договором 1473 г., а также реконструировать боль-

шинство участков Шедиборовой границы, демаркированной в правление Витовта в 1426 г., и некоторые участки Войшвилтовой границы, проведенной в XIV в. Не удалось пока выявить отдельного описания Витовтовой границы на полоцко-ливонском участке от Западной Двины до р. Синей.

Список использованных источников

1. *Mortensen, G.* Beiträge zur Kenntnis des nordöstlichen Mitteleuropa um 1400 / G. Mortensen // Zeitschrift für Ostforschung Länder und Völker im östlichen Mitteleuropa. – 1960. – Nr. 9. – S. 333–361.
2. *Varakauskas, R.* Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a. / R. Varakauskas. – Vilnius: Mokslas, 1982. – 392 p.
3. *Дзярновіч, А. І.* «...in nostra Livonia». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін у паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI ст.: сістэматызацыя і актывы аналіз / А. І. Дзярновіч. – Т. 1. – Мінск: ATHENAEUM, 2003. – 374 с., 12 іл., 2 карты.
4. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 560 (1542 год). Кніга перапісаў № 3 (копія канца XVI ст.) / Падрыхт. А. І. Дзярновіч. – Мінск: Беларуская навука, 2007. – 157 с.
5. *Wojtkowiak, Z.* Północna granica Litwy w średniowieczu. „Limes inter Litvaniam et Livonia“ z 1473 / Z. Wojtkowiak // Poznań – Wilno. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego / Pod red. Z. Wojtkowiaka. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2010. – S. 213–270.
6. *Wojtkowiak, Z.* Delimitacja litewsko-kurlandzka z 1584 roku / Z. Wojtkowiak // Lituanoslavica Posnaniensia. – 1989. – T. 3. – S. 267–276.
7. *Dorna, M.* Akt delimitacji litewsko-inflanckiej z 7 lipca 1473 roku / M. Dorna // Lituanoslavica Posnaniensia. – 2013. – T. 14. – S. 87–102.
8. *Čelkis, T.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija: sienų samprata ir delimitaciniai procesai XIV–XVI amžiuje. Mokslinė monografija / T. Čelkis. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2014. – 339 p.
9. *Bucevičiūtė, L.* Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XV–XVI a.: valstybės erdvės ir jos sienų samprata: mokslo monografija / L. Bucevičiūtė. – Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas; Vilnius: Versus aureus, 2015. – 400 p.
10. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. – Abteilung 1. – Bd. 13. 1472–1479 / Bearb. von M. Mahling, K. Neitmann und M. Thumser; unter Mitarbeit von A. Baranov [und weit.]. – Köln: Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2018. – 880 s.
11. *Лицкевич, О. В.* Граница между ВКЛ и Ливонией от озера Курцума до Западной Двины в XIV–XV вв. / О. В. Лицкевич // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Витебск, 23–24 апреля 2021 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 426–428.
12. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506): Užrašymų knyga 6 / Parengė A. Baliulis. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. – 516 p.

13. *Dogiel, M.* Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae / M. Dogiel. – T. 5. – Vilnae: Ex Typographia Regia et Reipublicae, 1759. – 522 s.
14. *Čelkis, T.* 1545 metų Livonijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės sienos patikrinimas (Livonijos pareigūnų ataskaita) / T. Čelkis, D. Antanavičius // Lietuvos istorijos studijos. – 2011. – № 27. – P. 164–178.
15. *Weise, E.* Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preußen im 15. Jahrhundert / E. Weise. – Bd. 1. 1398–1437. – Zweite verbesserte Auflage. – Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1970. – VIII, 216 s.
16. AGAD. – Zesp. 465. Metryka Litewska – transkrypcje. – Sygn. 208. – [Варшавская копия 525-й книги Литовской Метрики].
17. AGAD. – Metryka Koronna. – Libri legationum III. – K. 12–14. – «Terre Samagitarum et Sudorum propter bonum pacis debent apud nos et Regnum Poloniae ac ducatum Lithuanie sub limitibus subscriptis remanere perpetuo et in evm».
18. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – Т. 1. – 864 с.
19. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Begr. von F. G. von Bunge ... fortges. von H. Hildebrand. – Abteilung 1. – Bd. 7. 1423 Mai – 1429 Mai. – Riga – Moskau: Verlag von J. Deubner, 1881. – XXXII, 608 s.
20. Russisch-Livländische Urkunden / Gesammelt von K. E. Napiersky. – Sankt Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1868. – XXIII, 453 s.
21. *Schirren, C.* Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken / C. Schirren. – Dorpat: W. Gläfers Verlag, 1861. – IV. – 232 s.
22. GStAPK. – XX. HA. – OBA, 04212. – «Besichtigung der Grenze zwischen Samaiten u. Kurland durch Hans Arwalen Landknecht z. Neuhaus. Anno etc. 1423».
23. LMAVB. – Rankraščių skyrius. – F1-22. – Mode of access: <https://elibrary.mab.lt/bitstream/handle/1/22456/71370.pdf>. – Date of access: 2022.I.16.
24. *Jasas, R.* Pergamentų katalogas / R. Jasas. – Vilnius: Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Centrinė biblioteka, 1980. – 617 p.
25. Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений, от 1387 до 1710 года. – Вильно: Тип. О. Завадского, 1858. – VIII. – 164 с.
26. Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1898. – XXIV. – Вып. 3. – 159 с.
27. *Daniłowicz, I.* Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, książęcych / I. Daniłowicz / Z pozgonnych rękopismów znajdujących się w bibliotece Muzeum Wileńskiego wyd. J. Sidorowicz. – Wilno: W druk. A. H. Kirkora, 1862. – T. 2. – 369 s.
28. *Dogiel, M.* Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplaris authenticis descripti / M. Dogiel. – Vilnae: Typographia Regia & Reipublicae Collegii Vilmensis Scholarum Piarum, 1758. – 225 p.
29. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506): Užrašymų knyga 5 / Parengė E. Banionis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. – 402 p.

30. AGAD. – Zesp. 354. Archiwum Radziwiłłów. – Dz. II. – Sygn. 4.
31. Greifswald, Die Bibliothek des Geistlichen Ministeriums. – Ms. 11.B.VI. Urkundensammlung zu Rechtssachen aus Livland und Pommern. 1257–1495. – S. 366–369. – Mode of access: https://www.digitale-bibliothek-mv.de/viewer/image/PPN1700646451/1/LOG_0000/. – Date of access: 2021.XII.20.
32. *Pyl, Th.* Die Rubenow-Bibliothek. Die Handschriften und Urkunden der von Heinrich Rubenow 1456 gestifteten Juristen- und Artisten-Bibliothek zu Greifswald aus der Bibliothek der Nicolai-Kirche zu Greifswald / Th. Pyl. – Greifswald: Reinhold Scharff, 1865. – 196 s.
33. *Winkelmann, E.* Johann Meilof. Zur Geschichte des römischen Rechts in Livland im fünfzehnten Jahrhunderte / E. Winkelmann. – Dorpat: Druck von Heinrich Laakmann, 1869. – 16 s.
34. AGAD. – Zesp. 465. *Metryka Litewska – transkrypcje.* – Sygn. 196. – [Варшавская копия 10-й, 11-й и 223-й книг Литовской Метрики].
35. *Бессуднов, Д. А.* Балтийская политика Польши и Литвы в середине XVI в. Дисс. на соискание ученой степени к. и. н. / Д. А. Бессуднов. – СПб., 2017. – 232 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/WkthZkfLLw.pdf>. – Дата доступа: 2021.XII.02.
36. AGAD. – Zesp. 354. Archiwum Radziwiłłów. – Dz. II. – Sygn. 20.
37. AGAD. – Zesp. 465. *Metryka Litewska – transkrypcje.* – Sygn. 211. – [Варшавская копия четырех книг Литовской Метрики, в том числе 29-й, 232-й и 559-й].
38. *Лицкевич, О. В.* Древнейшие участки белорусско-латвийской границы как историко-культурная ценность (к постановке проблемы) / О. В. Лицкевич // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Витебск, 22–23 окт. 2021 г. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2021. – С. 102–108.

(Дата подачи: 19.02.2022 г.)

D. V. Lishai

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Інстытут гісторыі НАН Беларусі,
Мінск

D. Lishai

Belarusian State University, Institute of History of the NAS of Belarus,
Minsk

УДК 329.7(438)(476.1-89)(091)«1912»

ДЗЕЙНАСЦЬ ТАЙНЫХ ПОЛЬСКИХ САОУЗАЎ «РУЖА» НА ТЭРЫТОРЫІ МІНСКАЙ ГУБЕРНІ Ў 1912 Г.

ACTIVITY OF THE SECRET POLISH UNIONS «RUZHA» ON THE TERRITORY OF MINSK PROVINCE IN 1912

У артыкуле разглядаецца дзейнасць тайных польскіх саюзаў «Ружа» на тэрыторыі Мінскай губерні ў 1912 г. Апісваецца структура, склад, адметныя рысы гэтых арганізацый. Аналізуецца палітыка расійскіх улад у дачыненні да нелегальных аб'яднанняў.

Ключавыя словы: Мінская губерня; рымска-каталіцкі касцёл; тайныя польскія саюзы; «Жывы Ружанец»; «Ружа»; «зелятор», «солітер», «таемніца», антыўрадавая дзейнасць.

The article deals with the activity of the secret Polish unions «Ruzha» on the territory of Minsk province in 1912. It describes the structure, the composition and hallmarks of these organizations. The Russian authorities' policy on the presence of the illegal unions in the region is analyzed.

Keywords: Minsk province; the Roman Catholic church; secret Polish unions; «Zhivoy Ruzhanec»; «Ruzha»; «zelyator»; «solitèr»; «tayamnica»; anti-government activity.

Пачатак ХХ ст. у грамадска-палітычным жыцці Расійскай імперыі быў адметны разгортваннем нацыянальных рухаў. У межах беларуска-літоўскіх губерняў праявілі сябе прадстаўнікі польскай супольнасці, якія бралі ўдзел у стварэнні і дзейнасці разнастайных палітычных партый і грамадскіх аб'яднанняў. У айчынай гістарыяграфіі гэту тэму вывучалі А. Смалянчук [1], Р. Літвінёнак [2], А. Сяркоў [3], А. Паўшок [4]. У польскай гістарыяграфіі асвятлялі праблему Я. Юркевіч [5], Д. Тарасюк [6]. Даследчыкі, аналізуючы ролю «польскага пытання» ў беларуска-літоўскіх губернях у другой палове XIX – пачатку ХХ ст., звярнулі ўвагу на актыўнасць шэрагу палітычных, культурна-асветных і дабрачынных арганізацый. Разам з тым неабходна падкрэсліць, што ў меншай ступені адлюстравана роля шэрагу нелегальных таварыстваў. Да іх ліку адносяцца тайныя польскія саюзы «Ружа», дзейнасць якіх была заўважана расійскімі ўладамі на тэрыторыі Мінскай губерні ў 1912 г. З гэтага вынікае, што праблема з'яўляецца актуальнай для сучаснай гістарыяграфіі.

Крыніцамі даследавання сталі дакументы афіцыйнага справаводства з фонда 295 «Канцылярыя мінскага грамадзянскага губернатара» і фонда 306 «Мінскае губернскае па справах аб таварыствах і саюзях прысутнасць» Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (НГАБ). Матэрыялы перыядычнага друку прадстаўлены газетамі «Минское слово» (№ 1505, 1912 г.) [7], «Подольские Епархиальные Ведомости» (№ 27, 1899 г.) [8].

У якасці даведачнага апарату былі выкарыстаны звесткі з Памятных кніжак Мінскай губерні за 1912–1913 гг. [9–10], а таксама матэрыялы па гісторыі рэлігійных аб'яднанняў, якія падрыхтавалі ксёндз-пробашч У. Завальнюк [11–12], супрацоўнікі Камісіі па справах Богага культуры і дысцыпліны сакрамэнтаў пры Канферэнцыі Каталіцкіх Біскупаў у Беларусі [13].

Дзейнасць польскай супольнасці і рымска-каталіцкага касцёла ў Расійскай імперыі заўжды знаходзілася пад пільным наглядом афіцыйных улад. Пасля паўстання 1863–1864 гг. яна трапіла пад значныя абмежаванні з боку ўрада. Толькі на пачатку ХХ ст., калі адбылася частковая лібералізацыя ўнутрыпалітычнага курсу, з'явілася магчымасць рэалізаваць свае ідэі ў рамках грамадскіх ініцыятыв. Так, з выхадам указа «Аб часо-

вых правілах аб таварыствах і саюзах» ад 4 сакавіка 1906 г. грамадскасці было дазволена ўдзельнічаць у працы разнастайных арганізацый [14]. Але прадстаўнікамі польскай супольнасці і рымска-каталіцкага касцёла працягвалі выка-рыстоўвацца і нелегальныя формы актыўнасці.

Першыя звесткі па заяўленай тэме былі змешчаны ў артыкуле пад назвай «Польское наступление» ў газеце «Минское слово» ад 4 сакавіка 1912 г. за № 1505. Аўтар публікацыі пад псеўданімам «Іусть» выступіў з крытыкай актыўнасці прадстаўнікоў польскай супольнасці на беларускіх землях: «... в местном крае существуют тайные польские союзы («колки») под названием «Ружа». Хотя союзы эти устраиваются с целью поднятия религиозного и нравственного состояния католиков, но на самом деле преследуют они цели политические сепаратистического характера, – окатоличить весь наш край, заинтересовать в борьбе за Польшизну широкие массы» [7, с. 2].

У публікацыі даволі падрабязна апісвалася арганізацыйная структура і дзейнасць саюзаў. Так, у іх аснову быў пакладзены тэрытарыяльны прынцып. Базавай адзінкай з’яўлялася мястэчка (вёска), дзе ўтваралася колка з 3–5 частак. Кожную асобную частку ўзначальваў «селетер» (мужчына) або «селетерка» (жанчына), якіх прызначаў ксёндз. Апошні ажыццяўляў агульнае кіраванне арганізацыяй. «Селетеры» не толькі трымалі сувязь з ксяндзамі, але і з’яўляліся казначэямі «Руж». Штомесячны членскі ўнёсак сябра саюза складаў 10 капеек. Таксама «Селетеры» займаліся пытаннямі склікання агульных сходаў. Мэтавай аўдыторыяй «Руж» сталі прыхаджане рымска-каталіцкага веравызнання, сярод якіх пераважалі жанчыны. Адзначаліся факты распаўсюджвання саюзамі лістоў, у якіх тлумачыліся рэлігійныя сюжэты [7, с. 2]. У заключэнні «Іусть» падводзіў вынікі, якія, на яго думку, былі не на карысць афіцыйных улад: «... край опутан сетями «Руж»; последствия этого факта не поддаются учету, до того чрезвычайное явление... Что же Минск? Всё еще «объективничает»?!» [7, с. 2].

Такім чынам, аўтар артыкула ствараў уражанне магутнага наступу актывістаў польскага руху на асновы расійскай дзяржаўнасці ў Мінскай губерні, выказаў ідэю тайнай антыўрадавай змовы польскага элементу. Нават падкрэліваў наяўнасць планаў польскай супольнасці па ўзняццю ўзброенага выступлення, якое павінна будзе апірацца на сілы аддзелаў Польскага спартыўна-гімнастычнага таварыства «Сокол» у рэгіёне [7, с. 2]. Апошняя арганізацыя таксама падазравалася расійскімі ўладамі ў антыўрадавай дзейнасці [16].

Крытыка мясцовай адміністрацыі ў перыядычным друку не засталася па-за ўвагай губернскіх улад. Так, у тэрміновым цыркулярным прадпісанні кіраўніка Мінскай губерні Я. Г. Эрдлі ад 6 сакавіка 1912 г. за № 1017 у адрас паліцмайстраў і павятовых спраўнікаў рэгіёна паведамлялася важная інфармацыя пра існаванне тайных саюзаў «Ружа» на тэрыторыі Мінскай губерні, якія падазраваліся ў антыўрадавай дзейнасці. Як відаць з дакумен-

та, падставай для праверкі паслужыла публікацыя «Польское наступление» ў газеце «Минское слово» ад 4 сакавіка 1912 г. за № 1505. Зыходзячы з атрыманага сігнала, губернатар Я. Г. Эрдлі патрабаваў ад паліцэйскіх чыноўнікаў тэрмінова данесці падрабязныя звесткі наконт дзейнасці саюзаў «Ружа» ў рэгіёне [15, арк. 1–3].

Для комплекснага аналізу справы неабходна разгледзіць некалькі значэнняў паняцця «Ружа» («Ружанец», «Жывы Ружанец»). Па-першае, гэта малітва, якую вельмі глыбока шануюць рымска-каталіцкія вернікі. Вытокі культуры Ружанца адзначаюцца яшчэ ў V ст. н. э. У 1913 г. Папа Рымскі Пій X нават прызначыў асобны дзень для ўшанавання Маці Божай Ружанцовай [11, с. 4–7; 12, с. 1–2; 13, с. 91]. Па-другое, «Ружа» – гэта добраахвотнае аб’яднанне рымска-каталіцкіх вернікаў. Адно з найбольш вядомых таварыстваў «Жывы Ружанец» было створана ў 1826 г. у Францыі. Яго заснавальніцай стала П. Жарыко [13, с. 91]. Згодна з наказам Папы Рымскага Пія IX, 7 жніўня 1887 г. утварылася яшчэ адно аб’яднанне «Жывы Ружанец». Пазней ужо Папа Рымскі Рыгор XVI выдаў некалькі дэкрэтаў (1832 г., 1835 г., 1836 г.), якія датычыліся гэтай арганізацыі [11, с. 9]. Але адметнай рысай саюзаў «Ружа» на тэрыторыі Расійскай імперыі стала іх сувязь з польскім грамадска-палітычным рухам.

У адказ на прадпісанне кіраўніка Мінскай губерні Я. Г. Эрдлі ад 6 сакавіка 1912 г. за № 1017 мясцовыя паліцэйскія адміністрацыі паведамлілі пра вынікі праведзеных расследаванняў. У рапартах барысаўскага павятовага спраўніка М. А. Сарокіна ад 2 красавіка 1912 г. за № 631 [15, арк. 9], бабруйскага павятовага спраўніка Д. І. Буракова ад 8 красавіка 1912 г. за № 725 [15, арк. 8], мазырскага павятовага спраўніка С. М. Хацияновіча ад 14 красавіка 1912 г. за № 796 [15, арк. 11], рэчыцкага павятовага спраўніка М. В. Валожыніча ад 1 мая 1912 г. за № 598 [15, арк. 16], выконваючага абавязкі ігуменскага павятовага спраўніка Г. І. Кнігі ад 31 мая 1912 г. за № 166 [15, арк. 10], слуцкага павятовага спраўніка Э.-Г. Г. Штрыкера ад 14 чэрвеня 1912 г. за № 872 [15, арк. 17], выконваючага абавязкі мінскага паліцмаистра Д. А. Сакалова ад 26 чэрвеня 1912 г. за № 711 [15, арк. 5], бабруйскага паліцмаистра М. І. Хрыпава ад 30 чэрвеня 1912 г. за № 712 [15, арк. 7] даносілася, што прысутнасць тайных польскіх саюзаў «Ружа» не была зафіксавана.

Але інфармацыя пра існаванне тайных арганізацый знайшла сваё пацвярджэнне ў шэрагу адказаў іншых паліцэйскіх чыноўнікаў Мінскай губерні. У рапарце пінскага паліцмаистра ад 30 сакавіка 1912 г. за № 1233 даносілася пра функцыянаванне ў г. Пінску тайнага польскага саюза «Жывы Ружанец». У яго структуру ўваходзіла 5 колка (гурткоў). Кожнае колка, якое называлася «Ружа», складалася з 15 чалавек. Яго сябрамі маглі стаць як мужчыны, так і жанчыны. Падкрэслівалася, што арганізуецца колка «зелятором» (мужчынам) ці «зеляторкой» (жанчынай), якія зарэкамендавалі сябе як шчырыя

каталікі. Апошнія прызначаліся толькі са згоды мясцовага настояцеля касцёла, якому яны падпарадкоўваліся. «Зеляторы» выконвалі шэраг абавязкаў. Яны з'яўляліся пасрэдкамі паміж ксяндзамі і сябрамі колка, інфармавалі іх аб сітуацыі вакол касцёла ў рэгіёне. Таксама «зеляторы» загадвалі касай саюза, збіралі членскія ўнёскі (ад 10 капеек да 1 рубля). «Зелятор» або «зеляторка» выдавалі сябрам арганізацыі членскі білет пэўнага колеру, на якіх былі адлюстраваны рэлігійныя сюжэты. «Зеляторы» склікалі сходы сяброў саюза, якія звычайна адбываліся адзін раз у месяц на тэрыторыі храма. Што датычыцца матэрыяльных сродкаў, то грашовыя сумы, якія паступалі ад унёскаў і ахвяраванняў, накіроўваліся або на аплату літургічных службаў, або на іншыя патрэбы касцёла. Галоўнай мэтай саюза, на думку пінскага паліцмайсра, стала распаўсюджванне каталіцтва [15, арк. 13–14].

З рапарта навагрудскага павятовага спраўніка Ф. І. Арлова ад 8 мая 1912 г. за № 709 паведамлялася інфармацыя, якая была атрымана ад жыхаркі с. Паланечка Навагрудскага павета А. Жукоўскай. Яна сведчыла, што валодала чырвоным лістком, які ёй быў уручаны ксяндзам мясцовага касцёла І. Альшэўскім. На думку ўлад, святар быў заангажаваны ў дзейнасць тайных польскіх саюзаў «Ружа». Падкрэслівалася, што сябрамі саюза з'яўляюцца толькі жанчыны, якія абавязваліся прытрымлівацца строгіх правілаў арганізацыі: «...запісавшыся в «Ружанцы» обяаны в течени определленного времени прочитывать ежедневно у себя дома 15 молитв последовательно по каждому листку, так как каждый листок заключает в себе 15 молитв ... Чтение этих листков, по мнению фанатичек-полек, способствует осуществлению пожеланий в обыденной жизни. Существование этих «Ружанцев», по заявлению католиков, вытекает из догматов Римско-Католической религии. Листки эти, как дознано, продаются в книжных магазинах Губернских городов, а в особенности в гор. Вильне в магазине Завадского» [15, арк. 12–12 адв.]. Варта адзначыць, што распаўсюджванне разнастайных друкаваных матэрыялаў з рэлігійнымі сюжэтамі было традыцыйна для рымска-каталіцкага касцёла [17, с. 434].

У рапарце мінскага павятовага спраўніка П. Л. Цылякоўскага ад 14 мая 1912 г. за № 525 даносілася пра вынікі расследавання па справе тайных польскіх саюзаў «Ружа». Адзначалася, што прысутнасць згаданых вышэй арганізацый не зафіксавана ў 1–2 станах павета, аднак яны існавалі ў м. Койданава (3 стан) і м. Рубяжэвічы (4 стан). Так, ксёндз Койданаўскага касцёла Б. Свіршчэўскі і ксёндз Рубяжэвіцкага касцёла У. Мілашэўскі заснавалі саюзы «Ружа». Койданаўская арганізацыя мела мясцовага прадстаўніка С. Тарнагурскага. Рубяжэвіцкае аб'яднанне вылучалася тым, што ў яго працы бралі ўдзел толькі жанчыны. Прадстаўнікі гэтых саюзаў называліся «солітер» (мужчына) і «солітерка» (жанчына), астатнія сябры – «таемніцы». Пад кіраўніцтвам «солітеров» адбываўся збор усіх сяброў саюза, падчас якога чыталіся малітвы – «рожанцы». Чарговасць сходу – раз у твд-

зень. «Солитер» ці «солитерка» адзін раз у месяц збіралі членскія ўнёскі ў памеры ад 5 да 10 капеек. Грошы перадаваліся ксяндзу. Апошні выдаваў кожнаму сябру арганізацыі карткі-абразкі, на адваротным баку якіх былі надрукаваны малітвы па-польску [15, арк. 6]. Мінскі павятовы спраўнік П. Л. Цялякоўскі так ахарактарызаваў дзейнасць саюзаў: «Цель означенных союзов заключается исключительно в том, чтобы поднять религиозно-нравственное настроение католиков; политические же цели означенными союзами не преследуются, хотя, косвенно, преследуются цели и сепаратистического характера» [15, арк. 6 адв.].

У сакрэтным рапарце пінскага павятовага спраўніка І. Я. Ансенса ад 14 жніўня 1912 г. за № 554 даносілася пра вынікі негаласнага расследавання. Так, у м. Лагішыне Пінскага павета дзейнічаў тайны польскі саюз «Ружанец» («Ружа») пад кіраўніцтвам мясцовага ксяндза Ф. Грабоўскага. У якасці яго памочніцы выступала тэрцыярка К. І. Шаўрынская, у абавязкі якой уваходзіў прыём новых сяброў у склад арганізацыі. Лагішынскі саюз «Ружанец» быў прадстаўлены юнакамі, дзяўчатамі, жанчынамі ў шлюбе, якія мелі назву «таемнички». Саюз складаўся з гурткаў (кожны па 15 чалавек). Уступны ўнёсак сябра саюза быў у памеры 15 капеек, а пасля – 5 капеек штотомесяц. Пінскі павятовы спраўнік І. Я. Ансенса ахарактарызаваў дзейнасць аб'яднання наступным чынам: «Цель этой организации... обучение членов польским молитвам, чтение польских листков, выдаваемых ксендзом и – катехизация, производимая ежемесячно на первой наволунной неделе. Собираемые деньги сдаются ксендзу Грабовскому под его квитанции в пользу Логишинского костела. Каждый член получает от ксендза листок на польском языке – юноши и девицы белого цвета, а замужние женщины – красного цвета. Откуда, на какие средства приобретаются эти листки, и какого именно они содержания, не представляется возможным установить...» [15, арк. 15].

Па інфармацыі расійскіх улад, ксяндзы-сябры «Руж» прытрымліваліся строгай канспірацыі. Яны пазбягалі любой магчымасці трапіць пад падазрэнне з боку расійскіх улад. Так, у лютым 1912 г. ксяндз Ф. Грабоўскі прыняў рашэнне выключыць сяброўку «Ружанца» Гузарэвіч са складу арганізацыі. Падставай для такой санкцыі стаў факт сумеснага пражывання апошняй з праваслаўным І. Піскуновічам, што пагражала раскрыццём унутраных спраў саюза. Адметная была і сама працэдура выключэння Гузарэвіч. Яна была пазбаўлена лісткаў арганізацыі, а таксама прайшла абрад сповядзі ў ксяндза Ф. Грабоўскага. Падазраючы ў змесе нелегальных лісткаў «тенденциозно-сепаратическое содержание», расійскія ўлады ўстанавілі негалосны нагляд за дзейнасцю прадстаўнікоў «Ружанца» [15, арк. 15–15 адв.].

Атрымаўшы інфармацыю ад мясцовых паліцэйскіх адміністрацый, 3 верасня 1912 г. выконваючы абавязкі губернатара, віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў паведаміў у Дэпартамент духоўных спраў пра агульную

сітуацыю з існаваннем тайных польскіх саюзаў «Ружанец» і «Ружа» на тэрыторыі Мінскай губерні. Адзначалася 5 зон актыўнасці згаданых вышэй арганізацый у рэгіёне: у м. Койданаве, м. Рубяжэвічах (Мінскі павет), г. Пінску, м. Лагішыне (Пінскі павет), с. Паланеччы (Навагрудскі павет). Галоўнымі кіраўнікамі дзейнасці саюзаў сталі ксяндзы мясцовых касцёлаў: у м. Койданаве ксёндз Б. Свіршчэўскі, у м. Рубяжэвічах – ксёндз У. Мілашэўскі, у м. Лагішыне – ксёндз Ф. Грабоўскі, у с. Паланеччы – ксёндз І. Альшэўскі. Адзначалася, што ў складзе кожнага саюза ёсць набліжаная да ксяндза асоба, якая прадстаўляе арганізацыю [15, арк. 18]. Выконваючы абавязкі губернатара, віцэ-губенатар М. С. Чаныкаеў, паведамляючы ў Дэпартамент духоўных спраў пра саюзы «Ружа», так ахарактарызаваў іх дзейнасць: «Цель таких союзов – распространение католической религии путем обращения в католичество лиц других исповеданий и укрепления религиозно-нравственных начал в последователях католичества. Для этой цели члены колка не менее одного раза собираются для собеседования и чтения молитв и листков на польском языке» [15, арк. 18 адв.]. Большасць такіх лістоў было надрукавана ў тыпаграфіі манахаў Ордэна братоў Прапаведнікаў (дамініканцаў) у г. Кракаве. Таксама адзначалася, што саюзы адметныя заканспіравансцю, таму з мэтай выяўлення фактаў антыўрадавай дзейнасці за імі быў устаноўлены нагляд [15, арк. 18 адв.].

Варта адзначыць, што саюзы «Жывы Ружанец» і «Ружанец» былі заўважаны і ў іншых рэгіёнах Расійскай імперыі. Так, у газеце «Подольские Епархиальные Ведомости» ад 3 ліпеня 1899 г. за № 27 быў змешчаны артыкул «О римско-католических обществах рожанцев, их значении и распространении в Подольской епархии» аўтара пад псеўданімам «Православный Ревнитель». Адзначалася, што саюзы прысутнічалі ў Камянецкім і Праскураўскім паветах Падольскай губерні, а ў іх дзейнасці прасочваўся палітычны аспект. Адметна і тое, што аўтар параўноўваў тагачасную грамадска-палітычную сітуацыю з падзеямі 60-х гг. XIX ст., калі падчас маніфестацыйнага перыяду 1861–1862 гг. і ўзброенага паўстання 1863–1864 гг. на тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай актыўны ўдзел бралі прадстаўнікі «Руж», асабліва «зеляторы» [8, с. 629].

Такім чынам, у выніку лібералізацыі палітыкі расійскіх улад у дачыненні да грамадскіх ініцыятыў і актуалізацыі традыцый антыўрадавай барацьбы польскай супольнасці на тэрыторыі Беларусі ў пачатку XX ст. пашырылася прысутнасць нелегальных арганізацый. Прыкладам апошняга з’яўляецца існаванне тайных польскіх саюзаў «Ружа» ў Мінскім, Пінскім, Навагрудскім паветах Мінскай губерні ў 1912 г. Адміністрацыя рэгіёна падазравала аб’яднанні ў антыўрадавай дзейнасці, а таму ўстанавілі за імі негалосны паліцэйскі нагляд. Такое рашэнне ўлад было прадыхтавана адсутнасцю афіцыйнай рэгістрацыі арганізацый, іх заканспіраванасць, сувязь з Царствам Польскім. З гэтага вынікае, што саюзы «Ружа» мелі польскі характар і палітычную заангажаванасць.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Смалянчук, А. Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях, 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – 2-е выд., дапрац. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. – 404 с.
2. *Литвинёнок, Р. С.* Польское общественно-политическое движение в Беларуси и Литве (конец XIX века – 1907 год): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Р. С. Литвинёнок; Респ. ин-т высш. шк. Белгосуниверситета. – Минск, 1999. – 19 с.
3. *Сяркоў, А. В.* Палітыка мясцовай адміністрацыі ў дачыненні да польскіх культурна-асветніцкіх таварыстваў у Беларусі ў 1905–1914 гг. / А. В. Сяркоў // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навуковы зборнік / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – 2014. – Вып. 9. – С. 115–128.
4. *Павшок, А. В.* Благотворительные католические общества на территории Беларуси и их деятельность в начале XX века / А. В. Павшок // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2010. – № 2. – С. 63–71. – (Серыя 2).
5. *Jurkiewicz, J.* Rozwój polskiej myśli politycznej na Litwie i Białorusi w latach 1905–1922 / J. Jurkiewicz. – Poznań : UAM, 1983. – 259, [3] s.
6. *Tarasiuk, D.* Między nadzieją a niepokojem. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków na wschodniej Białorusi w latach 1905–1918 / D. Tarasiuk. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. – 211 s.
7. *Густь.* «Польское наступление» / Густь // Минское слово. – 1912. – № 1505. – 4 марта. – С. 2.
8. Православный Ревнитель. О римско-католических обществах рожанцев, их значении и распространении в Подольской епархии / Православный Ревнитель // Подольские Епархиальные Ведомости. – 1899. – № 27. – 3 июля – С. 629–639.
9. Памятная книжка Минской губернии на 1912 г. / Мин. Губерн. стат. ком. – Минск: Губерн. тип., 1911. – 439 с.
10. Памятная книжка Минской губернии на 1913 г. / Мин. Губерн. стат. ком. – Минск: Губерн. тип., 1912. – 459 с.
11. *Завальнюк, У.* Жывы Ружанец / кс.-магістр У. Завальнюк. – Мінск: Касцёл Св. Сымона і Св. Алены, 1996. – 75 с.
12. *Завальнюк, У.* Святы Ружанец = Różaniec Święty / У. Завальнюк. – Мінск: Касцёл св. Сымона і св. Алены, Б.г. – 121 с.
13. Рухі і супольнасці: маёвыя разважання. – Мінск: Про Хрысто, 2006. – 263 с.
14. О временных правилах об Обществах и Союзах, 4 марта 1906 г., № 27479 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е: в 33 т. – СПб., 1906. – Т. 26. – С. 201–207.
15. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 295. Воп. 2. Спр. 152.
16. НГАБ. – Ф. 306. Воп. 1. Спр. 19.
17. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі: (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2015. – 494, [2] с.

(Дата падачы: 17.02.2022 г.)

И. Ю. Лопушанский

Белорусский государственный университет, Минск

I. Lapushanski

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(358)

БОГ МАРДУК И ЕГО ВОЗВЫШЕНИЕ В ВАВИЛОНСКОМ ПАНТЕОНЕ II ТЫС. ДО Н. Э.

GOD MARDUK AND HIS ASCENSION IN THE BABYLONIAN PANTHEON DURING SECOND MILLENIUM BC

В статье рассматриваются первые упоминания, этимология имени вавилонского бога Мардука, усиление влияния его культа в месопотамской религии на протяжении II тыс. до н.э. и его синкретизм с другими богами пантеона. В старовавилонский период (п.п. II тыс. до н. э.) Мардук стал одним из «великих богов» месопотамского пантеона, однако свою власть он получал от верховных богов – Анума и Энлиля. В конце средневавилонского периода и точно к началу XI в. до н. э. произошло возвышение Мардука до статуса «царя богов неба и земли»; возможно, это возвышение было связано с возвращением статуи бога из Элама царем Навуходоносором I, а также столичным статусом Вавилона.

Ключевые слова: вавилонская религия, культ, религиозный синкретизм.

The article deals with the first mentions of the Babylonian god Marduk, the etymology of his name, the strengthening of the influence of his cult in the Mesopotamian religion during the 2nd millennium BC, and his syncretism with other gods of the pantheon. In the Old Babylonian period (first part of the 2 millennium BC), Marduk became one of the «great gods» of the Mesopotamian pantheon, but at this time he received his power from the supreme gods - Anum and Enlil. At the end of the Middle Babylonian period and certainly by the beginning of the 11th century BC the elevation of Marduk to the status of «the king of the gods of heaven and earth» was complete; this elevation was associated with the return of the statue of the god from Elam by King Nebuchadnezzar I.

Keywords: Babylonian religion, cult, religious syncretism.

Религиозная ситуация в Вавилонии старовавилонского периода в своих основных чертах продолжала традиции предыдущего времени. Каждый город сохранял свое верховное божество, которое считалось его главой [26, s. 166]. С другой стороны, существовал общий для всех городов Вавилонии пантеон, возглавлявшийся триадой богов – Энлилем, Ану (шум. Ан) и Эа (шум. Энки) [20, s. 300–303].

Наиболее значимым божеством из этой триады считался Энлиль [18], имевший множество эпитетов, указывающих на его превосходство (например, «отец богов (шум. ab-ba diĝir-re-e-ne, акк. abi ilī)», «царь всех стран (шум. lugal kur-kur-ra, акк. bēl mātāti)») [е. г. гимн Энлилю в заключительных строках композиции «Энлиль и Нинлиль»] [7; 24]. Кроме того, Энлиль

назван богом, «определяющим судьбы» (шум. *lú nam tar-tar-re-dè*) в царском гимне царя Шульги [4; 72]. В аккадскоязычном эпосе Anzû Энлиль является владельцем Таблиц судеб (акк. *ṭuprī šīmāti*), благодаря которым этот бог управляет миром [5, I 71–76]. Энлиль также является богом, который дает царствование царям, в текстах III и II тыс. до н. э. [24]. Власть Энлиля могла выражаться абстрактным понятием *enlilūtu*, т. е. «энлильство»; верховная власть», при этом другие боги, включая Мардука, могли владеть *enlilūtu*.

Бог Ан, или Ану, также считался «царем богов» (шум. *lugal diġir-ge-e-ne*), но ко II тыс. до н. э. он значительно утратил популярность, уступив место главного божества в Уруке богине Инанне/Иштар [6, s. 115–117; 23]¹. Подобно власти Энлиля, власть Ану выражалась в абстрактном понятии *anūtu*, которым могли владеть другие божества, например Мардук [6, s. 115].

Энки, или Эа, был богом (светлой) магии и мудрости, ассоциировавшихся с подземными водами (шум. *abzu*, акк. *apsû(m)*) [8; 11; о статусе Энки/Эа в пантеоне [8, p. 20–21, p. 23–31]].

Главным культовым центром Энлиля был город Ниппур на границе Шумера и Аккада, обладание которым позволяло тому или иному царю носить титул «царя Шумера и Аккада» (шум. *lugal ki-en-gi ki-uri*, акк. *šar māṭ Šumeri u Akkadi*) благодаря тому, что этот город был главным культовым центром всей Вавилонии. Бог Ан/Ану, как говорилось выше, имел в качестве главной резиденции город Урук в Шумере. Важнейшим культовым центром Энки/Эа являлся город Эриду, который, согласно традиции Шумерского царского списка, был первым городом, получившим царственность (предполагается, что Эриду утратил значимость ко II тыс. до н. э. и даже не был городом в этот период, оставаясь лишь культовым центром) [10, p. 5].

Что касается бога Мардука, наиболее вероятно, что он оставался божеством местного значения на всем протяжении старовавилонского периода [14, p. 163; 21, s. 5]. В III тыс. до н. э., до установления в Вавилоне собственной царской династии его культ в принципе не распространялся за пределы города (по выражению В. Ламберта, Мардук был «utterly unimportant» в этот период). Возвышение Мардука и его позиция в старовавилонском пантеоне получили широкое отражение в современной научной литературе; на сегодняшний момент в науке преобладает мнение, согласно которому Мардук стал верховным божеством Вавилонии лишь в конце II тыс. до н. э. В. Ламберт высказал идею, поддержанную впоследствии многими исследователями, согласно которой это возвышение можно датировать даже более точно, а именно временем правления царя Навуходоносора I (1125–1104 г.).

¹ Эта утрата популярности обычно связывается с тем, что Ану рассматривался как далекий от человеческих дел («rather remote from human affairs» по выражению К. Стивенс [23]). В мифологии Ану обычно описывается как старейший из богов, благодаря чему он владеет верховной властью, однако он никогда не выступает как главное действующее лицо мифа. Впрочем, известны молитвы, обращенные к Ану [6, s. 116].

Столь точная датировка, однако, подвергается критике, в первую очередь по причине того, что она основана на данных более поздней литературной традиции.

Этимология имени бога не вполне ясна. Начиная с III тыс. до н. э. имя Мардука записывается логографически – dAMAR.UTU. Исходя из этого написания, была предложена шумероязычная этимология, дословный перевод этого написания – «молодой бык солнечного бога Уту». Исследователи, однако, указывают на то, что, во-первых, перед знаком UTU не стоит божественного детерминатива, во-вторых, указывают на отсутствие каких-либо генеологических связей между Мардуком и солнечным богом Уту/Шамашем в источниках [14, p. 163]. Написание dAMAR.UTU предлагают рассматривать как пример «народной этимологии».

В. Ламберт в статье «Marduk's Names» предпринял попытку установить фонетическую реализацию имени бога. Он указывает, что существовало множество силлабографических вариантов имени Мардука начиная со старовавилонского периода – ma-ru-tu-uk, dma-ru-du-uk, dma-ru-duk, dmar-duk, mar-duk и др. Согласно выводам автора, имя Мардука произносилось как Marūduk в поздний период, однако в качестве оригинальной фонетической формы он принимает форму Marūtuk. Насколько оправданы такие выводы, сказать сложно, поскольку клинописные знаки, служащие для различения звонкого и глухого алломорфов (d/t) в имени Мардука, двухсмысленны – так, знак TU имеет также фонетические чтения ù в текстах всех периодов, кроме староассирийского, dū в текстах староаккадского, ново- и поздневавилонского периодов [13, no. 58], знак DU имеет чтение ù в текстах всех периодов и чтение tū в староассирийских текстах, а также текстах из Элама, Эль-Амарны и Хатуссы [13, no. 206], знак DUG, помимо чтений dug/k/q, имеет также чтение tūk в средне- и новоассирийских, нововавилонских текстах и текстах из Хатусы [13, no. 309]. Т. е. на основании силлабографических написаний можно постулировать не только существование форм Mar(ū)duk или Mar(ū)tuk, но и форму с эмфатическим звуком *Mar(ū)ṭuk. Данные древнееврейских и древнегреческих транскрипций I тыс. до н. э. – начала нашей эры указывают скорее на долгую форму со звонким звуком d: מַרְדּוּךְ (mārōdāḫ; в тивериадской огласовке), Μαρῶδαχ, Μαρᾶδουχος, Μαρῶδοκος [59, p. 162–163]; с другой стороны, эти поздние формы скорее вызывают новые вопросы касательно произношения имени Мардука, чем решают старые. Арамейские транскрипты поздневавилонских клинописных табличек всегда используют форму mrdk [25, p. 190].

На наш взгляд, в древности не существовало единого произношения имени бога на протяжении всего периода письменной фиксации его культа. Ситуация с именем Мардука схожа с ситуацией с названием его города Вавилона, которое также имеет неясную этимологию и множество фонетических вариантов в клинописных, древнееврейских и древнегреческих текстах III–I тыс. до н. э.

Это явление, однако, явно не было ограничено географическими пределами Месопотамии: название города Библа на финикийском побережье в клинописных текстах из Эль-Амарны имеет форму *gub-ub-li* (EA 362), в древнеегипетских текстах – *kpn, kbn*, в финикийских текстах название города записывается консонантно как *gbl*, в еврейской Библии – *לְבַל* (*ḡəḇal*; тивериадская огласовка), наконец, существует несколько древнегреческих написаний и современное арабское.

Такое разнообразие написаний и, возможно, произношений имен богов или названий городов вызвано, вероятно, тем, что со временем утрачивается связь между оригинальной этимологией и ее пониманием, т. е. имя становится только именем, а не словом, обозначающим нечто конкретное. На это также влияет смена наиболее распространенного языка в определенной области. Сказанное, однако, не означает, что имя теряет свой смысл; оно реинтерпретируется, как имя Мардука в заключительных таблицах эпоса «*Enūma eliš*» или название Вавилона в первой таблице лексической серии «*Tintir = Bābili*», как правило приобретая культовые и религиозные значения.

Упоминания Мардука в текстах до правления царя Хаммурапи (ок. 1792–1750 гг.) редки [12, р. 551]. Возможно, что впервые он появляется в списке богов из Абу-Салябиха (ок. XXVI–XXV вв.) в написании *dUD:AMAR* [22, s. 563]. Еще одним письменным свидетельством существования культа Мардука в III тыс. является короткая votивная надпись энси города *BAR:KI:BAR* (Вавилона?), в котором упоминается *é damar-utu* «храм Мардука» [12, р. 552]. В целом на этом упоминания Мардука до старовавилонского периода заканчиваются.

Одним из наиболее показательных текстов о положении Мардука в месопотамском пантеоне после Хаммурапи является царский гимн Аби-эшуха к Мардуку, написанный на шумерском языке (известный также как Аби-эшух А) [3]. В тексте Мардук назван «старшим сыном Энки» (*dumu saġ-kal den-ki*), «первейшим среди богов-игигов» (*palil dnun-gal-e-ne*). Мардук обладает властью над «всем небом и землей», однако он получает эту власть («царственность», *nam-lugal*) от главы пантеона – бога Энлиля. В целом подобное представление о Мардуке засвидетельствовано в «Законах Хаммурапи» (см. в соответствующей подглаве): Мардук обладает властью, является одним из великих богов, однако он получает ее от верховных божеств пантеона.

Начиная со старовавилонского периода мы наблюдаем «синкретизм» Мардука с другими богами месопотамского пантеона. Синкретизм, или идентификация одного божества с другим, может основываться на 1) аналогичности функций божеств, 2) политических реалиях, 3) божественной иерархии (более сильные боги принимают функции более слабых), 4) тенденции к упрощению пантеона [12, р. 556]. Идентификация Мардука с другими божествами зависела от всех этих факторов, кроме, похоже, последнего.

Наиболее известный синкретизм Мардука произошел с богом магии Асаллухи (или Асарлухи), который был богом небольшого города Куара неподалеку от Эриду в южной Месопотамии. Асаллухи в текстах III тыс. до н. э. назывался сыном бога Энки. Поскольку Мардук начиная как минимум со времени Хаммурапи также являлся сыном Энки (в аккадской передаче Эа), он был идентифицирован с Асаллухи. Можно предположить, что идентификация Мардука как сына одного из верховных божеств шумерского пантеона была призвана легитимизировать его возвышение в пантеоне, вызванное политическими и военными успехами вавилонских царей [10, р. 5]. То есть в данном случае мы имеем дело с синкретизмом, основанным на политических реалиях и божественной иерархии, поскольку Вавилон времен Хаммурапи был куда более важным культовым центром, чем Куара. Можно предположить, что еще один синкретизм, а именно идентификация Вавилона с Эриду, также имела в своей основе желание вавилонских жрецов идентифицировать свой город с древним культовым центром, который к тому же был, согласно Шумерскому царскому списку, местом первого царства [10, р. 5]: Асаллухи называется *sukkal-maḥ eridugki-ga* «великим суккалем Эриду» в гимне Асаллухи А, тексте, в котором бог называется Мардуком [1]. Благодаря этой идентификации Мардук стал богом магии вместе со своим отцом, Эа. Т. Ошима в своем исследовании вавилонских молитв к Мардуку высказывает предположение, что изначально Мардук был богом наказаний, кем-то вроде исполнителя божественных решений, и на этот образ затем наложился образ бога-экзорциста, в результате чего Мардук обрел свою двойственную натуру [19, р. 39–47].

На протяжении II тыс. Мардук также был отождествлен с рядом других богов, таких как *dŠA.ZU*, *dTU.TU*, *dMES*. В конце II тыс., судя по текстам лексического списка богов *An=Anum* и списку имен Мардука в VI и VII таблицах эпоса «*Enūma eliš*», Мардук приобрел пятьдесят имен, большинство из которых были заимствованы у других богов пантеона. Он был назван Энлилем и *bēl mātāti* «господином стран», что является аккадским переводом шумерского титула Энлиля *lugal kur-kur-ra*. Согласно предположению В. Ламберта, выдвинутого еще в 1964 г., возвышение Мардука произошло в период правления вавилонского Навуходоносора I (ок. 1127–1105 гг.), когда статуя Мардука была возвращена из Элама [16]. Данное положение, несмотря на критику, практически было принято научным сообществом. Первые манускрипты «*Enūma eliš*» датируются XI в. до н. э., а в надписи одного из потомков Навуходоносора, царя Мардук-шапик-зери (ок. 1081–1068 гг.), Мардук назван *dlugal-dim11-me-er-an-ki-a* «царь богов неба и земли», т. е. в XI в. возвышение Мардука к вершине пантеона было завершено [9, р. 47]. Можно предположить, что официальное признание Мардука царем-богом было облегчено тем фактом, что Мардук был богом политической столицы южной Месопотамии на протяжении нескольких столетий.

Один из текстов, в которых отразилось положение Мардука как верховного бога, сегодня наиболее известен под своим древним названием *Ludlul bēl nēmeqī* («Да восславлю я владыку мудрости»; в русскоязычной литературе также распространено наименование «Вавилонская поэма о невинном страдальце») [15, р. 21–63]. Согласно поэме, созданной, возможно, в касситский период, ее главный герой, бывший горожанином высокого статуса, лишается поддержки соседей, семьи, его поражают болезни, удача отворачивается от него во всех делах, и происходит все это по воле Мардука. Однако позже бог меняет свое мнение и восстанавливает социальный статус героя, а также его здоровье. Поэма завершается путешествием главного героя в Эсагилу, где он совершает жертвоприношения. Первые сорок строк поэмы являются гимном Мардуку, в котором показана двойственная природа бога – он может быть как гневным, так и милосердным. В гимне раскрываются взаимоотношения Мардука с двумя категориями живых существ: людьми и богами, причем большая часть текста посвящена именно взаимоотношениям Мардука с людьми. Мардук имеет полную власть над человеком как в жизни, так и после смерти; он способен лишить человека покровительства его личных богов или вернуть их благосклонность. Эта абсолютная власть Мардука над индивидом проистекает из его абсолютной власти над вселенной [17, р. 198].

Примечательно, что один шумероязычный царский гимн старовавилонского периода, судя по сохранившимся строкам, имеет своей основной темой просьбу дарования жизни (шум. *nam-til*) царю именно Мардуком [2]. Что касается богов, Мардук показан в *Ludlul bēl nēmeqī* I 1-40 недоступным даже их пониманию, тогда как сам он знает о них все; он также способен предотвращать действия других богов (облегчать «потоп Адада», «удар Эрры»).

Таким образом, проанализировав данные об устройстве месопотамского пантеона во II тыс. до н. э., этимологии имени бога Мардука и религиозных текстов, касающихся культа Мардука, мы пришли к следующим выводам:

1. Бог Мардук впервые засвидетельствован в текстах сер. III тыс. до н.э., однако до XVIII в. до н. э. (т. е. времени правления царя Хаммурапи) практически ничего не известно о его культе. Его имя звучало, скорее всего, как *Marūtuk* на протяжении II тыс. до н. э., а затем заменилось формой *Marduk* или *Maruduk*. Тем не менее на протяжении изучаемого периода имя бога записывалось, как правило, шумерографически *dAMAR.UTU*; это написание, дословно означающее «теленоч солнечного бога Уту», возможно, указывает на изначальную связь Мардука с соляными культурами.

2. В старовавилонский период (п.п. II тыс. до н. э.) Мардук стал одним из «великих богов» месопотамского пантеона, однако свою власть он получал от верховных богов – Анума и Энлиля. В конце средневавилонского периода и точно к началу XI в. до н. э. произошло возвышение Мардука

до статуса «царя богов неба и земли»; возможно, это возвышение было связано с возвращением статуи бога из Элама царем Навуходоносором I, а также столичным статусом Вавилона.

3. На протяжении II тыс. до н. э. происходило отождествление Мардука с другими богами вавилонского пантеона. Наиболее важным из них было отождествление с богом магии Асалухи, благодаря которому Мардук также стал восприниматься как бог магии.

Список использованных источников

1. A hymn to Asarluḫi (Asarluḫi A) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk>. – Date of access: 17.02.2022.
2. A hymn to Marduk for a king [Electronic resource]. – Mode of access: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk>. – Date of access: 17.02.2022.
3. A hymn to Marduk for Abī-Ešuh (Abī-Ešuh A) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk>. – Date of access: 17.02.2022.
4. A praise poem of Šulgi (Šulgi X) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk>. – Date of access: 17.02.2022.
5. *Annus, A.* Standard Babylonian Epic of Anzu / A. Annus. – Helsinki: Neo-Assyrian Text Corpus Project, 2001. – 128 p. – (State Archives of Assyria, Vol. III).
6. *Ebeling, E.* Anu / E. Ebeling. – Reallexikon der Assyriologie, Band 1 (hrsg. E. Ebeling, E. Weidner). – Berlin, 1928. – S. 115–117.
7. Enlil and Ninlil [Electronic resource]. – Mode of access: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.1.2.1&display=Crit&charenc=gcirc#>. – Date of access: 17.02.2022.
8. *Espak, P.* The God Enki in Sumerian Royal Ideology and Mythology / P. Espak. – Tartu: Tartu University Press, 2010.
9. *Frame, G.* Rulers of Babylonia: From the Second Dynasty of Isin to the end of Assyrian Domination (1157–612 BC) / G. Frame. – Toronto, 1995. – (Royal Inscriptions of Mesopotamia, Babylonian Periods, Vol. 2). – 350 p.
10. *George, A. R.* Babylonian Topographical Texts / A. R. George. – Leuven: Orientaliste, 1992. – 502 p., 58 plates.
11. *Horry, R.* Enki/Ea (god) [Electronic resource] / R. Horry. – Mode of access: <http://oracc.museum.upenn.edu/amgg/listofdeities/enki/>. – Date of access: 17.02.2022.
12. *Johandi, A.* Some Remarks about the Beginnings of Marduk / A. Johandi. – Conceptualizing Past, Present and Future. Proceedings of the Ninth Symposium of the Melammu Project, ed. by S. Fink and R. Rollinger. – Münster, 2018. – P. 551–575.
13. *Labat, R.* Manuel d'épigraphie akkadienne / R. Labat. – Sixieme Edition. – Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1995. – 362 p.
14. *Lambert, W. G.* Babylonian Creation Myths / W. G. Lambert. – Winona Lake: Eisenbraus, 2013.
15. *Lambert, W. G.* Babylonian Wisdom Literature / W. G. Lambert. – Oxford: Oxford University Press, 1963. – 358 p. (75 pl.).

16. *Lambert, W. G.* The Reign of Nebuchadnezzar I: A Turning Point in the History of Ancient Mesopotamian Religion / W. G. Lambert. – The Seed of Wisdom: Essays in Honour of T. J. Meek (ed. W. S. McCollough). – Toronto, 1964. – P. 3–13.
17. *Moran, W. L.* The Most Magic Word: Essays on Babylonian & Biblical Literature / W. L. Moran. – Washington: Catholic Biblical Association, 2002. – 212 p.
18. Nötscher, F. Ellil in Sumer und Akkad / F. Nötscher. – Hannover: Orient-Buchhandlung Heinz Lafaire, 1927. – 110 s.
19. *Oshima, T.* Babylonian Prayers to Marduk / T. Oshima. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2011. – 478 p.
20. *Sallaberger, W.* Pantheon. A. I. In Mesopotamien / W. Sallaberger. – Reallexikon der Assyriologie, Band 10 (hrsg. E. Ebeling, E. Weidner). – Berlin, New York, 2003–2005. – S. 115–117.
21. *Sommerfeld, W.* Der Aufstieg Marduks. 1982 / W. Sommerfeld. – Neukirchen: Neukirchener Verlag, 1982. – 245 s.
22. *Sommerfeld, W.* Marduk. A. Philologisch. I. In Mesopotamien / W. Sommerfeld. – Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie, Band 7. – Berlin, New York, 1987–1990. – S. 360–370.
23. *Stevens, K.* An/Anu (god) [Electronic resource] / K. Stevens. – Mode of access: <http://oracc.museum.upenn.edu/amgg/listofdeities/an/>. – Date of access: 17.02.2022.
24. *Stone, A.* Enlil/Ellil (god) [Electronic resource] / A. Stone. – Mode of access: <http://oracc.museum.upenn.edu/amgg/listofdeities/enlil/>. – Date of access: 17.02.2022.
25. *Streck, M. P.* Late Babylonian in Aramaic Epigraphs on Cuneiform Tablets / M. P. Streck // Wandering Arameans: Arameans Outside Syria (Textual and Archaeological Perspectives), ed. by A. Berlejung et al. – Wiesbaden, 2017. – P. 169–195.
26. *Von Soden, W.* Einführung in die Altorientalistik / W. Von Soden. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985. – 249 s.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Т. В. Луговик

Гомельский филиал Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», Гомель

T. Luvovik

Gomel branch of the Educational Institution of the Federation of Trade Unions of Belarus «MITSO International University», Gomel

УДК 94:334.7:745/749(470)«1914-1918»:929*Е.Ю.Спасская

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. Ю. СПАССКОЙ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАСТЕРСКИХ И АРТЕЛЕЙ ВО ВРЕМЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

THE ACTIVITY OF E. YU. SPASSKAYA ON THE ORGANIZATION OF ART WORKSHOPS AND ARTELS DURING THE WORLD WAR I

В статье исследована деятельность Е. Ю. Спасской в области организации художественных мастерских и артелей в Западной Украине во времена Первой мировой войны. Представлен комплекс организационных мер, направленных на поддержание экономического потенциала края и улучшение жизненных условий галичан-беженцев в условиях боевых действий. Проанализирован вклад Е. Ю. Спасской в области изучения, возрождения и сохранения традиционных западноукраинских промыслов и ремесел.

Ключевые слова: артель; художественная мастерская; оплата труда; образцы; гражданское население; Всероссийский земский союз.

The article examines the activities of E. Yu. Spasska in the field of organizing art workshops and artels and in Western Ukraine during the First World War. A set of organizational measures aimed at maintaining the economic potential of the region and improving the living conditions of Galician refugees in the conditions of hostilities is presented. The contribution of E. Yu. Spasska in the field of study, revival and preservation of traditional Western Ukrainian crafts and crafts is analyzed.

Keywords: artel; art workshop; payment for labor; samples; civilian population; All-Russian Zemstvo Union.

Первая мировая война 1914–1918 гг. считается одним из наиболее кровопролитных и масштабных конфликтов в истории человечества. Начавшись 28 июля 1914 г., она растянулась на долгих четыре года и завершилась 11 ноября 1918 г. В вооруженный конфликт были втянуты 38 государств, в том числе и украинские земли. Одними из первых в огнедышащем пламени войны оказались западноукраинские территории. За считанные дни цветущие украинские земли превратились в один из важнейших театров военных действий на суше. Масштабы человеческих и материальных по-

терь, комплекс гуманитарных, социальных и экономических проблем, вызванных боевыми действиями, в совокупности с неспособностью властей должным образом организовать помощь армии и гражданскому населению обусловили значительный рост общественной активности. Столь сложное положение вызвало отклик в кругах научной и творческой интеллигенции, которая активно подключилась к благотворительной работе на фронте и в тылу. Среди ее деятельных представителей начала XX в. стоит вспомнить Евгению Юрьевну Спасскую – выдающегося этнографа, искусствоведа, этнолога. Историк по специальности, в военное время она переориентировала свою деятельность в медицинскую отрасль – овладела профессией хирургической сестры. Узнав, что в Подволочинске (ныне – Тернопольской области) основан пункт помощи беженцам, Е. Ю. Спасская обратилась к председателю Всероссийского земского союза с просьбой направить ее в район активных боевых действий [1, л. 2]. Так, летом 1915 г. в составе лечебного отряда Всероссийского земского союза она попала в эпицентр боевых действий – на Западную Украину, в г. Подволочинск.

После выполнения ежедневных (а иногда и круглосуточных!) обязанностей медсестры в прифронтовом госпитале, Е. Ю. Спасская продолжала благотворительную работу – «кормила и передевала тяжело раненых, читала и писала письма их родным» [1, л. 16]. Время от времени посещала поселение беженцев, «говорила с ними, принимала участие в их личных делах, оказывая по возможности помощь всем ее просившим» [2, с. 12, 30].

Общаясь с беженцами, Е. Ю. Спасская отметила богатство и разнообразие этнографической палитры западноукраинского региона. «Все, что касалось этого народа с его таким разнообразным, богатым и величественным, как и родные горы его, творчеством, восхищало меня. И когда заведующему пунктом пришлось в голову сделать среди своих беженцев историко-экономическую анкету <...> я с большой охотой согласилась помогать», – описывала свои впечатления и чувства в книге «Народное искусство Галиции и Буковины» [2, с. 19; 23].

Будучи глубоко осведомленной в проблемах гражданского населения, на собрании лечебного отряда Всероссийского земского союза Е. Ю. Спасская заявила о необходимости создания художественных мастерских и артелей. Организация оплачиваемого труда в условиях военного времени, по мнению Е. Ю. Спасской, позволит поддержать эвакуированное население, «сохранить его жизненную энергию и чувство самоуважения» [2, с. 13]. Ее предложение получило одобрение и поддержку большинства членов отряда. Таким образом, благодаря инициативе Е. Ю. Спасской, с начала 1916 г. «направление деятельности отряда меняется: значительно увеличивается число детских захоронок и яслей, где не только дают приют и пищу, одежду, медицинскую помощь детям, а и по возможности учат грамоте. Из числа взрослых мужчин избирают способных к работе, для них органи-

зуются кружки пыльщиков, землекопов, а при складах – кружки санитаров, носильщиков»; «существовавшие ранее фронтовые отряды» реорганизовываются в «питательные» (платные и бесплатные) и «отряды «поставки труда» [2, с. 23].

С большим энтузиазмом Е. Ю. Спасская взялась за создание производственных ячеек: «два месяца ездила по Северной Галиции», собирала свидетельства о хозяйственно-экономических особенностях региона, записывала информацию «о способности к труду и профессиях» местного населения [2, с. 21–22]. Сил и уверенности в действиях прибавлял и тот факт, что идея создания художественных мастерских и артелей была одобрена и в достаточной мере асигнована «сверху»: на их реализацию «было назначено с Киева аж целых 10 000 рублей» [2, с. 24–25].

«Обходя дома, где осели беженцы, я присматривалась ко всему и видела много красивых и собственными руками сделанных вещей. Праздничные сорочки – мужские и женские, роскошно вышитые наметки, запаски, чулки, полотенца, подушки, сотканые пояса, варежки, выплетенные пестрыми образцами, кожаные безрукавки, сумки, трубки, кресты – всякая бытовая вещь и одежда сделана с большой любовью, руками прирожденного художника, тщательно, из рода в род передаваемая, вместе со старосветскими образцами, имела свое большое чувство красоты и талант», – резюмировала Е. Ю. Спасская [2, с. 21–22]. Не удивительно, что именно в этот период у нее возникло желание связать свою профессиональную деятельность с изучением и сохранением украинского декоративно-прикладного искусства. В ходе активной собирательской работы у Е. Ю. Спасской сформировались первичные навыки работы с материалами по народному искусству, а также обобщения относительно историко-этнографических особенностей Западной Украины. Так, по ее наблюдениям, «художественное ремесло», воплощенное «даже в самых незначительных, обыденных безделушках» лучше всего сохранилось именно в горной части Галичины – наиболее изолированной и «защищенной» от культурных влияний [2, с. 15].

Поскольку купить бытовые вещи у местного населения удавалось редко («продадим, а сами где купим?» – жаловались они), Е. Ю. Спасская «собирала клочки традиционного наряда, разбитую снарядами посуду, разыскивала дедов-гончаров, резчиков». В селах южной Галиции ею были зафиксированы орнаменты народной вышивки, которые в дальнейшем использовались для декорирования изделий первых вышивальных мастерских в Тернополе, Микулинцах и Збараже. Часть собранных материалов была упорядочена в тематический альбом «Образцы оригинальных вышивок цветного гафта и рисунки, снятые с вышивок (Северная Галиция). Рукопись, вышивки, рисунки (привезено с Тернопольщины). 1916–1917 гг.» и хранится в личном фонде исследовательницы НАФРФ ИМФЕ НАН Украины.

Руководствуясь чувством гражданского долга, Е. Ю. Спасская инициировала создание и организацию первых артелей: «Первая попытка организовать женскую рабочую артель была сделана в селе Остров на «питательном» пункте, во главе которого стояла моя сотрудница по работе в П. [Подволочиске – авт.]. Мы сложились с ней по 70 рублей, и, помнящие поразившие нас красотой вышивки Подволочанских беженок, заказали несколько швеям пошить нам и нашим приятелям рубашки» [2, с. 24]. Открытие вышивальной мастерской в условиях военного времени казалось «странным делом», встречало «насмешку и пренебрежение» среди местного населения, ведь «творческая организация художественной промышленности в условиях непрекращающихся боевых действий смущала многих». Однако, как отмечала Е. Ю. Спасская, «это чувство неловкости быстро исчезло перед требованиями действительного положения вещей», а именно: дать заработок для тех, кто способен к труду» [2, с. 13]. Благодаря ее активной организаторской деятельности, 16 марта 1916 г. в г. Тернополе открылась мастерская по шитью белья для бань: «Желающих работать сразу набралась сила, но машин магистрат мог дать только 7: пользоваться ими могли по очереди только 30 женщин, остальным же пришлось давать выкройку на руки, домой <...> Целыми месяцами приходилось ждать, пока они вернутся в мастерскую». Об увеличении количества артелей и наращивании объемов производства свидетельствовало дальнейшее открытие мастерских по шитью и латанию белья (конец 1916 г.).

Анализируя первые шаги в организации артелей и мастерских, Е. Ю. Спасская вспоминала, насколько они были тяжелыми: «не хватало материала, машин, не было опыта и соответствующей квалификации», «не хватало топлива, и температура в мастерской падала иногда до нуля» [2, с. 26, 37]. Кроме того, «работу тормозило какое-то двойственное отношение рабочих фронта»: многие из членов Всероссийского Земского Союза склонялись к мысли, что стоит поставлять продукцию «готовой с прифронтовых мастерских», «а не пересылать материал для пошива» на фронт, тем самым увеличивая производственные затраты. Однако, как отмечала Е. Ю. Спасская, данные расходы себя полностью оправдали, ведь давали «возможность большому числу женщин заработать себе на паек» [2, с. 29].

Как способный и перспективный организатор, Е. Ю. Спасская занималась дальнейшим расширением производства и ассортимента, поскольку «число желающих работать всегда было больше, чем можно было удовлетворить» [2, с. 25]. Вместе с тем, заботилась о дифференциации труда: «дело, чем более росло, тем больше осложнялось различными обстоятельствами: каждая работница отличалась мерой способности к труду; каждое изделие – качеством, количеством затраченного на него материала и времени, и в зависимости от этого должна быть разной и оплата труда. Сначала работницам разрешалось работать в мастерских столько времени, сколько

кто хотел – это был единственный способ подробно высчитать, сколько материала и времени требует выполнения определенной вещи, а вместе с тем – сколько за нее надо платить» [2, с. 26–28].

С целью оптимизации и рационализации производственных ресурсов, Е. Ю. Спасская предложила «объединить три мастерские: белья, заплат и шитья, где бы каждая женщина имела возможность выбрать себе работу по силам» [2, с. 29].

Выполняя свои должностные обязанности, Е. Ю. Спасская всегда руководствовалась человеческим подходом к решению любой судьбы: «самым обидным было отказывать в работе бедным и самым слабым, которые больше всех нуждались в помощи, но были неспособны к «специальному» труду, и заработок приходится давать более «обеспеченным», более остроумным» [2, с. 27]. Для этого Е. Ю. Спасская инициировала открытие сети «раздаточных пунктов» для крестьянок, на которых принимали заказы и выдавали готовые изделия заказчикам: «Швеи начали посещать нас, сначала изредка, а когда кончались полевые работы, двинулись колонной. Приходя за работой, крестьянки стали приносить нам свои рубашки и очень сожалеть, что могут показать только самые простые, будничные, так как все, что было лучшего, скрывалось в сундуках, закопанных в землю по глухим горных лесах» [2, с. 29].

Е. Ю. Спасская старалась уделять особое внимание категориям населения, которые особо нуждались в социальной защите и поддержке. В условиях военного времени, это, в первую очередь, были дети: «Поскольку школы были повсеместно закрыты, к нам обратились и дети за заработком, и мы организовали детские артели (бисерную, веревочную, ткацкую и художественную). Организация детских артелей, особенно там, где не было ни яслей, ни «захоронок», была более, чем нужна». Таким образом, Е. Ю. Спасская решила проблему привлечения детей «за заработком» и к общественно-полезному труду одновременно, «ибо это позволяло детишкам хоть на день вырваться из тех тяжелых условий прифронтовой домашней жизни в тесноте, грязи, холоде и «отдохнуть» среди обычных условий школьно-рабочей жизни, из которых выбила их война» [2, с. 30].

Интерес к историко-культурному наследию Западной Украины, желание сохранить его аутентичное разнообразие сблизил Е. Ю. Спасскую с искусствоведами и народными художниками – членами Всероссийского Земского Союза: Е. И. Прибыльской, А. Х. Середой, О. В. Полиновой, В. И. Мозалевским. Взаимодействие научно-творческой интеллигенции с активной молодежью в рамках общего благотворительного дела обрело национально-патриотическую направленность, способствовало установлению дружеских контактов, формированию интереса к исследовательской и собирательской деятельности, служило примером мужества и добросовестного выполнения гражданских обязанностей. Вместе с учеными и художниками, Е. Ю. Спасс-

ская скупала и перерисовывала образцы народного творчества, создавала оригинальные альбомы узоров для вышивания. Всероссийский земский союз обеспечил отправку собранных материалов в Киевский художественно-промышленный и научный музей [3, с. 120]. Благодаря искусствоведам М. Ф. Биляшивскому и Д. М. Щербаковскому, собранные предметы церковно-культурного обихода и народного искусства были введены в экспозицию и дополнили коллекцию вышеупомянутого музея.

Результативность упорного труда Е. Ю. Спасской засвидетельствовала растущая численность занятых работниц: в мае 1916 г. (3-й месяц функционирования совместной мастерской) их насчитывалось уже около 500. В мае 1916 г. в г. Чорткове прошел I Съезд домовой промышленности, на котором заключили продолжать расширение производства и ассортимента: «Проработали план организации нашего дела в дальнейшем: отделение от «питательных» отрядов мастерских со своими складами, отдельными фондами и ответственностью, сборка этнографически-ценных образцов (для будущего издания), открытие мастерских в районах южной Галиции и Буковины» [2, с. 29].

Как ни странно, этот тяжелый, изнурительный и нервный труд приносил Е. Ю. Спасской удовлетворение. После окончания войны она с любовью и уважением вспоминала местное население, которое проявило «чрезвычайно хорошее, теплое отношение к нам на протяжении всего времени труда нашего; доказали нам, что не бесполезной забавой был наш труд, потому что самую правдивую оценку ей могли дать только те люди, ради которых мы работали» [2, с. 31]. В конце 1916 г., с началом эвакуации Черновцов, «мы должны были спешно сворачивать мастерские и выезжать. Тяжело было и жалко бросать начатое дело, покидать людей, с которыми так близко соединил нас совместный труд. Передали станки земству, а машины – магистратуре» – с грустью вспоминала Е. Ю. Спасская [2, с. 55].

Как отметил историк, искусствовед Н. Ф. Биляшивский в предисловии к коллективной монографии «Народное искусство Галиции и Буковины»: «Часто бывает – одно доброе дело вызывает второе, открывает новое пространство для работы. Так было и здесь: утилитарные задачи, которые взял на себя «Отдѣлъ помощи населенію, пострадавшему отъ войны» Киевского Комитета Всерос. Земского Союза» – дать заработок тем, кого захватили страшные события войны, – заставило подойти ближе к народу, присмотреться к его жизни. И открылась одна из сторон этой жизни, часть души народной – красота. Отзывчивость людей, которые помогали гражданскому населению, их энергия превратили чувства в дело – и вновь ожил целый пласт труда, забытый в вихре войны, труда, имеющего такую тесную связь с искусством» [2, с. 7].

Таким образом, благотворительная деятельность Е. Ю. Спасской в период Первой мировой войны была разноплановой: начиная от врачебно-се-

стринской деятельности, работы на «питательном» пункте Всероссийского Земского союза, заканчивая организационными мерами по восстановлению производства. Инициированные Е. Ю. Спасской мероприятия по организации художественных мастерских и артелей способствовали поддержанию экономического потенциала края и улучшению жизненных условий галичан-беженцев, возрождению и сохранению традиционных промыслов и ремесел, и вместе с тем – элементов народной культуры. Ее инициативность, ответственность и целеустремленность в сочетании с гуманностью и высокой моральной ответственностью в условиях военного времени стали ярким примером жертвенности и служения общественным интересам.

Список использованных источников

1. Научно-исследовательский отдел рукописи Российской государственной библиотеки. Ф 218. Собрание отдела рукописей: собрание XII–XX вв. к. 1356. 112. Е. х. 3. Спасская, Евгения Юрьевна. «Подволочинск (1915)» – воспоминания (1971–1972). Автограф. 70 л.+12 лл. обл. В 6 школьных тетрадях. Присоединен маш. список воспоминаний. 65 л.

2. Народное искусство Галиции и Буковины: нар. искусство Галиции и Буковины и Земский Союз в 1916–1917 г.г. войны / изд. ком. Юго-Запад. фронта Всерос. земского союза (Отд. помощи населению, пострадавшему от войны). – К.: Тип. Худож.-ремесл. шк.-мастер. печ. дела, 1919. – 65 с.

3. Ковалевская О. Деяльность Николая Биляшивского в годы Первой мировой войны / О. Ковалевская // Украинский исторический журнал, 2008. – № 2. – С. 119–128.

4. Центральный государственный музей Республики Казахстан. КП 25092/1. Ед. хр. 2. Автобиография Е. Ю. Спасской на украинском языке. Рукописный текст.

(Дата подачи: 10.02.2022 г.)

А. М. Лукашевич

Белорусский государственный университет, Минск

A. Lukashevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476).071«1798/1801»

ЗАБЫТЫЙ РЕФОРМАТОР: ЛИТОВСКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ ГУБЕРНАТОР ИВАН ФРИЗЕЛЬ (1798–1801 ГГ.), ²

FORGOTTENREFORMER: LITHUANIAN CIVIL GOVERNOR IVAN FRIZEL (1798–1801)

В статье раскрывается личность государственного деятеля конца XVIII – начала XIX в. Ивана Григорьевича Фризеля (1760–1810). Анализируется его административная

¹ Благодарность. Автор выражает благодарность Н. Л. Семеновой за предоставленные сведения о И. Г. Фризеле за время его службы в Оренбурге.

деятельность на должности литовского гражданского губернатора в 1798–1801 гг. Отмечается, что И. Г. Фризель являлся одним из немногих губернаторов Павловского правления, который не только с полной ответственностью относился к своим обязанностям, но и проявлял инициативу в решении проблем края. Раскрывается суть проекта решения «еврейского вопроса», разработанного чиновником в 1799–1800 гг.

Ключевые слова: гражданский губернатор; Литовская губерния; И. Г. Фризель; военный губернатор; М. И. Голенищев-Кутузов.

The article reveals the personality of the statesman of the late XVIII – early XIX century Ivan Grigorievich Frizel (1760–1810). His administrative activity as a Lithuanian civil governor in 1798–1801 is analyzed. It is noted that I. G. Frizel was one of the few governors of the Pavlovsk government, who not only took his duties with full responsibility, but also showed initiative in solving the problems of the region. The essence of the draft solution of the "Jewish question", developed by an official in 1799–1800, is revealed.

Keywords: civil governor; Lithuanian province; I. G. Frizel; military governor; M. I. Golenishchev-Kutuzov.

В современной историографии² значительное внимание уделяется губернаторскому корпусу Российской империи. За последние 30 лет были изданы несколько монографий и десятки статей, в которых рассматривается функционирование института губернаторства на протяжении XVIII – начала XX в. В то же время период правления Павла I несколько остается в тени. В российской историографии эти вопросы рассматривали Л. В. Писарькова [1], Н. Л. Семенова [2; 3], в белорусской – А. М. Лукашевич [4; 5], И. Н. Трестьян [6]. Однако вне поля историков остаются исторические портреты губернаторов Павловского правления, одним из которых являлся И. Г. Фризель.

Поэтому в данной статье поставлена цель – раскрыть личность Ивана Григорьевича Фризеля (1760–1810) как государственного функционера конца XVIII – начала XIX в. и проанализировать его административную деятельность на должности литовского гражданского губернатора в 1798–1801 гг.

Иван Григорьевич (Иоганн Фридрих) Фризель (нем. Friesell) происходил из прибалтийского дворянского рода. Он родился 19 мая 1760 г. в Ревеле в семье генерал-майора и актуариуса Георга Фридриха фон Фризеля (1725–1768). Его матерью была Кристина Доротея, урожденная Нациус.

На военном поприще. По существовавшей в XVIII в. традиции, в 1775 г. Иван Фризель был записан на военную службу сержантом [7, с. 632]. 25 декабря 1783 г. его произвели в прапорщики. Первые годы сознательной службы молодой офицер провел в Оренбургском крае, где с 24 августа 1784 г. находился в штабе А. А. Пеутлинга. Затем 1 августа 1785 г. его назначили аудитором в штаб уфимского и симбирского генерал-губернатора О. А. Игельстрома [3, с. 16; 8, л. 1]. В 1786 г. И. Г. Фризеля произвели в секунд-майоры.

² Все даты приводятся по юлианскому календарю.

С 1788 г. офицер служил в 4-м Оренбургском мушкетерском батальоне, где в 1790 г. получил чин премьер-майора. За свою службу в Оренбургском крае офицер был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст.

24 февраля 1793 г. И. Г. Фризеля перевели на службу в Европейскую часть России в Воронежский гусарский полк, где 17 августа 1793 г. он получил чин подполковника [9, с. 170].

С началом восстания 1794 г. под руководством А. Т. Костюшко Воронежский гусарский полк был направлен в гущу военных событий. Он участвовал в боях с повстанцами при Щекочине (26 мая), Конске (16 июня), Голкове (29 июня), Песочном (30 июня) и в сражении при Мацевицах (29 сентября). Затем Воронежские гусары участвовали в штурме Праги (предместье Варшавы, 24 октября).

Об участии И. Г. Фризеля в боевых действиях против повстанцев практически ничего не известно, однако по официальным данным, в течение 1794 г. он числился в полку сверхкомплектным подполковником [9, с. 170]. После окончания военных действий, 30 октября 1794 г. офицер вышел в отставку в чине полковника.

Гражданская служба. Осенью 1794 г. российские власти приступили к формированию гражданской администрации на белорусско-литовских землях, которые планировалось включить в состав империи по 3-му разделу Речи Посполитой. Возглавил эту администрацию литовский генерал-губернатор.

30 октября 1794 г. Екатерина II подписала указ на имя лифляндского, эстляндского и литовского генерал-губернатора князя Н. В. Репнина «О разделении Великого Княжества Литовского на три части и о образе управления оными». К указу прилагался манифест генерал-губернатора [10, с. 572–585]. Согласно указу, территория Великого Княжества Литовского (ВКЛ) делилась на три части с центрами в Вильно, Гродно и Ковно. До официального объявления о присоединении этих земель в ВКЛ была создана переходная система управления – Верховное правление с центром в Гродно. Оно состояло из 4 отделений (казенное, уголовное, гражданское, экономическое). Полковник И. Г. Фризель был назначен начальником казенного отделения Верховного правления ВКЛ [10, с. 574; 11, с. 357].

В его обязанности входило заведывание казенными имениями двух категорий. К первой были отнесены принадлежавшие казне и королю в ВКЛ (коронные и королевские экономические) имения, оставшиеся «праздными». Ко второй категории относились имения умерших и покинувших ВКЛ духовных лиц и монастырей, а также «вотчины, мятежниками покинутые». Со всех этих имений И. Г. Фризель должен был собирать в казну оброчные подати и иные доходы, какие ранее производились в ВКЛ [11, с. 357].

И только спустя год, 14 декабря 1795 г. Екатерина II издала указ «О присоединении к Российской империи всей части Великого Княжества

Литовского, которая по прекращении мятежей в Литве и Польше занята была войсками» [10, с. 845–846]. В тот же день присоединенные земли были разделены на Виленскую и Слонимскую губернии [10, с. 844–845]. Правителями этих губерний назначались генерал-майоры А. П. Тормасов и И. И. Новицкий, а поручиками правителей (вице-губернаторами) – И. Г. Фризель и Н. Волков [10, с. 844, 845].

Наконец, 8 августа 1796 г. новообразованные губернии были переименованы в наместничества, открыть которые планировалось до конца года. Виленское наместничество должно было состоять из 11 поветов, а Слонимское – из 8 [10, с. 922, 922–924].

12 августа 1796 г. рескриптом на имя князя Н. В. Репнина Екатерина II сообщила о назначении епископа тверского Иринея для торжественного богослужения при открытии Виленского и Слонимского наместничеств. Генерал-губернатору поручалось сообщить епископу, куда и когда прибыть, и организовать ему соответствующий прием [11, с. 489–490]. В Вильно Ириней прибыл в ноябре 1796 г., но открыть наместничества не успел, так как императрица скончалась. А в декабре 1796 г. он был отозван новым императором [12, с. 462–463].

После вступления на престол Павла I, 12 декабря 1796 г. он провел административно-территориальную реформу. Согласно указу «О новом разделении Государства на губернии», Виленское и Слонимское наместничества были упразднены, а их территории объединены в Литовскую губернию [13, с. 229–230]. По штату, утвержденному 6 февраля 1797 г., Литовская губерния была отнесена ко 2-му разряду. Поэтому жалование губернатору устанавливалось в размере 2250 руб. в год. При этом вместо столовых денег литовскому губернатору «на стол» определялись «деревни» [7, с. 100; 14, с. 398]. Впрочем, их пожалование зависело исключительно от воли императора.

В ходе реформы И. Г. Фризель формально остался без должности. Однако это было временное организационно-штатное изменение. Уже 7 февраля 1797 г. в награду «за усердную службу и труд» в должности начальника казенного отделения Верховного правления ВКЛ он получил 250 мужских душ в Гродненской экономии [7, с. 103].

А через полтора месяца, 24 апреля 1797 г. И. Г. Фризель был произведен в статские советники и назначен на более престижную должность – литовским почт-директором с жалованием в 1875 руб. в год [7, с. 175]. И уже 6 ноября 1797 г. «за похвальную и усердную службу» Павел I произвел его в действительные статские советники [7, с. 315]. Таким образом, в течение одного года И. Г. Фризель получил два чина по Табели о рангах.

Литовский гражданский губернатор. 26 ноября 1798 г. со службы «с мундиром» был уволен литовский военный губернатор генерал-фельдмаршал князь Н. В. Репнин, утративший благосклонность Павла I.

Вслед за ним в отставку подал и его протеже на должности гражданского губернатора (с 6 января 1797 г.), в прошлом известный дипломат, действительный тайный советник Я. И. Булгаков [7, с. 64]. 19 декабря 1798 г. Павел I уволил его со службы «по прошению» и в тот же день назначил литовским гражданским губернатором И. Г. Фризеля [7, с. 478].

Для отставного полковника это был большой успех. Впрочем, после назначения на губернаторскую должность новых земельных пожалований И. Г. Фризелю не последовало. Поэтому, находясь в достаточно стесненных материальных «обстоятельствах», губернатор за годы службы в Вильне был вынужден продать свое Гродненское имение [8, л. 13].

О том, насколько это было сложное для руководства время, свидетельствуют императорские указы, отданные Сенату в 1799 г. Так, 30 января Павел I распорядился «О наблюдении в Литовской губернии, дабы нигде никакое право, российскими узаконениями не утвержденное не было возобновляемо» [7, с. 491], 3 сентября – «О распространении указа 1797 г., о содержании почт, на Литовскую губернию» [7, с. 554]. Наконец, 16 декабря 1800 г. последовал указ Сенату «О размежевании Литовской губернии» [7, с. 683]. Выполнение всех этих приказаний ложилось на плечи И. Г. Фризеля.

И это в условиях, когда власть литовского гражданского губернатора была существенно ограничена. Дело в том, что в ходе административно-территориальной реформы 1796 г. часть функций бывших генерал-губернаторов была передана в руки военных губернаторов. Более того, Павел I сосредоточил полную власть над краем в руках инспекторов по пехоте (пехоте. – *Авт.*) Литовской военной инспекции (часто возглавляли и Смоленскую инспекцию), которые назначались литовским военным губернатором, а по совместительству – и управляющим гражданской частью Литовской губернии. Поэтому все военные губернаторы при Павле I были генералами – князь Н. В. Репнин (1794–1798), Б. П. Ласси (1798–1799), И. П. Горич (1799, и. д.), М. И. Голенищев-Кутузов (далее – М. И. Кутузов, 1799–1801) [5, с. 210–214].

Несмотря на то что И. Г. Фризелю пришлось поработать со всеми этими генералами, наибольшее взаимодействие по службе он имел с М. И. Кутузовым. Менее чем через месяц после вступления в должность литовского военного губернатора, 16 января 1800 г. Павел I приказал ему иметь «начальство и по гражданской части». 23 января Сенат продублировал этот указ М. И. Кутузову, должность которого звучала так: «литовский военный губернатор, начальствующий и по гражданской части» [15, с. 518].

В связи с этим М. И. Кутузов принял решение о переносе своей главной квартиры из Гродно в Вильно. 20 января 1800 г. он прибыл в бывшую столицу ВКЛ и разместился во дворце бывшего виленского бискупа [15, с. 519].

В должности гражданского губернатора И. Г. Фризелю чаще всего приходилось следить за соблюдением законности во взаимоотношениях между российскими войсками и местными жителями. Будучи в прошлом кавалерийским офицером, он хорошо понимал, что значит произвол военных, и стремился избежать чрезмерного притеснения с их стороны новых российских подданных.

Так, в начале 1800 г. Троцкий нижний земским суд сообщил гражданскому губернатору о «разных притеснениях и побоях, обывателям чинимым» в местечке Ораны со стороны военнотружущих артиллерийской роты полковника графа Я. К. Сиверса. 4 января 1800 г. И. Г. Фризель проинформировал об этом М. И. Кутузова, и тот 10 января предписал генералу М. С. Коробину возместить убытки жителям Оран [15, с. 510].

Подобная ситуация в Литовской губернии повторялась неоднократно. 14 апреля 1800 г. И. Г. Фризель сообщил М. И. Кутузову, что при проходе через Брестский повет следовавшие из-за границы войска под командованием генерал-майора графа Я. К. Сиверса и полковника Иванова взяли под артиллерию «обывательские подводы» (от Бреста до с. Дулкова и от с. Шебрина до Рудки), но не оплатили прогонных денег (18 руб. 90 коп. и 3 руб. и 84 коп.). Поэтому 19 апреля 1800 г. М. И. Кутузов предписал инспектору артиллерии Литовской инспекции генералу Д. П. Резвому сделать предписание «на удовлетворение обывателей» в Брестский земский суд [15, с. 546].

4 июня 1800 г. И. Г. Фризель уведомил военного губернатора, что Александрийский гусарский полк не удовлетворяет «обывателям в обидах». М. И. Кутузов поручил Россионскому нижнему земскому суду провести расследование по жалобам, а 17 июня – предписал шефу Александрийского полка полковнику Н. Ф. Кишинскому назначить своего «депутата». В случае отказа военный губернатор грозился «все жалобы на полк ваш представить в Военную коллегию» [15, с. 567].

Кроме того, гражданскому губернатору приходилось решать вопросы о выделении зданий под склады для нужд военных. В начале февраля 1800 г. возникла проблема с хранением комиссариатских запасов в Бресте, о чем местный городничий сообщил И. Г. Фризелю. Он предложил разместить запасы в повете, но военный комиссионер – отказался. Гражданский губернатор сообщил об этом М. И. Кутузову, а тот 8 февраля 1800 г. предписал полковнику С. А. Холодову (возглавлял брестское комиссариатское депо) определить, какие именно строения в Бресте можно занять, «не вытесняя из оных жителей», и решить вопрос совместно с брестским городничим [15, с. 525].

Нередко гражданскому губернатору приходилось бороться с различными слухами, которые были направлены на возбуждение крестьянских масс. Так, в июне 1800 г. И. Г. Фризель сообщил М. И. Кутузову, что во время его отсутствия (генерал совершал поездку с целью инспекции полков в Кур-

ляндии. – *Авт.*) среди местных жителей стало распространяться предсказание о голоде и море [15, с. 569]. Сообщая об этом 28 июня 1800 г. Павлу I из России, М. И. Кутузов пояснял: «То и другое есть, конечно, вымысел коростололюбивых людей, желающих воспользоваться болезнью народа для своих прибылей» [15, с. 569]. Тем не менее военный губернатор приказал И. Г. Фризелю «строгие употребить меры для отыскания виновников». Если ко времени возвращения в Вильно виновные не будут найдены, М. И. Кутузов обещал употребить «от себя средства все[воз]можные, [чтобы] дойти до источника того коварства». При этом военный губернатор сообщил, что проехал все поветы от Вильно до Курляндии, «и во всех оных тех слухов нет и все спокойно» [15, с. 569].

28 октября 1800 г., в связи с отъездом из Вильно в С.-Петербург, М. И. Кутузов поручил литовскому гражданскому губернатору разрешать в казачьих полках, расположенных на границе, все вопросы, касающиеся гражданской части [15, с. 602]. В частности, в документе от 14 декабря речь шла об отводе квартир при смене полков на кордоне [15, с. 606–607].

В целом проявленные И. Г. Фризелем на службе усердие и исполнительность не остались незамеченными монархом. Еще 9 июля 1800 г. литовский губернатор в числе других начальников был произведен в тайные советники [7, с. 632], что соответствовало III классу по Табели о рангах.

«Еврейский вопрос». В российской дореволюционной историографии И. Г. Фризель получил определение как «защитник равноправия евреев». Когда в конце XVIII в. в правительственных кругах в очередной раз был поднят «еврейский вопрос» (евреев обвиняли в эксплуатации крестьян), начальникам западных губерний предложили высказать свои соображения.

Поскольку И. Г. Фризель как уроженец Ревеля с юности сталкивался с еврейским населением, он отнесся к этой задаче «очень серьезно». Губернатор вник в причины религиозного раскола (на миснагедов и хасидов) и изучил внутренний быт евреев. В итоге он пришел к выводу, что на жизнь евреев наиболее пагубное влияние оказывает кагал.

В конце 1799 – начале 1800 г. И. Г. Фризель подготовил проект (поступил в сенат в апреле 1800 г.) по решению «еврейского вопроса», предполагавший полное гражданское и налоговое равноправие евреев с христианами. В отличие от сенатора Г. Р. Державина («Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев», 1800 г.) [16, с. 261–355] и губернских маршалов, которые в записках позиционировали себя «защитниками интересов крестьян» [17, с. 124–125], И. Г. Фризель обратил внимание на нужды самих евреев.

Как и другие чиновники, он поддержал мнение о необходимости устранения евреев от «питейного промысла» и привлечении их к «производительному труду» [18, с. 137]. В то же время для урегулирования «еврейского вопроса» следовало «предохранить простых евреев от угнетения и привести

народ сей в полезное для государства положение», т. е. необходимо было провести общую реформу. В ее основу И. Г. Фризель предлагал положить «просвещение и равенство». Чтобы лишить кагал неограниченной власти и возможности к злоупотреблениям, губернатор рекомендовал упразднить еврейскую автономию. И. Г. Фризель также выступал за уравнивание евреев в правах с иными группами христианского населения.

И. Г. Фризель предлагал разрешить купцам, наравне с другими, пользоваться «всеми преимуществами, купечеству предоставленными». Аналогичный образом следовало уравнивать и ремесленников, «приписав их к цехам, в которые принимались без разбору всякой нации люди, кроме одних только евреев». Этим двум городским «классам» предлагалось также предоставить права участия в выборах органов управления, в т. ч. по занятию должностей, «ежели только кто окажется, что имеет к тому способность». Что касается евреев-земледельцев («третий класс»), то их предлагалось уравнивать в правах с российскими однодворцами [18, с. 136–138; 17, с. 125–130]. По мнению литовского губернатора, обладая указанными правами, евреи стали бы равноправными гражданами империи.

Проект И. Г. Фризеля, уже после его отставки с губернаторской должности, рассматривался в «Комитете о благоустройстве евреев» (первый Еврейский комитет), который был образован 9 ноября 1802 г. Поскольку предложения И. Г. Фризеля являлись своеобразной альтернативой консервативному по своей сути «Мнению» Г. Р. Державина (предполагало отделение евреев от крестьян), он был отклонен. В то же время, по мнению Дж. Клиера, этот документ «способствовал ознакомлению центральных властей с условиями жизни евреев» [17, с. 130–131].

Сложные годы. После восшествия на престол императора Александра I и в связи с принятым 9 сентября 1801 г. решением о разделении Литовской губернии на две (Виленскую и Гродненскую) И. Г. Фризель был уволен в отставку. Вне службы он находился почти четыре года и за это время его материальное положение значительно ухудшилось. Имея немногим более 40 лет от роду, отставной губернатор искал возможность вернуться на гражданскую службу. С сентября 1805 г. И. Г. Фризель вел переписку с оренбургским военным губернатором князем С. Г. Волконским [19], который знал его еще по военной службе. И его ходатайство о возвращении на службу было поддержано.

В марте 1806 г. Александр I назначил 45-летнего И. Г. Фризеля оренбургским гражданским губернатором. Вероятно, этот выбор был обусловлен тем, что он почти 8 лет прослужил в Оренбургском крае и был знаком с его особенностями [3, с. 16]. Возвращение на службу И. Г. Фризеля было отмечено пожалованием ему в 1806 г. ордена Св. Анны 1-й ст.

Впрочем, только через 1,5 года после назначения, 26 декабря 1807 г. новый оренбургский гражданский губернатор прибыл в Уфу. Однако на этой

должности И. Г. Фризель практически ничем не запомнился. Через три года после назначения он был уволен в отставку по причине «душевной болезни».

О проявившемся у И. Г. Фризеля недуге 3 марта 1809 г. военный губернатор князь Г. С. Волконский писал министру внутренних дел князю А. Б. Куракину: «Болезнь Фризеля заключается в повреждении здравого рассудка и в совершенном ослаблении памяти. Хотя я полагал, что с течением времени его болезнь исчезнет, но к сердечному моему сожалению, по удостоверению медицинского чиновника, посланного от меня, открывается, что болезненное его состояние продолжительно и едва ли излечимо» [8, л. 2; 3, с. 16].

Князь А. Б. Куракин подготовил по этому вопросу доклад. 30 марта 1809 г., как записано в журнале словесных высочайших повелений, Александр I уволил И. Г. Фризеля из-за болезни от должности «с предоставлением ему получаемого жалования» [8, л. 10]. Сенатский указ об увольнении был опубликован 3 апреля 1809 г. [8, л. 11].

Все эти тяжелые годы рядом с губернатором была его супруга – Мавра Лукинична Фризель (? – после 1809 г.). Во время болезни мужа в Оренбурге она вела переписку с князем Г. С. Волконским [20]. Именно она добилась того, что военный губернатор ходатайствовал перед монархом о назначении И. Г. Фризелю пенсии в размере губернаторского жалования.

После отставки И. Г. Фризель выехал в Нижний Новгород, вероятно, для лечения, где 23 сентября 1810 г. и скончался. 20 октября 1810 г. князь Г. С. Волконский сообщил о смерти губернатора князю А. Б. Куракину и просил его «исходатайствовать» вдове «половину пансиона, получаемого мужем по чину» [21, л. 1–1 об.]. И 28 октября 1810 г. эта просьба была удовлетворена Александром I [21, л. 2].

Таким образом, Иван Григорьевич Фризель, несмотря на достаточно короткую жизнь, сумел оставить значительный след в истории как Белорусско-Литовского, так и Оренбургского краев. Полученный в 1780-е гг. в Уфимском и Симбирском наместничествах военно-административный опыт он использовал в дальнейшей гражданской службе в Вильно. Пройдя за 4 года (1794–1798 гг.) должности начальника казенного отделения Верховного правления ВКЛ, виленского вице-губернатора и литовского почт-директора, И. Г. Фризель в конце 1798 г. в 38-летнем возрасте стал литовским гражданским губернатором. Это был достаточно редкий случай для прибалтийского дворянина без протекции (средний возраст губернаторов в Белорусско-Литовском крае при Павле I составлял 50 лет).

На губернаторской должности И. Г. Фризель проявил себя энергичным, ответственным и инициативным деятелем. Он не только точно и своевременно исполнял императорские указы, но и смог установить деловые отношения с военными губернаторами, которые одновременно являлись и управляющими гражданской частью. В силу особенностей края, только

в 1795 г. присоединенного к Российской империи, губернатор сталкивался с различными вызовами – от проявлений политической нелояльности части населения до пестрой этно-конфессиональной структуры населения (иудеи, католики, униаты, православные). Поэтому ему приходилось выполнять ряд дополнительных монарших поручений. В этом плане особое место в истории занимает проект И. Г. Фризеля по решению «еврейского вопроса» (1799–1800 гг.), предполагавший полное гражданское и налоговое равноправие евреев с христианами. Для своего времени он был почти революционным, и поэтому был отвергнут консервативными правительственными кругами.

Неожиданная отставка в 1801 г., а затем возвращение на гражданскую службу в 1806 г. характеризуют И. Г. Фризеля как ответственного человека, который заботился не только о себе, но и о семье. Однако ему не удалось проявить себя на новом месте службы в качестве оренбургского гражданского губернатора. Тяжелая и прогрессирующая болезнь привела И. Г. Фризеля к преждевременной отставке и смерти. Однако есть все основания говорить о нем, как о незаурядной личности и значимом государственном деятеле конца XVIII – начала XIX в.

Список использованных источников

1. *Писарькова, Л. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы / Л. Ф. Писарькова. – М.: РОССПЭН, 2007. – 743 с.
2. *Семенова, Н. Л.* Социокультурный облик высшего руководства Оренбургской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. / Н. Л. Семенова. – СПб.: Нестор-История, 2020. – 203, [3] с.
3. *Семенова, Н. Л.* Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII – первая четверть XIX веков) / Н. Л. Семенова // Новый исторический вестник: журнал Рос. гос. гуман. ун-та. – 2016. – № 48(2). – С. 10–26.
4. *Лукашевич, А. М.* Организация гражданского и военного управления в белорусских губерниях Российской империи (1796–1806) / А. М. Лукашевич // Беларускі археаграфічны штогоднік / рэдкал.: У. К. Коршук (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2006. – Вып. 7. – С. 121–130.
5. *Лукашевич, А. М.* Эволюция военного управления в белорусских губерниях Российской империи (1796–1812) / А. М. Лукашевич // Архіварыус: зб. навук.-папул. паведамл. і арт. Сер. Гісторыя, архівазнаўства, крыніцазнаўства. – Мінск, 2012. – Вып. 10. – С. 210–225.
6. *Трестьян, И. Н.* Кадровый состав корпуса гражданских губернаторов на территории Беларуси (1772–1856 гг.) / И. Н. Трестьян // Весці БДПУ. Серыя 2. – 2018. – № 2. – С. 23–28.
7. Сенатский архив: в 15 т. – СПб.: тип. Правительствующего Сената, 1888. – [3], 746. – Т. 1: Именные указы Императора Павла I. – 231 с.

8. РГИА. Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной МВД. Оп. 1. 1809 г. Д. 178. О назначении и увольнении гражданских и военных губернаторов. – 29 л.

9. Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету, шефам и штаб-офицерам, також де кавалерам Военного ордена и старшинам в иррегулярных войсках на 1794 год. – СПб.: при Гос. Воен. коллегии, 1794. – IV, 475 с.

10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1: в 45 т. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. 23: 1789 – 31 окт. 1796 г. – 974 с.

11. Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1867–1916. – Т. 16: Бумаги князя Н. В. Репнина за время управления Литвою (годы с 1794 по 1796) / изд. под набл. Н. И. Костомарова А. А. Половцова. – 1875. – 584 с.

12. Православная энциклопедия: в 62 т. Т. 26: Иосиф I Галисий – Исаак Сирий. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2011. – 752 с.

13. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. 24: 6 нояб. 1796 – 1798 г. – 872 с.

14. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. 44, ч. 2. Книга штатов. Отделение III и IV. – 1178 с.

15. М. И. Кутузов. Сборник документов и материалов: в 5 т. Т. 1 / под ред. Л. Г. Бескровного. – М.: Воен. издательство, 1950. – XLVII, [1], 793, [1] с., [11] л. ил., карт., портр., факс.табл.

16. *Державин Г. Р.* Сочинения Державина: в 7 т. / с объясн. примеч. и предисл. Я. Грота. – 2-е акад. изд. (без рис.). – Т. 7: Сочинения в прозе. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1878. – XIV, 661 с.

17. *Клиер, Дж. Д.* Россия собирает своих евреев = Russia gathers her jews: Происхождение евр. вопр. в России: 1772–1825 / Дж. Д. Клиер; пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. – М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 1999 (2000). – 351, [1] с., [8] л. ил., к., портр.

18. *Гессен, Ю. И.* История еврейского народа в России: в 2 т. / Ю. И. Гессен. – Л.: Тип. К.-О. Ленингр. Губпрофсовета, 1925–1927. – Т. 1. – 1925. – 244 с.: табл., к.

19. РГИА. – Ф. 844. Волконские св. князя. – Оп. 2. – Д. 176. Письма Ивана Григорьевича Фризеля Григорию Семеновичу Волконскому и черновики ответных писем Г. С. Волконского (дефектные). 8 сент. 1805 – 23 июня 1808 г. – 11 л.

20. РГИА. – Ф. 844. Оп. 2. Д. 177. Письма Мавры Лукинишны Фризель Григорию Семеновичу Волконскому и черновики ответных писем Г. С. Волконского. 2 марта – 29 июня 1809 г. – 14 л.

21. РГИА. – Ф. 1286. Оп. 1. 1810 г. Д. 99. Дело о пансионе вдове тайного советника Фризеля. 23 октяб. 1810 г. – 9 л.

(Дата подачи: 09.02.2022 г.)

Я. М. Ляпешкін
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

Y. Liapeshkin
Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476):35.07«1864/1917»

УЗАЕМАСУВЯЗІ ГУБЕРНАТАРА З ВІЦЭ-ГУБЕРНАТАРАМ У БЕЛАРУСІ (1864–1917 ГГ.)

RELATIONSHIP BETWEEN THE GOVERNOR AND THE VICE-GOVERNOR IN BELARUS (1864–1917)

У артыкуле разгледжаны службовыя адносіны губернатара з віцэ-губернатарам на тэрыторыі Беларусі ў 1864–1917 гг. Зроблена выснова, што стасункі будаваліся розныя: ад даверлівых да супрацьстаяння. Калі не ўдавалася дасягнуць паразумення – адзін з чыноўнікаў імкнуўся перавесціся сам ці перавесці свайго папличніка ў іншую губерню. Паказана, што закон абавязваў віцэ-губернатара падпарадкоўвацца і дапамагаць губернатару, а таксама займацца справамі губерні падчас адсутнасці апошняга. Разам з тым на практыцы так адбывалася не заўсёды. Адзначаецца, што падчас Першай сусветнай вайны (з канца 1915 г.) за губернатарамі пакідалася агульнае кіраўніцтва губерняй, а за гадванне бягучымі справамі ўскладалася на віцэ-губернатараў.

Ключавыя словы: беларускія губерні; губернатары; віцэ-губернатары; службовыя адносіны.

The article considers the official relations of the governor with the vice-governor on the territory of Belarus in 1864–1917. It is concluded that the relationship was different: from trusting to confrontational. If no agreement was reached, one of the officials tried to transfer himself or transfer his ally to another province. It is shown that the law obliged the vice-governor to obey and assist the governor, as well as to deal with the affairs of the province in the absence of the latter. However, this did not always happen in practice. It is noted that during the First World War (from the end of 1915) the governors were left with the general leadership of the province, and the command of current affairs was entrusted to the vice-governors.

Keywords: Belarusian provinces; the governors; vice-governors; official relations.

Губернатарскі корпус перыяду Расійскай імперыі даволі актыўна даследуецца. Навукоўцы прыступілі да вывучэння і віцэ-губернатарскага корпуса [1; 2]. Але пытанню ўзаемаадносін службовых асоб розных узроўняў улады надаецца недастаткова ўвагі, асабліва ў беларускіх губернях (Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Магілёўскай і Мінскай). Таму варта разгледзіць праблему службовых адносін губернатара з віцэ-губернатарам у Беларусі ў 1864–1917 гг.

На працягу 1775–1845 гг. статус віцэ-губернатара ў сістэме кіравання змяняўся. Першапачаткова ён з’яўляўся намеснікам і галоўным памочнікам губернатара (начальніка губерні). Паводле «Устанаўленняў для кіравання

губерняў Усерасійскай імперыі» 1775 г. ён меў афіцыйную назву паручнік правіцеля (губернатара) ці віцэ-губернатар, прызначаўся на пасаду імператарам. У выпадку адсутнасці начальніка губерні ён заступаў яго месца, засядаў у казённой палаце [3, с. 234, 237, 240].

Па «Наказу» губернатарам 1837 г. віцэ-губернатар з'яўляўся старшым саветнікам губернскага праўлення [4, с. 361]. Ён прызначаўся на пасаду па прадстаўленні міністра ўнутраных спраў указамі імператара. Па прадстаўленні віцэ-губернатара губернскім праўленнем прызначаліся ўсе чыноўнікі першага аддзялення канцылярыі гэтага органа. Іх зацвярджаў губернатар [5, с. 439–440].

А ўжо «Устанаўленне губернскіх праўленняў» 1845 г. падпарадкоўвала віцэ-губернатара непасрэдна губернатару і аб'яўляла ягоным памочнікам [6, с. 23].

Віцэ-губернатар з'яўляўся старшай пасля губернатара асобай у губерні і ва ўсіх пасяджэннях і сходах займаў пасля яго ж першае месца, саступаючы толькі губернскаму прадвадзіцелю дваранства. Ён павінен быў прысутнічаць, па магчымасці, ва ўсіх губернскіх камітэтах, камісіях і ўстановах пад старшынствам начальніка губерні; ажыццяўляць нагляд па ўсіх частках губернскага праўлення; заступаць месца губернатара, калі той па якіх-небудзь прычынах не мог кіраваць губерняй [7, с. 58–59].

Віцэ-губернатары прызначаліся, звальняліся і перамяшчаліся з дазволу імператара. Напрыклад, 17 чэрвеня 1888 г. Аляксандр III дазволіў перамясціць мінскага віцэ-губернатара В. В. Пятрова (1886–1888) і віленскага – П. Р. Пагодзіна (1885–1888) аднаго на месца другога. Пра што начальніку губерні паведамлілі з Міністэрства ўнутраных спраў [8, арк. 1–1 зв.].

Калі губернатар хварэў, адсутнічаў ці быў звольнены, то яго пасада даручалася віцэ-губернатару. У выпадках калі ён адсутнічаў ці не мог зрабіць гэтага па нейкіх прычынах, кіраўніцтва губерняй ускладалася на кіраўніка казённой палаты альбо кіраўніка дзяржаўных маёмасцяў (з 1906 г. у заканадаўчых артыкулах назва пасады перайменавана ў начальніка ўпраўлення земляробства і дзяржаўных маёмасцяў) у залежнасці ад старшынства чыноў [7, с. 23–24]. Такім чынам, калі губернатар па пэўных прычынах не мог выконваць свае абавязкі, яго замяшчаў у першую чаргу віцэ-губернатар.

У якасці ілюстрацыі адносін начальніка губерні і яго намесніка можна прывесці наступныя прыклады замяшчэння губернатарскай пасады.

Так, начальнік Віленскай губерні А. М. Жамчужнікаў (1882–1885) 11 мая 1885 г. адправіўся для агляду губерні і кіраванне перадаў віцэ-губернатару П. Я. Ахрэменка (1868–1885) [9]. 5 сакавіка 1910 г. магілёўскага губернатара барона К. С. фон Нолькена (1908–1910) імператарскім указам звольнілі ад службы, паводле прашэння, з-за сапсаванага здароўя. У выніку кіраўніцтва губерняй прыняў віцэ-губернатар С. А. Шыдлоўскі (1907–1912) [10].

Віцебскі губернатар М. П. Галахаў (1915–1916) 12 верасня 1916 г. выбыў па справах службы ў Петраград, перадаўшы кіраванне губерняй віцэ-губернатару А. П. Марозаву (1915–1916) [11, арк. 26].

Начальнік губерні пакідаў свой пост на пэўны час і па сямейных абставінах. Так, жонку мінскага губернатара А. Ф. Гірса (1912–1915) напаткала цяжкая хвароба. Таму з 8 красавіка 1914 г. яго замяшчаў віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў (1912–1915) [12, арк. 22–23].

Між іншым, калі губернатар пакідаў па службовых справах толькі губернскі горад, застаючыся ў межах губерні, то «...ён не лічыцца адсутным з губерні і не адхіляецца ад удзелу ў справах, асабіста яму даручаных...» [7, с. 24]. Таму чыноўнік, які заступаў месца губернатара, у сумнеўных выпадках адкладаў справы да вяртання начальніка, альбо адсылаў іх яму для вырашэння. І падпісваўся ў такім выпадку «За губернатара». Той хто выконваў пасаду начальніка губерні «на той жа падставе, як і сам губернатар», падпісваўся «Выконваючы пасаду» [7, с. 24].

Рэалізацыяй гэтага заканадаўчага артыкула ў галіне адносінаў начальніка губерні і яго намесніка можа служыць наступны прыклад. Так, дыркуляр магілёўскаму паліцмайстру і павятовым спраўнікам ад 5 кастрычніка 1867 г., якім абмяжоўвалася абраднасць каталіцкіх вернікаў, падпісаў «В. п. [выконваючы пасаду] губернатара» віцэ-губернатар М. М. Біппен (1864–1868) [13, арк. 19].

Нягледзячы на наяўнасць у заканадаўстве правілаў, мінскі губернатар А. Ф. Гірс, выязджаючы 23 красавіка 1913 г. па справах службы ў Бабруйскі павет, нагадаў віцэ-губернатару М. С. Чаныкаеву вырашаць справы і падпісваць паперы «за губернатара» [14, арк. 76].

Прапісаны ў заканадаўстве механізм замяшчэння губернатара на практыцы не меў адрознення паміж беларускімі і іншымі губернямі Расійскай імперыі. Напрыклад, падчас службовых паездак томскага губернатара барона К. С. фон Нолькена (1905–1908), абавязкі па кіраванні губерняй ускладаліся на віцэ-губернатара ці кіраўніка казённай палаты [15, с. 171]. Таксама кастрамскі губернатар Л. М. Князеў (1902–1905) на працягу 1905 г. тройчы перадаваў кіраванне губерняй віцэ-губернатару Я. Я. Ізвекаву [16, с. 508].

Між тым, здаралася, што губернатар і віцэ-губернатар не заўсёды падыходзілі адзін другому. Напрыклад, гродзенскі губернатар М. М. Асаргін (1903–1905) згадваў ва ўспамінах, што з боку свайго найбліжэйшага памочніка В. Дз. Лішына (1899–1905) ніколі не адчуваў варажасці ці зайздрасці, але мала бачыў ад яго дапамогі па службе. Больш за тое, пры змене якога-небудзь нягоднага падначаленага губернатар сустракаў супраціўленне з боку віцэ-губернатара, таму і не разлічваў на яго рэкамендацыі [17, с. 585].

В. Дз. Лішын звычайна хварэў ці адсутнічаў, таму пры адпачынках М. М. Асаргіна выконваць яго абавязкі павінен быў кіраўнік дзяржаўных

маёмасцяў А. І. Валковіч як старэйшы ў чыне. Але, па дамове з ім, губернатар перадаваў заўсёды сваю пасаду старшыні казённой палаты А. В. Ластачкіну, таму што «Акінфій Іванавіч Валковіч быў старога гарту, былы міравы пасрэднік яшчэ часоў Мураўёва, нікому не давяраў, а палякаў ненавідзеў арганічна» [17, с. 591].

Былі і больш паспяховыя стасункі вышэйшых адміністрацараў губерні. Узаемаадносінны магілёўскага губернатара А. І. Пільца (1910–1916) і віцэ-губернатара князя У. А. Друцкога-Сакалінскага (1913–1916) склаліся працоўныя, добразычлівыя. Апошні з гэтай нагоды пісаў: «Праслужылі мы з Пільцам у Магілёве больш за два гады, і паміж намі ніколі не ўзнікала службовых непаразуменняў і ўскладненняў, хаця нашы погляды значна з ім разыходзіліся» [18, с. 69]. Справа ў тым, што ў А. І. Пільца, у адрозненні ад яго намесніка, былі больш ліберальныя палітычныя перакананні і больш мяккая сістэма кіравання: «...шукаў пагаднення, не спяшаўся і не навязваў рашэнняў, часта будаваў разлік на час і выпадковыя акалічнасці» [18, с. 69]. А князь У. А. Друцкой-Сакалінскі наадварот «...не дапускаў згоды, гандлю, а выбраўшы лінію, упарта ішоў па ёй, не баючыся перашкод і ўскладненняў як для самой справы, так і для сябе асабіста» [18, с. 70].

Такім чынам, рознасць у палітычных поглядах і падыходах да кіравання не абавязкова перашкаджала ўзаемаразуменню і сумеснай працы начальніка губерні і яго намесніка.

Даверлівыя адносінны склаліся і ў гродзенскага губернатара П. М. Баярскага (1912–1913) за часы службы з віцэ-губернатарам У. У. Сталяровым (1906–1916). Пра гэта сведчыць ліст, які П. М. Баярскі, пакінуўшы назаўжды пасаду ў Гродна, адправіў 18 кастрычніка 1913 г. свайму пераемніку В. М. Шабека (1913–1916): «Лічу абавязкам запэўніць Вас, што ў асобе віцэ-губернатара У. У. Сталярова, кіраўніка канцылярыі Сямёна Яўхімавіча Лінніка і паліцмайстра Аляксандра Фёдаравіча Шкенева Вы знойдзеце выдатных работнікаў і людзей, якім можаце цалкам даверыцца» (цыт. па [19, с. 12–13]).

Аднак змена губернатара нярэдка прыводзіла і да перамены мадэлі ўзаемасувязяў. У прыватнасці, падчас Першай сусветнай вайны перамена начальніка Магілёўскай губерні значна пагоршыла адносінны віцэ-губернатара з новым кіраўніком. Справа ў тым, што ў лютым 1916 г. А. І. Пільц, атрымаўшы пасаду таварыша міністра ўнутраных спраў, пайшоў на павышэнне. Замест яго ў Магілёў быў прызначаны губернатарам Дз. Г. Яўленскі (1916–1917) [20, с. 782–784].

Новы губернатар, па словах князя У. А. Друцкога-Сакалінскага, аказаўся чалавекам добрым, але “без найменшага характару, памяркоўным, нерашучым і падаглівым...” [18, с. 81]. Таму ўся губерня хутка «развінцілася і распаўзлася». Былы віцэ-губернатар згадваў ва ўспамінах гэту перамену на асабістым узроўні: «Пры выглядзе ўсяго таго, што адбываецца,

і ўсведамляючы сваё поўнае бяссілле паправіць становішча, у мяне знікла цікавасць да справы і я толькі адбываў належныя гадзіны на працы. Было вельмі сумна, вельмі маркотна і неяк цягуча нудна» [18, с. 81].

Мемуарыст князь У. А. Друцкой-Сакалінскі пісаў: «...мая сумесная з новым губернатарам Яўленскім служба вельмі мяне гняла і прыгнятала. Я не мог прызвычаіцца з хаосам, які запанаваў у справах кіравання губерняй» [18, с. 88]. Віцэ-губернатар спадзяваўся сам стаць начальнікам іншай губерні. Гэтая надзея спраўдзілася – і ў жніўні 1916 г. ён атрымаў прызначэнне ў Мінск [21, с. 117].

Падчас сустрэчы новага мінскага губернатара князя У. А. Друцкога-Сакалінскага з мясцовым віцэ-губернатарам М. А. Астаф'евым (1915–1916), апошні выказаў асцярогі адносна адміністрацыйных здольнасцяў маладога начальніка (яму было ўсяго 36 гадоў). У сваю чаргу, князю такія сумненні не спадабаліся і ён прасіў больш іх не выказваць. Былы мінскі губернатар потым пісаў, што гэты «інцыдэнт быў адзінай шурпатасцю ў нашых з Астаф'евым адносінах, якія да самага пераводу яго віцэ-губернатарам у Харкаў заставаліся нязменна сяброўскімі і нават сардэчнымі» [18, с. 102].

З самага пачатку сваёй кар'еры ў Мінску князь У. А. Друцкой-Сакалінскі загадаў пераправіць усю дробную перапіску па сваёй канцылярыі віцэ-губернатару М. А. Астаф'еву. Неўзабаве яму ж было даручана замяшчаць губернатара на пасяджэннях воінскай прысутнасці і губернскай па судовых справах установы. Князь У. А. Друцкой-Сакалінскі апісваючы гэты эпізод ва ўспамінах падсумаваў: «Разгрузіўшыся такім чынам да вядомай ступені, я з галавой акнуўся ў справу азнаямлення са станам губерні» [18, с. 110].

Аднак змена асобы на пасадзе віцэ-губернатара часам стварала неспрыяльную глебу ў адносінах начальніка і яго новага найбліжэйшага памочніка.

Можна прывесці прыклад з мінскім віцэ-губернатарам Я. І. Вішнеўскім (1916–1917), прызначэнне якога стала поўнай нечаканасцю для губернатара. Па назіраннях князя У. А. Друцкога-Сакалінскага яго новы памочнік не валодаў аўтарытэтам ні сярод сваіх падначаленых, ні сярод ваеннага начальства: «Ваенная ўлада ў грош яго не ставіла, і ўсе мае намаганні да аднаўлення прэстыжу грамадзянскай улады, ужо гэтак скампраметаванага маім папярэднікам, у адно імгненне сціраліся і знікалі, як толькі я пакідаў Мінск і перадаваў Вішнеўскаму кіраванне губерняй» [18, с. 235]. Акрамя таго, Я. І. Вішнеўскі быў жанаты з дачкой доктара тыбецкай медыцыны П. А. Бадмаева, знаёмага, на думку сучасніка, з міністрам унутраных спраў А. Дз. Пратапопавым і Р. Я. Распуціным. Таму князь У. А. Друцкой-Сакалінскі небеспастаўна лічыў, што «кар'ера рабілася Вішнеўскім праз цесця», і што, з-за гэтай «бадмаеўшчыны» і «распуціншчыны» «...Вішнеўскі не толькі быў для Мінска неаўтарытэтным, але выклікаў да сябе ўжо выразна гідлівае, пагардлівае пачуццё» [18, с. 235–236].

«Асабіста мяне супрацоўніцтва віцэ-губернатара кшталту Вішнеўскага надзвычай не задавальняла», – скардзіўся ў сваіх запісках князь У. А. Друцкой-Сакалінскі. Мінскаму губернатару як чалавеку была брыдка сувязь яго падначаленага з імем Р. Я. Распуціна, да таго ж «гэтая распуціншчына Вішнеўскага накладвала цень на ўсю мінскую адміністрацыю...» [18, с. 236].

Больш за тое, мінскі губернатар не лічыў Я. І. Вішнеўскага сваім памочнікам ці дарадцам і тлумачыў гэта яго безініцыятыўнасцю, хоць той і быў надзвычай працавітым. «З прызначэннем Вішнеўскага я заўсёды пакідаў Мінск з пачуццём поўнай няўпэўненасці, з сумневам і асцярогай» [18, с. 237], – сцвярджаў князь У. А. Друцкой-Сакалінскі. Апроч усіх іншых асаблівасцяў Я. І. Вішнеўскага начальніку губерні не падабалася, што той «быў зусім не свецкім, не ўмеў гаварыць з людзьмі, не ўмеў у іх разбірацца...» [18, с. 237]. Таму князь У. А. Друцкой-Сакалінскі, знаходзячыся па службовых справах у Петраградзе, спрабаваў дабіцца пераводу Я. І. Вішнеўскага ў іншую губерню, але беспаспяхова [18, с. 237, 245].

Такім чынам, змена начальніка губерні ці яго найбліжэйшага памочніка нярэдка прыводзіла і да перамены мадэлі ўзаемасувязяў. Губернатар і віцэ-губернатар не заўсёды хацелі служыць разам. У некаторых выпадках яны прыстасоўваліся. Але ў сітуацыях непрымальнасці – адзін з чыноўнікаў імкнуўся перавесціся сам ці перавесці свайго калегу ў іншую губерню.

У іншых рэгіёнах Расійскай імперыі таксама складваліся розныя мадэлі сувязяў паміж губернатарам і яго намеснікам: ад даверлівых да канфліктных. Напрыклад, разанскі віцэ-губернатар У. А. Колабаў быў сапраўдным паплечнікам і карыстаўся даверам у губернатара князя А. М. Абаленскага (1910–1914). А сумесная служба астраханскага губернатара М. М. Біппена (1868–1880) і яго намесніка І. С. Астравумава скончылася сыходам апошняга ў адстаўку па хадаініцтву яго ж начальніка [1, с. 306–307, 313].

Беларускія губерні падчас Першай сусветнай вайны знаходзіліся на ваенным становішчы. Таму мясцовая грамадзянская ўлада на тэрыторыі Беларусі перайшла ў падпарадкаванне вайскоўцам [22, с. 316; 19, с. 42]. У сваю чаргу, ваенныя падзеі прывялі і да змены практыкі адміністравання.

Адміністрацыйнае кіраванне Магілёўскай губерняй у гады Першай сусветнай вайны знаходзілася ў незвычайным стане. Прычынай гэтаму стаў перавод у жніўні 1915 г. Стаўкі ў Магілёў і заняцце пасады Вярхоўнага галоўнакамандуючага самім імператарам [22, с. 331].

Губернатар А. І. Пільц займаўся прадстаўніцтвам, уладкаваннем тэрыторыі да прыезду манарха (будаўніцтва імператарскай веткі, арганізацыя аховы). Згодна з асаблівым дазволам міністра ўнутраных спраў, А. І. Пільц перадаў кіраванне Магілёўскай губерняй свайму віцэ-губернатару князю У. А. Друцкому-Сакалінскаму. Аднак апошні не мог справіцца з усёй працай. Акрамя бягучых спраў і старшынства ў розных губернскіх прысутнас-

цяx маса часу сыходзіла на ўладкаванне бежанцаў і, эвакуяванай з занятых нямецкімі войскамі тэрыторый, паліцыі. Таму А. І. Пільц, паводле слоў сучасніка, прасіў міністра ўнутраных спраў аб камандзіраванні яшчэ двух віцэ-губернатараў. Аднаго для загадвання бежанскай справай, а іншага для дапамогі ў кіраванні губерняй [18, с. 45–46].

Неўзабаве ў Магілёў прыбылі ковенскі віцэ-губернатар У. М. фон Штэйн і радомскі віцэ-губернатар М. М. Далгова-Сабураў. Першы назіраў за перамяшчэннем і ўладкаваннем бежанцаў, а другі дапамагаў у Магілёве. «І за ўвесь час майё сумеснай з гэтымі двума асобамі працы я не памятаю аніводнага паміж намі рознагалосся, аніводнага непаразумеання ці найменшай шурпатасці», – рэзюмаваў у сваіх мемуарах князь У. А. Друцкой-Сакалінскі [18, с. 46].

Пытанні ваеннага часу ў прыфрантавых губернях выклікалі неабходнасць правядзення частых пасяджэнняў у прысутных месцах і ўстановах. У іх трэба было старшыняваць начальніку губерні, а вольнай гадзіны на гэта не хапала. Таму, напрыклад, мінскі губернатар А. Ф. Гірс 15 красавіка 1915 г. прасіў віцэ-губернатара М. А. Астаф'ева, «часова, да змены існуючага становішча, прыняць на сябе старшынства замест мяне ў чарговых пасяджэннях: 1) Губернскай па воінскай павіннасці прысутнасці, 2) Губернскай прысутнасці па судовых справах, 3) Губернскай прысутнасці па прамысловым падатку і 4) Камітэта па аглядзе псіхічна хворых» [23, арк. 18].

У губернях, аб'яўленых на ваенным становішчы, адміністрацыя хутка сутыкнулася з праблемай бежанцаў. Губернатары даручалі бежанскае пытанне свайму намесніку. Так, мінскі губернатар А. Ф. Гірс 30 жніўня 1915 г. прасіў віцэ-губернатара М. А. Астаф'ева «наведаць м. Старыя Дарогі, Бабруйскага павета, для азнаямлення на месцы з пастаноўкай медыцынска-харчавальнай дапамогі бежанцам і паспяховасцю іх перамяшчэння ў межах губерні» [23, арк. 56]. А ўжо 4 кастрычніка 1915 г. А. Ф. Гірс, паводле дадзеных ім указанняў, прасіў віцэ-губернатара М. А. Астаф'ева «выехаць асабіста ў м. Мір, Навагрудскага павета, для ўладкавання на месцы бежанцаў» [23, арк. 62].

Ваенныя падзеі ўплывалі на размеркаванне паўнамоцтваў паміж начальнікам губерні і яго намеснікам. Для ўрэгулявання гэтага працэсу з боку вышэйшага кіраўніцтва краіны рабіліся адпаведныя захады. Так, 20 кастрычніка 1915 г. імператар Мікалай II распарадзіўся «вызваліць губернатараў <...> ад загадвання бягучымі справамі, пакінуўшы за імі агульнае загадванне кіраваннем губерняй» (цыт. па [22, с. 318]). Адначасова ён усклаў на іх «адказны кірунак і аб'яднанне на месцах усіх мерапрыемстваў і дзеянняў, выкліканых умовамі ваеннага часу, а таксама і па барацьбе з дарагоўляй прадметаў першай неабходнасці» (цыт. па [22, с. 318]). У выніку клопат пра бягучыя справы ўскладаўся на віцэ-губернатараў [22, с. 318].

У сувязі з дадзеным імператарскім указам, мінскі губернатар А. Г. Чарняўскі (1915–1916) 21 лістапада 1915 г. прасіў віцэ-губернатара М. А. Астаф’ева «вырашаць самастойна і падпісаць за губернатара надалей да адмысловага распараджэння бягучыя перапіскі» па ўсіх падведамасных губернатару губернскіх установах, за некаторымі выключэннямі [23, арк. 129–130].

Такім чынам, узаемасувязі губернатара з віцэ-губернатарам на тэрыторыі Беларусі ў 1864–1917 гг. складваліся розныя. Яны вар’іраваліся ад даверлівых і канструктыўных да супрацьстаяння. У выпадках калі не ўдавалася дасягнуць паразумення – адзін з чыноўнікаў імкнуўся перавесціся сам ці перавесці свайго паплечніка ў іншую губерню. Змена губернатара ці яго намесніка нярэдка прыводзіла і да перамены мадэлі зносінаў. Заканадаўства падпарадкоўвала віцэ-губернатара непасрэдна начальніку губерні і аб’яўляла ягоным памочнікам. Але ў рэальным жыцці, той хто павінен быў дапамагаць, не заўсёды гэта рабіў. Падчас адсутнасці начальніка губерні, яго замяшчаў у першую чаргу віцэ-губернатар. У перыяд Першай сусветнай вайны (з канца 1915 г.) за губернатарамі пакідалася агульнае кіраўніцтва губерняй, а загаданне бягучымі справамі ўскладалася на віцэ-губернатараў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Минаков, А. С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений: по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв. / А. С. Минаков; отв. ред. В. В. Шелохаев. – Орел: Орлик: А. Воробьев, 2011. – 487 с.
2. *Любичанковский, С. В.* Вице-губернаторский корпус Урала в конце XIX – начале XX в. (социокультурная характеристика) / С. В. Любичанковский // Известия Урал. гос. ун-та. – 2006. – № 41. – С. 193–206. – (Сер. 2: Гуманитар. науки).
3. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи, 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 20. – С. 229–304.
4. Общий наказ гражданским губернаторам: имен. указ Сенату, 3 июня 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: в 55 т. – СПб., 1838. – Т. 12, отделение 1. – С. 361–439.
5. О порядке производства дел в губернских правлениях: высочайше утв. положение, 3 июня 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: в 55 т. – СПб., 1838. – Т. 12, отделение 1. – С. 439–463.
6. Учреждение губернских правлений: имен. указ Сенату, 2 января 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: в 55 т. – СПб., 1846. – Т. 20, отделение 1. – С. 16–60.
7. Свод законов Российской империи: [в 16 т.] / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. – Изд. неофиц. – СПб.: Деятель, 1912. – Т. 2: Свод губернских учреждений. – 737 с.

8. НГАБ. – Ф. 299. Мінскае губернскае праўленне. – Воп. 7. – Спр. 2421. Дело о перемещении минского вице-губернатора действ. стат. Петрова на должность виленского вице-губернатора Погодина. 28.06.1888–13.07.1888.

9. Официальное объявление губернских властей // Вилен. губерн. ведомости. – 1885. – 15 мая. – С. 1.

10. Имен. указ Сенату, 5 марта 1910 г. // Могилев. губерн. ведомости. – 1910. – 13 марта. – С. 63.

11. НГАБ. – Ф. 1416. Віцебскае губернскае праўленне. – Воп. 2. – Спр. 25575. Дело о службе витебского вице-губ. статского советника Александра Павловича Морозова. Фев. 1916 г.

12. НГАБ. – Ф. 299. – Воп. 2. – Спр. 15799. Резолюции минского губернатора и Правления о замещении начальника губернии и других должностных лиц на время выезда, болезни и др. 08.01.1914–08.01.1915.

13. НГАБ. – Ф. 2001. Канцелярыя магілёўскага грамадзянскага губернатара. – Воп. 1. – Спр. 1042. Циркуляры губернатора о воспрепятствовании Домостому Викентию ехать в С.-Петербург для подачи императору прошения в восстановлении Деречинского костела. 16.08.1867–29.05.1868.

14. НГАБ. – Ф. 295. Канцелярыя мінскага грамадзянскага губернатара. – Воп. 1. – Спр. 8105. Дело о службе минского губернатора действительного статского советника А. Ф. Гирса. 26.11.1912–08.08.1915.

15. *Яковенко, А. В.* Томские губернаторы: библиограф. указ. / А. В. Яковенко, В. Д. Гахов. – Томск: Ветер, 2012. – 223 с.

16. *Марасанова, В. М.* История органов губернского управления в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Верхнего Поволжья): дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / В. М. Марасанова. – Ярославль, 2005. – 783 л.

17. *Осоргин, М. М.* Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение всей моей жизни, 1861–1920 / М. М. Осоргин. – М.: Рос. фонд культуры [и др.], 2009. – 999 с.

18. *Друцкой-Соколинский, В. А.* На службе Отечеству: зап. рус. губернатора (1914–1918 гг.) / В. А. Друцкой-Соколинский. – Орел: РКФ «3 июля: РИГ «Невероят. мир», 1994. – 405 с.

19. *Черепица, В. Н.* Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 535 с.

20. Могилевская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е. К. Анищенко [и др.]; сост.: Ю. Н. Снапковский, Д. Л. Яцкевич; редкол.: Д. В. Яцевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларусь, 2014. – 814 с.

21. Минские губернаторы, вице-губернаторы и губернские предводители дворянства, 1793–1917: биограф. справ. / Нац. ист. арх. Беларуси; сост. Ю. Н. Снапковский; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: Беларусь, 2016. – 398 с.

22. *Бригадин, П. И.* Минские губернаторы: история власти / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – 351 с.

23. НГАБ. – Ф. 299. – Воп. 7. – Спр. 530. Дело о службе минского вице-губернатора коллежского советника Н. А. Астафьева. 17.03.1915–14.01.1917.

(Дата падачы: 03.02.2022 г.)

М. П. Лях

Белорусский государственный университет, Минск

M. Liakh

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(52):327

МОСКОВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И НОРМАЛИЗАЦИЯ ЯПОНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1956 Г.

MOSCOW NEGOTIATIONS AND NORMALIZATION OF JAPANESE-SOVIET RELATIONS IN 1956

Данная статья посвящена Московским переговорам между Японией и Советским Союзом и подписанию совместной декларации. Несмотря на то что страны не сумели добиться своей основной цели, подписания мирного договора, была принята совместная декларация, которая позволила установить дипломатические отношения и сделать первые шаги в налаживании послевоенного сотрудничества.

Ключевые слова: японо-советские отношения; Япония; СССР; переговоры о нормализации; Московские переговоры; Совместная декларация.

This article is devoted to the Moscow negotiations between Japan and the Soviet Union and the signing of a joint declaration. Even though the countries failed to achieve their main goal, the conclusion of a peace treaty, a joint declaration was signed, which allowed them to establish diplomatic relations and make first steps in establishing post-war cooperation.

Keywords: Japanese-Soviet relations; Japan; USSR; normalization negotiations; Moscow negotiations; joint declaration.

Переговоры между Японией и СССР о заключении мирного договора являются одной из ключевых проблем в двусторонних отношениях этих стран в послевоенный период. В советской, как и в российской, историографии этому процессу уделено относительно мало внимания. Исследования ограничиваются анализом основных заявлений СССР по данному вопросу, что делает освящение рассматриваемой темы неполной. В зарубежной историографии также зачастую обходят этот момент стороной, не предавая данному переговорному процессу должного внимания. Тем не менее период японо-советских отношений 1951–1956 гг. представляет особую значимость в истории двух государств, поскольку именно тогда между странами выявились основные противоречия, частично актуальные и по сей день (заключение мирного договора и спорные территории), и одновременно опре-

делились возможные пути нормализации двусторонних отношений. Рассматриваемый в статье период является последним в цепочке переговоров между Москвой и Токио, в который, пускай основные проблемы решены и не были, но официальные контакты установились.

В данном тексте основное внимание сосредоточено на участии Японии в переговорном процессе, определены факторы, способствовавшие принятию того или иного решения, а также раскрыты причины непостоянства внешнеполитического курса этого государства в отношении СССР.

Для понимания изменчивости японской политики необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, в то время правящей была Либерально-демократическая партия (ЛДП), которая была создана 15 ноября 1955 г. и не являлась однородной [1, с. 109]. С самого начала своего основания партия состояла из фракций, единство же обеспечивалось на основе межфракционных компромиссов и в первую очередь по вопросу министерских портфелей. Это все привело к тому, что зачастую в правительстве сидели люди с абсолютно противоположными политическими взглядами. Во-вторых, человек, занимающий пост председателя партии, автоматически становился премьер-министром. Между фракциями велась постоянная борьба за этот пост, создавались внутрипартийные альянсы.

В рассматриваемый период фракции ЛДП были разделены на два лагеря: сторонников и противников премьер-министра Японии И. Хатояма. В первый входили приверженцы более независимой от США внешней политики. Второй лагерь составляли сторонники проамериканского вектора внешней политики. Фракционность ЛДП наложила отпечаток на весь ход переговорного процесса и принятие решений.

Как уже было отмечено выше, Московские переговоры стали завершающим этапом в процессе нормализации отношений между СССР и Японией. В ходе встреч в Лондоне 1955–1956 гг. между сторонами уже были достигнуты определенные компромиссы по ряду вопросов, однако неуступчивость сторон привела к их свертыванию [2, с. 216]. После такого провала японское правительство столкнулось с необходимостью изменения своей политики. В результате встреч стало ясно, что СССР не намерен возвращать Южные Курилы, но при этом настаивал на принятии формулы Аденауэра (нормализация отношений без заключения мирного договора) в решении проблемы.

29 мая 1956 г. премьер-министр И. Хатояма заявил, что приложит усилия по заключению мирного договора. 13 июня правительство определилось с полномочными представителями на переговорах. Ими стали М. Сигэмицу, министр иностранных дел и противник курса Хатояма, и С. Мацумото, который вел лондонские переговоры и был сторонником премьер-министра [3, с. 203]. Местом проведения была выбрана Москва. Назначение Мацумото в состав японской делегации обуславливалось тем, что он имел уже опыт в переговорах с СССР. Кроме того, Мацумото должен был сдерживать

от необдуманных шагов Сигэмицу и в случае необходимости докладывать в Токио.

18 июля через посла в Лондоне было передано сообщение СССР о готовности японского правительства начать переговоры. Советская сторона приняла предложение, назначив полномочным представителем министра иностранных дел Д.Т. Шепилова.

Первое заседание переговоров состоялось 31 июля. Стороны обменялись заявлениями касательно территориальной проблемы. Советская сторона заявила, что уступка Хабомаи и Шикотана – это максимум, который пересмотру не подлежит. Главная же задача встречи – определение формата территориальных вопросов и вопросов о проливах. Японская сторона в лице М. Сигэмицу, в свою очередь, заявила, что откажется от своих претензий на Курилы и Южный Сахалин в обмен на возвращение Южных Курил. М. Сигэмицу настаивал на том, что Кунашир и Итуруп являются неотъемлемой частью территории Японии, аргументируя это положениями Атлантической хартии 1941 г. и Каирской декларации 1943 г. с их принципом отказа от расширения территорий.

Таким образом, японская сторона предложила проект договора, в который были добавлены статьи о возвращении островов после подписания мира и сроках вывода советских войск с обозначенной территории [4, с. 327]. Заявление М. Сигэмицу содержало обновленную японскую позицию по территориальному вопросу. До этого Токио не собирался отказываться от Курил и Южного Сахалина в своих отношениях с СССР, но теперь был готов пойти на уступки в обмен на признание Москвой суверенитета Японии над Кунаширом и Итурупом.

Дальнейшие встречи не принесли никаких результатов. Для того, чтобы разрешить эту тупиковую ситуацию, М. Сигэмицу инициировал встречу с высшим руководством СССР. 10 августа Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев заявили, что СССР не изменит своей позиции. Тогда 11 августа на неформальной встрече советского и японского полномочных представителей М. Сигэмицу представил новый проект, который предусматривал передачу Хабомаи, Шикотана, Кунашира, Итурупа и определение границы по проливам [5]. В ответ Д. Т. Шепилов заявил, что передача Японии Хабомаи и Шикотана является окончательным решением территориальной проблемы. Для японской делегации было очень важно, чтобы СССР не только передал Хабомаи и Шикотан, но также согласился с продолжением переговоров по Итурупу и Кунаширу. На этом настаивали не только в Токио, но и в Вашингтоне, откуда приходили инструкции МИДу Японии [6].

Столкнувшись с жесткой советской позицией, М. Сигэмицу решил принять советские условия без предварительной консультации с правительством, поскольку стремился увеличить свой политический вес в Японии. Это был шаг, которого от него никто не ожидал, ведь фактически его ми-

нистерство всегда было против такого решения. В своей телеграмме в Токио он заявил, что опасается отказа СССР от уступок, если японское правительство не примет советские условия [4, с. 203; 7, с. 336]. С. Мацумото пытался убедить М. Сигэмицу передумать, но тот был непреклонен. И. Хатояма не принял во внимание аргументы министра иностранных дел и 13 августа уведомил японскую делегацию в Москве о негативной позиции кабинета в отношении предложенного СССР варианта разрешения двустороннего кризиса.

С провалом переговоров М. Сигэмицу партийная фракция Хатояма в Токио активизировала свои действия. Премьер-министр решил лично посетить Москву и нормализовать японо-советские отношения с помощью формулы Аденауэра, о чем он заявил 19 августа [8, с. 89; 9]. За это решение И. Хатояма подвергся сильной критике со стороны противников нормализации и даже части своих сторонников [4, с. 361]. Под сильным внутрипартийным давлением он принял решение об отставке после нормализации отношений СССР и назначил своего приемника на посту.

Для возобновления переговоров была проведена серия тайных встреч премьер-министра и его сторонников с советским представительством в Токио. И. Коно, министр сельского и лесного хозяйства, проконсультировался с С. Л. Тихвинским, представителем непризнанной Токио советской дипломатической миссии, после чего японцы внесли свои условия возобновления переговоров в формулировке, предложенной С. Мацумото [4, с. 362].

5 сентября И. Хатояма раскрыл партийным лидерам эти условия: СССР соглашается на прекращение состояния войны; производится обмен послами; осуществляется немедленная репатриация японских заключенных из СССР; вступает в силу соглашение о рыболовстве, заключенное в мае 1956 г.; СССР обязывается поддержать заявку Японии на членство в ООН [2, с. 228]. Также было решено перенести сроки урегулирования территориальной проблемы на период после нормализации отношений [4, с. 363].

11 сентября И. Хатояма направил главе Совета Министров СССР письмо, содержащее перечисленные выше пять условий. 13 сентября Н. А. Булганин согласился возобновить переговоры о нормализации отношений [7, с. 339; 10; 11]. Но в ответе советской стороны было полностью проигнорировано подтверждение продолжения переговоров по территориальной проблеме. Противники премьер-министра заметили этот нюанс, заявив о необходимости признания советской стороной факта нерешенности территориальных вопросов, и настаивали на отправке Мацумото в Москву.

С. Мацумото прибыл в Москву 25 сентября и посетил МИД СССР, встретившись с заместителем министра иностранных дел Н. Т. Федоренко. Тот передал информацию о том, что советское правительство не возражает против проекта Мацумото [4, с. 365; 7, с. 339–340].

В то время как советское согласие было получено, внутренняя борьба в Токио перешла на новый этап. Фактически 20 сентября, сразу после отъез-

да С. Мацумото, экстренное собрание ЛДП приняло новую партийную политику по вопросу нормализации советско-японских отношений, согласно которой Хобомаи и Шикотан должны были быть возвращены немедленно, а возврат Кунашира и Итурупа должен был обсуждаться после заключения мирного договора. Также появилось требование включить в договор положения, которые были достигнуты в результате переговоров в Лондоне и Москве, а переговоры между С. Мацумото и А. А. Громыко были признаны партийным руководством недействительными [12]. Случилось это в силу того, что часть сторонников Хатояма была недовольна ходом переговоров и позицией премьер-министра по вопросу нормализации отношений. Не последнюю роль тут сыграла и поддержка со стороны США сторонников партийной оппозиции.

Несмотря на сильное внутреннее противостояние, 2 октября И. Хатояма провел заседание кабинета министров и принял окончательное решение о своем визите в Москву [13, с. 164]. Политика новых московских переговоров состояла из трех этапов. И. Хатояма поручил делегации на первом этапе попытаться заключить мирный договор. Основным условием для этого было согласие СССР на возвращение Хабомаи и Шикотана немедленно и Кунашира и Итурупа после возвращения Окинавы. Взамен Япония отказывалась от Курил севернее указанных территорий и Южного Сахалина [4, с. 374]. Интересен тот факт, что условием возврата Кунашира и Итурупа стало возвращение Окинавы Японии. Вероятно, так Токио хотел показать, что эти острова не будут использоваться под американские военные базы, как это обстояло с островами Рюкю. Возможно, таким образом японцы намеривались показать, что территория будет демилитаризована.

Вторым этапом была попытка заключить базовую конвенцию в случае отказа от первого предложения. В основные соглашения предлагалось включить следующие положения: прекращение состояния войны и возобновление дипломатических отношений; соблюдение Устава ООН; невмешательство во внутренние дела; коммерческая оговорка; оговорка о рыболовстве; ратификация. Также было рекомендовано приложить совместное коммюнике, предусматривающее репатриацию японских задержанных, советскую поддержку вступления Японии в ООН, а также график будущего заключения мирного договора, включая территориальный вопрос [4, с. 376].

На третьем этапе, в случае отказа СССР от второго предложения, предполагалось разработать обмен нотами и совместное коммюнике. Обмен нотами должен был включать прекращение состояния войны, возобновление дипломатических отношений, выработку основных принципов отношений между двумя странами, статью, устанавливающую график заключения мирного договора, включая территориальный вопрос и ратификацию. Проект Совместного коммюнике предусматривал репатриацию заключенных и советскую поддержку принятия Японией в ООН [4, с. 377].

Условия всех трех этапов указывают на то, что И. Хатояма в любом случае намеревался нормализовать отношения, даже если бы это был простой обмен нотами, ратификация которых парламентом не требуется.

Премьер-министр с делегацией прибыли в Москву 13 октября. Первое пленарное заседание состоялось 15 октября. СССР представил проекты совместной декларации, а также торгового и навигационного протокола в качестве основы для переговоров. Затем обе стороны договорились создать экспертную комиссию для разработки проектов, приемлемых для всех участников переговорного процесса. С. Мацумото был назначен японским представителем в комитете, а А. А. Громько – советским [4, с. 378].

Одновременно японская сторона возобновила прощупывание почвы по вопросу возврата Хабомаи и Шикотана. 16–17 октября состоялись неформальные встречи И. Коно с Н. С. Хрущевым, результатом которых стал проект, переданный Н.Т. Федоренко японской стороне. Проект воплощал идеи Н. С. Хрущева, обозначенные на его встрече с И. Коно: продолжение переговоров о заключении мирного договора после нормализации отношений; передача Хабомаи и Шикотана Японии после заключения мира и возвращения территории Окинавы. Н. Т. Федоренко также предоставил проект *modus vivendi*, который гласил, что Хабомаи и Шикотан будут переданы после заключения мира, даже до возвращения Окинавы [8, с. 86].

18 октября состоялась третья встреча И. Коно и Н. С. Хрущева, на которой японская сторона сделала предложение, содержащее решительную уступку: продолжение переговоров о заключении мирного договора и решении территориальной проблемы после нормализации отношений; передача Хабомаи и Шикотана после заключения мирного договора [4, с. 388; с. 86–87].

Таким образом, после недолгого сопротивления японцы все же приняли условие, являвшееся камнем преткновения: возвращение Хабомаи и Шикотана после заключения мирного договора. Позже по просьбе советской стороны был убран пункт о решении территориальной проблемы после нормализации. Сделано это было для того, чтобы показать, что территориальный вопрос решен. При этом Н. С. Хрущев еще раз заверил японскую сторону в том, что переговоры по Хабомаи и Шикотану продолжатся. Можно предположить, что таким образом советская сторона старалась исключить возможные в будущем обсуждения по Итурупу и Кунаширу, о которых договоренности не было. Японская делегация согласилась с этой поправкой к проекту положения.

Еще одним важным пунктом в ходе переговоров был вопрос о советской поддержке при вступлении Японии в ООН. СССР не возражал против просьбы Токио. Чтобы подтвердить советское обещание, И. Хатояма предложил обменяться письмами с Н. А. Булганиным, что произошло 18 и 19 октября [4, с. 385; 15]. СССР и Япония достигли окончательного соглашения по содержанию Совместной декларации. 19 октября в 17:45 состоялась

церемония подписания. Полномочные представители Японии И. Хатояма, И. Коно и С. Мацумото с японской стороны и Н. А. Булганин и Д. Т. Шепилов с советской стороны подписали Совместную японо-советскую декларацию, а также протокол о развитии торговли, не вызывавший ни у кого особых разногласий [4, с. 385–386; 8].

В Токио реакция на Совместную декларацию была довольно прохладной. Тем не менее и японские политические круги, и общество в целом ее поддержали, и 12 декабря Совместная декларация вступила в силу. В тот же день Совет Безопасности ООН принял резолюцию о вхождении Японии в ООН. 18 декабря Генеральная Ассамблея единогласно признала вступление Токио в качестве ее пятьдесят второго члена. Репатриация задержанных японцев также была осуществлена сразу после вступления в силу Совместного заявления.

Подводя итог переговорному процессу, можно говорить о его неоднозначности. Для Японской политической элиты это был, с одной стороны, политический успех, так как они получили, хоть и временно, поддержку левого лагеря. С другой стороны, внутри правящей партии в ходе переговоров отношения между фракциями сторонников и противников Хатояма сильно обострились, что привело к вынужденной отставке премьер-министра. Но, несмотря на это, новым премьер-министром стал глава одной из фракций сторонников Хатояма и прямой продолжатель его курса Т. Исибаси, что еще раз свидетельствовало о в целом позитивной оценке японскими политическими кругами деятельности Хатояма в переговорном процессе. Несравненным же плюсом для японцев стало то, что благодаря нормализации отношений в силу вступила рыболовная конвенция, которая давала права японским судам на ловлю рыбы в советских территориальных водах.

Для советской стороны успех в переговорах поднял престиж СССР на мировой арене, «смыв» позор Сан-Францисского мира, который не был подписан. Кроме того, СССР сохранил статус-кво и получил нового торгового партнера. Тем не менее, как показывает история, в дальнейшем проблема подписания мирного договора так и не была решена.

Список использованных источников

1. *Лях, М. П.* Становление Либерально-демократической партии в Японии / М. П. Лях // Общество, государство и религии в современном мире: сб. науч. тр. / редкол.: В. С. Кошелев (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2020. Вып. 3. – С. 106–110.
2. *Foreign Relations of the United States, 1955–1957: in 27 vol.* / ed. board: J. P. Glennon (Gen. ed.) [etc.]. – Washington: US Government Printing Office, 1985–1992. – Vol. 23, pt. 1: Japan / D.W. Mabon [etc.]. – 1991. – 585 p.
3. *Маркарьянц, С. Б.* Независимая дипломатия Хатояма Итиро / С. Б. Маркарьянц // Ежегодник Японии. – 2016. – № 45. – С. 181–207.
4. *Tanaka, T.* The Soviet-Japanese normalization talks in 1955–56: With special reference to the attitude of Britain.: PhD thesis / T. Tanaka. – London: ProQuest, 1990. – 435 p.

5. Nisso heiwa jōyaku-an (Nipponkoku to sovieto shakai shugi kyōwakoku renpō to no ma no heiwa jōyaku) (Проект японо-советского мирного договора) // Sekai to Nihon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPRU/19560814.T1J.html>. – Дата доступа: 20.01.2022.

6. Dulles' Comments on the Japan-Soviet Negotiations, Memorandum of a Conversation Between Secretary of State Dulles and Foreign Minister Shigemitsu // Sekai to Nihon [Electronic resource]. – Mode of access: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPRU/19560819.O1E.html>. – Date of access: 20.01.2022.

7. *Кутаков, Л. Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии / Л. Н. Кутаков. – М.: Из-во «Международные отношения», 1964. – 535 с.

8. *Панов, А. Н.* Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации / А. Н. Панов // Японские исследования. – 2019. – № 2. – С. 63–94.

9. Japanese-Soviet Negotiations, Memorandum of a Conversation // Sekai to Nihon [Electronic resource]. – Mode of access: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPRU/19560907.O2E.html>. – Date of access: 20.01.2022.

10. Nisso kōshō ni kansuru hatoyama ichirō burugānin gyō shushō ōfuku shokan, sōri daijin kara sovieto renpō kakuryō kaigi gichō ni ateta shokan (Письма Итиро Хатоямы и Булганина о японо-советских переговорах, письмо премьер-министра председателю Совета Министров Советского Союза) // Sekai to Nihon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPRU/19560911.O1J.html>. – Дата доступа: 20.01.2022.

11. Nisso kōshō ni kansuru hatoyama ichirō to burugānin gyō shushō ōfuku shokan, sovieto renpō kakuryō kaigi gichō kara sōri daijin ni ateta shokan (Письма Итиро Хатоямы и Булганина о японо-советских переговорах, письмо председателя Совета Министров Советского Союза премьер-министру) // Sekai to Nihon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPRU/19560913.O1J.html>. – Дата доступа: 20.01.2022.

12. Ryōdomondai o fukumu heiwa jōyaku no teiketsu kōshō ni kansuru matsumoto shun'ichi to Guromuiko gyō zenken to no ōfuku shokan (Письмо Стунити Мацумото и Громыко относительно переговоров о заключении мирного договора, включая территориальные споры) // Sekai to Nihon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPRU/19560929.O1J.html>. – Дата доступа: 20.01.2022.

13. *Петров, Д. В.* Внешняя политика Японии после Второй мировой войны / Д. В. Петров. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1965. – 400 с.

14. Nisso kokkō kaifuku kyōdō sengen chōin (Восстановление дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом. Подписание совместной декларации.) // NHK [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www2.nhk.or.jp/archives/tv60bin/detail/index.cgi?das_id=D0009030016_00000. – Дата доступа: 20.01.2022.

15. Nipponkoku to sovieto shakai shugi kyōwakoku renpō to no kyōdō sengen / Gaikō seisho (Совместная декларация Японии и Союза Советских Социалистических Республик) // Gaimushō [Электронный ресурс]. – 1957. – № 1. – Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1957/s32-shiryō-001.htm>. – Дата доступа: 20.01.2022.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алексашина Г. В.</i> МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	3
<i>Альховік М. К.</i> АСАБЛІВАСЦІ САВЕЦКАЙ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ПАЛІТЫКІ Ў БССР У 1933–1937 ГГ.	12
<i>Антановіч З. В.</i> ОРГАНЫ ЕПАРХІЯЛЬНАГА КІРАЎНІЦТВА ХРЫСЦІЯНСКІХ КАНФЕСІЙ НА БЕЛАРУСІ Ў ГІСТАРЫЯГРАФІІ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.	20
<i>Афанасенко Ю. Ю.</i> «ВАРЯЖСКАЯ МИССИЯ» НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ: МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.....	29
<i>Багдановіч А. І.</i> «ВЫПАДКОВЫЯ ЛЮДЗІ» У ПАЎСТАННІ 1863–1864 ГГ.	38
<i>Бароўская В. М.</i> БЕЛАРУСКАЕ ПЫТАННЕ НА МІЖНАРОДНАЙ АРЭНЕ 1918–1921 гг.	45
<i>Булатая В. Ю.</i> АНАЛІЗ ПУБЛІКАЦЫЙ НА КАНФЕСІЙНУЮ ТЭМАТЫКУ НА СТАРОНКАХ БЕЛАРУСКАМОЎНАЙ КАТАЛІЦКАЙ ПРЭСЫ (1921–1939).....	51
<i>Булаты П. Ю.</i> АКАЛІЧНАСЦІ АТРЫМАННЯ САСЛОЎНАГА ТЫТУЛА СВЯТОЙ РЫМСКАЙ ІМПЕРЫІ МІКАЛАЕМ МІКАЛАЕВІЧАМ РАДЗІВІЛАМ У XVI СТ.	59
<i>Бусько С. И.</i> ИСТОРИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА БЕЛАРУСИ (1861–1914): ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	67
<i>Ван Чунхуа</i> КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1969–1971 ГГ.	76
<i>Величко Н. В., Кузнецов И. В.</i> «НОВЫЙ КУРС» Ф. РУЗВЕЛЬТА В ОЦЕНКАХ ПОПУЛЯРНЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ШКОЛ.....	84
<i>Воронич Т. В.</i> ДОХОДЫ И РАСХОДЫ УЕЗДНОГО ГОРОДА ГОМЕЛЯ (1875–1913 ГГ.)	92
<i>Гаврилов В. И.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАНЦИИ И США ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В 1995–2002 ГОДАХ	99

<i>Гецевич А. К.</i> КОММУНАЛЬНЫЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ В КРЕДИТНО-БАНКОВСКОЙ СТРУКТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1921–1939 ГГ.).....	107
<i>Головач Е. И.</i> ОТНОШЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ПАРТИЙ К ОТКРЫТИЮ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА	115
<i>Довнар Л. А.</i> КОЛИЧЕСТВО И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПЕРИОД НЭПА В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ.....	123
<i>Друзенюк О. В.</i> ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИН В БССР (1944–1965 ГГ.)	130
<i>Ерашэвіч А. У.</i> ФІНАНСАВАННЕ СУПРАЦЬЭПІДЭМІЧНЫХ МЕРАПРЫЕМСТВАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ РАСІЙСКАЙ ІМПЕРЫІ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТ.	139
<i>Зубарев А. В.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И РАСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА М. ТЭТЧЕР (1979–1983 ГГ.).....	150
<i>Зянько А.</i> СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ ТУРЫСТЫЧНАЙ І ЭКСКУРСІЙНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТ. У БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ	159
<i>Кандраценка А. С.</i> НЯМЕЦКАЯ ПАРТЫЯ І ЯЕ ЎПЛЫЎ НА СТАНОВІШЧА КАРПАЦКІХ НЕМЦАЎ У СЛАВАЦКАЙ РЭСПУБЛІЦЫ Ў ГАДЫ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ	167
<i>Келлер О. Б.</i> МАССОВЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НЕМЦЕВ В РОССИЮ В XVIII–XIX ВВ.....	175
<i>Киселев А. А.</i> ЖАЛОВАНИЕ ЧИНОВ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В КОНЦЕ ХІХ – НАЧАЛЕ ХХ ВВ.	181
<i>Кірыленка В. В.</i> ГІСТАРЫЯГРАФІЯ РАСІЙСКАЙ АГРАРНАЙ ПАЛІТЫКІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ АПОШНЯЙ ЧВЭРЦІ ХVІІІ – ПАЧАТКУ ХІХ СТ.	190
<i>Климко М. К.</i> ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ.....	202

<i>Козловская Н. В.</i> ШЛЯХТА В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО XV–XVI ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР.....	210
<i>Косенко А. А.</i> ПРОИЗВОДСТВО ДОЗНАНИЙ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПОЛИЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1860–1917 ГОДАХ.....	223
<i>Космач П. Г.</i> РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ТЕРРИТОРИИ США (1861–1865).....	230
<i>Косов А. П.</i> РОССИЯ И США: АМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР В ДИПЛОМАТИИ И. С. ИВАНОВА.....	237
<i>Косяк Н. А.</i> ПРАКТИКА ЛЮСТРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1991–1999 ГГ.).....	246
<i>Кошелева Н. В.</i> ВКЛАД СЕЙИДА ХОССЕЙНА НАСРА В ИСЛАМИЗАЦИЮ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В США.....	254
<i>Крэньць М. А.</i> КАНТРЫБУЦЫЙНЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ ЎРАДА РАСІЙСКАЙ ІМПЕРЫІ (1863–1896): МЕТАДАЛОГІЯ І МЕТОДЫКА АНАЛІЗУ.....	261
<i>Кузьма Д. І.</i> РОЛЯ М. КАЯЛОВІЧА І І. АКСАКАВА Ў АРГАНІЗАЦЫІ АХВЯРАВАННЯЎ ДЛЯ БЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ У 1860-Я ГАДЫ.....	269
<i>Кукса А. Н.</i> ГОМЕЛЬСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ (1929–1932 ГГ.).....	276
<i>Кухарчик Ю. С.</i> ГЕОГРАФИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ДРЕВНЕИРАНСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ.....	284
<i>Лавринович М. А.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТИ О СОЦИАЛИЗМЕ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЧЕШСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ ПОСЛЕ 1989 Г.	291
<i>Лепеш А. В.</i> ПЕРАСЯЛЕНЧАЯ ПАЛІТКА РАСІЙСКАГА ЎРАДА Ў ДАЧЫНЕННІ ДА АДНАДВОРЦАЎ ЗАХОДНІХ ГУБЕРНЯЎ У 30–40-Х ГГ. XIX СТ.	299
<i>Литвиновская Ю. И.</i> ТИЛЬЗИТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1807 ГОДА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО.....	306
<i>Лицкевич О. В.</i> ДЕЛИМИТАЦИИ И ДЕМАРКАЦИИ ГРАНИЦЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С ЛИВОНИЕЙ В XIV–XV ВВ.: ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ.....	313

<i>Лішай Д. У.</i> ДЗЕЙНАСЦЬ ТАЙНЫХ ПОЛЬСКИХ САЮЗАЎ «РУЖА» НА ТЭРЫТОРЫІ МІНСКАЙ ГУБЕРНІ Ў 1912 Г.	322
<i>Лопушанский И. Ю.</i> БОГ МАРДУК И ЕГО ВОЗВЫШЕНИЕ В ВАВИЛОНСКОМ ПАНТЕОНЕ II ТЫС. ДО Н. Э.....	330
<i>Луговик Т. В.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. Ю. СПАССКОЙ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАСТЕРСКИХ И АРТЕЛЕЙ ВО ВРЕМЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	338
<i>Лукашевич А. М.</i> ЗАБЫТЫЙ РЕФОРМАТОР: ЛИТОВСКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ ГУБЕРНАТОР ИВАН ФРИЗЕЛЬ (1798–1801 ГГ.).....	344
<i>Ляпешкин Я. М.</i> УЗАЕМАСУВЯЗІ ГУБЕРНАТАРА 3 ВЦЭ-ГУБЕРНАТАРАМ У БЕЛАРУСІ (1864–1917 ГГ.).....	355
<i>Лях М. П.</i> МОСКОВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И НОРМАЛИЗАЦИЯ ЯПОНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1956 Г.	364

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 22

В четырех частях

Часть 1

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Редактор *А. И. Кизик*

Компьютерная верстка *Н. М. Лазар*

Подписано в печать 27.07.2022. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 21,86. Уч.-изд. л. 28,03. Тираж 100 экз. Заказ 69.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.